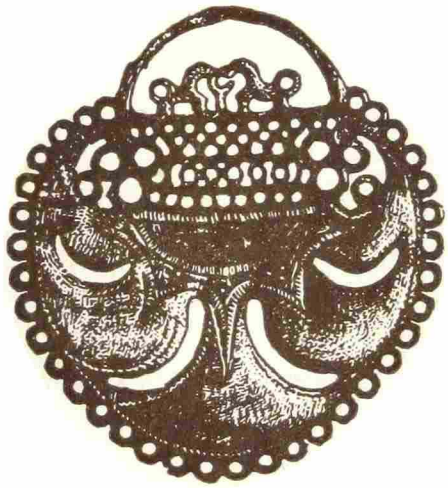
ISSN 0038—5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1979

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева* (зам. главного редактора), *А. А. Формозов*

СОДЕРЖАНИЕ

Третьяков В. П. (Ленинград). Варианты волосовских древностей 5
Андреева М. В. (Москва). Об изображениях на серебряных майкопских сосудах 22
Кузьмина Е. Е. (Москва). О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц 35
Пронин Г. Н. (Москва). Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа 47
Фролов И. К. (Москва). О домостроительстве первой половины I тысячелетия н. э. на территории Подесенья и Поочья 63
Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. (Москва, Ленинград). Древний Смоленск 73

Публикации

Зайберт В. Ф. (Москва). Памятники каменного века Петропавловского Приишимья 89
Масимов И. С. (Ашхабад). Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба 111
Ильюков Л. С. (Ростов-на-Дону). Курган бронзового века на Миусском полуострове 132
Казаков Е. П. (Казань). Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии 145
Виноградов В. Б., Дударев С. Л. (Грозный). Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии 161
Кахидзе А. Ю. (Батуми). Древнегреческий могильник Пичвнари (IV в. до н. э.) 171
Воронов Ю. Н., Юшин В. А. (Сухуми). Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) 181
Швецов М. Л. (Донецк). Половецкие святилища 199
Значко-Яворский И. Л. (Ленинград). Исследование строительных растворов церкви 1023 г. в Тмутаракани 210
Буров В. А. (Москва). Заметки о новгородских берестяных грамотах . . . 218
Рябинин Е. А. (Ленинград). Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) 228

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1979 г.

Заметки

Журавлев А. П., Горлов В. И. (Петрозаводск). Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы (Карелия) 245
Хлопина Л. И. (Ленинград). Керамические орудия эпохи бронзы Южной Туркмении 248
Бобров В. В. (Кемерово). О бронзовой поясной пластине из тагарского кургана 254
Заец И. И. (Винница). Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тютьки Винницкой области 256
Раев Б. А. (Ленинград). Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин 260
Онайко Н. А. (Москва). К художественно-технической характеристике золотых оттисков 263
Копыл А. Г., Татаринов С. И. (Артемовск). Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце 267
Кляшторный С. Г. (Ленинград). Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки 270
Мужухоев М. Б. (Грозный). Храм Алби-Ерды 275

Критика и библиография

Виноградов А. В. (Москва). Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976 281
Бибиков С. Н. (Киев). Массон В. М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики), МИА, № 180, Л., 1971; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976 . . 294
Краснов Ю. А. (Москва). Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976; Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977 299
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. (Москва, Ленинград). [Рец.]. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии . . . 303
Шнирельман В. А. (Москва). [Рец.]. Archaeozoological studies: papers of the archaeozoological conference 1974, Amsterdam, 1975 313

Хроника

Мария Захаровна Паничкина 318
От Отдела полевых исследований 319

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1

1979

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Tretiakov V. P. (Leningrad). Variants of Volosovo culture 5
Andreieva M. V. (Moscow). The designs on silver Maikop vessels 22
Kuzmina E. E. (Moscow). Two finger rings from the treasure of the Oxus with queen's portraits 35
Pronin G. N. (Moscow). Some problems of the Pochep type sites 47
Frolov I. K. (Moscow). Housebuilding of the first half of the Ist millenium A. D. in the Desna and Oka basins 63
Voronin N. N., Rappoport P. A. (Moscow, Leningrad). Ancient Smolensk 73

Publications

Zaibert V. F. (Moscow). Stone age sites of the Ishim basin (Petropavlovsk region, North Kazakhstan) 89
Masimov I. S. (Ashkhabad). On the Bronze Age sites of the lower Murgab 111
Ilyukov L. S. (Rostov-on-Don). The Bronze Age barrow on the Miuss peninsula 132
Kazakov E. P. (Kazan). Cherkaskul culture sites in the east of the Tatar Republic 145
Vinogradov V. B., Dudarev S. L. (Grozni). Materials on the pre-Scythian period in Checheno-Ingushetia 161
Kakhidze A. Yu. (Batumi). Pitchvnari — Greek cemetery of IV century B. C. 171
Voronov Yu. N., Yushin V. A. (Sukhumi). The early stage (II—IV centuries A. D.) of the cemeteries of the Tzebelda culture (Abkhasia) 181
Shvetzov M. L. (Donetzk). The Polovetz shrines 199
Znachko-Yavorski I. L. (Leningrad). Research of the mortars used in the construction of Tmutarakan church built in 1023 210
Burov V. A. (Moscow). Notes on Novgorod birch-bark charters 218
Riabinin E. A. (Leningrad). The Vladimir barrows (research of the materials of the 1853 excavations) 228

Notes

Zhuravliev A. P., Gorlov V. I. (Petrozavodsk). Petrographic research of the shale tools from Pegrema site (Karelia) 245
Khlopina L. I. (Leningrad). The Bronze Age ceramic tools from South Turkmenia 248
Bobrov V. V. (Kemerovo). On the bronze belt plate from the Tagar barrow 254
Zaietz I. I. (Vinnitza). The group of early Scythian barrows at the village of Tyutki (Vinnitza region) 256
Raiev B. A. (Leningrad). The Sarmatian grave in the barrow near the village of Arpachin 260
Onaiko N. A. (Moscow). On the aesthetic and technical features of golden imprints 263
Kopyl A. G., Tatarinov S. I. (Artiomovsk). The excavations of the fortified settlement Maiaki (North Donetz River) 267
Kliashtorni S. G. (Leningrad). The Khazar inscription on amphora from the fortified settlement Maiaki 270
Muzhukhoiev M. B. (Grozni). The Albi-Yerdy temple 275

Reviews and bibliography

Vinogradov A. V. (Moscow). Matiushin G. N. South Urals mesolithic. Moscow, 1976 281
Bibikov S. N. (Kiev). Masson V. M. The settlement of Djeitun (On the formation of production economy). MIA No 180, Leningrad, 1971; Masson V. M. Economics and the social structure af ancient societies. Leningrad, 1976 . . 294
Krasnov Yu. A. (Moscow). Yanushevich Z. V. Paleobotanic studies of the cultivated plants of the South-West of the USSR. Kishinev, 1976; Lisitsina G. N., Prishchepenko L. V. Paleoethnobotanic finds in the Caucasus and the Near East. Moscow, 1977 299
Beletski S. V., Lesman Yu. M. (Moscow, Leningrad). A rewiew of new publications of materials from the excavations of the medieval towns in Byelorussia 303
Shnirelman V. A. (Moscow). Rewiew. Archaeozoological studies and papers of the Archaeozoological conference 1974. Amsterdam, 1975 313

Chronicle

M. Z. Panichkina 318

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.10.78 Подписано к печати 29.12.78 Т-18395 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Уч.-изд. л. 31,2 Бум. л. 10,0 Тираж 3490 экз. Зак. 1034

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ВАРИАНТЫ ВОЛОСОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

В нашей статье «В защиту единства волосовских древностей» [1] отстаивалась точка зрения, согласно которой волосовские памятники нельзя подразделять на разнокультурные группы. Тем не менее мы отмечали, что волосовские материалы в различных регионах Европейской части СССР не однородны, возможна постановка вопроса об их вариантах. Этой проблеме и посвящается настоящая работа, основанная на анализе керамики и орудий труда волосовских памятников [2].

Прежде всего рассмотрим материалы волосовских памятников Средней Волги и поречья Оки. На этой территории в пределах Среднего Поволжья расположены такие стоянки, как Обсерватория III, Сумская I, Займище III. Несколько западнее находятся поселения Руткинское, Майданское, III Удельно-Шумецкое, Токаревское, Уржумкинское, Ахмылово II и др.[3] На Оке и в низовьях Клязьмы известны поселения: Гавриловка I, Володары, Халамониха, Подборица-Щербининская, Садовый Бор, Волосово, Панфилово. Самыми западными на Оке являются поселения у дер. Ибердус и Владычино [4]. Перечисленные стоянки Средней Волги и поречья Оки содержат наиболее многочисленные коллекции волосовской керамики и орудий труда среди памятников этого региона.

Керамика изготавливалась от руки, ленточным способом. В глиняное тесто добавлялась растительная примесь и толченая раковина. Толщина

---

[1] *Третьяков В. П.* В защиту единства волосовских древностей.— СА, 1975, № 4.

[2] Статья представляет собою сокращенный и доработанный текст доклада, сделанного автором на Секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в феврале 1970 г.

[3] *Халиков А. Х.* Неолитические памятники в казанском Поволжье.— МИА, № 61, 1958; *его же.* Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— Тр. Марийской археологической экспедиции, т. 1. Йошкар-Ола, 1960. *Третьяков В. П.* Майданская стоянка волосовской культуры.— СА, 1970, № 3; *Архипов Г. А., Никитин В. В.* Уржумкинское поселение.— В сб.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977; *Никитин В. В.* Ахмыловское II поселение.— Там же.

[4] *Дверкова И. К.* Стоянка Володары.— КСИИМК, № 20, 1948; *ее же.* Неолитические жилища стоянки Володары.— СА, 1958, № 2; *ее же.* Стоянка Подборица-Щербининская.— СА, 1961, № 2; *ее же.* Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки.— МИА, № 110, 1963; *Селезнев Ф. Я.* Приокские древнейшие поселения.— Тр. Владимирского музея, вып. III. Владимир, 1928; *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период, т. 1, 2. М., 1881; *Кудрявцев П. П.* К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки.— Тр. СПб. Общества естествоиспытания, т. XIV, вып. 1. СПб., 1883; *Иверсен В. М.* Новые вещи Волосовской стоянки доисторического человека.— ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903; *его же.* Заметка о Волосовской стоянке. Вестник археологии и истории, т. XIII. СПб., 1900; *Спицын А. А.* Из собрания Н. К. Рериха.— ЗОРСА, т. VII, вып. 2, 1907; *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, т. XXIV, М., 1914; *его же.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.— Тр. Владимирского музея, вып. II. Владимир, 1926; *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970; *Мансуров А. А., Бадер О. Н.* Археологическая карта окрестностей Касимова.— В сб.: Археология Рязанской земли. М., 1974; *Третьяков В. П.* Волосовская керамика Панфиловской стоянки.— СА, 1967, № 1; *Bader O.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.— ESA, 1924, № 4.

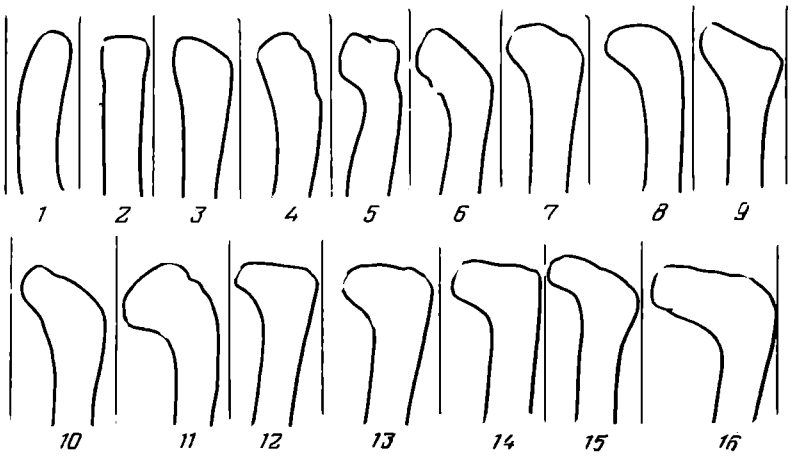


Рис. 1. Венчики волосовских сосудов с поселений средней Волги и поречья Оки. Номера на рис. соответствуют цифрам в верхней графе табл. 1

стенок колебалась в среднем от 0,8 до 1,5 *см*. Форма керамических изделий варьировала на различных памятниках: неодинаковы венчики, донышки, профили стенок. На рис. 1 и табл. 1 показаны основные виды венчиков волосовских сосудов и дана эволюция прямых и загибающихся внутрь сосуда венчиков, постепенно изменяющих форму. Утолщение на краях венчиков, намечающийся их изгиб отражают процесс возникновения типичных Г-образных волосовских венчиков.

Наиболее простые типы керамики обнаружены на Токаревской и III Удельно-Шумецкой стоянках. Здесь представлены прямые и загибающиеся внутрь сосуда венчики, а также слегка изогнутые с утолщением в верхней части. Более сложные по форме венчики сосудов найдены на Волосовской стоянке. В комплексах керамики с раковинной примесью на поселениях Володары I и Панфилово I [5] кроме вышеперечисленных типов есть венчики, приближающиеся по форме к Г-образным. На стоянках Сумская, Займище III и Владычино обнаружены еще более сложные виды венчиков. Типично Г-образные волосовские венчики найдены на поселениях Майданское, Садовый Бор, Руткинское, Уржумкинское, Володары II (комплекс керамики с растительной примесью). К последней группе волосовских памятников мы отнесли Ахмылово II, Халамониху, Панфилово II (комплекс керамики с растительной примесью) и Подборицу-Щербининскую [6].

Донышки волосовских сосудов по форме делятся на три типа: округлые (Волосовская стоянка), уплощенные (Руткинская, Уржумкинская, Панфиловская I и II, Ахмылово II, Подборица-Щербининская, Владычино, Володары I и Халамониха), плоские (Панфиловская, Уржумкинская, Майданская, Подборица-Щербининская, Ахмылово II, Халамониха) (табл. 2).

Учитывая типы венчиков и днищ, а также стенки — плоские и выпуклые, можно реконструировать и форму волосовских сосудов. Один такой сосуд был склеен из фрагментов керамики, собранной при исследовании Волосовской стоянки (материалы ГИМ). Он имел округлое дно, прямые стенки и венчик. Более сложную форму имели сосуды со стоян-

[5] Материалы поселений Володары и Панфилово подразделены нами на два комплекса каждый (Володары I и II; Панфилово I и II) по типологическим особенностям, прослеженным в керамике. См. *Третьяков В. П.* Волосовская керамика Панфиловской стоянки, с. 233—235.

[6] На поселениях Холомониха и Уржумкинское были обнаружены и Т-образные венчики, характерные, как мы увидим ниже, для северных волосовских памятников.

Таблица 1

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
III Удельно-Шумецкая	+	+	+					+								
Токаревская	+			+		+		+								
Волосово			+	+	+	+	+	+		+						
Володары I	+	+	+			+		+					+			
Панфилово I			+	+	+		+						+			
Сумская		+			+			+	+			+		+		
Займище III			+				+	+					+	+		
Владычино					+	+	+	+			+		+	+		
Майданская	+	+					+					+	+	+	+	
Володары II	+	+	+			+		+		+					+	
Руткинская	+	+	+	+		+	+				+				+	
Садовый Бор			+	+		+				+					+	
Уржумкинская	+	+		+		+	+	+		+	+		+	+	+	
Ахмылово II	+	+		+						+			+	+	+	
Панфилово II		+	+	+			+			+					+	+
Подборица-Щербинин-ская		+		+			+		+	+		+	+		+	+
Халамониха	+			+			+			+			+	+	+	+

Таблица 2

Памятник	Типы днищ		
	округлое	уплощенное	плоское
Волосово	+		
Руткинская		+	
Панфилово I		+	
Володары I		+	
Владычино		+	
Майданская	+		+
Уржумкинская	+	+	+
Ахмылово II	+	+	+
Подборица-Щербинин-ская		+	+
Панфилово II		+	+
Халамониха		+	+

ки Подборица-Щербининская, реконструированные И. К. Цветковой[7]. Один из них имел уплощенное дно, выпуклые стенки и слегка отогнутый наружу венчик. Два других были более сложной формы: мы видим тщательно изготовленные плоские днища, выпуклые стенки и несколько отогнутый, а во втором случае Г-образный венчик.

Орнаментация волосовских сосудов очень разнообразна; на рис. 2 (и табл. 3) представлены основные виды ее композиций. К ним относятся ряды коротких, прямо или наклонно нанесенных оттисков гребенчатого штампа, расположенных в различных сочетаниях; вертикальные зигзаги, изготовленные из отпечатков гребенки или гладкого штампа. В ряде случаев зигзагообразные линии наносились длинными и короткими оттисками, что придавало им оригинальную форму. Очень часто волосовцы украшали свои сосуды рядами горизонтальных поясков, исполненных нарезками или отпечатками штампов. Кроме того, для волосовской керамики характерны рисунки из рядов насечек, небольших кружков, ямок — округлой, овальной или неопределенной формы. На многих стоянках этой культуры обнаружена керамика, украшенная мотивами «шагающей гре-

[7] *Цветкова И. К.* Стоянка Подборица-Щербининская, с. 180.

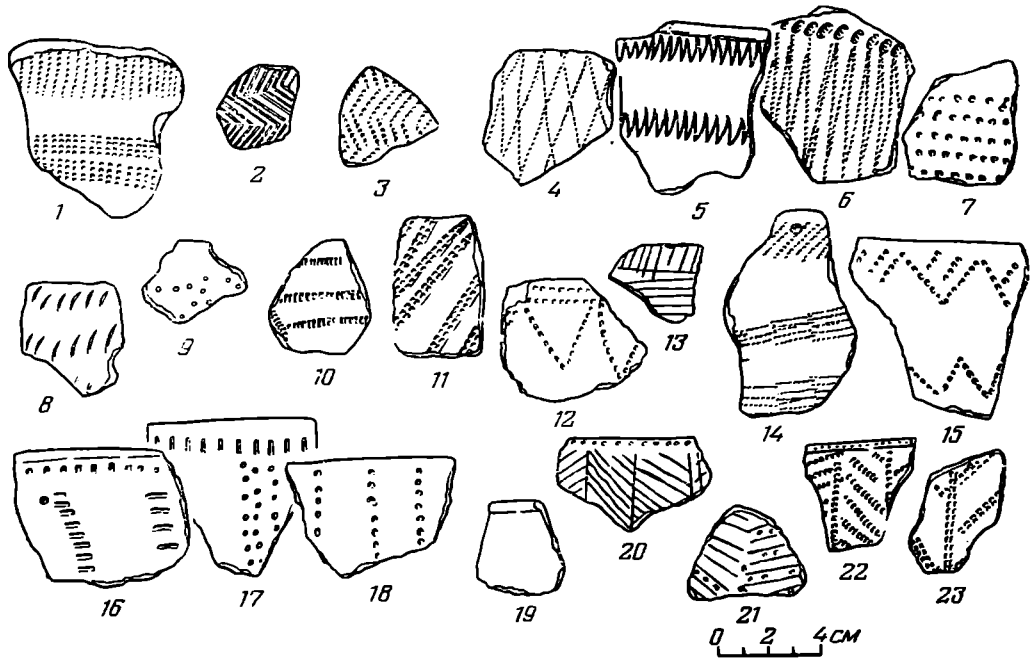


Рис. 2. Орнаментация волосовской керамики. Номера на рис. соответствуют цифрам в верхней графе табл. 3

бенки» или «шагающего» гладкого штампа; рисунками, представляющими собой горизонтальные зигзаги из мелких ямок или оттисков гребенки, а также рядов треугольников (иногда с заштрихованным внутренним полем) и перекрещивающихся полос, образующих сетку. Встречаются также рисунки из сочетаний горизонтальных и вертикальных линий; состоящие из горизонтального ряда коротких, наклонно нанесенных оттисков гребенки и опускающихся вниз длинных полос, также выполненных гребенчатым штампом. Кроме перечисленных выше орнаментальных композиций керамика волосовской культуры украшалась и такими специфически волосовскими мотивами, как оттиски «рамчатого» штампа, расположенные в различных сочетаниях (зигзаги, «елочка» и т. д.), «елочка со стеблем». Интересен и мотив из горизонтальных линий, выполненных вдавлениями разной формы, нанесенных под венчиком сосуда и опускающихся вниз фестонов из округлых или овальных ямок. Все перечисленные выше волосовские орнаменты сведены нами в табл. 3, в начале которой помещены узоры несложных древних типов, характерные еще для керамики волго-камского неолита, далее идут мотивы геометрических очертаний и затем, как нам кажется, типично волосовские композиции (фестоны, «елочка со стеблем» и т. п.); единичные находки отмечены в табл. 3 звездочкой.

Отмеченные выше мотивы на разных поселениях встречаются в различных сочетаниях. Самые простые узоры можно отметить на Токаревской и III Удельно-Шумецкой стоянках. Здесь мы видим вертикальные зигзаги, выполненные прочерченными линиями и гребенчатым штампом; орнаменты в виде «шагающей гребенки», оттисков гладкого штампа, ямок, нарезок, пересекающихся линий, нанесенных гребенкой и образующих сетку рядов коротких вертикальных или наклонных оттисков штампа.

К следующей группе волосовских поселений относятся стоянки Волосово, Панфиловская I и Сумская. Кроме узоров, характеризующих керамику Токаревской и III Удельно-Шумецкой стоянок, на сосудах с этих поселений представлены композиции из кружков, горизонтальных рядов треугольников и зигзагов, прочерченных линий, рядов коротких оттисков гребенки и опускающихся вниз длинных полос. Интересно, что на ука-

Таблица 3

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Токаревская	+	+	+	+	+	+					*				*								
III Удельно-Шумецкая	+		+	+			+	+					+		*								
Панфилово I	+		+		+	+		+	+			+	+	+	+	+							
Сумская	+		+	+		+		+								+							
Волосово	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+				+							
Майданская	+			+			+			+	*		+	+		+							
Руткинская	+			+		+		+		+									+			+	
Займище III	+	+	+	+						+		+							+	+			
Володары I	+	+	+	+		+	+		+	+	+		+										
Володары II	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+						+	+	+		+
Владычино	+		+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+		+		
Уржумкинская	+	+	+	+			+			+			+	+					+		+	+	
Ахмылово II	+		+	+		+	+	+		+	*	+		+			+	+	+	+	+	+	+
Подборица-Щербинин-ская	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+						+	+	+	+	+
Панфилово II	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+		+	+	+
Садовый Бор	+		+				+	+		+	+									+	+	+
Халамониха	+	+	+				+		+	+	+		+						+	+	+	+	+
Станок I	+	+	+	+		+	+			+	+												
Рождественская	+	+	+				+		+		+												
Языково	+	+	+	+			+		+	+	+												
Николо-Перевоз	+	+	+				+				+												
Модлона I	+		+			+				+	+												
Модлона II	+	+	+			+			+		+												
Сахтыш	+	+	+				+				+												
Борань	+	+	+				+		+	+	+												
Большое Буньково	+	+	+				+				+												
Вашутино	+		+	+		+	+				+												
Бологое	+		+				+	+			+												
Кончанскоо	+		+				+				+												

занных трех поселениях появляется керамика, украшенная специфическим волосовским орнаментом: «рамчатым штампом» и рядами вдавлений, расположенных под венчиком сосуда, а также опускающихся вниз фестонов.

Выделяется группа таких стоянок, как Займище III, Руткинская, Майданская, Уржумкинская, Володары I и II, Владычино. На керамике этих поселений представлены кроме перечисленных выше узоры в виде «елочки со стеблем», выполненные гребенчатым и рамчатым штампом, нарезками и т. п. Известны также и неорнаментированные венчики.

К последней группе волосовских памятников на Оке и Средней Волге относятся стоянки Халамониха, Садовый Бор, Панфиловская II, Подборица-Щербининская, Ахмылово II. Отличительной чертой керамики этих стоянок является значительное количество и разнообразие мотивов «елочки со стеблем», особенно на поселениях Халамониха и Садовый Бор.

Итак, проведенный анализ керамики и ее орнаментации позволил нам в каждом случае рассматривать волосовские памятники по отдельным категориям. Интересной оказалась группировка поселений, проведенная по формам венчиков и типов орнамента сосудов. Наиболее простые виды венчиков и орнаментальных мотивов обнаружены при исследовании таких стоянок, как Токаревская и III Удельно-Шумецкая. Далее следуют Панфиловская I и Волосовская, Володары I и Сумская. Постепенно форма и украшение сосудов усложняется, что можно отметить при анализе керамики с поселений Володары II, Майданское, Руткинское, Владычино, Уржумкинское, Займище III. Наиболее сложные виды волосовской керамики можно видеть на стоянках Садовый Бор, Панфиловская II, Подборица-Щербининская, Ахмылово II. Таким образом, рассмотренные материалы в значительной степени коррелируют друг с другом, отражая единообразное изменение форм венчиков и орнаментации сосудов на одних и тех же стоянках (см. рис. 1 и 2). Этому соответствуют и изменения формы дна сосудов. Эти находки, к сожалению, довольно редки. Здесь нет, в частности, материалов Токаревского и III Удельно-Шумецкого поселений, материалы которых даны в начале двух предыдущих таблиц. Наиболее простые формы донышек отмечены при исследовании Волосовской стоянки, которая, как мы видели, следовала сразу же за Токаревской и III Удельно-Шумецкой. Днища уплощенной формы найдены на таких памятниках, как Халамониха, Панфилово I и II, Володары I, Подборица-Щербининская, Владычино и Руткинская, Уржумкинская и Ахмылово II. Тщательно изготовленные плоские донышки найдены на Майданской, Панфиловской II, Уржумкинской, Подборица-Щербининской стоянках, а также на Халамонихе и в Ахмылово II.

Таким образом, закономерность в целом повторяется, а это, по-видимому, дает нам право сделать определенные выводы относительно хронологии волосовских памятников. Наиболее ранними представляются стоянки с наиболее простой орнаментацией и несложной формой сосудов — Токаревская и III Удельно-Шумецкая; за ними следует Панфилово I и Волосово. К этой же второй группе относится, по-видимому, и Сумская стоянка. Более поздними следует считать Займище III, Руткинскую, Майданскую, Уржумкинскую стоянки, Володары II, Владычино. Материал, объединенный нами под названием стоянки Володары I, трудно с какой-либо долей определенности отнести только лишь ко второй или третьей стадии. Скорее всего это памятник переходного типа. К заключительному периоду волосовских древностей мы относим поселения Панфилово II, Подборицу-Щербининскую, Халамониху и, по-видимому, Ахмылово II. Стоянка Садовый Бор по орнаментации керамики очень близка к памятникам четвертого периода, однако форма сосудов сближает ее с поселениями типа Володары II, Руткинское и Майданское, что позволяет предполагать, что Садовый Бор — памятник переходного типа между стоянками третьего и четвертого этапов.

Предлагаемая относительная периодизация волосовских стоянок более подробна по сравнению с этапами волосовской культуры, выделенными в свое время А. Я. Брюсовым и И. К. Цветковой [8], поскольку нами были использованы материалы более широкого круга памятников, в частности памятников Среднего Поволжья, где автор и усматривает самые ранние волосовские поселения. Наша периодизация ближе, хотя и не идентична тому, что предлагает А. Х. Халиков [9], сторонник разделяемой автором точки зрения о восточном происхождении волосовских древностей. А. Х. Халиков, по-видимому, справедливо полагает, что самые ранние волосовские стоянки находятся в Среднем Поволжье, но вряд ли к ним относятся поселения типа Майданской стоянки. Благодаря любезности А. Х. Халикова мне удалось не только познакомиться с коллекцией находок Майданской стоянки, хранящейся в Казани в ИЯЛИ, но и самому провести на ней небольшие раскопки [10]. Наличие здесь плоскодонной посуды, близкой по орнаментации к керамике поселений типа Рутки, Володары I и II, Владычино, не позволяет считать Майданскую стоянку наиболее ранней. А. Х. Халиков, по-видимому, прав, датируя ее по янтарной подвеске рубежом III и II тысячелетий до н. э. При этом не исключено, что существуют и более древние волосовские поселения. К ним мы отнесли Токаревскую и III Удельно-Шумецкую стоянки, по орнаментации керамики чрезвычайно близкие волго-камским неолитическим памятникам.

Последняя периодизация волосовских стоянок принадлежит О. Н. Бадеру [11]; им, как и А. Х. Халиковым, поселения типа Майданского рассматриваются в качестве наиболее ранних. Мы, как уже отмечалось, с этим не согласны. В остальном же, за исключением некоторых частностей, наша периодизация близка тому, о чем писал О. Н. Бадер.

Предлагая относительную периодизацию волосовских памятников Средней Волги и поречья Оки, мы отнюдь не считаем, что развитие волосовских древностей в том и другом районах шло одинаково. Так, орнаментация посуды на окских стоянках несколько разнообразнее, чем волосовской керамики Среднего Поволжья. Следует оговориться, что эти специфические узоры не определяют всего облика окской волосовской керамики (поэтому мы и не включили их в сводную таблицу), однако забывать о них не следует (рис. 3 и 4). К таким орнаментам относятся мотивы в виде крестов, сложных и не совсем ясных сочетаний, оттисков «рамчатого» штампа, нарезок и гребенки, композиция в виде «солнышка», выполненная короткими оттисками шнура, намотанного на палочку, узоры из овальных вдавлений, расположенных рядами горизонтально и наклонно. Встречаются сочетания зигзагообразных линий, выполненных прочерченными линиями, оттисками гребенчатого или «рамчатого» штампов и поясков; мотивов в виде «шагающей гребенки», горизонтальных рядов коротких отпечатков штампа: «наколы», ряды овальных вдавлений или ямок, иногда отделенных друг от друга прочерченными линиями. Интересны композиции в виде своеобразных фестонов, опускающихся от венчика вниз, выполненных овальными и округлыми ямками и отпечатками «рамчатого» штампа.

Особенностью средневолжской волосовской керамики являются узоры из ромбов, выполненные прочерченными линиями; оттиски «отступающей лопаточки», сравнительно сложные сочетания мелких вдавлений, отпечатков гребенчатого и «гусеничного» штампа (рис. 5). Различие между средневолжской и окской волосовской керамикой состоит также в том, что на Средней Волге лишь на четырех стоянках встречены фрагменты,

---

[8] *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, с. 72 сл.; *Цветкова И. К.* Волосовские неолитические племена.— Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, с. 29—32.

[9] *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 127.

[10] *Третьяков В. П.* Майданская стоянка..., с. 175—181.

[11] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы, с. 26—42.

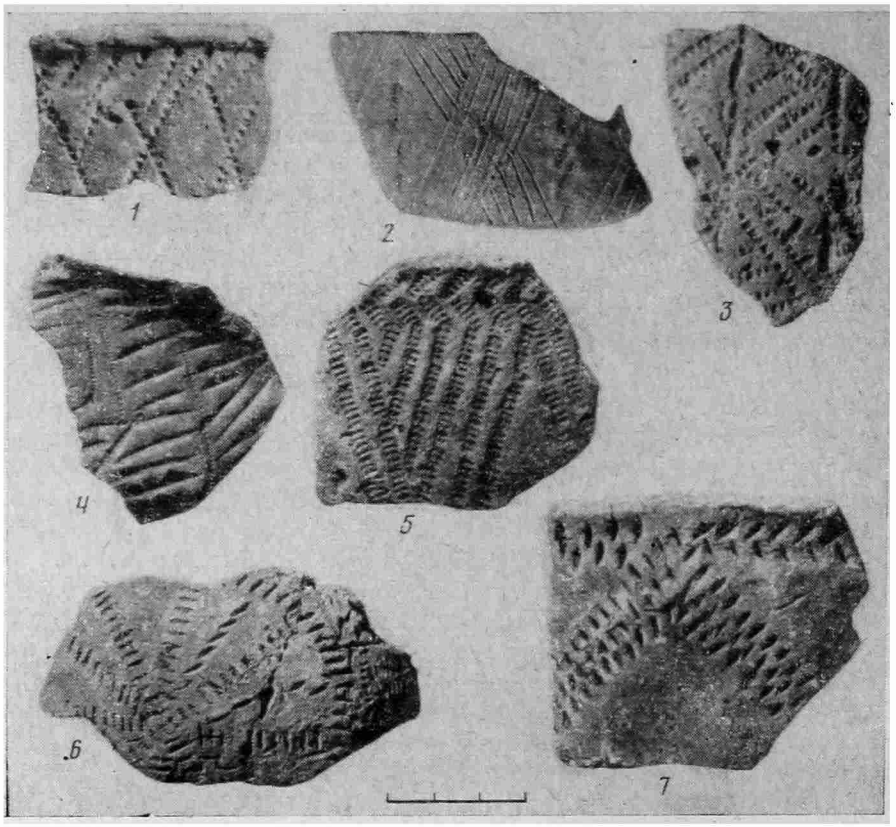


Рис. 3. Орнаментальные мотивы, специфические для посуды окских волосовских поселений: *1* — Панфилово I; *2*, *6* — Волосово; *3* — Панфилово II; *4* — Володары I; *5*, *7* — Садовый Бор

украшенные узорами в виде «рамчатого» штампа, в то время как для Оки это характернейшее явление.

Приступая к характеристике орудий труда с волосовских стоянок, следует отметить большую трудность определения инвентаря, специфического для культуры, представленной большим количеством памятников. Казалось бы, подсчеты каменных орудий, найденных на поселениях, позволят выделить наиболее характерные изделия. Однако необходимо учитывать разнохарактерность памятников: здесь и поселения, и мастерские, и поселения-мастерские, клады, погребения и т. д. Состав орудий на каждом из перечисленных объектов неодинаков. Так, при исследовании мастерских находят большое количество заготовок крупных орудий — топоров, тесел, скребел и т. п.; на поселениях чаще встречаются более мелкие изделия (наконечники стрел, всевозможные скребки, проколки) и т. д. Кроме того, не следует забывать, что состав инвентаря на том или ином поселении в значительной степени зависит от ситуации, в которой оно было покинуто обитателями. В ряде случаев стоянки оставлялись в результате естественных причин. При этом, переселяясь на новое место, люди забирали все пригодные вещи. Именно при таких обстоятельствах была покинута, по-видимому, Халамониха, где из 2014 находок каменные орудия составляют 20—25 экземпляров, в основном представленные в обломках. Но поселение могло быть оставлено и внезапно, например в результате набега враждебного племени. В этом случае население спасалось бегством, оставляя свои пожитки, и зачастую не возвращалось на прежнее место. Так была покинута, по нашему представлению, Волосовская стоянка, при исследовании которой были найдены многие сотни изделий из камня и, что особенно интересно, клад орудий труда.

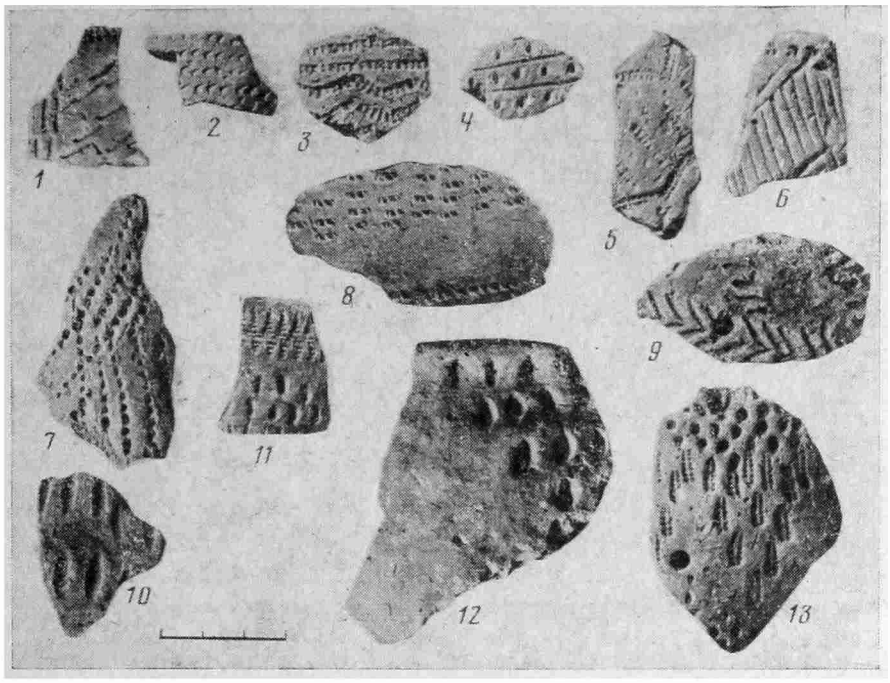


Рис. 4. Орнаменты, специфические для посуды окских волосовских поселений; *1*, *5*, *6* — Володары I; *2* — Подборица-Щербининская; *3*, *11*, *13* — Володары II, *4* — Владычино; *7*, *8* — Панфилово I; *9*, *12* — Волосово; *10* — Панфилово II

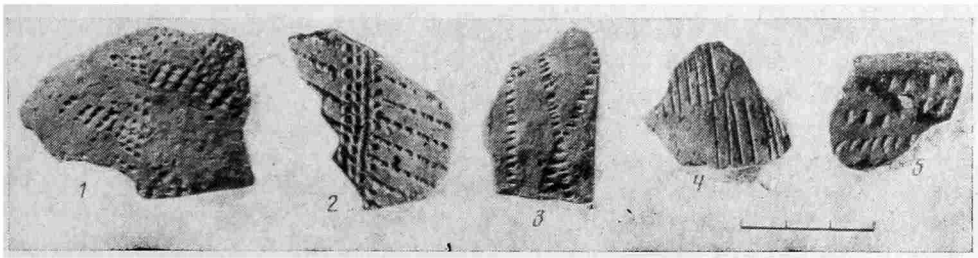


Рис. 5. Орнаменты, специфические для посуды средневолжских волосовских поселений: *1*, *4*, *5* — Майдан; *2*, *3* — Сумская

При характеристике каменных орудий с поселений поречья Оки в настоящее время наиболее целесообразно учитывать материалы Волосовской стоянки с обнаруженным на ней кладом, поселений Володары и Подборица-Щербининской. Кроме того, чрезвычайно интересны результаты раскопок на стоянке Ибердус II. Остальные памятники дали или крайне незначительные серии каменных орудий, или керамику разных типов и нерасчлененные комплексы изделий из камня.

В свое время, суммируя признаки волосовских древностей (имелись в виду только окские стоянки), А. Я. Брюсов отмечал как «руководящие типы вещей» широкие и узкие долота так называемого волосовского типа, удлиненные листовидные наконечники стрел, крупные скребки из больших ножевидных пластин, кремневые фигурки и фигурные кремни, орудия с выемкой у одного из концов для привязи; в технике обработки камня отмечалось пристрастие к выделке разных орудий из крупных отщепов [12].

Знакомство с материалами названных выше волосовских памятников, давших наиболее многочисленные коллекции каменных орудий, позволяет

[12] *Брюсов А. Я.* Очерки по истории..., с. 82.

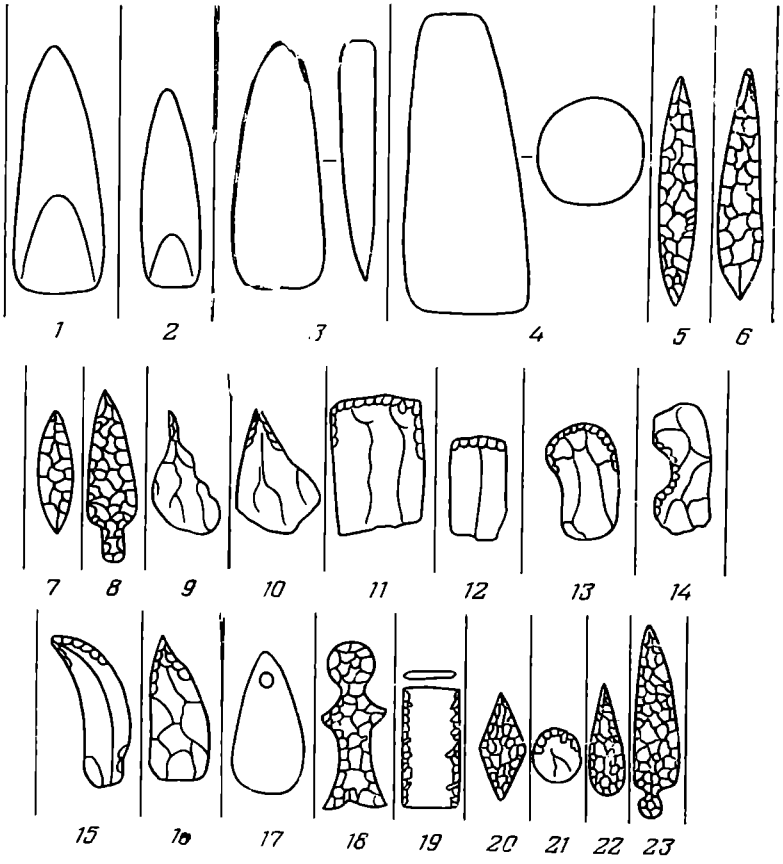


Рис. 6. Орудия труда волосовских памятников. Номера на рис. соответствуют цифрам в верхней графе табл. 4

согласиться — с некоторыми коррективами — с выводами А. Я. Брюсова. Особенно интересные данные в этом плане мы получаем при изучении коллекции волосовского клада, где представлены серии листовидных и лавролистных наконечников стрел (последние делятся на две категории: с овальными очертаниями боковых сторон и намечающимся заостренным черешком), треугольно-черешковых наконечников стрел и дротиков, скобелей, подчетырехугольных скребков-резчиков, небольших плоских тесел, валикообразных топоров, сланцевых подвесок, а также долот «широкого» и «узкого» типа и заготовок к ним. Кроме того, в кладе есть ножи с выемками в тыльной части, ножи из аморфных отщепов, два кинжала, нуклеусы, ножевидные пластины. На Волосовской стоянке, кроме того, найдены проколки с тонкими, четко выраженными жальцами и жальцами треугольной формы; своеобразные орудия от отщепов, получившие в литературе название «ложкарей», скребки с округлым рабочим краем, «фигурные» кремни и кремневые фигурки, ромбические наконечники стрел, резчики и некоторые другие изделия, представленные уже не сериями.

На рис. 6 и в табл. 4 представлены в основном изделия, которые были обнаружены при исследовании стоянок сериями, не менее 3—4 экз. в каждой. Единичные находки отмечены звездочкой. То обстоятельство, что на ряде памятников с большим материалом представлены повторяющиеся серии определенных типов орудий труда, позволяет предположить, что это были наиболее распространенные орудия. Характерными волосовскими изделиями из камня на р. Оке можно считать желобчатые долота «широкого» и «узкого» типа; плоские небольшие тесла, наконечники стрел листовидной и лавролистной формы, наконечники стрел и дротиков

Таблица 4

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Волосовский клад	+	+	+	+	+	+	+										+						+
Волосово	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+
Володары	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+			+
Подборица-Щербининская	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+					*
Ибердус II	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+				+		
Сахтыш	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+		+	+		
Большое Буньково	*		*		+		+		+	+		+	+	+		+		*		+	+		
Николо-Перевоз	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+				+					
Станок I		+	+		+		+		+	+	+	+	+	+		+	+			+	+		
Борань	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	+			+	+		
Вашутино		*	+				+	+	+		+	+			+	+							
Обсерватория			+				+	+		+		+	+		+	+		*	+				
Сумская	+	*	+				+	+	+	+	+	+	+	+				*	+	+		+	
Руткинская							+			+	+		+						+				
Майданская			+	*			+		+	+	+			+									
Займище III			+				+				+	+		+								+	
Уржумкинская	+	+	+				+	+	+	+	+	+		+					+	+	+	+	
Ахмылово II	+	+	+				+	+	+	+	+	+		+				*	+	+	+		

треугольно-черешковой формы; проколки, округлые и овальные скобели, резчики; кремневые фигурки и фигурные кремни, сланцевые подвески, «ложкари», комбинированные орудия. Менее характерны валикообразные топоры, наконечники стрел ромбической формы, ножи с выемками в тыльной части для привязывания и т. п.

Большой интерес в плане сравнения с вышеописанными каменными орудиями, характерными для окских волосовских стоянок, представляют орудия труда, встречающиеся на средневолжских памятниках. В свое время мы писали, что последние в определенной степени отличаются от находок на окских стоянках [13]. А. Х. Халиков, напротив, склонен видеть чуть ли не полную идентичность материалов из того и другого района [14]. Дополнительное изучение коллекций с окских и средневолжских стоянок позволяет подтвердить наши выводы. Для этого были просмотрены материалы с поселений бассейна Средней Волги и результаты этого анализа помещены на рис. 6. Особенное внимание уделялось семи памятникам: Обсерватория III, Сумская I, Займище III, Майданская, Уржумкинская, Ахмылово II и Руткинская. Остальные стоянки не дали совсем или дали незначительные серии каменных орудий.

На поселениях бассейна Средней Волги до сих пор не найдено лавролистных наконечников стрел, ножей с выемками для привязывания, нет и сланцевых овальных подвесок с просверлиной в одном из концов. Некоторые виды каменных орудий, являющиеся обычными находками на волосовских стоянках поречья Оки, на Средней Волге представлены в гораздо меньшем количестве. К ним относятся резчики, «ложкари», валикообразные топоры, фигурные кремни и кремневые фигурки. Общими для волосовских памятников бассейна р. Оки и Средней Волги являются главным образом орудия, которые можно увидеть на любой стоянке III—II тысячелетий до н. э. на территории центральной зоны лесной полосы Европейской части СССР (небольшие топорики с прямым или слегка закругленным рабочим краем, треугольно-черешковые, ромбические, листовидные наконечники стрел, скребки подчетырехугольной формы, скобели, проколки). В то же время, как мы уже отмечали, на средневолжских волосовских стоянках обнаружены изделия, не известные в бассейне р. Оки. К ним, в частности, относятся плоские ножи из кремневых плиток, миндалевидные наконечники стрел, а также доломитовые долота [15].

Как показывают исследования, различия в каменной индустрии на окских и средневолжских волосовских памятниках вполне закономерны. В свое время М. Е. Фосс [16] писала, что традиция образования так называемого «волосовского» комплекса каменных орудий на р. Оке имеет местные корни, уходящие в глубь веков (эпоха неолита и мезолита). Это положение обосновывалось анализом материала значительного количества памятников, предшествовавших по времени волосовским (Сокольское I, Малое Окулово II, Плеханов Бор, Балахна, стоянка на р. Яне, Бисерово озеро, Звенигородские, Остров Соколка, Шумашская и др.). Был сделан вывод, что сложение «волосовского» комплекса каменных орудий является достижением не одной археологической культуры, а характерной чертой для всех памятников второй половины III—II тысячелетия до н. э. в поречье Оки, где кроме древних волосовских он известен на рязанских и балахинских стоянках, относящихся к иной археологической

---

[13] *Третьяков В. П.* К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья.— МИА, № 131, 1965, с. 222.

[14] *Халиков А. Х.* Неолитические памятники в казанском Поволжье, с. 19—21, 26—30, 39.

[15] *Третьяков В. П.* К вопросу о каменных орудиях..., с. 222.

[16] *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952, с. 18—29; *ее же.* Рец.: *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху.— ВДИ, 1953, № 2, с. 104; *Фосс М. Е.* Неолитическая стоянка Бисерово озеро.— КСИИМК, № 75, 1959, с. 38.

культуре — культуре ямочно-гребенчатой керамики. Таким образом, так называемый «волосовский» комплекс орудий труда был не этнокультурным, а территориально-географическим признаком определенной эпохи [17].

Аналогичные исследования были проведены А. Х. Халиковым на материалах культур каменного века (вплоть до II тысячелетия до н. э.) в Среднем Поволжье. По его мнению, формирование так называемого средневолжского «волосовского» комплекса каменных орудий является одним из звеньев развития каменной индустрии этой территории начиная с эпохи мезолита [18].

Таким образом, мы неизбежно приходим к выводу, что так называемые «волосовские» комплексы каменных орудий на Оке и Средней Волге должны отличаться друг от друга, поскольку они складывались на различной основе [19].

Волосовские памятники Верхнего Поволжья и северных районов представлены материалами, имеющими важное значение при выяснении общей линии развития древностей данного типа и выявлении их локальных особенностей в том или ином регионе.

Среди интересующих нас в данном случае памятников находятся поселение Большое Буньково в верховье р. Клязьмы [20], Николо-Перевоз на р. Дубне и Языково несколько севернее течения р. Волги [21], Вашутино вблизи г. Переяславля-Залесского [22], Рождественское на берегу о. Неро [23], Станок I и Борань недалеко от Костромы [24], Федоровское на берегу Чухломского озера [25], Бологое на Валдайской возвышенности [26], Кончанское [27] и Репище [28] в Новгородской обл., стоянки на о. Сахташ [29], Модлона I и II в Каргополье [30].

При исследовании волосовских поселений основную группу находок составляли обломки сосудов и каменные орудия. Керамика лепилась от руки, ленточным способом; в тесте примесь толченой раковины и растительной трухи. Форма венчиков (рис. 7 и табл. 5) волосовских сосудов

---

[17] *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, с. 91—99.

[18] *Халиков А. Х.* Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дис. Казань, 1966, с. 12—18.

[19] *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дис. М., 1965; *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья. Автореф. канд. дис. М., 1971.

[20] *Раушенбах В. М.* Неолитическая стоянка у дер. Большое Буньково.— КСИИМК, № 32, 1950.

[21] *Жуков Б. С.* Отчет о раскопках на верхней Волге в 1928 г. Архив ЛОИА АН СССР № 128; *Раушенбах В. М.* Отчет о раскопках стоянки Николо-Перевоз в 1958 г. Архив ИА АН СССР № р-1, 1916; в 1959 г. р-1, 1761; в 1960 г. р-1, 2147; в 1961 г. р-1, 2283.

[22] *Цветкова И. К.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переяславля-Залесского.— Тр. ГИМ, вып. 37, 1960.

[23] *Никитин А. Л.* Рождественская стоянка на оз. Неро.— СА, 1965, № 1.

[24] *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в костромском Поволжье.— МИА, № 110, 1963; *ее же.* Неолитическое поселение Борань.— МИА, № 79, 1960.

[25] *Гаврилова И. В.* Керамика Федоровского поселения в связи с новыми исследованиями.— КСИА АН СССР, 1969, № 117.

[26] *Спицын А. А.* Бологовская стоянка каменного века.— ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903.

[27] *Рерих Н. К.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой.— ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903.

[28] *Зимина М. П.* Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях.— СА, 1968, № 2.

[29] *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников верхнего Поволжья.— КСИА АН СССР, № 100, 1965; *Дубынин А. Ф.* Стоянка Малый островок на оз. Сахтыш в Ивановской области.— МИА, № 130, 1966. На Сахтыше известен целый ряд волосовских памятников. Их материалы пока в полной мере не изданы. Поэтому не исключена возможность того, что изложенные в нашей статье данные о волосовских материалах сахтышских стоянок являются приблизительными.

[30] *Ошибкина С. В.* Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре.— СА, 1966, № 4.

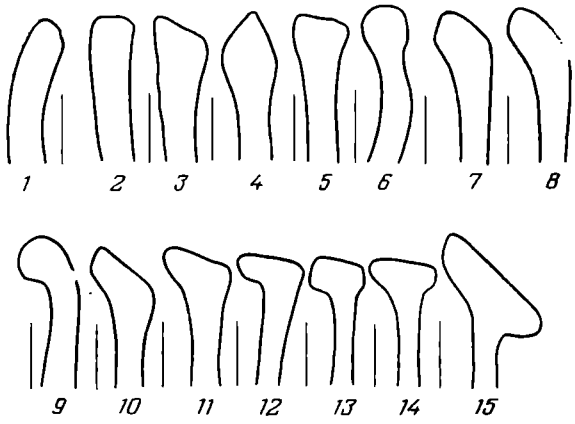


Рис. 7. Венчики волосовских сосудов с поселений Верхней Волги и северных районов: *1* — Николо-Перевоз II: *2, 6* — Языково; *3* — Станок I: *4, 5* — Модлона II. Номера на рис. соответствуют цифрам верхней графы табл. 5

со стоянок Верхнего Поволжья и северных районов близка, хотя и не идентична тому, что мы видели к югу от этой территории, на поселениях поречья Оки и Средней Волги. Встречаются венчики, загибающиеся внутрь сосуда, слегка изогнутые, прямые, с утолщением у края; интересны Г- и Т-образные венчики. Зная форму венчика, учитывая, что стенки сосудов были прямыми или слегка выпуклыми и сосуды имели округлые, уплощенные и плоские донышки (последние были найдены лишь на стоянках на о. Сахтыш и на поселении Рождественском; рис. 7), можно без особого риска предположить, что форма сосудов с волосовских поселений Верхнего Поволжья и северных районов напоминает керамику Окских стоянок.

Наиболее яркой чертой, характеризующей волосовскую керамику с поселений интересующей нас территории, является ее орнаментация (рис. 2). Мы видим, что волосовская керамика со стоянок Верхнего Поволжья и северных районов орнаментирована иначе, чем на Оке и Средней Волге. Здесь не представлены такие композиции, как «елочка со стеблем», мотивы из рядов ямок, расположенных под венчиком, и спускающихся вниз фестонов, расположенные горизонтально зигзаги, ряды треугольников, некоторые узоры из прочерченных линий и др. Здесь

Таблица 5

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Модлона I	+		+												
Модлона II	+	+		+											
Вашутино		+					+								
Николо-Перевоз	+	+					+								
Языково	+	+				+	+	+							
Станок		+	+						+	+	+	+	+		
Борань					+		+	+		+		+		+	
Рождественская		+	+				+			+	+	+	+		
Сахтыш	+									+	+	+			+

обычны композиции из коротких наклонно нанесенных оттисков гребенчатого штампа; вертикальных зигзагов, выполненных прочерченными линиями или гребенкой; ряды ямок неправильной формы; отпечатки «рамчатого» штампа. Реже встречаются узоры в виде пересекающихся оттисков штампа, образующих сетку; ряды нарезок, прочерченных линий. В отдельных случаях керамика украшалась «шагающей гребенкой»; горизонтальными линиями, выполненными различной величины гребенчатым штампом; небольшими кружками. Кроме перечисленных орнаментальных мотивов, общих для всех памятников волосовского типа, на верхневолжских и более северных волосовских стоянках найдены отдельные фрагменты керамики с узорами, не встречающимися на Оке и Средней Волге

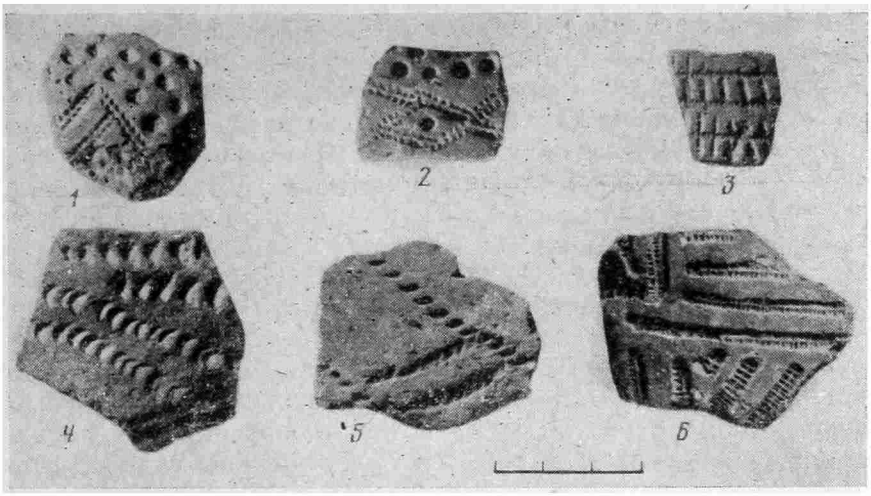


Рис. 8. Орнаменты, специфические для посуды северных волосовских памятников: *1* — Николо-Перевоз; *2*, *6* — Языково; *3* — Станок I; *4*, *5* — Модлона II

и составляющими одну из особенностей стоянок Верхнего Поволжья, Валдайской возвышенности, территории Новгородской обл. и Каргополья. К ним относятся мотивы из треугольников и рядов ромбов, выполненных «рамчатым» штампом, в сочетании с ямочными вдавлениями; композиции из рядов вдавлений «отступающей лопаточкой», «рамчатого» и гребенчатого штампа и т. п. (рис. 8). Перечисленные выше особенности формы (имеются в виду Т-образные типы венчиков) и орнаментации сосудов в Верхнем Поволжье и северных районах позволяют ставить вопрос о существовании особого варианта волосовских памятников.

Обзор комплексов орудий труда с волосовских памятников Верхнего Поволжья, Валдайской возвышенности, территории Новгородской обл. и Каргополья позволяет проследить неравномерность развития каменной индустрии на этой территории. Если анализ керамики показывает, что в данных районах существовали близкие друг другу стоянки, то изучение каменных орудий дает возможность разделить их на две различные группы. Во-первых, обращают на себя внимание памятники, находящиеся в пределах Волго-Окского междуречья и в костромском Поволжье. К ним относятся стоянки на о. Сахтыш, Вашутино, Большое Буньково, Николо-Перевоз, Станок I и Борань и др. В коллекциях перечисленных выше стоянок мы находим желобчатые долота, небольшие плоские топорики; удлиненно-листовидные, ромбические, листовидные и треугольно-черешковые наконечники стрел, два типа проколок (с четко выраженным жальцем и жальцем подтреугольной формы), скребки-резчики, округлые и овальные скребки, резчики, «ложкари» и т. д., т. е. те же орудия, что и на волосовских поселениях поречья Оки (рис. 6). В то же время нельзя не обратить внимание на то, что некоторые типы изделий из камня встречаются на верхневолжских волосовских стоянках реже, чем на Оке. Так, треугольно-черешковые наконечники стрел отмечены лишь на стоянках на о. Сахтыш, Николо-Перевоз и Вашутино; удлиненно-листовидные наконечники стрел с намечающимся черешком найдены только на поселениях на о. Сахтыш и Борань; скобели с вогнутым рабочим краем на стоянках Большое Буньково, Николо-Перевоз и Станок. Реже находки и сланцевых овальных подвесок (о. Сахтыш, Станок, Борань) и кремневых фигурок (Большое Буньково и Николо-Перевоз). Правда, следует отметить, что в результате широких полевых исследований Верхневолжской экспедиции и ряда других отрядов получены новые обширные коллекции волосовских изделий, чрезвычайно близких окским находкам, что позво-

ляет сблизить материалы указанных регионов [31]. Оставляя этот вопрос открытым до полной публикации вновь полученных материалов, заметим, что в пользу общности комплексов каменных орудий, которыми пользовались волосовцы Оки и Верхней Волги, свидетельствует то обстоятельство, что в этих районах орудия, связанные с волосовской керамикой, одинаковы (за исключением, по-видимому, лишь орудий с выемками для привязи).

Иную картину мы наблюдаем в районах, расположенных к северу от Волго-Окского междуречья, где были исследованы стоянки Бологовское, Кончанское, Репище и Модлона I и II. Все эти памятники, характеризующиеся наличием волосовской керамики, не содержат в своих материалах серий так называемых «волосовских» орудий. Коллекция Бологовской стоянки состоит из большого числа крупных кремневых пластин, частью обработанных ретушью; проколок, наконечников стрел и копий листовидной, ромбической и треугольно-черешковой формы; сланцевых топориков, скребков и скребел, изготовленных из массивных отщепов с одним или двумя гребнями по спинке. Интересны и несколько кремневых долот, обработанных крупными сколами. Сходство между орудиями Бологовской стоянки и волго-окскими волосовскими памятниками проявляется в наличии одинаковых проколок, листовидных, ромбических и треугольно-черешковых наконечников стрел и копий, скребков с округлым рабочим краем. Однако эти виды орудий можно найти на любой стоянке III—II тысячелетия до н. э. в лесной зоне Европейской части СССР. В свое время мы выделили обширную область с памятниками различных культур (валдайской, белевской, верхневолжского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики, неолита Посожья), отличающуюся от других районов наличием определенных типов крупных орудий: скребки и скребла из массивных отщепов с гранями на спинке, больших ножевидных пластин и изделий из них (ножи, скребки), топоров и тесел, изготовленных из желваков кремня и обработанных крупными сколами [32]. Эти виды орудий не типичны для волго-окских памятников, но имеются, как мы видели, в коллекции Бологовской стоянки. Сходство инвентаря последней с находками на поселениях указанной территории вполне объяснимо: Бологовская стоянка расположена на севере Валдайской возвышенности в пределах области распространения высококачественного кремня, что позволило в большом количестве изготовлять крупные орудия.

Волосовские стоянки на территории Новгородской обл. (Кончанское, Репище) характеризуются уже другими комплексами орудий труда. Здесь нет «макролитоидных» орудий, которые мы видели на Бологовском поселении, что объясняется, по-видимому, отдаленностью этих памятников от запасов кремня. Коллекция состоит из кремневых ножей, проколок, небольших сланцевых тесел, различных скребков и т. п. Орудия, характеризующие волосовскую культуру на Оке и Волге, в этих коллекциях отсутствуют. Не находим мы «волосовского» комплекса каменных орудий и на поселениях Модлона I и II. На этом памятнике представлены русско-карельские топоры, сланцевые тесла, листовидные наконечники стрел, всевозможные скребки и скобели, проколки, ножи, янтарь и кремневые фигурки. Сланцевые тесла, листовидные наконечники стрел, скребки с округлым рабочим краем, кремневые фигурки характерны для волго-окских волосовских стоянок, но их можно отыскать и на поселениях других культур лесной полосы Европейской части СССР. В то же время на Модлоне I и II не встречены желобчатые долота «широкого» и «узкого» типа, удлиненно-листовидные наконечники стрел, «ложкари», резчики

---

[31] См., например, материалы поселения и могильника Иловец I (*Урбан О. Н.* Поселение и могильник Иловец.— КСИА АН СССР, № 137, 1973, с. 107—114), где, в частности, была найдена серия кремневых фигурок и просверленных подвесок).

[32] *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики..., с. 99—105.

и т. п.— целый ряд типов каменных орудий, характеризующих волосовские памятники на Оке и Волге. Кроме того, в нижнем слое стоянки Модлона I встречен топор русско-карельского типа — изделие, совершенно необычное для волосовских поселений. Следовательно, анализ каменных орудий волосовских памятников подтверждает высказанный в литературе тезис относительно того, что ареалы комплексов каменных орудий не всегда соответствуют территории распространения тех или иных керамических комплексов.

Таковы некоторые соображения, которые автор хотел высказать в связи с анализом орудий труда и керамики волосовских памятников. Они сводятся к тому, что указанные элементы материальной культуры дают возможность расчленить волосовские древности на отдельные, хотя и генетически связанные друг с другом варианты: средневолжский, окский, северный (по керамике) и средневолжский и волго-окский (по орудиям труда). Памятники к северу от Верхней Волги характеризуются специфической для каждого из них каменной индустрией.

По мнению автора, наиболее ранние волосовские памятники находятся в пределах Среднего Поволжья, где выделяются поселения с керамикой (Токаревская, III Удельно-Шумецкое), чрезвычайно близкой более древней неолитической волго-камской (например, керамике Старо-Мазиковской III стоянки), и где скорее всего и произошло зарождение волосовских древностей [33], хотя решение этого вопроса не может считаться окончательным [34].

V. P. Tretyakov

VARIANTS OF VOLOSOVO CULTURE

Summary

The article deals with the materials of the Volosovo culture — antiquities of the second half of the third — the first half of the IInd millenium B. C. in the forest zone of the European part of the USSR. The comparative study of pottery enables one to single out three different variants of Volosovo materials: that of the Middle Volga, of the Oka and of the Upper Volga with some territories to the North. The author suggests that the analysis of the tools also helps to distinguish the Middle Volga and the Volga — Oka variants. Each site to the North from Upper Volga has its own specific stone industry. The article also introduces a tentative sequence (4 stages) of Volosovo settlements. The earliest sites are situated in the Middle Volga basin (Tokariovo, II Udelno-Shumetzkaya). The late sites occupy the area between Volga and the Oka, and adjoining territories (Rutki, Volosovo, Maidan, Volodari I and II, Vladychino, Panfilovo, Khalamonikha and others).

---

[33] *Бадер О. Н.* У истоков финно-угорской культуры в восточной и северной Европе. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966; *Халиков А. Х.* Древняя история среднего Поволжья. М., 1969; *Третьяков В. П.* Старо-Мазиковская III стоянка и вопрос о происхождении волосовской культуры.— СА, 1969, № 2.

[34] Не исключено, что поселения, подобные Токаревской и III Удельно-Шумецкой стоянкам, будут найдены и за пределами Среднего Поволжья.

М. В. АНДРЕЕВА

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА СЕРЕБРЯНЫХ МАЙКОПСКИХ СОСУДАХ

Золотые и серебряные предметы, происходящие из раскопок Большого майкопского кургана (БМК), много лет украшают собрание Эрмитажа и составляют самую древнюю коллекцию Золотой кладовой. Эти находки чаще других рассматривались исследователями как непосредственный импорт из Передней Азии или как чрезвычайно близкое подражание древневосточным образцам. Тем не менее вопрос о непосредственном источнике предполагаемого импорта или влияния до сих пор нельзя считать окончательно решенным.

Широкие сопоставления майкопских шедевров с произведениями шумеро-вавилонского, египетского и хеттского искусства производились в 10-х — начале 20-х годов нашего века Б. В. Фармаковским и М. И. Ростовцевым [1]. Немногочисленность и фрагментарность имевшегося в то время сравнительного материала (особенно для ранних эпох) обусловили слишком большой для практических выводов хронологический диапазон аналогий, указанных Б. В. Фармаковским,— III—II тысячелетия до н. э. Несмотря на эти трудности, М. И. Ростовцеву, напротив, удалось прийти к совершенно определенному заключению о принадлежности майкопских произведений к концу «медного века» на Востоке (додинастическое время в Эламе и Египте). Отнесение майкопских древностей к столь ранней эпохе долгое время казалось маловероятным. Впоследствии это привело А. А. Иессена к мысли о непригодности произведений изобразительного искусства для датировки Майкопского кургана и близких к нему памятников [2]. Однако отдельные сравнения, демонстрирующие древневосточный облик майкопских изделий, продолжали делать. Традиционным стало сопоставление БМК с так называемыми Царскими могильниками Аладжи и Ура, не давшими предметных аналогий, но также очень богатыми изделиями из драгоценных металлов и камней [3].

За истекшие полвека широкие раскопки в Передней Азии и Египте значительно увеличили коллекции древностей, имеющих не только историческую, но и художественную ценность. Материал этот был обобщен в большом количестве работ по истории древневосточного искусства; более подробное освещение получили ранние периоды истории становле-

---

[1] *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России.— МАР, № 34. СПб., 1914, с. 50—76; *Rostovtsev M. I.* L'Age du cuivre dans le Caucase et civilisations de Soumer et de l'Egypte Protodynastique.— In: Revue archéologique, 5 ser., t. 12, Paris, 1920, p. 1—37; Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 17—34.

[2] *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов».— СА, XII, 1950, с. 184, 185.

[3] Там же, с. 191; *Frankfort M.* The Art and Architecture of Ancient Orient. Baltimore, 1954, p. 115; *Gimbutas M.* The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Cambridge, Mass., 1956, p. 58; *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 137—139; *Блэк В. Б.* Искусство Кавказа медного и бронзового века.— В кн.: История искусства народов СССР. М., 1971, с. 35; *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен. Тбилиси, 1976, с. 215—223 (на груз. яз.).

ния и развития основных художественных школ; специальные исследования были посвящены изучению художественного ремесла. Все это позволяет снова вернуться к проблеме хронологической и культурно-исторической атрибуции майкопских находок.

Широкая известность золотых и серебряных изделий из БМК [4], неоднократное их рассмотрение (вместе с вещами из клада у ст. Старомышастовской [5], выполненных в той же манере) в специальной и научно-популярной литературе избавляют от необходимости еще раз подробно их описывать. Ограничимся перечислением характерных черт, определивших самобытный облик майкопской металлопластики.

Центральное место в майкопском искусстве занимают изображения животных. По представленному набору (быки, козлы или бараны, львы, барсы, кабан, тарпан, медведь) трудно судить о том, кавказская или переднеазиатская фауна служила художнику моделью [6]. Как характерную особенность можно отметить сочетание в рамках одной картины изображений хищников и травоядных. Чаще других встречаются изображения львов (серебряные вазы и золотые бляшки из БМК, золотая головка льва из Старомышастовской) и быков (серебряные вазы, золотые бляшки из БМК, золотые и серебряные фигурки из БМК и Старомышастовской), что, безусловно, указывает на близкую связь с образным строем древневосточного искусства [7].

На двух серебряных майкопских сосудах изображены процессии зверей (рис. 1). В обоих случаях композиция подчинена архитектонике сосудов: идущие животные занимают среднюю часть; дно одной вазы украшено розеткой, другой — изображением круглого водоема. На горле последней изломанными линиями выгравированы горы [8]. Таким образом, на очень небольшой поверхности представлена развернутая картина с горами и равнинами, морем и реками и на фоне этого «пейзажа» — млекопитающие и птицы. Все выполнено настолько убедительно и свободно, что сразу становится очевидным высокое мастерство художника.

Тем больший интерес вызывает отсутствие в изображениях явного отпечатка орнаментальности, столь естественной и даже, казалось бы, необходимой при украшении посуды. Фигуры не повторяются, не объединяются в уравновешенные и законченные группы. Кульминационную точку, или точку отсчета, с которой следует начинать рассмотрение рисунка, обнаружить по внешним признакам трудно. (Важное исключение составляют одинаковые фигуры быков на второй вазе, стоящие vis-à-vis и, возможно, представляющие центр композиции.) При каждом повороте сосуда перед нами открывается новая картина. Ряд выступает как единое структурное целое и может рассматриваться как основная композиционная единица. Правда, заметна некоторая тенденция к организации изображений внутри ряда: например, на первом сосуде чередуются фигуры хищников и травоядных (барсов и быков). Однако последовательно этот ритм не выдерживается и нарушается включением в процессию изображения козла (барана) перед быком. Хищники не нападают на траво-

---

[4] ОАК за 1897 г. СПб., 1898, с. 2—11.

[5] Там же, с. 64, 65. Подробная публикация этих находок содержится также в книге Р. М. Мунчаева. См. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 212—222, 225.

[6] В частности, относительно реалистических изображений львов Б. А. Латынин отмечал, что «многочисленные изображения львов на открытых в последние годы древних петроглифах Азербайджана, если и не доказывают еще существования львов в III тысячелетии в Северном Предкавказье, то для близких районов Закавказья делают это несомненным» (*Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка.— АСб.ГЭ, № 9, 1967, с. 70).

[7] *Фармаковский Б. В.* Ук. соч., с. 56.

[8] Получившая широкое распространение точка зрения Б. В. Фармаковского относительно того, что на сосуде представлена панорама Большого Кавказа, к сожалению, не может быть однозначно доказана из-за схематичности изображения. См. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 218.

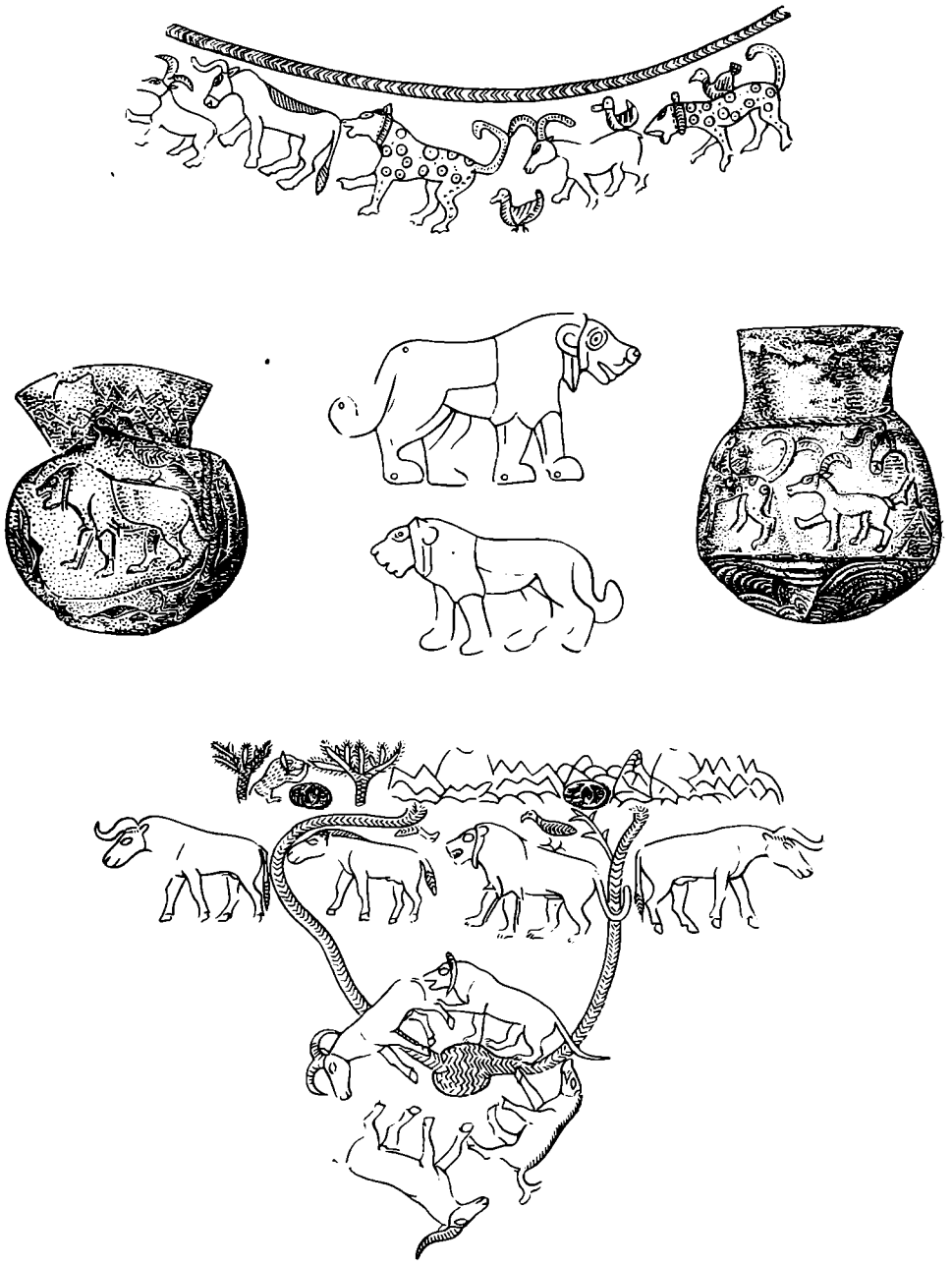


Рис. 1. Изображения на сосудах из Майкопского кургана

ядных; только в одном случае этот мотив, кажется, слегка намечен вытянутой вперед лапой львицы (пантеры). Показательно, что так же, рядами, располагались, по предположению Б. В. Фармаковского[9], золотые бляшки в виде львов и быков[10]. На обеих вазах «процессии» животных

[9] *Фармаковский Б. В.* Ук. соч., с. 54.

[10] Обращает на себя внимание преимущественное использование двоичных структур как для построения изображений на вазах, так и для комплекса культовых предметов из БМК в целом. Так, в погребение были положены *два* серебряных сосуда с гравировкой, *два* золотых и *два* серебряных бычка; группа из пяти животных, изображенная на первом сосуде, строится по формуле 2+2+1; на втором сосуде в обоих рядах по четыре животных. Это ясно отличает майкопские композиции от «штандартов» (солярных символов) из Аладжи-Эйюк, в которых подчеркнуто используются тернарные и производные от них структуры.

движутся справа налево, однако, судя по форме бляшек, возможно движение в обратном направлении.

Своеобразие майкопских изображений состоит в явном стремлении к правдивой передаче натуры, в отсутствии всякого рода сознательных искажений реального облика животных. Здесь нет фантастических образов, широко представленных в переднеазиатском, в частности шумерском и вавилонском искусстве. Стремление к точному воспроизведению натуры сочетается с предельной типизацией образов: подчеркиваются и прорабатываются лишь черты, определяющие род животного. Так, фигурки быков моделируются крупными массами, а изображения на сосудах даны лишь контуром. Все фигуры производят впечатление массивности, что связано со своеобразием их пропорций: как правило, головы слишком велики, а конечности — коротки по сравнению с натурой. Особенно это заметно у фигурок быков [11]. Но отмеченная черта воспринимается не как искажение, а как стремление именно к родовой типизации.

Все изображения (кроме круглой скульптуры) даны строго в профиль, причем в композициях на сосудах ни одно из животных не заслоняет другого. Рисунок чрезвычайно лаконичен: простыми параллельными и пересекающимися ломаными линиями передаются крона и кора деревьев, гривы и хвосты животных, оперение птиц и поверхность воды. Было бы неверно, однако, видеть в этом свидетельство примитивности или несовершенства. Строгое следование определенному канону в трактовке фигур и деталей пейзажа заставляет признать высокий уровень развития майкопского искусства и предполагать наличие весьма солидной «школы». Например, грива львов (и в гравировке сосудов и на бляшках) всегда изображается обобщенно: треугольником под мордой, линией на лапах и туловище; воротник у других кошачих — прямоугольником, иногда заштрихованным прямыми и ломаными линиями; оперение птиц — группами параллельных линий [12].

Проникновение в семантику представленных на вазах сцен возможно лишь после установления времени и культурного контекста, в котором сложился этот своеобразный «идеализирующий» стиль. Можно предполагать сложность мировоззрения, развитость системы религиозных представлений, отразившихся в совершенных майкопских произведениях [13]. Ясно видна связь изображений животных с космологическими представлениями: об этом свидетельствуют сочетание процессии животных с розеткой на первом сосуде и изображение полумесяца на рогах у быков.

Долгое время основное внимание при сопоставлении майкопских находок с изделиями восточного художественного ремесла уделялось сходству по материалу без учета особенностей изображений. Характерна в этом отношении наиболее часто приводимая в литературе в качестве аналогии серебряным сосудам Майкопа ваза Энтемены из Телло (Лагаша). Неправомерность этой аналогии убедительно доказывал еще М. И. Ростовцев [14]. Изготовленная также из серебра и украшенная гравированными изображениями животных, ваза Энтемены оказывается совершенно несопоставимой с майкопскими образцами по стилю. Основу композиции здесь составляют группы из львов и козлов, над которыми помещается мифическое существо — птица Имдугуд [15].

---

[11] Эта особенность делает их совершенно несопоставимыми со схематичными статуэтками козлов из Аладжи-Эйюк.

[12] Совпадение подобных деталей тем более любопытно, что майкопские сосуды, вероятно, украшались разными мастерами: рисунок на втором тоньше, фигуры очерчены более плавно, уверенно. Особенно явно несовершенство первого рисунка в неумелом изображении передней части фигур.

[13] В этом отношении показательно, как одна и та же исходная идея «процессии» зверей варьирует в различных контекстах, приобретая, очевидно, различный смысл.

[14] *Rostovzev M. I.* Iranians and Greeks..., p. 24.

[15] Об изображении на вазе Энтемены как прекрасном образце зеркальной симметрии см.: *Вейль Г.* Симметрия. М., 1968, с. 38—40.

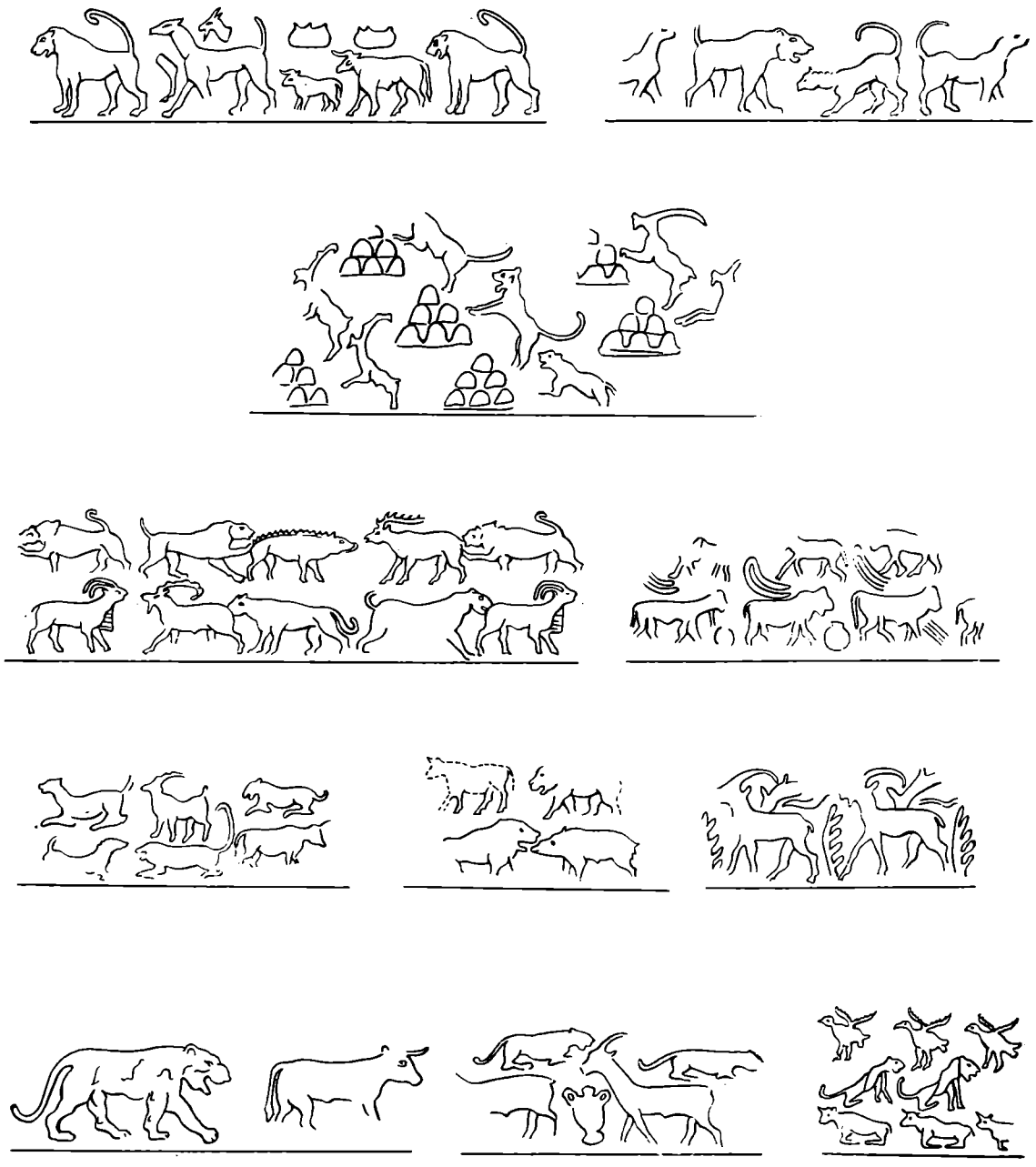


Рис. 2. Оттиски печатей Протописьменного периода

Выше располагается фриз из лежащих быков. Детали рисунка — очертания фигур, «лохматая» грива львов, тщательно выполненное оперение птиц, расположение фигур анфас, в профиль и в повороте свидетельствуют о знакомстве гравера с приемами, майкопскому художнику неизвестными [16].

В майкопском искусстве мы сталкиваемся с сюжетом, который мог претворяться в различной технике (процессии на сосудах, ряды золотых бляшек). С этой точки зрения, более перспективным представляется метод Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева, привлекавших к рас-

[16] Стилистические различия имеют тем большее значение, что изображение на вазе Энтемены также представляет собой космогоническую сцену. См. *Hartner W.* The Earliest History of the Constellations in the Near East and Motif of the Lion — Bull Combat.— JNES, 1965, v. XXIX, part, 1, p. 1—16.

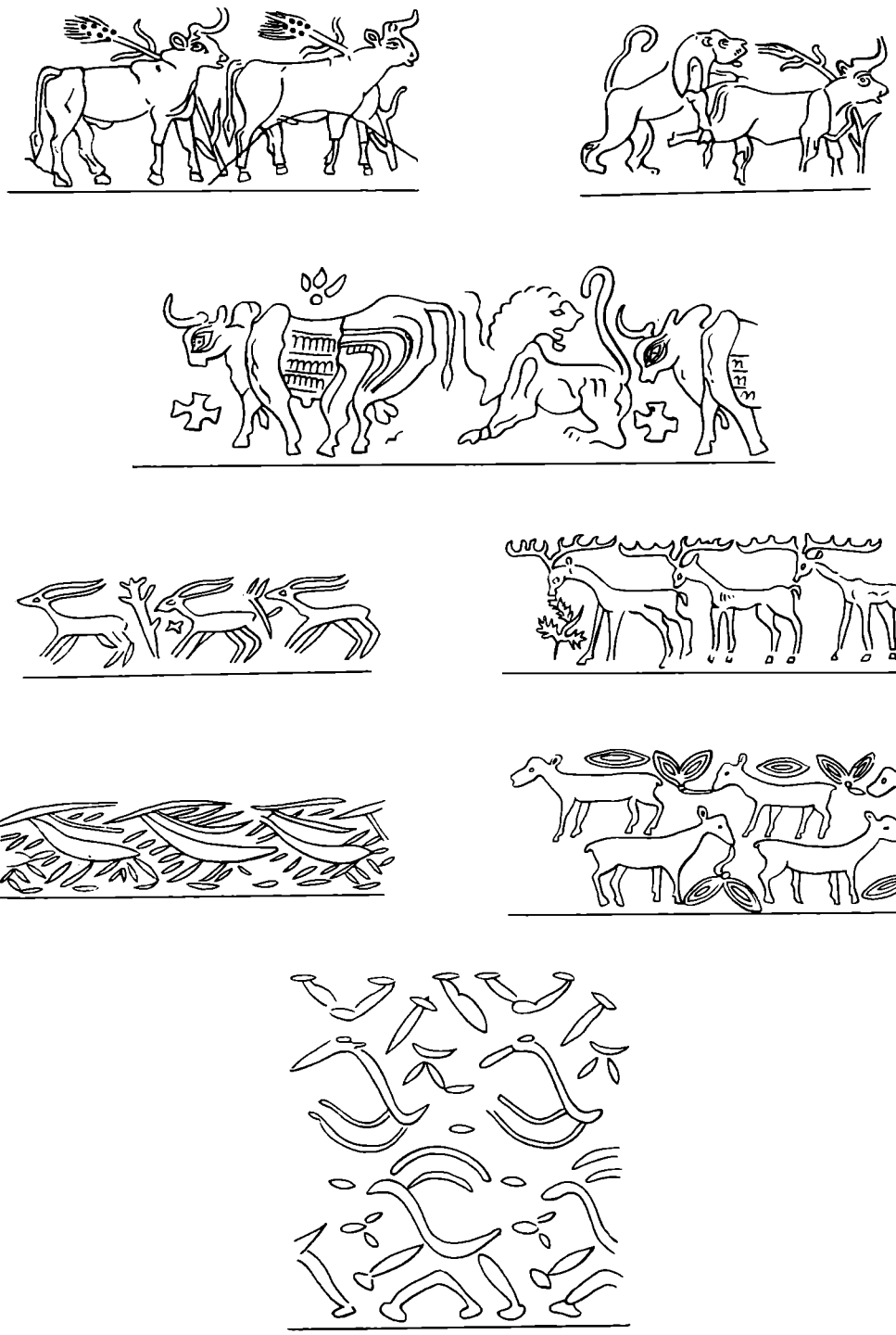


Рис. 3. Оттиски печатей Протописьменного — начала Раннединастического периода

смотрению не только металлопластику, но и глиптику, изделия из кости и дерева. Обратимся прежде всего к материалам Двуречья, большая часть которых была открыта после выхода в свет работ этих исследователей (рис. 2—4) [17].

При самом общем взгляде на изобразительное искусство Раннединастической эпохи можно заметить такие его основные черты, как попу-

[17] Прорисовки оттисков печатей приводятся по сводному изданию: *Amiet P.* La Glyptique mesopotamienne archaïque. Paris, 1961.

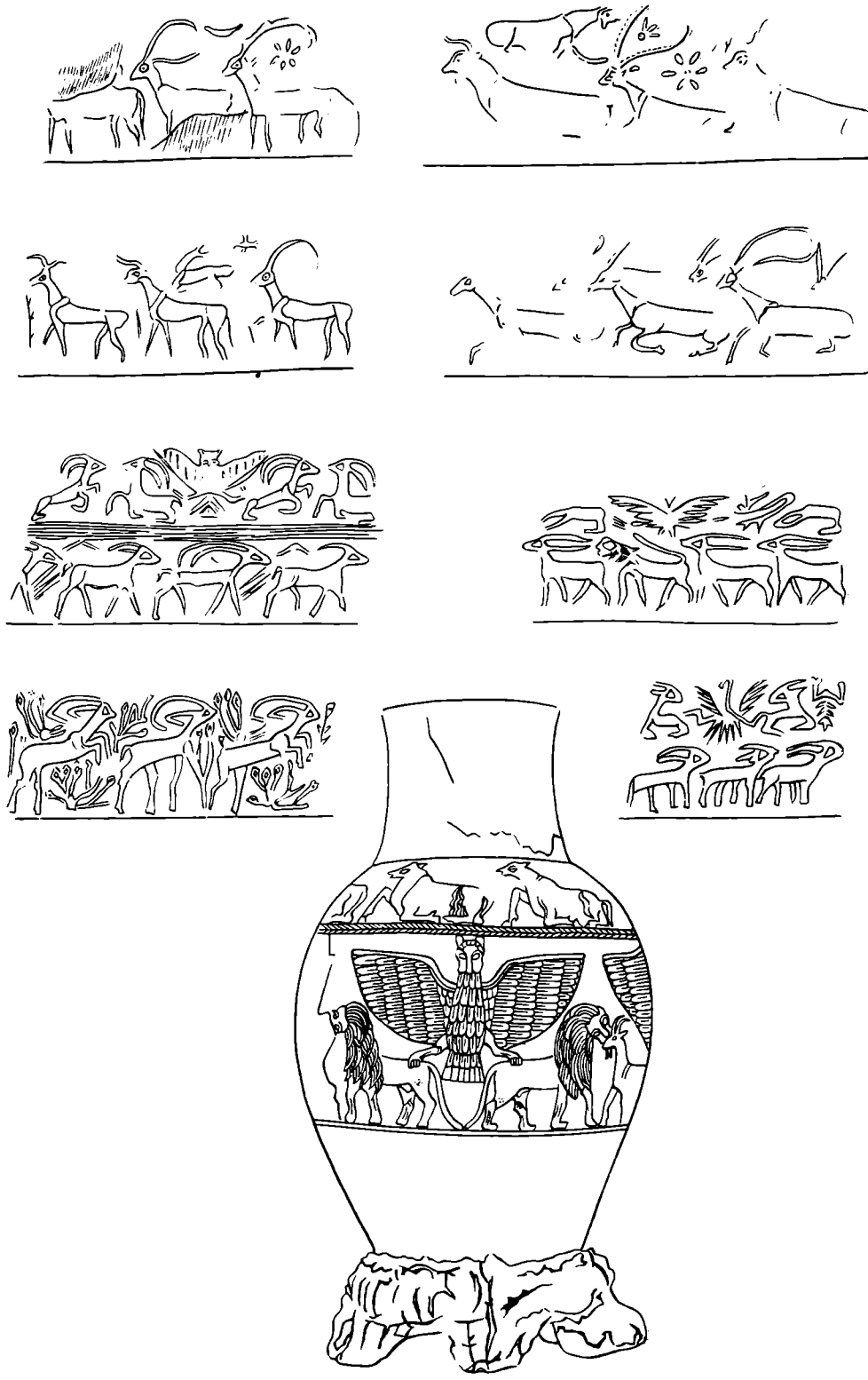


Рис. 4. Оттиски печатей Раннединастического периода и изображения животных на вазе Энтемены

лярность антропоморфных изображений (что связано с ранним формированием у шумеров представлений об антропоморфном облике божества) [18] и мифических образов, сочетающих в себе черты различных животных или животного и антропоморфного существа (соединение божества с его анималистической символикой) [19]. Характерные изображения полуживотных-полулюдей, иногда tête-bêche, борющихся или занятых исполнением каких-то церемоний, широко представлены в глиптике (рис. 4) и украшают знаменитые инкрустированные стойки арф из Ура. На этом фоне более или менее реалистичные изображения зверей сравнительно редки и к тому же однообразны: весь набор исчерпывается фигурами льва и быка (или козла). Эти фигуры входят в состав сложных композиций: лев в своем чисто животном облике встречается в сценах «терзания», хотя более распространены изображения с тем же сюжетом, где лев, уподобляясь человеку, стоит на задних лапах, охватив передними свою жертву; ряд быков (козлов) сочетается с «терзаниями» и изображением птицы. В последнем случае как будто появляется возможность сравнить эти ряды с вереницами зверей на майкопских сосудах. Однако, даже оставив в стороне вопрос о стилистическом несходстве этих изображений, можно заметить глубокое различие их структуры, поскольку ряд быков в произведениях Раннединастического и более позднего, Аккадского, периодов не представляет собой процессии, а выглядит как простой ряд. Этот эффект возникает главным образом из-за исключительной однородности ряда [20], состоящего из одной повторяющейся фигуры: орнаментальность гасит динамику.

Обращает на себя внимание отсутствие в шумерском искусстве попыток передачи элементов пейзажа, подобных картине на втором майкопском сосуде.

Характер различий между майкопскими находками и произведениями шумерского искусства второй четверти — конца III тысячелетия до н. э. исключает, на наш взгляд, возможность их объединения в рамках одной художественной традиции и позволяет определить поиски аналогий в этой области как малоперспективные. Тем не менее изображение ряда быков на указанных памятниках может послужить отправной точкой для исследования проблемы. С одной стороны, эти композиции обнаруживают семантическое сходство с рисунком на первом майкопском сосуде — связь с космической символикой. Традиционная сцена борьбы («терзания») льва и быка символизировала положение одноименных созвездий, служившее основой для шумерского земледельческого календаря; птица Имдугуд представляет собой солярный символ; в сочетании с этими образами ряд быков (козлов) означает звездное небо [21]. С другой стороны, подобные композиции, как и их отдельные элементы, восходят далеко в глубь предшествовавшего Протописьменного периода и в раннединастическом контексте рассматриваются как пережиток старой традиции. Таким образом, есть возможность проследить общие тенденции развития этого сюжета в Двуречье во второй половине IV — начале III тысячелетия до н. э. и получить на этой основе новые сравнительные данные.

Это можно сделать, в частности, на материале цилиндрических печатей, появившихся впервые в начале Протописьменной эпохи (Урукское время). В этот период месопотамское искусство характеризуется необычным расширением круга зооморфных изображений [22]. Как известно, изо-

---

[18] *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1964, с. 304.

[19] О связи этих изображений с мифологией см. *Афанасьева В. К.* Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. канд. дис. Л., 1965.

[20] На статичность иногда указывает и лежачая поза быков, как в гравировке на вазе Энтемены.

[21] *Hartner W.* Op. cit.

[22] То же явление наблюдается в это время в памятниках Ирана и Средней Азии. *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М., 1964, с. 351—394.

бражения животных часты на расписной керамике и немногочисленных печатях халафского и убейдского времени. В подавляющем большинстве случаев это стилизованные изображения быков (козлов). На древнейших цилиндрических печатях из Урука-Варки (так же как и на печатях архаического Элама, на которые обратил внимание М. И. Ростовцев) есть хищники и травоядные — львы, пантеры, кабаны, олени, козлы, быки, собаки и т. д. (рис. 2). Наиболее популярны все же образы льва и быка, которые продолжают жить в шумерском искусстве, тогда как изображения других зверей практически исчезают уже во второй половине Протописьменного периода (Джемдет-Наср). Объединение фигур в ряды представляет собой характерную черту композиций. При этом для более раннего времени типичны как смешанные ряды, так и однородные — из львов, быков и птиц, а для джемдет-насрских печатей — только из быков. Позднее лев сохраняется только в сценах «терзания». Кроме того, именно для урукской глиптики характерна та же композиционная особенность, что и для майкопского рисунка: общее движение нарушается включением пары животных, стоящих vis-à-vis. Эта особенность исчезает по мере развития орнаментальных черт, типичных для брокадного («парчового») стиля, господствовавшего в глиптике начала Раннединастического периода (рис. 3).

То же стремление к симметрии, уравновешенности композиции можно увидеть и в изображениях на сосудах. Изображения верениц животных нехарактерны и здесь почти не встречаются. Исключение составляет так называемый кубок Инанны (Протописьменный период) из Варки, на котором изображено шествие с дарами богине Инанне. В нижнем ярусе композиции над изображением воды и злаков помещается ряд баранов, как бы символизируя триединство стихий воды, земли и неба.

Необходимо подчеркнуть еще одно важное свойство раннешумерских изображений — сочетание реалистических черт с подчеркнутой типизацией внешнего облика [23], что снова объединяет эти произведения с майкопской металлопластикой. Можно заметить и сходство отдельных стилистических приемов: например, изображения львов додинастического времени стоят гораздо ближе к майкопским, чем более поздние образцы.

Правомерность сделанных сопоставлений подкрепляется тем, что своеобразие ранних памятников состоит в относительной свободе изображения от природы самого предмета, что нельзя сказать о более поздних цилиндрических печатях. Как заметил Г. Фрэнкфорт, «в урукское время не существовало различия между станковым и прикладным искусством, как не было представления о том, что каждый из видов изобразительного искусства имеет собственные средства» [24].

Вместе с тем различие в пропорциях и деталях рисунка слишком, на наш взгляд, существенно, чтобы непосредственно связывать майкопские находки с шумерскими центрами художественного ремесла. Еще Б. В. Фармаковским было отмечено, что схема изображения воды на майкопском сосуде напоминает египетскую и отлична от ассиро-вавилонской [25]. В первом случае зигзагообразные или волнистые линии проводились перпендикулярно течению, во втором — параллельно ему. Это различие восходит к додинастическому времени. Например, на упоминавшемся кубке Инанны из Варки вода изображена горизонтальными волнистыми линиями. Традиционная для искусства Двуречья (особенно для скульптуры) поза быков — с подогнутыми ногами — не находит себе соответствия в майкопской металлопластике. Все приведенные шумерские изображения пропорциональны и легки по сравнению с коренастыми

[23] *Блэк В. Б.* О каноне искусства древнего Шумера конца V — начала III тысячелетия до н. э.— В сб.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с. 205.

[24] *Frankfort H.* Cylinder Seals. London, 1939, p. 23.

[25] *Фармаковский Б. В.* Ук. соч., с. 59.

и большеголовыми майкопскими фигурками. Наконец, важно заметить, что даже в раннюю эпоху изображения верениц животных не занимали в шумерском искусстве центрального места. Уже на первых цилиндрических печатях есть изображения построек, кораблей, людей, фантастических существ.

Гораздо большее сходство с металлопластикой Майкопа обнаруживают египетские древности того же времени (период Накада 2, или герцейский — конец IV тысячелетия до н. э.). Уникальность этого сходства отметил еще Б. В. Фармаковский и детально рассмотрел М. И. Ростовцев. Можно заметить явное количественное превосходство известных к настоящему времени памятников египетского искусства с изображениями процессий животных над находками из других районов. Отчасти это объясняется тем, что основной материал здесь происходит из могильников, более богатых предметами роскоши, чем поселения.

В то же время, вероятно, такое соотношение отражает исключительно важное значение, которое имел этот символ именно в древнем Египте. Вереницы зверей изображались на самых различных предметах, большей частью из слоновой кости. Они украшают рукояти каменных ножей, найденных в Джебел эль-Тариф и Джебел эль-Арак, так называемую Бруклинскую рукоять, рукоять Карнарвона, Петри, Питт-Риверс [26]. Аналогичные изображения встречаются на туалетных принадлежностях (гребень из коллекции Дэвиса), посуде (черпак из Таркхана, ложки из Накады), на пластинках из слоновой кости, украшавших мебель (из Иераконполя) (рис. 5). Так же как в Майкопе, мы видим здесь смешанные ряды, состоящие из диких и домашних животных, и однородные, из одинаковых, повторяющихся фигур. Сам подбор животных, однако, глубоко специфичен и определялся в большинстве случаев фауной Египта. Мотив нападения хищника на травоядное, лишь слегка намеченный в Майкопе, здесь представлен более явно (например, рукоять из Джебел эль-Тариф), не нарушая в то же время поступательного движения фигур. Вообще классические сцены терзания, так распространенные в Двуречье, для Египта не характерны [27]. Композиции часто строятся по принципу бустрофедона, хотя нередки случаи и однонаправленного движения. Близки к майкопским пропорции фигур и характерный «геометризм» рисунка. Встречаются сочетания идущих зверей с четырехлепестковой розеткой.

Несмотря на различия в фауне и деталях пейзажа, не позволяющих непосредственно связывать майкопские находки с Египтом (не говоря уже об отсутствии других данных), поразительное стилистическое сходство изображений на майкопских сосудах с некоторыми важнейшими канонами египетского рисунка, безусловно, заслуживает внимания. К их числу прежде всего относится традиционная моделировка львиной гривы рельефной линией на лапах и туловище и спускающимся из-под уха треугольником — воротником. Скульптурное изображение сидящего льва из Иераконполя (рис. 6), чрезвычайно близкое в этом отношении к фигуре льва на втором майкопском сосуде и к львам-бляшкам из Майкопского кургана, позволяет увидеть, что анфас воротник представляет собой круглое жабо. Этот прием сохраняется в египетском искусстве и в гораздо более позднее время, вплоть до Тинисских сфинксов Нового царства.

Столь же устойчивой оказалась и традиция изображения водного потока — вертикальный зигзаг использовался для обозначения воды в Егип-

---

[26] Материал приводится по сводному изданию: *Vandier J.* Manuel d'archéologie égyptienne, t. I. Paris, 1952.

[27] Исключение, может быть, представляет диск из гробницы Хемака (Раннее царство), украшенной изображением «звериного колеса», где хищник терзает косулю. *Vandier J.* Op. cit., p. 803, fig. 535.

Рис. 5. Изображения животных на костяных предметах из Египта

те с архаической эпохи до Нового царства. Этот знак встречен среди наиболее ранних иероглифических надписей на сосудах [28].

Любопытно и совпадение в рисунках птиц — в профильном положении изображения, в передаче оперения группами параллельных линий. Для шумерского искусства более характерным является расположение птицы анфас, с распростертыми крыльями, как в композиции на вазе Энтемены.

[28] *Baumgartel E.* The cultures of Prehistoric Egypt, p. I. London, 1955, p. 60—62, fig. 11.

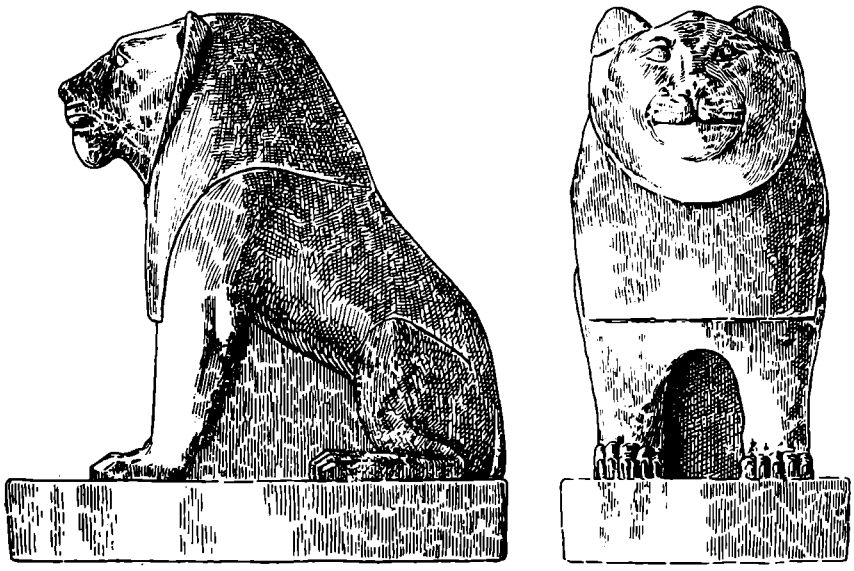


Рис. 6. Иераконпольский лев

Очевидно, можно лишь отчасти согласиться с точкой зрения М. И. Ростовцева [29] относительно полной самобытности майкопских и египетских памятников: отсутствие прямой, непосредственной связи не исключает глубоких общих корней, традиций изобразительного искусства, восходящих к более ранним хронологическим пластам. Как известно, именно для периода Накада-2 засвидетельствованы настолько тесные связи между цивилизациями Египта и Передней Азии, что многие исследователи предполагают возможность проникновения в Египет части азиатского населения, принесшего в долину Нила некоторые строительные навыки, зачатки письменности, цилиндрические печати и т. д. [30]. В этой связи необходимо обратиться к памятникам Сирии, Ливана и Палестины — территорий, игравших роль естественного моста между двумя континентами [31]. С другой стороны, в композициях на майкопских сосудах также можно отметить характерную деталь, связывающую эти изображения именно с азиатским миром. Мы имеем в виду группу «медведь между деревьями», выгравированную на горле второго сосуда. Медведь стоит на задних лапах, передними касаясь кроны деревьев. Этот сюжет один из наиболее долго живущих в искусстве Месопотамии и примыкающих к ней областей Восточного Средиземноморья. Аналогичное изображение встречено на цилиндрической печати из Хафадже (период Джемдет-Наср) и на бронзовой чаше из Нимруда [32]. Такую же сцену отметил Б. В. Фармаковский и на финикийском блюде IX в. [33].

К сожалению, мы располагаем лишь очень небольшим материалом, позволяющим говорить об особенностях изображений животных в памятниках искусства из районов Северной Месопотамии, Сирии, Палестины в эпоху, соответствующую додинастическому времени в Шумере и Египте. Здесь редко встречаются цилиндрические печати, столь характерные для Двуречья. Немногочисленные экземпляры деревянных печатей и от-

---

[29] *Rostovzev M. I.* Iranians and Greeks..., p. 27.

[30] *Frankfort H.* The Birth of Civilization in the Near East. London, 1955, appendix.

[31] *Mellaart J.* Bronze Age and Earlier Languages of the Near East: an Archaeological View.— In: Archaeological Theory and Practice. New York — London, 1973, p. 165—167.

[32] *Van Buren E. D.* The Fauna of Ancient Mesopotamia as represented in Art.— Analecta Orientalia, v. XVIII, Roma, 1939, fig. 23, 24.

[33] *Фармаковский Б. В.* Ук. соч., с. 63, табл. XXVII, *3*.

тисков известны из раскопок Библа и Иерихона [34]. На них также изображались, хотя и очень схематично, процессии животных. Уникальное сходство по сюжету и стилю с майкопскими изображениями обнаруживает обломок стеатитовой ювелирной формы из Библа, к сожалению, плохо датированной: два ряда идущих хищников (пантер?) разделяются рельефными валиками, украшенными косыми насечками, подобно валику на горле первого майкопского сосуда [35].

Эти находки дают основания предполагать, что в указанных районах существовал близкий майкопскому художественный стиль. Это согласуется с выводом о тесной связи раннемайкопских памятников с культурными центрами Сирии, Северной Месопотамии и Восточной Анатолии того времени, сделанным на основе анализа керамических комплексов [36].

Все сказанное выше позволяет, на наш взгляд, пересмотреть мнение о том, что майкопские изображения не являются достаточно полноценным и самостоятельным источником. Даже самое общее рассмотрение некоторых особенностей композиций, украшающих серебряные сосуды из БМК, приводит к двум вполне определенным (хотя и нуждающимся в дальнейшем разработке) выводам: 1. Все приведенные аналогии майкопским изображениям ограничиваются хронологическими рамками додинастического — начала династического времени. Изображения верениц животных, подобных майкопским, встречаются в искусстве различных областей Древнего Востока в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. 2. Стилистически наиболее близки к майкопским находкам памятники Египта и Восточного Средиземноморья (Библ).

M. V. Andreieva

THE DESIGNS ON SILVER MAIKOP VESSELS

Summary

The author makes an inventory of a great number of art objects of Mesopotamia, Egypt and the eastern coast of the Mediterranean. The author rejects traditional comparing of Maikop antiquities with the treasures of the king's burials in Alaca Hüiük and Ur. She considers that the latest data confirm well-known M. I. Rostovtzev's theory about the Maikop sites finds as belonging to the end of chalcolithic — the Early Bronze Age. The author supposes that the Maikop style of art is originated in the area of the eastern Mediterranean coast of the end of the IV — the beginning of the third millenium B. C.

---

[34] *Hennessy J.* The foreign relations of Palestine during the Chalcolithic and Early Bronze Age. London, 1967, p. 64, pl. LII.

[35] *Dunand M.* Fouilles de Biblos, t. I. Paris, 1939, p. 324, 325, pl. CVIII.

[36] *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры.— СА, 1977, № 1, с. 39—56.

Е. Е. КУЗЬМИНА

О ДВУХ ПЕРСТНЯХ АМУДАРЬИНСКОГО КЛАДА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЦАРИЦ

Амударьинский клад, опубликованный О. М. Дальтоном 70 лет назад, в последние годы стал объектом дискуссий. Время, место и назначение вещей этого комплекса вызывают споры, семантика же изделий почти не исследована. Поэтому целесообразно вновь обратиться к амударьинским предметам и пересмотреть их в свете накопленных за последние годы данных о культуре Средней и Передней Азии.

В составе комплекса есть два перстня с изображением женщин. На овальном щитке одного из них (№ 103) изображена в профиль женщина (рис. 1, *1*), сидящая на резном деревянном стуле с низкой спинкой. На ней длинное платье с мягкими поперечными складками, на голове — корона с зубцами пирамидальной формы, из-под которой на спину спускается коса. В правой руке ее — схематически изображенный цветок, в левой — венок. На щитке второго перстня (рис. 1, *2*) также в профиль представлена дама, сидящая на резном стуле с высокой спинкой (№ 104). Она одета в платье с длинной юбкой и глубокими вертикальными складками. На обеих руках — браслеты, на голове — корона с остроугольными зубцами. В ее правой руке — цветок, на вытянутой левой руке сидит птица, может быть голубь. О. Дальтон отнес перстни к V—IV вв. до н. э.[1]

Изображения женщин известны и на других перстнях ахеменидской эпохи: с Кипра, представляющее даму с чашей в руке[2], из Рахманлиджа — с фигурами женщины и всадника[3]. Особенно схоже с амударьинской царицей (№ 103) изображение сидящей женщины на серебряном перстне из Мерсина (№ 990)[4], только на голове у нее нет короны (рис. 1, *4*). Ближайшие аналогии изображениям амударьинского и мерсинского перстней составляют образы женщин на геммах греко-персидского стиля. Таково изображение сидящей женщины с цветком на подвеске № 891 (рис. 1, *5*). На царицу перстня № 104 очень похожи фигуры на скарабеоиде из Бостона (№ 964), сидящие на таких же стульях с высокими спинками и одетые в такие же платья с вертикальными складками на юбке (рис. 1, *3*). В руках у одной лютня, у другой — птица.

На многих печатях греко-персидского стиля представлены стоящие женщины (рис. 1, *5—10*). Образы их однотипны: это пышнотелые матроны с могучим бюстом, одетые в платья, драпирующиеся широкими

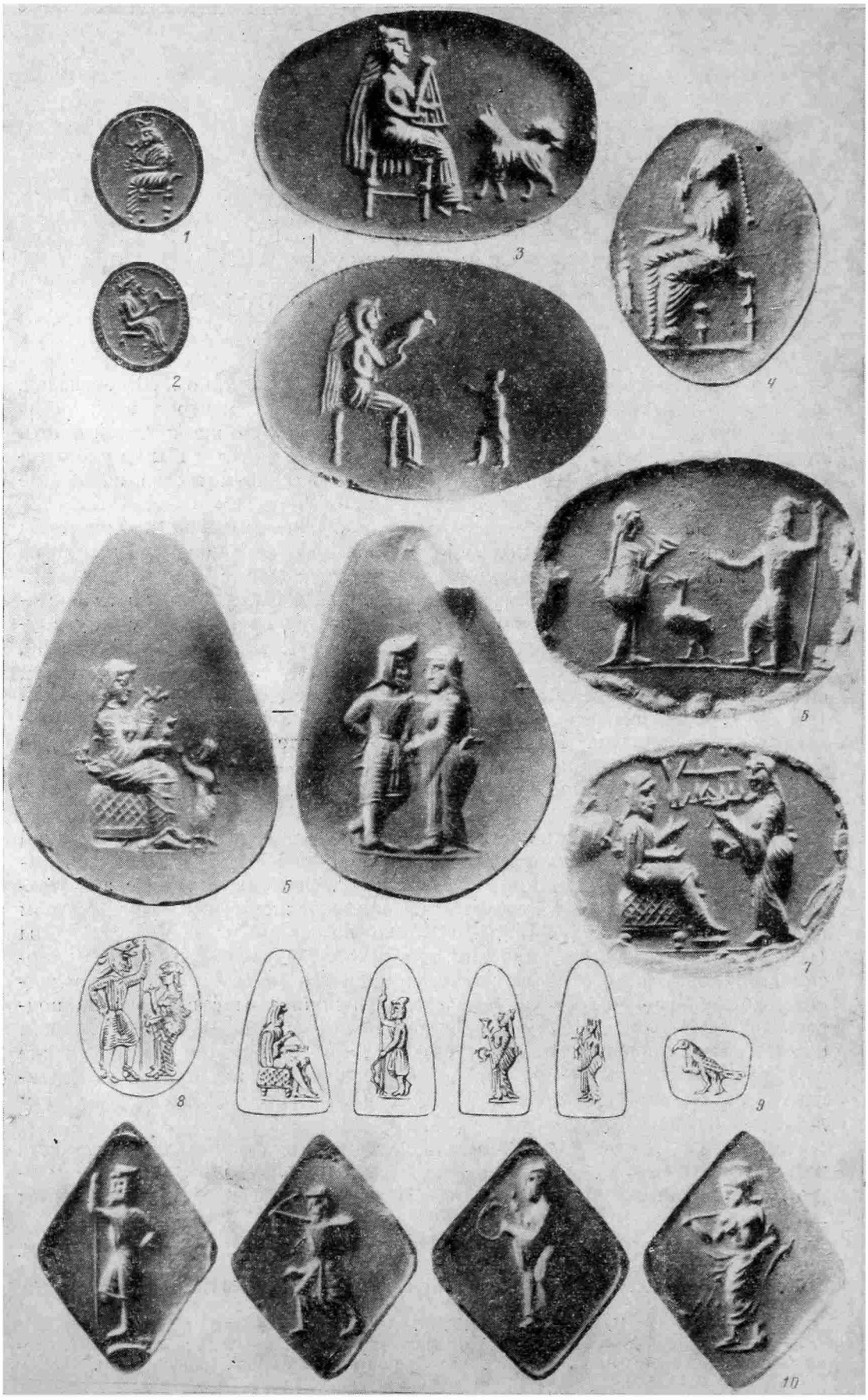
---

[1] *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus. London, 1964, p. 27, pl. XVI, № 103, 104. Далее номера вещей клада указаны по этому изданию.

[2] *Furtwängler A.* Beschreibung der geschnittenen Steine in Antiquarium. Berlin, 1896, Taf. 4.

[3] *Filow B.* Duvanlij. Berlin, 1930, pl. 8, 10.

[4] Здесь и далее приводится номер печати на таблице по книге: *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. London, 1970.



поперечными складками, с очень широкими длинными рукавами. Волосы у всех заплетены в длинные косы. В руках они держат или цветок и венок (как амударьинская царица), или чашу и сосуд, или ритон.

По классификации специалиста по греческой глиптике Д. Боардмана, печати и подвески с образами женщин, сопоставляемыми нами по стилю, костюму и прическе с амударьинскими, относятся к греко-персидским геммам групп Арндт, Пендант и Фи [5]. Печати группы Фи датируются концом V — началом IV в. до н. э.; особенно близки амударьинским изделия групп Арндт и Пендант — V в. до н. э., преимущественно второй его половины. Основанием для датировки групп служат многогранные мюнхенский и лондонский камни (№ 876), на которых совмещены изображения в греко-персидском стиле с чисто греческими, типичными для искусства Эллады V в. до н. э.

Стилистическое сходство женских персонажей амударьинских перстней и греко-персидских гемм столь велико, что позволяет по аналогии с печатями датировать амударьинские перстни второй половиной V в. и, может быть, самым началом IV в. до н. э. Правомерность этой даты перстней подтверждается находками металлических колец и их оттисков в комплексах Мемфиса, Персеполя (дата V в. до н. э. устанавливается по надписям), Ниппура (датируются временем гибели города в 404 г. до н. э.), погребения в Уре (датируются началом IV в. до н. э. совместными находками в закрытом комплексе с греческими экземплярами).

На ту же дату указывают и атрибуты цариц. Корона царицы с перстня № 103 по форме подражает короне Дария на Бехистунской скале [6]. Стулья, на которых сидят царицы, типичны для V в. до н. э. У одной из них (№ 103) — греческий дифрос с резными ножками, у другой (№ 104) — сиденье типа тронов со спинками, употреблявшихся в Греции, в Малой Азии и в Иране в V в. до н. э. [7] По свидетельству Плутарха (Фемистокл, 13, 1), на таком золотом стуле сидел Ксеркс, глядя на бой при Саламине. После битвы при Платеях греки передали в храмы Акрополя Афин захваченные в персидском лагере трофеи (Геродот, IX, 80), среди них — стулья-дифрос [8]. Оба типа сидений изображены в Персеполе [9].

Где были изготовлены амударьинские перстни? Как уже подчеркивалось, по стилю они близки греко-персидским геммам, центром производства которых большинство исследователей вслед за А. Фуртвенглером считают Малую Азию, ставя вопрос о выделении локальных школ, прежде всего в Лидии и Фригии [10]. Но золотые перстни не были характерны

---

[5] Ibid., p. 316, 322, 325, 326, fig. 289, 294, 297, pl. № 854, 876, 879, 880, 891, 892, 903

[6] *Ghirshman R.* Perse. Paris, 1963, fig. 284; *Dutz W.* Das Gebet des Königs. Teheran, 1971, Taf. 30; *Ritter H.* Diadem und Königsherschaft. Münich, 1965; *Azarpai G.* Crowns and Some Royal Insignia in Early Iran.— JA, IX, 1972, fig. 2.

[7] *Richter G.* Ancient Furniture. Oxford, 1926, p. 300; *idem.* The Furnishing of Greek Houses.— Archaeology, 1965, XVIII, p. 26f; *idem.* The Furniture of the Greeks, Etruscans and Romans. London, 1966, p. 19—21, 38; *Von der Osten H.* Die Welt der Perser. Gotha, 1962, Taf. 62.

[8] *Thompson D.* The Persian Spoils in Athens. The Aegeans and the Near East. N. Y., 1956, p. 282, 285, 287.

[9] *Dutz W.* Op. cit., Taf. 94, 110, 112, 206.

[10] *Furtwängler A.* Die antike Gemmen. Leipzig — Berlin, 1900, S. 116f; *Maximova M.* Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen.— AA, III—IV, 1928, S. 648—678; *Richter G.* The Late «Achaemenian» or «Graeko-Persian» Gems.— Hesperia, № 8, 1949, p. 291—298; *idem.* Greak Subjects on «Graeco-Persian»

Рис. 1. Изображения женщин на амударьинских перстнях и печатях греко-персидского стиля: *1*, *2* — перстни Амударьинского клада (по О. Дальтону: *1* — № 103; *2* — № 104); *3—10* — печати греко-персидского стиля (по Д. Боардману: *3* — № 964; *4* — № 990; *5* — № 891; *6* — № 892; *7* — № 880; *8* — рис. 297; *9* — рис. 294; *10* — № 876)

для Переднего Востока, большинство их происходит из клада Окса, поэтому Д. Боардман признал перстни «восточным феноменом», допуская существование самостоятельного центра их производства в Бактрии [11], что подтверждается выделением в кладе группы вещей местной бактрийской художественной школы [12].

Когда и где сложился иконографический тип женщин, представленный на печатях Окса? В скульптуре и коропластике ни Бактрии, ни Ирана в предахеменидскую эпоху нет его прототипа [13]. В монументальном искусстве Ахеменидов нет изображений женщины. Напротив, в художественном творчестве Передней Азии и Греции образ женщины популярен. В малоазийских областях и после подчинения их Ахеменидами женщин продолжали изображать в прикладном и монументальном искусстве. В столице Фригии Даскилее в воздвигнутом около 400 г. до н. э. дворце персидского наместника Фарнабаса на рельефе представлена процессия с дамами, дамы есть и на надгробиях в Ксантосе и Чавуш-Кёе [14]. В ахеменидскую эпоху в Малой Азии, прежде всего в Лидии, распространились иранские верования, в том числе культ богини Анахиты [15].

Малоазийское искусство испытывало сильное влияние греческих областей [16]. В ахеменидскую эпоху в малоазийских городах продолжали работать греческие художники, а творчество местных мастеров было проникнуто эллинским духом. Поэтому образы женщин на печатях несут следы греческого воздействия. Поза сидящих дам на печатях и перстнях воспроизводит посадку фигур на произведениях греческих скульпторов и мастеров глиптики, в частности Дексамена [17]. Изображение складок одежды женщин на печатях подражает трактовке складок ионийского хитона на греческих вазах [18].

С канонами изображения женщины в малоазийском эллинизированном искусстве бактрийцы познакомились, вероятно, по произведениям малых форм [19], прежде всего глиптики. Портативные печати легко достигали самых отдаленных областей империи [20], и представленные на них образцы становились эталоном для подражания для мастеров местных художественных школ, в том числе бактрийской. В Бактрии —

Seal Stones.— In: Archaeologia Orientalia in Memoriam E. Herzfeld. N. Y., 1952, p. 189—195; *Seyrig H.* Cachets achéménides.— Ibid., p. 195; *Nikulina N. M.* La glyptique «greque-orientale» et «greco-perse».— АК, 1971, 14, Н. 2; *Boardman J.* Op. cit.

[11] *Boardman J.* Op. cit., p. 325.

[12] *Кузьмина Е. Е.* Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра.— В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978; *Kuzmina E. E.* Liens entre la Bactriane et L'Iran aux VII à IV s. a. n. e.— In: Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Paris, 1977.

[13] *Массон В. М.* О культе женского божества у анауских племен.— КСИИМК, № 73, 1959.

[14] *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens vom Homer bis Alexander. Berlin, 1961, Taf. 116.

[15] *Wikander S.* Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1946, S. 84.

[16] Крез (561—547 г. до н. э.) завоевал области восточной Греции и пригласил в Сарды греческих художников (*Richter G.* Greeks in Persia.— AJA, № 1, 1946, p. 26).

[17] *Неверов О. Я.* Дексамен Хиосский и его мастерская.— В сб.: Памятники античного прикладного искусства. Л., 1974, рис. 4.

[18] *Evans M.* Ancient Greek Dress. Chicago, 1964, p. 25, fig. 27.

[19] Под влиянием малоазийских эллинизированных прототипов сложилась и иконография обнаженных женщин в коропластике Средней Азии: костяной статуэтки в позе Венеры Стыдливой V—IV вв. до н. э. из Халчаяна (*Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966, с. 218—226, рис. 102) и золотой фигурки из петровской коллекции (*Завитухина М. Г.* Золотая статуэтка из Сибирской коллекции Петра I и некоторые вопросы истории коллекции.— СГЭ, XXXVIII, 1974, с. 41—44) и обнаженного юноши Окса (*Кузьмина Е. Е.* Греческий курос в Бактрии.— КСИА АН СССР, № 147, 1976, с. 27—33).

[20] Греческие печати с изображением греческих богов найдены в Сардах, Персеполе, Таксиле и кладе Окса (*Dalton O.* Op. cit., pl. XV; *Boardman J.* Op. cit., p. 310, 311, 322).

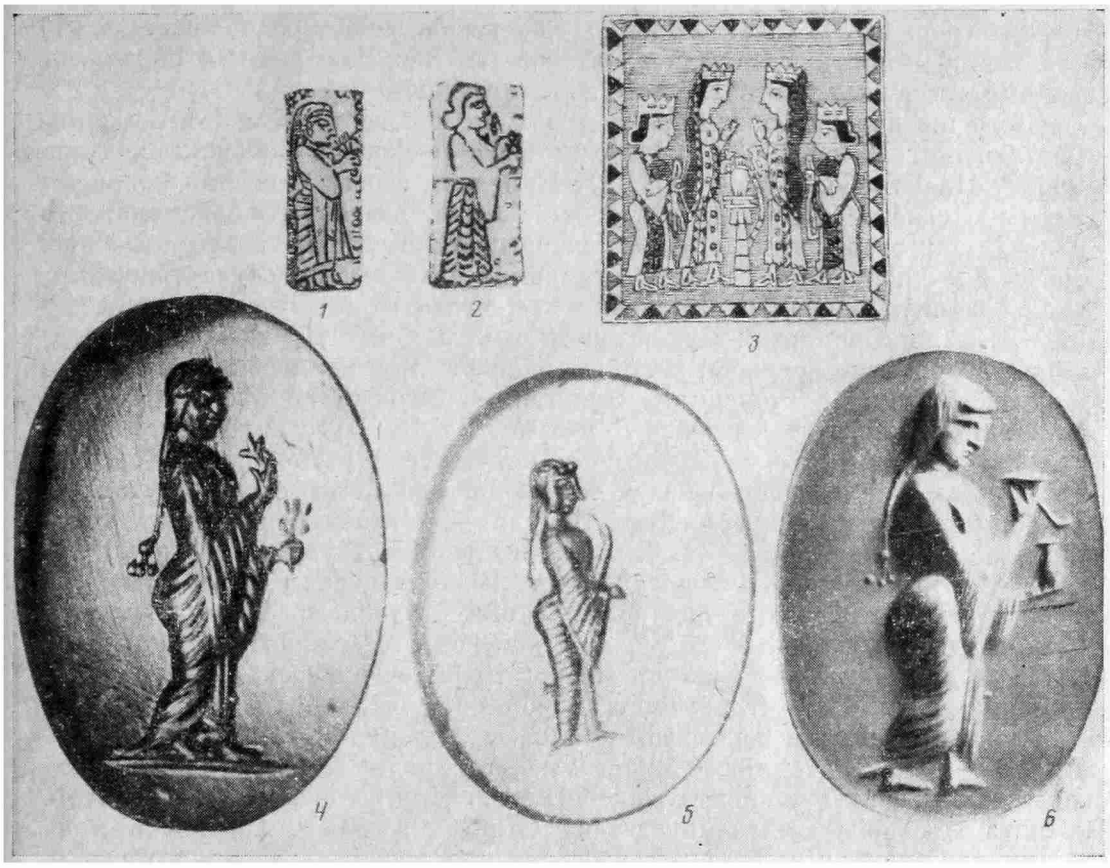


Рис. 2. Изображения женщин на пластинах Амударьинского клада, на ткани из Пазырыка и печатях греко-персидского стиля: *1, 2* — пластины Амударьинского клада (по О. Дальтону: *1* — № 93; *2* — № 89); *3* — узор на ткани из пятого Пазырыкского кургана; *4—6* — печати греко-персидского стиля (по Д. Боардману: *4* — № 879; *5* — № 903; *6* — рис. 283)

стране древнего златоделия — по оттискам печатей стали отливать золотые кольца.

Иконография женских образов греко-персидских гемм послужила прототипом и для канона изображения женщин на золотых пластинах Амударьинского клада № 89 и 93 (рис. 2, *1, 2*). Обе дамы представлены в той же позе и с таким же цветком, как и на печатях (рис. 2, *4—6*). Но их костюм своеобразен: вместо обычных одеяний с мягкими складками на них кофты с широкими рукавами и задрапированные юбки. Особенно специфичны костюм и прическа женщины на пластине № 89 (рис. 2, *2*): у нее уложенные сзади валиком волосы, юбка с тремя вертикальными и расходящимися от них поперечными складками [21]. Подобные костюм и прическа не характерны ни для иранского и переднеазиатского, ни для греческого искусства [22], что позволяет видеть здесь изображение бактриянки в местном костюме. Аналогичные персонажи известны только на цилиндре Клерка [23] и на ткани из пятого Пазырыкского кур-

[21] О. Дальтон не был уверен, что это женщина. Но у № 89 подчеркнут бюст и изображены широкие рукава — типичная принадлежность костюма женщин ахеменидской эпохи, а похожая прическа — у женщины на пластине Окса № 94.

[22] *Evans M.* Op. cit.; *idem.* Costume through the Ages. London, 1938; *Houston M.* Ancient Greek, Roman and Byzantine Costume. London, 1920; *idem.* Ancient Egyptian, Mesopotamian and Persian Costume and Decoration. London, 1954; *Goldman B.* Origin of the Persian Robe.— IA, v. IV, N 2, 1964.

[23] *Menant J.* Recherches sur la glyptique orientale, v. II. Paris, 1886, pl. 9, *2*. Дата V в. до н. э. устанавливается по аналогии курильнице в Персеполе (*Dutz M.* Op. cit., Taf. 80).

гана [24] (рис. 2, *3*). С. И. Руденко уже высказывал предположение, что эта ткань импортная, переднеазиатской работы. Бактрийская параллель, видимо, позволяет уточнить место ее изготовления [25].

Кого же видели бактрийцы в дамах на перстнях? Кто это — царицы или богини? В иранской мифологии было несколько женских персонажей [26]. По Страбону (XI, VIII, 5), Кир день своего спасения во время войны с саками «посвятил отеческой богине, назвав его сакеями», и в святилищах этой богини справлялся оргиастический праздник, подобный греческим дионисиям. Анализу праздника сакеев и культу среднеазиатской богини плодородия Мины-Анахиты посвятил интересное исследование Ю. А. Раппопорт [27]. Существовал также культ Дрваспы — «обладающей здоровыми конями», видимо, близкой другим древним индоевропейским богиням с «конскими» именами — галльской Епоне и греческой Меланиппе, отождествленной с Деметрой [28]. Г. А. Пугаченкова связывает ряд изображений в среднеазиатском искусстве с этой богиней [29]. Но в источниках нет сведений ни о ее иконографии, ни об атрибутах.

Зороастрийцы почитали Аши Ванухи — «святость», дающую людям здоровье и процветание, символ благословения Ахурамазды за благие дела. На индоиранских монетах Аши изображалась в виде женщины с нимбом; в митраизме она была отождествлена с Тюхе-Фортуной. Г. А. Пугаченкова видит ее образ в искусстве Маргианы [30]. Но в Аши Яште и в Гатах Аши выступает как морально-этическая абстракция, лишенная каких-либо атрибутов и антропоморфных черт [31].

Главным женским божеством ираноязычных народов была Анахита [32]. Анахита — «незапятнанная», «чистая» — это эпитет божества Ардви, впоследствии превратившийся в имя богини [33]. Другой эпитет богини: svaita-tanva — «в белые одеяния одетая» (Яшт, 10, 126) [34]. Ардвисура Анахита — это древняя индоиранская богиня плодородия, связанная с водой: ее индийской параллелью является Сарасвати [35]. Принято считать, что культ Анахиты, издревле существовавший в среде восточноиранских (или всех иранских) народов, ввел в официальную ахеменидскую религию

[24] *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М., 1952, с. 67, рис. 22. Длинная юбка с вертикальными складками и кофта с короткими рукавами составляют костюм женщины на сакском жертвеннике из с. Чильпек на Иссык-Куле (*Винник Д. Ф.* Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля.— АО — 1976. М., 1977, с. 582).

[25] Сопоставление находок в Пазырыке, Иссыке, Орске и др. с изделиями бактрийской художественной школы показывает, что бактрийские мастера изготовляли для кочевников предметы роскоши (*Kuzmina E. E.* Op. cit.).

[26] Приношу искреннюю благодарность В. А. Лившицу за консультацию.

[27] *Раппопорт Ю. А.* К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-Калы.— В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.

[28] *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у народов Старого Света.— В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.

[29] *Пугаченкова Г. А.* О культах Бактрии в свете археологии.— ВДИ, 1974, № 3.

[30] *Пугаченкова Г. А.* Маргианская богиня.— СА, XXIX—XXX, 1959, с. 119—143.

[31] *Bode A.* The Concept of Aši in the Gāθās and the Aši Jašt.— XXIX Congrès internationale des orientalistes. Paris, 1973, p. 111, 112.

[32] *Weller H.* Anahita. Grundlegendes zur arischen Metrik Jašt. V. Stuttgart, 1938; *Zoka J.* New Light of Achaemenid Religion, VI. ICIAA, Oxford, 1975; *Duchesne-Guillemin J.* La religion de l'Iran ancien. Paris, 1962, p. 163, 180, 181; *idem.* La religion des Achéménides Beiträge zur Achaemenidengeschichte. Wiesbaden, 1972, S. 59—82; *Chaumont M. L.* Le culte de la déesse Anahita.— JA, t. CCLIII, 1965.

[33] *Соколов С. Н.* Язык Авесты. Л., 1964, с. 211.

[34] Предположения Л. Г. Герценберга (*Герценберг Л. Г.* Морфологическая структура слова в древнеиранских языках. Л., 1972, с. 49) о том, что этот эпитет превратился в имя высшего женского персонажа осетин Сатаны, оспаривается В. А. Лившицем.

[35] *Duchesne-Guillemin J.* Zoroastre. Paris, 1948, p. 53; *Lommel H.* Anahita- Sarasvati.— Asiatica. Festschrift F. Weller. Leipzig, 1954, S. 405; *Tavadia J. C.* From Aryan Mythology to Zoroastrian Theology.— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1953, Bd 103, H. 2, S. 349; *Jamse E.* The Culte of the Mother Goddess. London, 1959, p. 94—108. Ж. Дюмезиль (*Dumézil J.* De Janus à Vesta.— Tarpeia. Paris, 1947) отождествляет Анахиту и Сарасвати с Вестой.

Артаксеркс II (405—359 г. до н.э.), поскольку в надписи из Суз упоминаются Ахурамазда, Анахита и Митра[36]. Плутарх (Артаксеркс, III, XXXIII, XXXIX) упоминает храм, посвященный воинственной богине Минерве в Пасаргадах, храм Юноны и храм Дианы, называемой Анитис, в Экбатанах. Однако, как уже говорилось, еще Кир поклонялся иранской богине, причем при нем существовали ее святилища, а по словам Тацита (Анналы, III, 62), Киром был построен храм Дианы Персидской в Иероцезарее. В надписях Дария фигурируют «Ахурамазда и другие боги» (Бехистунская надпись, IV, 61—63), а по свидетельству Страбона (XVI, 1, 4), около дворца Дария Гистаспа у Арбел было святилище Анаит. Так что можно полагать, что женское божество почиталось на протяжении всей ахеменидской эпохи.

В древней индоиранской религии еще не завершился процесс антропоморфизации богов[37], ни в Ригведе, ни в Авесте нет детальных описаний облика божества за исключением Анахиты в Ардвисур Яште[38], которое исследователи считают поздней интерполяцией[39], что согласуется с сообщением Геродота (I, 31) о том, что «иранцы не представляют своих богов человекоподобными, как это делают эллины». Древнейшим свидетельством появления антропоморфных изображений богов в Иране является рассказ вавилонского жреца и историка Берроса о сооружении Артаксерксом II статуй Анахиты в Персеполе, Сузах, Экбатанах, Вавилоне, Дамаске, Сардах и Бактрах[40].

Ахемениды проводили политику религиозного синкретизма[41]. Древнеиранская Анахита была отождествлена с переднеазиатской Наной[42] и с греческой Афиной, судя по вотивной надписи в Персеполе. Поэтому при создании канона изображения женского божества в ахеменидском искусстве была использована иконография богини-матери, почитавшейся малоазийскими народами Ахеменидской империи[43]. Этот основанный на изучении печатей вывод важен, так как до сих пор считалось, что иконография женского божества в Иране была создана под влиянием античного искусства только в парфянскую эпоху[44].

Однако атрибуция женских образов ахеменидской эпохи вызывает большие трудности[45]. В Авесте Анахита представлена на колеснице с

---

[36] *Kent R.* Old Persian Grammar. New Haven, 1950, p. 154, 155.

[37] Ригведа (комментарий Т. Я. Елизаренковой). М., 1972.

[38] *Duchesne-Guillemin J.* A la recherches d'un art mazdéen, V. ICIAA, Teheran, 1969, p. 265.

[39] *Nyberg H.* Die Religionen des Alten Iran. Leipzig, 1938, S. 391.

[40] *Müllurus C.* (Ed.). Fragmenta Historicorum Graecorum II. Paris, 1849, S. 508, 509. Однако Р. Гиршман допускает, что сведения Берроса ошибочны и относятся к селевкидской эпохе (*Ghirshman R.* Perse, p. 176). Эти сомнения недостаточно обоснованы, так как о существовании статуй богов в ахеменидскую эпоху свидетельствует Квинт Курций (*Квинт Курций.* История Александра. VIII, 7, 13).

[41] *Дандамаев М. А.* Новые данные о религии в Персии на рубеже VI—V в. до н. э.— ВДИ, 1974, № 2, с. 29—31; *Wikander S.* Op. cit.

[42] *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972, с. 210; *Gray L.* Foundations of the Iranian Religions. Bombay, 1927, p. 55—57.

[43] *Пугаченкова Г. А.* Маргианская богиня.

[44] *Ghirshman R.* Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaïman. Paris, 1975, v. I, p. 45, 46, 191, 193.

[45] Ж. Дюшен-Гийемен (*Duchesne-Guillemin J.* A la recherches..., p. 67) отказывается считать Анахитой богиню на спине льва перед ахеменидским царем на цилиндре из Анапы (*Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 111, fig. 298), так как в иранской мифологии нет образа богини на льве. Иконография богини на льве бесспорно заимствована в Передней Азии, где этот образ восходит в бронзовому веку и популярен в ассирийском и сиро-хеттском искусстве. Анапский цилиндр принято датировать временем Артаксеркса II, но стилистически он кажется древнее ввиду близости образам богини в лучах на спине льва в ассирийской глиптике (*Ward W.* The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910, p. 348, № 749, 751, 759—763). Возможность отождествления в Иране этого персонажа с Анахитой подтверждается постоянным эпитетом Анахиты «сияющая». Образ богини на льве был заимствован из Передней Азии также в индуистском искусстве (*Zimmer H.* Myths and Symbols in Indian Art and Civilisation. New York, 1945, p. 70).

четырьмя белыми конями, «в бобровую шубу одета Ардвисура Анахита; похваляется серьгами четырехгранными золотыми; на голову повязала она диадему с сотнями драгоценных камней, золотую, из восьми частей в виде колесницы» [46]. Но в изобразительном творчестве ни ахеменидской, ни последующих эпох нет персонажа, соответствующего этому образу. Облик других богинь в Авесте вообще не описан. Поэтому единственный путь установления иконографии иранского женского божества — это ретроспективный анализ и выявление атрибутов богини.

Важные новые данные об иконографии Анахиты в Иране получены при раскопках в Бард-и Нешанде, где найдена капитель колонны парфянской эпохи с изображением сидящей женщины с копьем и чашей в руках. Р. Гиршман видит в ней Анахиту, иконография которой сложилась под влиянием античного образа Афины-воительницы, с которым иранцы познакомились только в эллинистическую эпоху [47]. На других гранях капители представлены три мужских фигуры (по Р. Гиршману): Митра в характерном для него фригийском колпаке с копьем и щитом и два персонажа в позе одорации, возможно, основатель святилища и его предок [48]. Интересно, что то же сочетание женщины с чашей, мужчины в фригийском колпаке с копьем и двух других мужских персонажей представлено уже на многогранных греко-персидских печатях ахеменидской эпохи, что, возможно, указывает на допарфянское и доэллинистическое сложение композиции, сохраняющей свою семантику на протяжении веков [49].

В произведениях искусства сасанидской эпохи есть изображения Анахиты в сценах инвеституры в одежде и короне сасанидской царицы с чашей, с цветком лотоса или венком-кольцом в руках, иногда в сопровождении птицы.

Поскольку на амударьинских перстнях женщины представлены с теми же атрибутами: в короне, с птицей, венком и цветком — это служит серьезным основанием признать их изображениями Анахиты и утверждать, что традиция представлять богиню с подобными атрибутами сложилась еще в ахеменидскую эпоху. Эта трактовка подтверждается композицией печатей № 880 и 892, (рис. 1, *6*, *7*), где женщина подносит сосуд мужчине. Их можно интерпретировать как сцену инвеституры, где богиня причащает и венчает на царство воина. Ритон, сосуд, венок, цветок и иногда птица имеются и у других женщин на печатях и на многогранных камнях, где рядом с женщиной изображены царь в короне и воин с луком и стрелой, которых можно рассматривать как участников церемонии избрания на царство [50].

Все атрибуты на этих печатях имеют символическое значение. Ритон у индоевропейцев играл важную роль на коронации [51]: из него избранник пил кровь приносимого в жертву белого коня [52], что изображалось

---

[46] *Ардвисур Яшт.* Отрывки из Авесты, пер. Е. Э. Бертельса.— В сб.: Восток. М.—Л., 1924, кн. 4.

[47] *Ghirshman R.* Terrasses sacrées, v. I, p. 45, 46, 192, v. II, pl. XXIV, *2*.

[48] Ibid., p. 46, 193.

[49] *Kuzmina E. E.* Op. cit.

[50] Ж. Цока полагает, что на многогранных печатях представлены главные боги иранского пантеона: Ахурамазда — царь с бородой, Митра — мужчина с луком и стрелой (*Zoka J.* New Light, p. 100). Это не противоречит нашей трактовке, поскольку для ахеменидского искусства характерна двойная символика и манера представлять бога в костюме и короне царя, а царя — в роли бога и легендарного героя-змееборца. Отождествление персонажа в фригийском колпаке с Митрой подтверждается традицией изображать Митру в этом головном уборе в последующие эпохи (*Cumont F.* Texts et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Bruxelles, 1899; *Ghirshman R.* Terrasses sacrées...).

[51] *Svoboda B., Končev D.* Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956, S. 101—113; *Ghirshman R.* Le rhyton en Iran.— Artibus Asiae, XXV, 1962.

[52] *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства...; *ее же.* Конь в религии и искусстве саков и скифов.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977.

в искусстве как подношение богиней ритона (или сосуда) претенденту на престол. Сцена инвеституры есть и в искусстве евразийских степей: на диадеме из Карагодеуахша и пластине из Мержан, на ковре из Пазырыка и пр.[53], а также на фракийских памятниках (в частности, на кольце из Малтепе)[54]. На кушанских монетах рог стал атрибутом богини изобилия Ардохш[55].

Лук и стрела также имеют символическое значение — это инсигния касты воинов и царя индоиранцев. В Авесте, в Гатах, говорится: «лук — это сила знатных», а в Чатапатха-брахмане (V, III, 5): «лук — оружие касты кшатриев». По Авесте, золотую стрелу вручил Ахурамазда первому царю иранцев Йиме. Состязания в стрельбе из лука устраивались у индоиранцев при избрании жениха для царевны и претендента на престол. Победитель Арджуна женился на царевне Драупади (Махабхарата, кн. I, Адипарва, гл. 176—179), а Рама — на Сите (Рамаяна, I)[56]. У скифов царем стал Скиф — младший сын Геракла-Таргитая, натянувший лук своего божественного отца, поэтому его представляют с луком в руках[57].

Пережитки этого обычая сохранились в восточноиранских областях, где победителя на стрелковых играх делали на сутки царем в день Нового года — Науруза[58], бывшего у всех индоиранцев днем коронации[59]. Ритуальную стрельбу из лука в честь бога солнца до сих пор практикуют индуисты в Индии[60]. Связь этого обряда с царским культом в том, что, по представлениям индоиранцев, в день рождения царя солнечный бог посылает с неба лучи-стрелы[61].

Что касается цветка в руках богини, то соотнесение богини плодородия с древом жизни или цветком как символом растительного мира характерно и для древневосточных, и для всех индоевропейских традиций[62], а название мирового дерева — общеиндоевропейское[63]. По представлениям индоиранцев, богиня-мать ассоциировалась с мировым деревом и сидящими на нем священными птицами[64]. В индоиранской мифологии

---

[53] *Городцов В. А.* Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве.— Тр. ГИМ, вып. 1, 1926, с. 20; *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, вып. 49, 1913, с. 140; *Руденко С. И.* Ук. соч., рис. 33; *Попова Е. А.* Рельеф с городища «Чайка».— СА, 1974, № 4; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага, Л., 1966, рис. 331; *его же.* Антропоморфные божества в религии скифов.— Сб. ГЭ, № 2, 1961, с. 65. М. И. Артамонов считает, что это причащение умершего хтонической богине, что неубедительно.

[54] *Филов Б.* Куполните гробници при Мезек.— ИАИ, XI, 1937, с. 77; Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. М., 1974, с. 142, № 284.

[55] *Зеймаль Е.* Существовал ли бог Ашаихш?— СГЭ, XXXVIII, 1974, с. 53—59. Имя богини Ардохш Г. Шредер (*Schrader H.* Iranica.— In: Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen, 1934, S. 75 ff.) возводил к слову Окс (Охšо), а В. А. Лившиц — к Aša-Vahišta — «Наилучшая Арта» (*Лившиц В. А* Кара-тепе, т. II. М., 1969, с. 66, прим. 94).

[56] *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос. М., 1974, с. 180.

[57] *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея.— СА, 1970, № 3, с. 90—101. Видимо, акт избрания на царство изображен на бляхах с соревнующимися лучниками из Куль-Обы (*Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, рис. 224).

[58] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 204.

[59] *Diba P.* No-Rouz — le nouvel An iranien. Un mith de l'éternel retour.— In: Actes de la XVII rencontre assyriologique internationale. Bruxelles, 1970, p. 93—96.

[60] *Auboyer J.* Les jeux et les jouets. La vie publique et privée dans i'Inde ancienne. Paris, 1955, p. 16.

[61] *Widengren G.* The Sacral Kingship of Iran.— In: La regalita sacra. Leiden, 1955.

[62] *Perrot N.* Les reprèsantation de l'Arbre Sacré sur les monuments de Mésopotamie et d'Elam. Paris, 1937; *Lechber G.* The Tree of life in Indo-European and Islamic Cultures.— AI, IV, 1937; *Butterwarth E.* The Tree at the Navel of the Earth. Berlin, 1970.

[63] *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от ašva — конь.— В сб.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.

[64] *Иванов В. В.* Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики.— Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы, т. XXVII, вып. 3. М., 1968; *Топоров В. Н.* О струк-

птица, особенно водоплавающая, выступала олицетворением и спутницей богини-матери, связанной с водной стихией,— Сарасвати и Ардвисуры Анахиты [65], а пара уток в фольклоре всех индоевропейцев была символом супружеской любви [66]. Изображения водоплавающих птиц, в том числе парные, многочисленные в искусстве ираноязычных народов, в свете приведенных индоиранских данных могут рассматриваться как символ богини-матери [67]. Птицы изображены на нескольких анализируемых печатях (рис. 1, *3*, *6*, *9*) и на амударьинском кольце. Тот факт, что здесь представлена не водоплавающая птица, а голубь, не противоречит нашей интерпретации. Хотя у индоиранцев в древнейшую эпоху голубь считался вестником смерти (Ригведа, X, 165) и, по сообщению Геродота (I, 138), у персов был обычай убивать голубей, в Передней Азии, напротив, белый голубь издревле связывался с богиней-матерью и считался птицей Иштар [68]. Поскольку иконография Анахиты складывалась под воздействием канонов ближневосточного искусства, голубь стал ассоциироваться с Анахитой. В поздней зороастрийской традиции и в сасанидском искусстве голубь и павлин [69] считаются птицами Анахиты [70]. Судя по амударьинскому перстню, эта ассоциация у ираноязычных народов сложилась уже в V в. до н. э. У индоиранцев птица считалась вестницей воли богов при избрании на царство [71]. Пережитки этих представлений сохранились в ягнобской сказке, где царем становится тот, на чью голову села птица [72].

Приведенные факты подтверждают предположение, что на многофигурных печатях представлена сцена инвеституры. До сих пор считалось, что эта сцена, необычайно популярная в сасанидском искусстве, возникла лишь в парфянскую эпоху, к которой относится единственный рельеф с этой композицией в Танг и Сарвак, где правитель держит инвести-

туре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева.— ТЗС, V, Тарту, 1971; *Zimmer H.* Myths and Symbols, p. 69; *Thieme P.* Das Rätzel vom Baum. Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda. Halle, 1949; *Viennot O.* Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne.— In: Annales du Musée Guimet. Paris, 1954; *Wensinck A.* Tree and Bird as Cosmological Symbols in Western Asia. VKAWAL. Amsterdam, 1961, v. 22, № 1, p. 1—35.

[65] *Schroeder E.* An Aquamanile and Some Implications.— AI, V, pt. I, 1938, p. 17; *Lommel H.* Anahita-Saraswati...; *Vogel J.* The Goos in Indian Literature and Art. Leiden, 1962; *Bosch F.* Pratistā Symbols.— Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented F. Kuiper. Paris, 1968.

[66] *Гринцер П. А.* Ук. соч., с. 333, 334; *Germain G.* Essai sur les origines de certains thèmes odysséens et genèse de l'Odyssée. Paris, 1954, p. 468, 469.

[67] Д. С. Раевский (*Раевский Д. С.* О семантике одного из образов скифского искусства.— В сб.: Новое в археологии. М., 1972, с. 63—69) считает утку символом земной сферы, соотносимой с родоначальником Таргитаем. Парные изображения уток противоречат этой интерпретации, а для одиночных она может быть принята, если признать, что птица связывает земного царя с богиней-матерью.

[68] *Salonen A.* Vogel und Vogelfand im Alten Mesopotamien. Helsinki, 1973; *D. van Buren.* Symbols of the Gods in Mesopotamian Art.— In: Archaeologia orientalia, № 23, 1945.

[69] Павлин был также символом Сарасвати в Индии (*Раппопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 101; *Григорьев Г.* Тус-тупи.— Искусство, 1937, № 1; *Lommel H.* Anahita-Saraswati, S. 82).

[70] *Раппопорт Ю. А.* Хорезмийские астоданы.— СЭ, 1962, № 4, с. 76; *Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963.

[71] Поэтому изображения птиц помещались на коронах, парадной одежде и колеснице иранских царей. Р. Гёбль связывает орлов на сасанидских коронах с культом Анахиты (*Göbl R.* Investitur im sasanidischen Iran.— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd 56, 1960, S. 37). Более справедливым представляется мнение исследователей, которые считают их символом фарна и Веретрагны (*Луконин В. Г.* Культура..., с. 23, 96, 97, 159; *Вайнберг Б. И.* Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки.— ВДИ, 1962, № 1, с. 127, 128; *Кузьмина Е. Е.* Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства.— В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 189; *Заславская Ф. А.* Терракотовые фигурки из Афрасиаба в сасанидских коронах.— В сб.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 148).

[72] *Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. М.— Л., 1957, с. 22.

турное кольцо, врученное Анахитой и Митрой [73]. Анализ многогранных печатей дает основание отнести время появления сцены инвеституры к ахеменидской эпохе и позволяет видеть в женщинах на амударьинских перстнях изображения Анахиты [74].

Сложившись в ахеменидскую эпоху под малоазийским влиянием, канон изображения Анахиты и ее атрибуты сохранялись затем на протяжении многих веков. Тот же иконографический тип богини с цветком затем многократно воспроизводился в коропластике Средней Азии [75].

К этой богине обращались с молитвами претенденты на престол и совершали в ее честь богатые жертвоприношения (Яшт, V, 21), заклиная: «И вот, добрая, могучая Ардвисура Анахита, такую милость прошу я от тебя, чтобы я, будучи любимым, обширные царства обрел, где много варят пищи, получают большие куски, где фыркают кони, звенят колеса» (Ардвисур Яшт, V, 130, перевод И. С. Брагинского).

Поскольку Анахита была покровительницей царей, и к ней обращались в своих надписях Артаксеркеса II и III с просьбами хранить их, ее изображения помещали на печатях и перстнях — символах ранга знатности у ираноязычных народов [76]. По авестийской легенде, кольцо вручил первому царю Йиме Ахурамазда и оно стало царской инсигнией [77]. По сообщению Квинта Курция (Поход Александра, VI, VI, 4), у царя Дария был личный перстень, которым Александр в Парфии стал запечатывать свои письма.

Помещая на своей регалии изображение Анахиты, бактрийский правитель стремился напомнить своим подданным, что он правит ими волею богов Ахурамазды и Анахиты, даровавших ему царство своей милостью. Изображая высокочтимую Анахиту в костюме и короне царицы, правитель хотел подчеркнуть, что царь и царица являются земным воплощением богов.

Предложенная интерпретация изображений на двух перстнях амударьинского клада проливает свет и на вопрос о характере этого комплекса. Одни ученые вслед за О. Дальтоном считают клад собственностью правящего рода, другие, вслед за Р. Гиршманом, рассматривают клад как храмовое сокровище [78]. Поскольку почти все украшения клада являются царскими инсигниями, носить которые имели право только лица высших социальных рангов, а другие предметы украшены изображениями легенд о происхождении правящей династии [79], есть основания видеть в кладе собственность правящего рода.

---

[73] *Henning W.* The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak.— Asia Major, 1952, v. II, 2, pl. II, III; *Ghirshman R.* Terrasses sacrées..., p. 194.

[74] Возможно, такова же семантика женского персонажа с лютней на скарабеоиде из Бостона (№ 964). В Передней и Средней Азии лютня ассоциировалась с астрологическими воззрениями и планетой Венерой — Зухрой (*Садоков Р. Л.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970, с. 78—90). В индуизме небесные музыканты Гандхарвы связаны с богиней Сарасвати, а лютню создал предводитель гандхарвов Нарада и играет на ней на свадьбах (Мифы древней Индии. Изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. М., 1975, с. 25, 60).

[75] *Trever C.* Terracottas from Afrasiab. Leningrad, 1934; *Мешкерис В. А.* Терракоты самаркандского музея. Л., 1962.

[76] *Луконин В. Г.* Сасанидские геммы, с. 9; *Alfoldi A.* Die frührömische Reiteradel und seine Ehrenbezeichen.— In: Deutsche Beiträge zur Altertumswissenschaft, Bd 2, 1952, S. 29.

[77] Сюжет кольца часто используется и в литературе Индии (*Гринцер П. А.* Ук. соч., с. 185).

[78] *Ghirshman R.* Iran, Parthians and Sassanians. London, 1962. p. 244—250; *Barnet R.* The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus.— IA, 1968, v. VIII, p. 34—53.

[79] *Кузьмина Е. Е.* Греческий курос; *ее же.* Семантика изображений на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада.— В сб.: Искусство Востока и античности. М., 1977, с. 16—25.

E. E. Kuzmina

TWO FINGER RINGS FROM THE TREASURE OF THE OXUS WITH QUEENS' PORTRAITS

Summary

The two finger rings from the Oxus treasure with the queens' portraits have analogies among the gems of Greek — Persian style, classified by D. Boardman as belonging to the groups of Pendant, Arndt and Phi, basically dated the second half of the Vth — the beginning of the IVth c. c. B. C. The date of the rings can be confirmed by the queens' attributes: the type of crown, garment and hair style, the diphros chairs. The iconographic type of women represented on the rings and plates of the Oxus treasure had originated in the art of Asia Minor (its prototypes are represented in the monumental and applied art of Lydia and Phrygia. On the basis of the Hellenized canon of Asia Minor the Bactrian art school had created a female type of its own which is depicted on some plates from the treasure, and also, on some fabrics of Pazyryk barrow no 5 (fig. 2). The women's attributes on the rings (the crown, bird, flower, wreath) are according to Avesta, and iconography of Gods in the Sasanian art of Goddess Anahita, having the same attire in scenes of investiture. A close examination of the Oxus rings leads one to the conclusion that the iconographic type of Anahita in ancient and early medieval art stems from the type created in the Vth c. B. C. under the influence of the artistic canon of Asia Minor. The image of Anahita,— protectress of kings,— on the rings which were the insignia of the Iranian speaking people proves that the treasure belongs to the ruling dynasty.

Г. Н. ПРОНИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЧЕПСКОГО ТИПА

Деснинские древности I тысячелетия н. э. давно привлекают внимание исследователей, занимающихся вопросами раннего средневековья на левобережье Днепра. Конкретно речь идет о хронологии, этнической атрибутации и генезисе зарубинецкой культуры на позднейших этапах ее существования, а также о проблемах взаимоотношений субстратных культур (в данном случае восточнобалтийской юхновской культуры) с населением, оставившим памятники позднезарубинецкой культуры [1].

Планомерное изучение деснинских древностей этого периода началось в 1940-х годах. Составленная тогда культурно-хронологическая классификация для памятников этого района оставляла лакуну в 500—600 лет от рубежа до третьей четверти I тысячелетия н. э. Исследования, проведенные в 50—60-е годы, позволили заполнить этот пробел, выявив памятники не только начала — первых веков нашей эры, но и более поздних периодов. Среди них следует прежде всего отметить работы Ф. М. Заверняева, А. К. Амброза, Л. В. Артишевской, В. А. Падина, П. Н. Третьякова, Е. А. Горюнова. Однако полевое изучение деснинских памятников все еще носит разведочный характер. Из числа более чем ста известных памятников этого времени в районе верхнего и среднего течения Десны небольшим раскопкам подверглись только 22 поселения. Исключение составляют лишь Почепское селище и селище у с. Синьково (раскопки А. К. Амброза), а также некоторые памятники в районе г. Трубчевска. Поэтому те выводы обобщающего характера, которые делались ранее и делаются в этой статье, следует рассматривать как предварительные, поскольку до сих пор нет единого мнения о характере, хронологических рамках и этнической принадлежности культуры, для которой большинство исследователей приняло название позднезарубинецкой, часто объединяя под этим термином весьма различные памятники.

Большинство археологов считают позднезарубинецкие древности бассейна Десны раннеславянскими и отстаивают мысль о непрерывной ли-

---

[1] *Воеводский М. В.* Городища Верхней Десны.— КСИИМК. вып. XXIV, 1949, с. 67—78; *Заверняев Ф. М.* Почепское селище.— МИА, № 160, 1969; *Артишевская Л. В.* Разведка в верховьях Десны.— КСИИМК, вып. 68, 1957, с. 84—89; *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э.— 1964, № 1; *Падин В. А.* Раннеславянское поселение и могильник в районе г. Трубчевска.— СА, 1960, № 3; *Третьяков П. Н.* Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей.— МИА, № 160, 1969, с. 7—16; *Горюнов Е. А.* Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 119—126. Автором статьи в 1973—1975 гг. проводились разведки в бассейне Десны и ее притоков, а также небольшие раскопки на двух памятниках почепского типа — селище в урочище Парня (правый берег р. Навля — левобережье Десны) и селище между деревнями Дмитрово и Синьково (правый берег р. Судость).

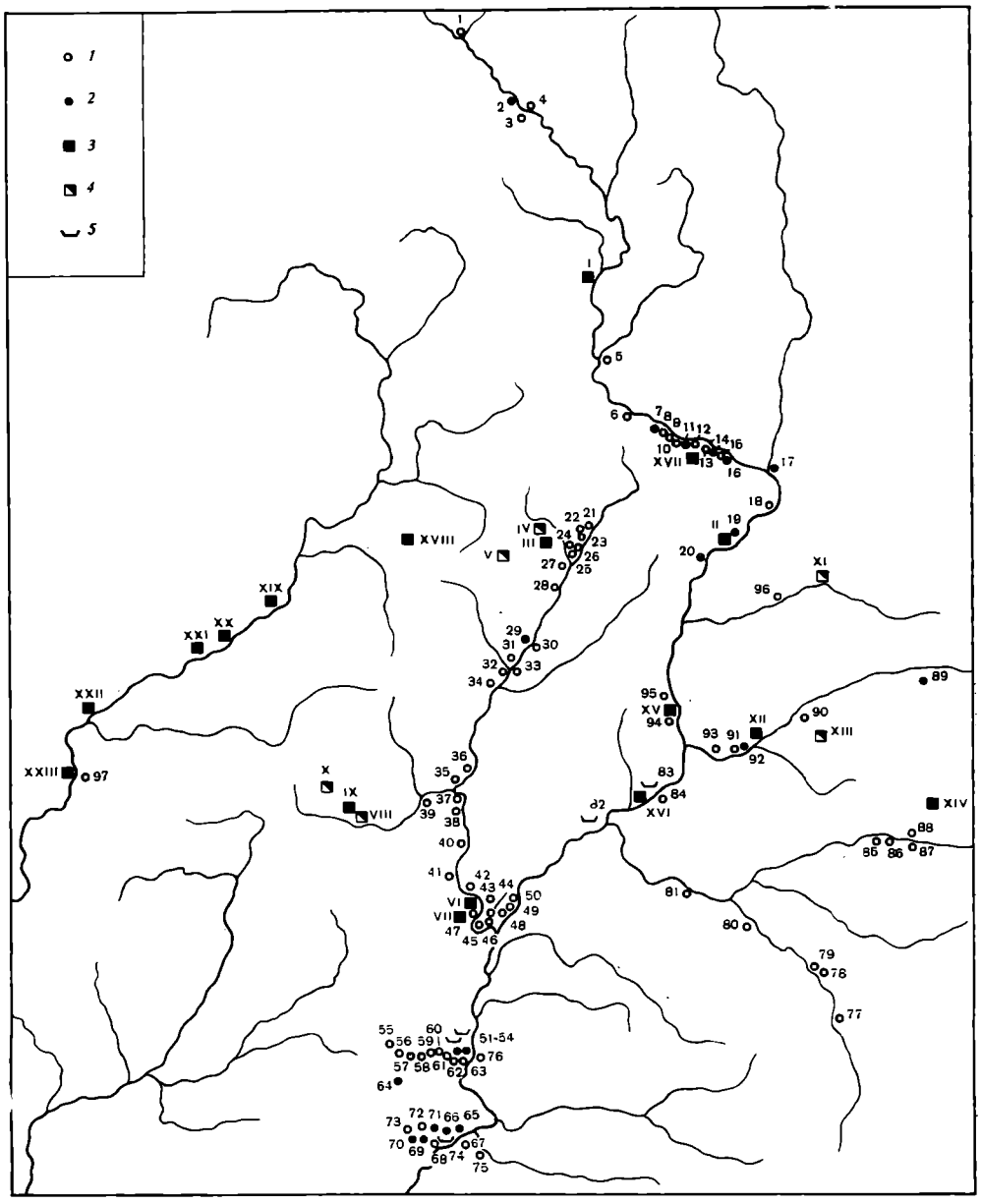


Рис. 1. Позднезарубинецкие памятники бассейна Верхней и Средней Десны. 1 — селища; 2 — селища, подвергавшиеся раскопкам; 3 — городища с наличием в верхних слоях материалов почепского типа; 4 — городища, относимые к памятникам позднезарубинецкого типа предположительно; 5 — грунтовые могильники. *1* — устье р. Соложа; *2* — Спартак; *3* — Чернея; *4* — Высокое; *5* — Жуковка; *6* — Дятьковичи; *7—9* — Речица; *10* — Бетово; *11—12* — Смольянь; *13—16* — Хотылево; *17* — Белокаменка; *18* — Тимоновка; *19* — Полужье; *20* — Выгоничи; *21—23* — Макарово — Савлуково; *24—26* — Синьково; *27* — Дмитрово — Синьково; *28* — Красная Слобода — Дмитрово; *29—30* — Почеп; *31* — Казарезовка; *32* — Песчанки; *33* — устье р. Коста; *34* — Поляны; *35* — Голяшевка; *36* — Юдиново; *37* — Посудичи; *38* — Яковлевичи; *39* — Щербаковка; *40* — Суворово; *41* — Марковское; *42—43* — Сопачи; *44—47* — Гремяч; *48* — ст. Витемля; *49* — Пушкари; *50* — Камень; *51—54* — Целиков Бугор и Колодезный Бугор; *55* — уроч. Загребелье; *56—61* — памятники ниже Загребелья; *62—63* — Мамекино; *64* — Форостовичи; *65* — Чулатово; *66—67* — Стрелица; *68* — Кудлаевка; *69* — Левкин Бугор; *70* — Заярье; *71* — Лавриков Лес; *72* — хут. Самоквасова; *73* — Стахорщина; *74* — Бирин; *75* — Пироговка; *76* — Собичь; *77* — Севск; *78—79* — Добрунь; *80* — Слобода Подгорная; *81* — Денисовка; *82* — Кветунь; *83* — Усох; *84* — Хохлов Вир; *85—86* — Аркино; *87* — Туличево; *88* — Бабинец; *89* — Лески; *90* — Святое; *91—92* — Парня; *93* — Глажево; *94* — Ивановское; *95* — Уты; *96* — Рябчевка; *97* — Холевичи. I — Владимирское; II — Полужье; III — Воробейня; IV — Гнездилище; V — Козловка — Бельково; VI — Сапычи; VII — Гремяч; VIII — Печенники; IX — Невструево; X — Осколково; XI — Кольцовка; XII — Парня; XIII — Борщево; XIV — Глушня; XV — Мансурово; XVI — Макча; XVII — Городец (у д. Смольянь); XVIII — Ляличи; XIX — ст. Дроква; XX—XXI — Сураж; XXII — Завод Корецкий; XXIII — Новые Бобовичи

нии развития от зарубинецкой культуры до времени формирования древнерусского государства и сложения древнерусской народности. В защиту этой гипотезы приводятся следующие аргументы: 1) наличие общих черт в керамике и инвентаре; 2) приемы домостроительства — жилища полуземляночного типа; 3) обряд погребения — трупосожжения [2]; 4) тот факт (?), что к исходу I тысячелетия н. э. позднезарубинецкая культура якобы «приобретает все особенности, характерные для раннего славянского средневековья» [3]. Неизбежные в таком большом хронологическом промежутке различия в керамическом материале, особенностях домостроительства, планировки поселений и т. д. объясняют в основном большей или меньшей степенью воздействия раннеславянской (зарубинецкой) культуры на субстратные племена.

Другая точка зрения обосновывается в работах Ю. В. Кухаренко [4], А. К. Амброза и В. В. Седова. А. К. Амброз, учитывая целый ряд характерных особенностей этих памятников (наличие длинных домов столбовой конструкции, формы и приемы орнаментации лепной посуды, формы лощеной керамики и т. д.), предложил выделить деснинские поселения этого времени в особый локальный вариант — «почепскую культуру» первых веков нашей эры, сложившуюся в результате проникновения зарубинецких племен на территорию распространения юхновской культуры. Памятники почепского типа хорошо датируются I—II вв. н. э.[5] Основой для датировки служат бронзовые и железные фибулы (позднелатенские, глазчатые, подвязные) [6], а также находки отдельных импортных вещей [7]. Селища середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. датируются по перекладчатым бронзовым фибулам и отдельным вещам, инкрустированным эмалью (например, материалы Кветунских курганов) [8]. В целом материал с деснинских памятников крайне беден. За исключением немногочисленных датирующих вещей, исследователям при разработке периодизации приходится опираться в основном на керамику. В работах последних лет основное внимание переключилось на памятники середины — третьей четверти I тысячелетия н. э., а селища почепского типа практически перестали исследоваться. В результате многие вопросы по сей день остаются нерешенными. В этой статье мы ограничимся рассмотрением некоторых спорных проблем, связанных с приемами домостроительства, планировки поселений и массовым материалом.

Находки лепной и чернолощеной керамики позднезарубинецкого типа в верхних слоях юхновских городищ некоторыми авторами рассматриваются как случайность [9]. Между тем раскопками А. К. Амброза на городище Полужье установлено наличие верхнего слоя, заметно отличающегося от юхновских древностей по характеру массового инвентаря и материалам, с одной стороны, а с другой — имеющего черты сходства с материалами юхновских слоев [10]. Аналогичные материалы отмечены на ряде Ипутских городищ — Ляличи, Сураж, Завод Корецкий и др. (рис. 1, XVIII, XX—XXII) [11]. Проведенные в последние годы обследования памятников бассейна Десны и ее притоков показали наличие слоев с материалами позднезарубинецкого облика еще на ряде городищ Подесенья

---

[2] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 16.
[3] Там же, с. 49.
[4] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, вып. Д1-19. М., 1964.
[5] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 69—71.
[6] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 46, 47.
[7] *Заверняев Ф. М.* Ук. соч., с. 115.
[8] *Артишевская Л. В.* Могильник раннесредневекового времени на р. Десне.— МИА, № 108, 1963.
[9] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 13.
[10] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 56—72, рис. 1, *1* и 2, *7—21*.
[11] *Заверняев Ф. М.* Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья.— В сб.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 23, рис. 1.

(в основном это материалы из сборов и шурфов): Гремяч, Печенники, Осколково, Гнездилище и другие на реках Десне и Судости, а также городища на левобережье Десны — Кольцовка, Парня, Глушня (рис. 1, XI, XII, XIV).

Таким образом, с приходом в бассейн Десны зарубинецких племен жизнь на юхновских городищах не прекращается. Верхние слои городищ содержат керамику и материалы раннего «почепского» типа, а сами городища продолжают существовать наряду с селищами. На ранних этапах инфильтрации зарубинцев, в более северных районах — в зоне контактов с днепро-двинскими племенами (верховья рек Десны и Ипути) — почепская культура прослеживается в основном на городищах. Селища здесь единичны. В других районах почепские памятники представлены в основном открытыми поселениями. В более позднее время носители культуры почепского типа продвигаются на левобережье Десны, где найден ряд селищ с «почепской» керамикой (см. рис. 1) [12].

Одним из основных аргументов сторонников единой линии развития раннесредневековой славянской (зарубинецкой) культуры от рубежа нашей эры до исхода третьей четверти I тысячелетия н. э. является тип жилищ. Наиболее характерным приемом домостроительства для славянских культур является полуземлянка. Они преобладают на достоверно славянских памятниках (памятники типа Корчак — на правобережье Днепра [13], поселения роменско-боршевской культуры — днепровское левобережье) [14]. Полуземляночные сооружения встречаются и на поселениях зарубинецкой культуры, но здесь кроме них есть и слегка заглубленные и наземные столбовые жилища [15]. В Верхнем и Среднем Поднепровье, в районах, наиболее близких к ареалу памятников почепского типа, преобладали наземные или слегка углубленные в землю жилища столбовой конструкции.

При раскопках двух наиболее полно изученных памятников почепской культуры — Почепского селища и селища у с. Синьково (раскопки А. К. Амброза) — были получены диаметрально противоположные данные о жилищах. На Почепском селище единственным типом жилищ, по мнению автора, являются полуземлянки, углубленные в материк на 0,5—0,8 *м*, с опорным столбом в центре. На селище у с. Синьково кроме полуземлянок открыты длинные наземные дома столбовой конструкции, по типу близкие юхновским.

Наземные дома представляли собой залообразное помещение размерами в среднем 18—20×6 *м*. Стены домов образуют двойной ряд столбов, между которыми делалась деревянная прокладка [16]. В местах, служивших опорой перекрытия, ставились сдвоенные, а иногда и строенные столбы. У всех домов подобной конструкции прослеживаются сени, находившиеся со стороны входа и отделенные от основного помещения перегородкой. Задняя торцевая часть дома также отделялась перегородкой и была немного углублена в землю. В этой части жилища, как правило, имеется яма прямоугольной формы, глубиной до 1 *м*. Назначение этих ям остается неясным, но их можно считать одной из наиболее характерных особенностей домов такого типа [17]. Открытый очаг располагался в

---

[12] *Фролов И. К.* АО — 1969. М., 1970, с. 69, 70. Следует добавить, что, насколько можно судить по разведочным материалам, керамика ранних этапов почепской культуры присутствует, на наш взгляд, в верхних слоях большинства юхновских городищ этого района. Но так как это требует подтверждения на более широкой фактологической основе, на карту (рис. 1) нанесены лишь те пункты, где наличие подобной керамики установлено достоверно.

[13] *Русанова И. П.* Поселение у с. Корчака на р. Тетереве.— МИА, № 108, 1963, с. 39—51.

[14] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, № 74, 1958.

[15] *Кухаренко Ю. В.* Ук. соч., с. 11.

[16] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 63—67.

[17] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 62, рис. 6.

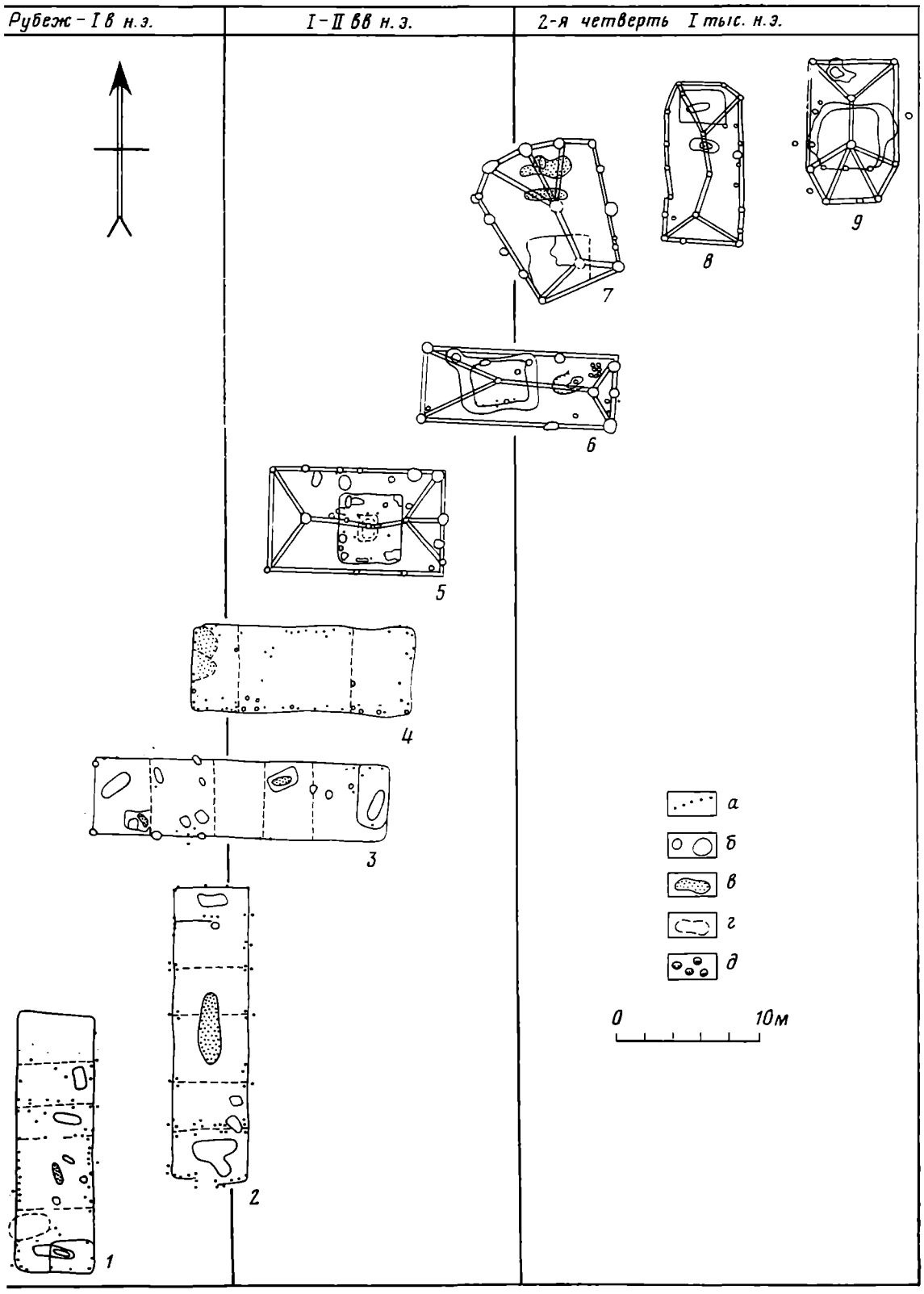


Рис. 2. Типы наземных столбовых жилищ с памятников позднезарубинецкого времени бассейна Верхней и Средней Десны. *а* — ямы от столбов малого диаметра и кольев; *б* — столбовые и хозяйственные ямы; *в* — очаги; *г* — условные границы пятен и ям; *д* — камни. *1, 2* — селище у с. Синьково; *3* — Почепское селище; *4, 5* — селище в устье р. Гасомы; *6* — селище Колодезный Бугор; *7* — селище в уроч. Парня; *8, 9* — селище у с. Железное

центральной части основного помещения (рис. 2, *1, 2*). Полуземлянки на селище у с. Синьково были, вероятно, хозяйственными постройками, поскольку в них отсутствовали очаги. Интересна также и планировка поселения. Углубленные в землю постройки располагались в центральной части поселка, а наземные жилые дома, обращенные входом к периферии, охватывали их полукольцом.

Наземные дома столбовой конструкции были широко распространены на памятниках почепского типа бассейна Верхней и Средней Десны. Остатки двух наземных построек, не отличающихся от аналогичных сооружений в Синьково, обнаружены автором при раскопках селища Дмитрово-Синьково (в 2 *км* от Синьковского селища). О наличии на этом поселении длинных домов свидетельствуют две глубокие ямы (III и IV) подпрямоугольной формы, ориентированные в направлении С — Ю, открытые в западной части раскопа. Глубина ям от уровня материка 0,7—0,8 *м*. Вблизи них обнаружены наиболее мощные столбовые ямы (диаметр 0,5—0,8 *м*, глубина до 0,5 *м*). Четкие контуры стен жилищ на этом поселении не прослеживались по двум причинам: во-первых, культурный слой селища, особенно в западной части раскопа, полностью перепахан до материка, и следы от небольших столбов, составлявших стены, не сохранились. Во-вторых, на селище обнаружены разновременные материалы: почепского типа и середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. При этом от второго периода также сохранились многочисленные хозяйственные и столбовые ямы наземных сооружений. По-видимому, к одному из длинных домов раннего (почепского) периода можно отнести открытый очаг, обнаруженный в 5 *м* к востоку от ямы III. Очажная яма представляла собой неглубокую овальной формы (0,10—0,15 *м*) западину в материке, ориентированную в направлении СВ — ЮЗ. В черном, углистом слое ее заполнения встречались в большом количестве куски обожженной глины, перекаленные камни, угли, керамика. Основание очага располагалось у юго-западного края углубления. Материковый песок под ним был прокален. В пределах очажной ямы обнаружена керамика почепского типа, глиняное биконическое пряслице, орнаментированное тычковым орнаментом, несколько обломков глиняных цилиндрических грузил, украшенных пальцевыми вдавлениями.

Еще одна постройка этого типа открыта при раскопках на селище в устье р. Гасомы (раскопки Ф. М. Заверняева)[18]. Жилище ориентировано в направлении З — В. Длина дома 15 *м*, ширина более 5 *м*. Контуры стен прослеживаются по основаниям столбовых ям. Внутри дома помещение было разделено двумя перегородками. Открытый очаг — углубленная западина, заполненная углистым слоем,— располагался у западной торцевой стены дома (рис. 2, *4*). Возможно, что очаг длинного дома находился, как обычно, в середине помещения, но был уничтожен более поздним сооружением. Большое количество столбовых ям, часть из которых автор интерпретирует как хозяйственные, предполагает наличие более поздних аналогичных построек (рис. 2, *5*).

Дома, несколько отличающиеся по конструктивным особенностям от обычных наземных жилищ почепского типа (с углубленной частью внутри помещения), открыты И. К. Фроловым на селище у с. Железное в верхнем течении р. Навли (рис. 2, *8, 9*)[19]. Наряду с ними там же обнаружены и длинные дома, ничем не отличающиеся от построек на селище у с. Синьково. Это говорит о том, что на левобережье Десны, в зоне контактов с племенами верхнеокского бассейна, наряду с обычными «почепскими» приемами домостроительства складывается и несколько иной тип жилищ. И. К. Фроловым впервые произведена реконструкция подоб-

---

[18] *Заверняев Ф. М.* Селище в устье р. Гассомы.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 126—131.

[19] *Фролов И. К.* Ук. соч., с. 69, 70.

ных наземных столбовых построек с углубленной торцевой частью, часто принимаемой за жилища полуземляночного типа. Опираясь на его данные (рис. 2, *8, 9*), можно реконструировать и жилище, открытое при раскопках на селище в уроч. Парня — правый берег р. Навли, в 5 *км* от дер. Салтановка Навлинского р-на Брянской обл. (раскопки автора) [20]. Это наземное столбовое сооружение, ориентированное в направлении ССЗ — ЮЮВ. Максимальная длина дома по длинной оси 10 *м*, ширина 6—8 *м*. Стены дома прослеживаются по столбовым ямам диаметром от 0,4 до 0,6 *м*. Большинство ям вырыто в слое светло-серого песка и не прорезают материк, поэтому сохранились плохо. Продольные стены — западная и восточная — покоились на пяти парных столбах. Северная стена дома более широкая, имеет форму апсиды, образуемой пятью мощными столбами. По-видимому, существовали еще два центральных опорных столба, несущих балку перекрытия (рис. 2, *7*). Южная торцевая часть жилища была заглублена в землю на 0,15—0,20 *м*, которая прослеживалась в виде ямы длиной около 3 *м*. Открытый очаг — неглубокая яма овальной формы, размерами 2×1,1 *м*, располагался в северной части дома. Дно очажной ямы прокалено, заполнение углистое, насыщенное обломками керамики и обожженной глины.

В пределах небольшого раскопа на селище Колодезный Бугор, содержащем материалы как первых веков нашей эры, так и второй четверти I тысячелетия н. э., были вскрыты две «полуземлянки» [21], одна из которых также представляет собой наземную столбовую конструкцию с основанием, слегка заглубленным в материк (рис. 2, *6*). Дом был ориентирован в направлении З — В. Длина дома 13 *м*, ширина 5 *м*. Стены прослеживаются по шести парным ямам от столбов несущей конструкции, расположенным по его углам и посередине длины постройки. Довольно большой диаметр ям неудивителен, учитывая мягкий песчаный грунт. В большинстве ям никаких находок сделано не было, и поэтому не ясно, на каком основании эти ямы рассматриваются П. Н. Третьяковым как хозяйственные [22]. В западной торцевой части дома располагалось несколько углубленное помещение (так называемая «полуземлянка № 2»). Оно представляло собой квадратную яму размерами 4×4 *м*. Глубина ее в материке около 0,4 *м*. Открытый очаг находился за пределами углубленной части дома, ближе к его северо-восточному углу. Он представлял собой вытянутую западину длиной около 3 *м*, шириной 1 *м*. В северо-восточной ее части сохранились остатки очага (рис. 2, *6*). Судя по материалу, это наземное жилище можно датировать временем не позднее конца I — начала II в. н. э.

Следы наземных столбовых жилищ имеются и на Почепском селище. Ф. М. Заверняев называет их полуземлянками второго типа, отмечая их сходство с постройками на селище у с. Синьково [23]. Особенностью Почепского селища является малочисленность сохранившихся столбовых ям. Это объясняется, по-видимому, тем, что столбы вкапывались неглубоко, возможно даже ставились на слегах, кроме того, за время существования поселка столбы приходили в негодность и заменялись новыми, а столбовые ямы нарушались более поздними постройками. Зато несомненными следами длинных домов на этом поселении являются многочисленные подпрямоугольные ямы, аналогичные тем, что открыты на селищах у с. Синьково и Дмитрово-Синьково, располагавшиеся в торцевой углубленной части жилищ (рис. 3). В их расположении на Почепском селище прослеживается определенная закономерность. Все эти ямы концентрируются в восточной части поселка, в то время как полуземляночные

---

[20] *Пронин Г. Н.* Архив ИА АН СССР, отчет за 1974.
[21] *Третьяков П. Н.* Основные итоги..., с. 92—99.
[22] Там же, с. 96. 97.
[23] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище, с. 98.

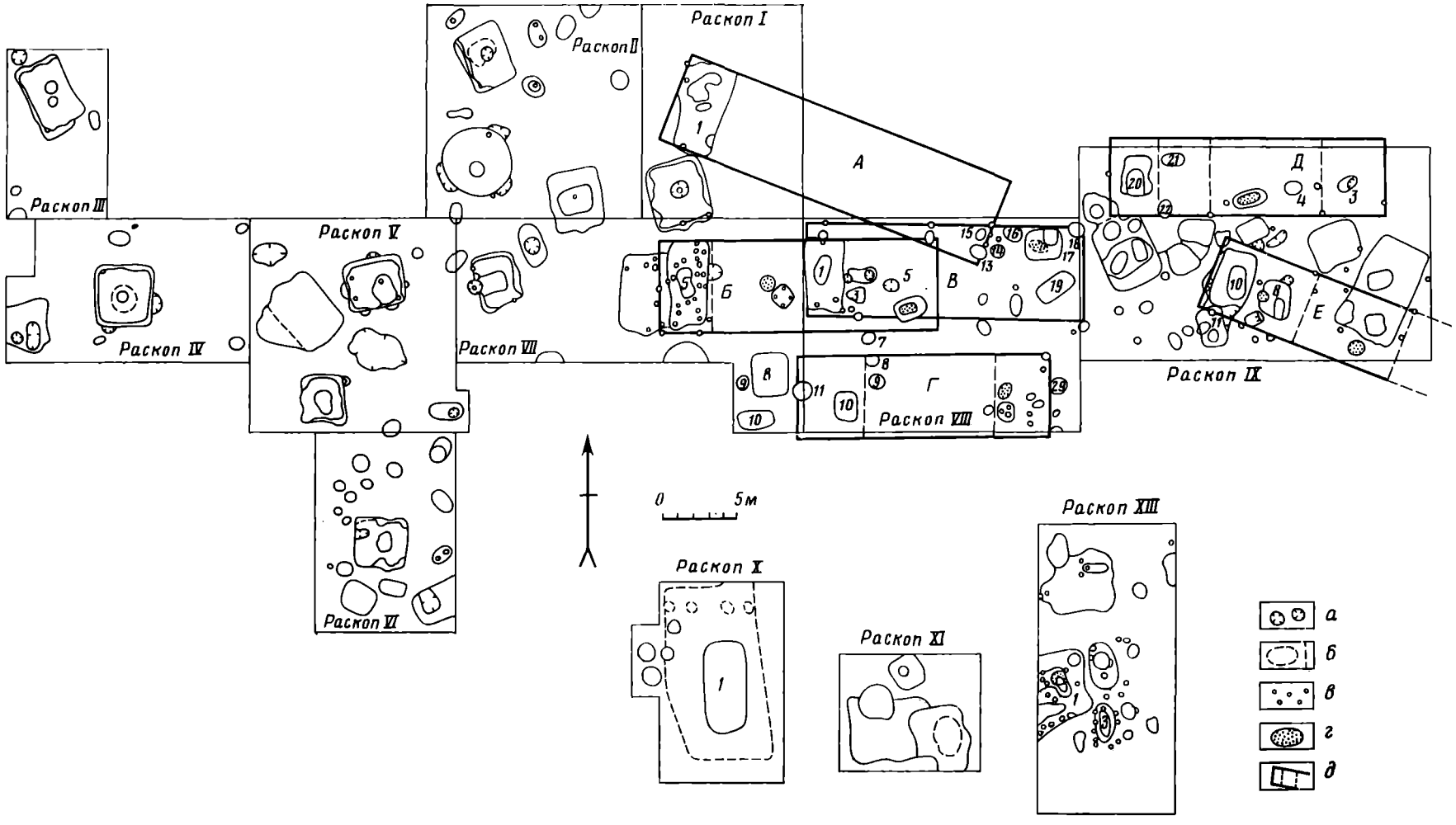


Рис. 3. Предположительная реконструкция расположения наземных столбовых домов на Поченском селище (по материалам Ф. М. Заверняева). *а* — контуры столбовых и хозяйственных ям; *б* — предположительные границы ям; *в* — ямки от кольев и столбиков; *г* — очаги; *д* — предположительные границы длинных наземных домов

постройки сосредоточены в основном в западной, наиболее возвышенной части селища. Удается также уловить определенную взаимосвязь между отдельными уцелевшими столбовыми ямами и очагами, зафиксированными в ходе раскопок, и реконструировать на основании имеющихся аналогий с селищем у с. Синьково и другими памятниками длинные наземные дома Почепского селища. При этом интересно отметить, что дома, предположительно реконструированные на Почепском селище, по своим основным параметрам, месту расположения очагов и другим признакам полностью совпадают с постройками, открытыми на селище у с. Синьково. На основании имеющихся данных и аналогий можно предположительно реконструировать 7 наземных жилищ на Почепском селище (рис. 3).

Дом в раскопе VIII. Постройка ориентирована в направлении З — В. Длина дома около 20 *м*, ширина 5,5 *м*. Западная торцевая часть дома имеет размеры 5,3×2,6 *м*, углублена в материк на 0,2 *м*. В центре углубленной части жилища — подпрямоугольная яма размерами 2,15× ×0,90 *м*. От стен сохранилось лишь несколько небольших столбов (на плане ямы 11, 13—15, 17—18 — рис. 3, В). Открытый очаг в неглубокой яме располагался у южной стены дома, ближе к ее заглубленной части. Судя по расположению сохранившихся столбовых ям, постройка делилась перегородками на несколько секций.

Дом в раскопе VII. Ориентирован в направлении З — В. Длина дома около 20 *м*, максимальная ширина — 6 *м*. Заглубленная часть жилища у западной торцевой стены; размеры ее: длина 6 *м*, ширина 2,5 *м*, глубина в материке 0,20 *м*. В центре углубленного помещения располагается яма подпрямоугольной формы размерами 2×1 *м*, глубиной 0,60 *м*. Стены дома сохранились плохо, так как постройка в раскопе VIII и дом в раскопе VII перекрывают друг друга. Открытый очаг округлой в плане формы находился в центре дома (рис. 3, Б).

Несколько лучше прослеживается длинный дом в раскопе IX. Его размеры аналогичны двум описанным выше постройкам. Подпрямоугольная яма располагалась также у западной торцевой стены. Сохранились ямы столбов, несущих центральное перекрытие (ямы — 3, 4), а также отдельные столбовые ямы стен жилища (рис. 3, Д). Открытый очаг располагался в неглубокой яме овальной формы, ориентированной в направлении СВВ — ЮЗЗЗ.

Помимо этого, остатками наземных длинных домов столбовой конструкции являются: яма 1 в раскопе I (рис. 3, А); яма 10 в раскопе VIII (рис. 3, Г); яма 10, раскоп IX (рис. 3, Е); яма 1, раскоп X (рис. 3); яма 3, раскоп XIII.

Все длинные дома концентрировались в определенной части селища и были расположены торцами к постройкам полуземляночного типа, локализованным в наиболее возвышенной части поселка [24]. Подобная планировка находит прямые аналогии в планировке жилых и хозяйственных построек на селище у с. Синьково [25]. Размеры домов стандартизованы, как и описанные выше отдельные их конструктивные детали. Расположение построек свидетельствует о неоднократно производившихся перестройках (см. рис. 3).

Анализируя конструктивные особенности открытых на Почепском селище полуземлянок, можно отметить следующее.

1. Стены землянок имели столбовую, а не срубную конструкцию. В углубленной части жилища они были обложены плашками, которые должны крепиться вертикально стоящими столбами. Для подобной конструкции необходимы четыре опорных угловых столба. На Почепском селище, как это отмечает Ф. М. Заверняев, это четко прослеживается лишь в одном случае из восьми — полуземлянка № 1 в раскопе IV [26]. Ямы

[24] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище, с. 93.
[25] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 59, рис. 3.
[26] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище..., с. 93.

от центральных столбов Ф. М. Заверняев относит к конструкциям печи.

2. Остатки «печей» или очагов обнаружены лишь в четырех случаях из восьми (землянки № 1, 2 в раскопе V, землянка № 1 в раскопе III, землянка № 1 в раскопе IV). Конструкция печей-очагов ни в одном случае четко не прослеживается. За очаг принимается концентрация черепков керамики, отдельные куски обожженной глины, камни, лежащие, как правило, не на материке, а несколько выше него. В остальных четырех землянках Почепского селища (землянка № 1 в раскопе VII, № 2 в раскопе 1, № 1, 3 в раскопе II) не выявлено даже таких развалов. Открытыми очагами здесь считаются неглубокие западины в центре землянок у центрального опорного столба. Ни в одной из землянок в местах расположения печей-очагов не прослеживается прокаленности почвы. Такая же картина наблюдается и на других памятниках. Нет очагов в углубленных постройках и на селище у с. Синьково [27]. Отсутствует очаг в полуземлянке № 1 на селище Колодезный Бугор [28]. В двух полуземлянках, открытых на селище второй четверти — середины I тысячелетия н. э. у с. Форостовичи, очаги также не обнаружены [29]. Из четырех полуземлянок на селище Лавриков Лес (вторая четверть — середина I тысячелетия н. э.) слабо выраженная очажная яма отмечена лишь в одном сооружении (полуземлянка № 3) [30].

Таким образом, постройки полуземляночного типа на селищах позднезарубинецкого времени являлись, скорее всего, хозяйственными, а не жилыми сооружениями. Если же некоторые из них и были жилищами, то по своим конструктивным особенностям они не имеют ничего общего с достоверно славянскими полуземлянками.

Трудно судить о том, какой тип жилищ преобладал на памятниках более позднего периода (середины — третьей четверти I тысячелетия н. э.). Большинство селищ этого времени исследовались методом закладки ряда шурфов, которые расширялись лишь в местах обнаружения углубленных частей жилищ (полуземлянок). Вскрытая на них площадь незначительна, и, учитывая характер планировки поселений, неудивительно, что сооружения (длинные дома) не попадали полностью в пределы вскрытой площади. Между тем имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что жилища столбовой конструкции продолжают бытовать и в это время. Правда, это уже не классические длинные дома почепского типа. С течением времени размеры построек уменьшаются, по форме они приближаются к квадрату и приобретают ряд характерных черт. Так, три из четырех наиболее хорошо сохранившихся построек на селище Смольянь (VI—VII вв. н. э.) представляли собой близкие к квадрату в плане сооружения размерами примерно 3×4 *м*. Пол построек в южной части был слегка углублен в материк, а в северной находился на одном уровне с древней дневной поверхностью [31]. Плетеные стены жилищ, обмазанные глиной, покоились на столбовых каркасах [32]. Во всех трех постройках хорошо сохранились очаги, почва под ними прокалена. Все эти жилища нельзя считать полуземлянками — это сооружения столбовой конструкции с основанием, слегка заглубленным в землю.

Таким образом, на раннесредневековых поселениях бассейна Верхней и Средней Десны были распространены два типа построек — полуземляночные или со слегка заглубленным полом, и наземные. Жилыми являлись удлиненные наземные дома, а сооружения полуземляночного типа — хозяйственными постройками. В конструкциях наземных домов при отсутствии принципиальных различий прослеживаются некоторые моди-

[27] *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э., с. 59.
[28] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 94—96.
[29] *Третьяков П. Н.* Основные итоги..., с. 99, 100.
[30] Там же, с. 104—107.
[31] *Третьяков П. Н.* Основные итоги..., с. 80, 81.
[32] Там же, с. 79, рис. 9.

фикации. Длина домов колеблется от 20—23 до 10—14 *м* (жилища на селище у с. Синьково, Почепское селище и др.). Характерной особенностью жилищ раннего периода является наличие у одной из торцевых стен глубокой подпрямоугольной ямы. У одних она продолговатая (Синьково, Почеп и др.), у других — это квадратная яма размером около 16 $м^2$ со столбом в центре, служившим для опоры балки продольного перекрытия. Дома такой конструкции имеют несколько меньшие размеры — 10—16 *м* в длину (селища в уроч. Парня, Колодезный Бугор, Железное). На поздних этапах существования памятников почепского типа на левобережье Десны появляется несколько отличный тип построек — наземные дома, одна из стен которых имеет форму апсиды. Ни в одном из известных жилищ не встречено ни глинобитных печей, ни печей-каменок. Балтская традиция строительства наземных или слегка углубленных в землю столбовых конструкций сохраняется на деснинских памятниках вплоть до третьей четверти I тысячелетия н. э. и получает развитие на памятниках мощинской культуры бассейна Верхней Оки [33]. Временем появления на селищах Верхней и Средней Десны полуземляночных жилищ, близко напоминающих по конструктивным особенностям славянские полуземлянки, следует считать конец VII — начало VIII в. н. э.[34]

Керамический материал на селищах далеко не однороден и представлен рядом отличных друг от друга форм. У исследователей нет единого взгляда на керамику «почепского типа». А. К. Амброз, разделив «почепскую» культуру на периоды, выделяет для каждого из них характерные черты керамического комплекса, подчеркивая при этом наличие юхновского субстрата, особенно на ранних этапах. Ф. М. Заверняев, П. Н. Третьяков и другие исследователи считают ранний период «почепской» культуры тождественным юхновской культуре, а материалы поздних этапов — славянскими, выдвигая при этом гипотезу о генетической преемственности их с более поздними материалами — середины — третьей четверти I тысячелетия н. э.

Керамика на селищах почепского типа делится на две большие группы — кухонную и столовую. Внутри этих групп имеются различия в формах, приемах орнаментации и технологии изготовления. Вся керамика лепная, плоскодонная. Основной категорией кухонной посуды являются горшки. К ним технологически примыкают нелощеные миски без ребра. Столовая посуда — лощеная или с тщательно заглаженной поверхностью. Подавляющее большинство столовой посуды — реберчатые миски. Есть также и лощеные горшки («вазы»).

Кухонная посуда почепского типа обычно изготовлена из хорошо промешанного плотного теста, в котором в качестве примеси использовалась дресва или дресва в сочетании с мелким шамотом. Сосуды, как правило, тонкостенные, внешняя поверхность заглажена, часто неровная от выступающих примесей. Столовая (лощеная) посуда изготавливалась более тщательно.

Большая часть кухонной посуды почепского типа представлена хорошо профилированными горшками с моделированной шейкой и отогнутым венчиком (рис. 4, *1—14*). Максимальное расширение тулова этих сосудов приходится, как правило, на верхнюю треть высоты, диаметр устья обычно равен максимальному. Внутри этой основной формы прослеживаются некоторые модуляции, связанные, скорее всего, с изменением отдельных деталей общепринятой формы по мере развития ее во времени.

В результате работы с почепской керамикой I в. до н. э.— II в. н. э. автор считает наиболее убедительной ее периодизацию, предложенную А. К. Амброзом [35]. Наиболее ранними являются горшки с невысоким,

[33] Устное сообщение И. К. Фролова.

[34] *Ляпушкин И. И.* Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны.— КСИИМК, вып. 74, 1959, с. 81—86.

[35] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 59, 63, рис. 2, 7.

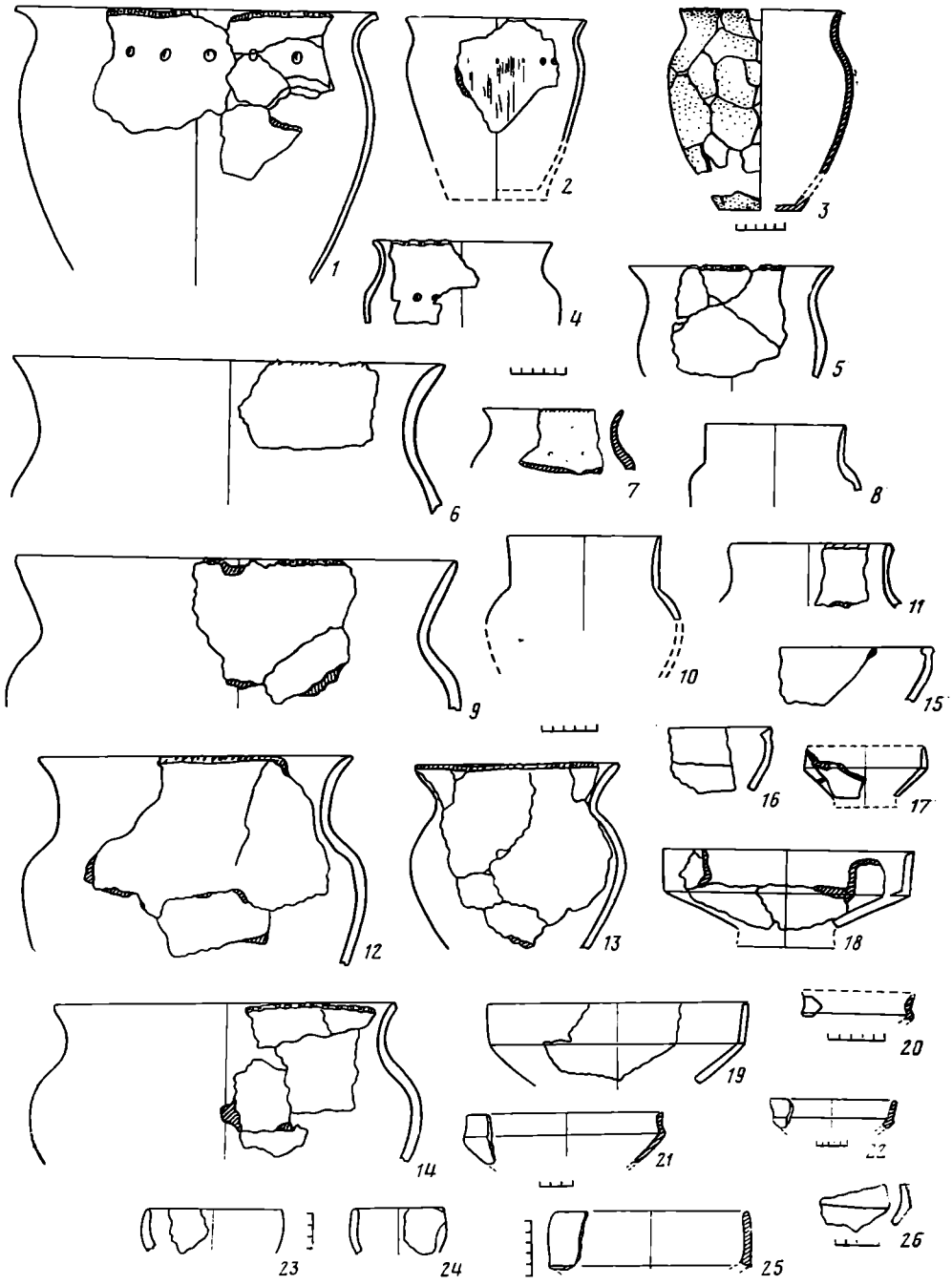


Рис. 4. Основные формы керамики почепского типа. *1, 2, 5, 6, 8—10, 12—19* — селище у с. Синьково; *3, 7* — селище в уроч. Парня; *11, 23, 24, 26* — селище Дмитрово-Синьково; *20* — Форостовичи; *21* — Колодезный Бугор; *22* — Посудичи; *25* — Лавриков Лес (*15—22, 25, 26* — лощеные)

мягко отогнутым округлым венчиком и низкой шейкой. Горшки эти часто орнаментированы по венчику и тулову (ногтевые и пальцевые вдавления по внешнему краю венчика, нарезка, тычковые вдавления концом заостренной палочки по тулову и др.), что сближает эти сосуды с керамикой позднеюхновского времени (рис. *4, 1, 2, 4*). Такая керамика встречается в ранних комплексах почепской культуры, и наибольшее распространение ее приходится на I в. до н. э.— начало нашей эры [36].

[36] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 68, табл. 2.

По мере развития горшки этой формы приобретают все более профилированные очертания: широко развернутое устье, высокую, четко моделированную шейку, а на позднем этапе — высокий, резко отогнутый венчик и сильно раздутое на середине высоты тулово (рис. 4, *3, 5, 7, 9, 12, 13*). Постепенно упрощается и исчезает орнаментация. Так, в период, условно называемый «горизонт III[6]» почепской культуры, тулово сосуда уже совсем не орнаментируется, а в орнаментации венчика используются в основном наиболее упрощенные приемы — нарезка или насечка, изредка ногтевые вдавления (рис. 4, *9, 11—13*). В этот же период распространились горшки с высоким, прямым вертикальным или резко отогнутым под углом венчиком, без шейки (рис. 4, *9, 10—11*), иногда лощеные.

Наиболее распространенной формой столовой (лощеной) посуды являются миски. Среди них выделяются два типа — с округлым боком и остроребериые.

Лощеные миски с округлым боком, венчик которых имеет огранку или косо срезан внутрь, являются наиболее ранними (рис. 4, *15, 16*). Такие формы имеют аналогии в Чаплинском могильнике и среди материалов верхних слоев деснинских городищ (Владимирское, Полужье). Впоследствии эту форму полностью вытесняют остроребериые миски, среди которых также произведено хронологическое членение.

К ранним признакам для остроребериых мисок (I — может быть начало II в. н. э.) отнесены: отогнутый венчик, огранка края, наличие небольшого уступа или канавки под ребром (рис. 4, *20—22, 25, 26*). На заключительной стадии существования почепской культуры господствуют миски с цилиндрическим верхом, близко напоминающие подобные изделия с памятников мощинской культуры (рис. 4, *17—19*).

Кухонная посуда на памятниках середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. отличается от рассмотренной выше почепской по следующим технологическим признакам: 1) тесто ее обычно плохо промешано, слабо обожжено; 2) в качестве примеси преобладает крупный шамот; 3) поверхность сосудов бугриста от выступающих примесей, иногда имеет «мажущуюся» поверхность; 4) керамика толстостенна. Столовая посуда более низкого качества изготовления.

Основной формой кухонной посуды являются грубые горшки, характеризующиеся коротким прямым или слабо отогнутым венчиком, низкой, едва намеченной, а иногда и совсем невыраженной шейкой, одутловатым туловом, наибольшее расширение которого приходится на середину или $^2/_3$ высоты сосуда (рис. 5, *1—13*). Другой распространенной формой являются цилиндро-конические горшки, без моделированной шейки и венчика, со сглаженным ребром примерно на середине высоты (рис. 5, *16—21*). Обе формы имеют некоторые вариации, но в целом эта посуда однообразна. Все сосуды, за редким исключением, лишены орнаментации.

Лощеная посуда на памятниках этого периода представлена в основном остроребернымн мисками с высоким цилиндрическим верхом (рис. 5, *22—24*). Встречаются также лощеные горшки.

Таким образом, керамические комплексы памятников почепской культуры и селищ середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. существенно отличаются друг от друга. Имеющиеся на сегодняшний день материалы не дают, на наш взгляд, достаточно веских оснований для того, чтобы утверждать наличие преемственности в развитии форм керамики на всем протяжении рассматриваемого периода — от рубежа нашей эры до исхода третьей четверти I тысячелетия н. э.[37] Для керамического комплекса почепского типа нехарактерны цилиндро-конические и реберчатые формы кухонной посуды. Преобладающей формой там являются хорошо профилированные горшки с ярко выраженными венчи-

[37] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 63.

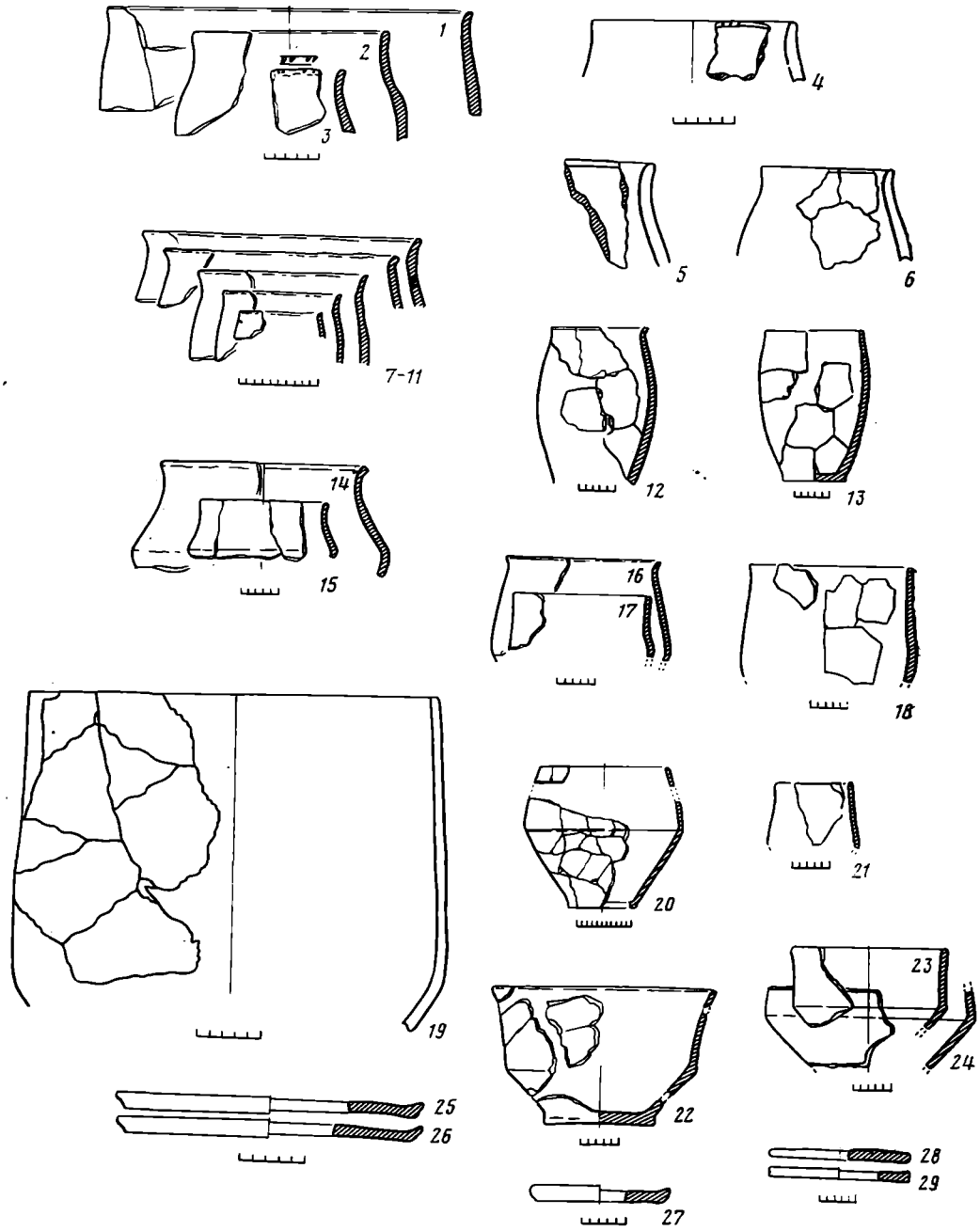


Рис. 5. Керамика с памятников середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. (по П. Н. Третьякову и Е. А. Горюнову). *1—3, 25, 26* — Форостовичи; *4—6, 19* — Дмитрово-Синьково; *7—11, 16, 17, 22, 28, 29* — Смольянь; *12, 13, 18, 21* — Заярье; *14, 15, 23, 24* — Посудичи; *20* — Колодезный Бугор; *27* — Вишенки (*22—24* — лощеные)

ком и шейкой. Грубая посуда орнаментировалась, характерно сочетание юхновских и зарубинецких приемов орнаментации, в более позднее время юхновские традиции окончательно исчезают [38]. При этом практически полное исчезновение орнаментации на керамике начиная примерно с середины I тысячелетия н. э. не является следствием единого эволюционного процесса, это явление единовременное, связанное с распространением на почепских памятниках новых керамических форм (рис. 5, *1—21*).

[38] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 66.

Прием лощения посуды существовал на всем протяжении рассматриваемого периода. Лощеная посуда — единственная категория керамического материала, роднящая памятники двух периодов — почепские и середины — третьей четверти I тысячелетия н. э.

Еще одной отличительной чертой самых ранних почепских поселений является наличие в их слоях глиняных цилиндрических грузил, часто орнаментированных пальцевыми вдавлениями, и отсутствие среди почепской керамики «дисков-сковород». «Сковороды», столь широко распространенные на памятниках зарубинецкой культуры Украины и Белоруссии, впервые входят в обиход с появлением в Подесенье цилиндро-конических и реберчатых форм лепной посуды (рис. 5, *25—29*). Их нет ни на Почепском селище, ни на селищах Синьково, Дмитрово-Синьково, Парня и т. д.

Представление о единовременности бытования почепских форм посуды и типов, характерных для керамического комплекса памятников более позднего периода, а также вывод о генетической преемственности между ними происходят в основном из-за перемешанности материала в слоях того или иного памятника. Так, например, на селище Колодезный Бугор наряду с поздними присутствуют и ранние формы лощеных мисок (рис. 4, *21*). Аналогичная картина перемешанности материала наблюдается и на селищах Лавриков Лес (рис. 5, *4*), Форостовичи, Посудичи (рис. 4, *22, 25*). В то же время керамика середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. встречается и на почепских селищах (Дмитрово-Синьково — рис. 5, *4—6, 19*). При этом ни в одном случае исследователи не упоминают о присутствии керамики почепского типа и более позднего времени в одних и тех же, определенных комплексах. Подтверждением того, что на большинстве деснинских поселений имеются отложения двух культурно-хронологических периодов, служит, например, и тот факт, что на селище Дмитрово-Синьково удалось выделить хозяйственные ямы только с ранним материалом (ямы 1, 3, 5, 16) и ямы с керамикой позднего периода (ямы 2, 9, 12, 15).

Таким образом, в бассейне Верхней и Средней Десны в период от рубежа до исхода третьей четверти нашей эры происходили сложные процессы взаимодействия, по всей видимости одноэтничных, но разнокультурных групп населения.

На рубеже нашей эры на эту территорию, в ареал памятников восточнобалтийской юхновской культуры, начинается проникновение носителей зарубинецкой культуры. В результате этого процесса в I в. н. э. сложилась весьма своеобразная культура почепского типа. Это был постепенный процесс, в ходе которого определенные элементы зарубинецкой культуры наслаивались на местный юхновский субстрат. При этом носители зарубинецкой культуры не только не ассимилировали местное население, но и сами восприняли многие местные традиции. Датируются памятники почепского типа I—II вв. н. э.

Начиная со второй четверти I тысячелетия н. э. практически на всех памятниках почепской культуры прослеживаются определенные изменения культурных традиций, связанные с новой волной балтской колонизации, скорее всего из областей Белорусского Поднепровья. Прежде всего это прослеживается в керамическом комплексе, где начинают преобладать цилиндро-конические и реберчатые формы. Несколько изменяются и приемы жилого и хозяйственного домостроительства. Появляются жилые, углубленные в землю постройки. При этом балтские традиции домостроительства (наземные столбовые конструкции) продолжают существовать. Памятники этого периода могут быть датированы IV—VII вв. н. э. Известны и могильники этого времени[39]. По характеру керамического

[39] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 70—74; *Горюнов Е. А.* Некоторые древности I тыс. н. э. на Черниговщине.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 119—126.

материала, инвентарю, погребальному обряду памятники этого периода находят прямые аналогии в памятниках типа Новый Быхов, Тайманово, Абидня [40].

Какова была дальнейшая судьба населения, оставившего памятники почепской культуры, остается неясным. Но некоторые данные позволяют предположить, что носители этой культуры были оттеснены на левобережье Десны и далее к бассейну Верхней Оки.

G. N. Pronin

SOME PROBLEMS OF THE POTCHEP TYPE SITES

Summary

There are two different points of view on the origin and ethnic identity of Pochep sites (late Zarubintzi period) in the Upper and Middle Desna basin (fig. 1). Some specialists regard them as early Slavic ones, others — as those of the Balts. It is noteworthy, that both points of view are based on the same few materials. They all support their ideas by searching the methods of housebuilding and types of dwellings, and use them as the main ethnic criteria, and also taking into consideration pottery. This article deals with some new materials. The author analyses methods of housebuilding. He establishes a continuity in the construction of overland dwellings, which resemlle the long houses of the Yukhnov settlements, from the beginning of the Christian era to the end of the third quarter of the Ist millenium AD. It has been proved that this type of houses is not characteristic of the early Slavic settlements of the forest-steppe zone of the USSR. The examination of ceramics reveals new types of pottery which appear in the late Zarubintzi sites of the Desna region at the beginning of the second quarter of the Ist millenium B. C. These new pottery is not typical of the Pochep culture. Its direct analogies can be found in the medieval antiquities of the Dnieper area in Byelorussia. The continuity in housebuilding methods, funeral rites and other traits of culture reflects the complexity of development and the interaction of Baltic cultures of this region from the beginning of the Christian era to the third quarter of the Ist millenium AD.

---

[40] Сб.: Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, с. 151—184.

И. К. ФРОЛОВ

О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ ПОДЕСЕНЬЯ И ПООЧЬЯ

Для изучения культуры племен, живших в первой половине — середине I тысячелетия н. э. на территории Подесенья и в бассейне Верхней Оки, существенное значение имеет характер их домостроительства. В 1964 г. А. К. Амброзом были опубликованы два типа сооружений начала I тысячелетия н. э., раскопанных на поселении у с. Синьково: длинный наземный дом и углубленные в землю квадратные постройки без очагов [1]. Наземные дома состоят из небольших сеней, центральной части дома с очагом и «задней, теплой части дома» [2] с продолговатой ямой в полу. Стены домов построены из бревен, заложенных между парными столбами. Вероятно, следует добавить к реконструкции А. К. Амброза и возможность сооружения стен из горизонтальных бревен, впущенных в пазы столбов. Можно допустить и смешанную технику. Во всяком случае дом № 23 на синьковском селище решен, вероятно, последним способом. К сожалению, после публикации А. К. Амброза подобным сооружениям не было уделено достаточного внимания. В литературе стало преобладать мнение о жилищах первой половины I тысячелетия в Подесенье как о полуземлянках со столбом в центре [3]. Основными характеристиками их являются: центральный столб, очаг рядом с ним на дне котлована, и срубная, реже каркасная, конструкция. Вызывает сомнение шатровое покрытие как следствие одиночного опорного столба и целесообразность помещения сруба в котлован вместе с опорным столбом.

При исследовании селища у дер. Железное на р. Навле в 1968, 1970 гг. нами были обнаружены постройки, близкие к сооружениям селища Синьково. Поселение Железное однотипно с подобными на реках Десне, Навле, Вытебети, Оке [4]. Оно расположено в пойме реки, и керамические материалы напоминают керамику этапа III *б* почепской культуры [5]. Здесь найдены типичные почепские сосуды: горшки со слабо отогнутым венчиком, раструбовидным горлом, лощеные миски с прямым венчиком, лощеные кувшины с округлым туловом и, кроме того, «вазочки», характерные для памятников окского бассейна III—IV вв. н. э.[6] (рис. 1). Постройки на поселении Железное также делятся на два типа.

---

[1] *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э.— СА, 1964. № 1, с. 65, 66.

[2] Там же.

[3] *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Поднепровье.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 57—60.

[4] *Давыдчук В. С., Фролов И. К.* К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н. э.— КСИА АН СССР, № 146, 1976, с. 11.

[5] *Фролов И. К.* Поселение у дер. Железное Шаблыкинского р-на Орловской обл.— АО — 1970. М., 1971, с. 69, 70; *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 63.

[6] *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, № 72, 1959, с. 102, рис. 35, *2*.

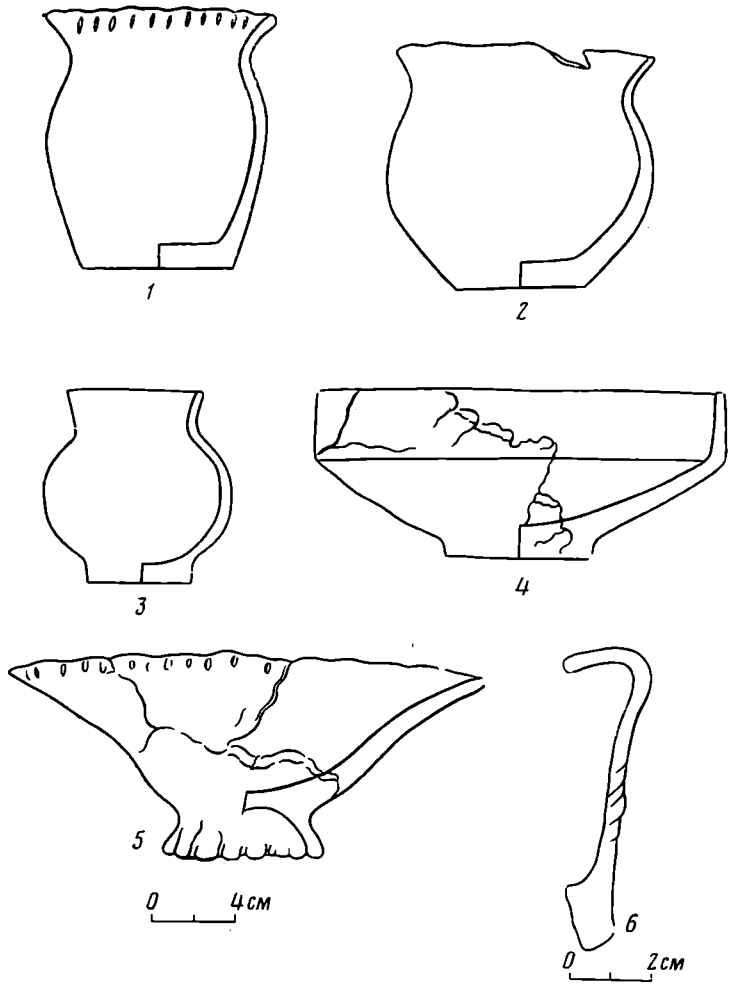


Рис. 1. Селище Железное. Керамика: *1, 5* — грубая; *2, 3, 4* — лощеная; *6* — фибула (железная)

I тип — длинные наземные дома каркасной конструкции (рис. 2, соор. 1, 2). Длина сооружения составляла 10,5—11,5 *м*, ширина — 4,1—4,5 *м*. Отсутствие четко выраженных парных столбов и отпечатки нижних бревен между столбами заставляют предполагать, что стены возведены из горизонтальных бревен, вставленных в пазы каркасных столбов. Дома делятся на две части: жилую камеру и хозяйственное отделение. Жилая камера соответствовала задней теплой части дома селища Синьково и занимала квадратную площадь со сторонами 4,1—4,5 *м*. В камере имелась небольшая овальная ямка (глубиной около 0,4 *м*) с четырьмя столбами вокруг, которую можно сопоставить с близкими конструкциями деснинских домов, интерпретированных А. К. Амброзом как хранилище под нарами[7]. Размеры ямы — 1,7×0,8 или 2×1,5 *м*. Нары опирались на четыре столба, между которыми были заметны следы обгоревших бревен (рис. 2, соор. 2). Прямоугольник нар имел размеры 2,4—2,5×2 *м*[8]. Кроме того, на дне ямы иногда встречены следы от небольших столбов диаметром 0,3—0,4 *м*, находившихся на расстоянии 1—1,3 *м* друг от друга. Перед нарами, по оси жилища или у одной из его стенок, находился очаг с очажной ямой. Жилая камера и хозяйственное отделение, по-видимому, были отделены легкой перегородкой.

[7] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 65.

[8] Размеры взяты по столбам опоры.

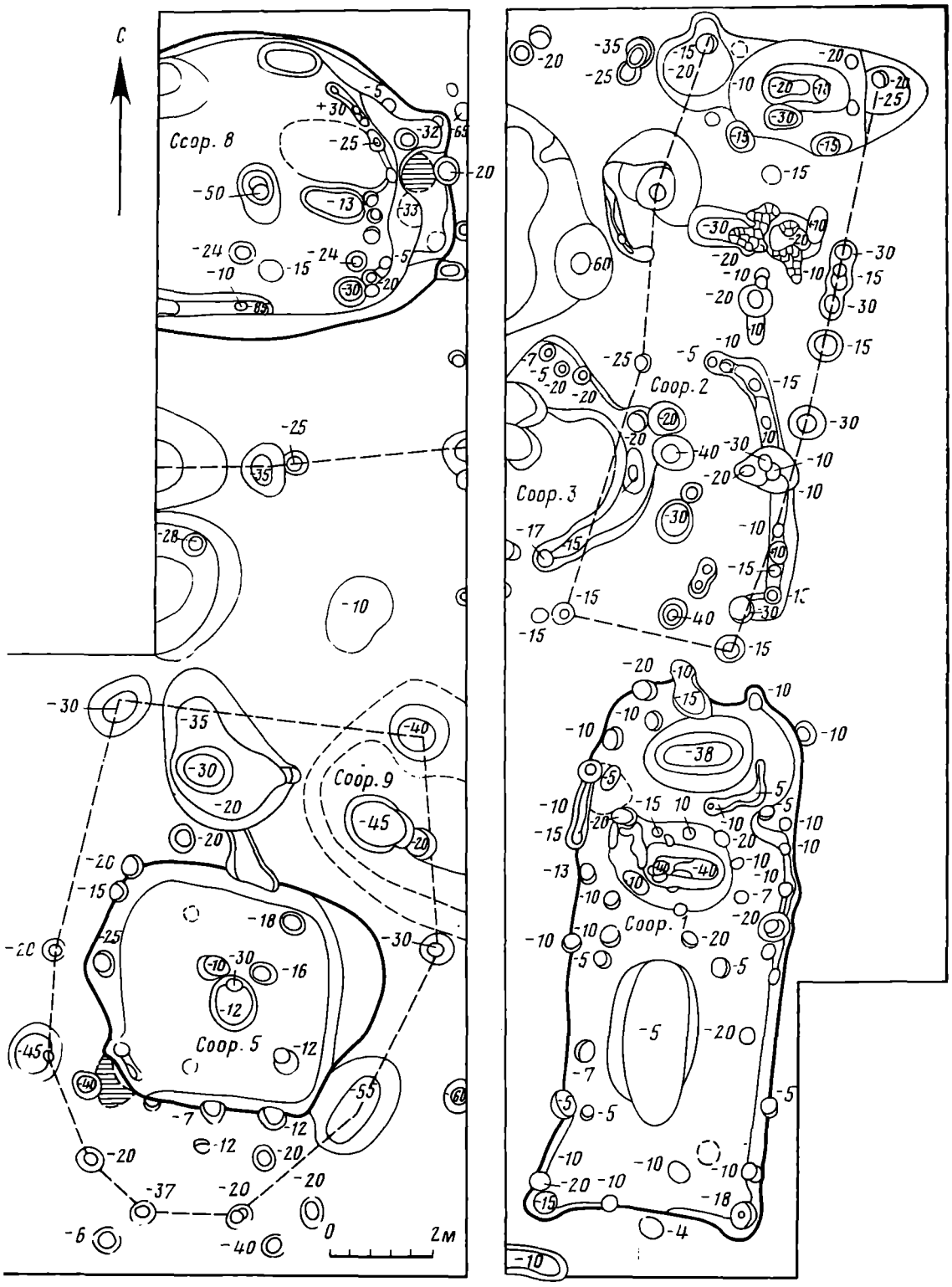


Рис. 2. Селище Железное. Планы сооружений

Вход в дом, прослеженный довольно четко в сооружении 2, находился в середине длинной стены, недалеко от очага. Иногда вдоль одной из стен прослеживаются столбы, вероятно прижимавшие утеплительную обкладку (рис. 2, соор. 2).

II тип построек на поселении Железное представлен сооружением с углубленной частью (рис. 2, соор. 5, 8). Длина всей прямоугольной по-

стройки 9—10 *м*, ширина 6 *м*. Сооружение делится на углубленную жилую камеру и наземное хозяйственное отделение, перекрытые общей крышей. Контуры постройки очерчиваются по столбовым ямам вокруг котлована. Такие детали, как наличие очага на краю котлована, невозможность перекрытия котлована с одним центральным столбом вызывают необходимость сооружения крыши, выходящей далеко за пределы котлована и перекрывающей очаг. Котлован жилой камеры имеет размеры 4,5×4,5 или 6×6 *м*. Глубина котлована 0,4—0,5 *м*. В центре котлована обычно расположен один из осевых опорных столбов. Часть котлована занята прямоугольными нарами, опирающимися, как и в домах первого типа, на четыре столба. Размер нар 3×2 или 6×3 *м*. Под нарами иногда имеются дополнительные столбы. Расстояние между ними такое же, как у жилищ I типа — 1 *м* (расстояние взято между осями столбов). Стены котлована обложены деревом, а дно между нарами и противостоящей стенкой имело глиняную обмазку (соор. 8) или, возможно, деревянное покрытие (соор. 5). Круглой формы очаг помещался на краю котлована или на материковой ступеньке, углубленной в грунт на 0,1 *м* при глубине котлована 0,6 *м* (соор. 8). Если учесть, что глубина котлована в сооружении 5 равняется 0,5 *м*, то очаги в сооружениях находятся на одном уровне от дна котлована. Очаги иногда подмазывались глиной, но чаще — это прокаленные круглые пятна песка со следами обожженной глины диаметром 0,8 *м*. Около очагов обычно имеются три ямы, расположенные по периметру. Одна из них большего диаметра (0,4—0,5 *м*), прямоугольная в разрезе, глубиной 0,4—0,5 *м*, почти соприкасалась с очаговым пятном. Трудно определить ее как столбовую яму. Две другие диаметром 0,25—0,30 *м*, глубиной 0,3—0,4 *м*, должны быть включены в конструкцию очага. Подобная схема очень стандартна на поселении и также встречена в сооружениях I типа. В постройке 5 юго-западный угол котлована решен с учетом особенностей конструкции очага, обеспечивая удобный подход. В хозяйственном отделении сооружений с углубленной частью помещались небольшие погребки или хозяйственные ямы.

Постройки I и II типов, разделенные на жилую и хозяйственную части, во многом близки. У них одинаковая конструкция стен, очагов, нар, сходное расположение нар и очагов. Различие между ними состоит в основном лишь в том, что в строениях II типа жилая часть углублена.

Оба типа домов, открытых на поселении Железное, были встречены на городище и селище у с. Мощины Мосальского р-на Калужской обл.[9] На городище найдены длинные наземные дома, сделанные также в стоечно-балочной системе, размером 6,4×3,2, 6×2,7 *м* (рис. 3). В некоторых случаях жилая камера и хозяйственное отделение были немного (0,05—0,1 *м*) углублены в материк. Размеры жилой камеры в домах I типа — 3,2×3,2; 2,7×3; 2,8×2,4 *м*. В жилой камере, как и на селище Железное, были построены нары с прямоугольной или овальной ямой под ними. Размеры ямы 1,4—1,5×0,7—0,9 *м*. Иногда под нарами нет ямы, но они четко очерчиваются по опорным угловым столбам и двум дополнительным столбам под ними. Расстояние между осями последних 1 *м* (соор. 1). Круглый очаг помещался либо перед нарами по длинной оси жилища, либо у одной из стен. Размеры очага 0,5—0,8 *м*. Очаг подмазывался глиной, а иногда в его конструкции применялись камни. Между жилой камерой и хозяйственным отделением была сооружена стена. В хозяйственном отделении, в сооружении 4, прослежены хозяйственные ямы, в сооружении 3 был найден жернов. На селище, расположенном рядом с городищем, встречено строение, близкое к постройкам с углубленной ча-

[9] *Фролов И. К.* Городище и селище у с. Мощины.— АО — 1975, М., 1976; *его же.* Городище у с. Мощины.— АО — 1974, М., 1975, с. 85, 86.

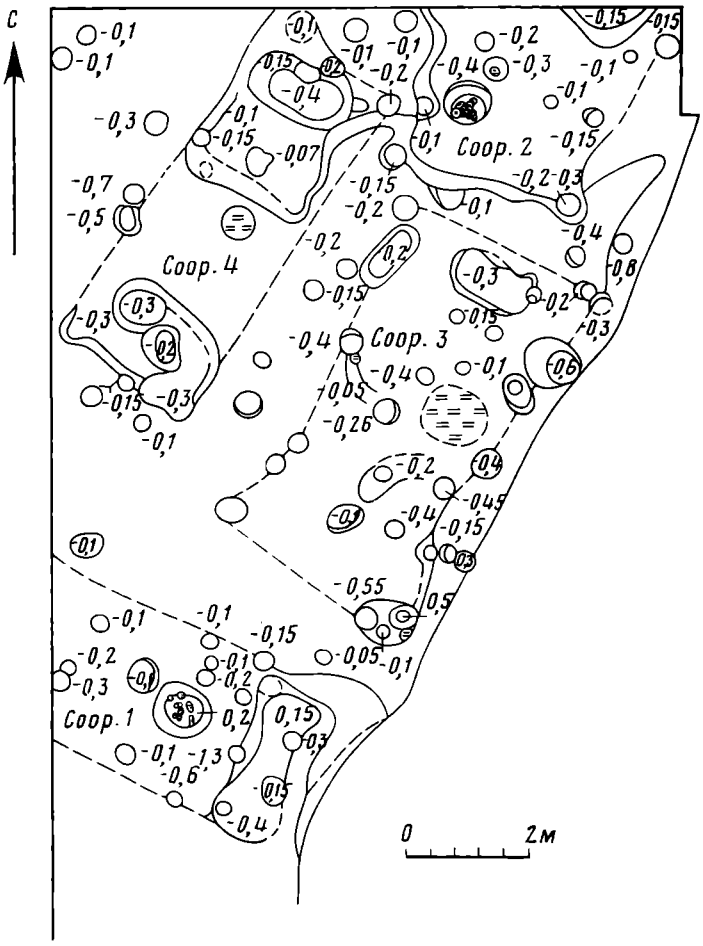


Рис. 3. Городище Мощины. Планы сооружений

стью селища Железное (рис. 4, соор. 2). Этот дом находится на краю рва, спускаясь на ступеньку в стене рва. Полностью размеры жилища выяснить не удалось. Ширина его колеблется от 3,5 до 5 *м*. Углубленная часть находилась на ступеньке стенки рва, ниже наземной на 0,6 *м*. Наземная часть сооружения углублена в материк с западной и южной сторон на 0,15—0,20 *м*. По длинной оси жилища, в наземной части, перед котлованом был сооружен овальный очаг, подмазанный глиной. Размеры очага 0,80×0,40 *м*. Он находился на краю подочажной ямы. Размер ямы 1,20×1 *м*, глубина 0,30 *м*. Длину сооружения можно определить, если принять во внимание, что в аналогичных постройках в центре углубленной части помещался опорный столб, поэтому можно предположить, что углубленная часть сооружения 2 имела размеры 4,5—5× ×2,40 *м*. Соответственно длина всего сооружения должна равняться 6 *м*.

Эти жилища, обнаруженные на Мощинском городище и селище, относятся к среднему горизонту культурного слоя. Они перекрывают или прорезают нижний горизонт культурного слоя с вещами III—IV вв. н. э., характерными для дьяковских городищ [10]. В постройках найдена лепная керамика, в том числе лощеная (рис. 5), ножи, бронзовая лунница, близкая по типу к встреченной в кладе, обнаруженном на мощинском городище Н. И. Булычевым [11]. По-видимому, эти жилища можно отнести ко времени не ранее IV—V в. н. э.

[10] *Дубинин А. Д.* Щербинское городище.— В сб.: Дьяковская культура. М., 1974, табл. X, *15*, XI, *16*, IX, *10*.

[11] *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. IX, *8*.

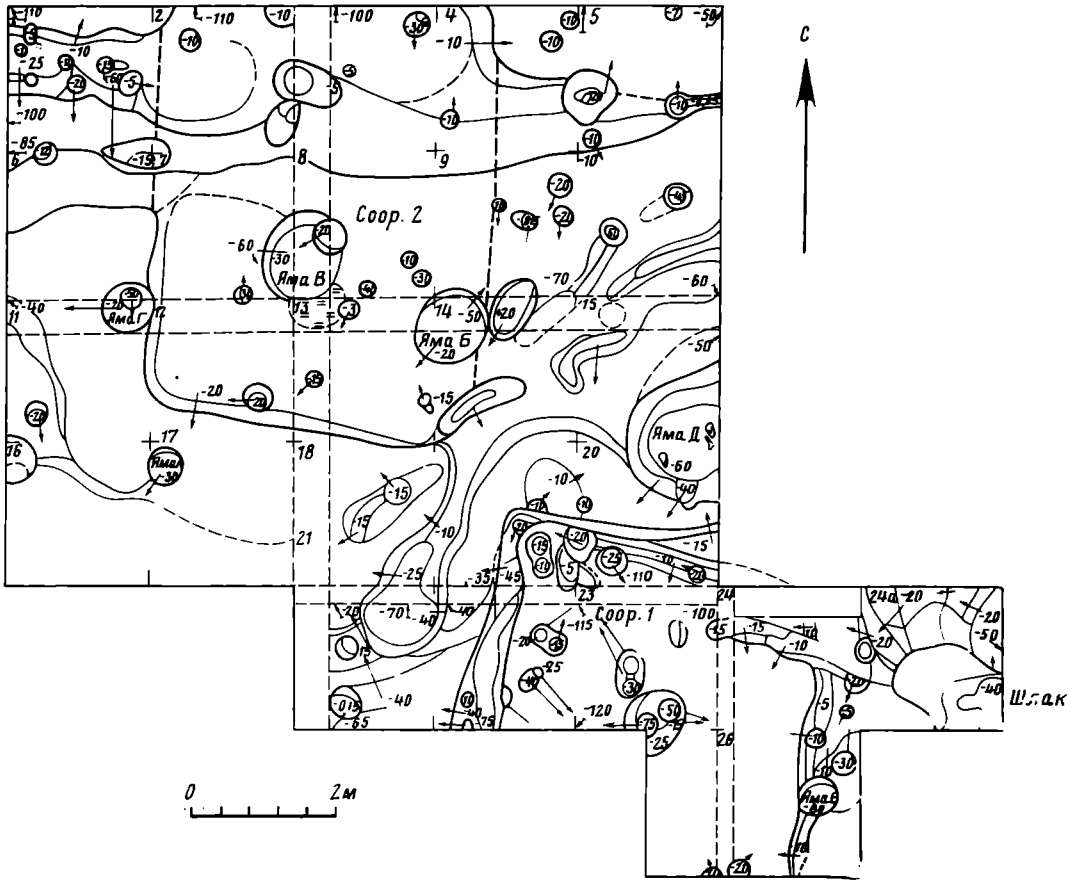


Рис. 4. Селище Мощины. Планы сооружений

Таким образом, постройки, характерные для первой четверти I тысячелетия н. э., продолжали бытовать и в середине этого тысячелетия. Дома несколько видоизменяются, становятся меньше. Но тип постройки остается неизменным. Наиболее четко основные конструктивные особенности построек выявляются при реконструкции плана сооружений (рис. 6). Конструкция домов решена в стоечно-блочной системе. Несущие столбы-опоры расположены по длинной оси жилища, по углам и в стенах. Осевые столбы отстоят от торцевых стен на расстояние не меньше 1,5 *м*, поэтому следует сделать заключение о четырехскатной крыше. Нередко сторона постройки, где расположена жилая камера, имеет кривую апсидообразную форму. Это в свою очередь вызывает необходимость в расстановке дополнительных опорных столбов. В более ранних постройках число осевых опорных столбов было больше, позже с уменьшением размера сооружений уменьшается число опорных столбов. Первый [12] осевой столб в постройках I типа находится обычно перед нарами жилой камеры, другой — на расстоянии 2—2,5 *м* от первого. Между этими столбами обычно располагался очаг. Граница жилой камеры в ранних постройках, вероятно, проходила по второму осевому столбу. В ранних постройках имелся также и третий осевой столб. Осевые столбы соединялись балками со столбами в стенах. В наземных постройках раннего этапа реконструируются, как правило, три прямоугольных ячейки. Составленные последовательно, они образовывали систему обвязки стен (рис. 6, *1, 2*). Позднее при строительстве сооружений на Мощинском городище

[12] Отсчет ведется от нар постройки.

система осталась той же, но с некоторыми изменениями: второй осевой столб был вынесен за пределы жилой камеры и поперечные балки не расположены в прежней последовательности. Все это связано с уменьшением размера сооружений. Вход в постройки на всех этапах, вероятно, оставался в середине, сразу же за жилой камерой (рис. 6, *1—4*). Один из осевых столбов домов II типа находился постоянно в центре котлована, другой, как правило, на материковой поверхности, рядом с котлованом. В остальном система несущих столбов аналогична домам I типа. В целом жилые камеры построек I и II типов построены по близкой схеме. Площадь их очень близка: в ранних сооружениях I типа она достигает 18—20 *м*^{2}, в домах II типа — 20—25 *м*^{2}; в поздних соответственно 9,6—10,5 и 11—12 *м*^{2}. Нары занимают от одной трети до половины площади жилой камеры, приподняты над ямой или дном котлована и опираются на четыре столба, расстояние между осями которых составляет 2 и 2,5 *м*. При устройстве нар под ними ставились дополнительные столбы в яме или котловане. Расстояние между их осями в домах I и II типов очень постоянно — 1—1,1 *м*.

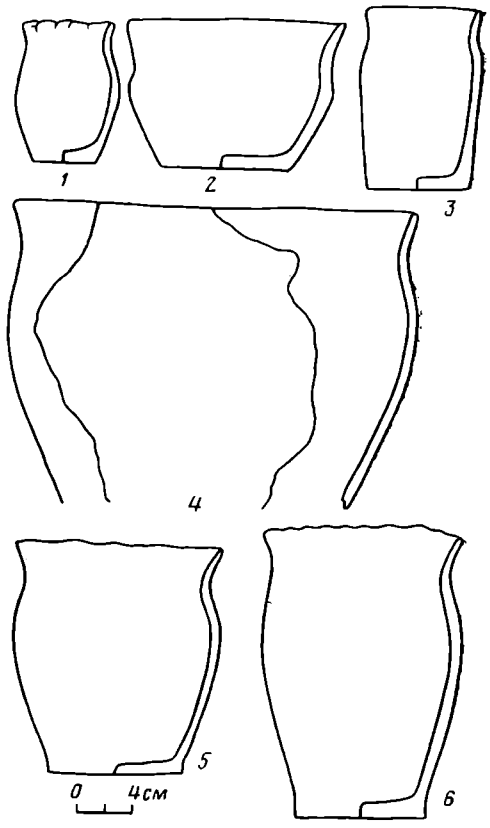


Рис. 5. Городище Мощины. Керамика: *1, 3—6* — грубая, *2* — лощеная.

Кроме сходства жилых камер очень близки конструктивно элементы, которыми пользовались при строительстве домов I и II типов [13]. Например, расстояние в осях центральных столбов в домах I типа на селище Железное составляет 2,5, 4 и 5,7 *м*, в домах II типа — 2,5 и 5,5 *м*; те же расстояния между центральными и угловыми столбами в ранних домах I типа 2,5—4 *м*, в домах II типа 3—5 *м*. Так же близки размеры между опорными столбами в стенах сооружений. Аналогичная картина наблюдается при сравнении межосевых расстояний в постройках более позднего этапа на памятниках у с. Мощины. Межосевое расстояние центральных столбов в домах I типа составляет 1,5, 1,7, 3,5 *м*; в домах II типа — 2, 2,5 и 8 *м*. То же можно наблюдать и при сопоставлении межосевых расстояний между опорными столбами в стенах сооружений.

Таким образом, близость размеров построек I и II типов на каждом этапе, размеров жилых камер, строительных элементов, конструкций и расположения очагов и теплоизоляции позволяет говорить об устойчивой системе домостроительства, применявшейся на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э., и подтверждает высказанный ранее тезис о сходстве построек I и II типов.

Принимая во внимание характерные особенности построек Железного и Мощин, подобные сооружения первой четверти I тысячелетия н. э. можно реконструировать на ряде памятников Подесенья: на селище в устье р. Гасомы, притоке Десны, в 14—15 *км* выше Брянска, и на селище Колодезный Бугор, устье р. Смячь, в районе Новгород-Северско-

[13] Размеры балок взяты по осям опорных столбов.

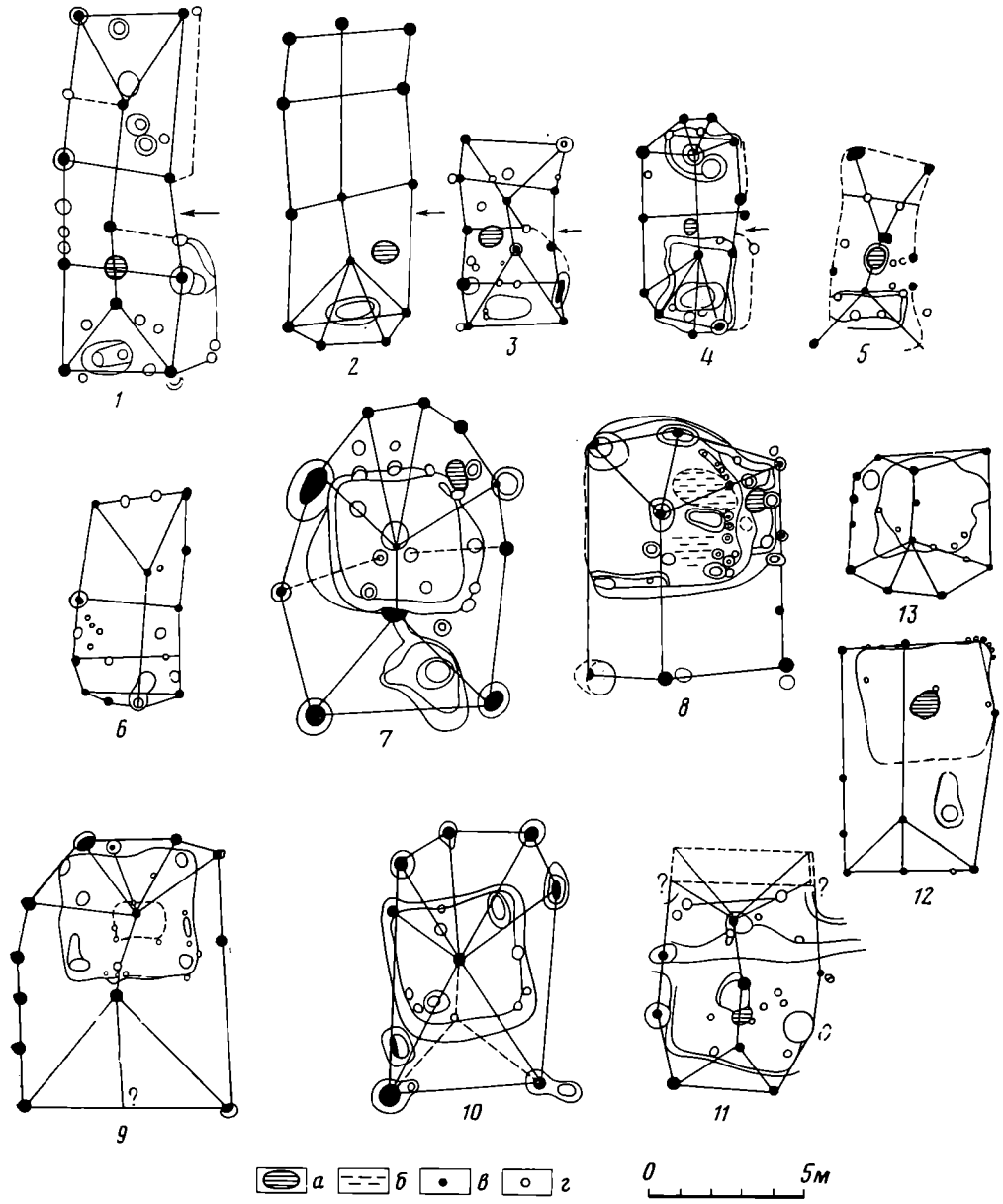


Рис. 6. Реконструкции домов первой половины I тысячелетия н. э. *а* — очаг, *б* — глина, *в* — опорные столбы. *1, 2, 7, 8* — Железное, дома 2, 1, 5, 8; *3—5* — Мощины, городище, дома 3, 4, 1; *11* — Мощины, селище, дом 2; *6, 12* — Смольянь, селище; *9* — Гасома, селище; *10* — Колодезный Бугор, селище; *13* — Горошков, городище

го [14]. Здесь обнаружены постройки II типа с углубленной частью (рис. 6). Прямоугольные котлованы жилых камер окружены опорными столбами. Одна из сторон имеет характерную апсидообразную форму. Площадь жилой камеры также аналогична домам селища Железное — 18—20 *м*². Близки и строительные элементы (рис. 6). Межосевые расстояния центральных опорных столбов постройки на селище в устье р. Гасомы составляют 2,7 *м*, расстояния между центральными и угловыми столбами

[14] *Заверняев Ф. М.* Селище в устье р. Гасомы.— В сб.: Раннесредневековые восточнославянские древности. М., 1974, с. 126—131, рис. 1; *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 92—99, рис. 14, *2*. (Авторы интерпретируют котлованы построек как полуземлянки, хотя Ф. М. Заверняев пишет, что «за пределами землянки, с ее восточной, западной и южной сторон также было обнаружено несколько столбовых ям, по-видимому, связанных с землянкой», с. 128.)

3, 3,5, 4,7 *м* (ср. на селище Железное — 3, 3,5, 4, 4,5, 5 *м*). Так же близки расстояния между опорными столбами в стенах постройки. Межосевые расстояния на селище Колодезный Бугор составляют у центральных и угловых столбов 3,7, 4, 5 *м*, между опорными столбами в стенах — 2, 2,6, 5, 6 *м* (ср. на селище Железное — 2, 2,5, 4, 5, 5,7 *м*). В этих постройках не найдено очагов. Вероятно, из-за распашки селища в устье р. Гасомы и размыва поселения Колодезный Бугор очажные пятна были уничтожены. На селище в устье р. Гасомы обнаружена также постройка I типа, частично нарушенная котлованом дома II типа. Эта постройка начала I тысячелетия н. э. аналогична встреченной А. К. Амброзом. К этому же выводу пришел и автор раскопок [15]. В Подесенье найдены сооружения, которые можно реконструировать как дома I и II типов позднего этапа. Эти постройки находятся на селище у д. Смольянь [16]. Жилища датируются VI—VII в. н. э. и по своим размерам соответствуют встреченным на памятниках у с. Мощины. Дом I типа (рис. 6, *6*) расположен в середине раскопа II. Он не имеет четко выраженной ямы под нарами, чему находится аналогия в варианте постройки I на мощинском городище. П. Н. Третьяков предполагал, что в этом районе имеются легкие сооружения типа навесов, но из-за небольшого размера раскопа и большого количества ям было невозможно реконструировать постройки [17]. Накладывая размеры мощинского строения на план раскопа, удалось выделить группу столбовых ям, которые поддаются реконструированию. Межосевое расстояние центральных столбов на 1 *м* превышает подобные расстояния мощинских сооружений, но остальные параметры совершенно совпадают. Дом II типа реконструируется на основе жилища 1 и окружающих столбов в раскопе IV (рис. 6, *12*). Котлован постройки постепенно переходит в наземную часть, очерченную опорными столбами. Размеры сооружения близки к мощинскому, и межосевые расстояния соответствуют расстояниям мощинской постройки (рис. 3). В наземной части расположены погребки и хозяйственные ямы.

Постройки II типа на селище Смольянь, по-видимому, отличаются от мощинских расположением очага, который исследователь находит в центре котлована. Вероятно, развитие домостроительства в бассейнах Десны и Оки шло на основе общих традиций, но с некоторыми вариантами. Прототипами дома I типа явились постройки, обнаруженные в нижнем слое городища у дер. Полужье Брянской обл. и на городище Николо-Ленивец Калужской обл.[18] Эти сооружения принадлежат к вариантам юхновской культуры. Прототип дома II типа можно обнаружить в сооружениях милоградской культуры. Жилища на памятниках этой культуры представляют собой котлованы построек, окруженные, как правило, столбовыми ямками, по мнению О. Н. Мельниковской, «также входившими в конструкцию жилища» [19]. Характерным примером является сооружение на городище Горошков [20]. Контуры постройки, схема опорных столбов, характерная апсидообразная стена заставляют видеть здесь особенности домов II типа. Многие межосевые размеры близки к описанным. Кроме построек II типа на милоградских памятниках можно обнаружить наземные удлиненные столбовые постройки. Некоторые из них, вероятно, могут быть реконструированы как дома I типа. Например, на городище Горошков, в раскопе X, 1957 г., по краю в кв. 14—18, 27—31 можно

---

[15] *Заверняев Ф. М.* Ук. соч., с. 128.

[16] *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э..., с. 61, 75—85, рис. 8, 9.

[17] Там же, с. 78.

[18] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 56, 60, рис. 4, *1*; *Никольская Т. Н.* Городище у д. Николо-Ленивец.— СА, 1962, № 1, рис. 5.

[19] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 37.

[20] Там же, с. 34, рис. 11, *3*.

видеть сооружение с ямой в одном конце[21]. Подобная постройка реконструируется на том же городище в кв. 39, 51, 43, 44, 52, 45—48[22].

Таким образом, исходя из вариантов построек I тысячелетия до н. э. и прослеживая близкие конструкции в первой половине I тысячелетия н. э., можно говорить об устойчивых, близких типах домостроительства на территории от Подесенья до Верхней Оки.

I. K. Frolov

HOUSEBUILDING OF THE FIRST HALF OF THE Ist MILLENIUM A. D. IN THE DESNA AND OKA BASINS

Summary

In the settlement near the village Zheleznoie on the Navlia river the author points to two types of structures: long overland houses and houses partly sunk into the ground. Such structures were discovered in the settlement of the Pochep culture near the village of Sinkovo in the Briansk region. The houses were divided into two parts: a dwelling and household. The dwelling chamber of houses of the Ist type (fig. 2 buildings 1, 2) contained plank-beds with an oval pit under them. The dwelling chamber of houses of the IInd type (fig. 2, buildings 5, 8) looked like a rectangular pit with a fire-place either at the edge of the pit or in a step of virgin soil. Similar houses (fig. 3, 4) were found in the fortified site and in the settlement near the village of Moschiny in the Kaluga region. Although slightly smaller, they had all characteristics of the structures of the Pochep culture. Houses of this type were found also in the settlements of Gasoma, Kolodezni Bugor and Smolyan. Their prototypes are structures in the fortified sites Goroshkov of Milograd culture and Poluzhye and Nikolo-Lenivetz of Yukhnov culture (fig. 6).

---

[21] *Мельниковская О. Н.* Отчет о работах Гомельского отряда. 1957. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1664, рис. 28.

[22] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии..., с. 40, рис. 13.

Н. Н. ВОРОНИН, П. А. РАППОПОРТ

ДРЕВНИЙ СМОЛЕНСК

Среди древних городов великой Русской равнины немногие могут соперничать со Смоленском в величавой красоте расположения на живописных высотах, взнесенных над зеркалом реки. Для рельефа Смоленска характерна разветвленная сеть глубоких оврагов, образованных стекающими с высот в Днепр ручьями и речками. Они вырезают межовражные возвышенные холмы и мысы, придающие ландшафту города гористый характер: не случайно эти возвышенности издавна носят в Смоленске название «гор» или «холмов» (рис. 1) [1].

Правобережная сторона прорезана несколькими большими и малыми оврагами. Крайний с запада овраг р. Серебрянки и к востоку от него Шкляный овраг образуют между собой Шкляную гору и плато Лестровка. Крупный овраг р. Городянки и овраг Ильинского ручья очерчивают Покровскую гору. Большой и разветвленный овраг р. Вязовеньки прикрывает эту территорию с востока.

На левобережье, в западной его части, овраги ручья Кловки выделяют Кловскую гору, а далее к востоку два овражка очерчивают Свирскую гору. Рядом со Свирской горой, к западу от нее, когда-то протекала ныне засыпанная р. Смядынь. Два наиболее крупных оврага — Чуриловский с запада и Чертов ров (или Рачевский овраг) с востока — ограничивают особо хорошо защищенную ими центральную территорию города. Внутри нее есть свои овраги, горы и холмы; четыре из них обращены к Днепру. С северо-запада, примыкая к Чуриловскому оврагу, находится Казанская гора. Отделенная от нее Пятницким оврагом — Вознесенская гора и Воскресенский холм. Восточнее, за Резницким оврагом, лежит Соборная гора, а на северо-востоке этой территории, между Георгиевским оврагом и Зеленым ручьем, расположен Спасский, или Козловский, холм. Эта главная территория старого города определила своим рельефом положение и конфигурацию его древнейших укреплений. Восточнее, за Чертовым рвом, меж Мавринским оврагом (р. Малая Рачевка) и Шейновским оврагом лежит обширная Бабья гора. Даже позднее, в 1514 г., летописец выразительно написал о Смоленске: «Град же, имеа твердость, стремнинами гор и холмов высоких затворено...» [2].

Описанные естественные условия рано привлекли к этим местам население. На территории Смоленска известно три небольших городища, относящихся к дославянскому времени. Одно из них было на Соборной горе, второе — на высоком мысу меж оврагами на правой стороне р. Рачевки (Чертова рва), третье — на северной стороне Днепра, на Лестров-

[1] Характеристику естественной среды см.: *Погуляев Д. И.* Природные условия города Смоленска.—В кн.: Труды научно-методических конференций объединения географов и геологов педагогических институтов европейской части РСФСР (1961—1962 гг.). Смоленск, 1963; *Погуляев Д. И., Гроздов Б. В.* Природа Смоленска и его окрестностей. Смоленск, 1965.

[2] ПСРЛ, т. 8, 253.

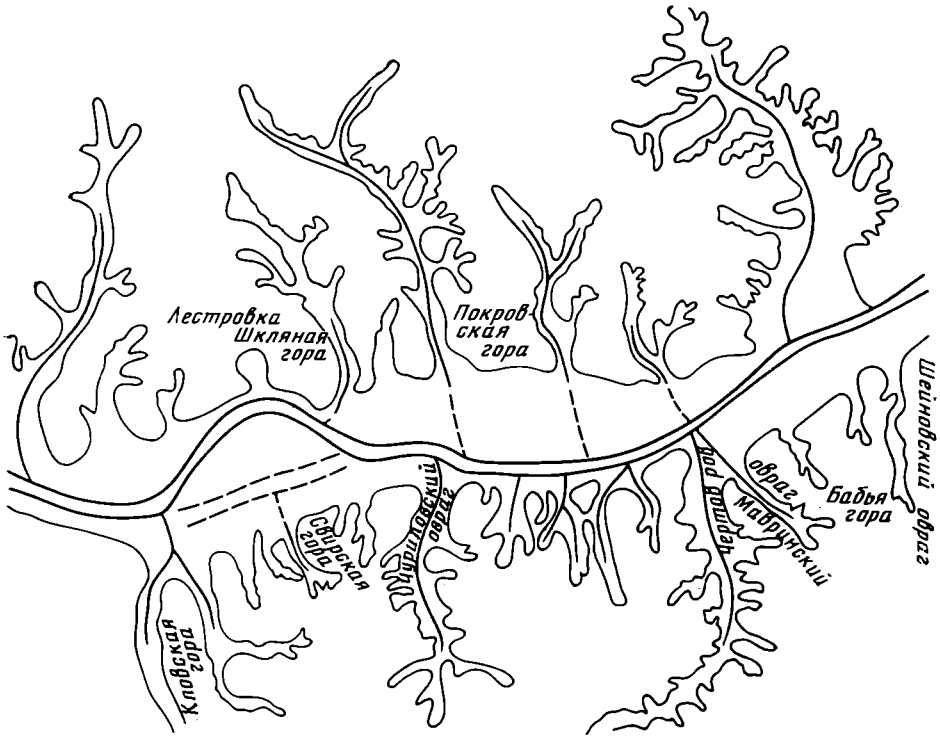


Рис. 1. Схема рельефа Смоленска (по Д. И. Погуляеву)

ке[3]. Первоначально их датировали VI—VIII вв., теперь их дата углубляется в конец I тысячелетия до н. э.— начало нашей эры[4].

Вопрос о начале и месте русского Смоленска до сих пор остается открытым, поскольку планомерное археологическое исследование территории современного города до сих пор не организовано. Раскопки сосредоточены пока лишь на береговом «подоле», и в частности под Соборной горой (на ул. Соболева), тогда как изучение исторической топографии большого города требует проведения широкой систематической разведки на обоих берегах Днепра. Поэтому в отношении важнейшей темы о Смоленске IX—X вв. мы остаемся пока во власти более чем скудных письменных источников.

«Повесть временных лет» утверждает, что Смоленск был племенным центром кривичей. Это созданная в начале XII в. гипотеза автора «Повести» о прошлом крупнейших городов Руси, становившихся в его время столицами могущественных княжеств[5]. Содержащиеся в Устюжском летописном своде XVI в. «древнейшие» летописные известия о Смоленске 862 и 882 гг. на деле представляют собой фрагменты смоленской летописи 40-х годов XIII в., проникнутой просмоленским духом и стремящейся представить Смоленск большой крепостью уже в IX в.[6] Однако сам

---

[3] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— В кн.: Научные известия Смоленского государственного университета, т. 3, ч. 3. Смоленск, 1926, с. 203—209; Открытие древнейшего городища в Смоленске.— «Рабочий путь», 1925, № 261 (о раскопках А. Н. Лявданским городища на Соборной горе).

[4] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники периода возникновения г. Смоленска.— В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 44, 45.

[5] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, с. 46, 47.

[6] Устюжский летописный свод. М.— Л., 1950, с. 20; *Воронин Н. Н.* Следы раннего смоленского летописания.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 275; *его же.* Два смоленских фрагмента в Устюжском летописном своде.— ВИ, 1975, № 2.

факт существования Смоленска во второй половине IX в. вряд ли может быть подвергнут сомнению, поскольку он подтверждается упоминанием этого города в других русских летописях.

Было высказано предположение, что интерес южных князей к Смоленску возрос в связи с ослаблением хазарской зависимости и особенно после вторжения в конце IX в. печенегов [7]. В своем трактате «Об управлении государством» византийский император Константин Багрянородный (905—959) свидетельствует, что киевские князья вместе со всеми русами уходят на всю зиму в полюдье в славянские, в том числе кривичские, земли [8]. Особо он рассказывает о том, как по весне из русских городов сплавляются вниз по Днепру к Киеву долбленые суда-однодеревки, получающие в Киеве новую, морскую оснастку. В числе этих городов упомянута и «крепость Милиниски», т. е. Смоленск. Интересно, что крепостью названы только он и Киев.

С первой половины или середины XI в. в Смоленске имеются уже собственные князья [9]. Так, Ярослав Мудрый посадил здесь своего сына Вячеслава, а затем сюда переводят из Владимира-Волынского Игоря Ярославича. В конце XI в. Смоленск принадлежал Владимиру Мономаху. Таким образом, казалось бы, что история Смоленска прослеживается по письменным источникам хотя и очень пунктирно, но достаточно отчетливо уже с IX в. Но где же находился в это время Смоленск?

В древней топонимике Смоленска имя р. Городянки на правом берегу Днепра позволяло думать, что где-то здесь лежала первоначальная крепость Смоленска [10]. Однако никаких археологических подтверждений этой догадке нет. По любезному сообщению Е. А. Шмидта, на Лестровке вообще нет древнерусского культурного слоя, как нет его на Покровской горе и на всхолмлениях у устья Городянки. Таким образом, по-видимому, в правобережной части Смоленска нет никаких следов раннего древнерусского поселения.

Естественно, что следы такого поселения прежде всего следует искать на площадке детинца древнего города — современной Соборной горе. К сожалению, крайняя испорченность культурного слоя, перерытого за много веков интенсивного строительства, не дает возможности изучить здесь культурные напластования с достаточной полнотой. И все же очень важно, что все проведенные здесь раскопки не дали никаких находок, относящихся ко времени до XI в. В 1964 г., во время раскопок бестолпной церкви, здесь были изучены ненарушенные слои, лежащие ниже пола этого храма. Найденные здесь материалы относятся к первой половине XII и частично к XI в. Конечно, на основании небольших шурфов нет возможности судить с точностью о времени возникновения поселения на территории детинца: это может быть середина XI в., но может быть и его первая половина. Ясно лишь, что поселения X в. здесь не было.

Историкам уже давно было известно о существовании примерно в 10—12 *км* от современного города огромного курганного могильника близ дер. Гнездово. Было высказано предположение, что древний Смоленск находился на месте одного из древних городищ в районе Гнездово и только значительно позднее, уже в XI в., был перенесен на новое место [11]. В 1953 г. против этого предположения решительно выступил

---

[7] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. с. 161, 162.

[8] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— ИГАИМК, № 91, 1934, с. 10.

[9] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1131 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— In: Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 111.

[10] *Авдусин Д. А.* Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, с. 31.

[11] *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, № 15, СПб., 1905, с. 7.

Д. А. Авдусин [12]. На основании результатов раскопок Центрального и Ольшанского городищ в Гнездове он утверждал, что городища эти были укреплены лишь в XVII в., а до того представляли собой часть территории курганного могильника. На этом основании Д. А. Авдусин считал, что место древнего Смоленска IX—X вв. надо искать на территории современного города [13]. Утверждение Д. А. Авдусина не подтвердилось. И. И. Ляпушкин провел в Гнездове раскопки и показал, что здесь имеется обширное поселение, относящееся к IX—X вв.[14] Позднее раскопки этого поселения, проведенные Д. А. Авдусиным, показали, что в районе Гнездова существовало большое поселение, по крайней мере с рубежа IX и X вв., причем особенно интенсивная жизнь протекала здесь во второй половине X в.[15] Тогда же было создано и укрепление, имеющее площадь около 1 *га* (Центральное городище). Обследование всей территории Гнездовского поселения показало, что общая площадь его не менее 15 *га* [16]. Примерно на рубеже X и XI вв. основная масса населения оставила район Гнездова [17]. Таким образом, очевидно, что сведения письменных источников о Смоленске в IX и X вв. относятся к поселению, находившемуся в районе Гнездова. Очень вероятно, что поселение это носило то же наименование — Смоленск.

Многие вопросы соотношения Гнездовского поселения и Смоленска остаются до сих пор не решенными. Мы не знаем, как произошла смена места поселения. Очевидно, основание поселения на новом месте было осуществлено потому, что характер дофеодальных социальных традиций старого поселения в корне противоречил задачам, которые имел в виду князь, основывая административный центр, вскоре ставший феодальным городом [18]. Неизвестно, была ли при этом переведена из Гнездова на новое место и часть населения или же после постройки смоленского детинца Гнездовское поселение само постепенно захудало и было заброшено. Более того, неизвестно даже, существовала ли вообще между этими поселениями непосредственная преемственная связь или же постройка смоленского детинца была осуществлена после того, как Гнездово уже все равно было полузаброшено.

Местные историки были единодушны в признании древнейшей ячейкой Смоленска укрепленного поселения на Соборной горе. Действитель-

---

[12] *Авдусин Д. А.* К вопросу о первоначальном месте Смоленска.— Вестн. МГУ, 1953, № 7, с. 123; *его же.* Раскопки Гнездовских городищ в 1953 г.—Вестн. МГУ, 1953, № 11, с. 111; *его же.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи, с. 78.

[13] *Авдусин Д. А.* Возникновение Смоленска, с. 53.

[14] *Ляпушкин И. И.* Новое в изучении Гнездова.— АО — 1967. М., 1968, с. 43; *его же.* Исследования Гнездовского поселения.— АО — 1968. М., 1969, с. 66; *его же.* Гнездово и Смоленск.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

[15] *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение в истории смоленского Поднепровья (IX—XI вв.). Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 11, 13; *Авдусин Д. А.* Гнездово и днепровский путь.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 165.

[16] *Шмидт Е. А.* К вопросу о древних поселениях в Гнездове.— В кн.: Материалы по изучению Смоленской области, вып. VIII. Смоленск, 1974, с. 160. О социальном характере Гнездовского поселения были высказаны очень интересные соображения. См.: *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 17.

[17] *Шмидт Е. А.* К вопросу о древних поселениях..., с. 164; *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии).— СА, 1977, № 1.

[18] Д. А. Авдусин выступил с решительным заявлением, что «теория о переносе городов... выглядит ненаучной... Вряд ли подобная теория имеет право на существование в наши дни не только для Смоленска, но и для любого города» (*Авдусин Д. А.* Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу.— ССб., XX, 1975, с. 155). Такая точка зрения не может быть принята. Случаи основания феодального княжеского «города» вблизи старого поселения, но на новом месте достаточно хорошо известны. В географически близком Смоленску районе примером тому может служить, например, Полоцк (*Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 23).

но, место для детинца было выбрано с большим пониманием его боевых качеств. Мыс, вырезанный с запада оврагом Смолигова ручья (название которого возводили к имени легендарного вождя Смолига) [19], а с востока спускавшийся крутыми склонами в глубокую котловину, поднимается ныне на 53 *м* над уровнем Днепра. Заложенные нами в поисках руин древнего Успенского собора траншеи, располагавшиеся со всех четырех сторон существующего собора, показали, что материк здесь лежит ниже уровня современной дневной поверхности местами до 3 *м*. Еще более значителен слой позднего строительного щебня большемерного кирпича, отложившийся на северном склоне Соборной горы в пору строительства XVII—XIX вв. Эта свалка строительного мусора на склонах Соборной горы не только изменила ее рельеф, повысив уровень, но и несколько увеличила ее размеры. Так что плато горы первоначально было ниже и несколько меньше по площади [20].

С юга гора отрезана от смежной территории «сухим рвом». Это название позволяло думать, что он искусственного происхождения и связан с укреплением детинца [21]. Искусственное происхождение рва подтверждается и его конфигурацией: естественный овраг не мог иметь с обеих сторон направления вниз по склону. Ров хорошо сохранился: в настоящее время по его дну проходит улица Красный ручей. Существенно, что на южном краю детинца при строительстве XIX в. прослежена значительная толща насыпного грунта, т. е. скорее всего остатки обращенного в «приступную» сторону вала. С. П. Писарев писал: «Доселе на южной стороне Соборного холма ясно замечается этот первичный земляной вал» [22]. Таким образом, наличие искусственного укрепления рвом и валом южной, т. е. напольной, стороны Соборного холма несомненно.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой детинца на Соборной горе не было, она «не была историческим центром города и могла быть лишь более поздним его религиозным центром. На ней нет места для домов княжеской челяди, для княжеского двора». Детинца в Смоленске не могло быть якобы и потому, что детинец — княжеская цитадель, а Смоленск был искони городом вечевым [23]. Что касается первого возражения, то оно легко снимается промером верхней площадки Соборной горы — ее размер примерно 100×240 *м*, т. е. около 24 000 $м^2$. На этой площадке в XVIII в. было построено восемь крупных культо-

---

[19] Название Смолигова колодца-родника и ручья держалось очень устойчиво. Смета мастера Гура Вахрамеева (1692) упоминает меж Днепровских и Воскресенских ворот каменную трубу, «что в тое трубу течет ручей из города, из Смолигова колодца...» (*Токмаков И. Ф.* Сборник материалов для исторического и археологического описания священных достопамятностей Смоленской епархии.— Смоленские епархиальные ведомости, 1883, № 22, с. 28). Еще в купчей крепости начала XIX в. ориентирами служили Смолигов колодец, Аленина труба (водосброс под стеной) и Грязницкая улица: вероятно, это название более реально, чем Резницкая, якобы связанное, по наивному осмыслению, с «резней» здесь смолян с ворвавшимися в город в 1611 г. поляками (купчая хранилась в Смоленском историко-археологическом музее; см. *Грачев В. И.* Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. Смоленск, 1908, с. 145).

[20] *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках в Смоленске 1951 г.— МОАИА, разр. 1, № 618, л. 102; *его же.* Археологические раскопки в Смоленске.— Смоленский альманах, кн. 10. Смоленск, 1952, с. 219—227.

[21] *Орловский И. И.* Смоленская стена (1602—1902). Смоленск, 1903, с. 4; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники.— СА, 1967, № 3, с. 288; *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 99.

[22] *Писарев С. П.* Рукописный памятник смоленского Авраамиева монастыря и его литературное значение.— Филологические записки, вып. V, 1882, с. 47, прим. 1; см. также: *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 201, прим. 1.

[23] *Авдусин Д. А.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи, с. 69—73; *его же.* Возникновение Смоленска, с. 34.

Рис. 2. Изображение Смоленска на медали С. Аммона

вых и церковно-административных зданий епископского двора. Так что для строений дворцов знати XI—XII вв. и их слуг места было более чем достаточно. Что же касается до вечевого строя, то его существование в Смоленске вообще крайне сомнительно, а кроме того, как показывает топография Новгорода и Пскова, наличие детинца вовсе не противоречит вечевым порядкам города. Соборная гора и в последующие столетия средневековой истории Смоленска оставалась местом укреплённой резиденции духовных и гражданских властей [24].

В XI в. заметно возрастает интерес киевских князей к смоленскому краю. Вряд ли случайно, что после смерти Игоря Смоленск, перейдя вновь в состав великокняжеского удела, оказывается сразу в руках трех старших Ярославичей: «и разделиша Ярославичи Смоленеск себе на три части» [25]. Едва ли это был раздел доходов с самого города. Думается, что «третное» владение Ярославичей «Смоленском» означало скорее раздел дани со Смоленского края [26]. Город этот был важен и в борьбе против агрессии Всеслава Полоцкого. В 1067 г., после победы Ярославичей над Всеславом, они вероломно захватывают его в плен «на Рши у Смолиньска» [27]. Бежав из Киева, Всеслав в 1078 г. наносит удар по

[24] В XVII в. Соборную гору еще называли «старым замком» (*Ширяев С. Д.* Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII веках. Смоленск, 1931, с. 37).

[25] ПСРЛ, XV (Тверская летопись), 155; XX, 91; XXIII, 22.

[26] Высказывалось предположение, что речь шла «об отторжении к Чернигову и Ростову некоторых районов Смоленской земли». *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила».—ТОДРЛ, т. XVI, 1960, с. 116.

[27] ПСРЛ, I, 167.

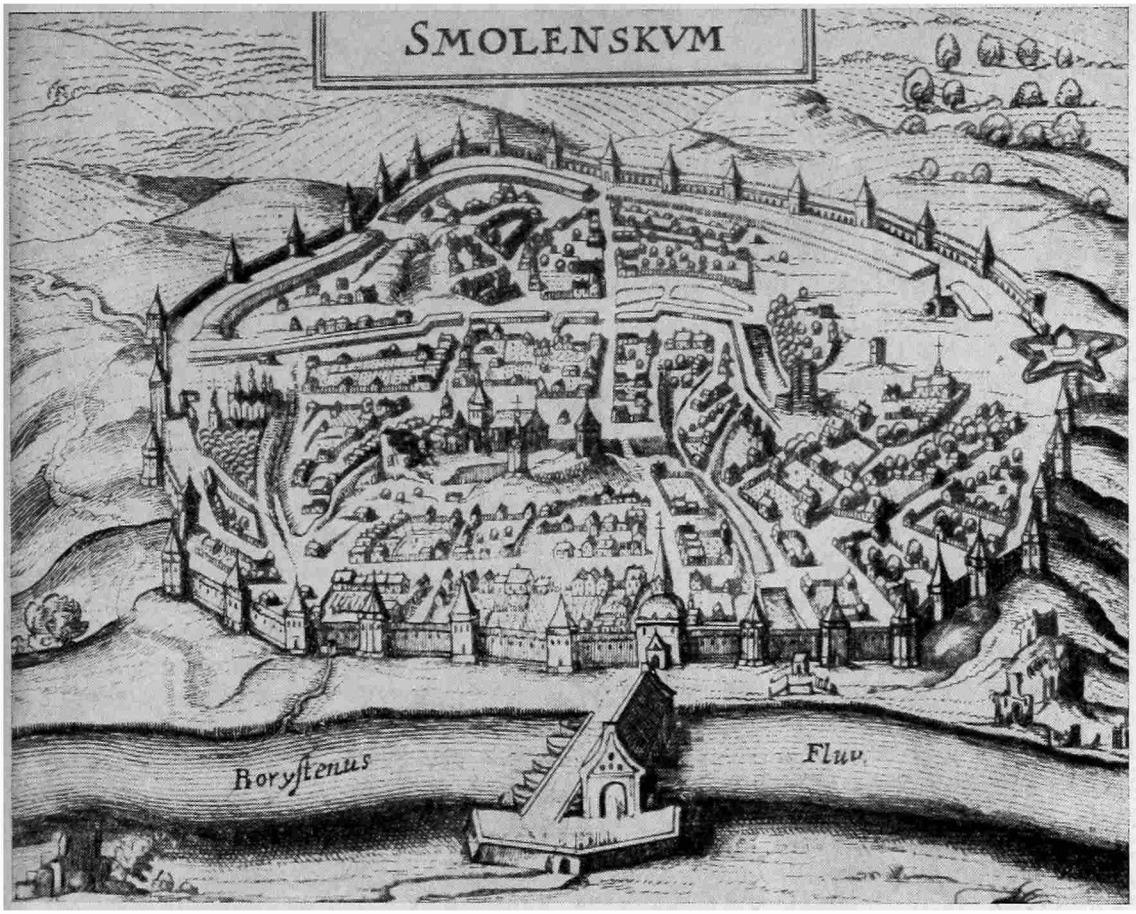


Рис. 3. Изображение Смоленска на гравюре, исполненной после 1625 г.

Смоленску: «Всеслав Смолнеск ожьже». Молодой князь Владимир Мономах, прискакавший из Чернигова со своей дружиной, не застал Всеслава на Смоленщине и нанес ответный удар: пожег и повоевал Полоцкую землю [28].

В конце XI — начале XII в. несомненно должен был встать вопрос о необходимости укрепления Смоленска второй оборонительной линией. Превращение Смоленска при Мономахе в крупный политико-административный центр, возведение здесь в 1101 г. кирпичного собора заставляет думать, что город был в это время укреплен не только в центральной части (детинец), но имел уже и укрепления окольного города. Некоторым подтверждением этому являются два изображения начала XVII в.— медаль и гравюра, на которых поперек Смоленска с востока на запад, примерно на середине расстояния между детинцем и стеной Федора Коня, показана линия оборонительного вала. Первое изображение — на золотой медали, исполненной Самюэлем Аммоном в честь взятия Смоленска Сигизмундом III в 1611 г. (рис. 2) [29]. Медаль эта выполнена после 1613 г. (прибытие С. Аммона в Польшу), но не позже 20-х годов XVII в., по-

[28] ПСРЛ, I, 248 («Поучение Владимира Мономаха»). Возможно, что этот этап полоцко-смоленской борьбы дал повод летописцу отнести начало ее к древнейшим временам: «Нецыи же поведают: впрежнии некогда Смолняне и Полочане держаще у себя государей князей по своим волям, и межь собя Смолняне с Полочаны воевахуся...». ПСРЛ, XIII, 347 (история креста Ефросинии Полоцкой).

[29] Автор медали — С. Аммон (1591—1622), родом из Швейцарии. В 1613 г. он приехал в Польшу, где работал на Гданьском монетном дворе. Незадолго до смерти он был приглашен в Варшаву для работы при королевском дворе. *Wilcek A.* Dzeje sztuki medalierskiej w Polske. Kraków, 1972, s. 74.

скольку в проломе стен с западной стороны города здесь еще не показана пятиугольная звезда земляных бастионов «королевской крепости». На медали помещено на редкость документальное изображение города. Композиционным центром изображенной на медали панорамы является чудовищный взрыв порохового погреба под Соборной горой. Огонь и клубы дыма закрывают весь детинец и значительную часть восточной половины города. Правее этого огненного столба четко виден участок земляного вала, имеющий несколько уступов, а затем круто поворачивающий к северу, видимо, по краю Пятницкого оврага.

Второе изображение — на гравюре, подробно проанализированной и изданной С. П. Писаревым (рис. 3) [30]. На гравюре имеется изображение двойного моста через Днепр, сооруженного в 1625 г., а на месте пролома в западной стене крепости показана земляная крепость, возведенная польскими инженерами около 1627 г. Таким образом, гравюра эта относится ко времени не ранее 1625—1627 гг. По сравнению с медалью С. Аммона она исполнена более заурядным рисовальщиком, который не вносил в изображение романтической приподнятости, предпочитая занимательности точность. Данные этой гравюры, несомненно, заслуживают доверия. Западный участок интересующего нас вала на гравюре показан почти полностью аналогично изображению на медали. Однако на гравюре показан весь вал, вплоть до его восточного конца, немного не доходящего до каменных стен. Вал, по-видимому, изображен сильно геометризованным и спрямленным, но тем не менее показан вполне правдоподобно. В нем отмечены три перерыва — очевидно, следы въездов — и несколько коленчатых изгибов. Даже при условности масштаба гравюры ясно, что вал имеет меньшую мощность, чем вал, проходящий с внутренней стороны стен Ф. Коня.

Вал, изображенный на медали С. Аммона и гравюре 1627 г., вероятно, просуществовал еще очень недолгое время и был вскоре срыт, поскольку на изображениях Смоленска, связанных с событиями 30-х годов XVII в., он уже нигде не отмечен. Если перенести данные медали и гравюры на план местности, окажется, что вал очень логично замыкает территорию, примыкающую к детинцу. Как по площади, так и по очертаниям этот вал вполне соответствует оборонительным системам крупных русских городов эпохи Мономаха.

Конечно, не все связанное с валом, изображенным на медали и гравюре, ясно. Так, прежде всего неизвестно, использовали ли С. Аммон и автор гравюры 1627 г. какой-то общий оригинал, или же они имели разные источники. А решение этого вопроса очень важно для выяснения степени достоверности изображенного вала. Кроме того, даже если вал изображен в соответствии с натурой, неизвестно, в какое время он был сооружен. Поэтому до проведения специальных археологических исследований говорить о вале окольного города эпохи Мономаха можно только с очень большой степенью условности.

Было бы очень интересно узнать точнее, как и когда заселилось пространство, очерченное линией обороны, созданной Мономахом. Но за отсутствием прямых источников мы вынуждены ограничиться отдельными штрихами и дать общую оценку за весь XII и начало XIII в.

Очень симптоматично, что уже в середине XII в. значение Смоленска приравнивается к Новгороду. Так, продумав план борьбы с новым походом Юрия Долгорукого, Изяслав Мстиславич в 1152 г. предлагает Ростиславу Смоленскому прикрыть север Руси и пишет: «...там, брате, у тебя по Бозе Новъгород силный и Смоленеск, а скупивъся, постереже же земли своея» [31]. Очевидно, Смоленск к этому времени стал уже мощной крепостью.

[30] *Писарев С. П.* Княжеская местность..., вклейка к с. 170.
[31] ПСРЛ, II, 455.

Бурный рост городов был знамением времени — середины XII столетия. Приток торгово-ремесленного люда ускорялся содействием княжеской власти, дававшей новоселам льготы и широко оповещавшей о созыве людей в город. Этот общерусский процесс был основным направлением исторического прогресса в средние века. В городах концентрировалось и развивалось ремесло и торговля, в городском населении сливались и взаимодействовали разноэтничные элементы, что обогащало развитие культуры. По-видимому, и Ростислав Смоленский развивал аналогичную градостроительную политику. Кроме усиления Смоленска он основывает новые города — Мстиславль на Вехре и Ростиславль на Осетре. Само географическое положение Смоленска на днепровско-волховском пути между Киевом и Новгородом, его прямая и самостоятельная связь по Западной Двине с Западной Европой и системой рек с Северо-Восточной Русью предопределяло и облегчало его рост и расцвет и приток сюда торгово-ремесленного разноязычного населения. Поэтому нас не должен удивлять и вызывать сомнения широкий размах военно-инженерного обеспечения Смоленска, лежавшего на высоких холмах днепровского левобережья.

Драгоценный штрих в характеристику Смоленска XII в. вносит новгородская берестяная грамота № 424. Это письмо из Смоленска от бывшего новгородца, некоего Гордея, в Новгород к его родителям. Попав в Смоленск, Гордей был удивлен дешевизной жизни («дешеве ти хлеб») и советует отцу и матери продать свой двор в Новгороде и переехать в Смоленск или Киев [32]. О Киеве Гордей, видимо, знал по слухам, о Смоленске же он писал на основании своего реального опыта — сам он, видимо, и осел в Смоленске. Это конкретная иллюстрация роста и благосостояния Смоленска времени Ростислава. Рост Смоленска в XII в. во многом был обязан интенсивной колонизации его района. «В это время имеет место, видимо, массовый прилив населения в район Смоленска» [33]. Оно притекало и из самого Киева. Об этом свидетельствует топонимика Смоленска. Таково, например, название речки и местности к западу от города — Кловка, повторяющее название Клов и Кловка, в 1,5 *км* к западу от Лядских ворот Киева, или Печерский монастырь на правом берегу Днепра в северо-восточном конце Смоленска и др. О киевлянах говорят и известные глиняные светильники «киевского типа», найденные, в частности, на Соборной горе [34]. Смоленск привлекал население и относительной свободой этого края от усобиц. С 1055 по 1228 г. их было в Киеве 28, Чернигове — 20, Полоцке — 18, а в Смоленске — только 6 [35].

Население Смоленска быстро увеличивалось. Уже менее чем через столетие после княжения Ростислава Смоленск насчитывал (вместе с правобережной частью) более 30 тысяч жителей: по сообщению летописи, в мор 1230 г. было погребено 32 тыс. человек [36]. Любопытно, что Смоленск начала XIII в. по численности населения превосходил Смоленск 1857 г., когда в нем насчитывали всего 13 018 человек [37].

---

[32] *Арциховский А. В.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг.— СА, 1965, № 3, с. 211; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965, с. 187—189.

[33] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники периода возникновения города Смоленска.— В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи, с. 59 и карта — рис. 5.

[34] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные..., с. 207, рис. 18.

[35] Исторический очерк Смоленска. СПб., 1894, с. 9.

[36] ПСРЛ, I, вып. 3. Л., 1928, стлб. 511—512, а также ПСРЛ, VII, 137 и др. Конечно, цифру, приводимую летописцем, нельзя безоговорочно принимать как вполне достоверную. Однако цифра эта, упомянутая в нескольких списках летописи, имеет расшифровку: сколько было скудельниц и сколько тел погребено в каждой скудельнице за два года эпидемии. Подобный текст выглядит достаточно правдоподобно. По подсчетам П. П. Толочко, в Киеве в XII—XIII вв. было около 50 тыс. жителей. *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972, с. 174.

[37] *Дебриков М.* Материалы для географии и статистики России, т. XXI. Смоленская губерния. СПб., 1862, с. 335.

Быстрый рост населения, политической и экономической мощи города, ощущавшийся, видимо, уже при Ростиславе, ставили на очередь сооружение более обширной укрепленной территории. Единственный источник, сообщающий о военно-инженерном строительстве Ростислава,— запись сборника Михаило-Златоверхого монастыря — датирует его 1134 г.: «Лета 6642 Ростислав Мстиславич устрои град великий Смоленеськ...» [38] По-видимому, это год окончания строительства, так как текст говорит о нем как о деле свершившемся. Эпитет «великий», конечно, не случайная обмолвка или нарочитая гипербола «к вящей славе отечества» и памяти смоленского князя, а явно конкретное определение размеров нового города.

Где же проходила линия обороны города Ростислава? Мощный и очень большой по протяжению оборонительный вал прекрасно изображен на медали С. Аммона, на гравюре 1627 г. и на плане В. Гондиуса (рис. 4) [39]. Большие отрезки этого вала в южной части города зафиксированы на планах Смоленска XVIII и XIX вв.[40] Наконец, довольно значительные куски древнего вала сохранились в натуре до наших дней. Совпадение линии вала с каменной стеной Ф. Коня наводило на мысль, не является ли этот вал простым выбросом земли, вынутой из рвов под фундамент каменных стен. Обследование вала совершенно исключает такое предположение; это безусловно древний боевой вал.

При строительстве стен Ф. Коня этот древний вал не был срыт. Он оборонял город во время строительства новой крепости. Таков был обычай — строить новую крепость, не уничтожая старую. Так, Ф. Конь ставил стену московского Белого города «подле валу» Большого посада; этот вал не был срыт и после окончания стройки, продолжая существовать и в XVII в.[41] Так же было и в Смоленске: вал остался и после окончания каменной стены [42]. Очевидно, в целях экономии рабочей силы и ускорения строительства Ф. Конь в южной части города использовал древний оборонительный ров, поставив каменные стены непосредственно на край этого рва. При этом каменные стены лицевой своей поверхностью стали на линию древней бермы, а тыльной частью врезались в земляной вал, часть которого была при этом срыта. Поэтому древние земляные валы здесь повсюду целиком сохранили свои тыльные склоны, тогда как лицевые их склоны сохранились только в верхней части, а в нижней уничтожены каменными стенами. Этот чрезвычайно рациональный прием использования Ф. Конем древних земляных частей оборонительной системы и сейчас хорошо виден на прекрасно сохранившемся западном отрезке южного вала крепости.

---

[38] *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 282.

[39] План В. Гондиуса (или В. Гонда) изображает неудачную осаду Смоленска русскими войсками в 1633 г. Как гласит надпись на листе IX, «Его Королевского Величества военным архитектором, господином Иоанном Плейтнером на самом месте набросано, измерено и рисовано в 1634 г. и Его Королевского Величества граверо̀м на меди, иконописцем и привилегированным перспективным рисовальщиком Вильгельмом Гондом сообща гравировано в Данциге в 1636 г.». На плане изображена не только смоленская крепость, но и ближайшие окрестности города. См. *Даниловский А.* План осады и обороны города Смоленска в 1632 и 1634 гг. с объяснительным текстом. Материалы Военно-ученого архива. Картографические материалы, вып. II. СПб., 1904.

[40] Древняя оборонительная система хорошо видна на многих планах Смоленска, например на плане 1781 г. (ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 32, № 38, л. 2), на плане 1765 г. (ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 756) и др. Особенно хорошо видны валы на крупномасштабном плане Смоленской крепости, составленном в 1778 г. (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 168 — Смоленская губ., д. 6).

[41] *Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964, с. 51, 52.

[42] Об использовании смоленского вала в XVII в. см. Инвентарь г. Смоленска 1654 г. Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси, т. XIV. Вильна, 1904, а также *Даниловский А.* Ук. соч.

Рис. 4. Смоленская крепость (по В. Гондиусу)

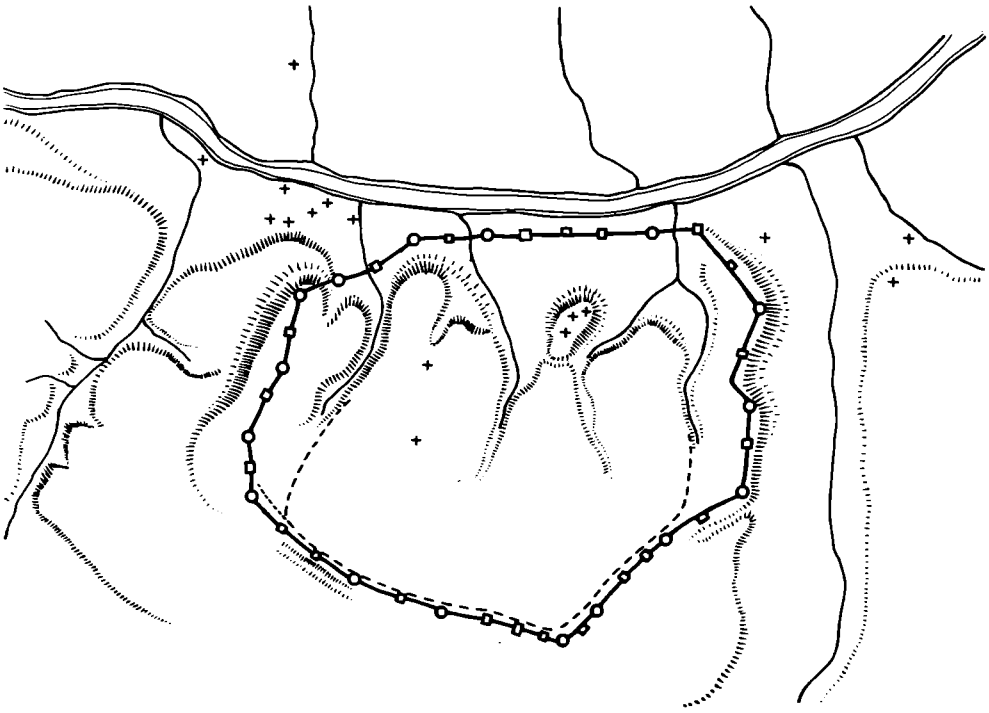


Рис. 5. Реконструкция оборонительной системы древнего Смоленска в сопоставлении с крепостью Ф. Коня

Вал Ростислава очень мощен. Он значительно превосходит (по профилю) вал Мономаха. По словам С. П. Писарева, он был до 15 *м* высотой и имел площадку, по которой можно было ходить. С. П. Писарев свидетельствует, что «в одном из старых выездов в город... из Свирской слободы перед Немецким кладбищем и досель видны в старом валу остатки сгоревшего дубового строения...» [43]. Не были ли это остатки дубовых внутривальных конструкций? В своей южной части вал имеет три разрыва — по-видимому, следы ворот.

Судя по остаткам вала, «Великий город» Ростислава по площади очень немногим уступал каменной крепости Ф. Коня (рис. 5) [44]. С юга, как уже было отмечено, линия валов этого города тянется с тыльной стороны каменных стен. На востоке, примерно в районе круглой Долгочеевской башни, древний вал поворачивал к северу, выходя к вершине оврага Зеленый ручей [45]. Таким образом, участок крепости Ф. Коня, включающий Авраамиев монастырь, был вне территории древнего города. С запада земляной вал тянется почти до Королевской крепости. Отсюда вал, вероятно, поворачивал к вершине Пятницкого оврага. Впрочем, возможно, что вал, срытый на участке Королевской крепости, проходил и далее к западу, доходя до склонов Чуриловского оврага. В таком случае западная граница города Ростислава, очевидно, совпадала здесь с линией стен Федора Коня. Легко понять, почему Ф. Конь с востока, а возможно и с

[43] *Писарев С. П.* Рукописный памятник смоленского Авраамиева монастыря..., 1882, с. 46, прим. 3 и 4.

[44] В 1967 г., до нахождения подлинников публикуемых здесь медали и гравюр и их критического анализа, мы относились отрицательно к гипотезе, что укрепления древнего Смоленска опоясывали территорию, почти равную площади, охваченной крепостью Федора Коня (*Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники.— СА, 1967, № 3, с. 287). Этот скептицизм был ошибочным.

[45] Это хорошо видно, например, на плане 1778 г. (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 168 — Смоленская губ., д. № 6). См. также: *Редков Н. Н.* Преподобный Авраамий смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. Смоленск, 1909, с. 101.

запада, расширил территорию крепости: чтобы обезопасить стены от действия артиллерии, получившей огромное развитие в XVI в., он перенес эти стены на гребень высот, перед которыми были гораздо более широкие естественные преграды, чем Зеленый ручей и Пятницкий овраг.

Наиболее сложно решить вопрос — где проходила северная линия обороны «Великого города». Здесь возможны два предположения. Оборонительная стена могла проходить по краю высот, обрывавшихся в сторону речной поймы. В таком случае прибрежная полоса — городской подол — оказывалась за пределами укрепленной территории. Так решал этот вопрос С. П. Писарев: береговая полоса города оставалась открытой «ввиду ее безопасности и для свободы сношений по реке»; по С. П. Писареву, только литовцы поставили здесь деревянное ограждение с Духовскими воротами[46]. На первый взгляд кажется, что действительно Днепр был хорошей преградой и защитой смоленского «подолия»[47]. Однако при низинном расположении северного края города река несомненно представляла опасность. Конечно, этот район мог иметь самостоятельную линию обороны в виде деревянных стен, как, например, подол в Киеве. Такая система организации обороны вполне соответствовала приемам, характерным для XII в. Однако вполне возможно, что подол был включен в общую систему городских укреплений, т. е. входил в состав смоленского «города».

Площадь укрепленной территории древнерусских городов, как правило, отвечала их политическому и экономическому значению[48]. В Смоленске, как выяснилось, эта площадь была необычайно велика. Если даже не включать в подсчет территорию подола, то «Великий город» Ростислава и в этом случае имел не менее 90 *га*. Колоссальная площадь укрепленной территории, уступающая лишь стольному Киеву и, быть может, Новгороду, свидетельствует об огромной роли Смоленска в жизни Руси этого времени.

Вопрос о социальной структуре древнего Смоленска, о соотношении княжеской власти и веча в этом городе уже давно интересует историков. К сожалению, исчезновение собственной смоленской летописи сильно затрудняет решение этого вопроса. В летописях других русских городов упоминаются, как правило, внешние события смоленской истории, военные действия смоленских полков вне Смоленской земли, переход смоленских князей на киевский великокняжеский стол. Из «внутренних» смоленских событий отмечены почти исключительно рождение и смерть князей. Это полностью относится даже к киевскому летописному своду, несмотря на то что киевский летописец, связанный с правившим в Киеве Рюриком Ростиславичем, князем из смоленской династии, интересовался судьбами Смоленска[49]. Естественно поэтому, что о событиях, происходивших в самом Смоленске, мы знаем очень мало, гораздо меньше, чем о событиях в Киеве, Новгороде или во Владимиро-Суздальской земле.

На основании нескольких упоминаний о смоленском вече и роли горожан в политической истории города П. Н. Голубовский сделал вывод о том, что «вече Смоленской земли имело власть законодательную, которую оно разделяло с князем...». Он отмечал, что «борьба князя и вече проходит чрез всю историю Смоленска»[50]. Позднее с мнением П. Н. Голубовского согласился М. Н. Тихомиров[51]. Еще дальше пошел в этом

---

[46] *Писарев С. П.* Памятная книга..., с. 5 и с. 163.

[47] По *С. П. Писареву*, «подолием» назывались долины по сторонам Соборной горы — древнего детинца.

[48] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967. с. 187.

[49] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 24.

[50] *Голубовский П. Н.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, с. 215. 219.

[51] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 203.

отношении Д. А. Авдусин, который целиком отнес Смоленск к «вечевым городам» [52]. С таким категорическим утверждением вряд ли можно согласиться. Есть основания полагать, что вече в Смоленске вовсе не играло столь важной роли, как, например, в Новгороде, а княжеская власть, наоборот, была достаточно сильной.

Прежде всего необходимо помнить, что в XII — первой половине XIII в. в Смоленске правили князья из одной династии — Ростиславичи. После смерти смоленского князя (или его перехода в Киев) наследником обязательно становился его сын, брат или племянник. При этом вокняжение происходило, по-видимому, без сопротивления горожан. Князья в Смоленске менялись довольно редко; они сидели здесь, как правило, до самой смерти или перехода в Киев. Ростислав княжил в Смоленске 32 года, его сыновья Роман — 20 лет (с перерывами, когда он находился в Киеве), а Давид — 17 лет. Их сыновья Мстислав Романович и Мстислав Давидович княжили соответственно 17 и 11 лет. В случае неудач в киевском княжении смоленские князья всегда возвращались в «свой» Смоленск и снова занимали здесь княжеский стол. Князья из смоленской династии во второй половине XII — начале XIII в. часто княжили в Новгороде; но новгородцы были заинтересованы иметь князя из династии, обладавшей реальной силой в своей земле (об этом красноречиво свидетельствуют их связи с владимиро-суздальскими князьями). Наконец, сам факт занятия киевского великокняжеского стола смоленскими князьями (что было характерно для второй половины XII в.) нельзя объяснить одним только их старейшинством в роде мономашичей; очевидно, за ними стояла реальная сила их земли.

Вместе с тем нельзя недооценивать и роль смоленских горожан. В Уставной грамоте Смоленской епископии отмечено, что грамоту эту составляет князь «здумав с людми своими» [53]. Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом тщательно охраняет права смоленских купцов, ведших торговлю с Западом [54]. Наконец, об интенсивном развитии городской жизни свидетельствует появление в Смоленске еретических движений — известной «ереси» Авраамия. Очень вероятно, что в Смоленске в это время уже существовало административное деление города на концы. Правда, известия о концах в Смоленске не восходят ко времени древнее конца XV в., но очень вероятно, что эти известия отражают организацию, сложившуюся значительно раньше [55].

Свидетельствует ли все это о слабости княжеской власти? Нисколько. Скорее это может говорить о союзе княжеской власти с торгово-ремесленным населением города, т. е. о той прогрессивной тенденции, которая в эту пору достаточно четко проявилась как в западноевропейском феодализме, так и в русском. В конце XII в. пленные смоляне говорили князю Олегу Святославичу: «...ажь братья их не добре с Давидом» [56]. Но мы не знаем, кто были эти пленные, какую категорию смоленского населения они представляли — горожан или бояр. Точно так же не вносят ясности в этот вопрос и сведения о восстании в Смоленске в 1186 г.: «В то же время въстань бысть Смоленьске промежи князьмь Давыдомь и смолняны, и много голов паде луцьших муж» [57]. М. Н. Тихомиров справедливо отметил, что из текста не ясно, с кем боролись эти «лучшие

---

[52] *Авдусин Д. А.* К вопросу о происхождении Смоленска..., с. 68.

[53] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963, с. 75.

[54] Наиболее точное издание текстов договора — см. Смоленские грамоты..., с. 10 сл.

[55] *Арциховский А. В.* Городские концы в древней Руси.— ИЗ, № 16, 1945, с. 11.

[56] ПСРЛ, т. 2. М. ,1962, стлб. 692 (1195 г.).

[57] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, с. 30.

мужи» — поддерживали князя против горожан или, наоборот, сами боролись с князем [58].

Таким образом, сведения письменных источников содержат очень мало данных о социальной структуре древнего Смоленска. Изучение памятников древнего смоленского зодчества дает некоторые дополнительные материалы для решения этого вопроса [59]. К сожалению, назначение раскопанных храмов нам далеко не всегда известно. Наиболее крупные из них — в большинстве монастырские соборы. Таковы к западу от города соборы Борисоглебского монастыря на Смядыни, Спасского монастыря в Чернушках и Троицкого монастыря на Кловке, а к востоку — монастыря на Протоке. Не исключено, что монастырскими были и некоторые другие храмы, например на Окопном кладбище и на Большой Краснофлотской улице. Большое количество монастырей, расположенных вокруг Смоленска, не должно вызывать удивления, поскольку оно было, как правило, пропорционально размерам и значению самого города [60].

Некоторые храмы были княжескими дворцовыми. Помимо бесстолпной церкви в детинце сюда относятся церкви Петра и Павла (вероятно, на загородном дворе князя Ростислава) и архангела Михаила (на дворе князя Давида). Очень вероятно, что дворцовыми были церкви Ивана Богослова и в Перекопном переулке. Большой храм на Воскресенской горе, очевидно, был городским, «мирским» собором.

Обращает на себя внимание довольно значительное количество церквей, связанных с торговлей,— «Немецкая божница» (церковь иноземных купцов), Кирилловская церковь в гавани, Пятницкая и Никольская церкви, стоявшие на Торгу. Об участии смоленских князей в строительстве посадских храмов говорят и письменные источники. Вероятно, не случайно в некрологах всех смоленских Ростиславичей летописец упомянул, что они «мирьския церкви набдя» [61]. Об этом же свидетельствует и постройка смоленским зодчим Пятницкой церкви в Новгороде, возведенной по заказу купцов, ведших международную торговлю. Ясно, что смоленский зодчий, да еще возглавлявший княжескую строительную артель, не мог принять такой заказ без санкции своего князя. Наконец, вряд ли случайно само расположение княжеского храма Ивана Богослова в гуще посадских «торговых» церквей. Эти данные существенно подкрепляют соображения в пользу существования в Смоленске тесного союза княжеской власти с городским посадом и активной роли, которую играли князья в международных торговых связях Смоленска [62].

Таким образом, исследование памятников древнего смоленского зодчества, раскрывая картину становления и развития одной из наиболее ярких архитектурных школ древней Руси, в то же время дает ценные сведения по истории и социальной структуре Смоленской земли XII—XIII вв.

---

[58] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 220. Некоторые историки рассматривают это восстание как боярское. См. *Маковский Д. П.* Смоленское княжество. Смоленск, 1948, с. 120.

[59] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников архитектуры древнего Смоленска. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, с. 53; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков.— В сб.: Древнерусское искусство. М., 1977, с. 16.

[60] «Количество монастырей стояло в прямой пропорции к размерам и экономическому благосостоянию города» (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 175).

[61] Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стлб. 551, 611, 703.

[62] В этом свете, быть может, по-иному следует рассматривать и политическую деятельность князя Давида Ростиславича (см. его характеристику: *Рыбаков Б. А.* Отрицательный герой «Слова о полку Игореве».— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 238). Возможно, что его пассивность в защите Южной Руси от половцев объясняется тем, что он все внимание уделял интересам «своей» земли.

N. N. Voronin, P. A. Rappoport

ANCIENT SMOLENSK

Summary

The article deals with the early period in the history of Smolensk. The authors compare data of written sources with archaeological evidences and conclude that in the IXth — Xth c. c. Smolensk was located in the area of the Gnezdovo settlement. The town was founded in its present-day position only in the XIth century. The authors present their ideas on the fortification of ancient Smolensk — its citadel «detinetz» and its outside line of defense «okol'ny gorod». As they estimate the fortified area of the city exceeded 90 hectares. In the XIIth — XIII c. c. Smolensk was thus one of the largest cities in Russia. The information obtained from the written sources and the monuments of ancient architecture, make it possible to reason that Smolensk was a residence of powerful princes.

Публикации

В. Ф. ЗАЙБЕРТ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПРИИШИМЬЯ

Петропавловское Приишимье понимается нами как территория Северо-Казахстанской области. Оно находится в пределах Западно-Сибирской низменности, занимая ее южную окраину, в основном Ишимскую равнину. Общую равнинность нарушают лишь отроги Казахского мелкосопочника, долина Ишима, древние ложбины бывшей реки Камышловки, гривы и увалы. Гидрографическую сеть Северо-Казахстанской области составляет р. Ишим (приток Иртыша) с немногочисленными притоками и большим количеством озер. В области их насчитывается 2030 [1]. Наибольшей их густотой отличаются левобережная часть области (Тоболо-Ишимский водораздел), долина Ишима и Камышловский лог. Уровни воды в озерах подвержены значительным колебаниям, так же, как и их минерализация: среди них преобладают пресные, немало и соленых — от слабосолонова-тых до горько-соленых и самосадочных [2].

Первые сведения о каменном веке Петропавловского Приишимья были получены в 1940 г., когда в с. Петерфельд (в 18 *км* западнее Петропавловска) при рытье колодца на глубине 18 *м* был обнаружен древесный уголь, деревянные изделия, клык ископаемого животного со следами обработки [3]. В 1950 г. в Петропавловске при прокладывании траншеи под кабель найден каменный из светло-коричневой породы наконечник стрелы. Этим исчерпываются сведения о каменном веке края до работ Североказахстанской археологической экспедиции (1967—1977 гг.), зафиксировавшей более 150 памятников различных эпох.

В 1967—1968 гг. в долине Ишима открыто и частично исследовано более 30 стоянок и местонахождений, которые коротко будут рассмотрены в настоящей статье (рис. 1).

У с. Явленка Ленинского района исследовано шесть стоянок [4]. Расположены они в непосредственной близости от южной окраины села (рис. 2). Пять стоянок (Явленка II, IV, V, VI, VII) приурочены к останцам второй надпойменной террасы высотой 15—20 *м*. Особняком расположена стоянка Явленка III. Памятник обнаружен в 200 *м* восточнее села и связывается с существовавшим некогда на водоразделе небольшим озером (рис. 2).

Явленка II. Культурный слой полностью отсутствует. Сборы материала произведены на площади около 5000 $м^2$. Всего собрано 1329 предметов. Основным сырьем служила яшмовидная порода (88%), реже кремень (8%) и кварцит (3%) (табл. 1).

---

[1] Ресурсы поверхностных вод районов освоения целинных и залежных земель. Вып. V. Северо-Казахстанская область. КазССР. Л., 1960, с. 24.

[2] *Гладышева Е. Н.* Северо-Казахстанская область. Алма-Ата, 1959, с. 25.

[3] *Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана.— ТИИАЭ АН КазССР, т. VII. Алма-Ата, 1959, с. 22.

[4] Стоянки открыты Г. Б. Здановичем. Обследованы в 1968 году Л. Я. Крижевской.

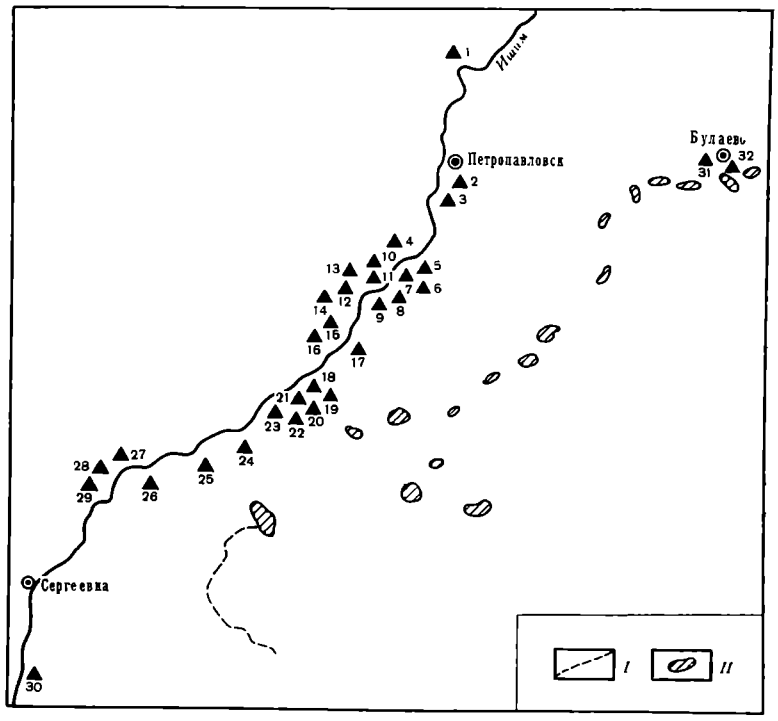


Рис. 1. Карта распространения памятников каменного века Петропавловского Приишимья. *1* — Соколовка I; *2* — Мичуринское I; *3* — Бишкуль II; *4* — Новокаменка I; *5* — Карлуга II; *6*— Карлуга III; *7* — Карлуга IV; *8* — Карлуга VI; *9* — Красногорка II; *10* —Боголюбово I: *11* — Боголюбово II; *12* — Боголюбово III; *13* — Боголюбово IV; *14* — Боголюбово VI: *15* — Новоникольское II; *16* — Новоникольское V; *17* — Рассвет I; *18* — Явленка II; *19* — Явленка III: *20* — Явленка IV; *21* — Явленка V; *22* — Явленка VI; *23* — Явленка VII; *24* — Энбек I; *25* — Ильинка II; *26* — Жаргаин I: *27* — Урнек I; *28* — Берлик II; *29* — Берлик IV; *30* — Куприяновка I; *31* — Булаево I; *32* — Медвежка I. *I* — пересохшее русло речки, *II* — озера камышловского лога

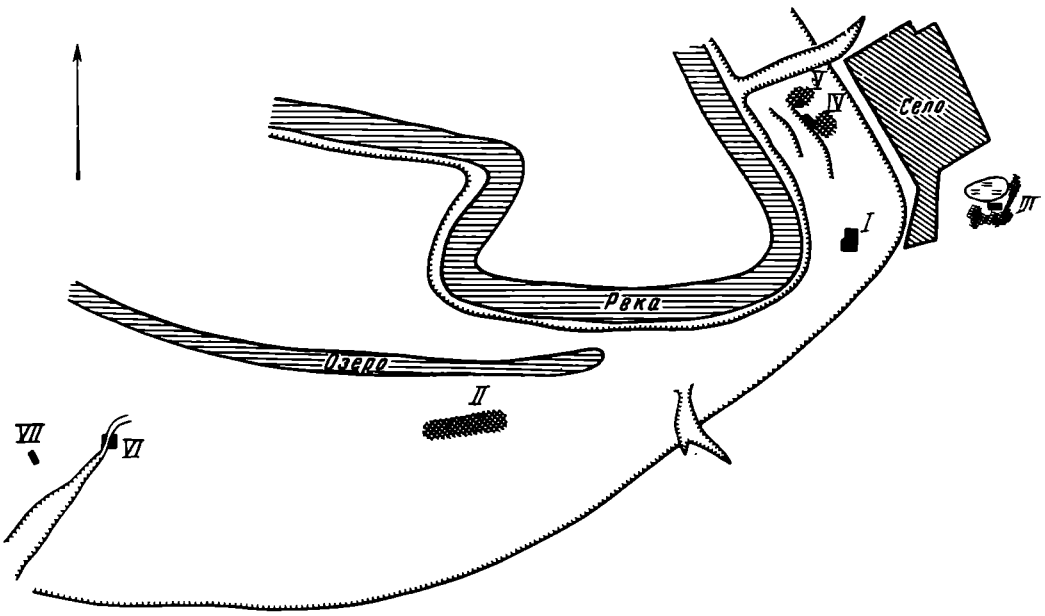


Рис. 2. *1* — поселение эпохи бронзы Явленка I; II — стоянка Явленка II; III — стоянка Явленка III; IV — стоянка Явленка IV; V — стоянка Явленка V; VI — стоянка Явленка VI; VII — стоянка Явленка VII

Таблица 1

№ п.п.	Памятники	Характер исследования	Мощность культурного слоя, м	Сырье					Нуклеусы и их обломки	Пластины	Отщепы	Прочие находки	Керамика	Всего
				яшмовидная порода	кремень	кварцит	прочее	глина						
1	Соколовка I	Сборы		28	**2**	1	**1**			2	29	1		32
2	Мичуринское I	То же		188	9	7	1	110	4	106	94	1	110	315
3	Бишкуль II	»		89	2		6	2	4	18	75		2	99
4	Новокаменка I	»		1	1			11					11	13
5	Карлуга II	»		8				8	2	1	5		8	16
6	» III	»		16	1	1		30	1	8	9		30	48
7	» IV	»		2				4		1	1		4	6
8	» VI	»		5		1		3		2	4		3	9
9	Красногорка II	»		2							2			2
10	Боголюбово I	»		26	1	3			3	11	16			30
11	» II	»		8			1	4		3	6		4	13
12	» III	»		41						3	38			41
13	» IV	»		18			1	1	2	2	15		1	20
14	» VI	»		2			1	11	1	1		1	11	14
15	Новоникольское II	Шурф	0,6	4							4			4
16	» V	Сборы		2	1	1					4			4
17	Рассвет I	»		59		2		28		6	55		28	89
18	Явленка II	»		1 178	107	34	4	6	16	329	978		6	1 329
19	» III	Зачистка	0,3	198	1	1			1	41	158			200
20	» IV	»	0,2	260	10	6		11	4	82	190		11	287
21	» V	Сборы		618	5	4				39	588			627
22	» VI	Раскопки	0,3	1 037	3	4		30	17	108	919		30	1 074
23	» VII	»	0,3	208	12	7	2			102	127			229
24	Энбек I	Сборы		22					1	5	16			22
25	Ильинка II	То же		16					2	10	4			16
26	Жаргаин I	»		28						11	17			28
27	Урнек I	»		6						2	4			6
28	Берлик II	»		6	1			1		1	**6**			8
29	Берлик IV	»		3		1					4			4
30	Куприяновка I	»		21		1				7	15			22
31	Булаево I	»		8					3	3	2			8
32	Медвежка I	»		10						3	7			10

Нуклеусы (8 экз.). Единственный целый экземпляр конической формы высотой 4,5 *см*. Ударная площадка фасетирована (рис. 3, *1*). Остальные обломки нуклеусов невыразительны. Имеющиеся поперечные сколы в коллекции свидетельствуют о производстве на месте ножевидных пластин.

Пластины (329 экз.). В качестве орудий чаще всего использовались различные части пластин (табл. 2). Ширина заготовок варьирует от 0,5 до 2,5 *см*, длина — от 0,6 до 4 *см*. Использование тех или иных частей пластин в качестве орудий в памятнике различно. Целые пластины насчитывают 4 экз. Лишь одна имеет вторичную обработку. Части пластин с ударным бугорком (проксимальные сегменты [5]) насчитывают 110 экз. Орудия из них составляют 29%. Это пять концевых скребков и 27 пластин с ретушью. Остальные экземпляры не имеют вторичной обработки. Скребки небольших размеров с округлым лезвием. Боковые грани имеют дополнительную обработку (рис. 3, *25*, *27*). Пластинки обработаны краевой крутой или плоской ретушью. Они довольно миниатюрны (рис. 3, *15*). Преобладают пластины шириной до 1 *см* и длиной до 2 *см* (табл. 3, 4).

Сечения (медиальные сегменты) (184 экз.). Основное количество (52%) имеет вторичную обработку. Отметим, что сечения как тип вторичной заготовки широко использовались при изготовлении резцов, резчиков, проколок (рис. 3, *17—22*). Только на сечениях известны пластинки с ретушированной торцовой выемкой. Сечения без ретуши имеют часто следы сработанности в виде заполированности, заломов. Это может свидетельствовать об использовании их в качестве вкладышей (табл. 2).

Скребки (13 экз.) — единственный тип орудий, который не зависит от исходной формы заготовки. Фактически по форме рабочей части орудия они повторяют описанные скребки с ударным бугорком (рис. 3, *24*).

Вкладыши (64 экз.) обработаны краевой ретушью. Она в основном двух видов: крутая и плоская, последняя чаще наносилась со стороны брюшка (рис. 3, *2, 5, 6—9, 11, 13, 14, 16*).

Сечения с торцовой ретушью. Представлены 5 экз. Одно орудие выполнено на пластине длиной 3,1 *см*, шириной 0,7 *см*. Обе грани со спинки притуплены крутой ретушью. Один из торцов имеет овальную форму и с брюшка ретуширован. Использовалось оно, вероятно, в качестве развертки. Второе орудие имеет аналогичный торец, но без ретушированных боковых граней. На остальных 3 экз. на торце фиксируется легкая выемка, с брюшка по одному краю нанесена ретушь (рис. 3, *3, 10, 12*).

Резцы представлены 7 экз. Шесть из них угловые и один срединный (рис. 3, *21*). Некоторые экземпляры имеют дополнительную обработку с брюшка и спинки (рис. 3, *17—20, 22*).

Резчик — пластинка на углу которой фиксируется ретушь.

Проколки (4 экз.). Слабо выраженные рабочие части орудий образованы ретушью или резцовыми сколами.

Концевые части пластин (дистальные сегменты) представлены в основном отходами (23 экз.). Только восемь пластинок имеют следы краевой нерегулярной ретуши (табл. 2).

Отщепы (978 экз.). Основная их масса получена в результате вторичной обработки заготовок. Отщепы размером до 2 *см* составляют 64%, 4—6 *см* — только 1% (табл. 5). Орудий немного. На пластинчатом отщепе изготовлен нож, лезвие которого оформлено мелкой краевой ретушью. Имеется семь скребков на заготовках округлых форм, небольших (3—4 *см*) размеров. Рабочая часть скребков занимает до $^3/_4$ периметра орудия (рис. 3, *23*). В коллекции выделены 14 отщепов с частичной ретушью (рис. 3, *26*).

[5] *Медведев Г. И.* К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных моделей).— В кн.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Тезисы. Иркутск, 1975, с. 28.

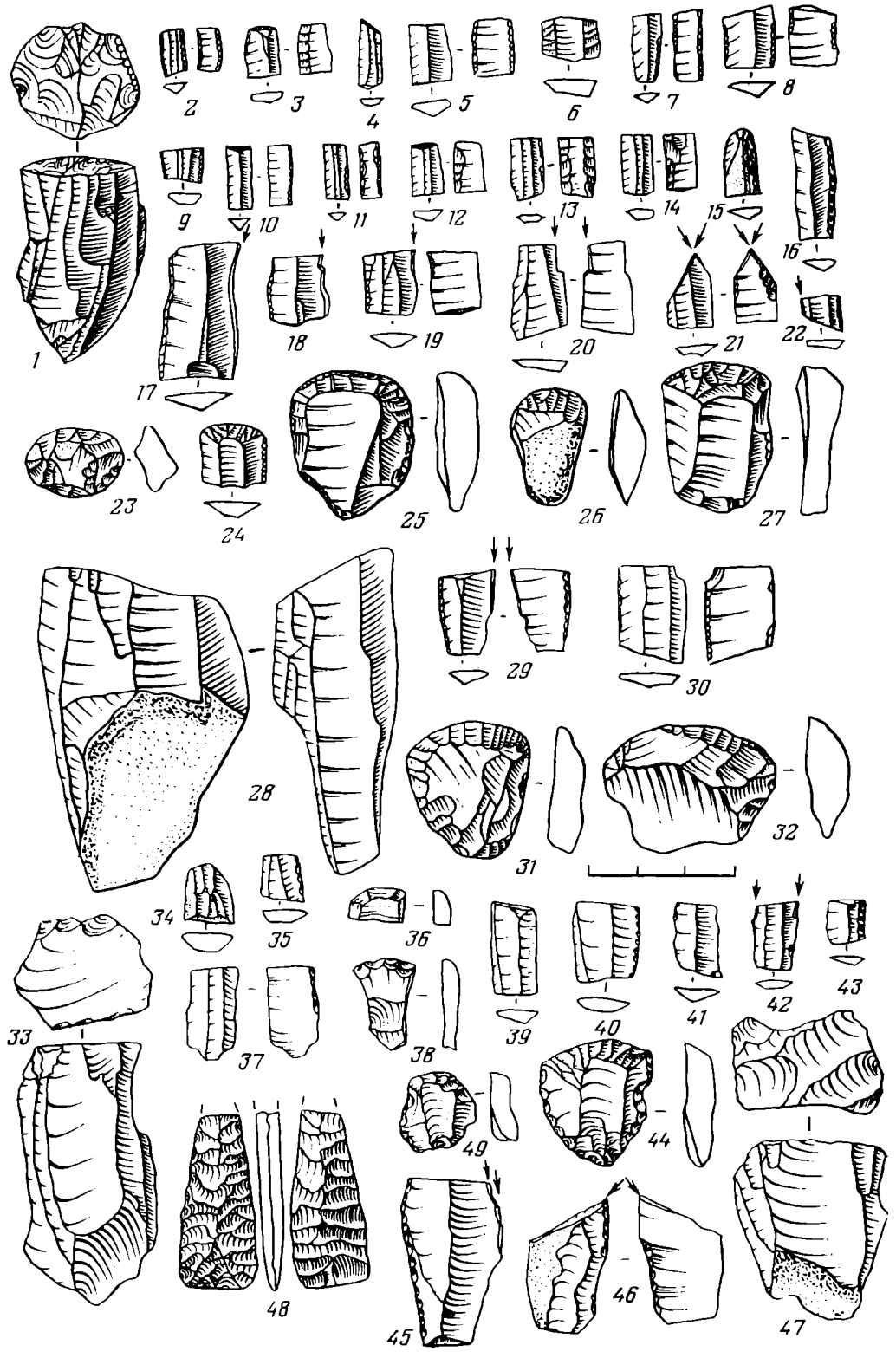


Рис. 3. *1—27* — стоянка Явленка II; *28—32* — стоянка Явленка III; *33* — стоянка Боголюбово VI; *34—38* — стоянка Карлуга III, *39—47* — стоянка Ильинка II

Пластины

Таблица 2

№ п.п.	Памятники	Общее количество	Целые					Всего	Проксимальные сегменты									Всего
			пластины с ретушью	скребки	скобели	итого	пластины без обработки		пластины с ретушью	угловые резцы	боковые резцы	скобели	скребки	резчики	проколки	итого	пластины без обработки	
1	Соколовка I	2															2	2
2	Мичуринская I	106		1		1		1	8	3	1	1	5			18	18	36
3	Бишкуль II	18							1				1	2		4	2	6
4	Новокаменка I	1															1	1
5	Карлуга I	1																
6	Карлуга III	8									1					1	2	3
7	Карлуга IV	1																
8	Карлуга VI	2																
9	Красногорка II	–																
10	Боголюбово I	11			2	2		2	3							3	1	4
11	Боголюбово II	3																
12	Боголюбово III	3															1	1
13	Боголюбово IV	2																
14	Боголюбово VI	1																
15	Новоникольское II	–																
16	Новоникольское V	–																
17	Рассвет I	6											1			1	1	2
18	Явленка II	329	1			1	3	4	27				5			32	78	110
19	Явленка III	41					1	1	1				1			2	19	21
20	Явленка IV	82	2	2		4		4	16				2			18	13	31
21	Явленка V	39	1				1	2		1			1		2	4	7	11
22	Явленка VI	108	2	1		3	7	10	3				4			7	36	43
23	Явленка VII	102					9	9	13	2			4			19	25	44
24	Энбек I	5							1							1	1	2
25	Ильинка II	10							1							1	2	3
26	Жаргаин I	11															2	2
27	Урнек I	2																
28	Берлик II	1																
29	Берлик IV	–																
30	Куприяновка I	7																
31	Булаево I	3												1			2	3
32	Медвежка I	3							1								1	2

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Памятники	Общее количество	Медиальные сегменты												Всего	Дистальные сигменты						Всего
			пластины с ретушью	скребки	угловые резцы	резчики	пластины с притупленной спинкой	скобели	наконечники стрел	трапеции	пластины с торцовой ретушью	проколки	итого	пластины без обработки		пластины с ретушью	скобель	угловые резцы	проколки	итого	пластины без обработки	
1	Соколовка I	2																				
2	Мичуринская I	106	11	9	4	1	2	1	1				29	27	56		2			2	11	13
3	Бишкуль II	18	6	1									7	4	11		1			1		1
4	Новокаменка I	1																				
5	Карлуга I	1																			1	1
6	Карлуга III	8	2										2	2	4						1	1
7	Карлуга IV	1																			1	1
8	Карлуга VI	2	1										1	1	2							
9	Красногорка II	—																				
10	Боголюбово I	11		2				1					3	2	5							
11	Боголюбово II	3												3	3							
12	Боголюбово III	3			1								1	1	2							
13	Боголюбово IV	2																1		1	1	2
14	Боголюбово VI	1												1	1							
15	Новоникольское II	—																				
16	Новоникольское V	—																				
17	Рассвет I	6												3	3						1	
18	Явленка II	329	64	13	7	1					5	4	94	90	184	8				8	23	31
19	Явленка III	41	1		1								2	15	17						2	2
20	Явленка IV	82	11	2	2								15	23	38	2			1	3	6	9
21	Явленка V	39	5	4	1								10	12	22						4	4
22	Явленка VI	108	9	5	3					2	1		20	22	42	4					9	13
23	Явленка VII	102	15						1				16	22	38	1					10	11
24	Энбек I	5	1		2								3		3							
25	Ильинка II	10												4	4	2				2	1	3
26	Жаргаин I	11	1		2								3	6	9							
27	Урнек I	2	1		1								2		2							
28	Берлик II	1																			1	1
29	Берлик IV	—																				
30	Куприяновка I	7	3										3	3	6						1	1
31	Булаево I	3																				
32	Медвежка I	3												1	1							

Таблица 3

№ п.п.	Памятники	Пластины (ширина в см)					
		до 0,5	0,6—1	1,1—1,5	1,6—2	2,1—3	всего
1	Соколовка I		1	1			2
2	Мичуринская I	3	43	44	12	4	106
3	Бишкуль II	2	7	6	2	1	18
4	Новокаменка I		1				1
5	Карлуга II			1			1
6	» III		2	5		1	8
7	» IV			1			1
8	» VI		2				2
9	Красногорка II						—
10	Боголюбово I		3	3	4	1	11
11	» II		1	2			3
12	» III			2	1		3
13	» IV		2				2
14	» VI			1			1
15	Новоникольское II						—
16	» V						—
17	Рассвет I	1	2	2	1		6
18	Явленка II	25	174	86	40	4	329
19	» III	1	6	14	18	2	41
20	» IV	2	19	37	23	1	82
21	» V		8	17	9	5	39
22	» VI	3	42	38	14	11	108
23	» VII	11	61	23	4	3	102
24	Энбек I			3	2		5
25	Ильинка II		6	2	2		10
26	Жаргапн I		5	5	1		11
27	Урнек I		2				2
28	Берлик II			1			1
29	» IV						—
30	Куприяновка I	2	3	2			7
31	Булаево I		1		2		3
32	Медвежка I			1	2		3

Помимо кремневого инвентаря на стоянке собрано шесть фрагментов керамики эпохи развитой бронзы.

Явленка III. Культурный слой сильно нарушен современными ямами. На поверхности и при зачистке получено 200 предметов. Материал происходит из небольшой прослойки между слабогумусированной почвой (30 *см*) и суглинком. Сырьем служила яшмовидная порода светло-коричневого цвета. Нуклеусов, за исключением одного обломка, нет. Он призматической формы, уплощенный. С ядрища снимались относительно широкие (до 1,5 *см*) пластины (рис. 3, *28*).

Пластины (41 экз.) в основном некачественные, неправильного огранения. Преобладающая ширина заготовок — до 2 *см* (табл. 3). На проксимальных сегментах изготовлены два орудия: скребок и нож. Медиальные сегменты не характерны для этой коллекции. Из 17 экз. лишь одна пластинка имеет ретушированную боковую грань и на второй сделан угловой резец (рис. 3, *29, 30*). Дистальные сегменты представлены 2 экз. без обработки (табл. 2).

Отщепы в коллекции составляют 79%, причем много крупных экземпляров — размером 2—4 *см* (60% от количества отщепов) (табл. 5).

Орудия представлены скребком, выполненным на пластинчатом отщепе, четырьмя скребками на аморфных отщепах (рис. 3, *31, 32*). пятью отщепами с нерегулярной ретушью. Заслуживает внимания наконечник дротика листовидной формы, обработанный с обеих сторон оббивкой. Длина его 4,3 *см*, ширина 2,4 *см*.

Таблица 4

№ п.п.	Памятники	Пластины (длина в см)					
		до 1	1,1—2	2,1—4	4,1—6	более 6	всего
1	Соколовка I		1	1			2
2	Мичуринская I	14	56	35	1		106
3	Бишкуль II	9	5	4			18
4	Новокаменка I		1				1
5	Карлуга II		1				1
6	» III		8				8
7	» IV			1			1
8	» VI		2				2
9	Красногорка II						—
10	Боголюбово I		3	5	3		11
11	» II		3				3
12	» III		1	2			3
13	» IV	1	1				2
14	» VI		1				1
15	Новоникольское II						—
16	» V						—
17	Рассвет I	1	4	1			6
18	Явленка II	100	171	56	1	1	329
19	» III	5	23	12		1	41
20	» IV	3	35	33	8	3	82
21	» V	4	21	12	2		39
22	» VI	20	42	40	5	1	108
23	» VII	32	42	25	3		102
24	Энбек I		3	2			5
25	Ильинка II	2	5	3			10
26	Жаргаин I	3	6	2			11
27	Урнек I		1	1			2
28	Берлик II		1				1
29	» IV						—
30	Куприяновка I	1	4	2			7
31	Булаево I			3			3
32	Медвежка I			2	1		3

Явленка IV. Памятник разрушен оползнями. Культурный слой сохранился на площади около 20 *м*². Стратиграфия следующая: гумус 10 *см*, затем светло-серый подзолистый слой 7—10 *см* с находками, его подстилает суглинок. В коллекции содержится 287 предметов из яшмовидной породы светло-коричневого или серого цвета.

Нуклеусы (2 экз.). Один конической формы высотой 2,8 *см*, другой двухплощадочный подпризматической формы, высотой 4,3 *см* (рис. 4, *17*). Имеется заготовка нуклеуса высотой 8,5 *см* с тщательно подготовленной поверхностью скалывания; основание приострено.

Пластины (82 экз.). На целой пластине шириной 2 *см* и длиной 8,2 *см* сделан нож, обе грани ретушированы со стороны спинки. Резцовым сколом длиной 3 *см* оформлена рукоять орудия, дополнительно подправленная с брюшка ретушью (рис. 4, *16*).

Из 31 проксимального сегмента — 18 со вторичной обработкой. Для заготовок характерны значительные размеры — длиной до 8 *см* и шириной до 2 *см* (рис. 4, *9—15*).

Концевые скребки (2 экз.) невыразительны. Один имеет дополнительную подправку с обеих боковых сторон (рис. 4, *5*), второй — с противолежащего лезвию торца (рис. 4, *6*).

Медиальные сегменты (38 экз.) не создают впечатления преднамеренного расщепления пластин. Скорее, это обломки, получившиеся в результате работы. На них выполнены два скребка небольших размеров (рис. 4, *7, 8*), два угловых резца. 11 экз. отретушировано (рис. 4, *1—4*).

Таблица 5

№ п.п.	Памятники	Отщепы (в см)					
		до 1	1,1—2	2,1—4	4,1—6	более 6	всего
1	Соколовка I	1	23	5			29
2	Мичуринская I	12	71	11			94
3	Бишкуль II	18	56	1			75
4	Новокаменка I			1			1
5	Карлута II		3	2			5
6	» III	1	6	2			9
7	» IV		1				1
8	» VI		4				4
9	Красногорка II		2				2
10	Боголюбово I		10	6			16
11	» II	2	3	1			6
12	» III	11	27				38
13	» IV	3	9	3			15
14	» VI		1				1
15	Новоникольское II	2	1	1			4
16	» V		2	2			4
17	Рассвет I	29	25	1			55
18	Явленка II	194	642	133	9		978
19	» III	28	25	96	9		158
20	» IV	21	88	73	8		190
21	» V	91	412	81	4		588
22	» VI	82	444	358	26	15	919
23	» VII	29	70	18	3	4	124
24	Энбек I	1	14	1			16
25	Ильинка II		2	2			4
26	Жаргаин I	1	15	1			17
27	Урнек I	2	2				4
28	Берлик II	3	2	1			6
29	» IV		4				4
30	Куприяновка I	4	9	2			15
31	Булаево I		2				2
32	Медвежка I	1	5	1			7

Дистальные сегменты (9 экз.). Заслуживает внимания проколка и две пластины с ретушью.

В этой коллекции наблюдается относительно ровное распределение отщепов по размерам 1—2 *см* (46%), 2—4 *см* (38%). Чешуек здесь только 15%, на зато сколов диаметром свыше 5 *см* — 4% (табл. 5). Изделия представлены наконечником дротика (рис. 4, *20*), скребками и отщепами с ретушью, выполняющими различные функции — ножей, скобелей и пр. (рис. 4, *18, 19, 21, 22*). Следует отметить, что процент орудий на отщепах здесь увеличивается по сравнению с вышеописанными коллекциями.

Явленка V. Местонахождение расположено близ стоянки Явленка IV. Компактное залегание инвентаря (627 экз.) позволяет рассматривать его как самостоятельный памятник.

Нуклеусов в коллекции нет. Целых пластин две. Одна частично ретуширована. На проксимальных сегментах изготовлены скребок (рис. 4, *32*), угловой резец и две проколки (рис. 4, *33*). На медиальных — четыре скребка (рис. 4, *23, 27, 29, 31*) и угловой резец (рис. 4, *25*). Пять заготовок обработаны нерегулярной ретушью (рис. 4, *24, 28, 30*). Дистальные сегменты насчитывают всего 4 экз. Они маловыразительны и без всяких следов вторичной обработки (табл. 2).

Отщепы (70%) имеют размеры до 2 *см*, это практически отходы. По характеру и соотношению типов заготовок стоянка близка памятнику Явленка IV (табл. 5).

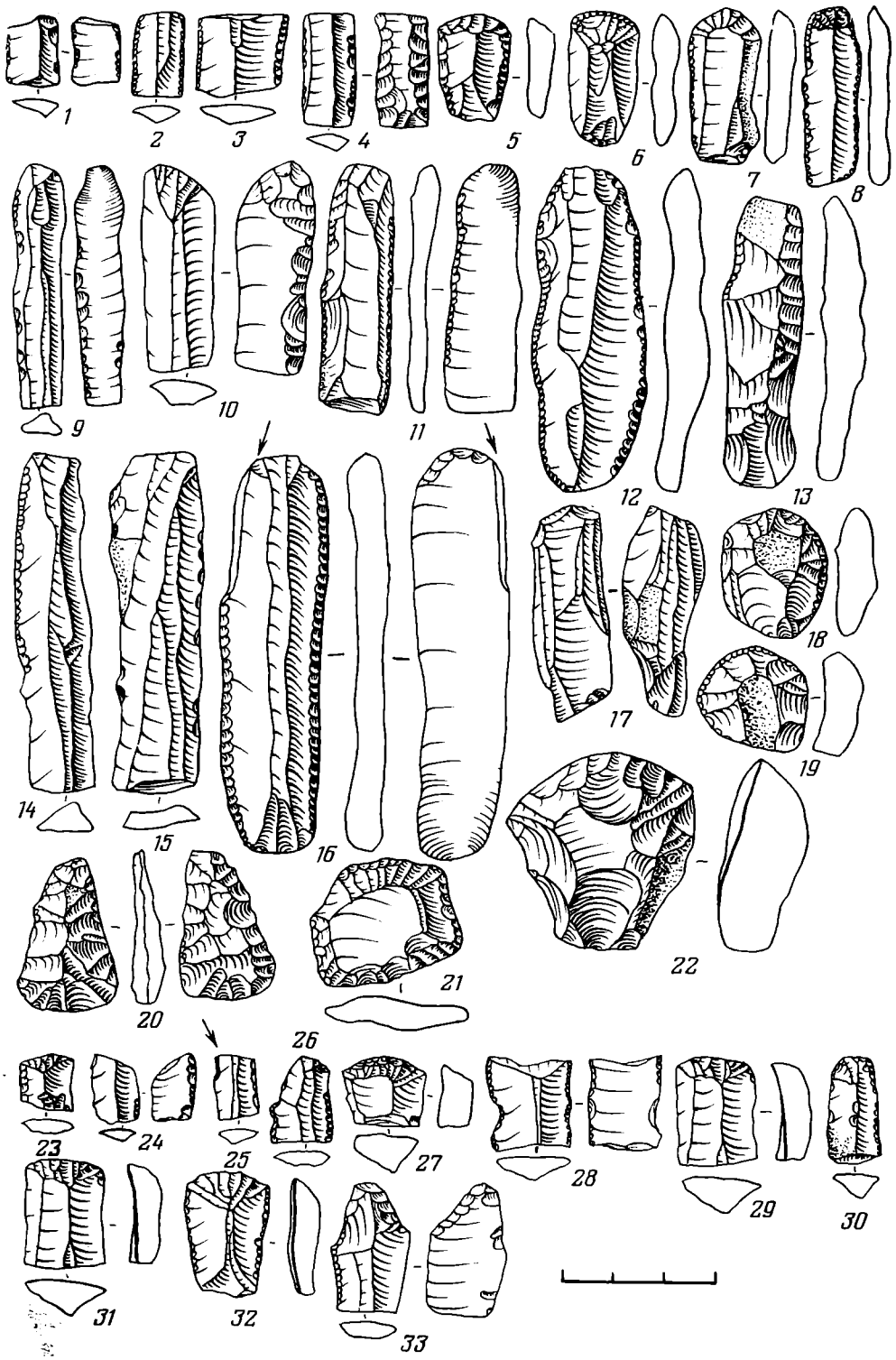


Рис. 4. *1—22* — Явленка IV, *23—33* — Явленка V

Явленка VI. Памятник расположен западнее стоянки Явленка II. Основная часть культурного слоя разрушена оврагом (рис. 2). Стратиграфия проста: под легкой прослойкой гумуса идет темно-серый почвенный слой мощностью 20—30 *см* с культурными остатками, ниже — материковый суглинок. Раскопом площадью 72 $м^2$ вскрыты остатки жилой постройки, зафиксированной на глубине 30 *см* в виде легкой впадины и столбовых ям. Жилище было наземным, округлой формы, площадью 16—

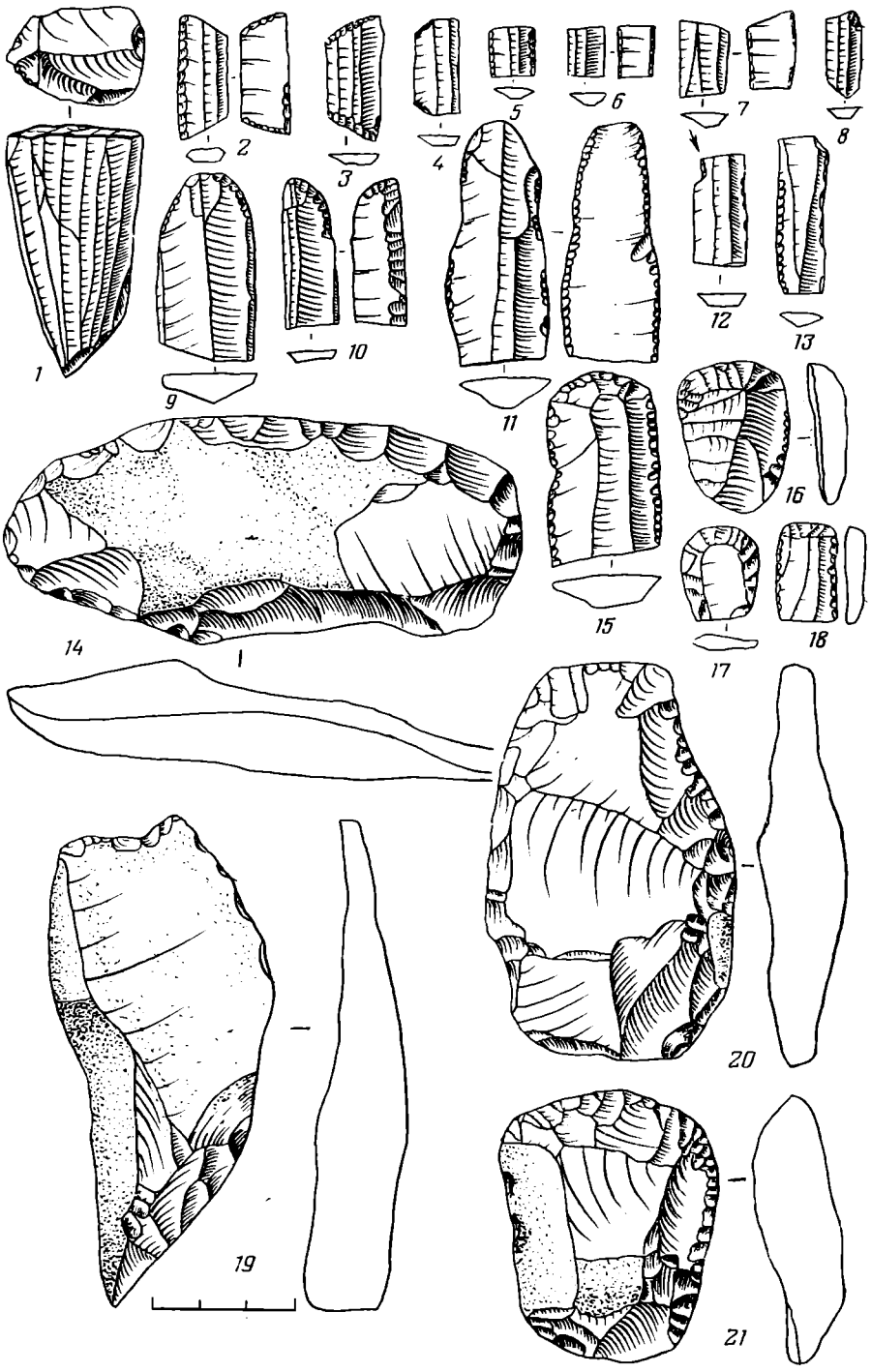


Рис. 5. *1—21* — Явленка VI

18 *м*². В раскопе на участке А′/3 в небольшом углублении площадью около 2 *м*² обнаружены расколотый нуклеус, плитка песчаника, отдаленно напоминающая зооморфную (водоплавающая?) фигуру со следами красной минеральной краски, а также орудия на крупных отщепах. Всего найдено 1074 предмета из яшмовидной породы.

Нуклеусы и их обломки (17 экз.). Из них лишь один целый. Он конической формы, высотой 5,4 *см*. Площадка частично фасетирована (рис. 5, *1*). О систематической подправке нуклеусов свидетельствуют 13 поперечных сколов. Обломки нуклеусов невыразительны.

Пластины (108 экз.) (табл. 2). В коллекции 10 целых пластин, две из них с ретушью. На одной сделан концевой скребок. Проксимальные сегменты (43 экз.) большей частью без ретуши. Орудия — четыре скребка с округлым и прямоугольным лезвием (рис. 5, *16*), два ножа и пластинка с частичной ретушью (рис. 5, *9—11*).

Медиальные сегменты (42 экз.). На них сделаны пять скребков с овальным и прямоугольным лезвием (рис. 5, *5—8, 13*). На сечениях выполнены две симметричные трапеции длиной 2,6 *см*. У одной боковые грани ретушированы со спинки и частично подработано основание (рис. 5, *3*). У другой боковые грани и нижнее основание обработаны с брюшка (рис. 5, *2*).

Дистальные сегменты (13 экз.). Из них лишь 4 экз. ретушированы со спинки.

Отщепы (919 экз.) по размерам распределяются следующим образом: чешуйки до 1 *см* — 8%; мелкие, 1—2 *см*,— 48%; средние, 2—4 *см*,— 38%; крупные, 4—6 *см*,— 3%; очень крупные, более 6 *см*,— 2%.

Орудия на отщепах представлены ножами, скребками, скобелями. Первые (5 экз.) выполнены на массивных отщепах длиной от 5 до 11,4 *см*. Два из них близки между собой (рис. 5, *14*, 20). Оба орудия обработаны со спинки оббивкой, причем только непосредственно рабочие края. Третий экземпляр — пластинчатый отщеп — по одной грани со спинки и брюшка имеет тонкую краевую ретушь. Один нож сделан на широком отщепе (7,6 *см*), подработанном лишь частично с одной стороны краевой мелкой ретушью.

Имеющиеся скребки (4 экз.) массивные, толщиной до 2,4 *см* (рис. 5, *21*). Рабочие лезвия оформлены техникой оббивки и отжимной ретушью. В двух случаях боковые стороны также выполняли скребковые функции. Отщепы с ретушью (8 экз.) выделены в особую группу, поскольку типологически их трудно определить. Однако, судя по характеру вторичной обработки и массивности, некоторые использовались как скобели (рис. 5, *9*).

Явленка VII. Стоянка расположена в 75 *м* юго-западнее памятника Явленка VI. Культурный слой сохранился на площади 16 $м^2$ и вскрыт полностью. Стратиграфия следующая: под темным гумусированным слоем 16—18 *см* залегает легкая прослойка светлой супеси, содержащая культурные остатки, ниже — материковая глина.

Всего из раскопа происходит 229 предметов из яшмовидной породы (табл. 1).

Нуклеусов нет. Но в слое найдено три поперечных скола с нуклеуса.

Основными заготовками для изготовления орудий служили пластины (102 экз.). Целых экземпляров немного (9), и все они без вторичной обработки (табл. 2). На проксимальных сегментах, которые насчитывают 44 экз., сделаны два угловых резца и четыре скребка (рис. 6, *27, 35, 37*). 13 пластинок ретушированы мелкой краевой ретушью (рис. 6, *13—18, 21—25, 36*).

Медиальные сегменты (38 экз.). Интересен обломок наконечника стрелы с прямым основанием, обработанный по всему периметру отжимной ретушью (рис. 6, *26*). 15 экз. ретушированы по одному или двум краям (рис. 6, *1—12, 19, 20, 28, 33*).

Дистальные сегменты (11 экз.), за исключением одной пластины (рис. 6, *29*),— без вторичной обработки.

Отщепы по размерам имеют несколько иное соотношение по сравнению с коллекцией стоянки Явленка VI. Крупные отщепы составляют всего 3%, но количество чешуек увеличивается до 23%. Последнее связано с широко развитой техникой оббивки (табл. 5).

Орудия на отщепах представлены массивным скребком длиной 7,4 *см* (рис. 6, *31*), наконечником копья листовидной формы (рис. 6, *34*) и несколькими сколами с нерегулярной ретушью. К оригинальным изделиям

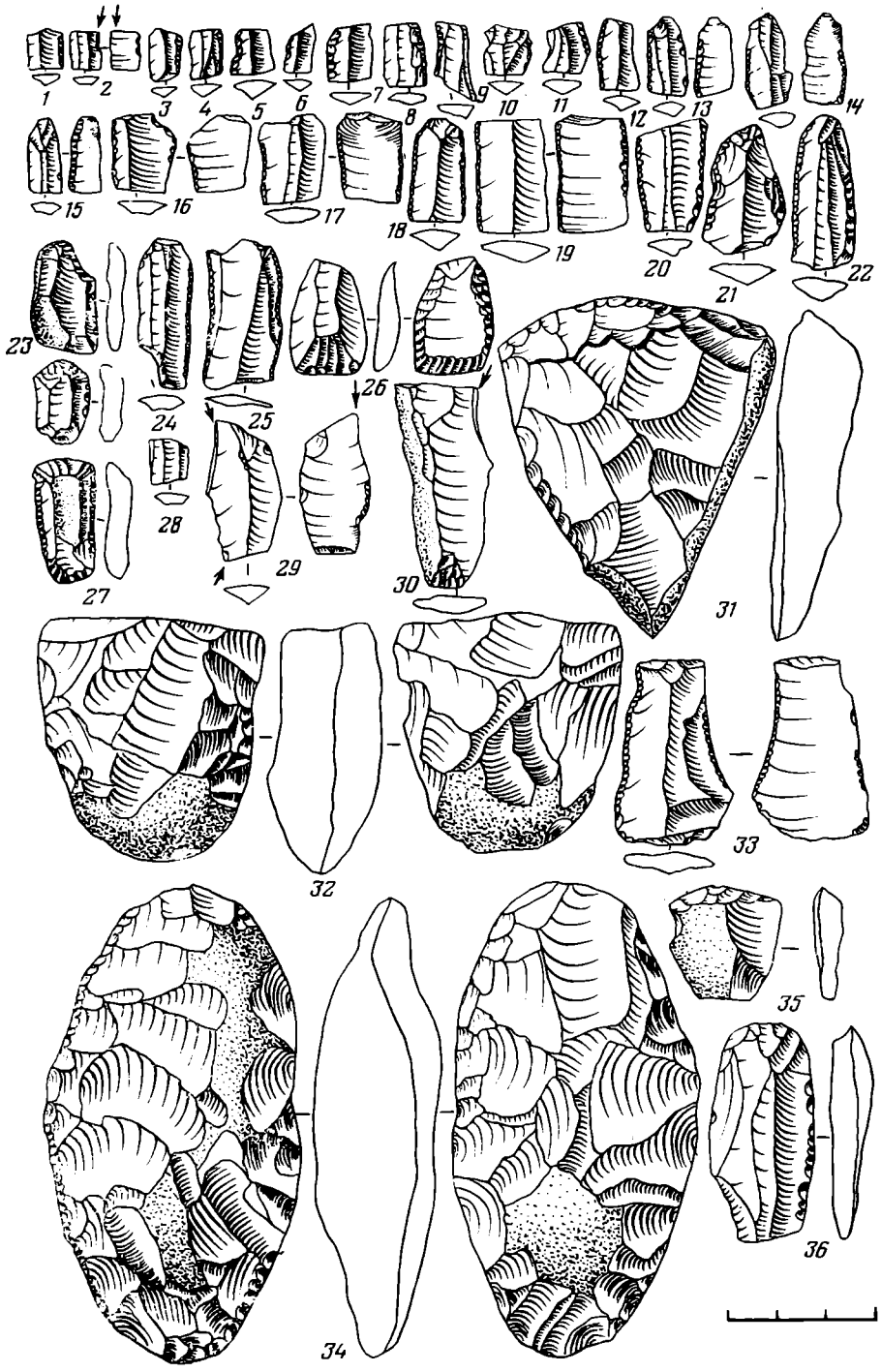


Рис. 6. *1—36* — Явленка VII

относится топор-нуклеус, обработанный оббивкой и частично пришлифованный (рис. 6, *32*).

В других местах данного региона выявлен целый ряд памятников, изученных пока только разведками.

Мичуринская I. Расположена на берегу небольшого притока р. Ишима, в 2 *км* юго-западнее Петропавловска на территории совхоза Мичуринский. Культурный слой памятника полностью разрушен. Сборы произведены на площади около 3000 *м*². Всего найдено 315 предметов из камня и глины (табл. 1).

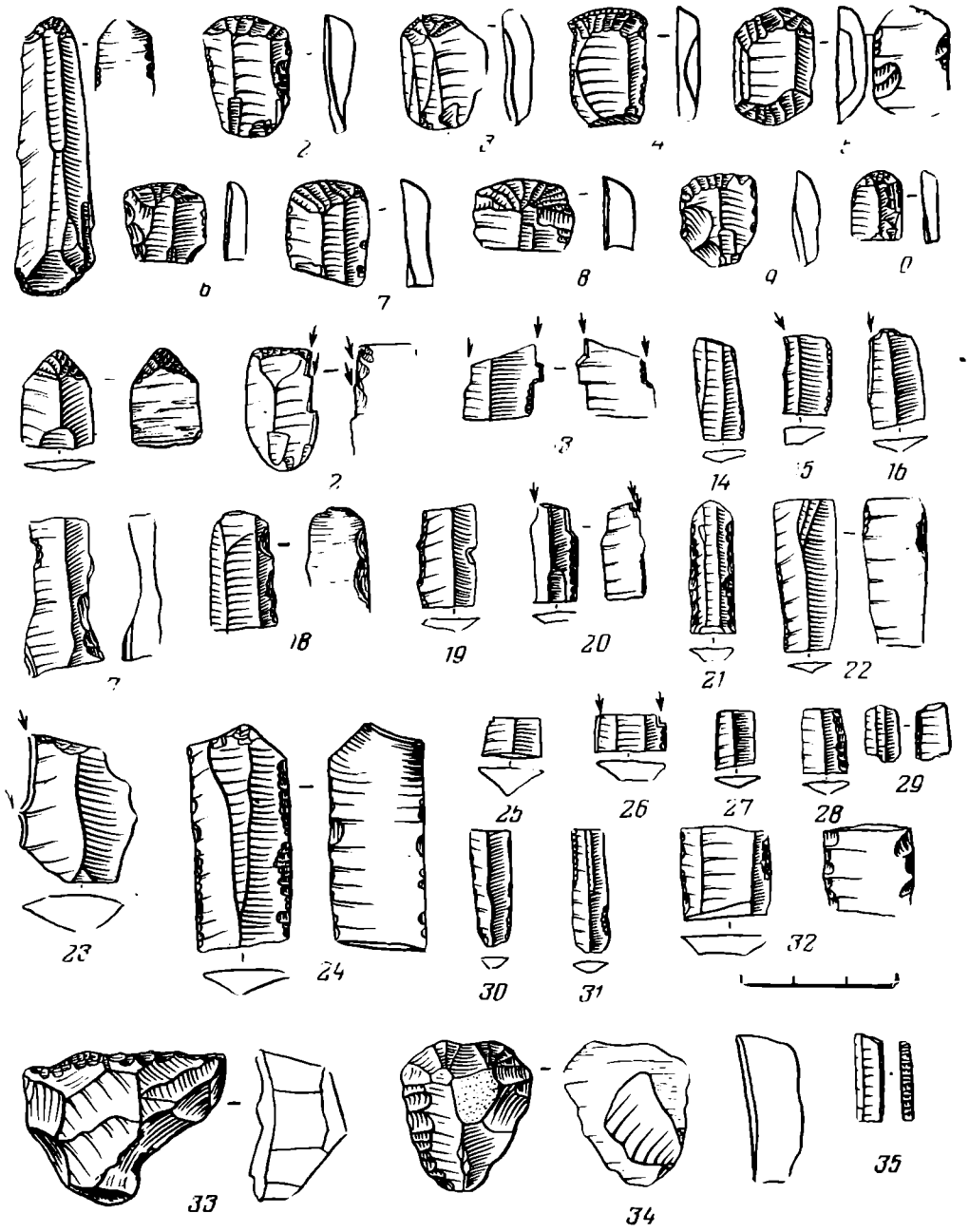


Рис. 7. *1—35* — Мичуринская I

Коллекция типологически неоднородна. В ней представлены два хронологических комплекса. Более древний характеризуется ярко выраженной пластинчатой вкладышевой индустрией. Нуклеусы (2 экз.). Один подпризматической формы, одноплощадочный. Тыльная сторона и основание ядрища имеют подтеску. Высота его 5,6 *см*, наибольший диаметр ударной площадки 2,3 *см*. Второй нуклеус также подпризматической формы, высота 3,9 *см*. Ударная площадка фасетирована и скошена назад. Основание изделия имеет легкую подтеску. Кроме описанных нуклеусов имеется два обломка ядрищ. Один из них обработан оббивкой и использован, вероятно, как долотце.

Пластины (106 экз.). Технические данные — длина и ширина заготовок, а также типы заготовок — вынесены в табл. 1—4. Наиболее распространена ширина пластинок в интервалах 5—10 и 11—15 *мм*, длина рассеченных заготовок от 1,5 до 2,5 *см* (табл. 5).

Основная масса орудий выполнена на медиальных и проксимальных

сегментах. Скребки (15 экз.). Они небольших размеров со слегка округлыми или прямыми лезвиями, оформленными преимущественно под крутым (85°) углом (рис. 7, *1—10*). Один скребок двойной, причем угол оформления рабочих лезвий орудия различен — тупой и острый (рис. 7, *5*). У пяти скребков дополнительно обработаны боковые стороны со стороны спинки. Выразительна в коллекции серия резцов — углового (рис. 7, *12, 13, 15, 16, 20, 26*) и срединного (рис. 7, *23*) типов. Уникален среди орудий наконечник стрелы, выполненный на медиальном сегменте (рис. 7, *11*). Длина его 1,9 *см*, ширина 1,4 *см*. Перо с двух сторон обработано краевой ретушью. Основание изделия слегка подработано. Остальные орудия — резчики, скобели, вкладыши с притупленной спинкой — единичны, достаточно выразительны (рис. 7, *17, 18, 31, 35*). 19 пластинок обработаны мелкой краевой ретушью (рис. 7, *14, 19, 21, 27—30, 24, 32*).

Отщепы (94 экз.) представлены в основном чешуйками и мелкими экземплярами (табл. 5). Имеются орудия — скребки и отщепы — с ретушью (15 экз., рис. 7, *33, 34*).

Керамика (9 экз.). Это тонкостенная посуда слабого обжига с примесью дресвы и растительных остатков. О форме судить трудно, поскольку сохранились лишь мелкие обломки стенок и одна шейка. Фрагменты орнаментированы мелкой гребенкой (рис. 8, *5—7*), шагающим штампом, волнистыми резными линиями и насечками.

К позднему комплексу относятся двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков. Один наконечник стрелы листовидной формы с выделенным черешком. Общая длина изделия 6,5 *см*. Перо и насад наконечника частично обломаны (рис. 8, *1*). Другой экземпляр ромбовидной формы с усеченным основанием (рис. 8, *4*), третий — обломок иволистной формы (рис. 8, *3*). Остальные наконечники являются скорее неудавшимися заготовками (рис. 8, *2*).

Посуда представлена толстостенными (до 1,3 *см*) черепками, украшенными отступающей палочкой, глубокими оттисками наклонно поставленной трубочки и крупного гребенчатого штампа (рис. 8, *8—10*).

Бишкуль II. Стоянка расположена на второй надпойменной террасе правого берега р. Ишима, близ Бишкульской племстанции (рис. 1). Терраса высотой 4,5 *м* круто спускается к старице реки. Площадка стоянки ровная с легким понижением к пойме. Находки (90 экз.) обнаружены в выбоинах дороги и небольших обрывах, обнаженных талыми водами (табл. 1). Шурфом зафиксирован культурный слой мощностью 30 *см*. В нем найдено два кремневых отщепа и фрагмент керамики. В целом орудий в коллекции немного — это пластинки с боковой ретушью (рис. 9, *9—17, 19*), одна трапеция, скребок (рис. 9, *18*), обломок двусторонне обработанного наконечника (рис. 9, *20*). Остальные находки относятся к мелким отщепам и чешуйкам. Найденный в шурфе фрагмент керамики украшен вертикальными резными волнистыми линиями, по венчику идут легкие насечки (рис. 8, *11*).

Стоянка Боголюбово II расположена на первой надпойменной террасе левого берега р. Ишима в 6 *км* юго-западнее с. Боголюбово Бишкульского р-на. Пологая, сильно сглаженная терраса высотой около 3 *м* идет параллельно реке в 150—200 *м* от русла. У пойменного о. Желтое она делает крутой поворот на запад, образуя мыс. Редкие находки собраны на пахоте и на дороге. Мощность черноземного слоя 40 *см*. В заложенном шурфе обнаружен один кремневый отщеп. Всего на стоянке найдено пять фрагментов неолитической керамики, украшенной неглубокими ямочными вдавлениями, и девять кремневых поделок. К ним относятся четыре медиальных сегмента (рис. 10, *42*) и мелкие отщепы без ретуши (табл. 1, 5).

Стоянка Боголюбово III расположена в 3 *км* восточнее памятника Боголюбово II. Высота террасы достигает 3 *м*. Сборы материала произведены на небольшом участке по склону террасы. Он представлен

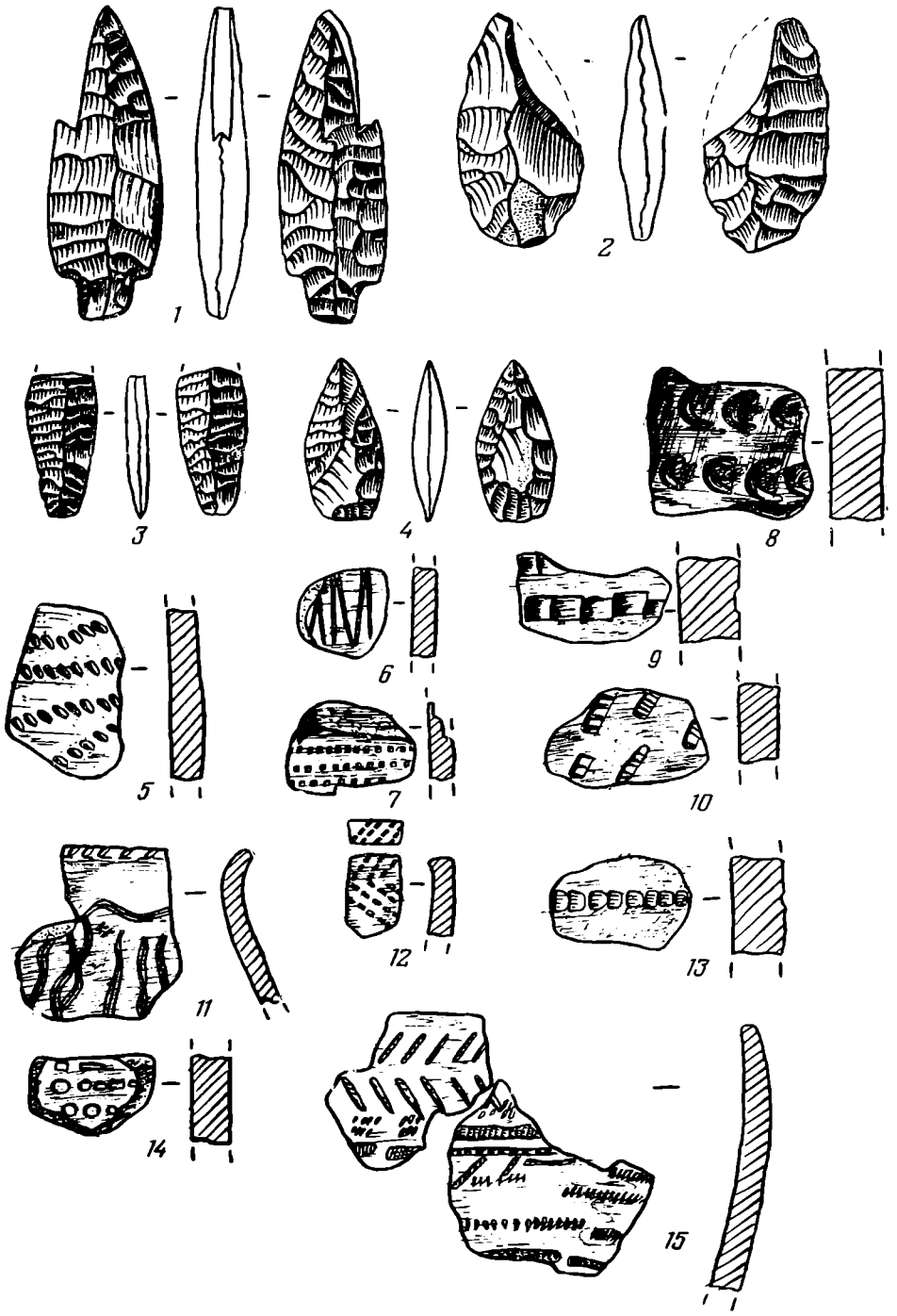


Рис. 8. *1—4, 8—10* — Мичуринская I, поздний комплекс; *5—7* — Мичуринская I, ранний (?) комплекс; *11* — Бишкуль II; *12* — Рассвет I; *13* — Берлик II; *14* — Карлуга VI; *15* — Боголюбово VI

кремневыми предметами (41 экз.) (табл. 1—5). В основном это мелкие отщепы и чешуйки. Есть несколько медиальных сегментов со вторичной обработкой и следами сработанности (рис. 9, *4—7*).

Стоянка Новоникольское II расположена в 1 *км* к югу от села на второй надпойменной террасе. Культурные остатки (четыре отщепа) залегали в нижнем слое чернозема, мощность которого 35 *см*.

Стоянка Ильинка II находится на второй надпойменной террасе правого берега р. Ишима в 1 *км* северо-восточнее села. Площадка памят-

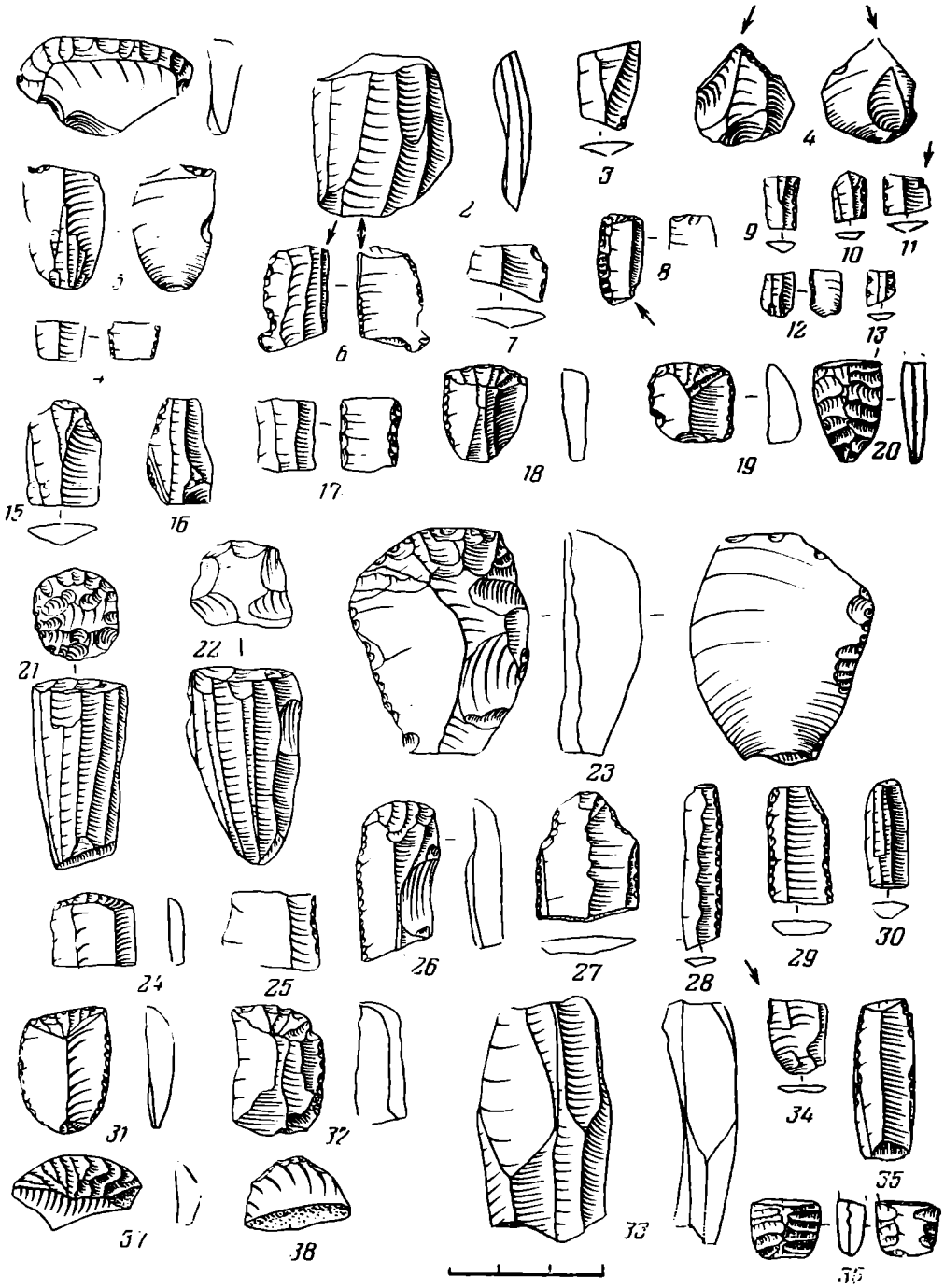


Рис. 9. *1—3* — Карлуга II; *4—7* — Боголюбово III; *8* — Новокаменка I; *9—20* — Бишкуль II; *21—30* — Боголюбово I; *31—32* — Рассвет I; *33—36* — Карлуга III; *37—38* — Берлик II

ника задернована. Находки происходят из обрыва оврага, который частично разрушил памятник. Всего собрано 16 предметов (табл. 1—5). Они представлены заготовкой нуклеуса, концевым скребком и двумя пластинками. Длина последних варьирует от 0,9 до 2,4 *см*, ширина — от 0,7 до 1,3 *см*. 3 экз. обработаны мелкой краевой ретушью.

Стоянка Урнек I расположена на второй надпойменной террасе р. Ишима, в 1 *км* к югу от с. Урнек Ленинского района. Площадка памятника хорошо задернована. Находки происходят из небольшого участка стоянки, разрушенного грунтовой дорогой (табл. 1—5). Всего найдено

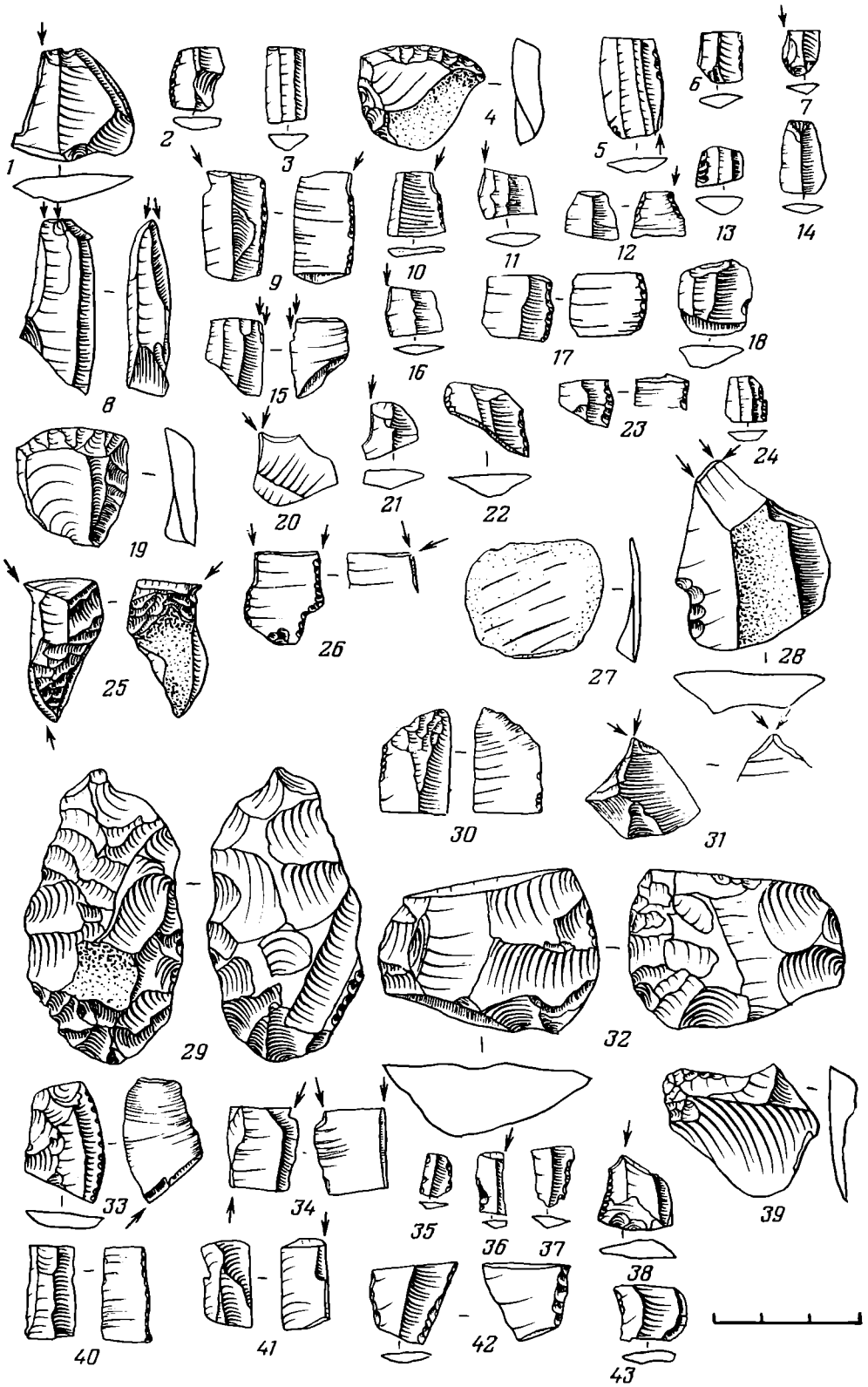


Рис. 10. *1—3* — Карлуга VI; *4—7* — Урнек I; *8—18* — Жаргаин I; *19* — Красногорка II; *20—24* — Бишкуль II; *25—28* — Соколовка I; *29—30* — Карлуга IV; *31—32* — Боголюбово IV; *33—34* — Энбек I; *35—40* — Куприяновка I; *41* — Боголюбово IV; *42—43* — Боголюбово II

шесть кремневых предметов: скребок на отщепе, рабочая часть которого занимает $^2/_3$ периметра заготовки (рис. 10, *4*), несколько пластин, одна из которых обработана со спинки мелкой краевой ретушью (рис. 10, *6*) [6].

Таким образом, состояние изучения каменного века Северо-Казахстанской области следующее: практически не известны памятники палеоли-

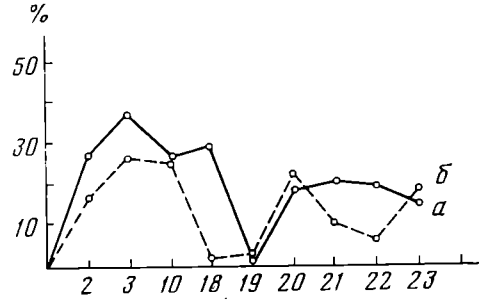


Рис. 11. Соотношение орудий на различных частях пластин в процентах: *а* — на медиальных сегментах; *б* — на проксимальных сегментах; *2* — Мичуринское I; *3* — Бишкуль II; *10* — Боголюбово I; *18* — Явленка II; *19* — Явленка III; *20* — Явленка IV; *21* — Явленка V; *22* — Явленка VI; *23* — Явленка VII

та. Однако единичные сведения о случайных находках, сделанных в 40—50-е годы, а также массовый фаунистический материал, извлеченный из плейстоценовых отложений 2 и 3 террас Ишима [7], обнадеживают поиски памятников столь древнего возраста.

К мезолитической и неолитической эпохам относится большинство известных памятников. До недавнего времени на территории Северного и Центрального Казахстана памятники эпохи мезолита не были известны

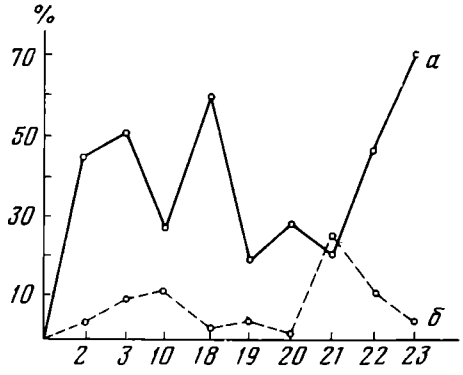


Рис. 12. Соотношение пластин по их размерам (ширина) в процентах: *а* — до 1 *см*; *б* — 2—3 *см*; *2* — Мичуринское I; *3* — Бишкуль II; *10* — Боголюбово I; *18* — Явленка II; *19* — Явленка III; *20* — Явленка IV; *21* — Явленка V; *22* — Явленка VI; *23* — Явленка VII

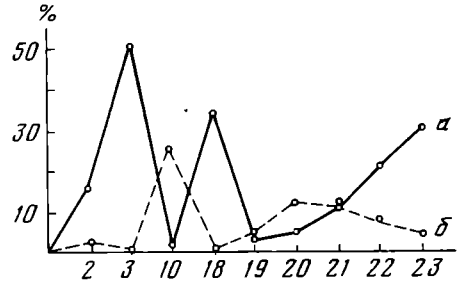


Рис. 13. Соотношение пластин по их размерам (длина) в процентах: *а* — до 1 *см*; *б* — более 4 *см*; *2* — Мичуринское I; *3* — Бишкуль II; *10* — Боголюбово I; *18* — Явленка II; *19* — Явленка III; *20* — Явленка IV; *21* — Явленка V; *22* — Явленка VI; *23* — Явленка VII

или же не выделялись исследователями из многочисленных пластинчатых комплексов этого региона.

В результате планомерного изучения Североказахстанской археологической экспедицией обширной территории северной части Казахстана (Северо-Казахстанская, Кокчетавская, Целиноградская области), массовых раскопок памятников в узколокальных районах, детального, всестороннего анализа материалов, получения абсолютных дат намечается в общих чертах периодизация памятников каменного века Северного Ка-

[6] Описание остальных памятников опущено. Информация о них дана в табл. 1—5 и рис. 8—11.

[7] *Жылкибаев К. Ж.* Антропогеновые слоны Северо-Западной части Казахстана.— В кн.: Мезокайнозойская фауна и флора Северо-Западного Казахстана. Алма-Ата, 1977, с. 83.

захстана, входящих в микролитическую культурную зону лесостепной части Евразии [8].

На основании изменения характера сырья, технологии и типологии каменного инвентаря выделяются несколько комплексов, которые соответствуют определенным монохронным памятникам.

I группа — Явленка II, Мичуринская I, Бишкуль II, Боголюбово I. В качестве сырья используется кремень, яшмовидная порода и светлый кварцит (табл. 1). Основная форма нуклеусов конусовидная и клиновидная. Заготовками для орудий служили в основном медиальные сегменты пластин (рис. 11), в меньшей степени — проксимальные части. Минимальные пропорции пластин-заготовок — характерный признак для этих памятников (рис. 12, 13). Вторичная обработка характеризуется резцовой техникой и краевой, крутой ретушью. И наконец, набор орудий — сечения пластин с боковой ретушью, резцы угловые боковые, срединные, резчики, микрорезцы, скобели, пластины с притупленной спинкой, торцовой ретушью и выемкой, скошенные острия, проколки сверла. Реже встречаются наконечники стрел на пластинах, трапеции, скребки на пластинах.

II группа — Явленка VI, VII. Сырьем служит преимущественно яшмовидная порода серого или светло-коричневого тонов (табл. 1). Нуклеусы конической и подпризматической формы. Процент орудий на медиальных сегментах по сравнению с первой группой несколько снижается (рис. 11). Пропорции заготовок увеличиваются. Орудия представлены резцами, скребками, трапециями удлиненных форм и др. Своеобразие этим памятникам придают макроформы (ножи, скребки, топоры, наконечники копий), выполненные на отщепах.

III группа — Явленка III, IV, V и ряд других памятников. Сырье однородное — светло-коричневая яшмовидная порода. Нуклеусы подпризматической формы, массивные, высотой до 10 *см*. В качестве заготовок широко используются целые и проксимальные части пластин. Изменения характера заготовок наглядно демонстрирует график длины пластин нескольких сопоставляемых памятников (рис. 13). Например, если пластины длиной до 1 *см* составляют в среднем менее 5%, то экземпляры более 4 *см* составляют свыше 10%. Наиболее типичная ширина пластин в пределах 1,5—2 *см*. В данной группе памятников прослеживается изменение вторичной обработки. Наравне с краевой применяется плоская отжимная ретушь, занимающая значительную часть поверхности изделий. Реже используется резцовая техника, а двусторонняя техника становится, наоборот, очень распространенной. Набор орудий — пластины с ретушью, скребки, двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков.

Наиболее ранней нам представляется I группа памятников, относящаяся к позднему мезолиту. Ей аналогичен ряд стоянок из Кокчетавской (Виноградовка XII) и Целиноградской (Тельмана IXа и др.) областей. II группа стоянок близка памятникам Виноградовка X, Тельмана X, I, где также сочетаются микро- и макроформы. Удивительно сходны формы наземных жилищ с легким углублением котлована на стоянках Явленка VI и Виноградовка X. Данная группа предположительно относится к началу неолита. III группа памятников наиболее близка стоянкам развитого неолита Тюменского Приишимья [9] и Северо-Восточного Казахстана [10]. IV группа (Мичуринская I, поздний комплекс и др.) относится к финальному неолиту — энеолиту и находит широкие аналогии в памятниках этого времени на изучаемой территории (Вишневка II, Пестрое I, Бишкуль V и др.) [11].

[8] *Формозов А. А.* Микролитические памятники Азиатской части СССР.— СА, 1959, № 2, с. 48.

[9] *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Поселение Кокуй I.— ВАУ, вып. 8, 1969, с. 30—47.

[10] *Чалая Л. А.* Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2.— В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 163—181.

[11] *Зайберт В. Ф.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим.— КСИА АН СССР, № 134, 1973, с. 110, рис. 42.

V. F. Zaibert

STONE AGE SITES OF THE ISHIM BASIN (PETROPAVLOVSK REGION, NORTH KAZAKHSTAN)

Summary

The article deals with the materials collected during the North Kazakhstan archaeological expedition in the Ishim area (Petropavlovsk region) in 1967—69. Planigraphic observations in the Yavlenski micro-district, typological analysis, and the results of investigations of the adjoining areas of Kazakhstan and West Siberia, permit author to single out four periods of the history of Ishim area by archeological evidences: late mesolithic, early neolithic, neolithic and eneolithic.

И. С. МАСИМОВ

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НИЗОВЬЕВ МУРГАБА

Археологическое изучение памятников бронзового века подгорной полосы Копетдага, проведенное за последние два десятилетия, привело, как известно, к выдающимся научным открытиям. Результаты раскопок небольших поселений, а также крупных центров городского типа, таких, как Намазга-депе и Алтын-депе, по своей значимости выходят далеко за рамки узколокального характера. Ряд узловых проблем в изучении культуры бронзового века ныне разработан достаточно полно и обстоятельно, что, несомненно, может служить эталоном в изучении древних культур не только Юга нашей страны, но и Древнего Востока [1].

На фоне этих достижений как бы на второй план были отодвинуты исследования других районов юга Туркмении, одним из которых являются низовья древнего Мургаба. Изучение этого района в археологическом отношении всегда вызывало большой научный интерес со стороны специалистов, а последние открытия на территории Северного Афганистана и юге Узбекистана с новой силой привлекли к нему внимание исследователей.

Первые сведения о земледельческих памятниках низовьев Мургаба мы находим в немногочисленных публикациях первой половины нашего столетия [2]. Основные же работы здесь разворачиваются лишь с образованием ЮТАКЭ (Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция) в 1946 г. [3], а крупномасштабные стационарные раскопки были проведены в 1954—1956 гг. XIV отрядом этой экспедиции под руководством В. М. Массона [4]. Помимо раскопок отрядом осуществлено и

---

[1] *Массон В. М.* Узловые проблемы археологии Средней Азии.— КСИА АН СССР, № 122, 1970; *его же.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА, 1967, № 3; *его же.* Становление классового общества на Древнем Востоке.— ВИ, 1967, № 5; *его же.* Развитие обмена и торговли в древних обществах.— КСИА АН СССР, № 138; *его же.* Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе.— АО — 1971. М., 1972; *его же.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; *Массон В. М., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973; *Щетенко А. Я.* О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-харапских параллелей.— КСИА АН СССР, № 122, 1970; *Масимов И. С.* Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.

[2] *Huntinaton E.* Description of the Merw Oasus.— In: *Pumpelly R.* Excavation in Turkestan, v. I. Washington, 1908, p. 219—231; *Букинич Д. Д.* История первобытного орошаемого земледелия Закаспийской области.— «Хлопковое дело», 1924, № 5, с. 98; *Ершов С. А.* Археология в Туркменской ССР за 20 лет.— Изв. Туркм. ФАН СССР, 1944, № 2—3, с. 32.

[3] *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.— ТЮТАКЭ, т. V, 1955.

[4] *Массон В. М.* Древнемаргианское поселение Яз-депе.— Изв. АН ТуркмССР, 1955, № 3; *его же.* Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба.— КСИИМК, № 64, 1956; *его же.* Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба.— Изв. АН ТуркмССР, 1956, № 2; *Сарианиди В. И.* Керамические печи древней Маргианы.— КСИИМК, № 69, 1957.

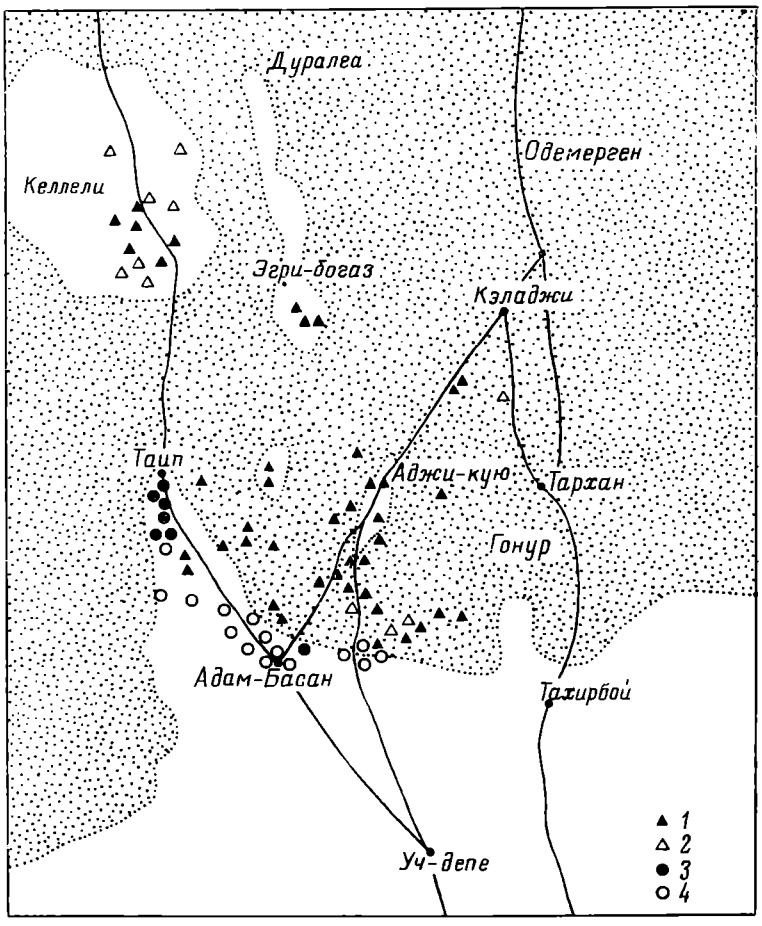


Рис. 1. Схематическая карта расположения памятников эпохи бронзы: *1* — поселения бронзового века; *2* — развеянные поселения; *3* — поселения времени Яз I; *4* — поселения времени Яз II и III

маршрутное обследование территории, изучалась стратиграфия поселений, вопросы истории орошения и хронологии памятников [5]. После длительного перерыва работы по изучению памятников этого района возобновились в 1972 г., когда В. И. Сарианиди были проведены небольшие раскопки на поселениях Аучин-депе и Тахирбай. В том же году был обнаружен новый крупный оазис эпохи бронзы с центром Гонур-депе [6], а в 1974 г. второй, аналогичный оазис с центральным поселением Тоголок-депе [7]. С 1974 г. в обследование памятников низовьев Мургаба включился и специальный отряд Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР под руководством автора [8]. В 1975—1976 гг. отрядом была обнаружена и обследована большая группа новых поселений. При этом получен чрезвычайно богатый и интересный материал, позволяющий внести много нового в изучении прошлого древней Мургабской дельты. Настоящая работа носит предварительный характер и имеет целью введение в научный оборот нового материала.

Исследования проводились в треугольнике между такыром Келлели на севере (к ССЗ от г. Мары), Аджи-куи, расположенном в 25—28 *км* к

[5] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, № 23, 1959.
[6] *Сарианиди В. И.* Древности низовьев Мургаба.— АО — 1972. М., 1973.
[7] *Сарианиди В. И.* Новые открытия в низовьях Мургаба.— АО — 1974. М., 1975.
[8] В работе отряда принимали участие: И. С. Масимов — начальник, археологи А. А. Марущенко, В. Н. Пилипко, Г. Гутлыев, инженер-гидротехник А. А. Ляпин.

востоку-юго-востоку от Келлели, и Адам-Басан, находящемся в 16 *км* к юго-западу от Аджи-куи, или в 38—40 *км* к югу от Келлели (рис. 1). В настоящее время это пространство представляет собой территорию, занятую полузакрепленными песками с редкой растительностью на поверхности. Лишь небольшие площади такыров да немногочисленные холмы с россыпями керамики свидетельствуют о том, что некогда эта территория являлась местом интенсивной жизни и что здесь в достатке протекала вода из ныне высохшего русла Мургаба.

Самыми северными являются поселения, открытые на такыре Келлели[9]. Здесь обнаружено шесть холмов и ряд такырных площадок с россыпями керамики. Все поселения имеют аморфные очертания и небольшую высоту. Крупнейший из них холм Келлели 1 состоит из двух всхолмлений общей площадью более 5 *га*. Поверхность бугра усеяна фрагментами керамики, обнаружены остатки нескольких керамических горнов, нередко встречаются обломки металлических предметов, в том числе печатей, проколок, пробойников, остатки тонких пластин, видимо, от зеркал, найдены фрагменты терракотовых фигурок людей, колесики от моделей повозок, биконические прясла и другие предметы. Другие поселения, соответственно названные Келлели 2—6, располагаются в 4—6 *км* к северо-западу от первого поселения и несколько уступают ему по площади. Самым маленьким является поселение Келлели 6, имеющее площадь не более 0,2 *га*.

Большинство холмов бронзового века исследуемой территории расположено южнее описанной группы. Крупнейшее среди них — поселение Таип-депе 1, которое находится в 3 *км* восточнее одноименных колодцев. Его площадь достигает 12 *га*, а высота отдельных точек — около 4 *м*. По размерам оно уступает лишь поселению Гонур-депе, имеющему, судя по последним данным, площадь не менее 28 *га*. Таип-депе 1 состоит из двух примерно равных по площади всхолмлений, вытянутых по линии север — юг. Обращает на себя внимание северное всхолмление, возможно имеющее обводную стену. С юго-восточной его стороны имеется отдельно выделенный участок прямоугольной планировки, видимо, окруженный башнями. Подобных «строений» пока не замечено во втором всхолмлении Таип-депе 1. На небольшой возвышенности, примыкающей ко второму всхолмлению с юго-востока, прослеживаются остатки нескольких групп керамических горнов, а также большое количество шлаков и фрагментов бракованной керамики. Видимо, здесь находился центр по производству керамики.

Второе поселение этой группы расположено в 8 *км* севернее колодца Адам-Басан и соответственно названо Адам-Басан 4. В отличие от предыдущего холма он имеет сильно расплывшуюся форму, общая площадь его 9,6 *га*, высота около 1,6 *м*, так что значительная часть поселения лишь слегка возвышается над окружающей поверхностью такыра. Большой интерес представляют следы какого-то вала и канала, связывающего основной холм поселения с небольшим всхолмлением, на котором обнаружены керамические печи. Следы канала прослеживаются на протяжении 200 *м*, местами он достигает ширины 4 *м*.

К северу и северо-востоку от этого поселения расположен еще ряд холмов (Адам-Басан 5—12), среди которых есть как крупные, площадью до 6 *га* (Адам-Басан 7), так и меньших размеров, имеющие площадь не более 0,4 *га* (Адам-Басан 6). С восточной и северо-восточной стороны колодца обнаружен еще ряд поселений, ничем не отличающихся от предыдущих как по форме (расплывшиеся высотой от 0,5 до 4 *м*), так и по материалам, обнаруженным на поверхности. К сожалению, большинство из них сейчас в развеянном состоянии или же полузасыпаны барханными

[9] Слово «Келлели» — головное, имеет географическую основу как район, наиболее отдаленный от культурной зоны.

песками, из-за чего невозможно установить первоначальную площадь. Наконец, восемь других памятников бронзового века сконцентрировано вокруг колодца Аджи-куи, в 16 *км* к северу — северо-востоку от Адам-Басана. Крупным среди них является холм Аджи-куи 1, расположенный на месте колодца, холм имеет вытянутую форму по линии СВ — ЮЗ, длина примерно 330 *м*, в поперечнике более 200 *м*, высота около 3,5 *м*. На его северной части раскопано одиночное погребение с плохо сохранившимся костяком, лежащим в скорченном положении головой на север. При погребенном находилось девять сосудов (из них четыре целых — два горшка и два небольших хумча), одно каменное прясло, несколько бусин из пасты, бронзовый браслет и серьга — в районе головы покойника. На другом поселении этой группы, Аджи-куи 4 (площадь 6,8 *га*), расчищены остатки гончарной печи двухъярусной конструкции в форме вытянутого овала с топочным устьем в юго-восточной части. Общая длина печи 3,2 *м* диаметр пода обжигательной камеры 2,1 *м*, здесь сохранилось 17 отверстий продухов. Нижняя, топочная камера печи — двухчастная, со специальным углублением со стороны устья для заполнения топливом, верхняя же половина имела посредине опорный столб, поддерживающий под обжигательной камеры. Сильная ошлакованность топочной камеры свидетельствует о длительной эксплуатации печи. По конструкции печь аналогична горнам, раскопанным нами в ремесленном квартале Алтын-депе и на поселении Улуг-депе [10].

Группа из трех небольших поселений обнаружена в районе колодца Эгри-Богаз, находящемся на полпути от колодца Аджи-куи в Келлели.

Таким образом, поселения эпохи бронзы на обследуемой территории занимают довольно обширную территорию. Во всяком случае, обнаружение еще двух холмов бронзового века в 10 *км* к северо-востоку от Аджи-куи в целом оставляет открытым вопрос о границе их распространения в древней Мургабской дельте. Проведенное археолого-топографическое обследование позволяет предварительно выделить три типа поселений бронзового века Мургаба. К первому типу относятся холмы площадью до 5 *га* и высотой до 1 *м*. Как правило, это одиночные холмы или остатки развеянных поселений в виде россыпи керамики на такыре. Второй тип объединяет поселения площадью от 5 до 10 *га*, высотой более 1 *м*, часто состоящие из двух или более всхолмлений, среди которых есть участок, отведенный для ремесленного производства, чаще всего керамического. Третий тип представлен поселениями площадью 10 *га* и более, с отдельно отведенным участком под производство и, возможно, наличием обводных стен. К этому типу можно отнести холмы Таип-депе 1, Гонур-депе и Аучин-депе [11], расположенный к востоку от колодца Тархан.

Первая стратиграфическая колонка для мургабских памятников бронзового века впервые была получена В. Массоном на поселениях Аучин и Тахирбай 3 [12]. На ряде вновь открытых памятников нами также заложено несколько стратиграфических шурфов. В Келлелинской группе стратиграфическому изучению подвергнуты три самых больших холма — Келлели 1, 3, 4. На первом из этих поселений шурф № 1 размером 4×1 *м* был заложен в северо-восточном углу [13]. I ярус заполнен рыхлым слоем с включением строительного мусора и зольных прослоек, с редкими находками керамики и костей животных. Во II ярусе встречена заполнен-

---

[10] *Масимов И. С.* Раскопки керамических печей эпохи бронзы на поселении Алтын-депе.— АО — 1972 г. М., 1973; *его же.* Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе.— КД, № 4, 1972.

[11] Последние работы В. И. Сарианиди на этом поселении выявили оборонительные стены, усиленные полукруглыми башнями. См. *Сарианиди В. И.* Древности низовий Мургаба.— АО — 1972. М., 1973.

[12] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 12—17, 29.

[13] Для всех трех шурфов, заложенных на Келлели 1, были использованы остатки строительной траншеи.

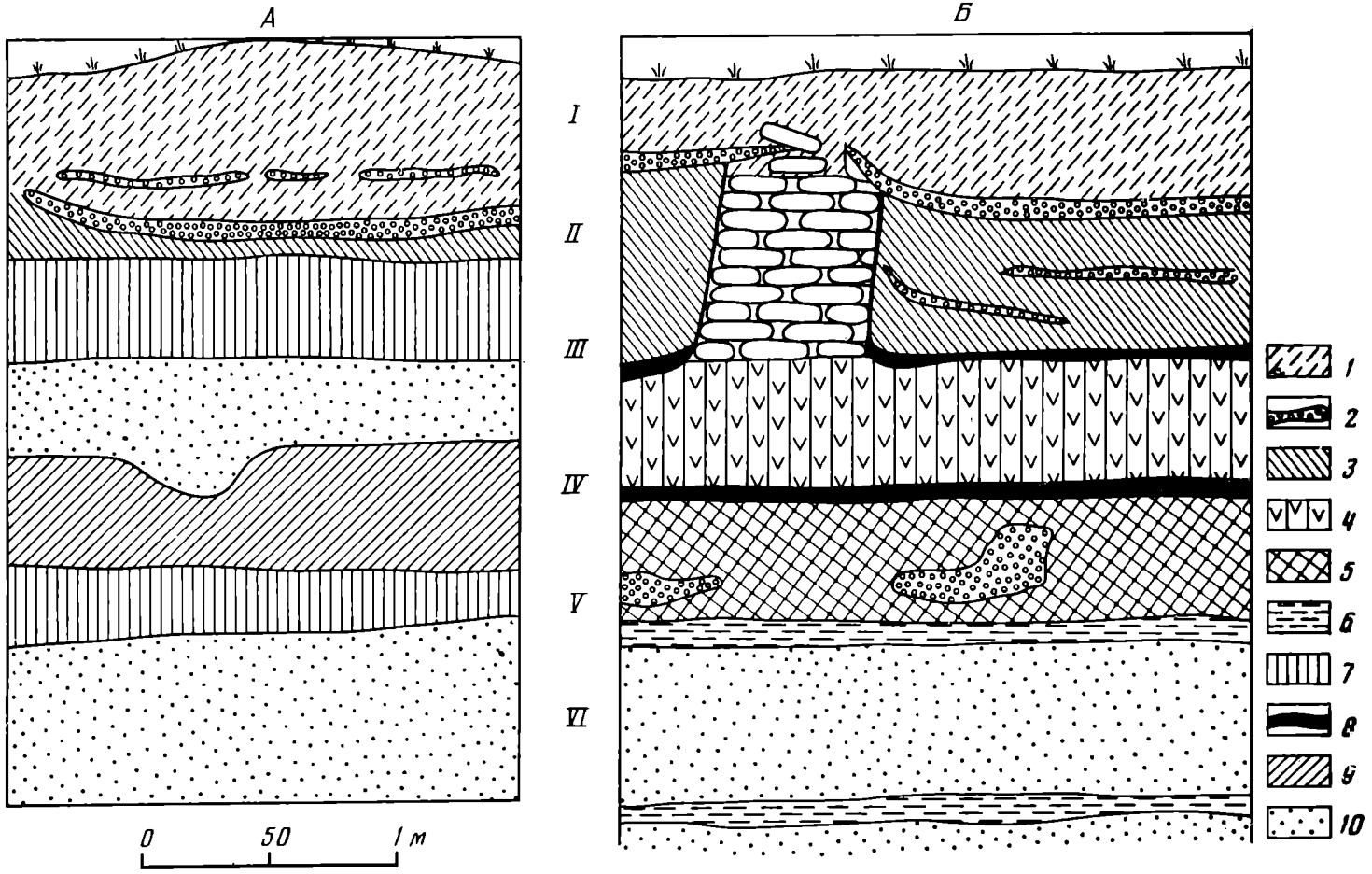


Рис. 2. *А* — шурф № 2 на поселении Келлели 1; *Б* — шурф на поселении Аджи-куи 3. *1* — рыхлый надувной слой; *2* — зольные прослойки; *3* — слой с остатками строительного разрушения; *4* — слой средней плотности с комками глины и кирпича; *5* — слой с мусорными ямами; *6* — плотные натечные слои; *7* — плотный глинистый слой; *8* — пол; *9* — слой белой глинистой супеси; *10* — песок

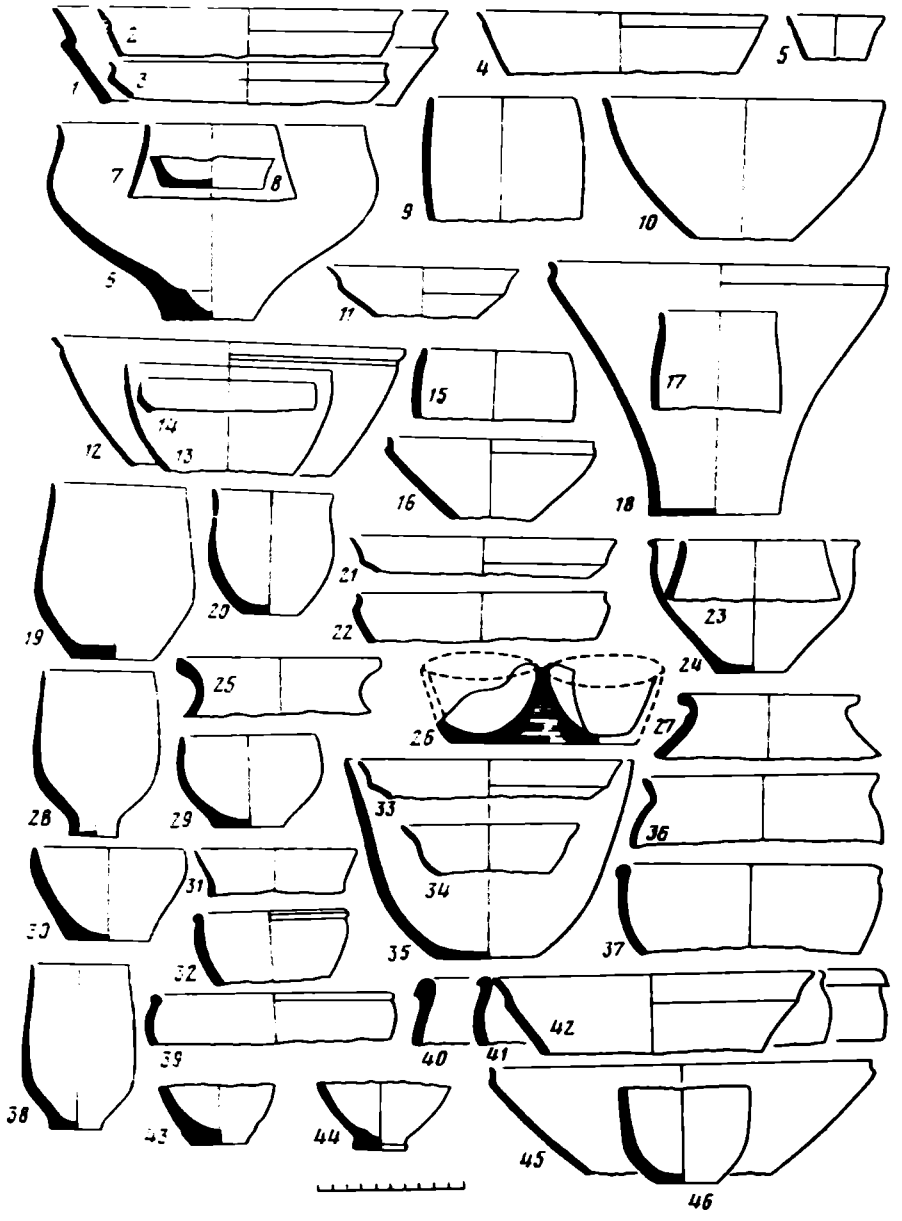


Рис. 3. Керамика Келлелинского оазиса, первый комплекс

ная золой яма, впущенная в слой песка, который соответствует материку. Все последующие слои шурфа, пройденного до глубины 3 *м*, представлены чередующимися прослойками белой супеси и плотной глиняной массы коричневого цвета — туюна. Шурфы № 2 и 3, заложенные соответственно в середине и юго-восточной части этого же поселения, также пройдены до глубины 3 *м* (рис. 2, *А*). Характер залегания слоев почти аналогичен первому шурфу, а материк встречен на глубине 1 *м* (№ 2) и 1,05 *см* (№ 3). Еще меньшими оказались слои культурных напластований на поселениях Келлели 3 и 4. В целом стратиграфические исследования показали, что поселения Келлелинского оазиса имеют толщину культурных слоев не более 1 *м*. Это характеризует исследованные памятники как однослойные, относящиеся к одному историческому времени; об этом свидетельствует также и полное сходство керамики из шурфов с керамикой, лежащей на поверхности.

Стратиграфическое изучение проведено еще на двух памятниках из числа большой группы холмов, располагавшихся к югу от Келлели. На поселении Адам-Басан 4 шурф размером 2,5×2 *м* заложен на самой высокой, западной его части. Слои I и II яруса заняты рыхлым культурным слоем и прослойками золы. С III яруса по всей площади шурфа залегает слой надувного песка с отдельными комьями глины, имеющими в своем составе растительную примесь (солома?). Возможно, это обломки сырцовых кирпичей. В начале IV яруса отмечен уровень пола какого-то помещения, под которым начинается материк в виде туюна. V, VI, частично VII ярусы шурфа целиком были заняты барханным песком. Как видно, культурный слой холма равен 1,5 *м*, что несколько превышает слои поселений Келлелинского оазиса.

Шурф, заложенный на поселении Аджи-куи 3, выявил культурный слой толщиной более 2 *м* (рис. 2, *Б*). Во II и III ярусах обнаружена стена, сложенная из прямоугольных сырцовых кирпичей (35×9×?, 42×11×?), сохранившаяся высота ее 85, толщина 65 *см*. По обе стороны стены заполнение представляло собой остатки строительного разрушения. На уровне основания стены прослежен уровень пола с четкой выкружкой. Под вторым полом, зафиксированном в середине IV яруса, залегают слои слегка обожженной земли с небольшими мусорными ямами, продолжающиеся до конца V яруса. Ниже начинается плотный слой натечной супеси, сменяющийся в середине VII яруса слоем надувного песка.

Изучение стратиграфии двух поселений, расположенных к югу от Келлелинского оазиса, в целом подтвердило данные, полученные на памятниках Келлели 1, 3 и 4, что также указывает на однослойность этих поселений. Добавим к этому, что слои поселений Аучин и Тахирбай 3 столь же невелики и не уходят глубже уровня окружающей поверхности.

Помимо стратиграфического изучения на поселении Келлели 1 были произведены небольшие раскопочные работы. Раскоп, заложенный на северо-восточной окраине холма, вскрыл ряд помещений с двумя уровнями полов. Выделяется мощная стена, прослеженная в направлении север — юг на участке в 10 *м*. Ширина ее 1,65 *м*, а сохранившаяся высота — 80 *см*, сложена она из прямоугольных кирпичей размерами 50-54×24×9-12 *см*. С наружной стороны, судя по выкладке таких же кирпичей у основания холма, она была усилена, что позволяет предполагать какую-то иную ее функцию, чем просто сооружение, пристроенное к дому, хотя подобных примеров можно видеть много в архитектуре Алтын-депе. С северо-запада к стене примыкает несколько комнат с узкими и кривыми стенами, сохранившимися на высоту в 1—2 кирпича. Лучшей сохранности оказалась группа помещений, расчищенных с юго-западной стороны, одна из которых вскрыта полностью на уровне двух полов, видимо соответствующих двум периодам обживания. Комната размером 2,75×2,60 *см* имела уровень пола первого периода на глубине 30 *см* от высоты стен, пол второго периода еще ниже на 50 *см*. Заполнение над уровнем пола второго периода состояло из рыхлого слоя с многочисленными обломками керамики и костей животных. Предварительные определения остеологического материала Н. М. Ермоловой [14] показали, что это кости домашних животных — коровы, овцы, верблюда, лошади, собаки и домашней свиньи.

Керамика с поселений разделена нами на два комплекса, имеющих некоторые хронологические различия.

Первый комплекс представлен керамикой из поселений Келлелинского оазиса (рис. 3, 4), изготовленной исключительно на гончарном круге. Глина имеет хорошую отмучку, качественный обжиг, за исключением мелкого песка в отдельных фрагментах, почти не имеет примеси. Черепок в основном красновато-розового, светло-розового и реже красноватого цветов. Преобладает так называемая «намазгинская» керамика, имеющая,

[14] Пользуясь случаем, приношу Н. М. Ермоловой свою благодарность.

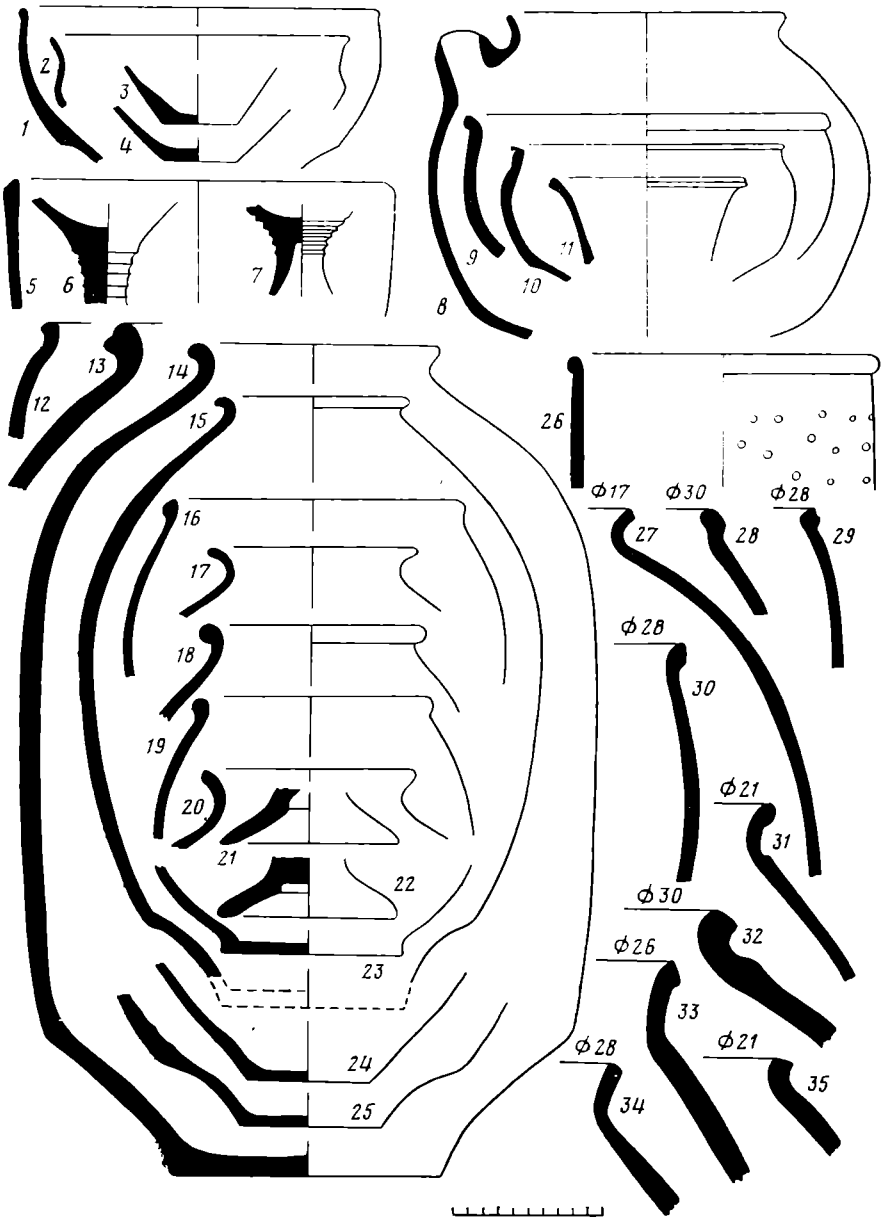


Рис. 4. Керамика Келлелинского оазиса, первый комплекс

как правило, светло-зеленоватую окраску глины с таким же оттенком наружной поверхности. За исключением традиционно кухонной керамики, часть которой к тому же формована на кругу, сосудов ручной лепки почти не встречено, отсутствует также сероглиняная керамика.

Форма сосудов весьма разнообразна. Преобладают сосуды типа бокалов (рис. 3, *1—3*, *11*, *12*, *16*, *18*, *21*, *22*, *33*, *42*, *45*) с двумя вариантами венчика: ломаной линией или ребром с наружной стороны (рис. 3, *1*, *3*, *16*, *18*, *21*, *22*), а также глубоким концентрическим срезом снаружи под венчиком (рис. 3, *4*, *12*). Дно этих сосудов обычно плоское, а придонная часть слегка вогнута вовнутрь. Встречаются глубокие конические чаши с прямым, чуть приостренным венчиком и плоским дном (рис. 3, *10*, *13*, *35*). Имеются чаши со слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *24*) и небольшие чашечки с толстыми стенками и плоским дном (рис. 3, *29*, *30*). Очень много стаканообразных сосудов (рис. 3, *28*, *38*), горшков небольших размеров с плоским дном (рис. 3, *19*, *20*), с отогнутым наружу венчиком и невысокой горловиной (рис. 3, *25*, *27*, *36*), а также крупных

толстостенных мисок со слегка отогнутым наружу венчиком и подкошенным дном (рис. 4, *1, 2, 9, 10*). Характерной формой керамики первого комплекса являются вазы на высокой конической ножке, нередко украшенные ребристыми линиями (рис. 3, *6*, рис. 4, *6, 7, 21, 22*).

Из крупных форм наиболее часто встречаются тагора с прямым венчиком, завершающимся небольшим утолщением (рис. 4, *5*), горшки с отогнутым венчиком и небольшой горловиной (рис. 4, *16—20*), много реже — хумчаобразные горшки с широкой горловиной со сливом. Подобный почти целый горшок имел подкошенную придонную часть (рис. 4, *8*). Хумча имеют вытянутые яйцевидные тулова и подкошенную придонную часть (рис. 4, *14*, *15*). Хумы имеют толстые стенки, превышающие 1 *см*, венчики у них загнуты наружу и оканчиваются острием или полуваликом. Иногда на плечиках слабое ребро (рис. 4, *26, 29—32*).

Помимо перечисленных встречаются редкие формы сосудов, как, например, двойной сосуд (рис. 3, *26*), сосуд со сквозными отверстиями в стенке (рис. 4, *26*), а также фрагмент высокой горловины с отогнутым наружу венчиком с прорезью посередине, возможно принадлежащий кувшину (рис. 4, *11*).

Кухонной керамики найдено мало. При изготовлении ее использовался гончарный круг, вероятно, с целью подправки и придачи более совершенной формы уже вылепленному от руки сосуду. В тесте помимо мелкого песка имеются также частицы кварца, извести или алебастра. Черепок хрупкий. Основные формы: котлообразные горшки, фрагменты сковородок с невысоким бортиком, закопченные снаружи, реже и внутри. Отметим немногочисленные в этом комплексе керамические подставки.

Второй комплекс керамики представлен материалами поселений, расположенных к югу от Келлелинского оазиса. Характерная его особенность — наличие в составе значительного количества посуды ручной лепки, много реже сероглиняной керамики, а также керамики степной бронзы. В целом комплекс делится на две большие группы: посуду, изготовленную на гончарном круге и вылепленную от руки.

Керамика первой группы имеет красновато-розовый, кремовый, красный, реже светло-зеленый цвет черепка. Окраска внешней поверхности светло-розовая, светло-желтая, а также светло-зеленая. Глина хорошо отмучена и обожжена, как правило, в тесте имеется примесь мелкого песка.

Форма сосудов разнообразная. Наряду с керамикой, аналогичной изделиям первого комплекса, встречаются и совершенно новые типы посуды, пока не встреченные в Келлелинском оазисе.

Наиболее часто встречаются различных размеров бокалы — от миниатюрных до крупных (рис. 5, *6—16*). Многочисленны также чаши, имеющие полусферический резервуар и плоское дно (рис. 5, *23, 49, 51*), миски со слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 5, *1—4, 24*), чаши с толстыми стенками и плоским дном, довольно часто встречающиеся в первом комплексе (рис. 5, *25*). К числу форм, отсутствующих в первом комплексе, относятся кубки на высокой конической ножке (рис. 5, *26, 27*), фрагменты вазы с загнутым вовнутрь венчиком и слегка отогнутым наружу краем (рис. 5, *21, 22, 29, 30*) и чаши полусферических форм. Очень мало встречено в первом комплексе небольших горшков приземистых форм (рис. 5, *37, 38*) и горшков с высоким горлом со слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 5, *34*, *35*). Для второго комплекса характерны также высокие яйцевидные формы горшков с плоским дном (рис. 5, *33, 36*), горшки с выделенной нижней частью и суживающимися к слабо отогнутому венчику стенками (рис. 6, *4*), а также сосуды с носиками (рис. 6, *7*) и желобовидным сливом у венчика (рис. 6, *6*). Из крупных сосудов, отметим тагора полусферических форм или с вертикальными стенками, завершающимися утолщением (рис. 5, *47*, *48*, *50*), венчики крупных горшков и небольших хумча (рис. 5, *32, 39—46*). Два целых хумча, найденные в погребении на поселении Аджи-куи, имели приземистые сферические ту-

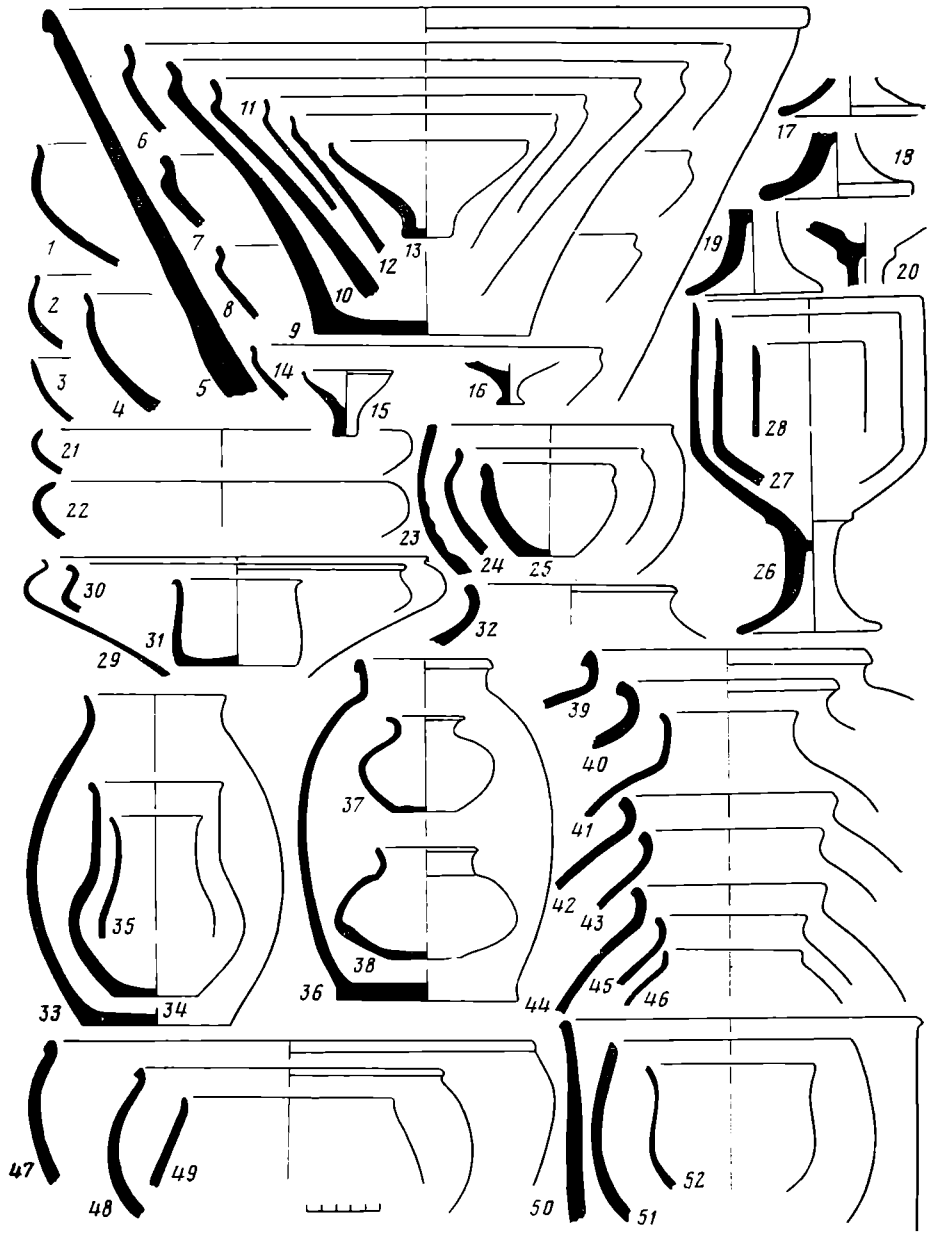


Рис. 5. Керамика мургабских поселений, второй комплекс

лова, широкую горловину и плоское дно (рис. 6, *1*, *2*). Интересно, что оба сосуда украшены по тулову и выше широкими полосами, нанесенными красной краской, на меньшем из них было три полосы.

Помимо хумчи найден целый ряд венчиков хумов, имеющих различную профилировку (рис. 6, *11—16*), а также обломки круглых керамических подставок разной величины (рис. 6, *5*).

Вторая группа керамики, вылепленной от руки, по фактурно-технологическим особенностям и орнаменту подразделяется на три подгруппы. Первая — с добавлением песка, частиц кварца, извести, мелкодробленой керамики. Сосуды с такой фактурой обычно относятся к кухонным. Черепок бывает часто хрупким и легко разрушается. По форме это обычные горшковидные сосуды с отогнутым наружу венчиком (рис. 6, *25*, *26*), горшки со сливом (рис. 6, *27*), а также банковидный сосуд с прямыми стенками и плоским дном (рис. 6, *28*). Встречен крупный полусферической формы сосуд типа хумча с чуть отогнутым наружу венчиком

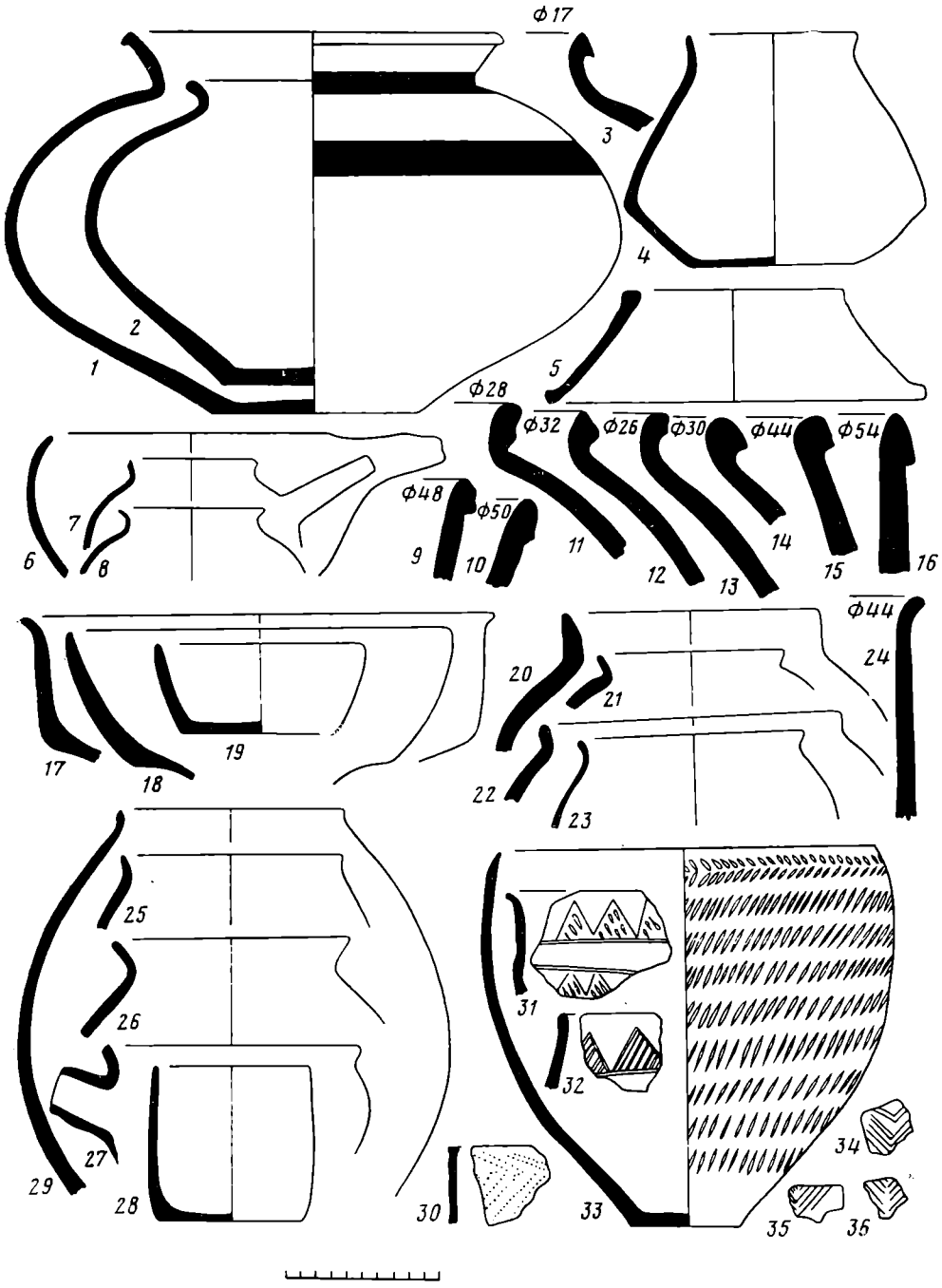


Рис. 6. Керамика мургабских поселений, второй комплекс

(рис. 6, *29*), по стенкам которого внутри замечены правильные концентрические линии, свидетельствующие о подправке на гончарном станке. Сосуды второй подгруппы по фактуре аналогичны первой, но отличаются наличием орнамента, выполненного простыми черточками, вдавлениями или просто точками. Характерный орнамент — треугольники вдоль венчика, заполненные внутри косыми линиями или каплевидными вдавлениями. Археологически целый сосуд из этой подгруппы, найденный на поселении Тапи-депе 1, был сплошь покрыт орнаментом от венчика до основания (рис. 6, *31—36*).

Наконец, наиболее многочисленная подгруппа — это керамика грубой лепки, с обильной добавкой шамота. Цвет черепка самый разнообразный,

наиболее часто встречаются черепки розоватого, красного и светлого цвета. Наружная поверхность нередко пятнистая в той же гамме цветов. В отличие от двух предыдущих подгрупп это керамика, за редким исключением, достаточно прочна и хорошо обожжена. Наиболее часто встречаются крупные миски с подкошенным дном, чаши с толстыми стенками и плоским дном (рис. 6, *17—19*), горшкообразные сосуды с невысоким, но широким горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 6, *20—23*), а также фрагменты прямых стенок, завершающихся слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 6, *24*), вероятно принадлежащие тагорам.

Следует отметить, что если керамика двух предыдущих групп была известна по ранее изученным памятникам, то третья группа впервые выявлена на поселении Аучин-депе В. М. Массоном, который уже тогда отметил своеобразие этой керамики [15]. Теперь она встречена почти на всех поселениях к югу от Келлелинского оазиса, причем составляет примерно одну треть всей подъемной керамики. Единичные экземпляры этой керамики обнаружены в верхних слоях шурфов, заложенных на поселениях Адам-Басан 4 и Аджи-куи 3. Создается впечатление, что керамика этого типа связана лишь с кроющими слоями большинства мургабских поселений. Интересно и то, что при сравнении ее с нерасписной лепной посудой культуры Яз I можно найти много общего, а именно грубая лепка и большая примесь шамота. Наблюдается сходство и в формах сосудов [16]. Вместе с тем довольно часто встречающаяся в этой группе форма крупных мисок с подкошенным дном аналогична таким же сосудам, но формованным на кругу, из первого комплекса керамики, происходящего из Келлелинского оазиса (рис. 3, *1*, *9*, *10*). Подобное сходство, вероятно, свидетельствует о преемственности отдельных форм керамики, сохранившей свои пропорции на протяжении длительного времени. Поэтому есть основания предварительно отнести эту группу керамики ко времени, предшествующему культуре Яз I, или к ранним этапам этой культуры.

Из других находок большой интерес представляют терракотовые статуэтки людей и животных. При этом для фигурок, обнаруженных на поселениях Келлелинского оазиса, характерен тот же условно-плоскостной стиль исполнения, что и для статуэток Намазга и Алтын-депе (рис. 7, *1—9*). На фигурки нанесены различные линии, имитирующие украшения и пояса, а также символы-знаки вроде дерева. Можно смело сказать, что терракотовые фигурки Келлели в этом отношении типичны для поселений подгорной полосы.

Терракоты из поселений, расположенных к югу от Келлелинского оазиса, выполнены в той же манере, но они более объемисты и среди них нет статуэток с изображением пышных причесок или головных уборов. Большинство статуэток имеет подтреугольную форму головы и сквозное вертикальное отверстие на затылке (рис. 7, *12—14, 19, 20*). В этой группе есть фигурки, изготовленные очень обобщенно из грубой глины (рис. 7, *10*), и статуэтки с тщательной проработкой деталей. Вызывают интерес фигурки с украшением на шее, причем у одной из них «медальоны», как бы связанные одной веревочкой, ниспадают как спереди, так и сзади. Отметим также обломок торса, видимо, мужчины в сложном одеянии (рис. 7, *17*).

Из фигурок животных следует отметить изображения верблюда, собаки (барана), быка, свиньи, птиц и козла (головка его украшала носик сосуда, рис. 8). Особенно следует указать и на фрагмент черепка, где налепом достаточно реалистично выполнено изображение головы козла (газели), поедающего ветки молодого деревца (рис. 8, *1*).

[15] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 20.

[16] Ср. рис. 6, *20—23* с табл. XXVI, *1*, *6*, табл. XXVIII, *5*, *7*, табл. XXIX, *2*, *10* и др., в том числе форма расписной посуды — см. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.

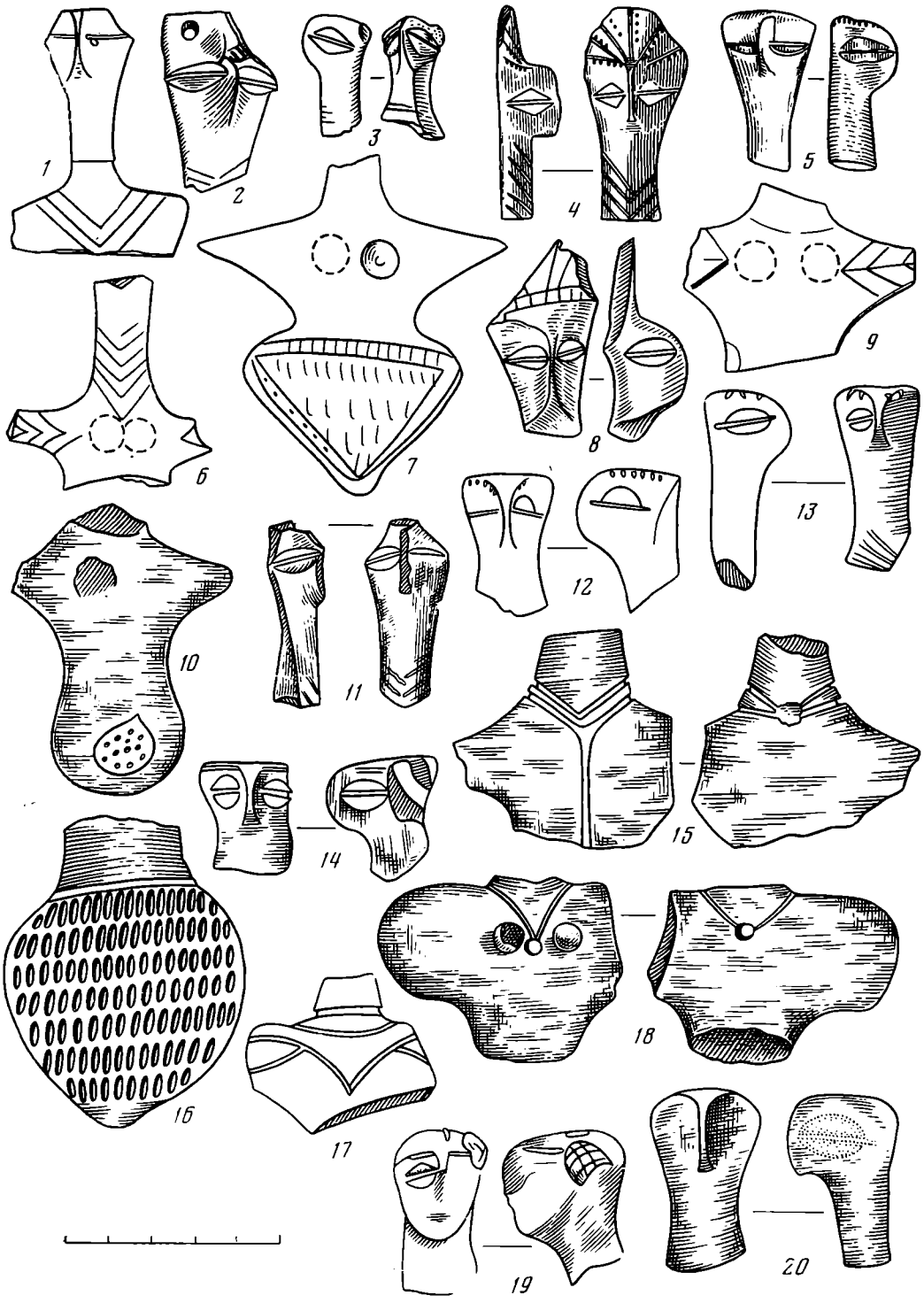


Рис. 7. Терракотовые статуэтки людей

Важную группу находок составляют печати, изготовленные из металла, камня и глины. На металлических печатях наряду с известными изображениями креста есть также изображения животных. Особенно примечательна крупная печать с изображением хищных птиц (орлов?), размещенных вокруг небольшого круга (рис. 9, *1*). Все печати из металла с оборотной стороны имеют ручку-петельку.

Каменные печати-амулеты, изготовленные из зеленого стеатита, как правило, имеют двухстороннее изображение. Обломок такой печати имеет

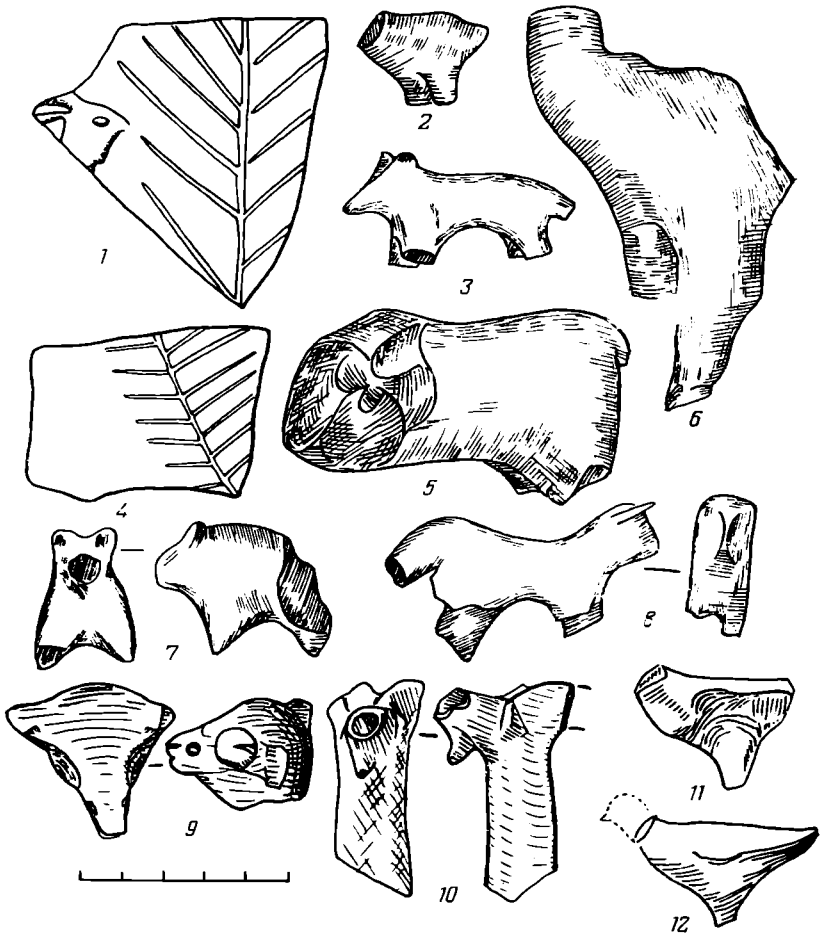


Рис. 8. Терракотовые фигурки животных

с одной стороны рисунок головы птицы, с другой — изображение быка в атакующей позе, у него задран хвост и низко опущена голова с выставленными вперед рогами (рис. 9, *5*). Другая печать изображает змею с открытой пастью, на обратной стороне выгравировано изображение фантастического существа, напоминающего павлина, с длинными, чуть приподнятыми крыльями. Любопытна еще одна печать из этой серии с однотипными изображениями на обеих сторонах борьбы хищных зверей со змеями (рис. 10). Интересно, что если на первом рисунке фантастический зверь, имеющий крокодилоподобную голову с открытой пастью, изображен с крыльями, то на втором — это существо близко напоминает львоподобного хищника с взъерошенной гривой и выпуклой горбинкой над головой. В сходной манере изображены туловища и ноги с выпущенными когтями. Отмечая достаточную сложность семантики изображений на этих печатях, несомненно, связанных с мифологическими представлениями, скажем, что они входят в круг печатей-амулетов, которым, уже дано определенное толкование в литературе [17]. Уникальной можно считать находку глиняного черепка с оттисками двух цилиндрических печатей, происходящих из поселения Таип-депе 1. В обоих оттисках имеется рисунок единоборства крупного горбатого быка со львом, припавшего передними лапами к земле и готового к прыжку. При этом не менее агрессивный вид имеет и бык с низко опущенной головой, выставивший вперед

[17] *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.

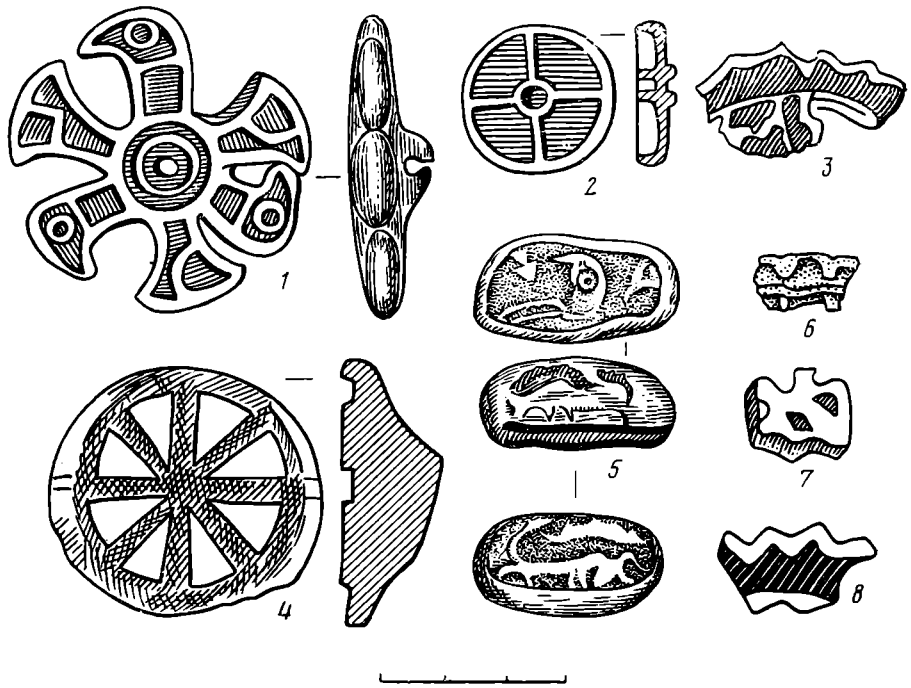


Рис. 9. Печати *1—3, 6—8* — металлические; *4* — глиняная; *5* — каменная

мощные рога. Между ними изображено дерево. Надо сказать, что это редкая для памятников Южного Туркменистана находка не имеет пока близких аналогий. Вместе с тем примечательно и то, что фигурка быка на данных оттисках, в особенности второго, полностью повторяет фигуру этого животного на одной из печатей рассмотренной нами выше (рис. 9, *5*).

На поселениях собрано большое количество других предметов материальной культуры. При этом следует отметить значительное количество металлических поделок, встречающихся почти на каждом поселении (рис. 11). Найден кусок металла (Аджи 3), по предварительному определению геологов являющийся медной заготовкой. Отметим также находку целого бронзового дуршлага (цедилки) с ручкой, обломок орудий труда и вооружения, зеркал, предметов украшения. Интересна находка хорошо сохранившегося рыболовного крюка (рис. 11, *20*).

Вместе с тем находки каменных орудий труда и оружия свидетельствуют о широком использовании этого дешевого сырья. Из вооружения отметим наконечники стрел и дротиков (рис. 11, *1—10*), к предметам, используемым в быту, относятся обломки всевозможных пластин из кремня, пестики, лощила, терки, бруски и др. Обнаружены обломки зернотерок, каменных сосудов, изготовлявшиеся как из светлых мраморовидных пород, так и зеленого стеатита. Археологически целый сосуд из этого материала в виде небольшого блюдечка орнаментирован снаружи резными треугольниками вершинами вниз, заполненными внутри косой сеткой (рис. 12, *12*). Из камня вытачивались бусы, прясла, большинство из которых орнаментировано тремя кружочками с каждой стороны. Бусы делались также и из полудрагоценных пород камня, при этом выбирались породы с различными цветами или оттенками, придающими красивый вид украшениям (рис. 12, *7, 8*).

Изделия из глины представлены пряслами биконических и усеченно-конических форм, иногда с резным орнаментом, обломками глиняных колесиков со ступицами от моделей повозок. В одном случае найдена даже сама повозка, в виде обломка обожженной глины удлиненных форм, с невысоким бортиком и со сквозным отверстием снизу. Интересна также

Рис. 10. Каменная печать из зеленого стеатита

находка глиняной модели «сапожной колодки» с отогнутым вверх носком, аналогии которой встречены в североафганских поселениях [18], а также в Шахри-Сохте [19].

Переходя к рассмотрению аналогии, напомним, что керамика была разделена нами на два самостоятельных комплекса. Первый, как известно, происходит из поселений Келлелинского оазиса и представлен сосудами, изготовленными на гончарном круге с большим профессиональным мастерством. В комплексе отсутствует посуда ручной лепки (кроме кухонной) и сероглиняная керамика, которая хотя и много реже, но встречается в керамике второго комплекса. В то же время на территории Мургаба мы пока не знаем местных корней для развития этого керамического комплекса. Известно, что в прилегающих к нему территориях Северного Афганистана и Южного Узбекистана, где выявлено достаточное число памятников с аналогичной материальной культурой, также нет предшествующей им линии развития. Более того, судя по некоторым данным, они несколько более поздние по сравнению с комплексом керамики Келлели. Поэтому основные линии аналогий уводят нас в предгорья Капетдага, где памятники бронзового века получили свое развитие на основе местных культур с тысячелетними традициями. Уже сейчас многолетние раскопки поселений в этом районе, и в первую очередь Алтын-депе, позволили исследователям предложить предварительную хронологию эпохи развитой бронзы в пределах комплекса Намазга V [20]. На ранних стадиях этого комплекса основными, причем преобладающими, формами сосудов являются изделия биконических форм с острым ребром [21], что, по справедливому замечанию исследователей, связано с еще недостаточным освоением быстровращающегося гончарного круга. Позже, с накоплением навыков и опыта работы с этим станком, ассортимент глиняной посуды значительно

[18] *Сариниди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы, с. 65.

[19] *Tosi M.* Excavations at Shahr-i-Sokhta. Preliminary Report on the Second Compaigu.— EW, 1969, № 3—4, fig. 201—206.

[20] *Массон В. М.* Раскопки Алтын-депе 1969 г. Ашхабад, 1970.

[21] Там же, с. 20.

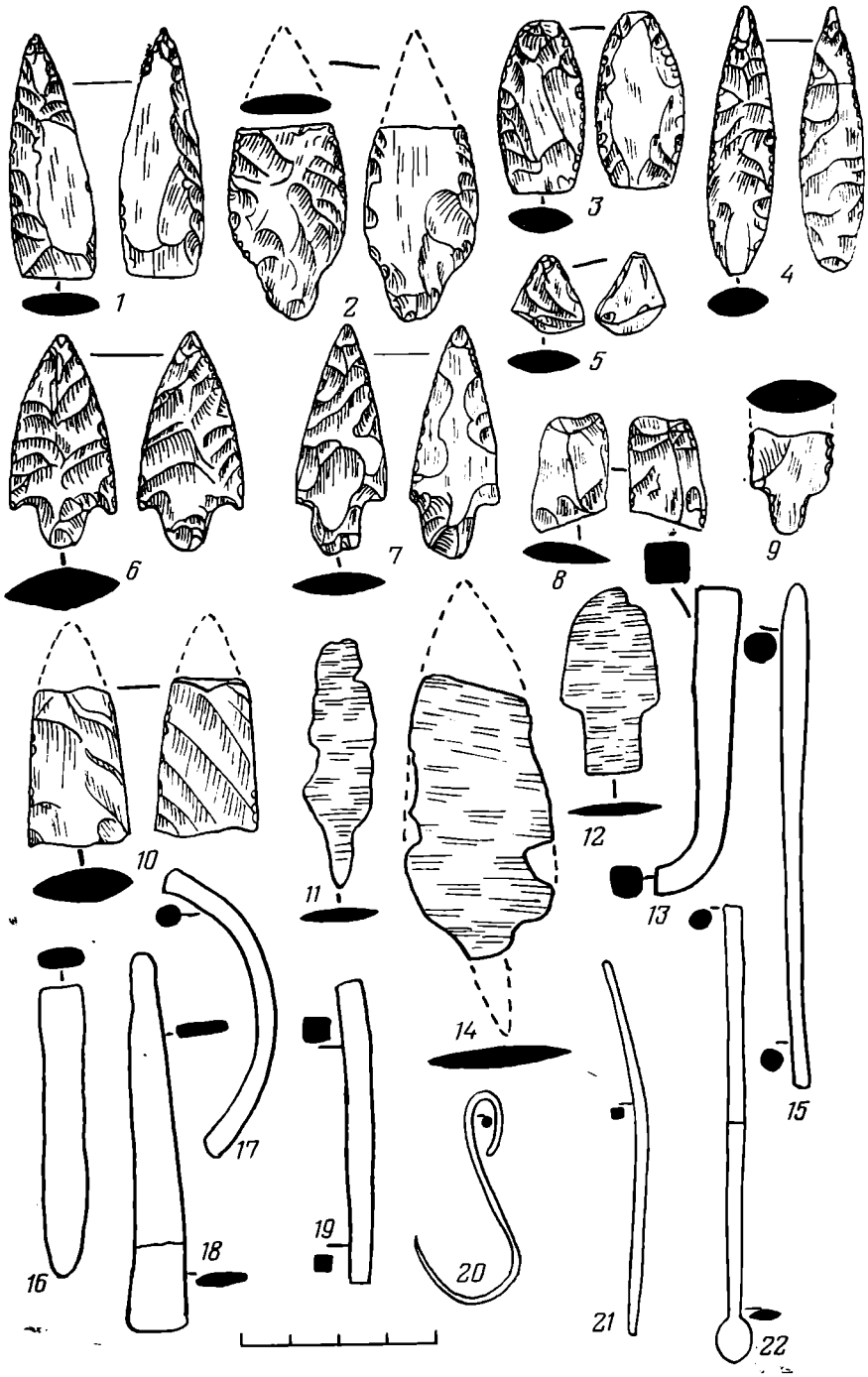


Рис. 11. Различные находки

обогащается: появляются различные вазы, кубки, бокалы, чаши, миски и целый ряд других сосудов изящных форм и пропорций. Гончарный круг в это время, несомненно, уже обладал большой скоростью, способствующей центрированию и вытягиванию стенок сосудов [22]. В дальнейшем отмечается уменьшение количества остроребериых сосудов, их форма приобретает иные пропорции, они становятся менее изящными, появляются такие формы посуды, как кувшины, горшки, глубокие чаши и др. [23] Мож-

[22] *Сайко Э. В.* К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971; *ее же.* Технологическая характеристика керамики развитой бронзы на Алтын-депе.— КД, № 4, 1972, с. 143.

[23] *Масимов Н. С.* Керамическое производство эпохи бронзы..., с. 68, 69.

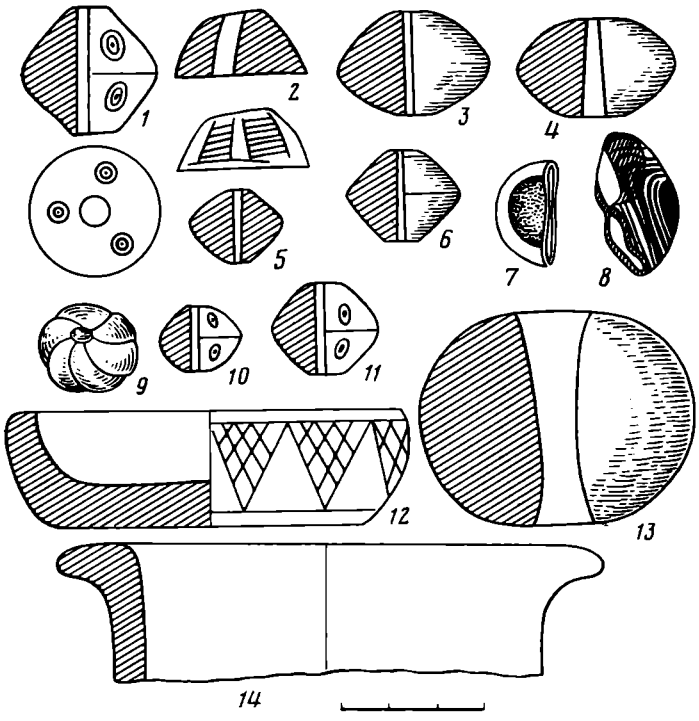


Рис. 12. Различные находки

но сказать, что именно с этим этапом развития гончарного производства Алтын-депе обнаруживают близкое сходство и материалы Келлели. В комплексе керамики из этого оазиса пока не встречено остроребер-ных сосудов. Зато мы находим бокалы с характерным ломанным профилем венчика, аналогичные бокалам, в большом количестве встречаемым на Алтын-депе [24]. Сюда же следует добавить и глубокие чаши с приостренным венчиком, а также стаканоподобные сосуды [25]. Отмеченное сходство наблюдается не только в посуде, но и в других предметах материальной культуры. Так, например, терракотовая пластика Келлели изображает фигурки женщин с высокой прической или головным убором, что типично для статуэток Алтын-депе [26], хотя нужно отметить, что налепные косы, характерные для терракот подгорной полосы, пока не встречены на скульптурах келлелинских поселений. Между тем условно плоскостной стиль, являющийся традиционным каноном в изготовлении этих культовых объектов в древней Южной Туркмении [27], как мы видим, полностью сохранен в статуэтках Келлели. Список аналогий можно продолжить и на примере металлических изделий, каменных и глиняных поделок, характерных для обоих этих районов. Даже такая, казалось бы, редкая форма, как спаренные сосуды, более характерная для областей к югу от Туркменистана (Шах-Тепе, Сузы), представлена на Алтын-депе [28] и Келлели.

Целый ряд аналогий находим и в материалах другого крупного поселения — Намазга-депе, и прежде всего в комплексах керамики времени

---

[24] Там же, с. 59, рис. 8, *6*, *10*, рис. 10, *10*; *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе.— СА, 1967, № 4, с. 216, рис. 7.

[25] *Масимов И. С.* Керамическое производство эпохи бронзы..., рис. 8, *4*, *5*, *7—9*, рис. 10, 11, 18; *Массон В. М.* Раскопки Алтын-депе в 1969 г., рис. 8, *9*.

[26] *Массон В. М.* Раскопки Алтын-депе в 1969 г. с. 13, рис. 9, *10*.

[27] *Массон В. М., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.

[28] *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе..., с. 216, рис. 7, *12*; *Масимов И. С.* Керамическое производство эпохи бронзы..., с. 62, рис. 10, *15*.

Намазга V, выявленных на этом поселении еще Б. А. Куфтиным [29], затем обобщенных В. М. Массоном [30]. Гофрированные ножки ваз, найденные на Келлели, здесь являются характерными деталями таких сосудов, причем имеющих различные варианты форм и пропорций [31]. Следует отметить также типичные для Намазга V бокалы, чаши, тагора, сосуды со сливами и др. [32] Характерна для этого поселения антропоморфная и зооморфная пластика, имеющая сходство с материалами Келлели [33].

За пределами Туркменистана основные аналогии келлелинскому комплексу мы находим в Северо-Восточном Иране, где в это время в отличие от областей Южного Туркменистана решительно преобладает черная серолощеная керамика. Тем не менее показательны например, формы глубоких ваз на конической ножке и чаши с плоским дном, происходящие из слоя Гиссар III [34]. Ряд аналогий келлелинскому комплексу имеется и в Шах-Тепе. Таковы, в частности, вазы на ножке, но особенно близки двойные сосуды [35], кстати в большом количестве встречающиеся и в Сузах (Некрополь, слои II периода) [36], в соседней Месопотамии (Хафаджа, холм С) [37] и др. Определенные и достаточно заметные линии связей келлелинского комплекса можно найти и в районе Сеистана, и дальше на восток — в городах харапской культуры долины Инда.

Однако наиболее близкие аналогии сосудам Келлели мы находим в ближайших к нему районах Северного Афганистана и Южного Узбекистана. Так, вазообразные сосуды на высокой ножке на поселении Дашлы I составляют около 80% всей учтенной столовой посуды [38]. Здесь же можно найти аналогии бокалам и другим сосудам. Вместе с тем нельзя не заметить отсутствие в дашлинском комплексе гофрированных ножек ваз, а также глубоких чаш с усеченно-конической формы плоским дном и слегка приостренным венчиком, являющихся ведущими формами в керамике Келлелинского оазиса. Отметим также полное отсутствие терракотовой пластики на североафганских поселениях, хотя в других отношениях их культура близка материалам поселений Южного Туркменистана.

Сходная картина наблюдается при сопоставлении с южноузбекистанским поселением Сапалли-Тепе [39]. Любопытно, что керамика этого поселения нередко имеет лощение, что не характерно для памятников Афганистана и низовьев Мургаба.

Еще больше сходства с материальной культурой юго-восточных районов обнаруживает второй мургабский комплекс керамики. Так, многочисленные кубки на высокой конической ножке, встречаемые на многих поселениях к югу от Келлели, являются одной из ведущих форм как в

---

[29] *Куфтин Б. А.* Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау.— Изв. АН ТССР, сер. обществ. наук, № 1. Ашхабад, 1954; *его же.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных, оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— ТЮТАКЭ, т. VII, 1958.

[30] *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— ТЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956.

[31] *Масимов И. С.* Комплекс керамики из раскопа А-I поселения намазга-депе.— В сб.: Материальная культура Туркменистана, вып. 2. Ашхабад, 1974, с. 41, рис. 1.

[32] Там же, с. 42—52, см. также рис. 3 и 4.

[33] *Массон В. М., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы..., с. 173—178, 191.

[34] *Smidt E.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, p. 178, pl. XXXVII, H. 5021, p. 182, pl. XLI, H. 3509, pl. XLII, H. 3506, H. 4115.

[35] *Arne T.* Excavations at Shah-Tepe. Stokholm, 1945, p. 156, № 1430, 1431, p. 199, pl. LX, fig. 393.

[36] *Mecquenet R.* Cataloque de la ceramique peinte Sucienne.— Memoires de la Mission Archeologique de Persse, t. XIII. Paris, 1972, p. 45, pl. XXXII.

[37] *Delougaz P.* Pottery from the Diyala Region.— Oriental Institute Publication, v. LXIII. Chicago, 1952, p. 40, C. 634.253, p. 45, C. 634.373.

[38] *Кругликова И. Т., Сарианиди В. И.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий.— СА, 1971, № 4, с. 158; *Сарианиди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы.— СА, 1974, № 4, с. 59, 60.

[39] *Аскаров А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973, с. 73—81, табл. 15—18, 22.

Сапалли[40], так и на поселениях типа Дашлы[41]. Близкие аналогии находят также чаши со сфероконическим туловом и желобообразным сливом, чайники, отдельные формы горшков, хумча. Отметим полное сходство приземистых с выпуклым туловом хумча, найденных на Дашлы[42], с такими же сосудами, часто встречаемыми в мургабских поселениях, в частности в погребении на Аджи-куи. В то же время характерные для указанных районов и второго мургабского комплекса кубки на высокой ножке пока не найдены на Келлели, а глубокие чаши усеченно-конической формы, выявленные в керамике этого района, пока не встречены в поселениях к югу от Келлели и на территории Бактрии[43].

Близость материальной культуры североафганских памятников с мургабскими отражается не только в керамике. Сходство мургабских печатей с североафганскими уже отмечалось в литературе[44]. Правда, оттиски цилиндрических печатей, упомянутые нами выше, несомненно, имеют месопотамские параллели[45]. Отметим находку на поселениях типа Дашлы каменного сосуда из зеленого стеатита с невысоким бортиком, орнаментированного снаружи[46], различных прясел-бус биконических форм с кружковым орнаментом[47], металлических украшений[48] и др. Наконец, общим для двух районов можно считать наличие сероглиняной керамики, правда, отсутствующей на Сапалли-Тепе.

Анализ находок, прежде всего керамики, позволяет предварительно выделить два района, несколько отличающиеся друг от друга. Различия эти, видимо, носят хронологический характер. Наиболее ранний из них, Келлелинский оазис, изолированный от основной массы памятников, дельты Мургаба, по своей культуре тяготеет к памятникам подгорной полосы Копетдага. Это ярко проявляется в сходстве керамического материала, терракотовой пластики, металла и других предметов материальной культуры. Второй комплекс, представленный поселениями к югу от Келлели, близок к североафганским и южноузбекистанским и, на наш взгляд, им одновременен. Об этом свидетельствует ряд форм керамики (кубки), печати, каменные и глиняные поделки. Вместе с тем основные корни этого комплекса, как нам кажется, также восходят к материальной культуре поселений подгорной полосы Копетдага и памятников Келлелинского оазиса. Исходя из этого, первый комплекс, представленный памятниками Келлели, учитывая находки в этом комплексе незначительного количества керамических подставок, мы считаем возможным относить к концу первой — второй четверти II тысячелетия до н. э., а второй комплекс ориентировочно датировать серединой II тысячелетия до н. э.

Конечно, предложенная датировка еще требует своего уточнения. Вместе с тем исследованные памятники, несмотря на незначительные культурные слои, предстают перед нами с ярко сложившимся хозяйством и культурой. Отличная гончарная посуда, великолепные предметы из металла, изделия, выточенные из камня, и глиняные поделки, выполнен-

---

[40] Там же, с. 75, рис. 3, III тип, табл. 16, *2*, *9*, *10*, *13* и др.

[41] *Сариниди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы, с. 61, рис. 7, III, тип 2-Б.

[42] Там же, с. 62, рис. 8, XIII, *4*.

[43] К сожалению, большая фрагментарность керамики, полученной с мургабских поселений, в отличие от комплексов Дашли и Сапали-Тепе не позволяет дать конкретной сравнительной характеристики описываемых комплексов, а также затрудняет сопоставление их с материалами указанных памятников.

[44] *Сариниди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.

[45] Поразительное сходство с этими оттисками обнаруживает оттиск цилиндрической печати из поселения Римах в Ираке. На нем изображены две пары фигур в длинных одеждах с поднятыми руками, обращенными к солнцу, нарисованному между ними сверху. Пространство между ними заполнено сценой борьбы горбатого быка со львом, над которым нанесен жгутовидный орнамент. См. *Parker B.* Sylinder seals from Tell at Rimah.— Iraq, v. XXXVII, part I. London, 1975, p. 34, pl. XVII, *43*.

[46] *Сариниди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы..., рис. 1.

[47] Там же.

[48] Там же, с. 67, рис. 12.

ные с большим мастерством, лишний раз свидетельствуют о развитом уровне ремесла. Несомненно, что основную роль в экономике хозяйства здесь играло земледелие, тем более что этому благоприятствовали как большие земельные площади, так и достаточное для орошения полей количество воды из русел и многочисленных протоков Мургаба. Выходя на равнину, эта река рассеивала свой сток, разбиваясь на рукава и образуя в устьевой части субэральные дельты [49]. Вместе с тем есть все основания полагать, что здесь могли сооружаться и простейшие по своей конструкции оросительные системы, которые были по силам отдельным общинам и с помощью которых мог осуществляться многоразовый полив засеиваемых участков. Подобную картину можно наблюдать на примере энеолитических поселений Геоксюрского оазиса [50], расположенных в дельте Теджена, морфологические черты которого находят много общего с Мургабом. Помимо земледелия немаловажную роль, видимо, играло и животноводство, на что указывает многочисленный остеологический материал с поселения Келлели 1. Причем в отличие от Алтын-депе здесь преобладают кости домашней свиньи. Судя по находкам бус из полудрагоценных камней и ряда металлических изделий, население низовьев Мургаба имело торговые связи с соседними территориями. Именно весьма интенсивные торговые связи с высокоразвитыми цивилизациями способствовали ускорению темпов исторического развития прилегающих областей «варварской» периферии, расположенных между Месопотамией и Индией [51]. Не имеющая своей рудной базы территория Южного Туркменистана, несомненно, находилась в зависимости от других металлургических очагов [52], и, вполне возможно, как это видно на примере находки медной заготовки, такие полуфабрикаты привозились из отдельных районов и уже на месте пускались в обработку.

Судя по материальной культуре, мургабские поселения основаны выходцами из подгорной полосы Копетдага, причем переселение на новые места, видимо, происходило по крайней мере в два этапа. На первом небольшая группа людей осела на такыре Келлели, затем несколько позже основная часть населения заняла обширную территорию к югу от уже заселенного оазиса.

I. S. Masimov

ON THE BRONZE AGE SITES OF THE LOWER MURGAB

Summary

At present a number of new Bronze Age settlements have been discovered in the lower Murgab area.

The author has tentatively singled out three types of ancient Margiana settlements differing by area and interior micro-relief. The most part of the mounds have a thin cultural deposit which have not been covered by later layers and thereby they might be referred to one historical period. The investigation of archaeological material proves the existence of two separate complexes belonging to different periods.

One of them belongs to the end of the first — the beginning of the second quarter of the II millenium B. C., the second — to the middle of the II millenium B. C. The results confirm the hypothesis of V. M. Masson about the colonisation of the Murgab delta by the tribes from foothills of the Kopetdag. Both, the first (Kelleli) and the second (the hills lying to the south of it) complexes have very close analogies with the culture of Kopetdag foothills in the Bronze Age. Some specific culture traits of the tribes to the South of Kelleli have some bactrian parallels although the influence of local agricultural population is also present.

[49] Равнины и горы Средней Азии и Казахстана. Геоморфология СССР. М., 1975, с. 37.

[50] *Лисицина Г. Н.* История орошаемого земледелия в Южной Туркмении.— УСА, № 1, 1972, с. 13; *ее же.* История орошаемого земледелия эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

[51] *Массон В. М.* Обмен и торговля в первобытную эпоху.— ВИ, 1973, № 1.

[52] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966, с. 87.

Л. С. ИЛЬЮКОВ

КУРГАН БРОНЗОВОГО ВЕКА НА МИУССКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В 1975 г. Миусская экспедиция Ростовского университета под руководством Л. М. Казаковой исследовала курган 1 у хут. Гаевка-Каймакчи на левом берегу лимана, на территории Миусского полуострова [1]. Высота кургана 1,5 *м*, диаметр 36 *м*. Он отличался сложной стратиграфией. Увеличение грунтовой насыпи сопровождалось строительством надмогильных каменных оград [2]. Расчленить свиту подсыпок ввиду пестроты грунта было, за редким исключением, невозможно. Так, удалось проследить, что при сооружении монументальной многоступенчатой ограды, самой крайней, связанной с погр. 14, поверх насыпи древнего кургана были сделаны локальные земляные подсыпки.

В кургане открыто 51 погребение [3], из них наиболее интересны 26 погребений с каменными конструкциями эпохи бронзы [4] (рис. 1, Приложение). Поскольку в этом кургане присутствуют разновременные погребения эпохи поздней бронзы, можно наметить этапы развития погребального обряда и могильных конструкций и тем самым конкретизировать одну из страниц древней истории Миусского полуострова.

Приводимая ниже группировка погребений отражает эволюцию курганного могильника в эпоху поздней бронзы. Вначале рассмотрим наиболее ранние комплексы, в которых костяки ориентированы головой на запад, а затем обратимся к погребениям, которые хронологически несколько позже первых. В этих могилах погребенные ориентированы головой на восток.

К первым относятся могилы 8, 9, 18. Рядом, почти вплотную с погр. 8, расположено погр. 11, но здесь скелет взрослого человека ориентирован на восток, а не на запад. Тем не менее каменный наброс, одинаковый уровень дна могильных ям, общие черты погребального обряда и положения скелетов — все позволяет рассматривать обе могилы как нечто единое. Все погребения описываемой группы имели надмогильные сооружения [5] — каменную наброску, под которой находилось пере-

[1] Автор выражает искреннюю признательность Л. М. Казаковой, разрешившей опубликовать новые материалы.

[2] Многие из них полуразрушены, поэтому часть оград затруднительно связывать с какими-то определенными погребениями.

[3] В том числе 20 погребений средневекового мусульманского кладбища. Основное древнейшее погр. 46, с которым связан материковый выкид, полностью разрушено норами животных.

[4] Аналогичные погребения известны в соседних курганах (3, 4, 6) этого могильника. Они встречаются и в других курганных группах, исследованных на Миусском полуострове (*Казакова Л. М., Капылов В. П., Науменко С. А., Прохорова Т. А.* Исследование курганов в зонах строительства Донской и Миусской систем.— АО — 1974, М., 1975, с. 109).

Для сооружения оград, наброска и закладов был использован рваный ракушечниковый камень, а также несколько песчаниковых булыжников.

[5] Погребение 18 полуразрушено и некоторые детали могильной конструкции не совсем ясны.

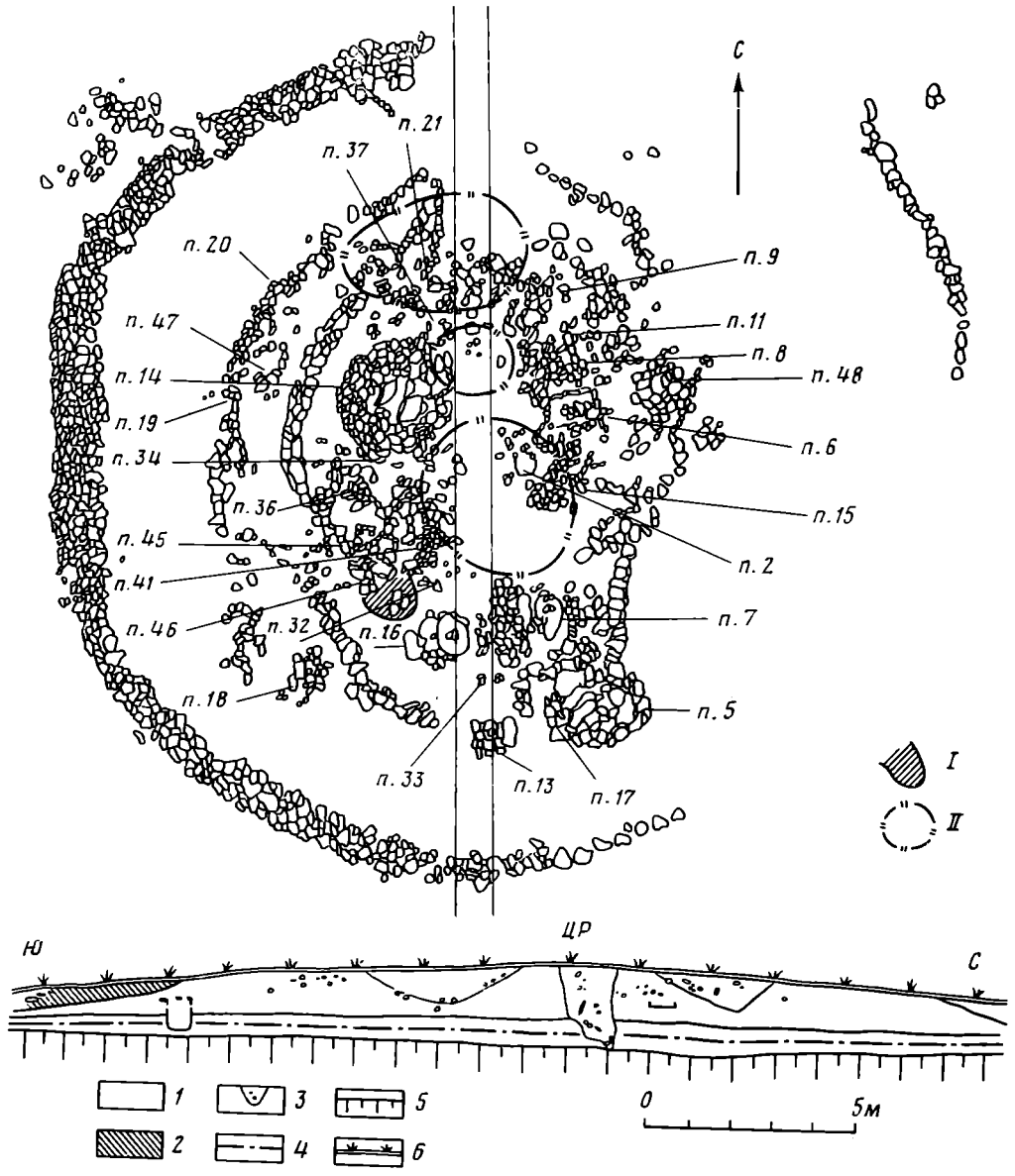


Рис. 1. План кург. 1 у хут. Гаевка-Каймакчи. I — выкид из основного погр. 46; II — грабительские воронки; *1* — насыпь; *2* — подсыпка, связанная с погр. 14; *3* — грабительская воронка; *4* — погребенная почва; *5* — материк; *6* — гумус

крытие из деревянных плах (погр. 8, 11) или каменных плит (погр. 9). интересно, что вокруг плит в погр. 9 была двух-трехъярусная выкладка из небольших камней, а также, видимо, ограда шириной в два-три камня, расположенная в 2—2,5 *м* севернее самой могилы. Глубина могильных ям всего лишь 0,3—0,4 *м* от древнего горизонта. Погребенные лежали на древесном тлене скорченно на левом боку. В погребальном ритуале использовался огонь. Следы его открыты на плашках перекрытия, пятна гари заметны на костях; в одном случае кучка угольков отмечена за спиной погребенного (рис. 2, *3*), только в погр. 9 найдено два сосуда: маленький горшочек со слабовогнутым дном и с двумя отверстиями для подвешивания и обломок баночного сосуда усеченно-конической формы (диаметр устья 18 *см*).

По особенностям погребального обряда очень близка к описанным погребениям могила 21. Здесь тоже был каменный наброс, ограниченный

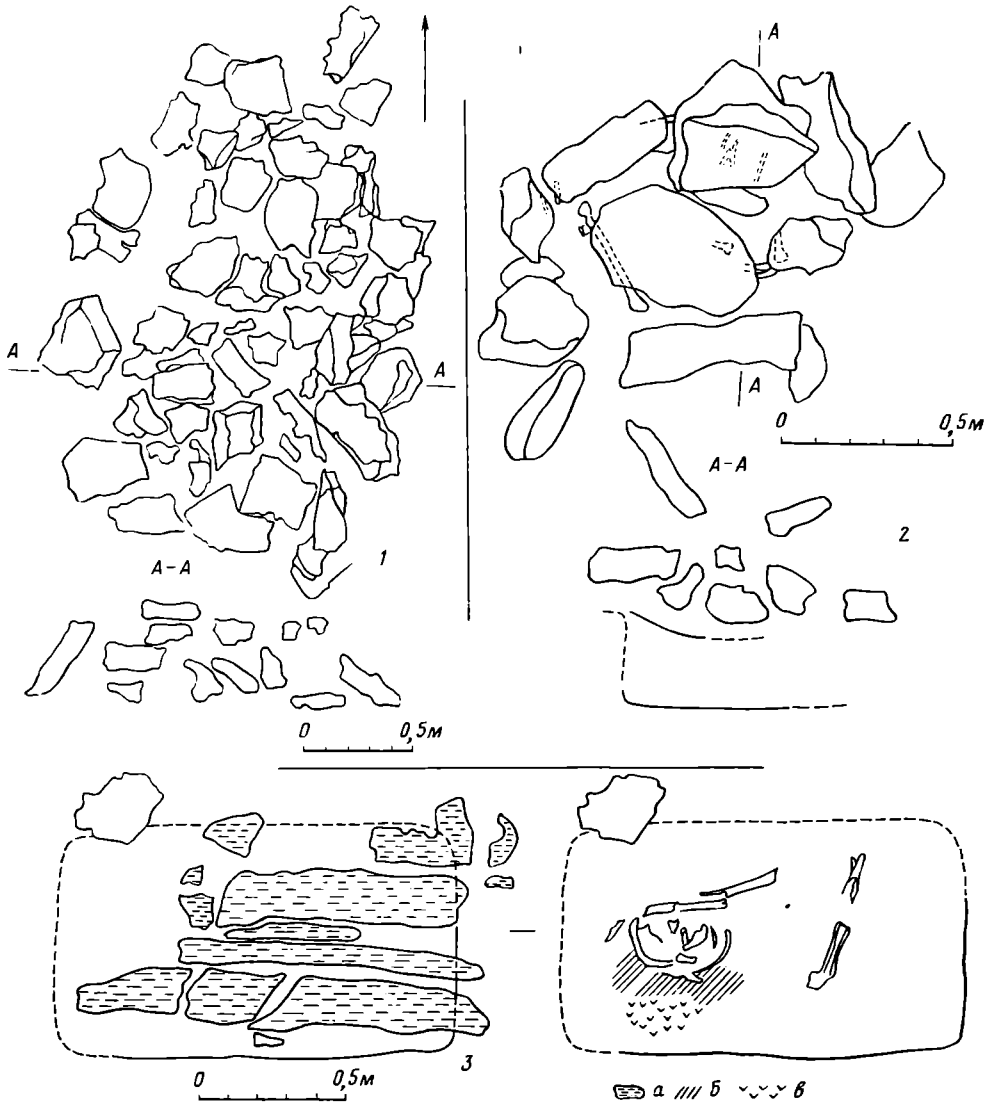


Рис. 2. Курган у хут. Гаевка-Каймакчи. *1* — погр. 15; *2* — погр. 21; *3* — погр. 8; *а* — деревянное перекрытие; *б* — подстилка; *в* — древесные угольки

камнями, поставленными на ребро, деревянное перекрытие над ямой, глубина которой 0,3 *м*, следы огня, древесная подстилка, на которой лежал скелет человека на левом боку, ориентированный головой на восток (рис. 2, *2*).

В погр. 15 открыт каменный наброс — кенотаф. Камни лежат на древней дневной поверхности, под ними зафиксирован тлен от деревянных плах, скелет не найден. Длинной осью могильное сооружение ориентировано по линии СВ-ЮЗ (рис. 2). Его южный край перекрывается каменным ящиком погр. 6.

Большую группу составляют погребения, в которых скелеты ориентированы головой на восток. Над могилами сооружены плиточные заклады.

Это два детских погребения (13 и 17). Их заклады состоят из небольших камней, среди которых имеется одна-две плиты (рис. 3, *3*). Лучше сохранившийся заклад был округлой формы, диаметр около 1,1 *м*. Погребенный в могиле 17 лежал на древесной подстилке, под скелетом в погр. 13 такой подстилки не замечено. В погр. 13 прослежены следы

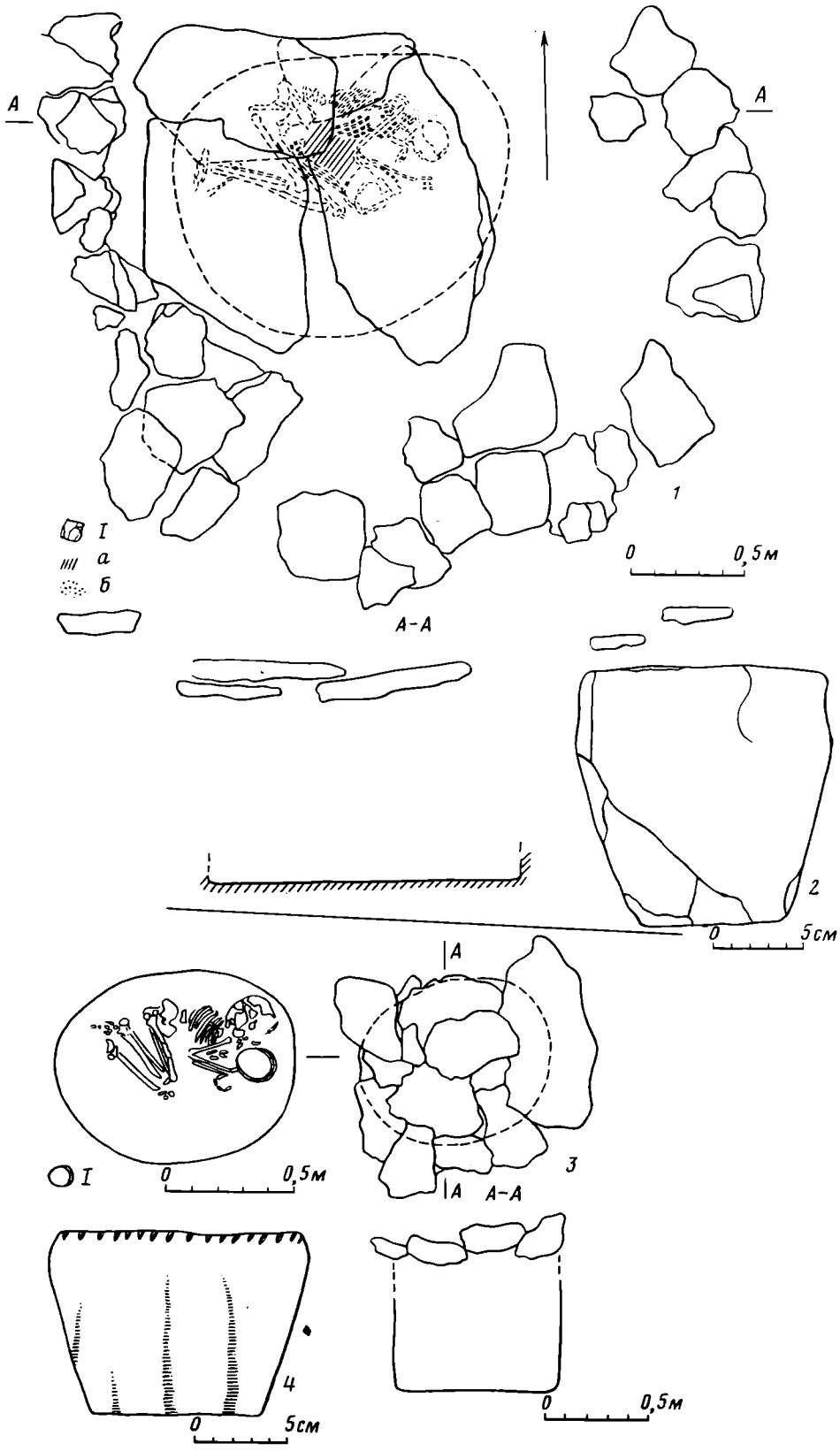


Рис. 3. Курган у хут. Гаевка-Каймакчи. *1* — погр. 7; I — сосуд из погр. 7; *а* — подстилка; *б* — охра; *2* — сосуд из погр. 7; *3* — погр. 13: I — сосуд; *4* — сосуд из погр. 13

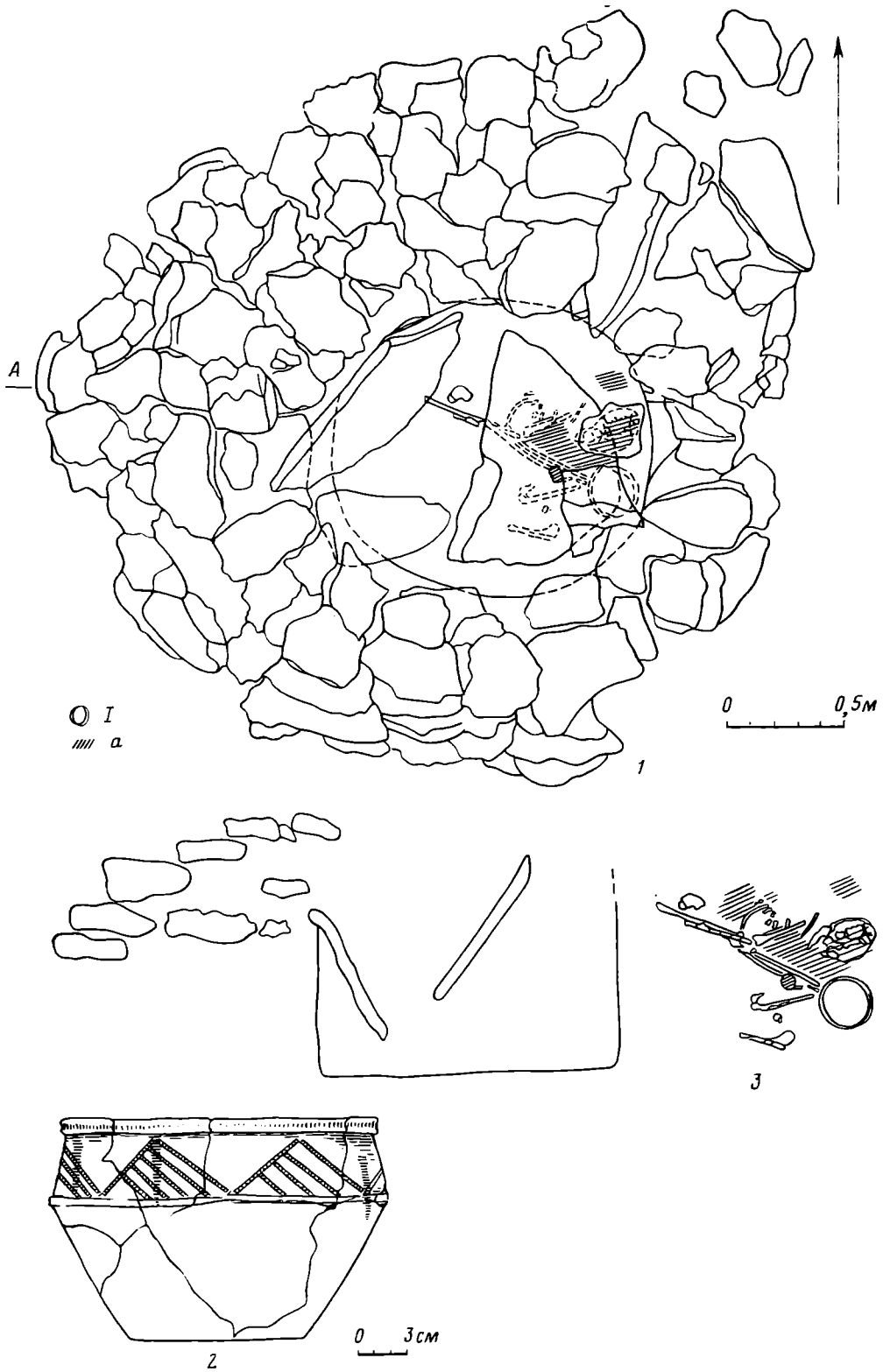


Рис. 4. *1* — погр. 14: I — сосуд; *а* — древесный тлен; *2* — сосуд из погр. 14

бурой охры на берцовых костях. Здесь найден баночный сосуд, покрытый по тулову бурыми пятнами и потеками (рис. 3, *4*). Погребение 17 оказалось перекрытым могильным сооружением погребения 5.

Пять погребений (7, 16, 20, 41, 48) помимо плиточных закладов имеют каменные ограды, правда, многие из них разрушены. Каменные

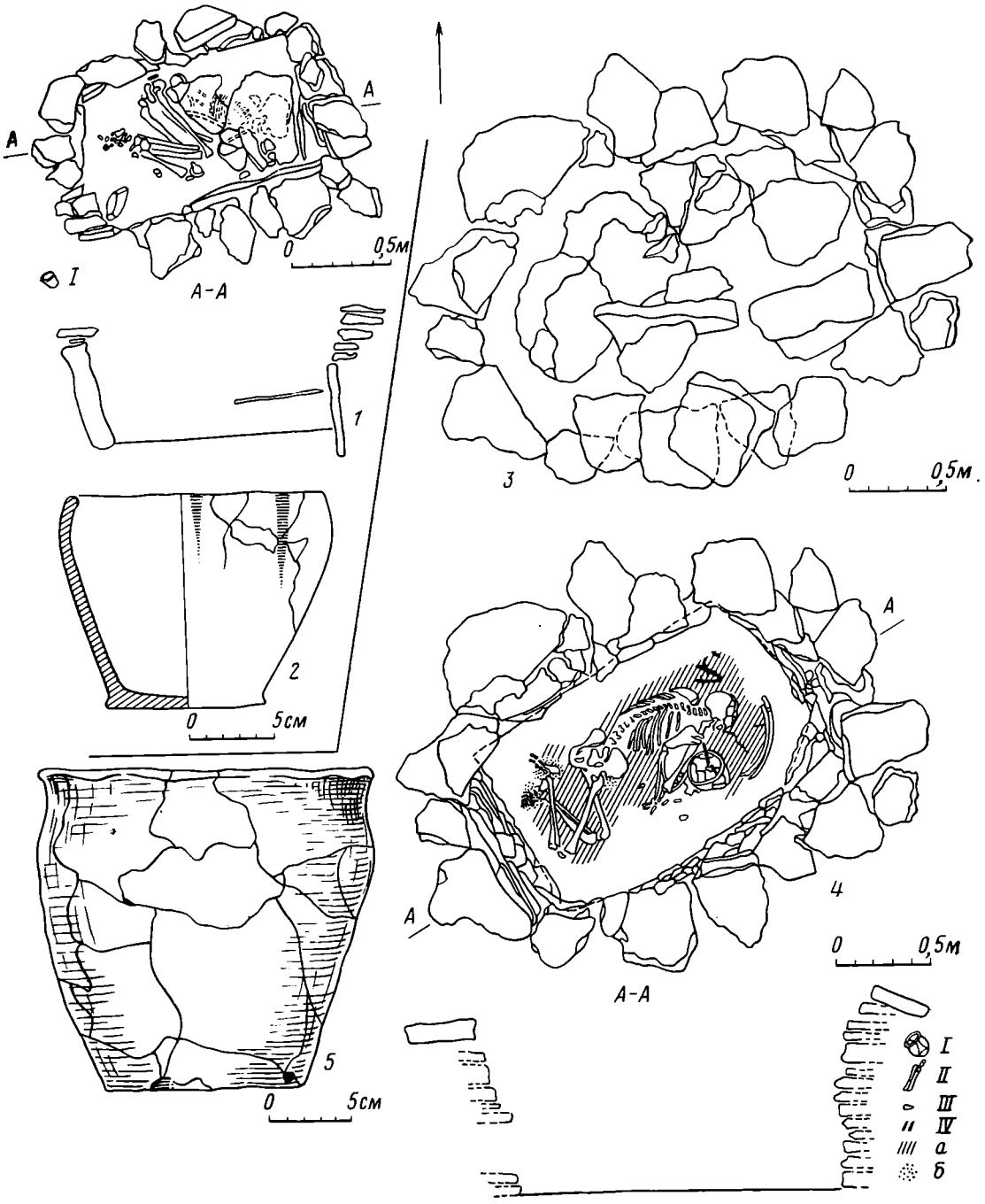


Рис. 5. *1* — погр. 6: I — сосуд; *2* — сосуд из погр. 6; *3* — заклад погр. 5; *4* — погр. 5: I — сосуд; II — кости животных; III — обожженные кости животных; IV — деревянные стерженьки и плашки; *а* — подстилка; *б* — охра; *5* — сосуд из погр. 5

заклады перекрывали грунтовые овальные ямы, имеющие глубину около 1 *м*. В могилах обнаружены скелеты взрослых и подростка, лежавшие на древесных подстилках на левом боку скорченно. У одного скелета на берцовых костях и возле черепа замечены крупинки бурой охры. В могилах находились неорнаментированные (в одном случае украшенный пояском пальцевых защипов) сосуды со слабо выделенной шейкой (рис. 3, *2*). У орнаментированного сосуда дно слегка вогнутое. Во всех горшках на дне был толстый слой нагара. Кроме керамики найдена бронзовая височная спиральпая подвеска в 1,5 оборота из очень тонкой проволоки.

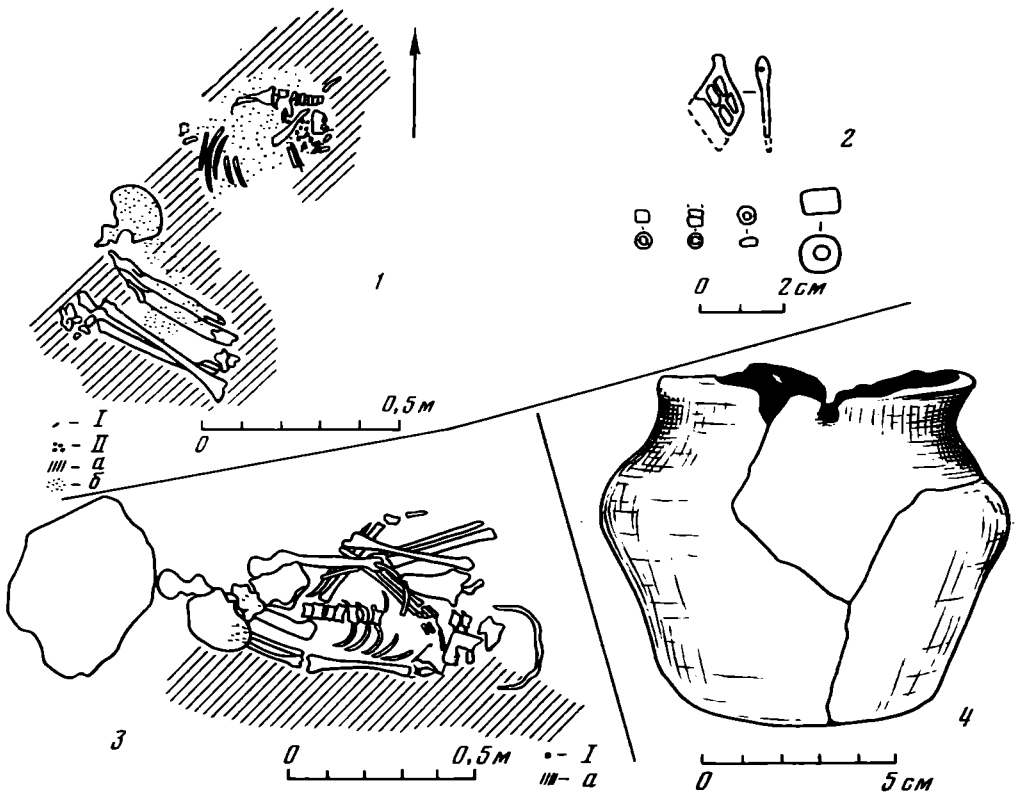


Рис. 6. *1* — погр. 45: I — подвеска; II — бусы; *а* — древесный тлен; *б* — охра; *2* — подвеска и бусы из погр. 45; *3* — погр. 37: I — подвеска; *а* — камышовый тлен; *4* — сосуд из погр. 9

Над погр. 19, по-видимому, надмогильная конструкция отсутствовала. Скелет взрослого человека имел скорченное положение на левом боку, головой на восток. Здесь найдены три фрагмента — стенки лепного сосуда.

Монументальностью конструкции отличается погр. 14 (рис. 4, *1*). Это сооружение, воздвигнутое над круглой грунтовой ямой, состоит из плиточного заклада и ступенчатого обрамления-выкладки из крупных камней. В плане каменная конструкция имеет овальную форму (по внешнему краю ширина 3,2 *м*, длина около 4 *м*); длинной осью она ориентирована по линии В-З. Верх погребального сооружения заужен (диаметр около 1,5 *м*) и в древности был закрыт массивной цельной плитой. Высота надстройки почти 0,8 *м*, глубина грунтовой ямы всего 0,6 *м*. С этим погребением связана многоступенчатая ограда, расположенная у подножья кургана[6]. За ее пределами, особенно с западной стороны, часто встречались кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота, иногда фрагменты лепной керамики и кремневые отщепы. Такие находки нередки и в центральной части насыпи. В могиле на древесной подстилке скорченно на левом боку лежал скелет взрослого. Череп погребенного был покрыт толстым слоем древесного тлена. Перед лицом стоял остроребериый горшок со слегка вогнутым дном, украшенный оттисками крупнозубчатого штампа и валиками. На его плечиках сохранились бурые потеки (рис. 4, *2*). Среди керамики он выделяется лучшим качеством изготовления. Аналогичный по качеству выделки, но без орнамента раз-

[6] Ограды, расположенные между погр. 14 и многоступенчатой оградой, очевидно, не связаны с погр. 14. В предварительной заметке они ошибочно рассматривались как ступеньки к склепу-погребению 14 (*Житников В. Г., Ильюков Л. С., Кавакова Л. М., Прохорова Т. А., Гончарова Г. Г.* Исследование курганов на Миусском полуострове.— АО — 1975, М., 1976, с. 122).

битый горшок найден около заклада погр. 14. Стенки его внутри и снаружи густо покрыты сажей.

Погребение 6 совершено в каменном ящике (рис. 5, *1*). Стенки сложены из камней и небольших плит. Останки подростка, скорченного на левом боку, были накрыты большой топкой плитой. Под скелетом зафиксированы пятна коричневатого тлена. Перед грудью стоял неорнаментированный баночный сосуд, покрытый бурыми потеками (рис. 5, *2*).

Под плиточным закладом, разрушенным во время позднейших перекопов, открыт скелет взрослого человека в необычной позе (погр. 37). Он находился как бы в сидячей позе (лицом к востоку), но туловище резко наклонено вперед, голова пригнута к ногам. Следы огня отмечены на костях скелета и в виде угольков в засыпи могилы. С южной стороны костяка прослеживалась широкая полоса истлевшего камыша (рис. 6, *3*). Под правой лопаткой найдена бронзовая каплевидная подвеска очень плохой сохранности.

В кургане открыто два погребения (5 и 45), где умершие ориентированы на СВ.

Оригинальную конструкцию представляет каменный ящик с плиточным закладом — погр. 5 (рис. 5, *3, 4*). Овальная выкладка-обрамление вокруг плиточного заклада выполнена из камней, являющихся продолжением стен ящика. По верху он имел овальную форму, а по дну приближался к прямоугольным очертаниям. Вокруг всего сооружения была ограда, сохранившаяся лишь частично к западу от заклада. В засыпи могилы найдены череп и кости ног коровы и три скопления птичьих костей. На подстилке из коры лежал скелет пожилого человека, скорченно на левом боку, завалившись на грудь, головой на ВСВ. Костяк слабо окрашен светло-красной краской, наиболее интенсивно — ступни. У лица около запястья левой руки и возле затылка был прослежен коричневатый тлен от тоненьких плашек и стерженьков, по-видимому, специально положенных там. В юго-восточном углу лежали два ребра крупного животного, покрытые пятнами сажи. Перед грудью находился неорнаментированный горшок со слоем нагара на дне (рис. 4, *5*). Возле него попадались обломки костей животных, некоторые со следами огня. Погр. 5 перекрывало погр. 17, в котором скелет ориентирован головой на восток.

Над могилой погр. 45 (рис. 6, *1*) находилось каменное сооружение, к началу раскопок представлявшее груду камней разной величины, среди них есть крупные обломки, по-видимому, куски плит. Под камнями отмечен тлен от деревянного перекрытия. Форма могильной ямы не прослежена. Костяк лежал скорченно на левом боку. Положение рук не установлено. Скелет слегка окрашен охрой, особенно ноги. В могиле зафиксированы угольки, пятна сажи встречались на костях. На шейных позвонках найдено ожерелье из мелких пастовых бус, с одной дисковидной халцедоновой бусиной и подвеской, по-видимому, из сурьмы ромбической формы с петелькой-ушком. Одна ее плоскость имеет решетчатый узор, вторая — гладкая (рис. 6, *2*).

Кроме описанных погребений в кургане есть еще могилы эпохи поздней бронзы (2, 32, 34, 36, 47, 51), но они сильно разрушены. Остатки могильных сооружений и некоторые детали обряда свидетельствуют об их принадлежности к рассматриваемой совокупности погребений с каменными конструкциями.

Конструктивно и по характеру погребального обряда могилы с каменными набросами, открытые на уровне погребенной почвы или чуть выше, несколько старше погребений с плиточными закладами, выявленными в насыпи этого кургана. Такое хронологическое соотношение подтверждается стратиграфией: погр. 6 перекрывает край погр. 15.

Если для погребений с набросами обычна западная ориентировка умерших, то в могилах с плиточным покрытием доминирует восточная

ориентировка. Однако несмотря на характерность западной ориентировки в погребениях с каменными набросами известна и восточная. С другой стороны, в одном случае (погр. 9) под плиточным закладом лежал скелет, обращенный головой в западную сторону. Отмеченные отступления от правила, возможно, объясняются преемственностью традиций между рассматриваемыми группами. Ее можно проследить на примере развития погребальных конструкций. Такими промежуточными формами между каменным набросом и плиточным закладом, по-видимому, являлись плиточные заклады, заваленные камнями (погр. 7, 9). Обращение к плиточному перекрытию, видимо, мотивировалось той же потребностью, что и при сооружении деревянного перекрытия в могилах с набросами (погр. 8, 21),— необходимостью отгородить наброску камней от останков покойного. Плиточное перекрытие сменило деревянное. Такая деталь, как ограждение овального наброса поставленными на ребро камнями, в конструкции с плитами выражалась в обрамлении последних одним или несколькими ярусами камней. Правда, кроме этого, вокруг плиточных закладов практиковалось сооружение оград, в техническом исполнении аналогичных выкладкам-обрамлениям. Один каменный ящик (погр. 6) строго прямоугольных очертаний в отличие от остальных могильных конструкций имел верхнюю окантовку из нескольких ярусов мелких камней, представляющую собой своеобразную выкладку-обрамление.

В могилах с плиточными закладами обращает на себя внимание положение рук погребенных: одна кисть руки находилась обычно не у лица, а перед животом или грудью. Только в двух случаях (погр. 14, 20) обе кисти помещались возле лица.

Об определенном сходстве рассматриваемых групп погребений свидетельствует употребление огня в погребальном ритуале, наличие под покойниками древесных подстилок, которые иногда заменялись слоем коры.

Так что несмотря на различия между погребениями с каменными набросами и плиточными закладами, обнаруживаются общие и к тому же существенные черты, указывающие на эволюцию погребений с набросами в погребения с закладами.

Два покойника в погр. 5 и 45 ориентированы головами не на восток, как обычно, а на северо-восток. На первый взгляд кажется, что это всего лишь вариант сезонных отклонений в ориентировках погребенных. Но, во-первых, есть один каменный наброс — кенотаф (погр. 15), ориентированный длинной осью СВ-ЮЗ. Во-вторых, погр. 15 перекрыто каменным ящиком (погр. 6), ориентированным СВВ-ЮЗЗ, но погребенный в нем подросток положен по диагонали ящика и тем самым сориентирован головой строго на восток. Каменный ящик погр. 5 тоже имеет отклонение к СВ, как и скелет человека, погребенного в нем. Интересно, что погр. 5 перекрывает могилу с плиточным закладом, в которой скелет ориентирован на восток. Ожерелье, найденное в погр. 45, свидетельствует о том, что захороненный здесь взрослый человек, по-видимому, хронологически моложе погребенных, имеющих строго восточную ориентировку. Взаимовстречаемость пастовых бус с сурьмяными, правда, треугольными подвесками, зарегистрирована в погребении у с. Иловатка (Нижнее Поволжье) (скелет человека ориентирован головой на север)[7]. Наиболее прямые аналогии миусской подвеске известны в древностях Северо-Восточного Кавказа. Там они тоже ромбической формы с решетчатым орнаментом, найдены в могильниках каякентско-хорочоевской культуры[8].

[7] *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, № 60, 1959, с. 222, рис. 8, *6*.

[8] *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, № 68, 1958, рис. 25, *17*; *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969, с. 69, рис. 28, *16*.

Пока трудно по материалам Миусского полуострова объяснить изменение строго восточной ориентировки покойников на северо-восточную. Например, для Нижнего Поволжья установлено, что срубные погребения с восточной ориентировкой сменяются погребениями, в которых скелеты ориентированы на север [9].

Интерес представляют несколько погребений, открытых под каменными набросами, имеющие характерные черты, присущие памятникам культуры многоваликовой керамики: неглубокие грунтовые ямы, древесные подстилки, слабая скорченность погребенных, ориентированных головами на запад. Интересен горшок, обнаруженный в погр. 9,— он совсем не похож на срубную посуду этого района. Хотя на этом сосуде отсутствует валиковая орнаментация, его форма находит себе параллели именно среди керамики многоваликового типа [10].

В 1974 г. на Миусском полуострове раскопано погребение (гр. IV кург. 2 погр. 3) с сильно разрушенной каменной конструкцией [11]. Положение скелета, ориентированного на запад, в этой могиле аналогично положению погребенных под каменными набросами кург. 1 у хут. Гаевка-Каймакчи. Костяк также был отгорожен от камней, но слоем камыша, а не дерева, под ним тоже была подстилка, только камышовая. Около руки найдено костяное кольцо, типичное для «многоваликовых» древностей.

На Донетчине открыты погребения в срубах и ямах с деревянными перекрытиями, со скорченными на боку и ориентированными на запад костяками, сопровождавшимися керамикой многоваликового типа [12]. В бассейне Нижнего Подонья также стали известны погребения с западной ориентировкой погребенных, которые сопровождаются костяными кольцами.

Положение погребенного в умеренно скорченной позе с кистями рук у колен хорошо известно в раннесрубных памятниках Нижнего Поволжья. Они выделены Н. К. Качаловой в бережновский горизонт срубных погребений [13]. В них отчетливо прослеживаются архаические черты полтавкинских традиций.

Погребения с плиточными закладами из кург. 1 у хут. Гаевка-Каймакчи имеют ряд существенных признаков, характерных для раннесрубных памятников: умеренная скорченность костяков, их восточная ориентировка, помещение кистей рук у лица, редкое использование в ритуале красной краски, остроребериая и баночная посуда и т. д.[14]

Сохранение архаических черт — каменная наброска и особенности использования огня в погребальном ритуале (погр. 21) и т. д.— свидетельствует о постепенном культурном переоформлении, изживании старых традиций культуры многоваликовой керамики в раннесрубное время.

Наши сведения об историческом развитии племен, населявших Миусский полуостров, существенно уточняются благодаря открытию и исследованию комплекса погребальных древностей в кург. 1 у хут.

---

[9] *Качалова Н. К.* Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

[10] *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой.— АСб. ГЭ, № 6, 1964, рис. 1, *4*; 2, *3*, *6*.

[11] *Казакова Л. М.* Отчет о полевых исследованиях в зонах строительства Миусской и Донской оросительных систем в 1974 году. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5417.

[12] *Писларий И. А.* Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры.— В сб.: Открытия молодых археологов Украины, ч. I. Киев, 1976, с. 19. Пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность И. А. Писларию за консультацию по культуре многоваликовой керамики.

[13] *Качалова Н. К.* Ук. соч.

[14] *Лесков О. М.* Зрубна культура.— В кн.: Археологія Української РСР, т. I. Київ, 1971, с. 406, рис. 115; *Шарафутдинова Э. С.* О погребениях срубной культуры на Нижнем Дону.— В сб.: Новейшие открытия советских археологов, ч. I. Киев, 1975, с. 100.

Гаевка-Каймакчи. Сложившаяся этноисторическая ситуация на Миусском полуострове, очевидно, была следующей. Погребения с каменными набросами, представляющие культуру многоваликовой керамики, явились тем субстратом, на который наслоились раннесрубные традиции, связанные с группой погребений с плиточными закладами. Прилив нового восточного населения, памятники которого на Нижней Волге выделены Н. К. Качаловой в бережновский горизонт [15], не привел к резкой смене культурных традиций на Миусском полуострове. Этот импульс скорее стимулировал развитие погребальных конструкций, о чем ярко свидетельствуют могилы с плиточными закладами из кургана у хут. Гаевка-Каймакчи. По-видимому, в этноисторическом плане все выразилось в ассимиляции пришлого и местного населения.

Мнение о том, что формирование срубной культуры на территории Украины происходило с участием племен культуры многоваликовой керамики, в настоящее время получает признание в трудах многих исследователей [16]. Б. А. Латынин даже считал, что памятники с керамикой многоваликового типа — это украинский вариант срубной культуры [17]. И. А. Писларий пришел к выводу, что сложение срубной культуры на Донце происходило «на местной основе — культуре многоваликовой керамики. При этом определенную роль сыграли племена срубной культуры Поволжья» [18]. Выделенный маевский локальный вариант срубной культуры на Днепровском Левобережье, по мнению И. Ф. Ковалевой и С. С. Волкобой, «возник на основе консолидации двух компонентов — местной культуры среднебронзовой эпохи, которая характеризуется многоваликовой керамикой, и андроновско-срубного инфильтрата» [19].

В свете рассмотренных концепций история раннесрубной культуры Миусского полуострова не представляет аномального явления.

L. S. Ilyukov

THE BRONZE AGE BARROW ON THE MIUSS PENINSULA

Summary

In 1975 the Miuss expedition of the Rostov University headed by L. M. Kazakova excavated barrow I near the Gayevka-Kaimaktchi hamlet on the left bank of the Miuss estuary.

The barrow contained 26 burials with stone structures typical of the late Bronze Age. These burials may be divided into two groups by the type of the stone constructions on the top of tombs: 1) the graves with heaps of stones and 2) the slab covered graves. Such division is also confirmed by distinction in the funeral rites and grave lots.

The two groups have certain similarities as well as points of difference: 1 — in the stone construction mentioned above of the tombstone, 2 — in the position of the skeleton, 3 — in the employment of funeral beddings 4 — in the use of ritual fire, 5 — in the furniture.

The similarity of the two funeral groups reflects their genetic succession. The burials of the Miuss peninsula topped with heaps of stones have analogies in the culture of «multi-roller pottery» and are a substratum overlaid with the early traditions, connected with the group of slab covered graves. The date of all these graves is the third quarter of the second millenium B. C.

[15] *Качалова Н. К.* Ук. соч.

[16] *Телегін Д. Я.* Питання відносної хронології пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я.— Археологія, XII, 1961; *Шарафутдінова І. М.* Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука.— Археологія, XVII, 1964; *Братченко С. Н.* Пам'ятки багатоваликової кераміки.— В кн.: Археологія Української РСР, т. I, Київ, 1971.

[17] *Латынин Б. А.* Ук. соч.

[18] *Писларий И. А.* Ук. соч., с. 19.

[19] *Ковальова І. Ф., Волкобой С. С.* Маївський локальный варіант зрубної культури.— Археологія, № 20, 1976, с. 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ погребения	Глубина погребения от ЦР, м	Каменная конструкция	Могильная яма		Положение скелета	Ориентировка	Подстилка	Инвентарь	Примечание
			форма ямы	размер, м					
2	–	Разрушенный	–	–	–	–	–	–	Могила разрушена
5	2	заклад, ящик с закладом и оградой	По верху овал, по дну – прямоугольник	По дну 1,15×1,70	Скорчен на левом боку	В	+	Горшок, деревянные плашки	В засыпи кости трех птиц, череп и фаланга коровы, фрагмент керамики; костяк слабо окрашен охрой; кости животных на дне могилы
6	1,2	Ящик с закладом под наброской камней,	Прямоугольный	0,7×1,1	Скорчен на левом боку	В	+	Баночный сосуд	
7	2	заклад с оградой	Овальная	1,2×1,5	»	ЮВВ	+	То же	Около таза и на стопах следы бурой охры
8	1,35	Наброс камней над деревянным перекрытием	Подпрямоугольная	0,7×1,3	То же	З	+	–	За спиной кучка угольков
9	1,35	Наброс камней над плиточным закладом и ограда	Округлая	Диаметр около 1,5	»	ЮЗЗ	+	Горшок и фрагмент баночного сосуда	
11	1,3	Наброс камней над деревянным перекрытием	?	–	»	В	+	–	На костях следы золы
13	2	Заклад	Овальная	0,7×0,9	»	В	+	Баночный сосуд	На костях ног следы бурой охры
14	1,6	Заклад и ограда	Округлая	Диаметр 1,3	»	В	+	Остроребериый горшок	На черепе толстый слой древесного тлена
15	1,5	Наброс камней над деревянным перекрытием	–	–	–	–	–	–	Кенотаф
16	2,5	Заклад и ограда	Овальная	1×1,5	Скорчен на левом боку	В	+	Баночный сосуд	
17	2,1	Видимо, заклад	–	–	»			–	
18	2,1	Наброс камней	–	–	»	СВВ	+	–	
19	1,5	–	–	–	»	ЮЗЗ	+	Фрагменты керамики	
						В	–		

Продолжение

№ погребения	Глубина погребения от ЦР, м	Каменная конструкция	Могильная яма		Положение скелета	Ориентировка	Подстилка	Инвентарь	Примечание
			форма ямы	размер, м					
20	1,7	Заклад?	–	–	Скорчен на левом боку	В	+	Фрагменты керамики, бронзовая спиральная подвеска	
21	2	Наброс камней над деревянным перекрытием	Подовальная	0,6×1,0	»	В	+	–	На костях следы гари
32	–	–	–	–	–	–	–	Фрагменты керамики	Разрушенное погребение взрослого человека
33	1,7	–	–	–	»	В	–	–	На костях ног следы бордовой охры
34	–	Заклад	–	–	—	–	–	То же	Разрушенное погребение взрослого человека
36	–	»	–	–	–	–	–	Баночный сосуд	То же
37	2	»	–	–	Сидячее	В	Камыш	Бронзовая каплевидная подвеска	Следы огня на костях
41	2,4	»	–	–	Скорчен на левом боку	ЮВВ	+	Горшок	
45	2,7	Заклад и деревянное перекрытие	–	–	»	СВ	+	Ожерелье из мелких бус с сурьмяной подвеской	
46	3,2	–	–	–	–	–	+	–	Скелет разрушен, следы охры
47	1,2	Заклад	–	–	–	–	–	Фрагменты керамики	Погребение разрушено
48	0,8	»	–	–	–	–	–	То же	То же

Е. П. КАЗАКОВ

ПАМЯТНИКИ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ ТАТАРИИ

В последние годы в низовьях рек Белой и Ик выявлен ряд новых памятников, материалы которых позволяют отнести их к выделенной К. В. Сальниковым черкаскульской культуре. В число этих памятников входят два могильника, ряд поселений и местонахождений.

Весьма своеобразным является могильник Такталачук, расположенный в низовьях р. Белой у дер. Уразаево Актанышского р-на ТАССР. Здесь исследовано свыше 300 захоронений различных эпох, из которых 58 можно отнести к черкаскульским или считать близкими им. Все эти погребения одиночные. Никаких внешних признаков над ними не сохранилось. На площади раскопов чаще всего они расположены по одному и далеко отстоят друг от друга. Исключение составляют некоторые захоронения на раскопах VI, VIII, X, как бы образующие отдельные группы (рис. 1). Возможно, над погребениями существовали невысокие, позднее распаханные курганные насыпи, однако стратиграфически они не прослеживаются.

Из 58 погребений очертания могильных ям удалось зафиксировать лишь в 19 случаях. Могильные ямы в плане подпрямоугольные (кроме одной, погр. 256, имеющей подтрапециевидную форму). За исключением погр. 319, где ширина ямы была больше ее длины, среднее отношение ширины к длине могил составляет 1 : 2. Длина могильных ям детских и подростковых захоронений от 75 до 140 *см*, ширина 50—60 *см*. Длина ям захоронений взрослых 135—220 *см*, ширина 60—75 *см* (таблица).

Глубина могил небольшая, 21 погребение имеет ямы глубиной до 40 *см*. Яма погр. 70 с уступчатым дном, последовательно опускающимся с 30 до 55 *см*. Таким образом, 70% ям имели глубину всего до 60 *см*.

Положение костяков полностью удалось зафиксировать в 26 погребениях. Скелеты лежали скорченно (рис. 2, *а — к*; 22 погребения) или вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль (погр. 49, 70, 190, 299; рис. 2, *л*). Большая часть скорченных костяков (14) лежала на левом боку (рис. 2, *а — е*), остальные (8) — на правом (рис. 2, *ж — к*). В шести погребениях (170, 182, 260, 263, 297, 328, рис. 2, *а*), отличающихся сильной скорченностью погребенных, кисти рук находились перед лицевой частью черепа. В шести погребениях (погр. 68, 105, 327, 145, 219, 222; рис. 2, *б, ж*) кисти рук несколько отодвинуты от черепа. В погр. 261 (рис. 2, *д*), 247, 256 (рис. 2, *и*) верхняя часть скелетов развернута на спину. Одна из рук откинута и направлена кистью к коленям, вторая согнута в локте и уложена кистью у локтевого сгиба другой руки. В погр. 266, 331 (рис. 2, *з*), 329 (рис. 2, *г*), где костяки были также несколько повернуты на спину, руки погребенных были согнуты в локтях, а кисти находились перед лицевой частью черепов. В погр. 271 (рис. 2, *е*) руки вытянуты вперед, при этом правая рука прямая, а левая несколько согнута в локте. В погр. 255, 298 (рис. 2, *в*) левая рука, согнутая в локте,

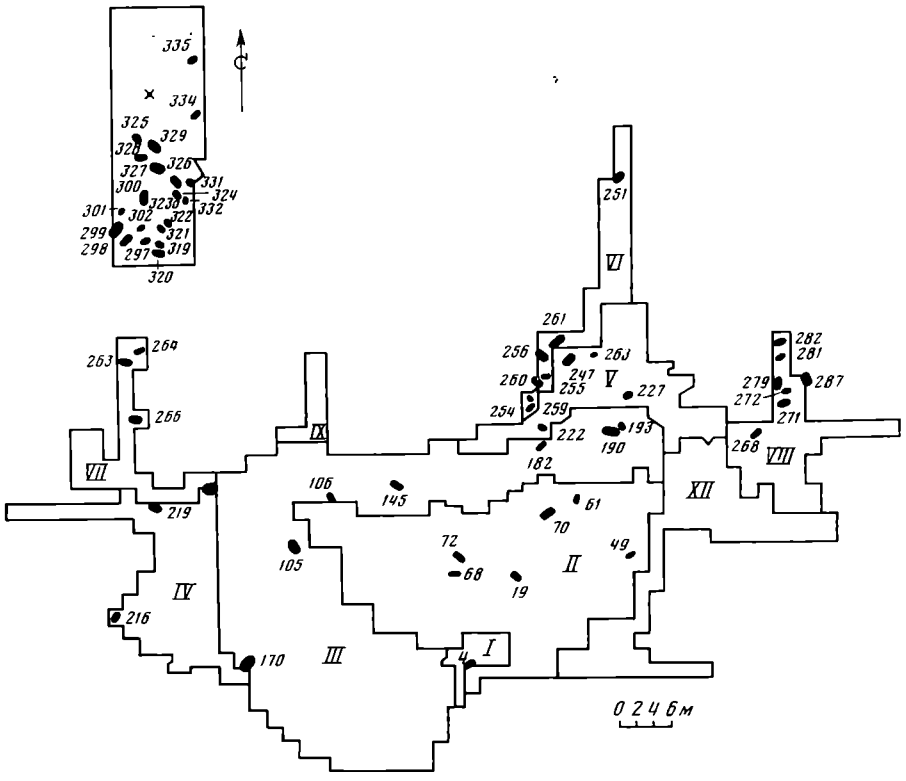


Рис. 1. Расположение погребений на площади раскопов могильника Такталачук

несколько откинута вперед; правая, также согнутая, уложена кистью на таз. Правая рука скелета в погр. 300, повернутого слегка на спину, была вытянута; левая, согнутая в локте, уложена кистью у таза (рис. 2, *к*).

С учетом костяков с потревоженными конечностями в шести погребениях зафиксировано вытянутое положение, в 18 — положение на левом боку и в 15 — на правом (таблица).

Ориентировку погребенных удалось зафиксировать в 48 захоронениях. Костяки ориентированы головой на восток: (погр. 4, 68, 72, 145, 170, 190, 222, 227 (?), 255, 263, 264, 266, 302 (?), 319, 320, 328, 334); восток — юго-восток (погр. 19, 105, 327, 331); восток — северо-восток (погр. 70, 182, 261, 268, 271, 281, 335); юго-восток (погр. 193, 219, 254, 260, 321, 322, 325, 326); северо-восток (погр. 247, 297, 298, 299); юг — юго-восток (погр. 256, 329); север — северо-восток (погр. 300, 332); юго-запад (погр. 251), запад (?) (погр. 282) и север (погр. 49, 287). Таким образом, в 40 погребениях костяки ориентированы головой в основном в восточном направлении с отклонениями к северу и югу (рис. 2).

Остатки внутримогильного сооружения зафиксированы только в погр. 222. Здесь у тазовых костей скелета находились остатки обгорелых плах. В 14 погребениях обнаружены кости животных: бабки лошади (погр. 222, 264, 328), ребра коровы и лошади (погр. 190, 266, 300, 301), позвонки животных (погр. 190, 255, 302) и рыбы (погр. 320). В погр. 319, 323, 325 найдены неопределенные косточки животных, в погр. 190 — клык кабана. Как правило, кости животных находились у изголовья костяков, около сосудов или в самих сосудах (погр. 302, 319, 320, 325). Лишь в погр. 266, 300 ребра животных зафиксированы у ног скелетов, а в погр. 255 позвонки находились у левой руки и у позвоночного отдела костяка.

Характеристика черкаскульских погребений могильника Такталачук

№ погребений	Глубина могил, см	Длина и ширина могил, см	Ориентировка костяков	Положение костяков			Кости животных и рыб в могилах	Сосуды в могилах	Другие вещи в погребениях	Ссылки на рисунки в тексте
				вытянутое	скорченное					
					на левом боку	на правом боку				
4	30	–	В	–	+	–	–	+	–	4, *7*
19	30	–	ВЮВ	–	–	+	–	+	–	6, *4*
49	40	200×60	С	+	–	–	–	–	Нож	3, *13*
61	35	–	–	–	–	–	–	++	–	6, *5*
68	30	–	В	–	+	–	–	+	Серьги	3, *2*
70	30–55	–	ВСВ	+	–	–	–	–	Нож	3, *12*
72	40	–	В	–	–	+	–	–	»	3, *10*
105	25	–	ВЮВ	–	+	–	–	+	–	
106	40	–	–	–	–	–	–	+	–	
145	65	–	В	–	–	+	–	+	Нож	3, *14*; 4, *2*
170	60	220×80	В	–	+	–	–	+	–	4, *9*
182	85	160×70	ВСВ	–	+	–	–	+	Игла	3, *8*; 4, *1*
190	60	–	В	+	–	–	+	+	Нож, Трубка	3, *15*; *16*; 7; *2*
193	55	–	ЮВ	–	–	–	–	+	–	5, *5*
216	60	–	–	–	–	–	–	+	–	7, *3*
219	50	160×90	ЮВ	–	–	+	–	+	–	4, *5*
222	80	–	В	–	–	+	+	+	–	
227	45	–	В?	–	–	–	–	+	–	
236	45	–	–	–	–	–	–	+	–	
247	80	170×80	СВ	–	–	+	–	+	–	5, *6*
251	40	–	ЮЗ	–	–	+	–	+	–	
254	55	–	ЮВ	–	–	–	–	–	–	
255	65	–	В	–	+	–	+	+	Напряслo	
256	95	200×70–100	ЮЮВ	–	–	+	–	+	–	
259	80	–	–	–	–	+	–	+	–	
260	75	120×60	ЮВ	–	+	–	–	+	–	7, *4*
261	70	230×68	ВСВ	–	+	–	–	+	Фр-ты бронзы	
263	75	–	В	–	+	–	–	+	–	
264	40	–	В	–	+	–	+	+	–	
266	65	–	В	–	–	+	+	+	–	
268	40	–	ВСВ	+?	–	–	–	+	–	5, *4*
271	50	165×75	ВСВ	–	+	–	–	+	–	4, *6*
272	30	–	–	–	–	–	–	+	–	
279	55	120×50	–	+	–	–	–	+	–	7, *6*
281	40	–	ВСВ	–	–	–	–	+	–	
282	60	135×70	З	–	–	–	–	+	Нож	3, *11*
287	40	–	С	–	–	–	–	+	–	
297	40	–	СВ	–	+	–	–	–	–	
298	55	–	СВ	–	+	–	–	+	–	
299	60	–	СВ	+	–	–	–	–	–	
300	95	215×75	ССВ	–	–	+	+	+	Нож, копье, стрелы	3, *3–5*; 9, *17*; 5, *7*
301	50	–	–	–	–	–	+	++	–	5, *1*
302	60	–	В?	–	–	–	+	+	–	5, *2*
319	75	50×60	В	–	–	–	+	+	–	
320	75	120×70	В	–	–	–	+	++	–	5, *3*; 6, *1*
321	45	–	ЮВ	–	–	+	–	+	–	4, *4*
322	30	–	ЮВ	–	–	+	–	+	–	5, *8*
323	30	–	–	–	–	–	+	+	–	
324	30	–	–	–	–	–	–	+	–	
325	40	–	ЮВ	–	+	–	+	+	–	4, *8*
326	50	120×50	ЮВ	–	–	+	–	+	–	6, *6*
327	85	185×85	ВЮВ	–	+	–	–	+	–	6, *2*

Продолжение таблицы

№ погребений	Глубина могил, см	Длина и ширина могил, см	Ориентировка костяков	Положение костяков			Кости животных и рыб в могилах	Сосуды в могилах	Другие вещи в погребениях	Ссылки на рисунки в тексте
				вытянутое	скорченное					
					на левом боку	на правом боку				
328	60	140×60	В	–	+	–	+	+	Серьги	3, *1*
329	85	135×75	ЮЮВ	–	+	–	–	+	–	6, *3*
331	55	75×50	ВЮВ	–	–	+	–	+	Стрелы	3, *6, 7*
332	45	–	ССВ	–	+	–	–	+	–	
334	40	–	В	–	–	–	–	+	–	
335	40	–	ВСВ	–	–	–	–	+	–	

Почти все захоронения сопровождались инвентарем: сосуды (во всех захоронениях, за исключением погр. 49, 70, 72, 254, 297, 299), височные подвески (погр. 68, 328), ножи (погр. 49, 70, 72, 145, 190, 282, 300), наконечники стрел (погр. 300, 331). В погр. 182 найдена бронзовая игла (рис. 3, *8*), в погр. 190 — костяная трубочка (рис. 3, *16*), в погр. 300 — наконечник копья (рис. 3, *17*). Кроме этих находок в погр. 261 справа на груди скелета обнаружены обломки бронзовой подвески, справа у таза в погр. 49 — фрагменты поделки из бронзовой проволоки, а у кисти правой руки костяка в погр. 255 расчищены обломки глиняного напрясла.

За исключением разрушенных погребений (61, 301, 320), где находилось по два сосуда, во всех остальных было по одному сосуду. Обычно сосуды ставились за головой (рис. 2, *а, в, д, е, к*), реже у затылочной (рис. 2, *г, и*) или лицевой (рис. 2, *ж, з*) части черепа; лишь в погр. 145, 193 сосуды находились в ногах.

В тех случаях, когда это удалось определить, ножи располагались у правой (погр. 49, 190), левой (погр. 70, 300) или у сложенных вместе (погр. 145) кистей рук погребенных. Интересно, что в трех случаях у ножей были обломаны концы. В погр. 70 обломанный конец лежал рядом с ножом. Костяные наконечники стрел, как и височные подвески, найдены в погребениях у черепа. Кремневые наконечники стрел из погр. 300, находившиеся, видимо, в колчане, расчищены справа от кисти правой руки. Наконечник копья, игла и костяная трубочка найдены в изголовье погребенных.

Аналогии такталачукским захоронениям имеются в могильнике ТартышевоI, расположенном у с. Тартышево Чекмагушевского р-на Башкирской АССР и отнесенного К. В. Сальниковым к черкаскульской культуре [1]. Здесь погребенные также лежали на боку, головой в восточном направлении. В могилах находились близкие такталачукским глиняные сосуды с примесью раковины в тесте. Определенное сходство в обряде наблюдается и со многими абашевскими могильниками, где погребенные обычно лежат в неглубоких ямах с подогнутыми ногами, головой в восточном направлении, и сопровождаются сосудами, имеющими примесь раковины в тесте.

Керамика из погребений (рис. 4, 5, 6, 7), так же как и ряд находок с участков (рис. 7, *5, 7*), в тесте содержит большую примесь раковины, отчего на ее поверхности имеются выщерблины. Цвет посуды серый, черно-серый или, редко, желто-коричневый, неровный от кострового обжига. Среди них выделяются светло-коричневый, покрытый ангобом сосуд из погр. 216 (рис. 7, *3*) и черный по цвету сосуд с залощенной по-

[1] *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 372, 373.

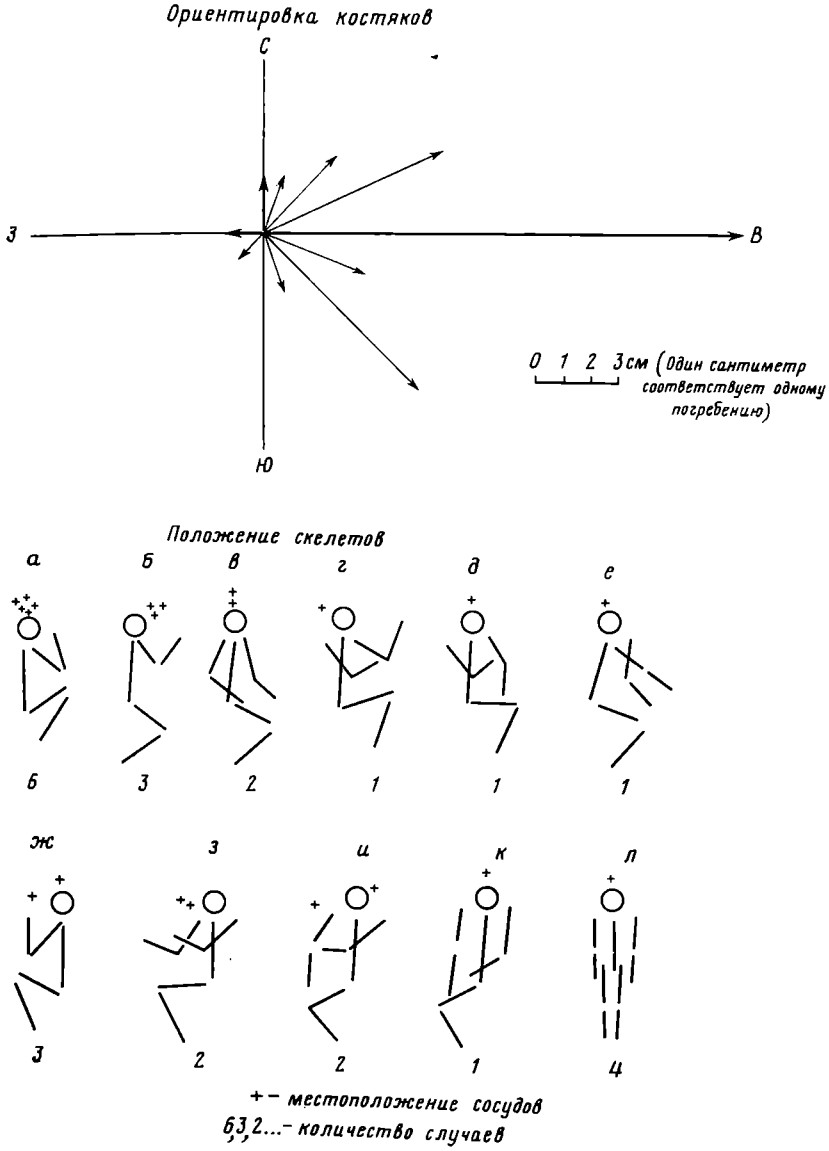


Рис. 2. Могильник Такталачук. Положение и ориентировка погребенных

верхностью из погр. 260 (рис. 7, *4*). Поверхность остальной посуды гладкая как с внешней, так и с внутренней стороны.

Толщина стенок и днищ (4—8 *мм*) сравнительно постоянна, иногда днища даже тоньше стенок (рис. 5, *1, 3*; 7, *2*). Венчики округлые, плоские или скошенные внутрь. Венчик горшка из погр. 300 скошен наружу (рис. 5, 7) Днища сосудов в основном плоские, однако встречаются и уплощенные (рис. 5, *1, 2*; 6, *5* и др.), иногда даже вогнутые внутрь (рис. 6, *5*). У плоскодонных сосудов обычно прослеживается четкий, утолщенный, иногда с напуском, изгиб при переходе от стенок к днищу. Два сосуда имеют поддон (рис. 5, 7; 6, *4*).

По форме выделяются горшковидные и баночные сосуды. Горшковидные обычно невысокие (высота тулова 5,7—12,5 *см*), широкогорлые (диаметр тулова в 1,5—2 раза превышает диаметр днища), с отогнутой наружу или прямой довольно высокой (2,5—4*см*) шейкой. За небольшим исключением (рис. 5, *8*; 6, *6*) горшки имели раздутое тулово. Отношение высоты сосудов к наибольшему диаметру тулова меньше 1. Большим

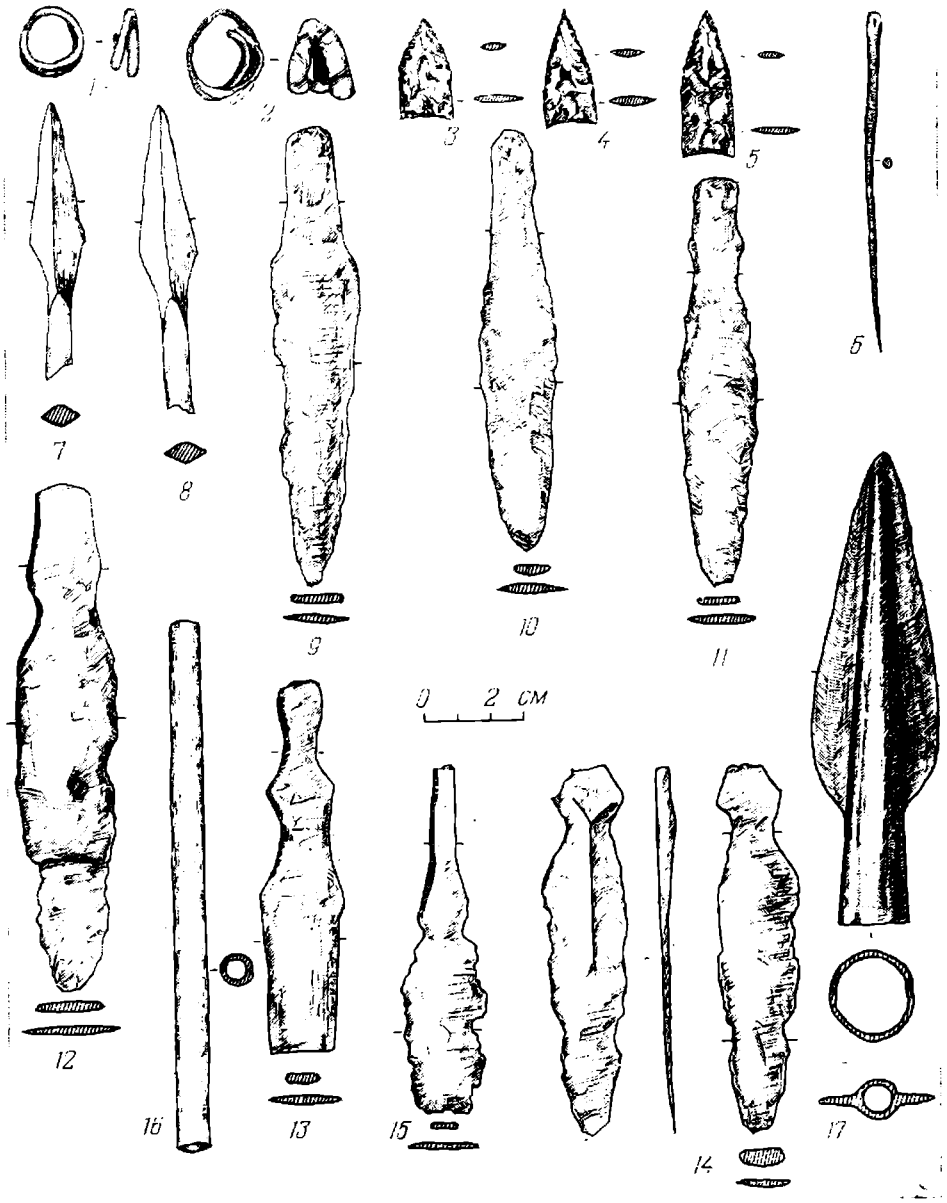


Рис. 3. Инвентарь из могильника Такталачук. *1* — погр. 328; *2* — погр. 68; *3—5, 9, 17* — погр. 300; *6, 7* — погр. 331; *8* — погр. 182; *10* — погр. 72; *11* — погр. 282; *12* — погр. 70; *13* — погр. 49; *14* — погр. 145; *15, 16* — погр. 190; *3—5* — кремень; *6, 7, 16* — кость, остальные — бронза

диаметром тулова по сравнению с высотой отличается сосуд из погр. 327 (рис. 6, *2*). Два горшка с уплощенными днищами (рис. 5, *1, 2*) по форме близки к котловидным сосудам. Особый интерес представляет сосуд с наклоненной внутрь шейкой из погр. 170 (рис. 4, *9*). Шейка его при изготовлении еще до обжига была сжата с боков и приобрела в плане квадратную форму.

Баночные сосуды имеют загнутую внутрь верхнюю часть стенок. За исключением четырех экземпляров (рис. 5, *5*; 6, *3*), близких к типу горшечно-баночных, отличающихся своей узкодонностью и высокими пропорциями, остальные сосуды довольно широкодонны. Для узкодонных сосудов отношение диаметров венчика и днища равно 2, у остальных — несколько более 1. За исключением одного сосуда (рис. 6, *3*), имеющего высоту 13,5 *см*, высота баночных сосудов составляет 7—10 *см*.

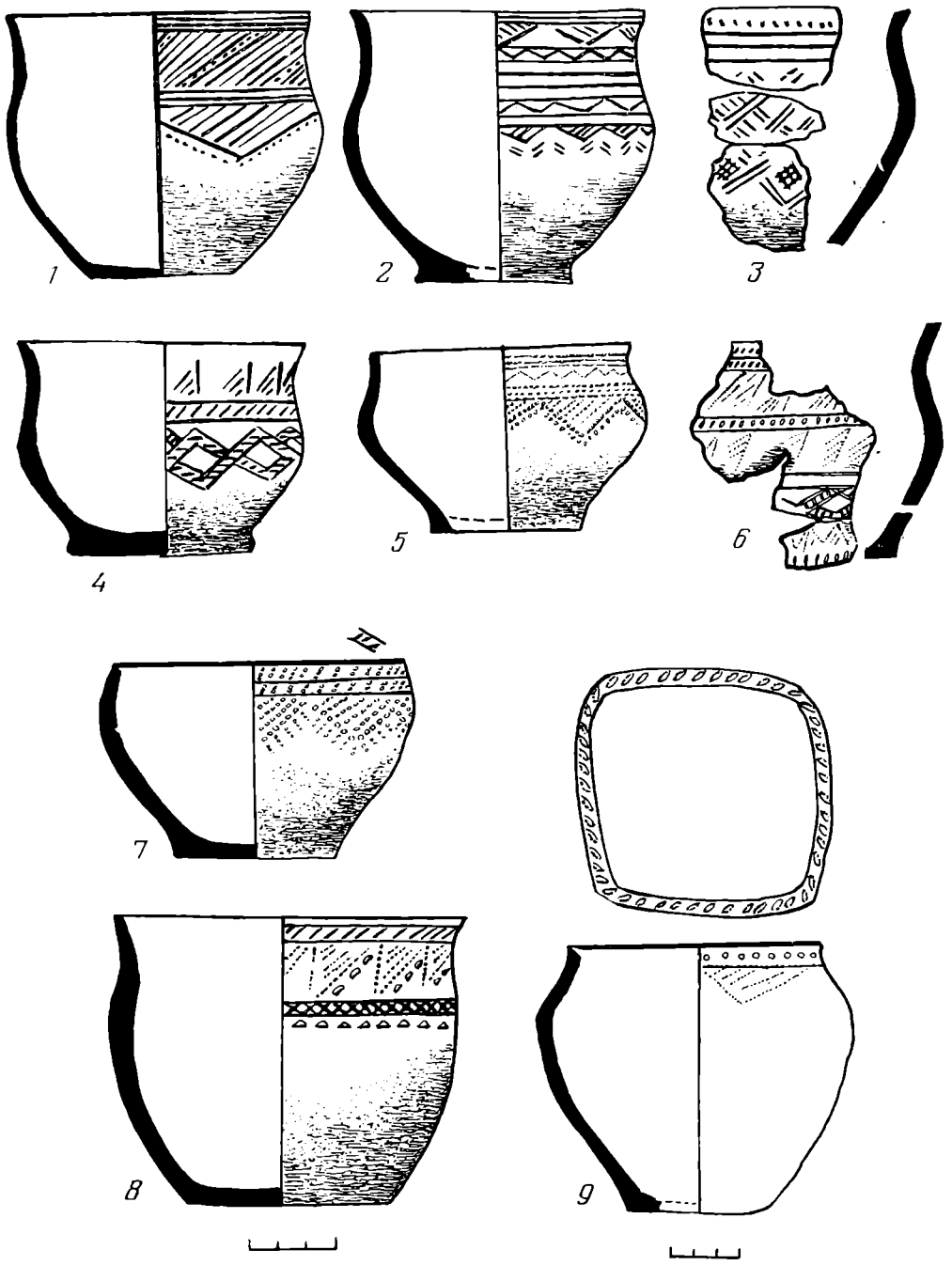


Рис. 4. Могильник Такталачук, керамика. *1* — погр. 182; *2* — погр. 145; *3* — из подъемного материала; *4* — погр. 321; *5* — погр. 219; *6* — погр. 271; *7* — погр. 4; *8* — погр. 325; *9* — погр. 170

Кроме шести неорнаментированных баночных сосудов такталачукская керамика в большинстве своем украшена преимущественно по шейке и верхней части тулова резными и гребенчатыми линиями, треугольными, круглыми и овальными ямками. У двух сосудов орнаментированы днища (рис. 5, *5*, *7*).

По композиции и технике орнаментации такталачукскую посуду можно разделить на несколько групп. Для первой, наиболее многочисленной (20 экз. с восстановленной формой), характерен орнамент из горизонтальных линий, рядов косо поставленных коротких линий, зигзагов, заштрихованных сломанных меандров, заштрихованных треугольников, иног-

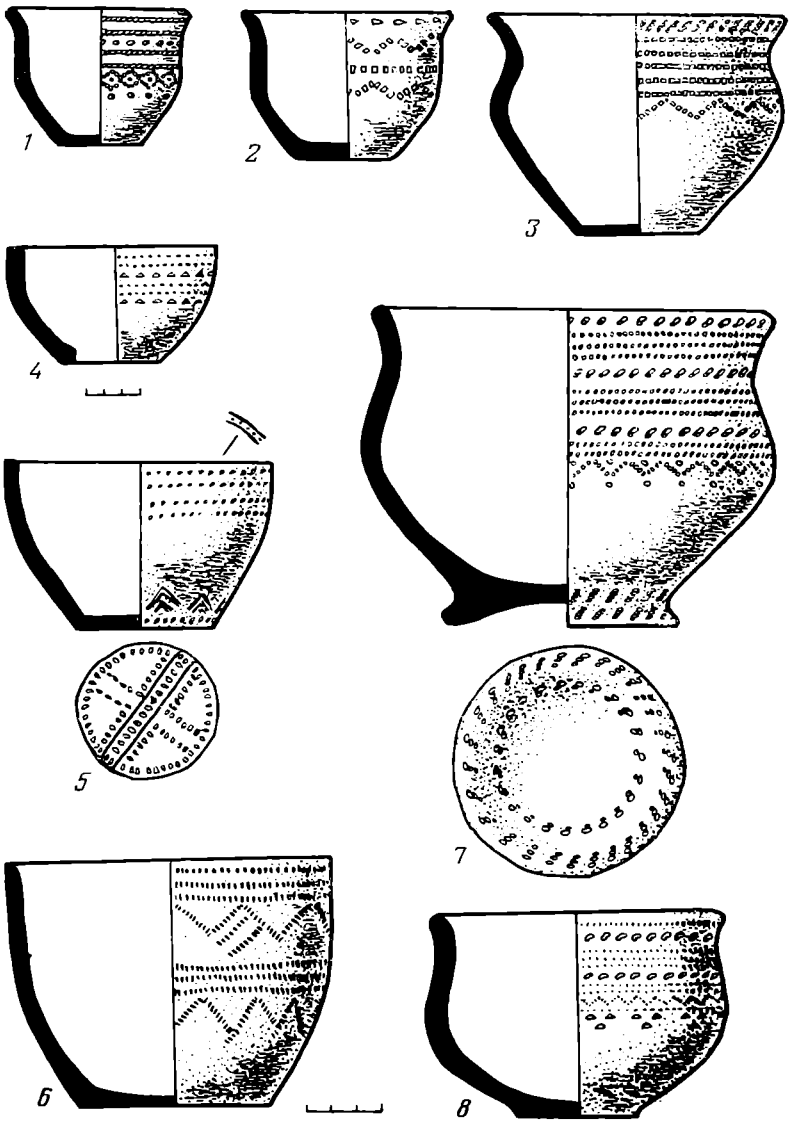


Рис. 5. Могильник Такталачук, керамика. *1* — погр. 301; *2* — погр. 302; *3* — погр. 320; *4* — погр. 268; *5* — погр. 193; *6* — погр. 247; *7* — погр. 300; *8* — погр. 322

да окаймленных внизу бахромой из оттисков треугольных или удлиненных ямок. Все это выполнено резными линиями или гребенчатым в основном так называемым «слепым» штампом, имеющим мелкие и низкие зубцы (рис. 4). В этой группе преобладают горшковидные сосуды с высокой шейкой. Стенки шейки обычно несколько отклонены наружу. Четверть сосудов баночной формы или близки к горшечно-баночным.

Такую керамику К. В. Сальников относил к черкаскульской культуре, в которой он выделил собственно черкаскульский, межовский и березовский этапы [2]. Однако посуда из Такталачука не совсем соответствует классификации К. В. Сальникова. По орнаментации она отличается от собственно черкаскульской посуды раннего этапа Зауралья [3] отсутствием широких желобков или каннелюр. Близкое сходство наблюдается с межовской посудой, но и от последней она отличается отсутствием валиков. Что это — локальные особенности данной керамики или свидетельство

[2] *Сальников К. В.* Очерки..., с. 354—374.
[3] Там же, с. 357, рис. 57, *1—10*.

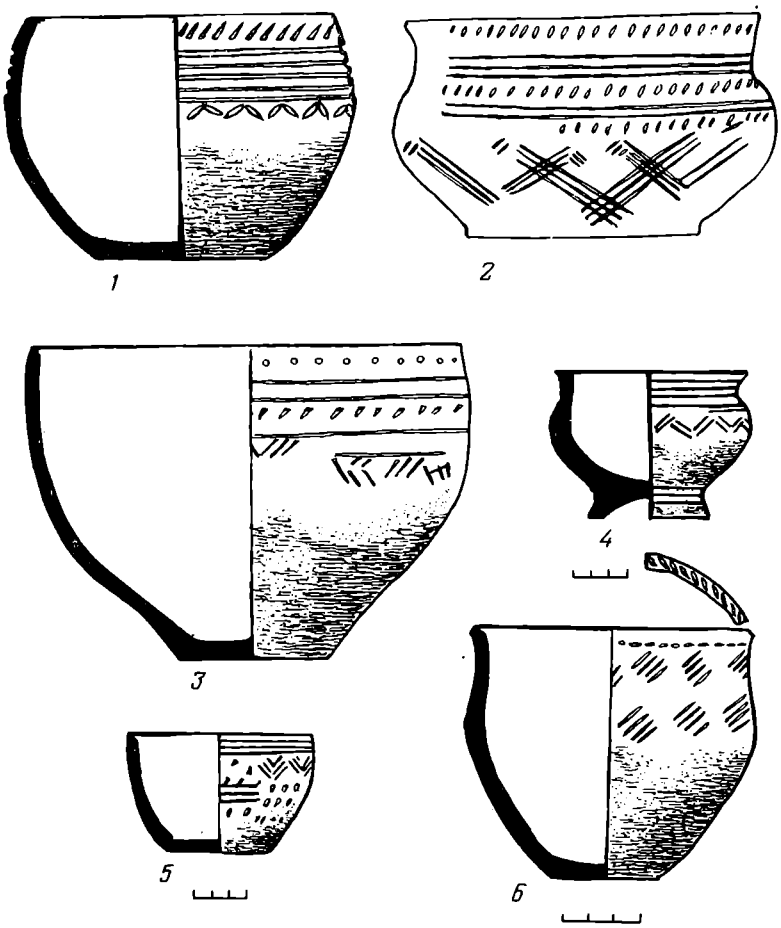


Рис. 6. Могильник Такталачук, керамика. *1* — погр. 320; *2* — погр. 327; *3* — погр. 329; *4* — погр. 19; *5* — погр. 61; *6* — погр. 326

ее переходного характера между собственно черкаскульским и межовским этапами — сказать пока трудно.

Аналогии такталачукской керамике черкаскульского облика можно найти на широкой территории от лесного Зауралья до восточных районов Нижнего Прикамья. Подобная керамика, отнесенная К. В. Сальниковым к межовскому этапу, встречена на селище Черкаскуль II [4] и Большекараболкском могильнике [5]. Аналогичная посуда, так называемая типа Ахметова I, выявлена на многих памятниках в бассейне нижнего течения р. Белой — могильник Тартышево I [6], поселение Ахметово I [7] и др. В Бельско-Икском междуречье Татарии такая же посуда зафиксирована на Уразаевской стоянке [8], Миннияровском поселении (рис. 8, *7—10*) и на других памятниках. Самыми западными памятниками, где в большом количестве найдена посуда этого типа, являются стоянки у поселка Лугового Елабужского р-на ТАССР [9].

---

[4] *Сальников К. В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы.— ВАУ, вып. 6, 1964, с. 15, рис. 4, *10*, *12*, *14*.

[5] *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 81, рис. 32, *12—14*.

[6] *Сальников К. В.* Очерки..., с. 360, рис. 58, *3—5*.

[7] *Збруева А. В., Тихонов Б. Г.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии.— В сб.: Древности Башкирии. М., 1970, с. 50, рис. 6, *4*, *5*, *8*; с. 84, рис. 15, *7—9*.

[8] *Старостин П. Н., Багаутдинов Р. Н.* Итоги раскопок Уразаевской стоянки. Отчет. Казань, 1971, с. 3, табл. 15.

[9] *Збруева А. В.* Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.— МИА, № 80, 1960, с. 19, рис. 5, *4*.

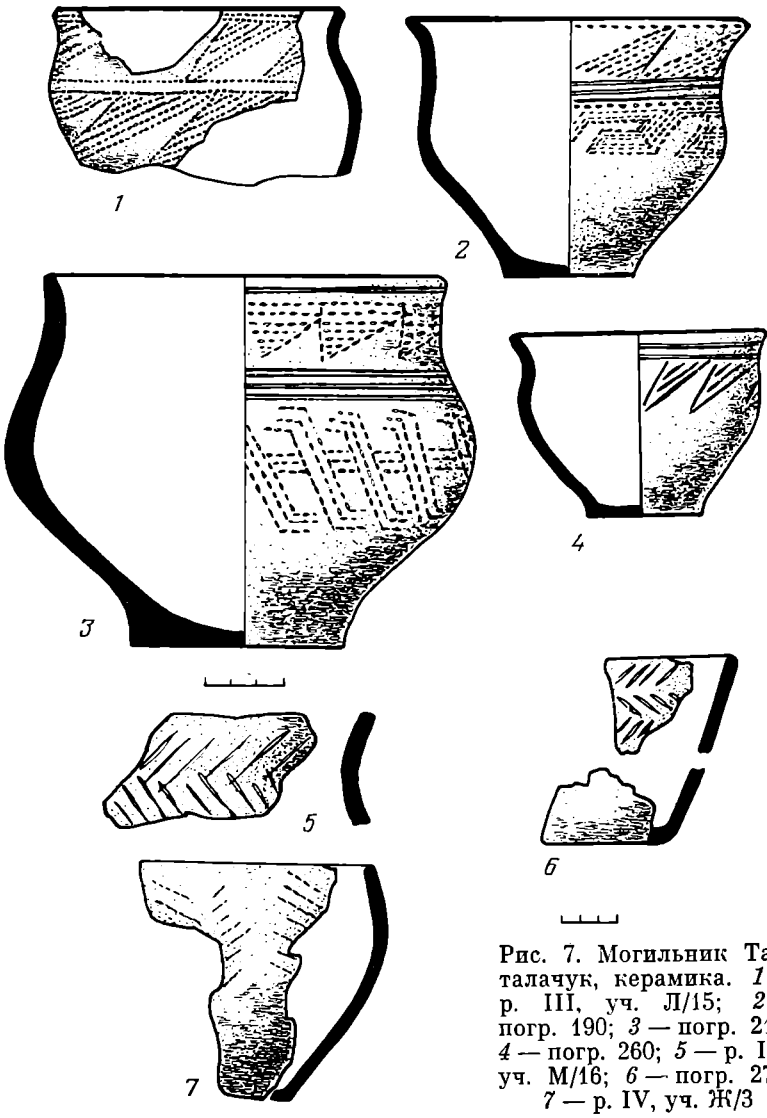


Рис. 7. Могильник Такталачук, керамика. *1* — р. III, уч. Л/15; *2* — погр. 190; *3* — погр. 216; *4* — погр. 260; *5* — р. III, уч. М/16; *6* — погр. 279; *7* — р. IV, уч. Ж/3

Следует отметить, что на посуде указанных памятников, как и в Такталачуке, также, в основном, отсутствуют валики.

Кроме представленных на рис. 4 к черкаскульскому типу относится еще ряд сосудов из погребений, в том числе с поддоном (рис. 6, *4*), сосуды, украшенные оконтуренными и простыми заштрихованными ромбами (рис. 6, *6*) и другими видами орнамента, имеющими аналогии в черкаскульских памятниках Зауралья [10].

Орнамент второй группы сосудов (9 экз.) состоит из горизонтальных линий, зигзагов, коротких косо поставленных линий и овальных ямок, выполненных, за редким исключением, крупнозубчатым гребенчатым штампом (рис. 5). По форме среди этой посуды выделяются горшковидные, близкие к котловидным сосуды с несколько ребристым туловом (5 экз.) и баночные (3 экз.). Сосуды, близкие к котловидным, имеют уплощенное дно (рис. 5, *1—3*). Оригинален сосуд с поддоном из богатого погр. 300 (рис. *5*, *7*). Обломки такой керамики найдены на II Биксентаевской стоянке (рис. 8, *6*).

Определенное сходство данная группа обнаруживает с посудой из абашевских памятников, особенно в их магнитогорском и баланбашском

[10] *Стоколос В. С.* Ук. соч., с. 81, рис. 32.

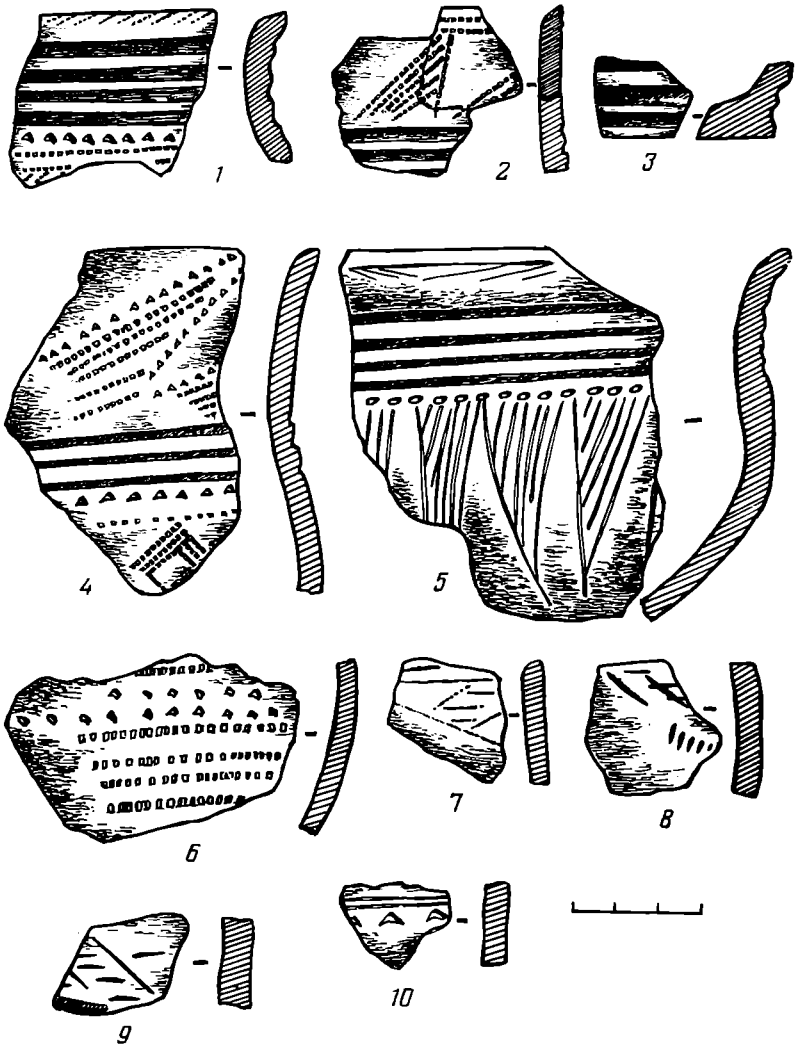


Рис. 8. Керамика памятников эпохи бронзы в восточных районах Татарии. *1, 6* — II Биксентаевская стоянка; *2, 3* — II Кырнышский могильник; *4, 5* — Деуковская стоянка; *7—10* — Миниярово поселение

варианте, где часто встречаются экземпляры, украшенные расположенными в виде волны или зигзага глубокими оттисками штампа с узкими в продольном, но длинными в поперечном направлении зубцами, фактически превращающими орнаментальную полосу в заштрихованную каннелюру [11]. Напоминает абашевские и форма котловидных сосудов (3 экз.) с их уплощенным дном, ребристостью тулова и широкой раструбообразной горловиной.

Третья, немногочисленная (4 экз.) группа керамики по композиции орнамента близка ко второй, но узоры здесь выполнены желобками или каннелюрами и резными линиями (рис. 6, *1—3, 5*). Аналогичная орнаментация известна на сосудах из абашевских памятников Подонья, Марийской АССР и других областей [12]. Отдельные фрагменты такой посуды встречаются и в приказанских памятниках (рис. 9, *5*).

К четвертой группе керамики относятся горшки, украшенные меандрами, косыми заштрихованными треугольниками, выполненными обычно

[11] *Сальников К. В.* Очерки..., с. 24, 25, рис. 2, *13*; с. 26, 27; рис. 3, *4*; с. 80, 81, рис. 12, *17*, *18*.

[12] *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, с. 41, рис. 5, *1*; с. 44, рис. 7, *2*, *3*; *Сальников К. В.* Очерки..., с. 26, 27, рис. 3, *6*.

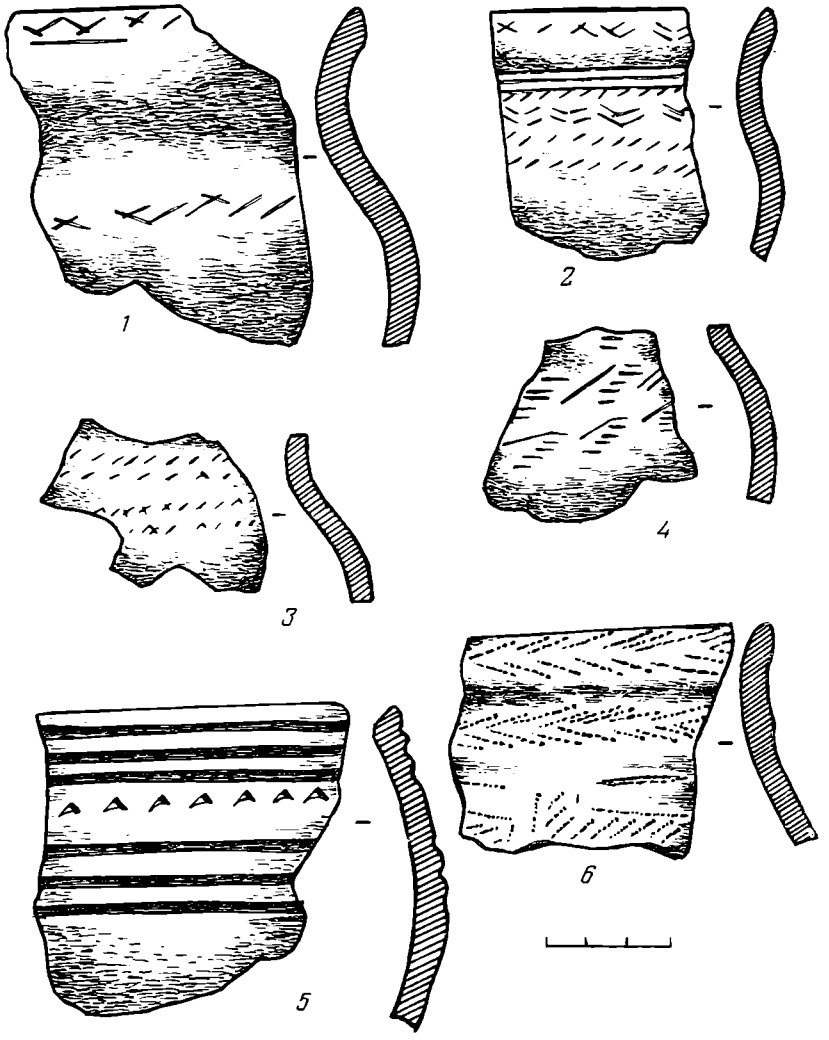


Рис. 9. Керамика памятников Нижнего Прикамья. *1, 2* — Кумысская стоянка; *3, 4* — III Кырнышская стоянка; *5* — II стоянка у озера Степное; *6* — I Кузькинская стоянка

мелкогребенчатым штампом (рис. 7. *1—4*). Эта посуда близка к федоровской, однако по примеси в тесте она не отличается от остальной погребальной керамики. В данном случае, видимо, можно говорить лишь о федоровском влиянии, тем более что число таких сосудов невелико (4 экз.).

Фрагменты собственно федоровских сосудов плотной фактуры, с примесью песка в тесте, украшенные широкими желобками, косыми заштрихованными треугольниками, также зафиксированы в восточных районах Татарии. Они встречены на Деуковской стоянке, во II Кырнышском могильнике (рис. 8, *1—4*). Отдельные фрагменты их найдены и на памятниках в низовьях Камы, в частности на стоянке «Девичий городок».

Пятая группа керамики представлена фрагментами трех сосудов горшковидной (1 экз.) и баночной (2 экз.) форм, украшенных резным или мелкогребенчатым орнаментом в виде горизонтальной или вертикальной елочки (рис. 7, *5—7*). По общему облику и орнаментации данную посуду также, видимо, можно сопоставить с черкаскульской керамикой. Довольно раннюю дату этой группы подтверждает и способ нанесения орнамента: «слепым» гребенчатым штампом, встречающимся на ряде сосудов первой группы.

Приведенное деление на пять групп не мешает в целом всю керамику памятника представить единым, хотя и своеобразным комплексом, оставленным единым или близким населением. Об этом свидетельствует и в общем близкий погребальный обряд и форма, фактура керамики из Такталачукского могильника. Наличие же указанных групп на памятнике следует, видимо, объяснить не только локальной его спецификой, но и теми взаимоотношениями, которые, возможно, сложились в древности между географически близкими федоровскими, черкаскульскими и приуральскими абашевскими группами. Несмотря на четкое отличие в орнаменте федоровской (косые треугольники, нанесенные мелкогребенчатым штампом, меандры и пр.), черкаскульской (сломанные заштрихованные меандры и др.) и абашевской (крупнозубчатый штамп, широкие каннелюры и пр.), между ними имеется много общего. Это и каннелюры, и косо поставленные короткие насечки, и заштрихованные треугольники. Несмотря на отличия в композиции орнамента, посуда этих культурных групп украшена набором одних и тех же элементов, что, видимо, свидетельствует об определенной близости их между собой. Еще К. В. Сальников отмечал общие черты черкаскульской и федоровской посуды [13]. По материалам Кинзерского могильника подобное сходство отмечала Е. Е. Кузьмина [14]. На материале Такталачука наблюдается сходство между черкаскульской и абашевской посудой, хотя нужно отметить, что сосуды абашевского облика находились в основном только в погребениях на раскопе X, расположенных рядом с богатым захоронением 300 (погр. 301, 302, 320). Свидетельствует ли это о внедрении в среду нижнебельского, в основном черкаскульского, населения абашевских этнических групп или говорит о какой-то общности в их происхождении — покажут дальнейшие исследования.

Датировка могильника Такталачук определяется рядом изделий из бронзы. Так, к третьей четверти II тысячелетия до н. э. можно отнести подобные сейменским ножи [15] (рис. 3, *9, 10*), копье с широким «пламевидным» пером и короткой втулкой (рис. 3, *17*), имеющее близкие аналогии в Ростовскинском могильнике [16]. Этой дате не противоречит группа ножей (рис. 3, *11—14*), аналогичных одному из вариантов ножей срубного типа; височные подвески (рис. 3, *1*), которые можно отнести к середине II тысячелетия до н. э.[17], кремневые, обработанные пильчатой ретушью, наконечники стрел с выемчатым основанием (рис. 3, *3—5*), широко встречающиеся в памятниках второй половины II тысячелетия до н. э., и другие вещи.

Второй черкаскульский могильник расположен у с. Подгорные Байлары Мензелинского р-на ТАССР на левом берегу р. Ик. На высоком узком мысу был раскопан курган диаметром 10 и высотой 0,6 *м*. За пределами его найдены обломки двух сосудов (рис. 10, *1, 2*) и кострище. В восточной поле кургана на глубине 20 *см* обнаружены два разрушенных, сопровождающихся разбитыми сосудами (рис. 10, *3, 4*) захоронения. В одном из них костяк был ориентирован головой на северо-запад. В центральной части насыпи под слоем дерна прослежены две ямы: округлая и подпрямоугольная в плане. Глубина ям 90 *см* от поверхности кургана. В заполнении их отмечены угольки, размельченные кости животных и мелкие обломки черепа человека. Погребальный обряд, про-

[13] *Сальников К. В.* Очерки..., с. 356.

[14] *Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника).— В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 228.

[15] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 65, рис. 56, *18*.

[16] *Матющенко В. И., Ложникова Г. В.* Раскопки могильника у с. Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг.— В сб.: Из истории Сибири, вып. II. Томск, 1969, с. 18—35; табл. 15, *2*.

[17] *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М., 1963, с. 270.

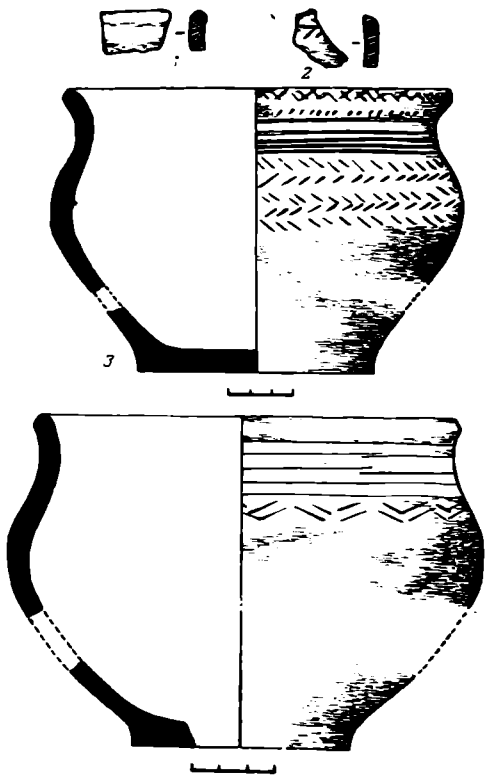


Рис. 10. Керамика Подгорно-Байларского курганного могильника. *1, 2* — уч. Г, Д/12; *3* — погр. 2; *4* — погр. 1

прослеженный в этом кургане, напоминает обряд захоронения в курганном могильнике конца II — начала I тысячелетия до н. э. у дер. Красногорка Мелеузовского р-на Башкирской АССР. Могильник этот отнесен М. Ф. Обыденновым к черкаскульским памятником [18]. Здесь погребенные, сопровождающиеся черкаскульской посудой, также были ориентированы головой в западном направлении. Однако кострищ и ям, как в Подгорных Байларах, в Красногорском могильнике нет. Определенное сходство обряд Подгорно-Байларского могильника обнаруживает с обрядом, видимо, значительно более ранних по времени абашевских памятников, где четко фиксируется культ огня. В них встречаются жертвенные площадки с развалами сосудов, кострища, размельченные кости [19].

Керамика Подгорно-Байларского курганного могильника представлена фрагментами четырех сосудов, два из них удалось реставрировать. Оба сосуда плоскодонные, с выпуклыми плечиками, невысоких, но широких пропорций, с отогнутой наружу шейкой, имеющей скошенный наружу венчик. Цвет сосудов шоколадно-коричневый, поверхность гладкая, в тесте органические примеси. По шейке сосуды украшены пятью горизонтальными резными линиями. На одном из них этот орнамент сопровождался вверху линией коротких косо поставленных насечек и перекрещивающимися линиями по отогнутому наружу венчику, а внизу короткими резными линиями в виде горизонтальной елочки (рис. 10, *3*). Второй сосуд по верхней части тулова имеет двухрядную зигзагообразную линию (рис 10, *4*).

Оба сосуда находят себе аналогии среди керамики межовского этапа черкаскульской культуры [20]. В восточных районах Татарии такая посуда встречена на Кумысской [21] (рис. 9, *1, 2*), III Кырнышской и других стоянках. Следует отметить, что наши экземпляры отличаются от собственно межовских отсутствием валиков. Заметно отличается эта посуда и от такталачукской, хотя, видимо, и связана с ней генетически.

Выделенный К. В. Сальниковым по материалам памятников лесного Зауралья поздний черкаскуль, так называемый березовский его этап [22], пока мало представлен в восточных районах Татарии. К нему в определенной мере близок материал III Кырнышской стоянки. Керамика этого памятника представлена обломками довольно тонкостенных (5—6 *мм*) серо-черного цвета сосудов с органической примесью в тесте. Горловины сосудов полукругло отогнуты, плечики выпуклые. Орнамент

[18] *Обыденнов М. Ф.* Курганный могильник черкаскульской культуры.— Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Тезисы, Казань, 1974, с. 20, 21.

[19] *Сальников К. В.* Очерки..., с. 94—100.

[20] *Сальников К. В.* Очерки..., с. 366, 367, рис. 59.

[21] *Генинг В. Ф., Старостин П. Н.* Кумысские стоянка и могильник.— Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции, вып. 1. М., 1972, с. 95, рис. 7, *4, 5, 7—10.*

[22] *Сальников К. В.* Некоторые вопросы лесного Зауралья..., с. 19, рис. 6.

обычно состоит из коротких насечек, иногда расположенных в ряд, иногда пересекающихся и нередко образующих скошенную лесенку (рис. 9, 3, *4*). Эта посуда, несомненно, генетически продолжает керамику межовского этапа (рис. 9, *1, 2*; 10, *3, 4*), отличаясь от последней только бóльшим обеднением орнамента и более тонкими стенками.

В целом материал обоих могильников позволяет выявить в восточных районах Татарии памятники западной периферии черкаскульской общности. Они составляют одну генетически связанную цепь, соответствующую в основном выделенному К. В. Сальниковым межовскому этапу (но с керамикой без валиков). Наиболее ранние памятники типа могильника Такталачук, хотя и обнаруживают в керамическом материале сходство с посудой собственно черкаскульских памятников Зауралья, отличаются от последних отсутствием широких желобков и рядом других особенностей. Следует отметить, что широкожелобчатая керамика, аналогичная посуде собственно черкаскульского этапа в Зауралье, до сих пор фактически не выявлена не только в памятниках Татарии, но и на территории Башкирии. В восточных районах Татарии на II Биксентаевской и Деуковской стоянках, во II Кырнышском могильнике пока встречены только отдельные фрагменты светло-коричневых, украшенных широкими желобками, видимо, федоровских и абашевских сосудов, имеющих примесь песка в тесте (рис. 8, *1—5*). Наличие желобков на этой керамике, вероятно, можно считать основанием для датировки ее временем существования в Зауралье собственно черкаскульского этапа.

Включение заметных абашевских и федоровских элементов наблюдается и в материале Такталачукского могильника. Оно придает своеобразие памятнику, отличающее его даже от наиболее близких по культуре памятников низовьев р. Белой типа Тартышево I, Ахметово I и др.

Типичную межовскую керамику содержат Подгорно-Байларский могильник и близкие ему памятники (рис. 9, *1, 2*; 10). Как известно, К. В. Сальников датировал собственно межовский этап последней четвертью II тысячелетия до н. э.[23] В целом эту дату мало изменили материалы межовских памятников, достаточно хорошо раскопанных, таких, как Красногорский могильник в Башкирии и др. Видимо, и Подгорно-Байларский могильник является более поздним, чем Такталачукский, хотя в материале его сохраняется преемственность. Элементами, доказывающими связь развитой межовской керамики с такталачукской, являются: сохранение близких форм сосудов; примесь раковины у некоторых из них; наличие горизонтальных, коротких косо поставленных и пересекающихся резных линий в орнаментации и т. д. Самыми поздними межовскими памятниками в восточных районах Татарии, вероятно, являются памятники типа III Кырнышской стоянки (рис. 9, *3, 4*).

Приведенные нами материалы из ТАССР не противоречат предполагаемому К. В. Сальниковым передвижению черкаскульского населения из Зауралья на запад[24]. В Предуралье пока не выявлены памятники с желобчатой керамикой, которую К. В. Сальников считал ранней. На последующем этапе черкаскульское население, видимо, занимает широкую территорию к западу от Урала. Пока наиболее западными черкаскульскими памятниками являются памятники недалеко от г. Елабуги в Татарской АССР (I Луговская стоянка и др.), хотя фрагменты керамики черкаскульского облика встречаются даже в приказанских памятниках в низовьях Камы (рис. 9, *6*).

---

[23] *Сальников К. В.* Очерки..., с. 363.
[24] Там же, с. 371.

E. P. Kazakov

CHERKASKUL CULTURE SITES IN THE EAST OF THE TATAR REPUBLIC

Summary

In the last years two cemeteries and several settlements of Cherkaskul culture were investigated in the East of the Tatar republic. From the Taktalachuk cemetery 58 graves might be dated to the third quarter of the II millenium B. C. The graves are shallow, the skeletons as a rule are contracted with head to the East. Grave lots consist of some vessels of clay with shell mixture in the paste (fig. 4—5), bronze knives, a spear, flint and bone arrow-heads and other artifacts (fig. 3). The materials of the cemetery contain elements of Abashevo and Fyodorovo cultures. In later Podgorno — Bailar barrow cemetery two graves were excavated with fire places and pottery of the Mezhovo period of the Cherkaskul culture (fig. 10). Fragments of similar and also later Cherkaskul pottery have been discovered in the Minniyarovsk, III Kyrnysh and other settlements.

В. Б. ВИНОГРАДОВ, С. Л. ДУДАРЕВ

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

В данной работе вводятся в научный оборот вещевые комплексы и отдельные находки, добытые авторами в основном в последнем пятилетии при спасении разрушающихся памятников предскифского времени в различных районах Чечено-Ингушской АССР (рис. 1, карта).

К числу погребальных памятников доскифской эпохи в слабоизученном правобережном районе среднего Притеречья относится захоронение, обнаруженное в 1973 г. в 1,5 *км* к западу от сел. Советское (бывш. Кескем) Малгобекского р-на при строительстве дороги (рис. 1,1) [1]. Оно было полностью разрушено, и поэтому обряд погребения не сохранился. По словам рабочих, могила в грунте содержала один скелет и не была оформлена камнем. Рядом с обломками черепа строители обнаружили фрагментированный глиняный сосуд. Это кувшин неровного, серо-красного обжига, имеющий тулово усеченно-биконической формы, переходящее в цилиндрическое горло с обломанным венчиком (рис. 2, *11*). Сосуд по корпусу украшен двойными сосцевидными налепами. Тесто слабое, с примесью шамота.

Некоторые комплексы и находки изучаемого периода связаны с районом Сунженского правобережья.

В пос. Гикало Грозненского сельского района в 1973 г. доследовано разрушенное при земляных работах грунтовое захоронение (рис. 1, II). По свидетельству тракториста В. С. Марченко, скелет в погребении лежал скорченно на боку. На костях запястий каждой руки погребенного рабочий обнаружил по одному бронзовому браслету. Браслеты изготовлены из толстого бронзового, овального в сечении прута (рис. 3, *1, 2*). В погребальный инвентарь входили также колечко из полуовальной в сечении бронзовой пластины (рис, 3, *4*) и витая круглая в сечении шейная гривна с закрученными концами (рис. 3, *3*) [2].

У железнодорожной станции Хан-Кала (Грозненский сельский район, рис. 1, III) в разрушенном строителями кургане в 1973 г. было обнаружено четыре бронзовых браслета (рис. 1, *3—6*). Браслеты с несомкнутыми концами, треугольные в сечении [3].

Еще один комплекс бронзовых украшений случайно найден на левом берегу Аргунского канала в 4 *км* юго-западнее сел. Шали (рис. 1, V). Он состоит из двух браслетов и подвески в два оборота. Браслеты почти полностью аналогичны образцам из погребения у пос. Гикало (рис. 1,

[1] *Виноградов В. Б., Петренко В. А., Дударев С. Л., Мамаев Х. М.* Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году. Грозный, 1975, с. 26, 27, рис. 33, *1*.

[2] *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии.— АО — 1973, М., 1974, с. 103.

[3] *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973, с. 38, 39, рис. 41, *1—4*.

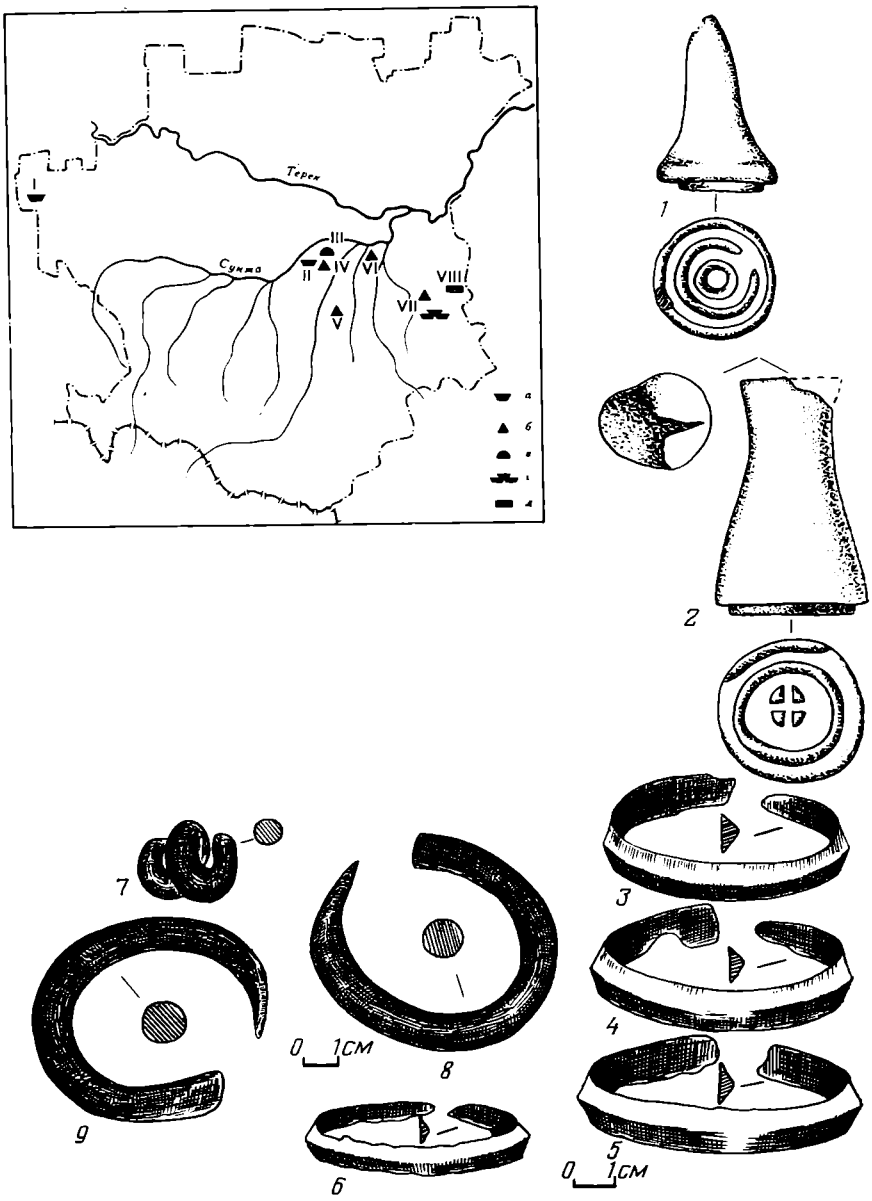


Рис. 1. Карта расположения новых комплексов и находок предскифского времени на территории Чечено-Ингушской АССР:

I — грунтовое погребение у сел. Советское (Кескем); II — грунтовое погребение у пос. Гикало; III — комплекс из погребения в кургане у станции Хан-Кала; IV — находка на Ханкальском 2-м городище; V — комплекс бронзовых украшений из окрестностей сел. Шали; VI — находка у ст. Джалка; VII — грунтовой могильник и находка у сел. Ахкинчу-Барзой; VIII — погребение в каменном ящике у сел. Яман-Су.

а — грунтовое погребение; *б* — случайная находка; *в* — погребение в кургане; *г* — грунтовый могильник; *д* — погребение в каменном ящике.

1 — пинтадера с Ханкальского 2-го городища; *2* — пинтадера из окрестностей ст. Джалка; *3—6* — браслеты из кургана у станции Хан-Кала; *7—9* — браслеты и подвеска из сел. Шали; *1—2* — глина, *3—9* — бронза

8, 9). Диаметр сечения круглый. Массивная подвеска также изготовлена из круглого бронзового прута (рис. 1, *7*).

Из того же района Сунженского правобережья происходят две находки глиняных штампов-пинтадер. Одна из них была связана с раскопками у края рва на Ханкальском 2-м городище (рис. 1, IV) [4]. Рабочая

[4] Раскопки В. Б. Виноградова и В. А. Петренко в 1970 г.

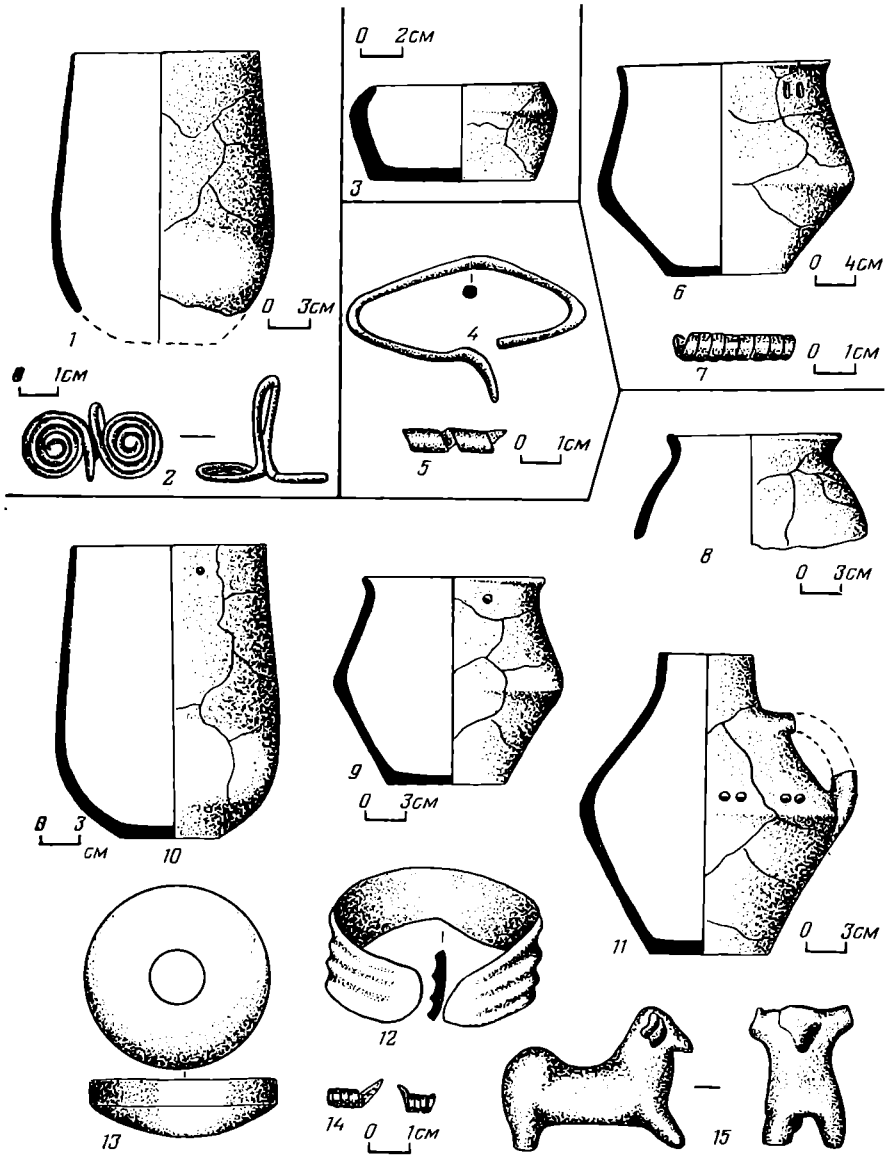


Рис. 2. *1—10* — материалы погребений Ахкинчу-Барзойского могильника: *11* — сосуд из погребения у сел. Советское (Кескем); *12—14* — комплекс из каменного ящика у с. Яман-Су; *15* — фигурка барана из сел. Ахкинчу-Барзой; *1, 3, 6, 8—10, 11, 15* — глина; *2, 4, 5, 7, 12, 14* — бронза; *13* — камень

часть пинтадеры украшена солярным узором из двух концентрических кругов, между которыми «вписан» круг с несходящимися концами (рис. 1, *1*). Вторая пинтадера найдена школьниками в окрестностях железнодорожной станции Джалка в 1972 г. Предмет имеет вид конуса, приобретающего в нижней части колоколовидные очертания и с раструбом наверху. Штамп имеет две рабочие поверхности. Верхняя наполовину обломана, на ней нанесено врезанное, по-видимому, крестообразное изображение. Нижняя украшена рельефно выступающим кругом, внутри которого располагаются четыре выпуклых сегмента (рис. 1, *2*) [5].

Остальные из публикуемых материалов добыты при обследовании некоторых памятников раннежелезного века в Юго-Восточной Чечне.

[5] О находке сообщил С. Я. Суслов.

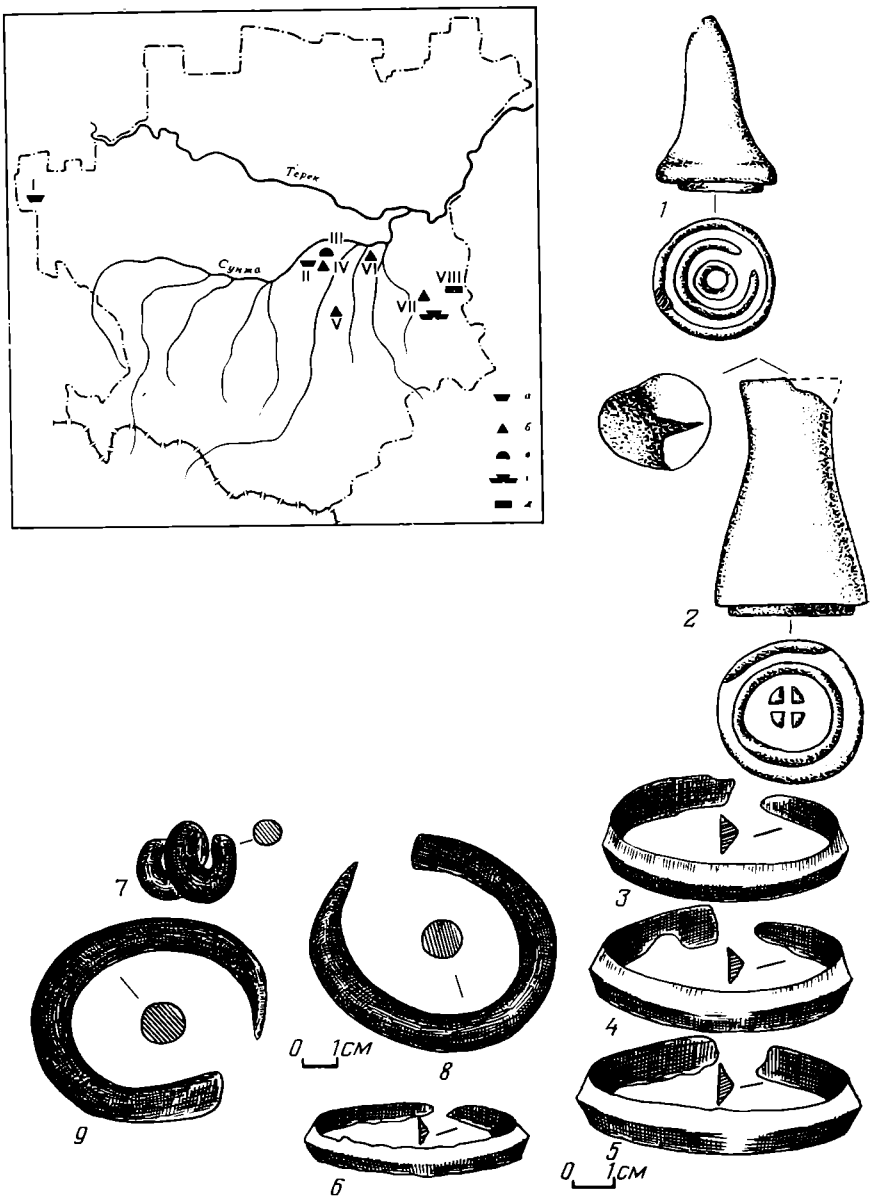


Рис. 1. Карта расположения новых комплексов и находок предскифского времени на территории Чечено-Ингушской АССР:

I — грунтовое погребение у сел. Советское (Кескем); II — грунтовое погребение у пос. Гикало; III — комплекс из погребения в кургане у станции Хан-Кала; IV — находка на Ханкальском 2-м городище; V — комплекс бронзовых украшений из окрестностей сел. Шали; VI — находка у ст. Джалка; VII — грунтовой могильник и находка у сел. Ахкинчу-Барзой; VIII — погребение в каменном ящике у сел. Яман-Су.

а — грунтовое погребение; *б* — случайная находка; *в* — погребение в кургане; *г* — грунтовый могильник; *д* — погребение в каменном ящике.

1 — пинтадера с Ханкальского 2-го городища; *2* — пинтадера из окрестностей ст. Джалка; *3—6* — браслеты из кургана у станции Хан-Кала; *7—9* — браслеты и подвеска из сел. Шали; *1—2* — глина, *3—9* — бронза

8, 9). Диаметр сечения круглый. Массивная подвеска также изготовлена из круглого бронзового прута (рис. 1, 7).

Из того же района Сунженского правобережья происходят две находки глиняных штампов-пинтадер. Одна из них была связана с раскопками у края рва на Ханкальском 2-м городище (рис. 1, IV) [4]. Рабочая

[4] Раскопки В. Б. Виноградова и В. А. Петренко в 1970 г.

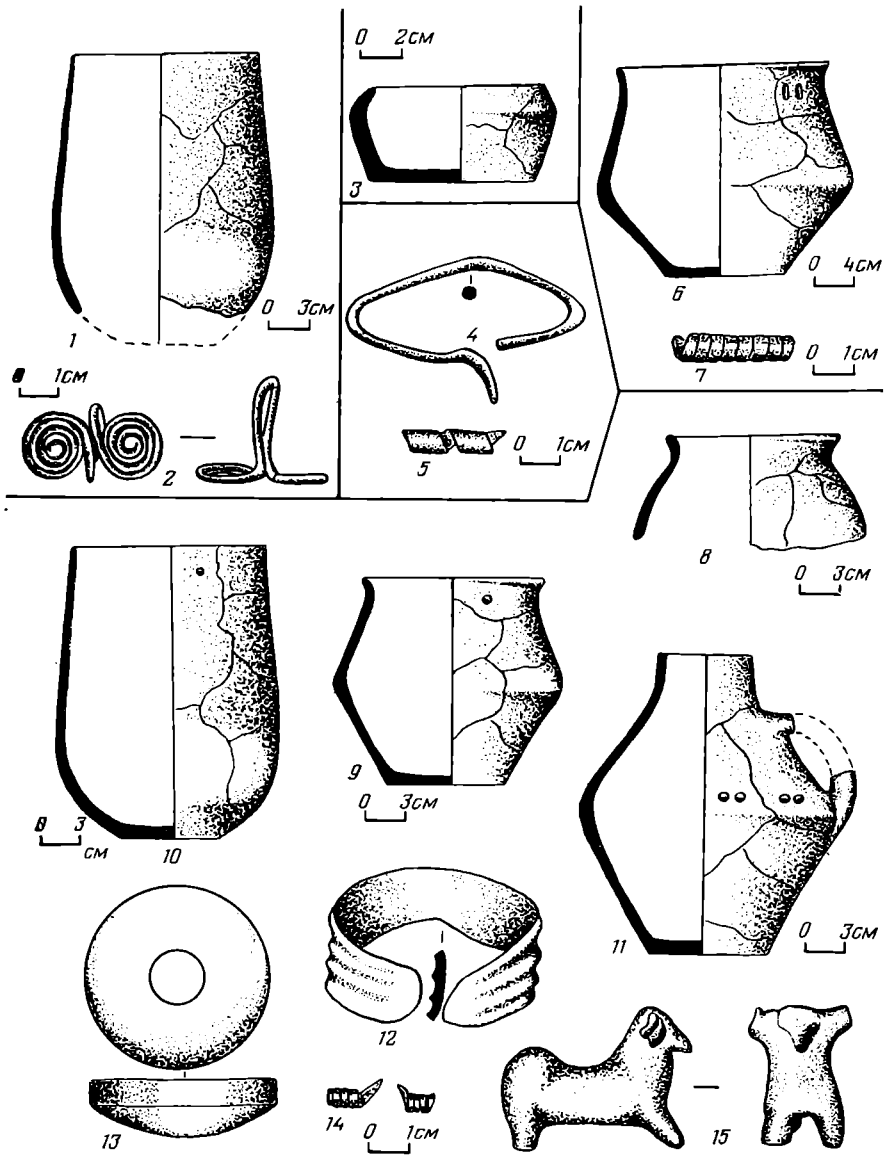


Рис. 2. *1—10* — материалы погребений Ахкинчу-Барзойского могильника: *11* — сосуд из погребения у сел. Советское (Кескем); *12—14* — комплекс из каменного ящика у с. Яман-Су; *15* — фигурка барана из сел. Ахкинчу-Барзой; *1, 3, 6, 8—10, 11, 15* — глина; *2, 4, 5, 7, 12, 14* — бронза; *13* — камень

часть пинтадеры украшена солярным узором из двух концентрических кругов, между которыми «вписан» круг с несходящимися концами (рис. 1, *1*). Вторая пинтадера найдена школьниками в окрестностях железнодорожной станции Джалка в 1972 г. Предмет имеет вид конуса, приобретающего в нижней части колоколовидные очертания и с раструбом наверху. Штамп имеет две рабочие поверхности. Верхняя наполовину обломана, на ней нанесено врезанное, по-видимому, крестообразное изображение. Нижняя украшена рельефно выступающим кругом, внутри которого располагаются четыре выпуклых сегмента (рис. 1, *2*) [5].

Остальные из публикуемых материалов добыты при обследовании некоторых памятников раннежелезного века в Юго-Восточной Чечне.

[5] О находке сообщил С. Я. Суслов.

Рис. 3. Бронзовые украшения из погребения в пос. им. Гикало

В 1975 г. вновь подвергся раскопкам Ахкинчу-Барзойский могильник X—VIII вв. до н. э.[6]. Сигналом для этого послужили весьма выразительные комплексы бронзовых украшений, обнаруженные в 30 *м* к юго-западу от раскопа 1973 г. при нивелировке грунта для хозяйственных нужд (рис. 4). Как показало доследование места нахождения этих вещей и опрос очевидцев, данные бронзовые предметы принадлежат к двум отдельным погребениям. В составе инвентаря **погребения 1(4)** [7], совершенного примерно на глубине 0,4 *м* в простой грунтовой яме, содержатся: 1) крупные двухвитковые височные кольца выпукловогнутого сечения (4 шт.), одно из которых, вероятно, заканчивалось отломанной при «раскопках» волютой (рис. 5, *1—5*); 2) браслет диаметром 5 *см* из толстой проволоки овального сечения (рис. 5, *6*); 3) три хорошо сохранившихся бронзовых накосника и многочисленные обломки аналогичных украшений (рис. 5, *7—9*); 4) бронзовый перстень с двумя волютами, закрученными в разные стороны (рис. 2, *2*); 5) фрагментированный сосуд баночной формы, корпус которого заметно сужается ко дну (рис. 2, *1*). Комплекс венчала прекрасная бронзовая булавка с широким, почти круглым навершием и двумя вырезами у стержня, украшенная тремя чеканными выпуклинами (рис. 5, *10*). Обряд погребения остался неизвестен.

Погребение 2(5) находчики обнаружили в 2 *м* к востоку от предыдущего захоронения. Оно, по-видимому, также было сооружено прямо в грунте, ибо никаких следов оформления камнем или деревом здесь не зафиксировано. В инвентаре: 1) шесть бронзовых двухвитковых височных колец и три фрагмента от подобных же украшений, полностью аналогичные подвескам из погребения 1(4); 2) три бронзовые накосника, совершенно такие же, как и вышеописанные; 3) фрагменты глиняного сосуда, форма которого не восстанавливается; 4) подобранная при зачистке остатков могилы глиняная плошка усеченно-биконической формы (рис. 2, *3*). Следует отметить, что на лобной части выявленных при доследовании обломков черепа имеется четкий след патины от какого-то бронзового украшения (скорее всего налобной ленты).

Поскольку территория могильника занята постройками и приусадебным участком, раскопочные работы вновь, как и в 1973 г., пришлось вести на весьма ограниченной территории (рис. 4).

В 6 *м* к востоку от описанных захоронений были заложены две разведочные траншеи, которые затем были слиты в единый раскоп (8×4 *м*²).

В северо-восточном углу раскопа на глубине 0,35 *м* найдены остатки грунтового **погребения 3(6):** фрагментированный горшок усеченно-биконической формы (рис. 2, *6*), украшенный тремя парными налепами по тулову. Рядом с ним обнаружен бронзовый накосник (рис. 2, *7*).

---

[6] Подробные сведения о раскопках могильника и его топографии см.: *Виноградов В. Б.* и др. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии, с. 101; *Виноградов В. Б.* и др. Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах..., с. 2—10; *Дударев С. Л.* Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия).— СА, 1976, № 1, с. 257—261.

[7] Цифры в скобках продолжают общую нумерацию погребений, исследованных в этом могильнике.

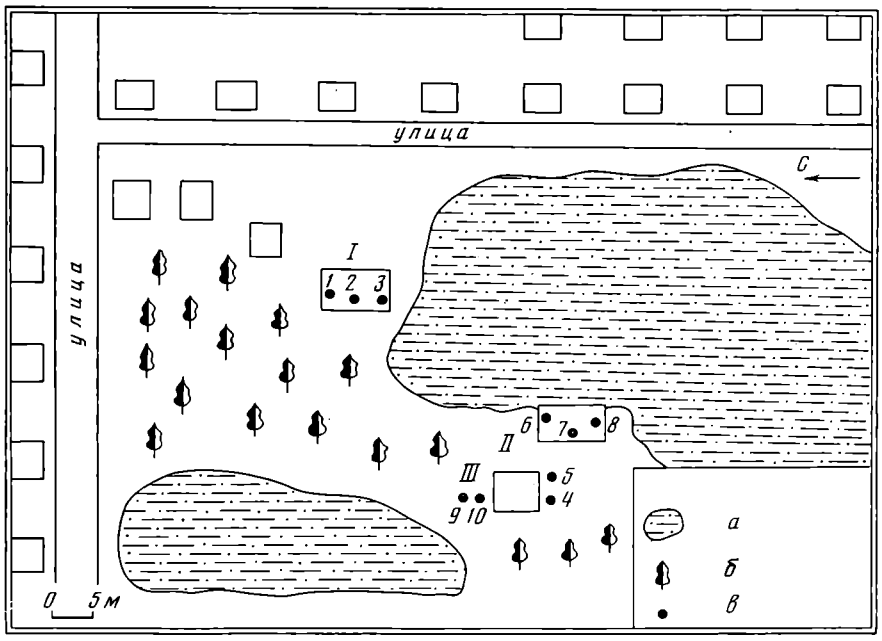


Рис. 4. План расположения на местности Ахкинчу-Барзойского могильника и топография погребений: I — раскоп 1973 г.; II — раскоп 1975 г.; III — постройка; *а* — огороды; *б* — сад; *в* — погребение

Севернее сосуда — мелкие кости скелета человека. Отдельные кусочки древесного угля свидетельствовали о наличии подсыпки из угольков в могиле.

Разрушенным оказалось и **погребение 4(7).** Оно обнаружено возле западной стенки раскопа на глубине 0,55 *м*. Здесь выявлены лишь разрозненные кости скелета ребенка. Рядом с южной стенкой раскопа расчищено также полностью разрушенное **погребение 5(8)** (глубина 0,45 *м*). От него остались лишь фрагменты черепа, возле которых выявлены обломок бронзового накосника и лучевая кость руки с надетым на нее деформированным бронзовым тонкопроволочным браслетом (рис. 2, *4*, *5*), один конец которого отогнут.

Остатки еще двух погребений были обнаружены и доследованы в яме для выборки глины, расположенной в 11 *м* к северу от погр. 4. Здесь на глубине 0,6 и 0,75 *м* соответственно найдены лишь разрозненные человеческие кости и фрагментированные глиняные сосуды. Это горшки баночной и усеченно-биконической формы, украшенные отдельными сосцевидными налепами и фрагмент горшка с округлым туловом (рис. 2, *8—10*).

Из окрестностей сел. Ахкинчу-Барзой происходит и глиняная фигурка барана, найденная в 1975 г. учителем-краеведом Г. Асхабовым в 1—1,5 *км* к югу от описанного могильника (рис. 2, *15*) [8].

На территории могильника Яман-Су, исследовавшегося в свое время Р. М. Мунчаевым и В. И. Марковиным [9], доследованы остатки разрушенного погребения в каменном ящике. Среди его обломков подобраны: бронзовый браслет с граненной внешней плоскостью, круглое каменное пряслице и обломки бронзовых спиральных накосников (рис. 2, *12—14*).

Попытаемся обосновать культурную принадлежность и датировку описанных материалов.

---

[8] *Виноградов В. Б.* и др. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках..., с. 52, рис. 53, *18*.

[9] *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Могильник Яман-Су на границе Чечни и Дагестана.— АЭС, т. 2. Грозный, 1968.

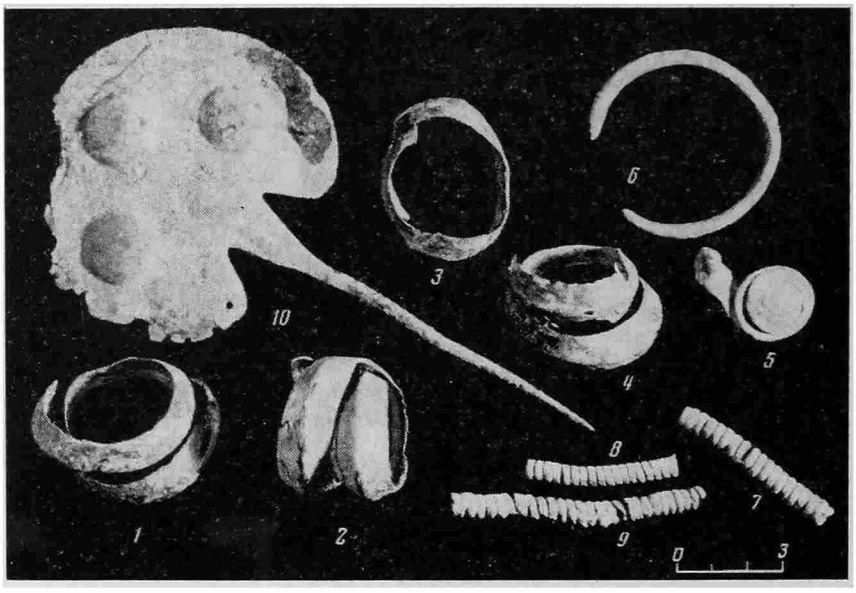


Рис. 5. Комплекс бронзовых предметов из могилы 1 (4) у сел. Ахкинчу-Барзой

Зафиксированные **типы погребальных сооружений** достаточно разнообразны: 1) грунтовые могилы (Советское, Гикало, Ахкинчу-Барзой); 2) погребения в кургане (Хан-Кала); 3) каменные ящики (Яман-Су). Захоронения в простых грунтовых могилах наиболее характерны для кобанских памятников предгорно-плоскостной зоны Центрального Кавказа и Чечено-Ингушетии, изредка встречаясь в горных памятниках каякентско-харачоевской культуры (Харачой). Грунтовые захоронения полностью преобладают и в тех некрополях Юго-Восточной Чечни, которые отмечены сочетанием черт кобанской и каякентско-харачоевской культур (Бачи-Юрт, Аллерой) [10]. Значительный процент грунтовых захоронений наблюдается в Зандакском могильнике, материалы которого также имеют смешанный облик [11].

О характере захоронения в кургане у станции Хан-Кала (впускное или подкурганное) судить не представляется возможным. Однако известно, что в предскифское время обряд погребения под курганными насыпями бытует в кобанских древностях предгорий и плоскости от Пятигорья до Чечено-Ингушетии включительно (Эшкакон, Каменномостское, Заюково, Знаменское), сохраняясь и в скифскую эпоху [12].

Погребения в каменных ящиках традиционны для той территории, где расположен могильник Яман-Су. Каменные ящики как форма погребального сооружения представляют массовое явление в каякентско-ха-

[10] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 212, 242 сл.; *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник у сел. Сержень-Юрт.— СА, 1969, № 4, с. 171; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 231 сл.; с. 266 сл.; *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 35; *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.— АЭС, т. 1. Нальчик, 1974, с. 29, 30, 32, 33; *Ошаев М. Х.* Новые могильники каякентско-харачоевской культуры.— АО — 1974. М., 1975, с. 124.

[11] *Крупнов Е. И.* Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР.— АЭС, т. 3. Грозный, 1969, с. 14; *Марковин В. И.* Ук. соч., с. 18, 55, 62 сл.

[12] *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 33, 34, 36, 37; *Виноградов В. Б., Исламов А. А.* Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии.— Изв. ЧИИИИИЯЛ, т. VI, вып. 1. Грозный, 1965, с. 158; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 238, 239; *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах.... с. 29; *Козенкова В. И.* Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореф. канд. дис., М., 1969, с. 6.

рачоевской культуре всех ее этапов и продолжают существовать в постхарачоевский период[13], что хорошо подтверждается и основными материалами могильника Яман-Су[14].

Таким образом, типы погребальных сооружений, выявленные во вновь открытых могильных комплексах с территории Чечено-Ингушетии, обычны для некрополей предскифского времени Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

К сожалению, почти ничего нельзя сказать о положении умерших в могиле и деталях похоронного ритуала. Можно лишь констатировать, что в отдельных разрушенных погребениях у сел. Ахкинчу-Барзой зафиксированы следы угля в могиле. Но обряд разведения в могиле погребального костра или помещения в нее прогоревших углей встречается во многих памятниках указанного ареала, в том числе и в ранее исследованных погребениях у сел. Ахкинчу-Барзой[15].

Изучаемый вещевой материал подразделяется на следующие группы: 1) глиняная посуда; 2) керамические поделки и изделия из камня; 3) бронзовые украшения. Сравнительный анализ данных находок позволяет более уверенно говорить о культурной принадлежности и датировке выявленных памятников.

Посуда представлена исключительно лепными сосудами. Среди них встречаются кувшины, горшки, миски. Кувшин из погребения у сел. Советское (Кескем) находит параллели в керамике захоронений IX—VII вв. до н. э. Аллероевского I могильника[16]. Следует заметить, что эта типологическая разновидность посуды на Центральном и Северо-Восточном Кавказе встречается в изучаемую эпоху, как правило, только в кобанских или отмеченных кобанским влиянием памятниках (мы не имеем в виду могильники мугерганского типа, в инвентаре которых найдены кувшины закавказского облика)[17].

Горшки, обнаруженные в погребениях Ахкинчу-Барзойского могильника, распадаются на три типа: 1-й тип — горшки усеченно-биконической формы (рис. 2, *6, 9*); 2-й тип — баночные горшки с маленьким дном (рис. 2, *1, 10*); 3-й тип — горшки с округлым туловом (рис. 2, *8*).

Горшки 1-го типа — основной вид посуды в керамическом материале могильника[18]. Они хорошо представлены на Сержень-Юртовских могильнике и поселении кобанской культуры[19]. 2-й и 3-й типы горшков встречены на Ахкинчу-Барзойском могильнике впервые. 2-й тип находит точные соответствия в Сержень-Юртовском могильнике[20]. 3-й — в погребении 9 Аллероевского I могильника, датируемого IX—VII вв. до н. э.

Миски, аналогичные образцу из погребения 2 (5), уже известны в

---

[13] *Марковин В. И.* Ук. соч., с. 30—33; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 266; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 34, 35.

[14] *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Ук. соч., с. 153—205.

[15] *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник..., с. 173; *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 167; *Пикуль М. И.* Мугерганский могильник.— МАД, III, 1973, с. 35, 37, 38 сл.; *Дударев С. Л.* Раскопки могильника..., с. 259; *Давудов О. М., Гаджиев Ю. М., Малкин Г. А.* Новые работы на Мугерганском могильнике.— АО — 1976. М., 1977, с. 94.

[16] Отчет В. Б. Виноградова о раскопках в 1968 г.

[17] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа, с. 440, табл. XVIII, *1—6*; табл. XLIII, *1—7*; *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры. Орджоникидзе, 1961, с. 21, рис. 4, 1—2; *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры.— СА, 1972, № 2, с. 116, рис. 3, *4*; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана..., с. 62.

[18] *Дударев С. Л.* Раскопки могильника..., с. 260.

[19] *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник..., с. 181, рис. 3, *7*; *Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии.— КСМА АН СССР, № 94, 1963, с. 45, рис. 11, *2, 3*; *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.).— КСИА АН СССР, № 106, 1966, с. 85, рис. 37, *8*.

[20] *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник..., с. 181, рис. 3, *8*.

ахинчу-барзойских могильниках (погр. 2 из раскопок 1973 г.). Они почти неотличимы от сержень-юртовских [21].

По технике изготовления, обжигу и приемам орнаментации описанные сосуды очень близки керамике Алхастинского, Бамутского и Сержень-Юртовского поселений и могильника у сел. Сержень-Юрт. Обжиг часто неровный, красно-серых или желто-красных тонов, тесто слоистое, с большими добавлениями плохо толченного шамота [22].

К керамическим поделкам относятся глиняные штампы-пинтадеры и глиняная фигурка барана (рис. 1, *1, 2*; рис. 2, *15*). Пинтадера с Ханкальского 2-го городища характерна по форме для восточнокобанских поселений (Алхастинское, Бамутское, Сержень-Юртовское) [23]. Аналогичные штампы известны и в Западном Азербайджане (Сары-Тепе) [24]. Солярная орнаментация ее рабочей поверхности морфологически близка уже известным изображениям. Пинтадера из окрестностей ст. Джалка оригинальна так типологически, так и по оформлению. Штампы-пинтадеры из глины, найденные на Кавказе, относятся исследователями к X—VII вв. до н. э.[25] Полагаем, что данные хронологические рамки приемлемы и для наших пинтадер.

Бесспорно к предскифскому времени относится фигурка барана из сел. Ахкинчу-Барзой. Глиняные статуэтки животных присущи именно раннему этапу бытования материальной культуры восточных кобанцев. Они являлись популярным атрибутом отправления культовых церемоний [26].

Изделия из камня представлены каменным пряслицем из с. Яман-Су (массовая находка на поселениях кобанской культуры (Змейское и др.)) [27].

Наиболее выразительной частью публикуемой коллекции являются **бронзовые украшения.** Среди браслетов выделяются пять типов: 1) традиционный кобанский, с граненой внешней плоскостью (рис. 2, *12*) Подобные браслеты известны в Герпегежском, Верхнерутхинском, Ахкинчу-Барзойском, Аллероевском I, а особенно в Сержень-Юртовском могильнике, а также в составе Майртунского клада. Их датировка — IX—VII вв. до н. э.[28] 2) браслеты с несомкнутыми концами, треугольные в сечении (рис. 1, *3—6*). Аналогичные браслеты известны в комплексах Аллероевского I, Николаевского и Сосновогорского могильников, в составе Майртупского клада [29]. Они датируются VIII — первой поло-

---

[21] Там же, с. 181, рис. 3, *4*.

[22] Там же, с. 180, 181; *Магомедов А. Р.* Культура Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дис., М., 1973, с. 12, 13.

[23] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа, с. 157, рис. 19, *1—5*; *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение..., с. 118, рис. 5, 2, *5*; *Крупнов Е. И.* Новые «пинтадеры» из с. Сержень-Юрт.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 192—196.

[24] *Нариманов И. Г.* Глиняные штампы из Западного Азербайджана.— МКА, VII, Б., 1973, с. 116, табл. 1, *5*. Ссылкой на эту работу мы обязаны любезному сообщению Р. М. Мунчаева.

[25] *Крупнов Е. И.* Новые «пинтадеры»..., с. 193; *Нариманов И. Г.* Ук. соч., с. 122. Бытование северокавказских пинтадер в VII в. до н. э. допускает Р. М. Мунчаев: «Я не отрицаю возможность того, что и в VII в. до н. э. могли бытовать на Северном Кавказе глиняные штампы-пинтадеры. Кстати, в литературе имеется указание на то, что пинтадеры найдены в погребении VII в. до н. э. в Восточной Грузии, в Иоро-Алазанском бассейне. Другими словами, и в Закавказье они существовали позже VIII в. до н. э.» (из письма к С. Л. Дудареву от 20.XI.1973 г.).

[26] *Козенкова В. И.* Кобанская культура..., с. 14.

[27] *Магомедов А. Р.* Культура Северо-Восточного Кавказа..., с. 20.

[28] *Чеченов И. М.* Древности..., с. 41; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 236; с. 460, табл. XXXVIII, *16*; *Дударев С. Л.* Раскопки могильника..., с. 258, рис. 1, *1*; раскопки В. Б. Виноградова в 1968 г.; *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник..., с. 177, рис. 2. *17. 18*: *ее же.* Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника.— КСИА АН СССР, № 123, 1970, с. 115, 116, рис. 38, *2*; *Виноградов В. Б.* Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии.— СА, 1970, № 3, с. 203, рис. 1, *7—10*.

[29] Раскопки В. Б. Виноградова в 1968 г.; *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник у с. Николаевского.— В сб.: Материалы по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961,

виной VII в. до н. э.; 3) овальные или круглые в сечении браслеты с несомкнутыми расплющенными концами (рис. 1, *8*, *9*; рис. 3, *1*, *2*) близки орнаментированным экземплярам, найденным в Зандакском могильнике, в комплексе VIII—VII вв. до н. э., но большее сходство обнаруживают с некоторыми образцами из Нестеровского могильника [30]; 4) овальнопроволочный браслет с несомкнутыми концами (рис. 5, *6*). Данный тип, различаясь лишь толщиной бронзового прута, распространен в древностях раннежелезного века Кавказа [31]; 5) тонкопроволочный, круглый в сечении браслет с несомкнутыми концами (возможно, что первоначально концы заходили друг за друга) (рис. 2, *4*) находит параллели в кавказских погребальных памятниках эпохи поздней бронзы — раннего железа [32].

Гривна из пос. Гикало наиболее сходна с соответствующими образцами из Пятигорья и Чечено-Ингушетии [33] и датируется VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Уникальной для территории Чечено-Ингушетии является булавка из погр. 1(4) Ахкинчу-Барзойского могильника. Ее можно считать точной копией экземпляра из Кобанского могильника (по А. С. Уварову [34]). В последнем, а также в Тлийском некрополе известны и булавки с навершиями, почти неотличимыми от навершия нашей булавки, с той разницей, что выпуклины на них заменены концентрическими кругами, литыми или исполненными в пуансонной технике [35].

Височные кольца из погр. 1 (4) и 2 (5) Ахкинчу-Барзойского могильника — составная часть женского головного убора восточных кобанцев (Сержень-Юртовский могильник, III тип височных колец, по В. И. Козенковой) [36]. Их редкие находки отмечены и в близлежащих районах Юго-Восточной Чечни (Шали, Ведено, Аллерой) [37]. Подобные украшения бытовали у кобанского населения прилегающих к Ичкерии районов в первой трети I тысячелетия до н. э. В скифское время этот тип височных колец несколько видоизменился по форме и размерам [38].

Среди рассматриваемых бронзовых изделий немало мелких украшений, типичных для продукции кобанского бронзолитейного дела: пер-

---

табл. IV, *9*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, т. IV. Грозный, 1976, с. 62, рис. 9, *9*; *Виноградов В. Б.* Новые комплексы..., рис. 1, *1—5*.

[30] *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 280, рис. 46, *4*. Комплекс с орнаментированными браслетами из Зандакского могильника демонстрируется в экспозиции ЧИРКМ.

[31] *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 291, рис. 51, *1*; с. 487, табл. XVII, *2—3*; *Трапш М. М.* Труды, т. I. Сухуми, с. 151, табл. IV, *8*.

[32] *Коридзе Д. Л.* Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского района. Тбилиси, 1961, табл. II; *Менабде М., Давлианидзе Ц.* Могильники Триалети. Каталог I. Тбилиси, 1968, табл. VII, *292*; *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, 1972, № 3, с. 29; *Асланов Г. Г., Кесаманлы Г. П.* Об одной группе каменных ящиков в сел. Хачбулаге Дашкесанского района.— Изв. АН Азерб. ССР, сер. истории, философии, права, № 1. Баку, 1975, с. 89, табл. I.

[33] *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 455, табл. XXXIII, *3*; *Пикуль М. И.* Дагбашский могильник.— Уч. зап. Дагфилиала АН СССР, т. IX, сер. история. Махачкала, 1961, с. 301, 305, табл. IV, *12*.

[34] *Уваров А. С.* К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе.— Тр. V АС. М., 1887, с. 1 сл., табл. VII.

[35] *Техов Б. В.* О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э.— МАДИСО, т. II, с. 50 (таблица — вклейка).

[36] *Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник..., с. 176—178, рис. 2, *2*.

[37] Коллекции ОИПК ГЭ, инв. № 451; *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, № 68, 1958, с. 68, 69, рис. 16, *11*; раскопки В. Б. Виноградова 1968 г.

[38] *Мунчаев Р. М.* Археологические раскопки в Ассинском ущелье в 1956 году.— Изв. ЧИРКМ, вып. 10. Грозный, 1961, с. 86, рис. 6, *5*.

стень, подвеска, колечко, многочисленные спиральные накосники (рис. 1, *7*; 2, *2*, *5*, *7*, *14*; 3, *4*; 5, *7—9*) [39]. Сопутствующие находки позволяют отнести названные вещи к предскифскому времени.

Таким образом, проделанный анализ позволяет с большой долей вероятности отнести представленные материалы к кругу кобанских памятников, отметив в отдельных случаях связи последних с соседями (комплекс из Яман-Су). Новые данные по предскифскому периоду в Чечено-Ингушетии дополняют известную характеристику кобанской культуры на территории республики. Они в определенной степени расширяют географию местных памятников материальной культуры исследуемой эпохи, служа надежным свидетельством перспективности дальнейших поисков археологических объектов начала I тысячелетия до н. э. в этом районе Северо-Восточного Кавказа.

V. B. Vinogradov, S. L. Dudarev

MATERIALS ON THE PRE-SCYTHIAN PERIOD IN CHECHENO-INGUSHETIA

Summary

The paper presents a scientific view of the lots of objects and separate finds collected by the authors during their excavations of the pre-Scythian sites (Xth — first half of VIIth c. B. C.) in different parts of the Checheno-Ingushetia. These sites are beeing destroyed now.

The article brings out information on the following items: on sets of bronze ornaments found in the settlement of Gikalo, at the villages Shali and Yaman-Su, and by the railway station Khan-Kala; also there are finds of clay stamps-pintaders from the area near the railway-station Dzhalka and the Khan-Kala 2nd fortified settlement and materials of the 1st Akhkintchu-Barzoi cemetery.

The study of the materials under consideration makes it possible to refer them to the group of Koban sites and sometimes to trace the interrelations between the latter and adjoining sites (items from Yaman-Su). The new data on the pre-Scythian period in Checheno-Ingushetia widen to a certain extent the geography of archaeological sites of the epoch in question. They add some materials to the characteristics of the Koban culture on this territory.

---

[39] *Мерперт Н. Я.* Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году.— КСИА АН СССР, № 88, 1962, с. 43, рис. 5, *5*; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 289, рис. 50, *9*; рис. 48, *19—21*; с. 460, табл. XXXVIII, *1*, *3*; *Козенкова В. И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г.— КСИА АН СССР, № 103, 1965, с. 70, рис. 24, *8*.

А. Ю. КАХИДЗЕ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК ПИЧВНАРИ
(IV в. до н. э.)

Среди памятников Восточного Причерноморья античного времени одно из почетных мест занимает городище Пичвнари. Городище Пичвнари находится в 10 *км* к северу от городского центра Кобулети (Аджарская АССР), в устье р. Чолоки. С 1965 г. изучается связанный с Пичвнарским городищем могильник, который вызывает большой научный интерес. По сравнению с другими аналогичными памятниками Восточного Причерноморья Пичвнарский могильник занимает более обширную территорию, характеризуется обилием погребений и погребального инвентаря, а также тем, что здесь наряду с колхским могильником представлен единственный в Причерноморье Грузии чисто греческий некрополь.

В 1967—1968 и 1972 гг. в Пичвнари, наряду с раскопками греческого могильника V в. до н. э.[1] и колхского могильника того же времени, проводились исследования греческого могильника IV в. до н. э. Этот могильник и территориально и хронологически является продолжением могильника греков предшествующего времени и расположен к юго-востоку от последнего на расстоянии 100—120 *м*. Могильники расположены в западной части городища Пичвнари (IV участок)[2]. Позднее, в эпоху эллинизма, участок могильника IV в. до н. э., очевидно, был занят территорией Пичвнарского поселения, на что указывает перекрывающий его культурный слой этого времени, обнаруженный в 1972 г. (находки обломков черепиц, амфор и других сосудов).

За годы раскопок на территории площадью в 40 $м^2$ было открыто 15 погребений (в 1967 г.— 3, в 1968 — 11 и в 1972 г.— 1)[3].

После снятия гумусного слоя на поверхности песчаного грунта в разных местах были обнаружены скопления фрагментов керамики и костей животных — остатки площадок тризн. Пятна могильных ям четко читаются в подстилающем гумус песчаном слое по их более темному заполнению. Выявлению могильных ям и их размеров способствуют также часто встречающиеся находки гвоздей от гробов или деревянных перекрытий.

По сравнению с могилами V в. до н. э., имеющими бóльшие размеры (до 5×3 *м*), могильные ямы IV в. до н. э. намного меньше (до

---

[1] *Кахидзе А. Ю.* Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). Батуми, 1975 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.).

[2] *Кахидзе А. Ю.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху. Тбилиси, 1971, табл. 1 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

[3] Экспедиция была организована Батумским НИИ АН ГССР под общим руководством А. К. Инаишвили. Помимо автора в раскопках могильника участвовали Н. В. Вашакидзе, С. И. Гогитидзе, Р. Х. Микеладзе, Л. Б. Чхаидзе и А. М. Джавелидзе.

Таблица 1

№ погребений	Размеры могил, м			Тип погребального сооружения			Тризна	Ориентировка	Погребальный инвентарь							Примечание
	длина	ширина	глубина	яма индивидуальная с деревянным гробом	яма индивидуальная с деревянным перекрытием	яма индивидуальная без перекрытия			Амфоры	Чернолаковая керамика	Другие сосуды, их положение	Сероглиняная керамика	Местная керамика	Украшения	Монеты	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	1,85	1	0,98		+			В	Гераклейская в ногах	Сетчатый амфориск в головах						
2	2,25	0,95	1,1	+				В	Гераклейская в головах	Сетчатый лекиф у правой руки		Глиняный сосуд с носиком в головах	Обломок горшка в ногах	Бусы и серебряный перстень со щитом у шеи. Железный браслет на правой руке		
3	2,12	1	0,95		+		+	В	Гераклейская в ЮВ углу	В тризне, килик, солонка, блюдце		В тризне, чаша, обломок горшка				
4	2,3	1	0,9		+			В			Фасосский (?) амфориск в СВ углу		Кувшин и чаша в ногах			
5	2,35	1,05	1,5		+			В					Ойнохоя в ногах			
6	1,8	0,9	1,15				+	ВЮВ					Кувшинчик у правого плеча	Бусы у шеи, железный браслет на левой руке		
7	2,4	1,25	1,15		+			В	Фасосская в головах	В тризне, ойнохоя, скифос, обломок килика, арибаллического лекифа и рыбного блюдца		Кувшин в СВ углу			Колхидка (?) в головах	Монеты сохранились плохо

№ погребений	Размеры могил, м			Тип погребального сооружения			Тризна	Ориентировка	Погребальный инвентарь							Примечание
	длина	ширина	глубина	яма индивидуальная с деревянным гробом	яма индивидуальная с деревянным перекрытием	яма индивидуальная без перекрытия			Амфоры	Черно-лаковая керамика	Другие сосуды, их положение	Сероглиняная керамика	Местная керамика	Украшения	Монеты	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
8	1,6	0,7	0,9		+		+	ВСВ				Кувшинчик в ногах		2 бусины у шеи	2 колхидки (?) в головах	
9	2,25	1,05	1,18		+			В	Гераклейская с клеймом Δαματριο (υ) Μολοσσο (ῡ) в СВ углу			Кувшин у правой ноги				
10	2,6	1,3	0,9		+			В					Кувшин в ногах			
11	2	1,15	1,17		+			В						Бусы у шеи		
12	2,1	0,85	1,08		+		+	ВСВ				В тризне, обломок рыбного блюдца	Кувшин в ногах в тризне, обломок горшка			
13	2,35	1,37		+				ВЮВ		В тризне, солонка, обломок килика	В тризне чаша	Кувшин в ногах, в тризне, обломок кувшина и рыбного блюдца		Железный перстень на левой руке		В тризне, форма колхидского топора позднебронзовой эпохи
14	2,57	1	1,25			+		ВЮВ	Гераклейская в СВ углу	Сетчатый лекиф в ногах			Кувшин в ногах			
15	1,5	1,1	1,07			+		ВЮВ			Ольвийский (?) лекиф в СЗ углу		Горшок в ЮЗ углу			

2,5×1,4 *м*); значительно меньшие площади занимают также и площадки тризн. Что же касается глубины могильных ям, то они примерно одинаковы и достигают 1,5 *м* (см. табл. 1).

Все открытые погребения представляют собой индивидуальные ингумации, могилы ориентированы длинными осями в широтном направлении, погребенные ориентированы головами на восток с небольшими отклонениями. При этом весьма любопытно отметить, что отклонения эти значительно меньше, чем в погребениях V в. до н. э. (рис. 1).

В песчаном грунте Пичвнари скелеты и остатки деревянных гробов не сохраняются. Иногда встречаются зубы. При определении ориентировки особое внимание уделяется расположению инвентаря в могильной яме.

Амфоры с вином, помещенные в могилы, как правило, стоят в головах погребенных, лишь в одном случае — в ногах. Импортные чернолаковые сосуды (все они аттические) чаще всего положены в головах, сосуды же местного производства (их значительно меньше), а также привозные сероглиняные сосуды — в ногах.

В двух случаях в могилах найдены монеты, положенные покойникам в рот («обол Харона»). Характерной особенностью инвентаря греческих погребений Пичвнарского могильника является отсутствие в них сосудов для питья вина (киликов, скифосов), которые часто встречаются на площадках тризн; там же часто встречаются рыбные блюда, которых также нет в могилах.

Среди остродонных амфор из погребений доминирующее положение принадлежит гераклейским. Этот факт имеет для истории торговых отношений Восточного Причерноморья весьма важное значение, так как до сих пор известный в этом районе импорт из Гераклеи Понтийской был крайне малочисленным. Помимо единственной целой амфоры из Батуми — случайной находки [4], были известны лишь немногочисленные их обломки из Сухуми, Очамчире и окрестностей Поти [5]. Судя по типу амфор и сохранившимся клеймам (их всего два), они должны быть датированы первой половиной IV в. до н. э. [6] Помимо гераклейских амфор, лишь в одном случае (погр. 7) были найдены остатки фасосской амфоры.

Значительный интерес представляет аттическая чернолаковая керамика. По сравнению с аналогичным материалом из могильника V в. до н. э. она значительно малочисленней, менее разнообразны формы сосудов, среди них отсутствуют расписные (если не считать сетчатых лекифов и амфориска). Но вместе с тем ряд типов сосудов (каннелированная ойнохоя и сетчатый амфориск — рис. 2, *1*; 3, *1, 3*; 4, *2*) впервые фиксируется в Восточном Причерноморье.

Аналогичные сетчатые амфориски происходят на Пантикапее (инв. № 20743 и 20744) хранятся в ГИМе [7]. Более широко распространены чернолаковые килики со штампованным орнаментом (рис. 2, *5*) [8], скифо-

---

[4] *Кахидзе А. Ю.* Керамическая тара из Пичвнарского городища античного времени.— В сб.: Памятники юго-западной Грузии, вып. II, Тбилиси, 1971, с. 52 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

[5] *Инадзе М. П.* К вопросу о торговле в древней Колхиде.— В кн.: Кавказско-Ближневосточный сборник, вып. II. Тбилиси, 1962, с. 100 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); *Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, с. 129 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.).

[6] Определение И. Б. Брашинского.

[7] Ср. также: *Бессонова С. С.* Погребения IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 248, 251, рис. 7, *1*; CVA, Danemark, 4, p. 143, pl. 183, *4*; CVA, Bucarest I (Roumanie 1), 1965, p. 40, pl. 35, *18*; CVA, Heidelberg I, pl. 28, *14*.

[8] *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6-th, 5-th, and 4-th Centuries B. C.— In: The Athenian Agora Results of Excavation, v. XII. Princeton, New Jersey, 1970, p. 220.

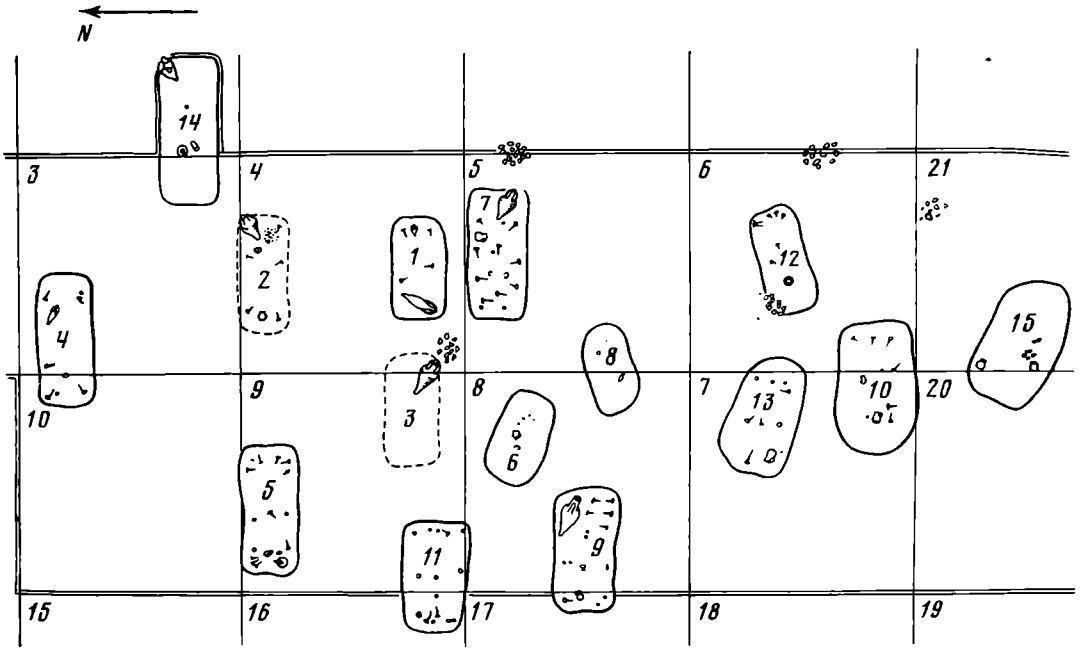


Рис. 1. План вскрытой части могильника

сы (рис. 4, *5*) [9], солонки (рис. 6, *5*), сетчатые лекифы (рис. 3, *2*; 5, *3*; 7, *3*) [10] и каннелированные ойнохои (рис. 3, *3*; 4, *2*) [11].

Совершенно новыми для Причерноморья Грузии являются находки сероглиняных кувшинов (рис. 2, *9*; 4, *4*; 5, *2*); особенно интересен сохранившийся фрагментарно небольшой сероглиняный кувшинчик со сливом в виде носика. Нередки и находки сероглиняных рыбных блюд (рис. 6, *3*).

Подобная сероглиняная керамика в Западном и Северном Причерноморье встречается повсеместно, и исследователи повсюду считают ее местной продукцией [12]. Однако сопоставление находок из Пичвнари с аналогичным материалом из раскопок в других местах (Херсонес, Ольвия, Елизаветовское городище на Дону и др.) приводит к мысли, что

---

[9] Agora XII, с. 81 сл.

[10] *Смирнов Г. Д.* Раскопки скифского кургана близ городища Калос Лимен.— ВДИ, 1952, № 4, с. 190, рис. 6; *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи.— МИА, 1959, № 69, с. 124, рис. 18; *Козуб Ю. І.* Лекифи Ольвійського некрополя V—IV ст. до н. е.— Археологія, XIV, 1962, с. 130, 131, табл. IV; *ее же.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е. Київ, 1974, с. 90—101, рис. 47, *4—6*; *Иванов Т.* Антична керамика от некрополя на Аполония.— В сб.: Аполония. София, 1963, с. 122 сл., табл. 53, 54; *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus, P. V. Baltimore, London, Oxford, 1933, p. 474, pl. 146, *47*; *Beazley J. D.* Miniature Panathenaies.— In: Annual of the British Schoole at Athens, N 41, 1940—1945, p. 17; *Bulas K.* Etude sur une classe de vase à décor en forme de réseau ou cailles.— In: Bulletin de correspondance hellénique, N 56. Paris, 1932, p. 388; *Haspels C. H. E.* Attic Black-figured Lekythoi. Paris, 1936, p. 167; CVA, Pologne, N 2, p. 3, 6, pl. 1, *13, 14*; 3, *22—26*; 44, *1—8*; CVA, Oxford, 1, pl. 40, *9*; CVA, Bonn, 1, pl. 40, *8, 9*; CVA, Stuttgart, 11, pl. 31, *5*.

[11] *Капошина С. И.* Ук. соч., с. 124, рис. 18; *Иванов Т.* Ук. соч., с. 155, табл. 81, *291, 185*; *Beazley J. D.* Etruscan Vase Painting. Oxford, 1947, p. 257; CVA, Bucarest 1 (Roumanie 1) p. 46, pl. 43, *4*; CVA, Gotha, 2, p. 28, pl. 78, *1*.

[12] *Капошина С. И.* Ук. соч., с. 137, 138, рис. 46, *1*; *Коровина А. К.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1959, 1961—1963 и 1965 гг.— Сообщ. ГМИИ, вып. IV, 1968, с. 70, рис. 17, *2, 3, 6, 7*; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д1-4. М., 1967, с. 24, 25, табл. 21, *17*; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, вып. Д1-27. М., 1970, с. 162, табл. 86, 328. *Alexandrescu P.* Necropola tumulară.— In: Histria, II. Bucureşti, 1966, p. 231, pl. 83, m. 5, 2.

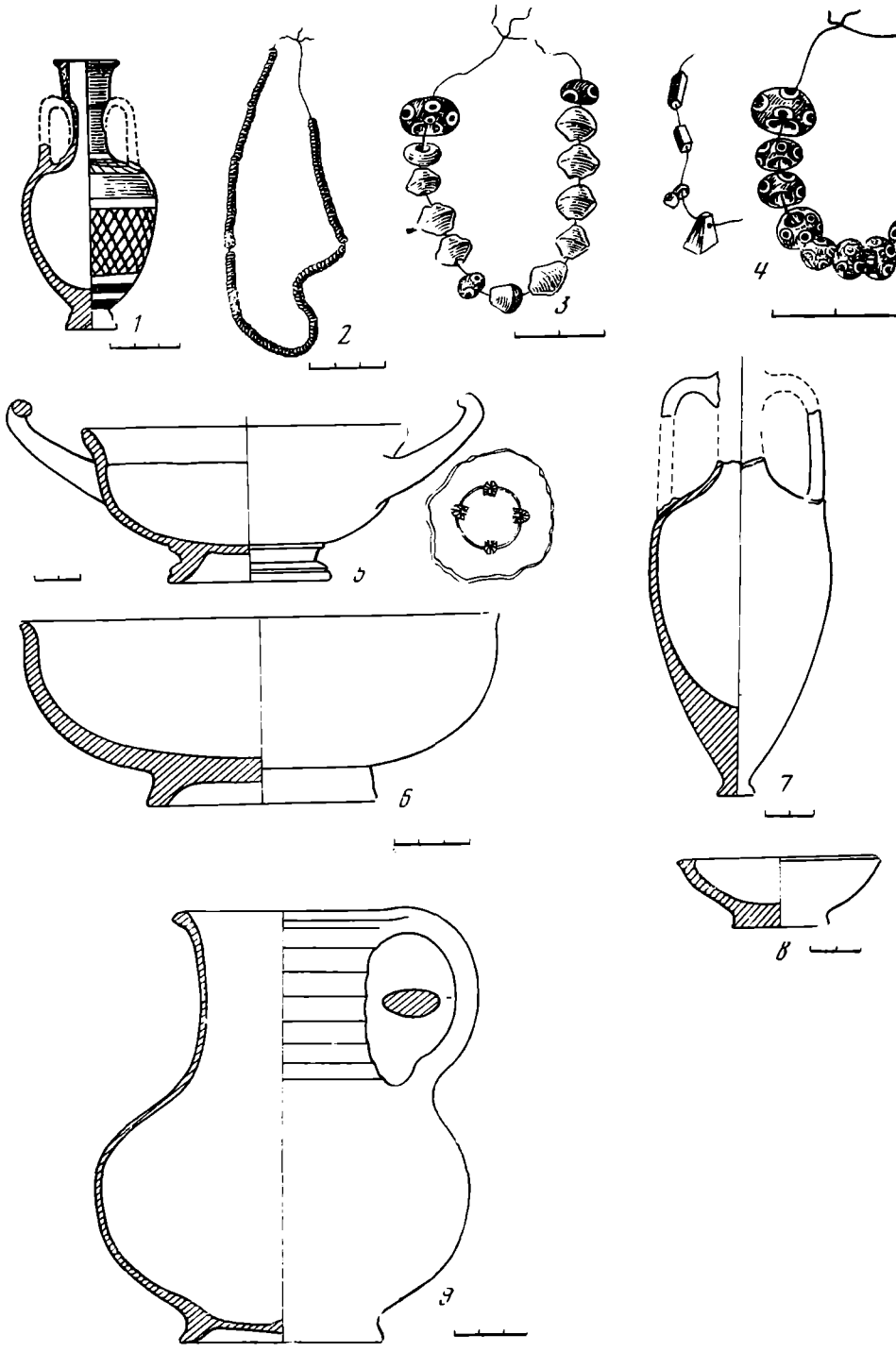


Рис. 2. *1* — сетчатый амфориск, погр. 1; *2*, *3*, *4* — бусы, погр. 2; *5* — чернолаковый килик в тризне, погр. 3; *6* — чаша; *7*—*9* — амфориск, чаша и сероглиняный кувшин 4 погр.

первоначально эти сосуды производились в каком-то едином центре, что не исключает возможности позднейших подражаний в разных местах.

В Пичвнари сероглиняная керамика появляется одновременно с гераклейскими амфорами и перестает поступать туда одновременно с последними. Не исключено, что импорт сероглиняной керамики в Восточное Причерноморье связан с торговлей (а возможно и производством)

Рис. 3. *1* — Сетчатый амфориск, погр. 1; *2* — сетчатый лекиф, погр. 2; *3* — чернолаковая ойнохоя в тризне, погр. 7; *4, 5* — тераклейские амфоры, погр. 1, 3

Гераклеи Понтийской. Конечно, определенный ответ на этот вопрос смогут дать только раскопки античной Гераклеи (совр. Эрегли).

Фасосский импорт представлен немногочисленными фрагментами остродонных амфор и красноглиняного амфориска (рис. 2, *7*). Более ранние образцы фасосских амфорисков встречаются в разных местах Колхиды (Чаладиди, Даблагоми, Рача [13], Пичвнари [14]), а также и на Боспоре (Порфмий) [15]. В отдельных погребениях могильника IV в. до н. э. в Пичвнари встречаются и местные керамические сосуды, в которых отражается продолжение древних колхских традиций (рис. 2, *8*; 4, *3*; 5, *4*, *5*; 6, *4*; 7, *2*). Вместе с тем на некоторых сосудах явно прослеживается влияние греческих форм (рис. 4, *1*).

Прочие находки — малочисленны: это стеклянные бусы (рис. 2, *2*; 3, *4*), железные браслеты и перстни (рис. 6, *1*), единичные монеты.

[13] *Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир..., с. 84, 85, табл. XXIII.

[14] *Кахидзе А. Ю.* Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника IV в. до н. э.— В сб.: Памятники Юго-Западной Грузии, вып. IV. Тбилиси, 1974, с. 63, табл. 6, *5* (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

[15] *Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмия.— АИУ — 1968, вып. III. Киев, 1971, с. 187—191.

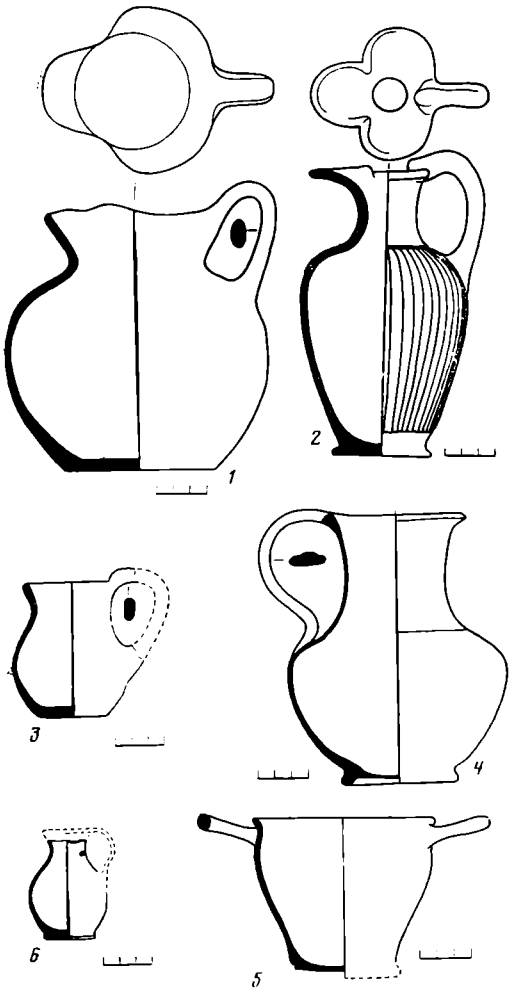


Рис. 4

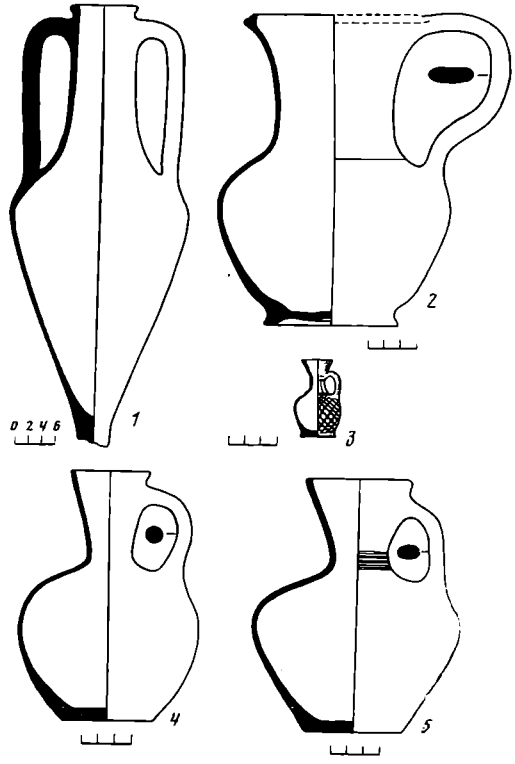


Рис. 5

Рис. 4. *1* — местная ойнохоя, погр. 5; *2* — чернолаковая ойнохоя, в тризне, погр. 7; *3* — местный кувшинчик, погр. 6; *4* — сероглиняный кувшинчик, погр. 7; *5* — чернолаковый скифос, в тризне, погр. 7; *6* — сероглиняный кувшинчик, погр. 8

Рис. 5. *1—3* — Гераклейская амфора, сероглиняный кувшин и сетчатый амфориск, погр. 9; *4* — местный кувшин, погр. 10; *5* — местный кувшин, погр. 12

Обращает на себя внимание любопытный факт — в погребениях греков (это относится и к погребениям V в. до н. э.) по сравнению с погребениями местных жителей — колхов — встречается значительно меньше украшений.

На основании сопоставления инвентаря из погребений Пичвнарского греческого могильника с материалами из хорошо датированных комплексов Афинской Агоры его можно довольно определенно датировать 400—330 гг. до н. э.

Хотя исследованная площадь могильника и количество открытых погребений еще недостаточны для обобщающих выводов, полученные в результате раскопок данные позволяют высказать некоторые предварительные соображения.

В рассматриваемое время (IV в. до н. э.) продолжается традиционный импорт из Афин в Восточное Причерноморье. Однако по сравнению с V в. до н. э. афинский импорт сокращается, что связано, возможно, с поражением Афин в Пелопоннесской войне.

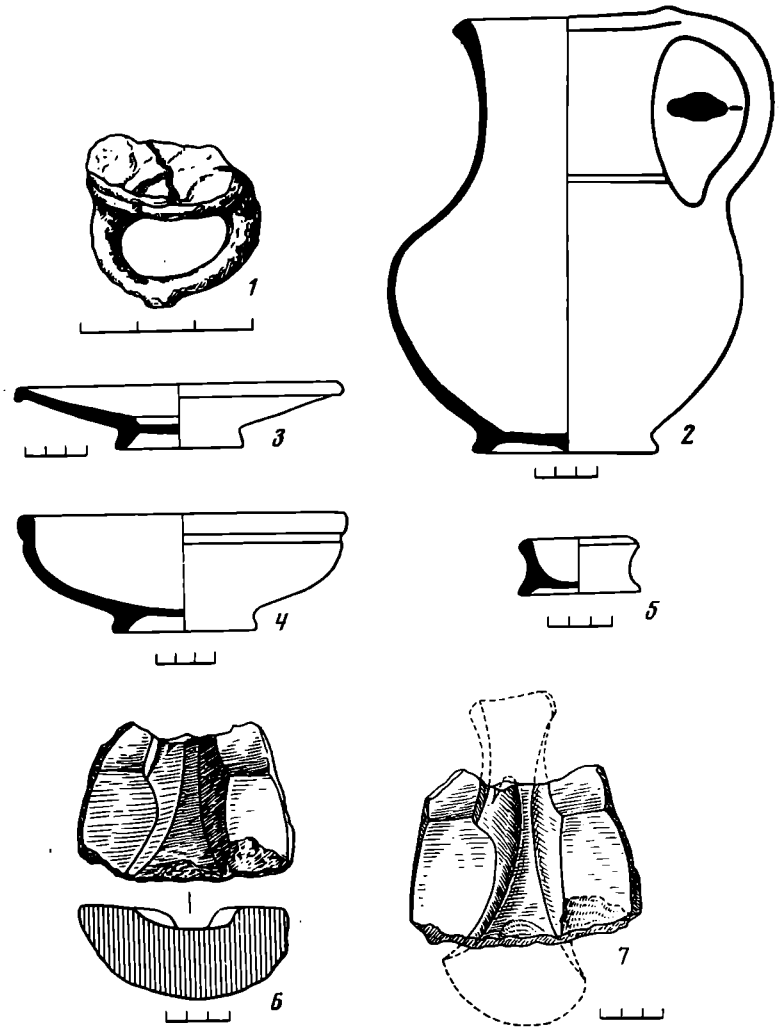


Рис. 6. *1, 2* — Железный перстень и сероглиняный кувшин, погр. 13; *3—7* — рыбное блюдо, местная чаша, чернолаковая солонка и форма колхидского топора — в тризне, погр. 13

Хорошо известен повышенный интерес афинян к Юго-Восточному Причерноморью в середине V в. до н. э. (мероприятия Перикла во время его экспедиции в Понт в Синопе, переименование Амиса в Пирей и т. д.) [16]. Само возникновение греческого поселения в Пичвнари, как мне кажется, было связано с колонизационной активностью Афин в V в. до н. э., в период их политического и экономического расцвета.

Если признать возможными непосредственные связи населения Пичвнари с Афинами, то естественным будет заключение, что его благосостояние целиком зависело от политического и экономического положения Афин. Тогда найдет свое объяснение и то, что импорт из Афин в IV в. сокращается и качество его ухудшается.

В связи с ослаблением позиций Афин в Пичвнари заметна активизация причерноморских центров, в первую очередь Гераклеи Понтийской, укрепление связей с которыми в дальнейшем, в конце IV—III в. до н. э., привело к новому расцвету поселения.

[16] Об экспедиции Перикла в Понт см. *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье. М., 1963.

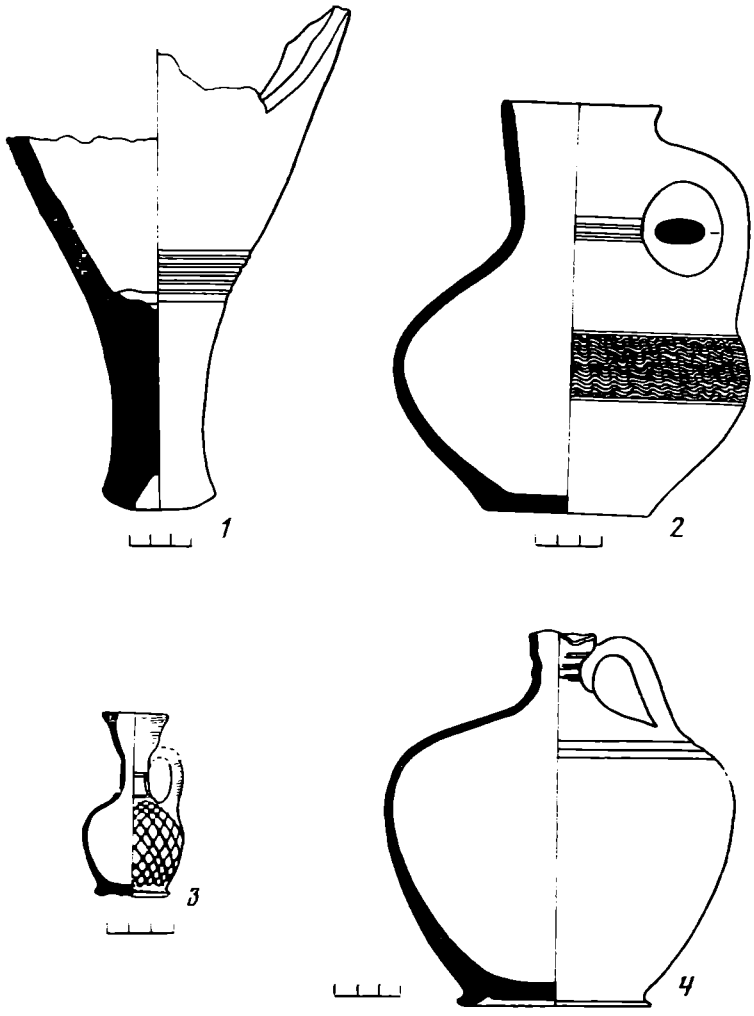


Рис. 7. *1—3* — Ножка гераклейской амфоры, местный кувшин и сетчатый лекиф, погр. 14; *4* — ольвийский лекиф, погр. 15

Раскопки греческого могильника IV в. до н. э. в Пичвнари находятся пока на начальном этапе. Их продолжение намечено в ближайшее время, и надо надеяться, что новые материалы позволят внести существенные дополнения к сложившимся в настоящее время представлениям.

A. U. Kakhidze

PITCHVNARI — GREEK CEMETERY OF IVth c. B. C.

Summary

The investigation of the cemetery of the IVth century B. C. was carried out in 1967—1968 and 1972. The excavated area, more than 40 square meters large, contained 15 graves placed in pits from 0,9 m to 1,5 m deep. All the graves are inhumations, basically, oriented to the East. Some graves have traces of ancient funeral feasts. In comparison with the grave lots of local residents and Greeks of the early classic period the funeral furniture of the IVth century B. C. is rather poor: Attic black — arnish vessels, heracleian amphoras, imported items of grey clay, local ceramics, iron finger rings and bracelets, beads, coins, etc.

As a result of the defeat of Athens in the Peloponesus war Attic import in Pitchvnari had gradually diminished. At the same time the trade relations of the countries of the Pontic coast strengthened. In the time of early Hellenism these relations played an important role in the economic life of Pitchvnari.

Ю. Н. ВОРОНОВ, В. А. ЮШИН

РАННИЙ ГОРИЗОНТ (II—IV вв. н. э.) В МОГИЛЬНИКАХ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Абхазия)

В последние годы на территории исторической Апсилии [1] выявлено большое число новых погребальных комплексов II—IV вв. Целью настоящей работы является рассмотрение этих памятников, большинство которых публикуется впервые [2]. При подборе анализируемых комплексов авторы руководствовались присутствием в них кесарийских серебряных монет (такие комплексы с территории Апсилии приведены полностью), а также одночленных фибул и браслетов с сетчатой орнаментацией.

Погребение 1 [3] (Цибилиум — 3—1) [4]. Ингумация пожилой женщины, лежавшей головой на юго-восток (рис. 1, *1*). В головах находились целый (рис. 1, *2*) и фрагментированный кувшины. В области шеи найдены многочисленные бусы: 32 из стекла — 22 с золотистой прокладкой (рис. 1, *9—12, 19*), две с серебристой прокладкой (рис. 1, *21*), две зеленого цвета (рис. 1, *13, 23*), одна синего (рис. 1, *14*), одна медового (рис. 1, *15*) и четыре темно-синего (рис. 1, 22, *24—26*) цвета, три сердоликовых (рис. 1, *17*), 9 из стекловидной пасты — три белого цвета (рис. 1, *16, 20*), пять синего (рис. 1, *18, 28—30*) и одна желтого (рис. 1, *27*). У подбородка найдено два серебряных браслета (рис. 1, *3, 4*), на правой руке находилось три бронзовых браслета (рис. 1, *36—38*), на левой — пять (рис. 1, *31—35*). На поясе лежал железный нож (рис. 1, *8*) и обломки железных стержней (рис. 1, *5—7*). Из всех известных с территории позднеантичной Апсилии керамических изделий упомянутые кувшины наиболее близки местной продукции эллинистического времени [5]. Этот факт в сочетании со своеобразным обликом всех трех разновидностей браслетов из этого захоронения, не встречающихся в цебельдинских комплексах III—IV вв. н. э., а также кинжал с кольцевидным навершием на рукояти, восходящим к соответствующим образцам сарматского времени, позволяет датировать этот комплекс временем не позже II в. н. э.

Погребение 2 (Шапка. Стеклянный холм — 1 (Абгидзраху) — 7) [6]. Женская ингумация головой на северо-запад (рис. 1, *39*). Под подбо-

[1] *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 9—15.

[2] Такая работа относительно погребальных памятников Апсилии VI—VII вв. была проделана нами на примере 14 захоронений из Шапкинского родового могильника (*Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии.— СА, 1973, № 1, с. 171—191).

[3] Для настоящей статьи нами проведена сквозная нумерация рассматриваемых погребений. В скобках дается название родового могильника, номер и название большесемейного кладбища и, наконец, номер захоронения. Краткие сведения обо всех упоминаемых в статье родовых и большесемейных могильниках опубликованы в 1975 г. (*Воронов Ю. Н.* Ук. соч., с. 41—45).

[4] *Воронов Ю. Н.* Ук. соч., рис. 13, *6*; 32, *11*; 44, *1, 2*.

[5] Там же, с. 67, рис. 50, *3, 28*; 51, *1*.

[6] *Трапш М. М.* Культура цебельдинских некрополей. Труды, т. III. Тбилиси, 1971, с. 28, 29, табл. IV.

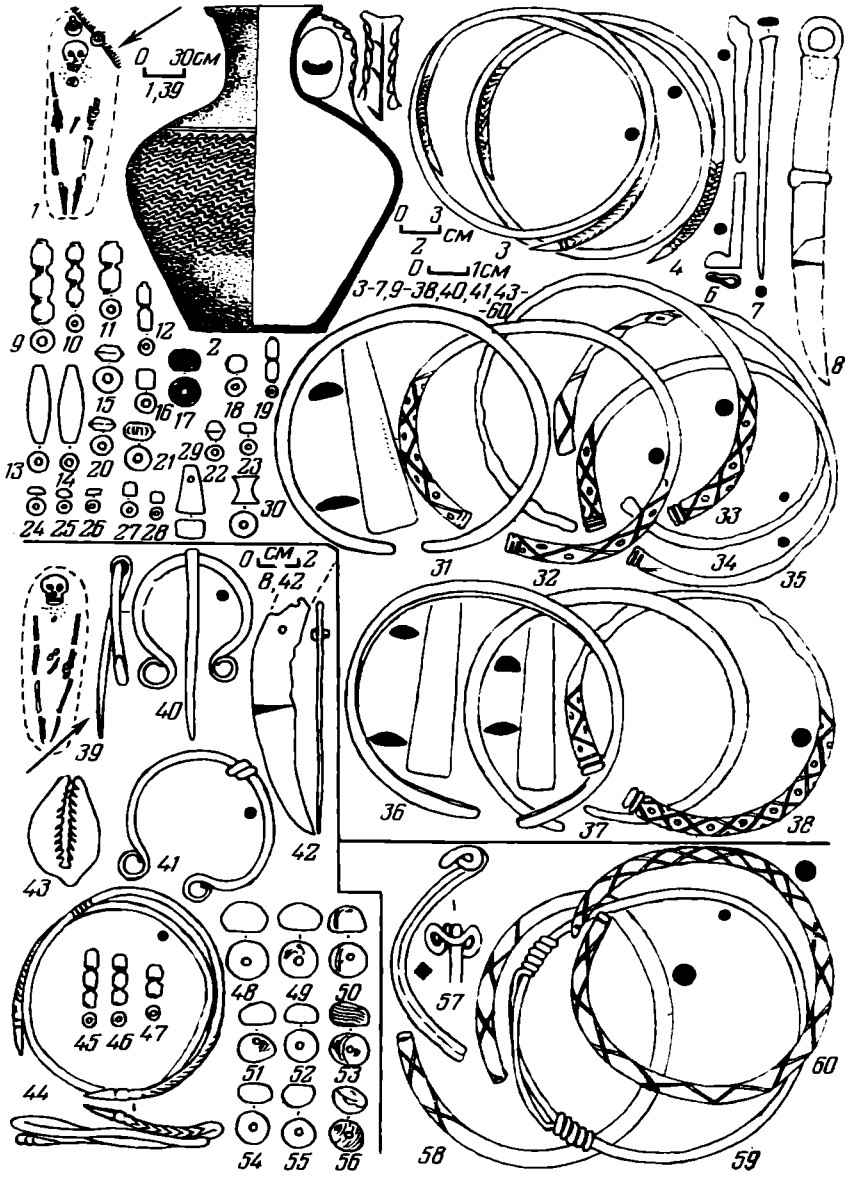


Рис. 1. Комплексы и отдельные находки из Цибилиумского (*1—38*), Шашкинского (*39—57, 59, 60*) и Герзеульского (*58*) могильников. Согласно принятой в статье сквозной нумерации — погр. 1 (*1—38*), 2 (*39—56*) и единичные находки (*57—60*)

родком найдено 8 сердоликовых (рис. 1, *48—56*) и 30 стеклянных с золотистой прокладкой бус (рис. 1, *45—47*), 6 раковин каури (рис. 1, *43*). На поясе лежали железный нож с бронзовой заклепкой (рис. 1, *42*) и две бронзовые пряжки-сюльгамы (рис. 1, *40, 41*), а на левой руке был надет серебряный браслет (рис. 1, *44*). Этот браслет, находящий единственную аналогию среди соответствующих украшений в вышеописанном погребении, а также застежки-сюльгамы, характерные для позднесарматских памятников, позволяют отнести рассматриваемое погребение ко времени не позже II — начала III в. н. э.[7].

Погребение 3 (Цибилиум — 4—1)[8]. Женская ингумация головой на

[7] Там же, с. 170.

[8] *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 64, табл. XXVI, *24, 25*; XLIV, *13*.

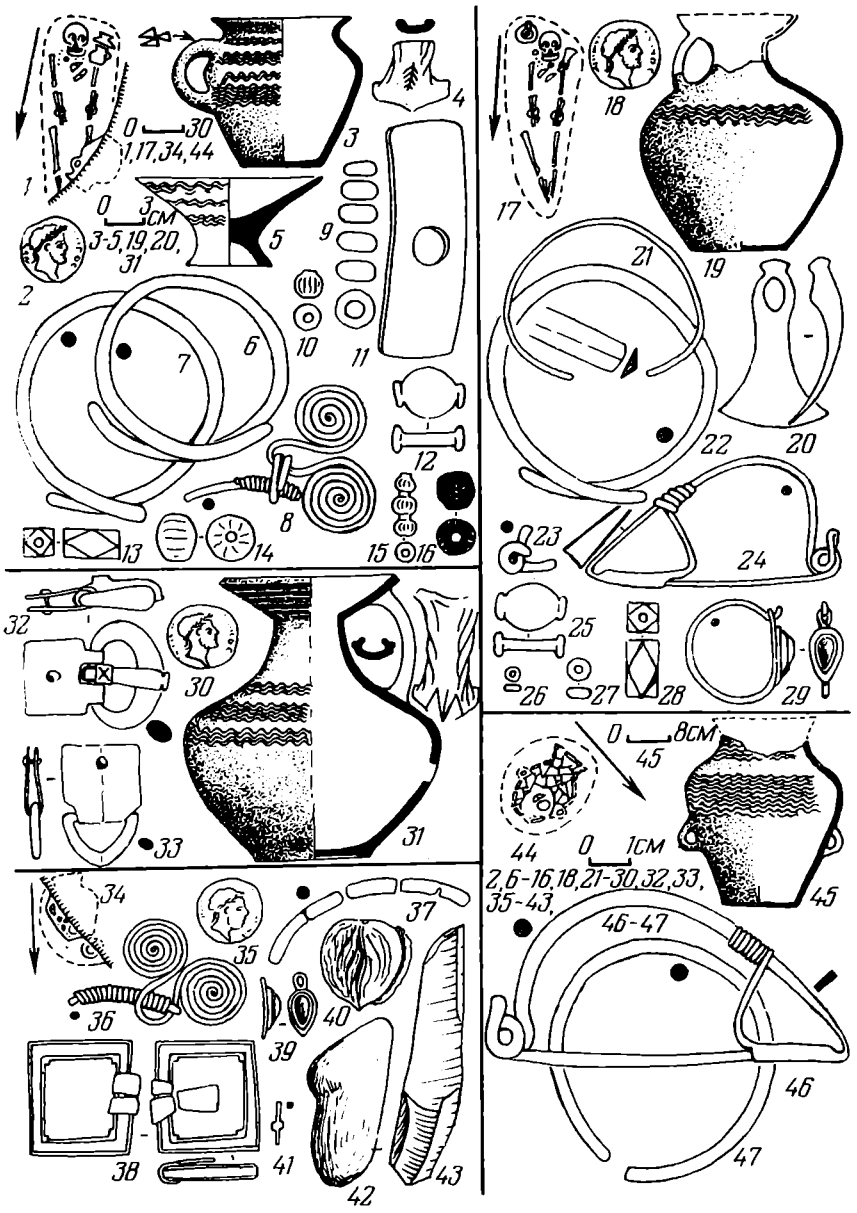


Рис. 2. Комплексы из Цибилиумского могильника. Погр. 3 (*1—16*), 4 (*17—29*), 5 (*44—47*), 6 (*30—33*), 7 (*34—43*)

юг (рис. 2, *1*). На левом плече находились глиняные кружка (рис. 2, *3*) и вазочка (рис. 2, *5*), в ногах одноручный кувшин, от которого сохранился обломок ручки с изображением дерева (рис. 2, *4*), на руках два бронзовых браслета (рис. 2, *6*, *7*). На груди под подбородком найдены серебряная драхма (рис. 2, *2*) Септимия Севера (193—211 гг.) [9], обломки бронзовой фибулы с двуспиральной подвеской (рис. 2, *8*), костяная пластинка с отверстием (рис. 2, *11*), бусы — 4 из синего стекла (рис. 2, *13*), 5 из стекла с золотистой прокладкой (рис. 2, *9*, *12*, *14*, *15*), 27 из стекловидной черной пасты (рис. 2, *10*) и одна из синей пасты с белым глазком (рис. 2, *16*). Довольно сильная потертость монеты указывает на достаточно длительный (30—50 лет) период ее использования до того, как она попала в могилу. Форма браслетов и керамической ва-

[9] Определение монет, рассматриваемых в статье, произведено Л. И. Беловой (погр. 3, 4), Г. Ф. Дундуа (погр. 24) и К. В. Голенко.

зочки, а также малый размер двуспиральной подвески также позволяют отнести рассмотренное захоронение к III в. н. э.[10]

Погребение 4 (Цибилиум — 4—2)[11]. Женская ингумация головой на юг (рис. 2, *17*) в 1 *м* восточнее предыдущего захоронения. В головах справа находился глиняный кувшин (рис. 2, *19*), на левом плече железная мотыга (рис. 2, *20*), у висков серебряные серьги с сердоликами в оправе (рис. 2, *29*), на груди у подбородка серебряная драхма (рис. 2, *16*) Септимия Севера (193—211 гг.), бронзовая одночленная фибула (рис. 2, *24*), обломок железной двучленной фибулы (рис. 2, *23*), 6 бус из синего стекла (рис. 2, *28*), одна стеклянная с золотистой прокладкой (рис. 2, *25*), 8 из стекловидной пасты черного (рис. 2, *27*) и оранжевого (рис. 2, *26*) цвета, на правой руке пластинчатый (рис. 2, *21*), на левой проволочный (рис. 2, *22*) бронзовые браслеты. Сочетание местной разновидности одночленных лучковых подвязных фибул пятого варианта I серии, датируемых III в. н. э.[12], с двучленной лучковой подвязной фибулой третьего варианта IV серии 15-й группы, характерной для местных комплексов IV в.[13], не позволяет определять дату этого погребения глубже развитого III в.

Погребение 5 (Цибилиум — 4—3)[14]. Женская кремация в двуручном глиняном сосуде (рис. 2, *45*), лежавшем на боку горловиной на запад (рис. 2, *44*) в ногах у двух предыдущих погребений. Среди пережженных костей в урне найдены железные одночленная фибула (рис. 2, *46*) и браслет (рис. 2, *47*). Форма фибулы, а также явная связь всех трех описанных захоронений, исключающая значительный хронологический разрыв между ними, позволяют датировать погребение III в.

Погребение 6 (Цибилиум — 1—9). Разрушенная ингумация головой на юг. В головах глиняный кувшин (рис. 2, *31*), под черепом серебряная драхма (рис. 2, *30*) Септимия Севера (193—211 гг.), в области таза бронзовые пряжка (рис. 2, *32*) и портупейное кольцо (рис. 2, *33*). Основные признаки пряжки (утолщенное спереди кольцо, квадратный выступ у основания язычка и др.) позволяют отнести ее, а вместе с ней и весь комплекс уже к IV в.[15]

Погребение 7 (Цибилиум — 1—3). Женская (?) кремация в глиняной урне, лежавшей на боку горловиной на юг (рис. 2, *34*). Рядом обломки кувшинчика. Внутри урны среди пережженных костей найдены обломки бронзовой фибулы с двуспиральной подвеской (рис. 2, *36*), бронзового браслета (рис. 2, *37*), серебряной серьги с вставкой из синего стекла (рис. 2, *39*), железное кресало (рис. 2, *42*) и кремень (рис. 2, *43*), прямоугольная бронзовая пряжка (рис. 2, *38*, *39*), несколько грецких орехов (рис. 1, *40*) и плохо сохранившаяся серебряная драхма кесарийского чекана (рис. 2, *35*). Фибула с подвеской малого размера и серьга с каплевидной вставкой позволяют отнести это погребение к III в.

Погребение 8 (Цибилиум — 1—4)[16]. Мужская ингумация головой на север (рис. 3, *1*). У левого плеча лежали пять глиняных сосудов — большой двуручный кувшин (рис. 3, *3*) два одноручных кувшина (рис. 3, *4*, *5*), ваза (рис. 3, *6*) и горшок (рис. 3, *7*). На правом плече находились два железных наконечника копий (рис. 3, *9*, *10*), справа у локтя железный топор (рис. 3, *11*), у подбородка точнее неопределимая серебряная драхма (рис. 3, *2*), две бусины — янтарная (рис. 3, *17*) и пастовая — на

---

[10] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, рис. 4, *3*.

[11] *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта..., с. 64, табл. XXXVII, *7*; XLI, *1*; XLIV, *12*.

[12] *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, Д1-30, М., 1966, с. 51.

[13] *Амброз А. К.* Проблемы..., с. 107.

[14] *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта..., табл. XLI, *2*.

[15] *Амброз А. К.* Проблемы..., рис. 2, *8*.

[16] *Воронов Ю. Н.* Тайна..., рис. 13, *3*; 33, *4*.

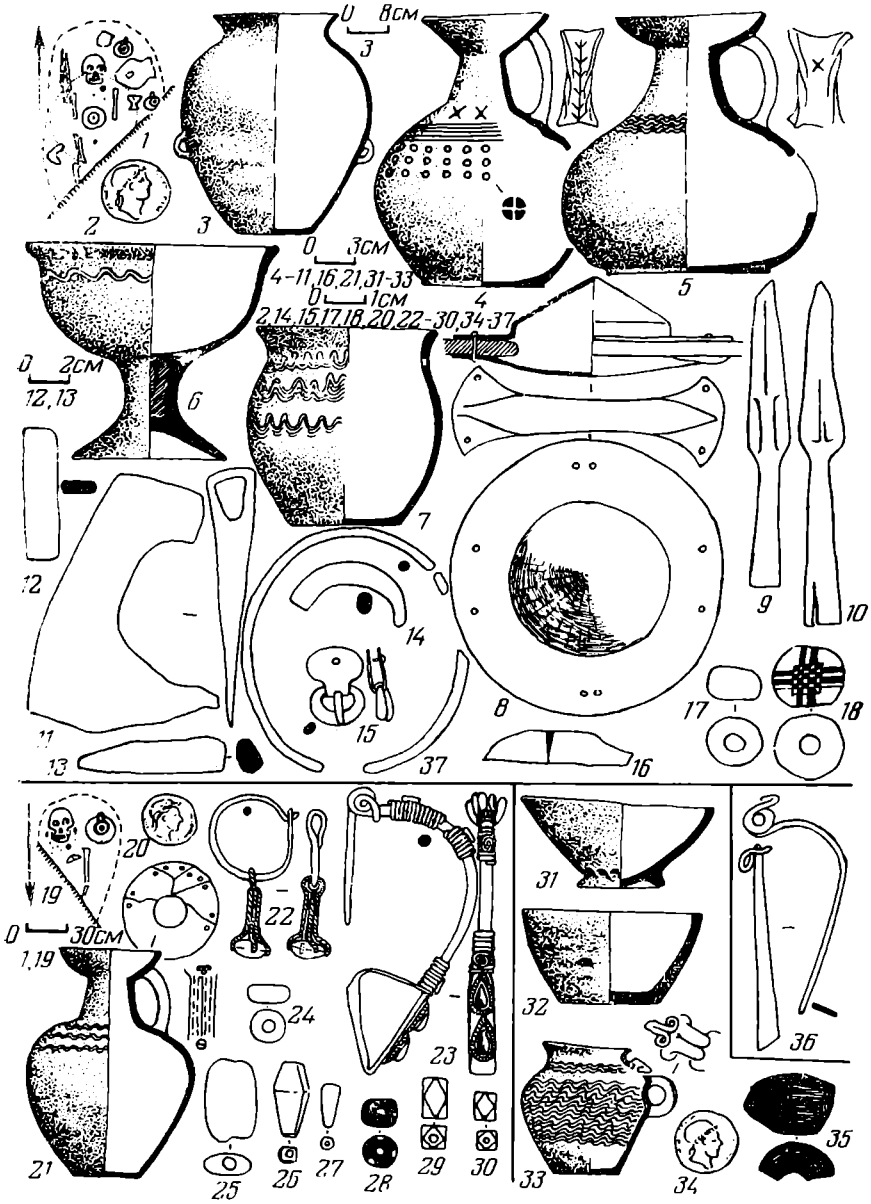


Рис. 3. Комплексы и случайные находки из Цибилиумского (*1—35*) и Шапкинского (*36*) могильников. Погр. 8 (*1—18*), 9 (*19—30*), 10 (*31—35*) и единичная находка (*36*)

зеленом фоне орнамент из перемежающихся черных, желтых и красных вставок (рис. 3, *18*); на груди железный умбон со следами деревянного круглого щита, имевшего диаметр до 0,6—0,7 *м* (рис. 3, *8*), у пояса оселок (рис. 3, *13*), обломок железа (рис. 3, *12*), бронзовый браслет (рис. 3, *37*) и пряжечка (рис. 3, *15*), обломок железной пряжки (рис. 3, *14*) и железный нож (рис. 3, *16*). Законченная чашеобразная форма еще лишенных гофрировки венчиков кувшинов, округло-приземистая форма их корпусов, уже сложившаяся форма топора, характерного для местных комплексов IV—VII вв., пряжечка с утолщенным спереди кольцом и овальным щитком, характерным для северопричерноморских пряжек IV в.[17], и другие признаки позволяют датировать это погребение временем не ранее IV в.

[17] *Амброз А. К.* Проблемы..., рис. 27.

Погребение 9 (Цибилиум — 1—6). Женская ингумация головой на юг (рис. 3, *19*). У левого плеча находился глиняный кувшин (рис. 3, *21*), у висков серебряные серьги с полыми шаровидными подвесками (рис. 3, *22*). Под подбородком лежала плохо сохранившаяся серебряная драхма кесарийского чекана (рис. 3, *20*), а ниже бусы — три из черно-красного стекла с белыми глазками (рис. 3, *28*), 33 из синего стекла (рис. 3, *29*), одна из зеленого стекла (рис. 3, *30*), одна из стекла медового цвета (рис. 3, *26*), одна стеклянная с золотистой прокладкой (рис. 3, *27*), одна из черной стекловидной пасты (рис. 2, *24*) и одна янтарная (рис. 2, *25*). На груди серебряная двучленная фибула с двумя каплевидными сердоликами в серебряной оправе на бронзовой пластинке (рис. 3, *23*). При определении даты этого захоронения решающее значение должна иметь фибула, которая относится к местной разновидности двучленных лучковых подвязных фибул третьего варианта IV серии 15-й группы, характерных для IV в.[18], а по форме прямоугольной ножки с инкрустацией она даже сближается с группой фибул рубежа IV—V вв.[19]

Погребение 10 (Цибилиум — 1—10). Разрушенная ингумация головой на юг. В головах найдены три глиняных сосуда — вазочка (рис. 3, *31*), чашка (рис. 3, *32*) и кружка (рис. 3, *33*). У подбородка лежали серебряная кесарийская монета плохой сохранности (рис. 3, *34*) и обломок гешировой бусины (рис. 3, *35*). Форма вазочки и кружки, находящих близкие аналогии в вышеописанном погр. 3, позволяет и этот комплекс отнести приблизительно к III в.

Погребение 11 (Цибилиум — 1—2) [20]. Женская ингумация головой на юг (рис. 4, *1*). У левого плеча найдены глиняные миски (рис. 4, *2*) и кувшин (рис. 4, *3*), в головах обломок гранитной зернотерки (рис. 4, *4*), на правом плече железная мотыга (рис. 4, *5*), у висков серебряные серьги со стеклянными бесцветными вставками (рис. 4, *12*, *16*). В области шеи найдено шесть фибул — бронзовая одночленная с серебряной обмоткой (рис. 4, *6*), бронзовая двучленная с серебряной обмоткой и инкрустацией бесцветным стеклом (рис. 3, *13*), серебряная одночленная (рис. 4, *7*), две бронзовых двучленных с цепочками по 17 (рис. 4, *15*) и 29 (рис. 4, *14*) звеньев, бронзовая с прогнутой спинкой (рис. 4, *8*) и обломок бронзовой двучленной (рис. 4, *9*). Здесь же множество бус — 11 из стекла медового цвета (рис. 4, *19*, *23*, *24*, *27*, *28*, *41*, *48*); 4 из голубого стекла (рис. 4, *25*, *29*); 174 из синего стекла (рис. 4, *20*, *30*, *31*, *37*, *39*, *47*); 2 из стекла с золотистой (рис. 4, *26*, *40*) и серебристой (рис. 4, *22*) прокладкой; 7 из стекловидной пасты черной (рис. 4, *21*), голубой с белыми глазками (рис. 4, *45*), черной с белыми (рис. 4, *32*), желтыми (рис. 4, *33*) глазками и с голубыми поясками (рис. 4, *34*), темно-синей с белыми глазками (рис. 4, *46*) и желтой (рис. 4, *35*) 4 янтарных бусины (рис. 4, *36*, *38*, *43*, *44*) и гешировая (рис. 4, *42*). На поясе обнаружена серебряная пряжка (рис. 4, *10*), рядом обломок железного ножа и два больших (мужских?) бронзовых перстня (рис. 4, *17*, *18*), на левой руке обломки бронзового браслета (рис. 4, *11*). Исключительный интерес этого комплекса заключается в том, что здесь одночленные дуговидные подвязные фибулы, найдены в сочетании не только с двучленными лучковыми подвязными фибулами IV в., но и с прогнутой фибулой так называемого лебяжинского типа, датируемой временем не ранее второй половины IV — начала V в.[21] Присутствие в этом же комплексе серег с биконическими гирьками, имевшими основное распространение во второй половине IV — первой половине VI в.[22], подчеркивает относительно позднюю дату всего комплекса, позволяя тем самым продвинуть дату бытования одночленных фибул в Це-

[18] *Амброз А. К.* Проблемы..., табл. I, *10*.
[19] Там же, табл. I, *13*.
[20] *Воронов Ю. Н.* Тайна..., рис. 11, *7*, *14*; 42, *7—9*; 43, *2*; 47, *4*.
[21] *Амброз А. К.* Проблемы..., с. 107, табл. I, *11*.
[22] *Воронов Ю. Н.* Тайна..., с. 126, рис. 45, *5—7*.

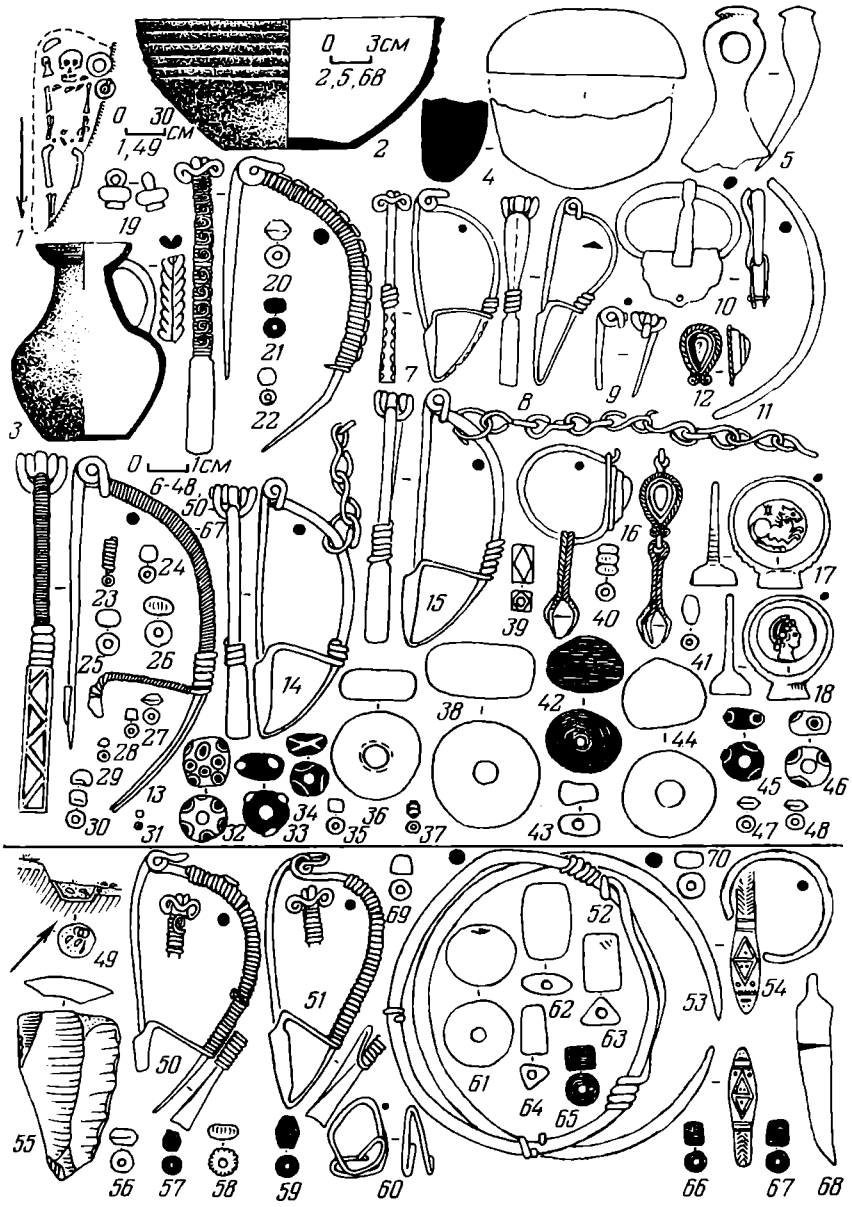


Рис. 4. Комплексы из Цибилиумского (*1—48*) и Герзеульского (*49—68*) могильников. Погр. 11 (*1—48*), 12 (*49—68*)

бельде почти на столетие вперед до второй половины IV в. включительно. Показателен в этом отношении и установленный недавно факт присутствия нескольких одночленных фибул в богатом погребении конца IV в. из Уреки (Южная Колхида) [23].

Погребение 12 (Герзеул — 1) [24]. Женская кремация в небольшом кувшине, от которого сохранилась лишь донная часть (рис. 4, *49*). Среди пережженных костей найдены две бронзовые одночленные фибулы с обмоткой (рис. 4, *50*, *51*), два бронзовых браслета (рис. 4, *52*, *53*), бронзовые височная подвеска (рис. 4, *60*) и кольцо (рис. 4, *54*), железный нож (рис. 4, *68*), кремень (рис. 4, *55*), бусы — 2 синих стеклянных (рис. 4, *56*, *69*), 5 гешировых (рис. 4, *57*, *59*, *65—67*), 3 янтарных (рис. 4, *62—64*),

[23] *Леквинадзе В. А.* Богатое погребение конца IV в. из Уреки (Грузия).— СА, 1975, № 4, с. 199, рис. 1, *2*, *3*.

[24] *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта..., с. 59, табл. XL, *34*, *35*; XLIII, *32*; XLIV, *1*, *27*.

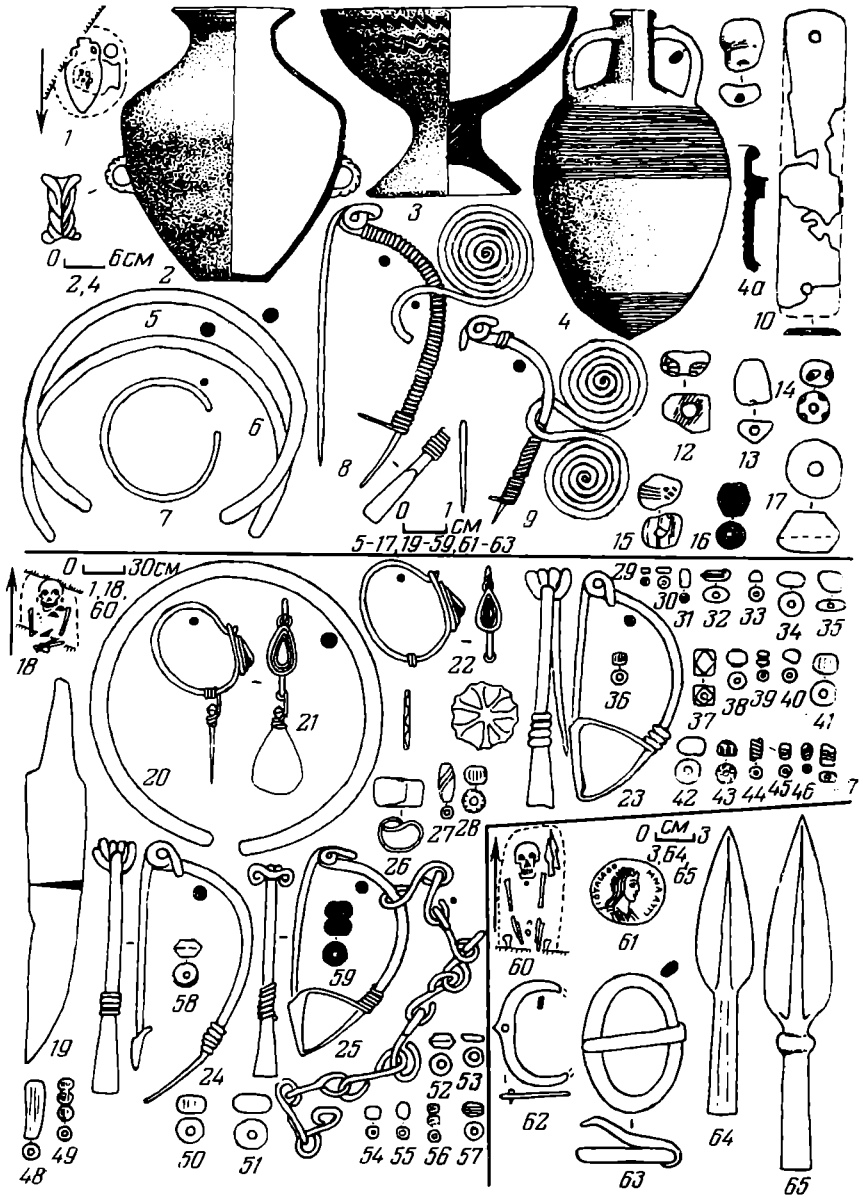


Рис. 5. Комплексы из Цибилиумского (*1—17, 60—65*) и Азантского (*18—59*) могильников. Погр. 13 (*1—17*), 14 (*18—59*), 15 (*60—65*)

3 пастовых — черная (рис. 4, *61*), красная (рис. 4, *70*) и белая (рис. 4, *58*). По форме и обмотке фибулы датируются III в., скорее всего второй его половиной.

Погребение 13 (Цибилиум — 1—1) [25]. Женская кремация в глиняном двуручном сосуде (рис. 5, *2*), лежавшем на боку горловиной на запад (рис. 5, *1*). Поверх урны находилась импортная амфора (рис. 5, *4*), а рядом глиняная ваза (рис. 5, *3*). В урне помимо пережженных человеческих костей найдены две бронзовые одночленные фибулы с двуспиральными подвесками (рис. 5, *8*, *9*), два бронзовых браслета (рис. 5, *5*, *6*), серебряное колечко (рис. *5*, *7*), бронзовая пластинка (рис. 5, *10*), керамическая буспна или миниатюрное пряслице (рис. 5, *17*), слегка оплавленные бусы — одна из синего стекла (рис. 5, *11*), янтарная (рис. 5, *13*), 3 гешировых (рис. 5, *16*), 3 пастовых — зеленая с красными вставками

[25] *Воронов Ю. Н.* Тайна..., рис. 24, *1*.

(рис. 5, *15*), красная с желтыми глазками (рис. 5, *12*), красная с бело-черными глазками (рис. 5, *14*). При определении хронологии этого захоронения необходимо учитывать следующие моменты. Прежде всего напомним, что совершенно аналогичная глиняная ваза была найдена в описанном выше погр. 8, датированном второй половиной IV в. Особенно интересно присутствие в рассматриваемом комплексе пока единственной для могильников Цебельды импортной амфоры, основные черты которой (розовато-красная, хорошо промешанная глина, яйцевидный корпус, высокое горло — рис. 4, *а*, посадка ручек, рифление и др.) находят аналогии среди позднеантичных и раннесредневековых амфор III—IV [26] и IV—VI вв.[27] Одночленные же дуговидные подвязные фибулы с крупными двуспиральными подвесками, а также присутствие бороздок на внешней стороне венчика урны говорят в пользу датировки всего комплекса уже IV в.

Погребение 14 (Бат — 2—5) [28]. Женская ингумация головой на север (рис. 5, *18*). У висков найдены две серебряных серьги со стеклянными бесцветными вставками и разнотипными серебряными подвесками розетковидной (рис. 5, *22*) и лопаточковидной (рис. 5, *21*) форм, у шеи три фибулы — серебряная одночленная с бронзовой цепочкой (рис. 5, *25*), две железных двучленных (рис. 5, *23*, *24*), бронзовые обоймочка (рис. 5, *26*) и пронизь (рис. 5, *44*), 39 бусин: 18 синих стеклянных — 8 одноцветных (рис. 5, *34*, *35*, *38*, *40*, *48*, *51*, *55*, *58*), 2 с белыми полосками (рис. 5, *43*), 5 с бело-красным пояском (рис. 5, *27*, *45*, *46*), 3 с тремя белыми поясками (рис. 5, *47*), 7 пастовых — 2 желтые (рис. 5, *36*, *54*) 2 черные (рис. 5, *41*), зеленая (рис. 4, *29*), 2 синих (рис. 5, *33*), 9 стеклянных с золотистой (рис. 5, *28*, *30*, *39*, *42*, *49*, *50*, *57*) и серебристой (рис. 5, *52*, *56*) прокладкой, 5 стеклянных — черная (рис. 5, *59*), зеленая (рис. 5, *32*), медового цвета (рис. 5, *37*), 2 бесцветных (рис. 5, *31*) и сердоликовая (рис. 5, *53*). На левой руке находился бронзовый браслет (рис. 5, *20*), на поясе железный нож (рис. 5, *19*). Сочетание одночленной дуговидной подвязной фибулы с серьгами северопричерноморского типа первых веков нашей эры и с двумя двучленными дуговидными фибулами позволяет отнести погребение к IV в.

Погребение 15 (Цибилиум — 1—14). Мужская ингумация головой на север (рис. 5, *60*). У правого плеча найдены фрагмены глиняного кувшинчика, на левом плече два железных наконечника копий (рис. 5, *64*, *65*), у подбородка серебряная драхма (рис. 5, *61*) Юлии Домны (206 г)., на поясе бронзовая пряжка (рис. 5, *63*) и обломок кольцевидной пластинки (рис. 5, *62*). Ближайшие аналогии упомянутой пряжке (переходная форма от проволочных к массивным) можно найти среди северопричерноморских изделий III в.[29].

Обращает на себя внимание архаичность наконечников копий, срединное ребро которых не имеет возвратов вдоль края пера, формирующихся на цебельдинских копьях в течение IV в.[30] Исходя из сказанного, полагаем возможным отнести рассматриваемое погребение к III в.

Погребение 16 (Шапка, Юстинианов холм — 5—5) [31]. Мужская ингумация головой на юго-восток (рис. 6, *1*). В головах справа обнаружены обломки кувшина (рис. 6, *2*), у левого плеча стакан из светло-зеленого стекла (рис. 6, *3*), а рядом два железных наконечника копий (рис. 6, *18*,

---

[26] *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации).— СА, № XV, 1951, с. 327.

[27] *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса.— В сб.: Античная древность и средние века, вып. 7.— Уч. зап. Уральск. гос. ун-та, № 112. Свердловск, 1971, с. 87, 88, рис. 12, 13.

[28] *Воронов Ю. Н.* Позднеантичные памятники села Азанта.— ТАГМ, т. IV, 1974, с. 209.

[29] *Амброз А. К.* Проблемы..., рис. 2, *2*.

[30] *Воронов Ю. Н.* Тайна..., с. 91.

[31] Там же, рис. 30, *2*.

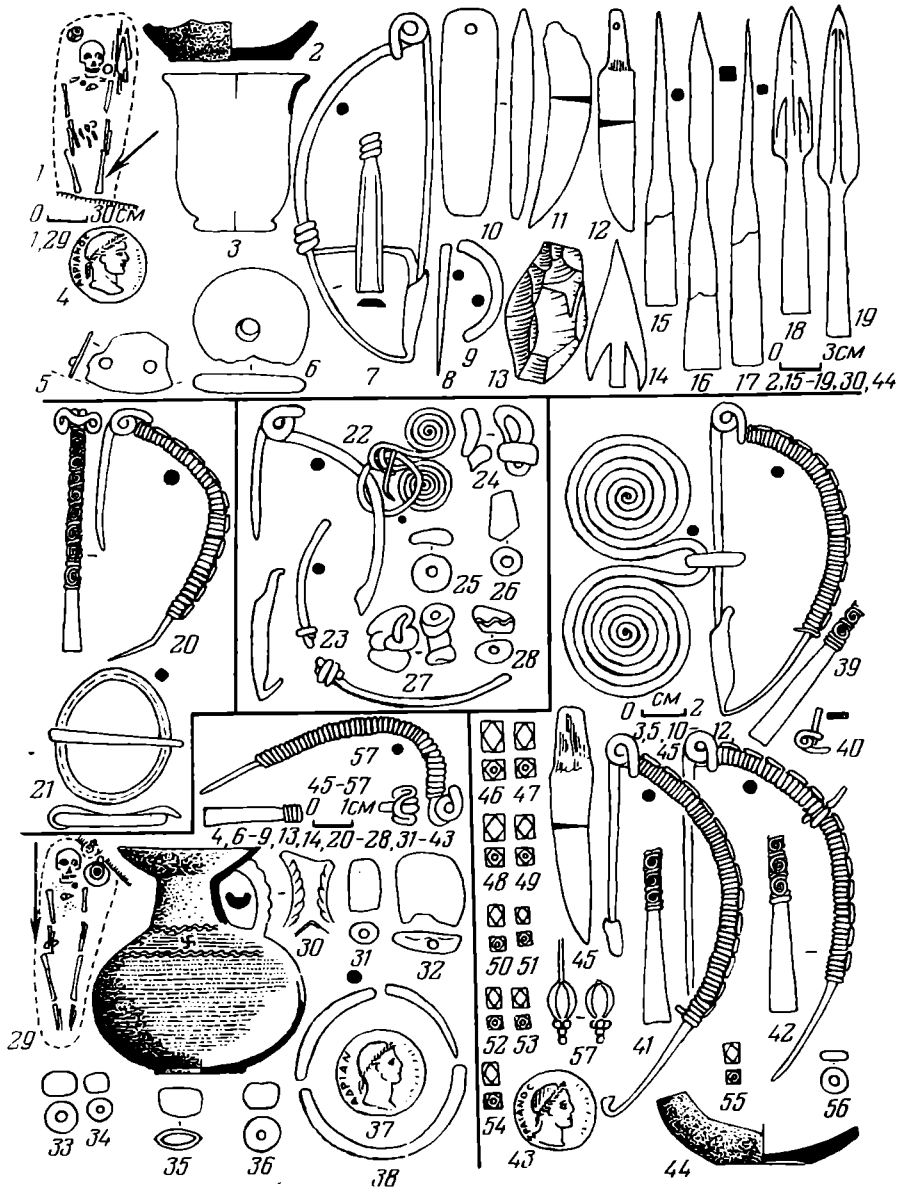


Рис. 6. Комплексы из Шапкинского могильника. Погр. 16 (*1—19*), 17 (*20, 21*), 18 (*22—28*), 19 (*29—38*), 20 (*39—44*)

19), три железных наконечника дротиков (рис. 6, *15—17*). У подбородка найдена серебряная дидрахма (рис. 6, *4*) Адриана (120—121 гг.) и бронзовая двучленная фибула (рис. 6, *7*). В области пояса лежало два железных ножа (рис. 6, *11*, *12*), камень-оселок рис. 6, *10*), бронзовый плоский наконечник стрелы (рис. 6, *14*), кремень (рис. 6, *13*), обломки железной пряжки (рис. 6, *8*, 9), железного умбона (рис. 6, *5*) и каменная подвеска (рис. 6, *6*). При датировке этого комплекса решающее значение следует придавать двучленной дуговидной подвязной фибуле, датируемой IV в. [32], и наконечникам копий, срединное ребро которых двумя резкими возвратами уходит вдоль краев к основанию пера, что характерно для того же и более позднего времени [33].

[32] *Амброз А. К.* Проблемы..., табл. I, *10*.
[33] *Воронов Ю. Н.* Тайна..., с. 91.

Погребение 17 (Шапка, Грушевый холм — 3—1). Из разрушенного погребения происходят бронзовые одночленная фибула (рис. 6, *20*) и пряжка (рис. 6, *21*). Форма и обмотка фибулы позволяют датировать погребение также IV в.[34]

Погребение 18 (Шапка, Юстинианов холм — 1—1). Женская кремация в двуручном глиняном сосуде. Среди пережженных человеческих костей найдены железная одночленная фибула с двуспиральной бронзовой подвеской (рис. 6, *22*), обломки железного браслета (рис. 6, *23*) и несколько оплавленных бусин — три гладких (рис. 6, *26*) и одна с белым пояском (рис. 6, *28*) из синего стекла, девять из стекловидной пасты (рис. 6, *24*, *25*, *27*). Фибула с миниатюрной подвеской и браслет относят комплекс к III в.

Погребение 19 (Шапка, Церковный холм — 1—1). Женская ингумация головой на юг (рис. 6, *29*). У левого плеча найдены два фрагментированных кувшина (рис. 6, *30*). У подбородка лежали серебряная дидрахма (рис. 6, *37*) Адриана (120—121 гг.) и многочисленные бусы — бронзовая (рис. 6, *35*), 3 янтарных (рис. 6, *31*, *32*), 53 из темно-синего стекла (рис. 6, *33*, *34*) и одна из белой стекловидной пасты (рис. 6, *36*). Здесь же находилась бронзовая одночленная фибула (рис. 6, *57*), а на правой руке фрагменты бронзового браслета (рис. 6, *38*). Кувшин ближе всего стоит к сосудам из рассматриваемых в настоящей работе погребений 8 и 23, отличаясь от них несколько большей шириной горла и округлостью тулова. Фибула имеет северопричерноморские аналогии в материалах III в.[35], это и определяет дату погребения.

Погребение 20 (Шапка, Юстинианов холм — 5—4). Полуразрушенная женская ингумация. Собраны обломки кувшинчика (рис. 6, *44*), серебряная дидрахма (рис. 6, *43*) Траяна (112—117 гг.), три двучленных бронзовых фибулы (рис. 6, *39*, *41*, *42*) и обломок бронзовой фибулы с пластинчатой дужкой (рис. 6, *40*), обломки серебряных подвесок от серег (рис. 6, *57*), железный нож (рис. 6, *45*) и 11 бусин из синего стекла (рис. 6, *46*—*56*). Дуговидные двучленные фибулы с фигурной обмоткой и большими двуспиральными подвесками, а также дно кувшина, судя по наклону стенок принадлежавшего к типу изделий с грушевидным корпусом и гофрированным венчиком, позволяют датировать этот комплекс V в.[36] Однако надо иметь в виду, что фрагмент фибулы с пластинчатой спинкой, судя по ее равномерно широкой форме, может относиться к еще более позднему типу крестовидных фибул и тогда дата комплекса упоздится до начала VI в. Присутствие в столь позднем комплексе монеты II в. в Цебельде не новость — серебряная дидрахма, чеканенная в Кесарии Каппадокийской в правление императора Адриана, найдена на Церковном холме и в комплексе середины — второй половины VI в.[37]

Погребение 21 (Шапка, Грушевый холм — 1 (Ахаччарху) — 46). Женская ингумация головой на юг (рис. 7, *1*). В головах найдены остатки кувшинчика, у висков две серебряные серьги со стеклянными бесцветными вставками (рис. 7, *6*, *7*), у подбородка серебряная дидрахма (рис. 7, *2*) Адриана (120—121 гг.), серебряная двучленная фибула с бронзовой двуспиральной подвеской (рис. 7, *5*), в области шеи бусы — 5 янтарных (рис. 7, *14*—*17*, *21*), сердоликовая (рис. 7, *22*), 8 стеклянных — синего (рис. 7, *10*, *12*, *20*, *24*) и зеленого (рис. 7, *11*, *18*) цвета, 3 из стекловидной пасты (рис. 7, *13*, *19*, *23*) и серебряная корзиночковидная подвеска (рис. 7, *9*). На поясе найдены обломки железного ножа (рис. 7, *8*), а на руках два бронзовых браслета (рис. 7, *3*, *4*). Дата погребения, исходя из формы фибулы и серег, может быть определена IV в.

---

[34] *Амброз А. К.* Проблемы..., с. 107.
[35] *Амброз А. К.* Фибулы..., с. 51, табл. 9, *13*.
[36] *Амброз А. К.* Проблемы..., с. 107.
[37] *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Ук. соч., с. 176, рис. 6, 7.

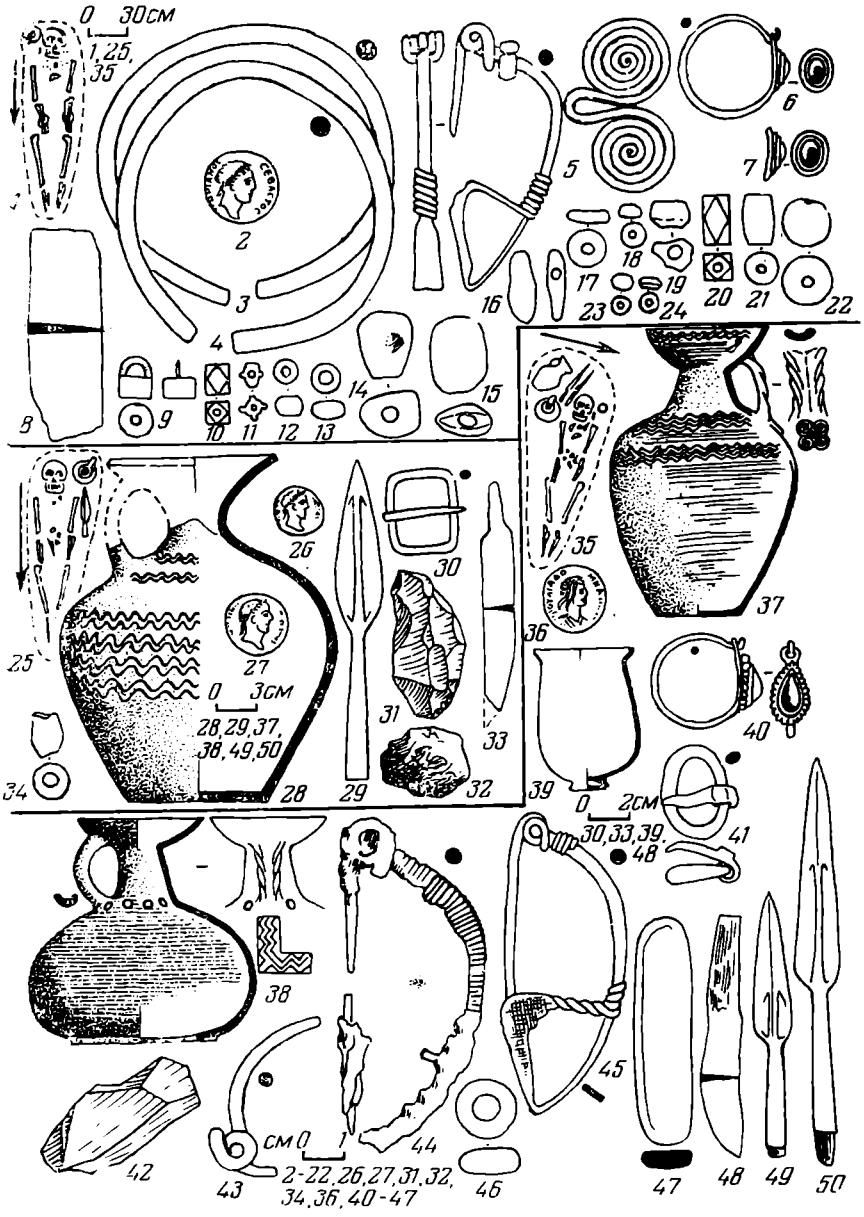


Рис. 7. Комплексы из Шапкинского могильника. Погр. 21 (*1—24*), 22 (*25—34*), 23 (*35—50*)

Погребение 22 (Шапка, Грушевый холм — 1 (Ахаччарху) — 12) [38]. Мужская ингумация головой на юг (рис. 7, *25*). У левого плеча найден глиняный кувшин (рис. 7, *28*) и железный наконечник копья (рис. 7, *29*). У подбородка лежали две серебряные монеты — гемидрахма (рис. 7, *26*) Адриана (120—121 гг.) и драхма (рис. 7, *27*) Антонина Пия (139 г.), на поясе — железные нож (рис. 7, *33*), пряжка (рис. 7, *30*), кресало (рис. 7, *32*), а также кремень (рис. 7, *31*) и свинцовая бусина (рис. 7, *34*). Намечающиеся возвраты срединного ребра на наконечнике копья, а также форма кувшина позволяют отнести рассмотренный комплекс к III в.

Погребение 23 (Шапка, Верин холм — 1 (Ахьацараху) — 14) [39]. Мужская ингумация головой на запад (рис. 7, *35*). У правого плеча нахо-

[38] *Шамба Г. К.* Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, табл. VI.

[39] *Трапш М. М.* Материалы по археологи средневековой Абхазии. Труды, т. IV. Сухуми, 1975, с. 19—21, табл. XVI, *1*, *3*; XVIII, *4*; XXIII, *9*; XXIV, *18*.

дились два кувшина (рис. 7, *37, 38*) и два железных наконечника копий (рис. 7, *49, 50*), у левого плеча стеклянный стакан светло-зеленого цвета (рис. 7, *39*) и бронзовая двучленная фибула (рис. 7, *45*), у подбородка серебряная драхма (рис. 7, *36*) Юлии Домны (206 г.), янтарная бусина (рис. 7, *46*) и бронзовая двучленная фибула (рис. 7, *44*), на правом плече обломок железной одночленной фибулы (рис. 7, *43*). На поясе найдены бронзовая пряжка (рис. 7, *41*), железный нож (рис. 7, *49*), оселок (рис. 7, *47*), обломок железа — кресало и кремень (рис. 7, *42*), бронзовая серьга со стеклом желто-зеленого цвета (рис. 7, *40*). Основания ручек обоих кувшинов оформлены своеобразными украшениями — у первого это двуспиральные налепы (рис. 7, *37*), у второго (рис. 7, *38*) — врезной рисунок уголка с трехрядными зигзагами внутри (голова оленя?). А. К. Амброз относит рассмотренное погребение к третьему этапу (вторая половина IV — первая половина V в.) эволюции могильников Абхазии [40]. Судя по посуде, пряжке, серьге и двучленным фибулам, в данном случае можно говорить лишь о первой половине этого этапа.

Погребение 24 (Шапка, Апианча — 1—13) [41]. Женская ингумация головой на юго-запад (рис. 8, *1*). У подбородка найдена серебряная дидрахма (рис. 8, *4*) Каракаллы (211—217 гг.), на груди 129 бусин — 67 синих стеклянных округлой формы (рис. 8, *16—18*), синяя стеклянная бочонковидная (рис. 8, *15*), 39 граненых из темно-синего стекла (рис. 8, *23, 24*), 2 из стекла черного цвета (рис. 8, *21, 22*), одна из зеленого стекла (рис. 8, *20*), 4 стеклянных с золотистой прокладкой (рис. 8, *25, 28, 29*), 12 биконических из голубого стекла (рис. 8, *19*), 2 из стекловидной пасты — синяя с белым пояском (рис. 8, *30*) и красная с фиолетово-желтым пояском (рис. 8, *31*). Здесь же находились две бронзовых с двуспиральными подвесками (рис. 8, *8—10*) и одна железная с бронзовой подвеской и цепочкой (рис. 8, *11, 12*) одночленные фибулы, два бронзовых бубенчика (рис. 8, *5, 6*), обломок бронзовой трубочки (рис. 8, *26*), кусок проволоки с обмоткой (рис. 8, *27*) и бронзовый завиток (рис. 8, *7*). На поясе железный нож (рис. 8, *13*), а на руках по бронзовому браслету (рис. 8, *2, 3*). Дата захоронения, исходя из формы фибул и размеров подвесок, может быть определена второй половиной III в.

Погребение 25 (Шапка, Апианча — 1—14). Мужская кремация в глиняном пифосе (рис. 8, *33*) горловиной на запад (рис. 8, *32*), перекрытом донной частью двуручного (?) сосуда (рис. 8, *42*). Рядом глиняный кувшин (рис. 8, *34*), два железных наконечника копий (рис. 8, *38, 39*) и железный наконечник дротика или подток (рис. 8, *40*). В урне среди пережженных костей найдены железный нож (рис. 8, *41*), одночленная бронзовая фибула (рис. 8, *35*), обломок железной пряжки (рис. 8, *37*) и золотая бусина (рис. 8, *36*). Очень низкое горло отличает упомянутый пифос от образцов, характерных для IV в. н. э.[42] Достаточно архаичен и облик кувшина и наконечников копий. Главное значение при датировке комплекса должно придаваться фибуле, северопричерноморские соответствия которой датируются в основном III в.

Погребение 26 (Шапка, Апианча — 1—11). Женская ингумация головой на запад (рис. 8, *43*). На груди найдена фрагментированная железная одночленная фибула (рис. 8, *44*), на руках два бронзовых (рис. 8, *46, 47*) и один серебряный (рис. 8, *48*) браслеты, на поясе железный нож (рис. 8, *45*). В хронологическом отношении комплекс этот теснейшим образом связан с двумя предыдущими захоронениями.

---

[40] *Амброз А. К.* Проблемы..., табл. I.

[41] Авторы приносят благодарность кандидату исторических наук М. М. Гунба за любезное разрешение включить в настоящую статью три погребальных комплекса из раскопанного им могильника Апианча.

[42] *Трапш М. М.* Древний Сухуми. Труды, II. Сухуми, 1969, табл. L, *6*.

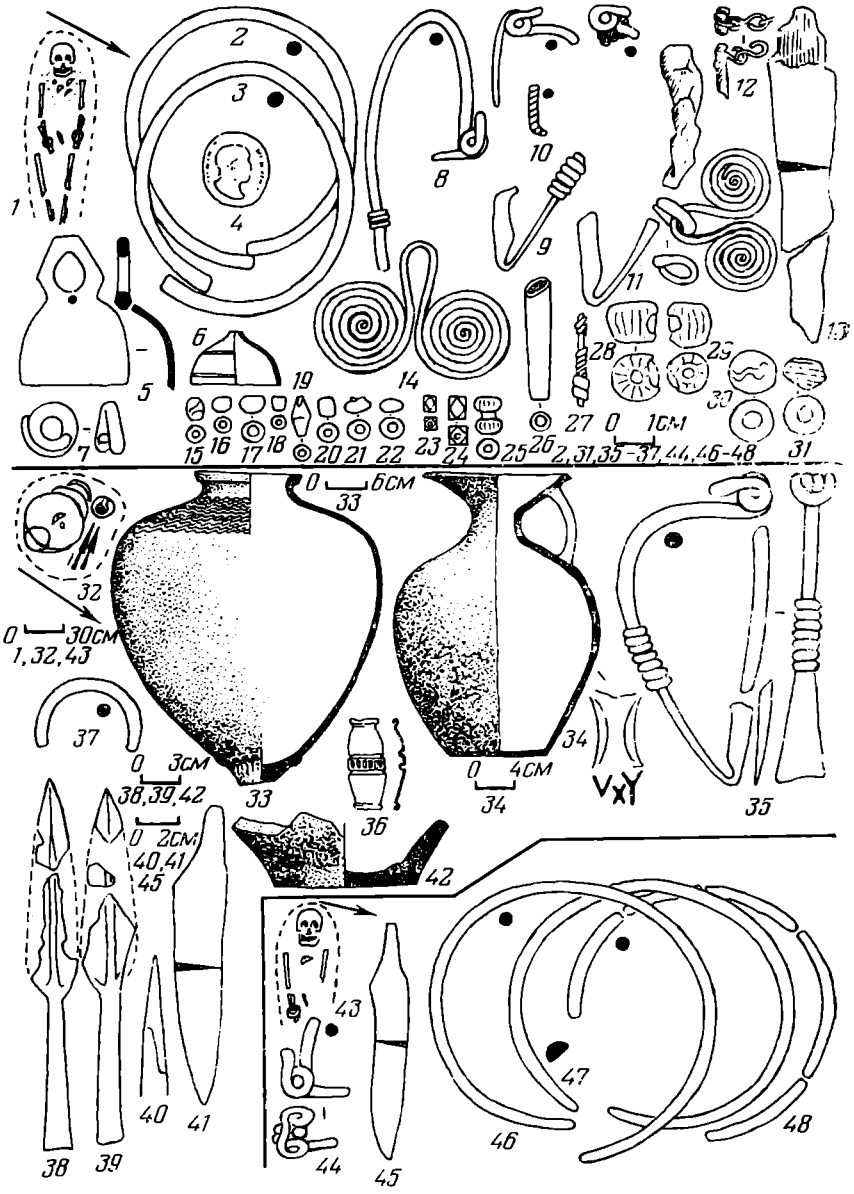


Рис. 8. Комплексы из Шапкинского могильника. Погр. 24 (*1—31*), 25 (*32—42*), 26 (*43—48*)

Погребение 27 (Шапка, Стеклянный холм — 1 (Абгыдзраху) — 37) [43]. Женская кремация (рис. 9, *1*) в пифосе (рис. 9, *2*). Рядом два небольших глиняных кувшина (рис. 9, *3*). В урне среди пережженных костей найдены пять бронзовых браслетов (рис. 9, *5—7*, *9*, *10*), пять бронзовых одночленных фибул (рис. 9, *12—14*, *16*, *17*), две бронзовые с сердоликами височные подвески (рис. 9, *4*, *11*) и обломки оправ от таких же изделий (рис. 9, *8*, *15*), а также железный нож (рис. 9, *8*). Комплекс этот был предположительно отнесен А. К. Амброзом ко второй половине III в. со ссылкой на одночленную конструкцию фибул, так как в то время другие комплексы с такими фибулами из Абхазии были еще неизвестны [44]. Сравнение же с публикуемыми в настоящей работе одночленными фибулами III в. позволяет считать фибулы из погр. 27 более поздними, не ранее IV в. В пользу такой даты говорит также высокое горло пифоса,

[43] *Трапш М. М.* Культура..., с. 59, 60, табл. XVII.
[44] *Амброз А. К.* Проблемы..., с. 107, табл. I, *4—6*, рис. 4, *2, 3*.

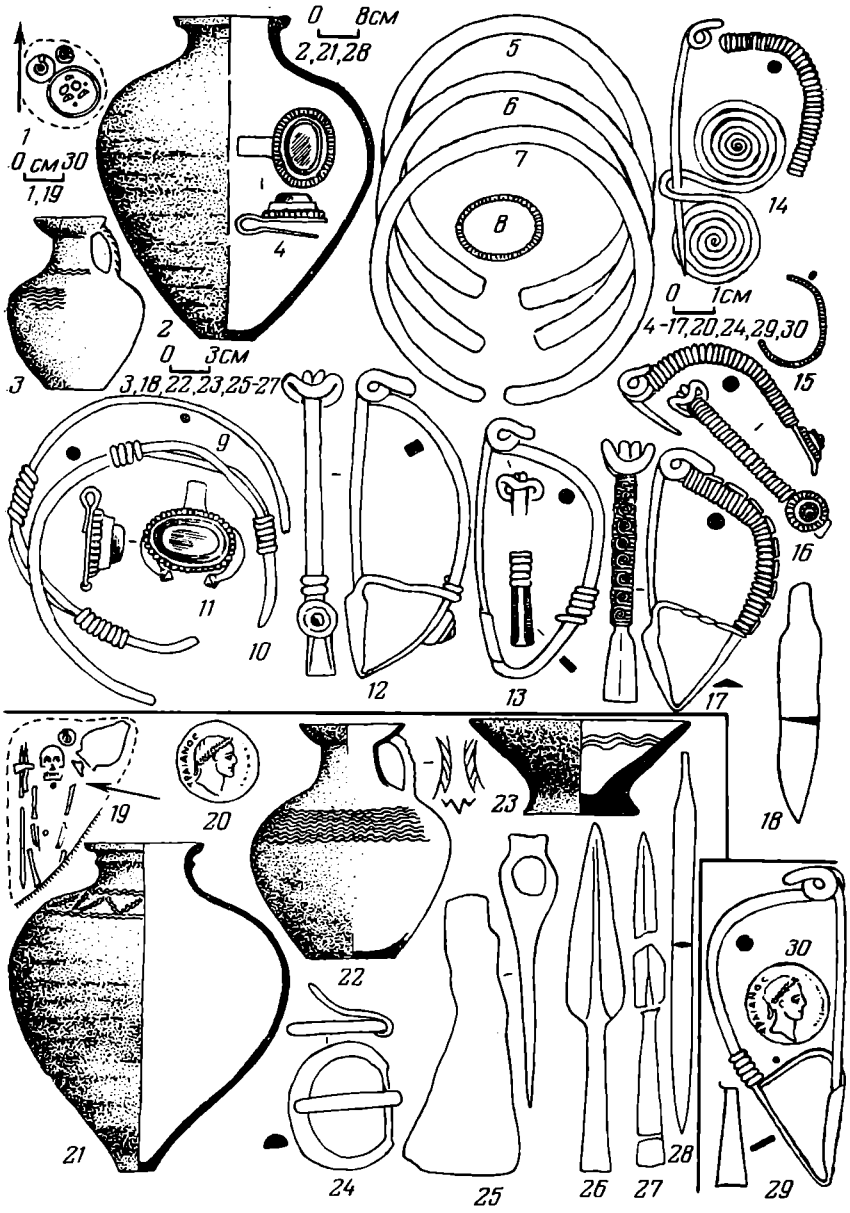


Рис. 9. Комплексы из Шапкинского (*1—18, 29, 30*) и Цибилиумского (*19—28*) могильников. Погр. 27 (*1—18*), 28 (*19—28*), единичные находки (*29, 30*)

форма гладких несомкнутых браслетов, тип височных подвесок и размер двуспиральных подвесок.

Погребение 28 (Цибилиум — 1—15). Мужская ингумация головой на восток (рис. 9, *19*). У левого плеча находились три глиняных сосуда — пифос (рис. 9, *26*), кувшин (рис. 9, *22*) и вазочка (рис. 9, *23*), на правом плече — два железных наконечника копий (рис. 9, *26*, *27*) и железный топор (рис. 9, *25*), у правого бедра железный меч (рис. 9, *28*). Под подбородком найдена серебряная дидрахма (рис. 9, *20*) Траяна (112—117 гг.), а на поясе бронзовая пряжка (рис. 9, *24*). Близкий по форме топор найден в одном из погребений IV в. на Апуштинском могильнике [45]. Кувшины, близкие к рассматриваемому, встречены в комплексах и III и IV вв.

[45] *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. Юшин В. А.* Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии.— СА, 1970, № 1, рис. 3, *2*.

(описанные выше погр. 4 и 27). С IV в. связывается и сочетание листовидного и узкого наконечников копий, а также форма пифоса. Погребение поэтому можно датировать временем не ранее конца III — первой половины IV в.

Из находок случайного характера, связанных с разрушенными захоронениями рассматриваемого периода, следует отметить происходящие с территории могильника у крепости Шапка бронзовый браслет с сетчатым орнаментом (рис. 1, *60*), бронзовый браслет с двойной перевязью (рис. 1, *59*), одночленные железные фибулы с четырехгранной (рис. 1, *57*) и пластинчатой (рис. 3, *36*) дужками, железную одночленную фибулу второй половины II — начала III в., найденную вместе с серебряной дидрахмой Траяна (рис. 9, *29*, *30*) [46], а также найденный на территории могильника у Герзеульской крепости бронзовый браслет с сетчатым орнаментом (рис. 1, *58*).

В рассмотренном материале могут быть выделены три основных хронологических этапа — I—II, III и IV вв.

Для первого этапа, представленного пока очень малым числом комплексов (погр. 1 и 2), характерны тонкопроволочные серебряные браслеты в полтора оборота с фаллическим оформлением концов (рис. 1, *3*, *4*, *44*), массивные бронзовые браслеты с сетчатой орнаментацией (рис. 1, *32—35* и др.), пряжки-сюльгамы (рис. 1, *40*, *41*), кувшины со слабо расширяющимся воронкообразным венчиком, оформленным по краю валиком, а по тулову волнистым орнаментом (рис. 1, *2*), бусы с металлической прокладкой (рис. 1, *9—12*). В этих комплексах еще отсутствуют фибулы.

Второй этап ранее по существу не был представлен в публикациях по археологии Абхазии (лишь одна случайно найденная северопричерноморского типа фибула). В данной работе впервые удалось собрать значительное количество комплексов III в. (погр. 3—5, 7, 10, 12, 15, 18, 19, 22, 24—26) и охарактеризовать основные особенности этого этапа. Инвентарь соответствующих погребений включает пифосы (дно плоское, на подъеме к тулову изредка украшавшееся рельефным валиком с вдавлениями, тулово яйцевидной формы, на плечах орнаментировка многорядной волной, горло низкое и широкое, венчик массивный — рис. 8, *33*), большие двуручные кувшины (днища плоские, ручки, расположенные в средней части тулова, оформлены по краям жгутом, на плечах многорядный волнистый орнамент, венчик чашеобразный — рис. 2, *45*; 8, *42*), одноручные кувшины (плоское дно, сильно расширяющееся к плечам тулово, в верхней своей части обычно покрытое орнаментом из многорядной волны, ручки плоские с продольными краевыми валиками, оформлявшимися насечкой или жгутом, горло узкое, венчик широкий, воронкообразный или чашеобразный, гладкий или с бороздами — рис. 2, *4*, *19*; 6, *30*; 7, *28*; 8, *34*), вазочки (высокая или очень низкая полая ножка, вдоль края пояски многорядной волны — рис. 2, *5*; 3, *31*), кружки (горшочки с петлевидными ручками, орнаментированные многорядной волной,— рис. 2, *3*; 3, *33*), чашки (плоское дно, расширяющееся к округлому или утолщенному сверху краю,— рис. 3, *32*), мотыги (молоточковидный обух, округлый проух, расширяющаяся к лезвию рабочая часть — рис. 2, *20*), наконечники копий (перо широкое и короткое со срединным ребром, доходящим до конца пера, тулья сравнительно длинная — рис. 5, *62*, *63*; 7, *29*; 8, *38*, *39*), наконечники дротиков или подтоки (конической формы — рис. 8, *4*), ножи (с прямой спинкой — рис. 4, *68*; 7, *33*; 8, *13*, *41*, *45*), кресала (обломки железа — рис. *2*, *42*; 7, *32*), кремни (рис. 2, *43*; 4, *55*; 7, *31*), пряжки (кольцо овальное или прямоугольное, язычок чаще прогнутый, щитки отсутствуют — рис. 2, *38*; 5, *61*; 7, *30*; 8, *37*), фибулы (в большинстве одночленные лучковые, подвязные, часто с обмоткой, в конце этапа появляются двучленные лучковые подвязные фибулы, ножка фибул треугольная,

[46] *Трапш М. М.* Культура..., с. 171, табл. LI, *1*; *Амброз А. К.* Проблемы..., рис. 4, *1*.

часты двуспиральные подвески небольших размеров — рис. 2, *8*, *23*, *24*, *36*, *46*; 3, *36*; 4, *50*, *51*; 6, *22*, *57*; 8, *8—12*, *35*, *44*), браслеты (проволочные, обычно гладкие с заходящими рублеными концами, реже с двойной перевязью, очень редко пластинчатые или с зооморфными концами — рис. 2, *6*, *7*, *21*, *22*, *37*, *47*; 4, *52*, *53*; 6, *23*, *38*; 8, *2*, *46—48*), серьги (проволочные кольцевидные или овальные с крючком и петлей, украшавшиеся каплевидным стеклышком или сердоликом — рис. 2 *29*, *39*; 4, *54*), височные завитки в полтора оборота (рис. 4, *60*; 8, *7*), разнообразные бусы (особенно многочисленны изделия из синего стекла — рис. 2, *13*, *28*, 6, *26*, *28*, *33*, *34*; 8, *19* и др., из стекла с металлической серебристого или золотистого цвета прокладкой — рис. 2, *12*, *14—16*, *25*; 8, *25*, *28*, *29* и др., из разноцветной стекловидной пасты — рис. 2, *9*, *27*; 4, *61*; 6, *24*, *25*, *27* и др., реже встречаются изделия из гешира — рис. 4, *57*, *59*, *65*, *67* и др., из янтаря — рис. 4, *62—64*; 6, *31*, *32* и др., очень редки бусы сердоликовые, пастовые глазчатые, бронзовые) и монеты чекана Кесарии Каппадокийской времени правления императоров Траяна (рис. 9, *30*), Адриана (погр. 19, 22), Антонина Пия (погр. 22), Септимия Севера (погр. 3, 4), Юлии Домны (погр. 15) и Каракаллы (погр. 24).

Третий этап представлен как довольно многочисленными уже комплексами, опубликованными в других работах (Ахаччарху — погр. 14, 30; Абгидзраху — погр. 2, 3, 6, 27, 37, 45, 51; Ахьацараху — погр. 11, 12, 29, 31, 35, 38, 51; Апушта — погр. 1, 2, 3, 4, 8, 13) [47], так и рядом захоронений, публикуемых в настоящей статье (погр. 6, 8, 9, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 21, 27, 28). Об изменениях в облике инвентаря на этом этапе по сравнению с предыдущим можно пока сказать следующее. Вазочки (рис. 9, *23*), чашки (рис. 4, *2*), мотыги (рис. 4, *5*), ножи (рис. 3, *16*; 5, *19*; 6, *11*, *12*; 7, *8*, *49*; 9, *18*), оселки (рис. 3, *12*; 6, *10*; 7, *47*), кресала (рис. 3, *13*), кремни (рис. 6, *14*; 7, *42*), браслеты (рис. 3, *37*; 4, *11*; 5, *5*, *6*, *20*; 7, *3*, *4*; 9, *5—7*), бусы (рис. 3, *17*, *18*, *24—30*; 4, *19—48*; 5, *11*; 7, *10*, *12* и др.) в основном сохраняют формы и ассортимент предыдущего этапа. То же можно сказать и о ряде других изделий, не встреченных пока в комплексах предыдущего этапа, но несомненно типичных и для него — это кухонные горшки (рис. 3, *7*), вазы (полая высокая ножка, узкий перехват — рис. 3, *6*; 5, *3*), зернотерки (рис. 4, *4*), мечи (короткие широкие или длинные узкие — рис. 9, *25*), наконечники дротиков (рис. 6, *15—17*), плоские наконечники стрел (рис. 6, *14*) и др. Определенную эволюцию претерпевают пифосы (несколько вытягивается горло — рис. 9, *3*, *22*), двуручные кувшины (увеличивается размер, появляются борозды на венчике — рис. 3, *3*; 5, *2*), одноручные кувшины (тулово их становится более округлым, намечается переход к грушевидности, орнаментация разнообразнее, венчик чашеобразный — рис. 2, *31*; 3, *4*, *5*, *21*; *4*, *3*; 6, *2*; 7, *37—38*), топоры (первоначально молоточковидный обух, округлый проух, узкая лезвийная часть — рис. 9, *25*; затем вырабатывается тип топора с широкой боевой частью, узкой шейкой и округлым проухом без выступа на обухе — рис. 3, *11*), наконечники копий (перо несколько сужается и вытягивается, срединное ребро не доходит до конца пера, двумя резкими возвратами уходя к его основанию вдоль краев, тулья укорачивается — рис. 3, *9*, *10*; 6, *18*, *19*; 7, *49*, *50*; 9, *26*, *27*), пряжки (кольцо спереди утолщается, язычок чаще прямой с прямоугольным возвышением у основания, характерны различной формы щитки — рис. 2, *32*; 3, *14*, *15*; 4, *10*; 6, *8*, *9*, *21*; 7, *41*; 9, *24*), фибулы (широко распространяются проволочные двучленные лучковые подвязные, часто украшавшиеся обмоткой, инкрустацией и насечками, еще довольно часты одночленные формы, входят в употребление прогнутые фибулы «лебяжинского» типа, ножка фибул обычно равномер-

[47] *Шамба Г. К.* Ук. соч., табл. VII, XII; *Трапш М. М.* Культура..., табл. II, III, XI, XXIII, XXIX, XXXVI, XXXVII; *его же.* Материалы..., табл. V, *1—19*; XIII; *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А.* Ук. соч., рис. 2—4; 5, *1—4*; 7, *7—31*; 11.

ной ширины, двуспиральные подвески увеличиваются в размере — рис. 3, *23*; 4, *6—9*, *13—15*; 5, *8*, *9*, *23—25*; 6, *7*, *20*; 7, *5*, *43—45*; 9, *12—14*, *16*, *17*, *19*) браслеты (типичны разомкнутые рубленые концы — рис. 3, *37*; 4, *11*; 5, *5*, *6*, *20*; 7, *3*, *4*; 9, *5—7*), серьги (наряду с формами, характерными для II этапа — рис. 5, *7*, *21*, *22*; 7, *6*, *7*, *40*, распространяются подвески сначала с шаровидными, а затем биконическими полыми гирьками — рис. 3, *22*; 4, *12*, *16*). На этом этапе впервые появляются изделия, получившие широкое распространение в памятниках Цебельды в V—VI вв.— умбоны (рис. 3, *8*; 6, *5*), височные подвески с сердоликом в оправе и зажимом на обороте (рис. 9, *4*, *8*, *11*, *15*), перстни (рис. 4, *17*, *18*), стеклянная посуда (рис. 6, *3*; 7, *39*). В погребениях продолжают встречаться кесарийские серебряные монеты Траяна (погр. 28), Адриана (погр. 16), Юлии Домны (погр. 23), Септимия Севера (погр. 6) и неопределимые из-за плохой сохранности (погр. 8, 9). Столь значительная задержка кесарийского серебра в Цебельде (как было отмечено выше, единичные случаи находок монет II в. засвидетельствованы здесь и в комплексах V—VI вв.) не должна являться чем-то несжиданным. Близкая ситуация прослежена, например, в Бельгии, где в одном из франкских могильников VI—VII вв. (Сипли) установлено, что «большинство монет из достаточно выразительных комплексов оказались непригодными для их датирования, запоздав от 300 до 500—700 лет» [48]. Очень показательны в этом отношении и результаты последних исследований на Ильичевском городище (Таманский полуостров), где найден клад медных римских монет совместно с золотыми монетами Юстиниана [49].

В заключение следует отметить, что дальнейшие систематические исследования могильников цебельдинской культуры должны неизмеримо увеличить число фактов, необходимых как для уточнения хронологии, так и для полного выявления ассортимента изделий, характерных для раннего горизонта памятников цебельдинской культуры, а вместе с тем в какой-то мере и для всего Восточного Причерноморья I—IV вв.

Yu. N. Voronov, V. A. Yushin

THE EARLY STAGE (IInd — IVth c. c. A. D.) OF THE CEMETRIES OF THE TZEBELDA CULTURE (ABKHAZIA)

Summary

The article deals with the grave lots from the cemetries of the Tzebelda valley in Abkhazia of the IInd — IVth c. c. The authors refer graves no 1, 2 to the Ist — IInd c. c. Graves No 3—5, 7, 10, 12, 15, 18—19, 22, 24—26 are dated to the IIIrd; no 6, 8, 9, 11, 13, 14, 16, 17, 21, 23, 27 and 28 to the IVth century. Grave 20 — to the Vth century. The article also specifies the forms of various items typical of different periods and their role in the evolution of the Tzebelda culture. Many burials contain Roman coins of the IInd and the early IIIrd c. c. stamped in Caesarea in Cappodocia. Eight graves included IIIrd century, six graves — IVth century coins. Each grave of the Vth and VIth c. c. contained a single sample. The IIIrd century internments are known to have simple fybulas with a twisted foot, however, later variants of the same could be found till the second half of the IVth century on a par with compound samples.

---

[48] *Амброз А. К.* Рец.: *Faider-Feytmans G.* Les nécropoles mérovingiennes. Les collections d'archéologie régionale du Musée de Mariemont, II. Kortzijk, 1970.— СА, 1975, № 2, с. 298, 299.

[49] *Николаева Э. Я.* Раскопки Ильичевского городища.— АО — 1975, М., 1976, с. 142.

М. Л. ШВЕЦОВ

ПОЛОВЕЦКИЕ СВЯТИЛИЩА

Среди памятников материальной культуры, оставленных древними тюркоязычными народами в степях от Монголии до Дуная, особое место занимают каменные изваяния, передающие изображения людей. Зародившийся в VI—VII вв. в Монголии и на Алтае в тюркской среде, обычай воздвигать статуи, связанный с особым культом почитания предков [1], распространяется вместе с тюркоязычными народами далеко на запад в южнорусские степи [2]. Уже при первых раскопках курганов с половецкими изваяниями были отмечены следы культовых приношений вокруг них [3]. Г. А. Федоров-Давыдов полагает, что это были небольшие святилища, посвященные культу предков. Отличительными чертами восточноевропейских святилищ от восточносибирских и монгольских, по его мнению, можно считать отсутствие камней-балбалов, оградок вокруг изваяний и наличие наряду с мужскими женских статуй [4]. Учитывая факт распаханности восточноевропейских курганов и находок россыпей камня на их вершинах, С. А. Плетнева выдвинула положение о возможности существования каменных конструкций вокруг изваяний [5]. В предлагаемой статье рассматриваются сохранившиеся и открытые в последние годы культовые сооружения на курганах вокруг половецких изваяний.

Эти святилища обладают рядом общих закономерностей. Во-первых, они располагались на водоразделах, в курганных могильниках более ранних эпох, на насыпях сравнительно небольших размеров. Во-вторых, одной из специфических черт их топографии является местоположение на самых возвышенных участках степи, как правило на водоразделах рек. В-третьих, характерным является групповой характер святилищ (в четырех случаях нами зафиксировано, а в двух исследовано по два сохранившихся сооружения в одном могильнике и отдельные изваяния или их фрагменты на курганах, находившихся рядом).

Первые из известных нам в настоящее время святилищ были открыты осенью 1975 г. в юго-западной части г. Донецка (микрорайон «Текстильщик»). Там исследовался курганный могильник, состоящий из шести насыпей, вытянутых дугой с востока на запад (рис. 1, *1*). Могильник относился к эпохе бронзы, и лишь в одной из насыпей (курган 4) было открыто впускное кочевническое погребение X—IX вв. Кроме того, в насыпи этого же кургана, а также кург. 2 были найдены основание

---

[1] *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей.— СА, 1964, № 2, с. 39.

[2] *Веселовский Н. И.* Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах».— ЗООИД, т. XXXII, 1915.

[3] *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г.— Труды XII АС. М., 1907, т. 1, с. 249—268.

[4] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 191.

[5] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, Е4-2, М., 1974, с. 75, 76.

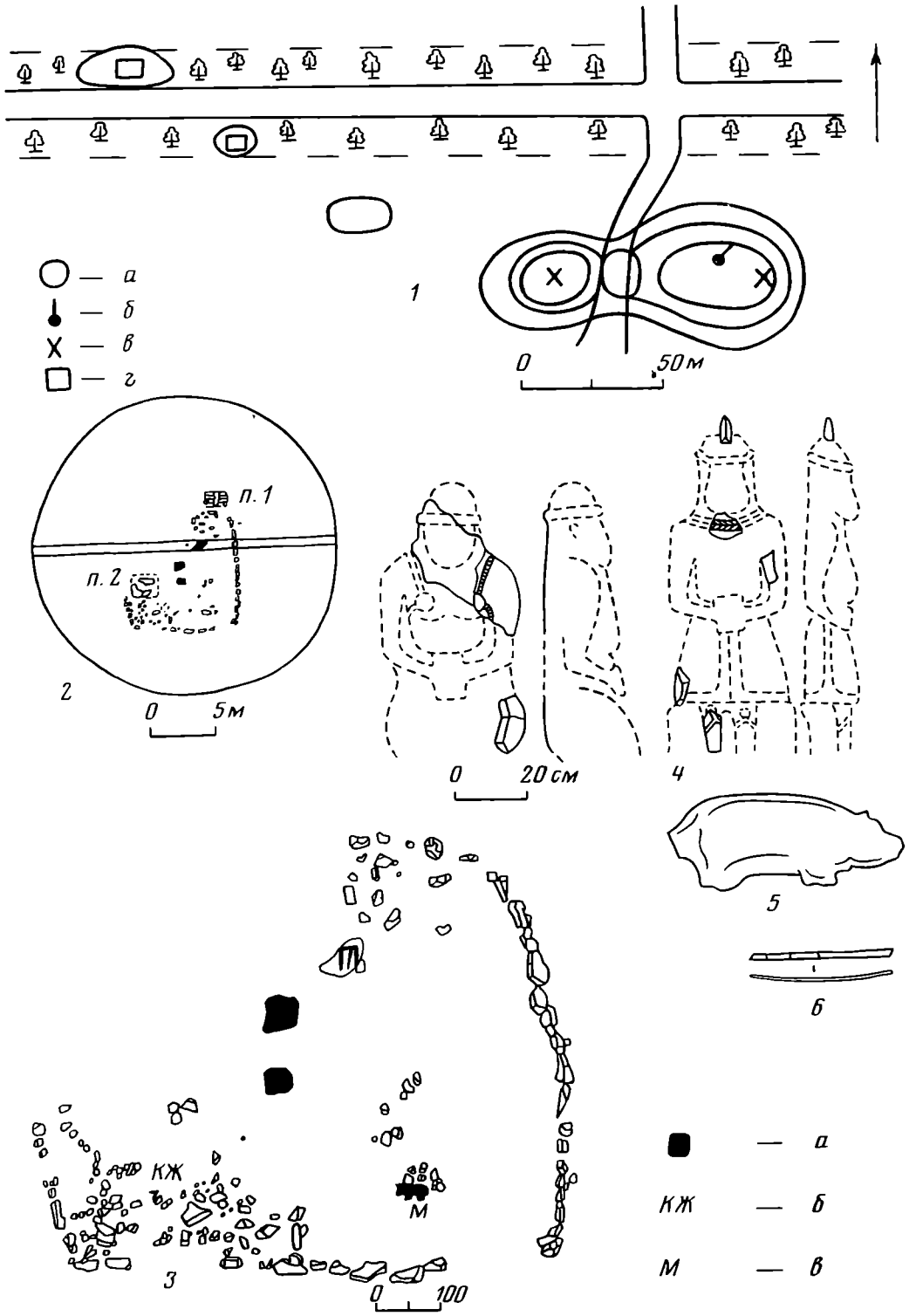


Рис. 1. Могильник «Текстильщик». Святилище на кург. 5: *1* — план могильника «Текстильщик»: *а* — курган, *б* — погребение IX—XI вв., *в* — фрагменты изваяний в насыпях курганов, *г* — святилища на курганах; *2* — план кург. 5; *3* — план святилища на кург. 5: *а* — основания изваяний, *б* — кости животных, *в* — скульптура медведя; *4* — реконструкция изваяний из святилища на кург. 5; *5* — фигурка медведя; *6* — костяная пластинка из святилища

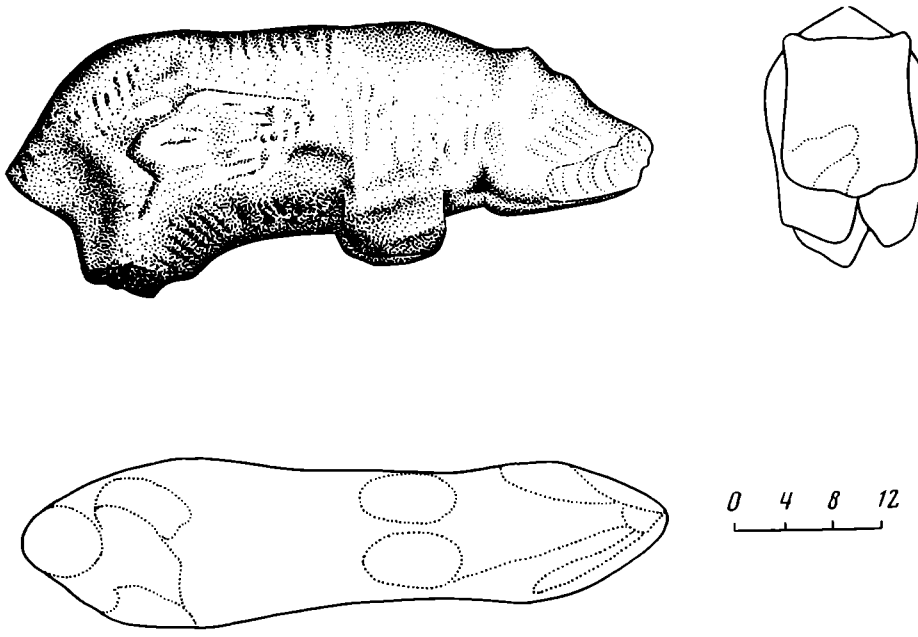


Рис. 2. Скульптурка медведя из святилища на кург. 5

и голова от двух разных половецких изваяний. На двух курганах этого могильника обнаружены остатки каменных конструкций с половецкими изваяниями в центре (кург. 5, 6).

В кург. 5, сильно нарушенном лесополосой и двумя противопожарными ровиками, на первой насыпи находилась площадка, на которой из серого плотного плитняка (50×30×30, 40×30×30 *см*) была сооружена квадратная в плане конструкция размером 8—8,5 *м*. Кладки сложены без раствора в один ряд, поэтому сохранились они фрагментарно (рис. 1, *3*). Особенно пострадал северо-западный угол, разрушенный деревьями и ровиком. В центре, in situ, находились основания от двух разбитых каменных половецких изваяний, фрагменты которых были разбросаны вокруг.

Основание I укреплено в яме тонкими каменными плитами. Оно представляет собой массивную плиту из серого крупнозернистого слоистого песчаника (50×30×50 *см*), обращенную обработанной, видимо лицевой, стороной на восток.

Основание II вкопано в насыпь южнее первого на 0,6 *м* (рис. 1, *3а*) меньших размеров (35×30×50 *см*), изготовлено из слоистого мелкозернистого песчаника.

Юго-восточнее изваяний находилась небольшая площадка (0,5×0,6 *м*), выложенная камнем. На ней были найдены фрагменты костяной пластины со следами обработки острым предметом (рис. 1, *5*) и фигурка медведя, изготовленная из песчаника (рис. 2). Фигурка четко передает форму тулова, ноги животного, намечены общие контуры головы, хорошо выделены два маленьких уха, массивный лоб и подбородок. Следы мелких ударов, нанесенные по всей фигурке, передают шкуру животного.

Юго-западный угол конструкции представляет собой, по-видимому, специально вымощенную камнем жертвенную площадку (2×2,5 *м*). На ней сохранились остатки жертвоприношений: фрагменты челюсти и зубы лошади, фрагменты костей овцы или козы. Реконструкция статуй по дошедшим до нас обломкам позволяет говорить о двух изваяниях, находившихся на кургане — мужском — сидящем и женском — стоящем (рис. 1, *4 а, б*).

Курган 6, расположенный западнее кург. 5, был нарушен огородом. Камни, находившиеся на его поверхности, были сброшены к подножию. Там же была найдена голова мужского изваяния из светлого песчаника. На вершине кургана, in situ, находились основания от двух половецких статуй (рис. 3, *2*), ориентированных широкими гранями на запад и во-

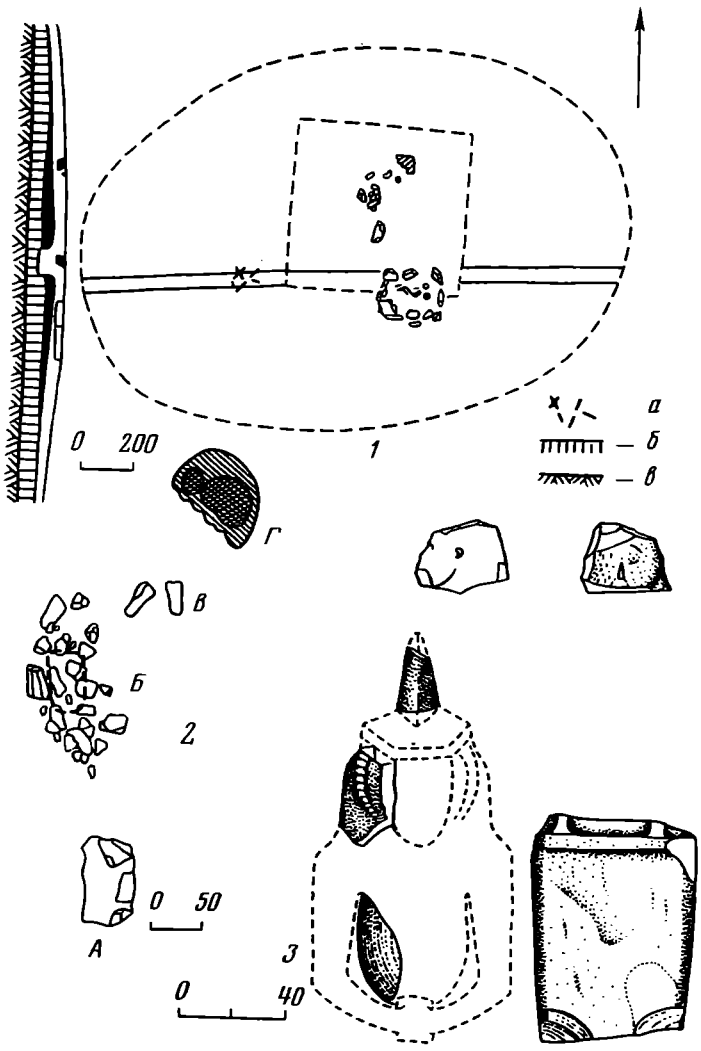


Рис. 3. Святилище на кург. 6. *1* — план и разрез кург. 6: *а* — погребение коня, *б* — материк; *2* — план сохранившейся части святилища на кург. 6: *А* — основание мужского изваяния, *Б* — основание женского изваяния, *В* — фрагменты изваяний, *Г* — кострище; *3* — реконструкция изваяний из святилища на кург. 6

сток. У одного из них, более массивного, на восточной грани сохранились сильно оббитые ступни ног. Это обстоятельство указывает на положение скульптуры — лицом к востоку, что соответствует сообщениям Рубрука об установке статуй на курганы [6]. От второго сохранилась небольшая часть основания и несколько фрагментов (рис. 3, *2*).

Реконструкция обеих статуй позволяет говорить, что на кургане находились изваяния, изображающие мужчину и женщину (рис. 3, *3*). Рядом с основаниями были найдены кости ног коровы, зубы и кости овцы, мел и два небольших фрагмента амфоры. Аналогичные обломки амфоры и несколько обломков грубой лепной керамики были собраны у подно-

[6] *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. М., 1972, с. 102.

жия кургана. Северо-восточнее постаментов, на расстоянии 0,8—1 *м*, находились остатки небольшого круглого в плане кострища диаметром 0,5 *м*.

Здесь же, на расстоянии 2 *м* к западу от изваяний, в насыпи, на глубине 0,6 *м* найдены кости ног и череп коня (рис. 3, *1*), ориентированный мордой на запад. В зубах были обнаружены остатки удил, рядом с черепом — фрагмент железного ножа. Не исключено, что данное погребение также относится к святилищу. Хотя подобные захоронения останков боевых коней хорошо известны и датируются они X—XII вв.[7]

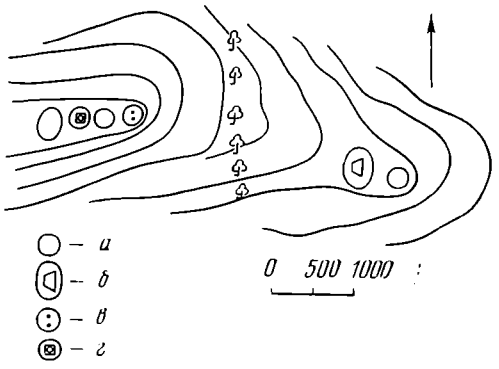


Рис. 4. План могильника у с. Новоселовка. *а* — курганные насыпи; *б* — кург. 2, *в* — кург. 3, *г* — кург. 5

В 1976 г. у с. Новоселовка Тельмановского р-на Донецкой обл., на водоразделе правого берега р. Кальмиус, был исследован курганный могильник эпохи бронзы, состоящий из шести насыпей (рис. 4). На двух курганах (2 и 3) были обнаружены каменные сооружения с остатками половецких изваяний в центре. На кург. 5 статуи были полностью разрушены. В них остались в каменной выкладке свободные от камней площадки — ямы, в которые были опущены основания изваяний.

Курган 2 слегка эллипсовидный в плане, высота его 1,05 *м*, диаметр 36 *м* (рис. 5, *1*). На нем находилось довольно сложное сооружение из гранитных камней среднего размера (40×35×35 *см*), представляющее собой в плане двойную трапецию, обращенную основанием к востоку (рис. 5, *2*). Размеры трех сторон внешней трапеции 16,5×12×8,5×12 *м*, а внутренней — 10×10,5×6×10 *м*. На западной стороне прослежены две кольцевые выкладки, между которыми находился, видимо, вход в святилище. Основание трапеции и северо-западная сторона сохранили вымостку из двух, а местами из трех рядов камня, уложенных насухо, без раствора.

В центре сооружения, in situ, находились два половецких изваяния, передающих изображение мужчины и женщины. Здесь же, в насыпи, было найдено еще два фрагмента от третьего изваяния. Основания первых двух изваяний были вкопаны в землю и стояли лицевыми гранями на восток. Примечательно, что сбитые верхние части статуй были разбросаны в разных направлениях (к востоку и западу), но их лицевые стороны, как правило, были обращены к востоку, что подтверждает восточную ориентировку изваяний.

Изваяние I, изготовленное из мелкозернистого песчаника, сохранилось очень плохо (рис. 5, *3*), высота его 1,2 *м*, толщина 0,32 *м*. Статуя изображала стоящую женщину, держащую сосуд у живота. На изваянии сохранились изображение шейной гривны и одежды в виде кафтана, полы которого украшены крестовидным орнаментом.

Изваяние II очень плохой сохранности. Однако по дошедшим до нас обломкам мы можем говорить, что это была женская статуя, относящаяся к типу «полусидящих» или стоящих. Голова отделена от туловища. На спине видны остатки прорисовки «лопасти». Бока от плеч до краев одежды украшены полоской с насечками. Ниже пояса сзади изображен квадрат, стороны которого также покрыты насечкой (рис. 5, *3*).

Фрагменты изваяния III обнаружены в 7,5 *м* к югу от центра, в насыпи. Один из обломков, передающий часть шеи с тремя косами, позволяет заключить, что статуя была мужской. Изготовлена она из песчани-

[7] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков.— САИ, Е1-19. М., 1973, с. 13, 14.

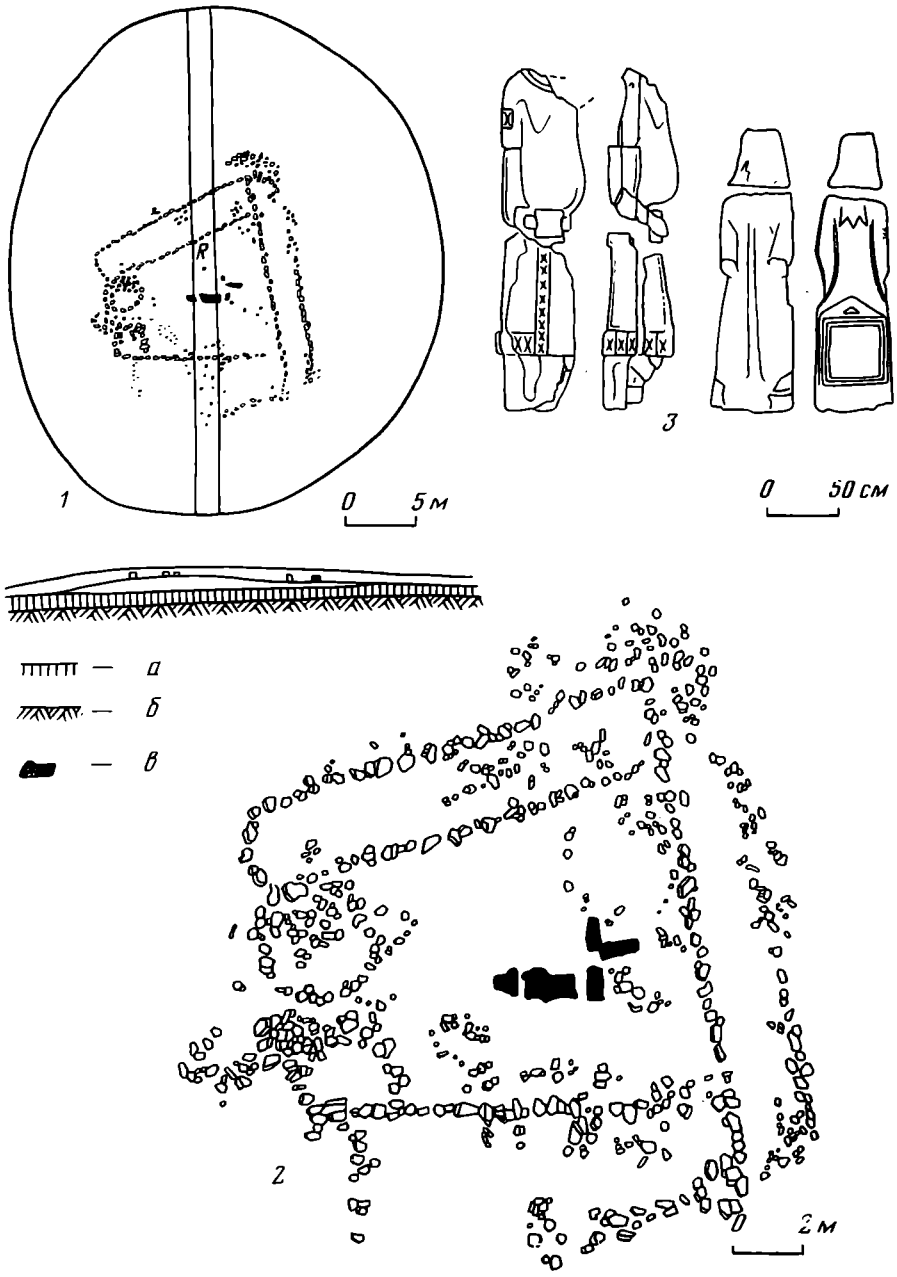


Рис. 5. Святилище на кург. 2 у с. Новоселовка. *1* — план и разрез кург. 2 со святилищем: *а* — древний горизонт, *б* — материк, *в* — остатки изваяний; *2* — план святилища; *3* — реконструкция изваяний

ка и, по-видимому, ранее находилась на другом кургане, поскольку обломки найдены разбросанно среди камней, упавших со стен святилища.

Курган 3 был насыпан над двумя погребениями эпохи бронзы (рис. 6, *1*). Каменный панцирь, сложенный в древности, был использован вторично в половецкую эпоху. В центре его были установлены два изваяния, изображающие мужчину и женщину. Основания обоих изваяний зафиксированы в центре насыпи, in situ, а обломки их были разбросаны вокруг. Изваяние I изображает стоящую женщину с руками, держащими сосуд у живота, и открытой свисающей грудью. Изваяние II почти в два раза меньше первого (рис. 6, *2*). Это стеловидное изображение усатого мужчины. Руки и сосуд отсутствуют. На затылке прочерчены три полосы — косы.

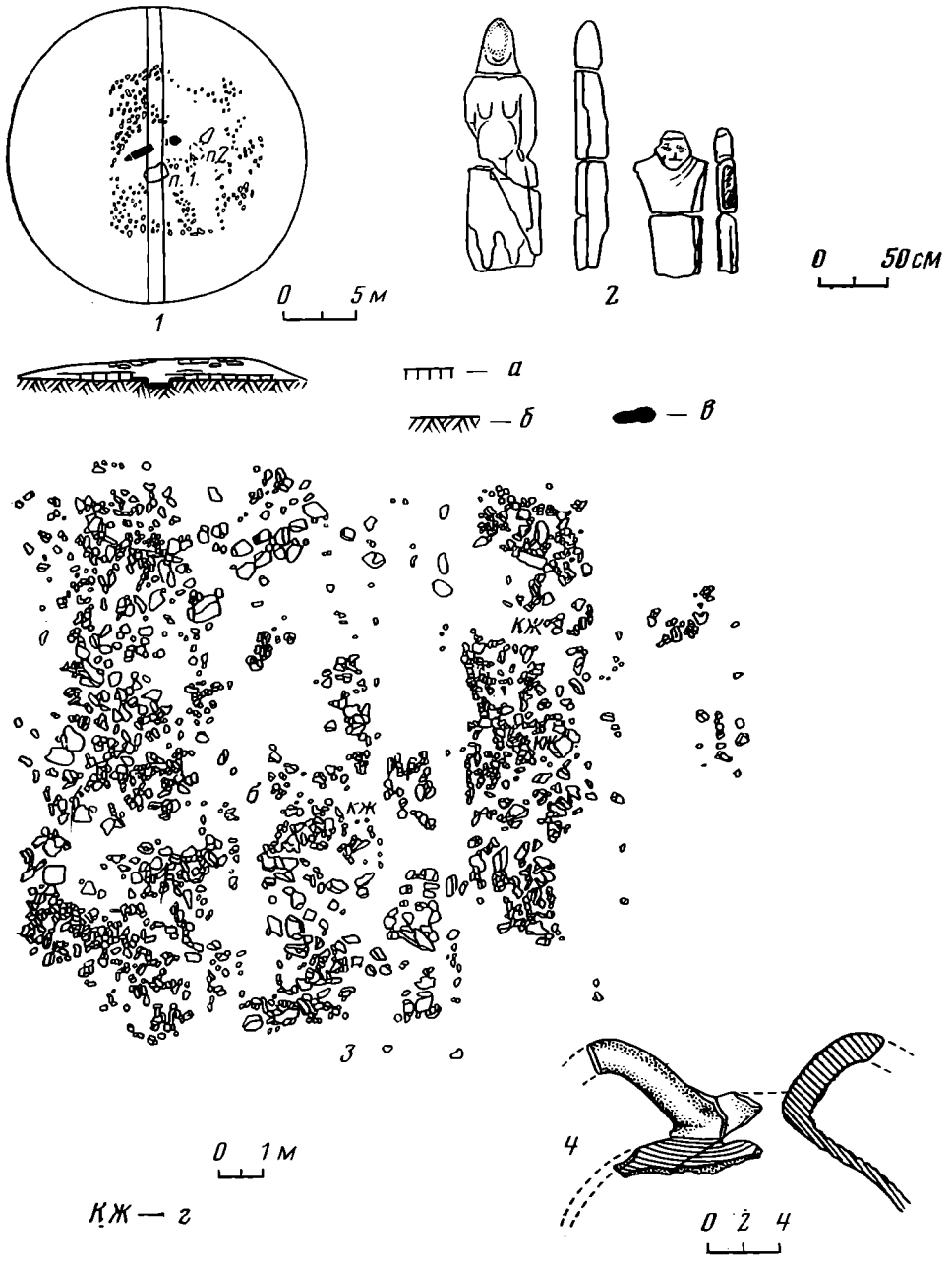


Рис. 6. *1* — план и разрез кург. 3 у с. Новоселовка: *а* — древний горизонт, *б* — материк, *в* — обломки изваяний, *г* — кости животных; *2* — изваяния из святилища на кург. 3; *3* — план вымостки на кург. 5 у с. Новоселовка; *4* — Горловина амфоры XII в.

На кург. 5 этого же могильника была расчищена выкладка из камней, подквадратная в плане (рис. 6, *3*). В центре в двух местах камни отсутствуют, хотя ямы в гумусе не прослежены. Под камнями найдена горловина амфоры XII в. (рис. 6, *4*). По-видимому, изваяния, находившиеся на данном кургане, были извлечены ранее.

Еще одна курганная группа с половецкими изваяниями в центре каменных конструкций была нами зафиксирована во время разведок в бассейне р. Кальмиус у с. Каменка Старобешевского р-на Донецкой обл., а в дальнейшем исследована экспедицией Донецкого гос. университета [8].

[8] *Косиков В. А.* Исследование курганов на территории Донецкой области.— АО—1976. М., 1977, с. 310, 311.

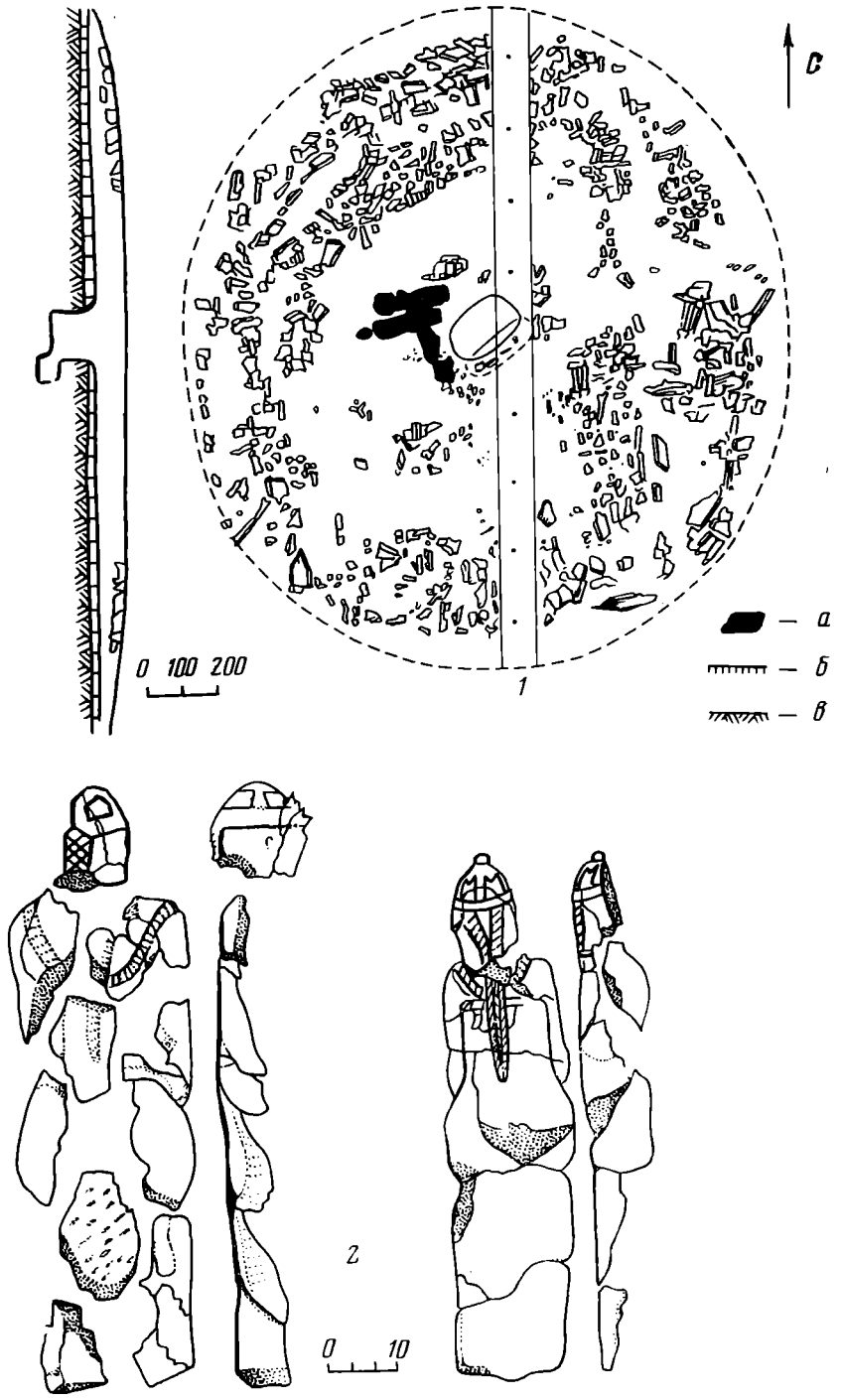


Рис. 7. *1* — план и разрез кург. 4 у с. Астахово: *а* — изваяния, *б* — древний горизонт, *в* — материк; *2* — реконструкция изваяний из святилища на кург. 4

Здесь, на одном из курганов эпохи бронзы (к. 1), в центре каменного панциря были установлены две статуи.

Не менее интересно сооружение, исследованное в курганной группе I у с. Астахово Свердловского р-на Ворошиловградской обл.[9] Здесь на кург. 4, насыпанном в хазарскую эпоху, хорошо датируемого византий-

[9] *Евдокимов Г. Л.* Отчет о раскопках курганов у с. Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975 г. Архив ИА АН УССР, ф. с.— 1975/50, с. 11, 12.

ской монетой, находилась каменная выкладка кольцевой формы диаметром 16 *м* (рис. 7, *1*). Внешний и внутренние края кольца, укреплены большими камнями. В центре, in situ, находились основания от двух половецких статуй, многочисленные обломки которых лежали вокруг них. Рядом с ними была обнаружена верхняя часть третьего изваяния очень плохой сохранности.

Скульптуры разрушены в древности и сохранились лишь тыльные стороны II и III изваяния (рис. 7, *2*). По замечанию авторов раскопок, «отдельные фрагменты I изваяния аналогичны II». Изваяния II и III мужские, сидящие. На обоих шлемы сфероконической формы, склепанные из четырех частей, с обручем и вертикальными полосами. На втором изваянии шлем с шишаком.

О групповом характере сооружений в данном могильнике может говорить также наличие на кург. 10 основания половецкого изваяния, стоящего в центре насыпи, покрытой каменными плитами. К сожалению, от верхней части изваяния сохранилась лишь голова, изображающая женщину в своеобразном головном уборе и серьгой с четырьмя лучами [10].

Не исключено, что аналогичное или близкое предыдущим сооружениям святилище находилось еще на одном кургане (кург. 8) данного могильника. Но изваяния в дальнейшем были сильно разбиты и использованы для перекрытия могильной ямы впускного погребения золотоордынского времени [11].

Для полноты характеристики следует еще отметить наличие двух скульптур, изображающих мужчину и женщину, находившихся на кургане эпохи бронзы в Томаковском р-не Днепропетровской обл.[12], являющихся, по-видимому, частью аналогичного святилища.

Указывая на истоки зарождения вышеописываемого обряда, мы говорили, что он возник в тюркской среде в Восточной Сибири и Монголии. Там же известны и ближайшие ему аналогии. Так, например, сооружениям на могильнике «Текстильщик» близки по своей конструкции «оградки», исследованные в Туве, на Алтае и в Монголии [13].

Более сложные и значительные святилища, которые, по мнению Л. Р. Кызласова, являются поминальными сооружениями знати, близки по своим масштабам и сложности святилищу, сооруженному на кург. 2 у с. Новоселовка. Это памятники типа Сары-Булун [14], «Деспен» в Хакассии [15]. Основной отличительной чертой рассматриваемых нами святилищ от восточносибирских и алтайских, по-видимому, нужно считать установление статуй не за пределами, а в центре святилищ.

При анализе древнетюркских и казахстанских изваяний неоднократно указывалось на их связь со специальными сооружениями, представляющими своеобразные святилища со следами жертвоприношений [16]. О поклонении изваяниям и принесении им жертв имеются как письменные, так и археологические источники. Выше мы указывали на наличие жертвоприношений у изваяний в виде костных остатков лошадей, коров, собак

---

[10] *Евдокимов Г. Л.* Ук. отчет за 1975 г., с. 21.

[11] Там же, с. 19.

[12] *Чередниченко Н. И., Бессонова С. С., Болдин Я. И.* Работы Стрюковского отряда Верхне-Тарасовской экспедиции.— АО—1975. М., 1976, с. 404, 405.

[13] *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24, 1952, с. 72—115; *Гаврилова А. А.* Могильник Кудергэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 14—17; *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.—Л., 1966, с. 317; *Сорокин С. С.* Древнекаменные изваяния Южного Алтая.— СА, 1968, № 1, с. 260; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 23—26.

[14] *Кызласов Л. Р.* История Тувы..., с. 26, 35.

[15] *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния..., с. 115—118.

[16] Там же, с. 72, 114, 117; *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских изваяний..., с. 27—39; *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3, с. 220—234.

и других животных [17]. Известны и случаи принесения в жертву людей [18]. Однако существовали, по-видимому, и другие виды жертвоприношений, следы которых уловить археологически невозможно. Так, В. А. Казакевич, описывая изваяния, исследованные им в Монголии, указывал, «что рот и чаша статуй вымазаны жиром», а на шее других изваяний «обвязан пучок волоса» или матерчатые «ленточки» [19]. Все это говорит о возможности постоянного почитания изваяний, что превращало сооружение вокруг них в своеобразные святилища. Даже тот факт, что изваяния стали ставить в центре оградок, говорит об усилении и повышении значимости самих изваяний и тем самым обряда, связанного с ними. Возникнув в VI—VII вв. в тюркской среде как обряд, в котором статуи и оградки являлись местом поминального культа предков, непосредственно не связанных с погребениями, обряд этот был заимствован восточнокипчакскими племенами и в дальнейшем постепенно трансформировался половцами в культ вождей — покровителей орды, племени, рода [20].

Находка скульптурного изображения медведя в половецком святилище раскрывает новые аспекты в изучении культовых представлений половцев. До этой находки к числу жертвенных и культовых животных половцев относились волк, собака, лошадь, овца и бык, теперь этот список можно дополнить медведем — лесным жителем. Появление изображения этого животного у степняков говорит, видимо, о каких-то древних обычаях, связанных со временем пребывания половцев-кипчаков в Сибири [21].

В прошлом культ медведя был широко распространен от Каспийского моря до Тянь-Шаня и особенно хорошо известен у народов Сибири [22]. В обряде почитания медведя широко распространены два культа — культ предка и промысловый культ. Трудно предположить, что медведь — промысловое животное степняков, и поэтому мы считаем, что в данном случае отражен культ предка (тотема). О существовании медведей, даже белых, у кочевников сообщает Марко Поло [23].

В заключение рассмотрев все известные сейчас половецкие святилища, мы считаем возможным выделить несколько их видов, отличающихся друг от друга размерами и конструктивными особенностями.

1. К самым простейшим относятся одно или несколько изваяний лицом к востоку, установленные на курганах без дополнительных каменных конструкций. Не исключена возможность устройства каких-либо земляных сооружений, не сохранившихся к моменту исследования. Следы культовых приношений в данном случае отмечались исследователями.

2. Второй вид представляет собой сооружение в виде каменного покрытия вокруг изваяний или использование существующего ранее панциря. Форма их разнообразна. В центре каменных панцирей оставлялись овальные или круглые площадки, предназначенные для жертвоприношений. Это памятники типа Астахово (кург. 4) в Ворошиловградской обл. и с. Новоселовка (курганы 3, 5) Донецкой обл.

---

[17] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 191. Не исключено, что курган, раскопанный П. Н. Шульцем в Крыму в 1933 г., представлял собой также святилище со следами жертвоприношений. Это же мнение высказал Г. А. Федоров-Давыдов.

[18] *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований..., с. 249—253; *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 73.

[19] *Казакевич В. А.* Надмогильные статуи в Дари-Ганге.— Материалы по исследованию Монгольской и Тангуто-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Л., 1930, вып. № 5, с. 2—9 сл.

[20] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 76.

[21] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Лекция VI. Соч., т. V. М., 1968, с. 97; *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

[22] *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972, с. 63—67.

[23] Книга Марко Поло. М., 1956, с. 225.

3. К третьему виду относятся прямоугольные каменные сооружения в виде оградок, ориентированные по сторонам света. Стенки их выложены из камня насухо, без раствора. В центре находятся изваяния мужчины и женщины, по углам — жертвенные площадки или кострища. Этот вид хорошо представлен на курганах 5 и 6 могильника «Текстильщик» в г. Донецке.

4. Четвертый вид представлен наиболее сложным и значительным как по размерам, так и по архитектурному решению комплексом. Святилище представляет собой устроенную на курганной насыпи двойную усеченную трапецию, выложенную из камня и обращенную основанием к востоку. В центре сооружения два изваяния — мужское и женское.

Различия в типологии тюркских святилищ носят по мнению Л. А. Евтюховой, А. А. Гавриловой и Л. Р. Кызласова социальный характер. Конструктивные отличия указанных выше половецких памятников также, очевидно, следует объяснять социальными различиями половцев, в память которых ставились изваяния и оградки. Семейный характер сооружений подчеркивается, как нам представляется совместным установлением в одном святилище двух статуй — мужской и женской.

M. L. Shvetzov

THE POLOVETZ SHRINES

Summary

The article deals with stone structures having Polovetz sculptures in the centre. The author suggests a preliminary classification and the typology of Polovetz shrines. He singles out four types of structures which differ in size and construction.

1. Earth structures on barrows with sculptures in the centre (Dnieper region). 2. Stone surfacing of the ground around the sculptures (ring-formed, square etc.), and secondary use of the initial stone covering of the embankment (Novosiolovka, barrows 3, 5; Astakhovo, barrow 4). 3. Square fence — like stone structures with sculptures in the centre facing East («Tekstilschik», Donetzk, barrows 5, 6). 4. Complex stone trapezoïdal structure. Complex has sculptures in its centre facing East (Novosiolovka, barrow 2).

In the author's view such variety in types of Polovetz shrines is caused by social differencies. The presence of two, male and female, sculptures in some shrines, probably points to their function as family shrines.

И. Л. ЗНАЧКО-ЯВОРСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАСТВОРОВ ЦЕРКВИ 1023 г. В ТМУТАРАКАНИ

Автору были предоставлены для экспериментального исследования образцы двух отвердевших кладочных растворов из плинфовых стен церкви 1023 г. в столице русского Тмутараканского княжества — Тмутаракани, находившейся на Кавказском берегу Керченского пролива на месте теперешней Тамани (Таманский полуостров). Образцы были отобраны участниками Таманской археологической экспедиции, возглавляемой акад. Б. А. Рыбаковым, из центрального раскопа и обозначены как «розоватая и белая цемянка». Представляло интерес на основании выявления элементов сходства или различия в составе и технике растворов из Тмутаракани и других центров древнерусского строительства получить данные о преемственности или независимости соответствующих региональных строительных традиций — элементов общей культуры.

Во избежание терминологической путаницы необходимо сразу же оговорить следующее. Под словом «цемянка» подразумевается не строительный раствор, а битый кирпич — искусственная активная (гидравлическая или пуццоланическая) добавка, вводимая иногда в известковые растворы, т. е. в смеси из извести — вяжущего вещества и песка — отощающего заполнителя. Она придает растворам гидравлические свойства, т. е. способность твердеть и служить не только на воздухе, но и под водой, даже если растворы изготовлены на воздушной (неводостойкой), а не гидравлической (водостойкой) извести. Кроме того, цемянка интенсифицирует процессы твердения растворов, увеличивает их прочность и ускоряет нарастание ее во времени.

Таким образом, речь идет об образцах двух кладочных известковых растворов (лабораторные № 186, 187) — белый известковый (известково-песчаный) и розовый известково-цемяночный (известково-песчано-цемяночный).

Хронологический и географический факторы, а отчасти и происхождение князя Тмутараканского Мстислава, дают повод сопоставлять материальную культуру, и в частности технику строительных растворов в Тмутаракани, с культурой и техникой XI в. в Киеве и с более ранними — в Боспоре (Корчев, Керчь).

Тмутараканское удельное княжество, возникшее в X в. на крымском и кавказском берегах Керченского пролива, входило в состав Киевской Руси. Первый князь Тмутараканский, основатель княжества и строитель храма, Мстислав Храбрый был сыном великого князя Киевского Владимира Святославича. Столица княжества — Тмутаракань — была тесно связана с Боспором (Корчев, Керчь), расположенным вблизи (ок. 24 *км*), на противоположном берегу Керченского пролива, на Керченском полуострове.

Поэтому тмутараканские растворы 1023 г. уместно сравнивать с исследованными автором растворами храма Иоанна Предтечи начала X в.

в Керчи [1] и Великой Успенской церкви-собора Печерского монастыря (позднее Успенский собор Киево-Печерской лавры) 1073—1078 гг. в Киеве, расширенной в XVIII в. пристройками (в 1941 г. разрушена немцами).

По этим двум храмам были исследованы следующие растворы. **Храм Иоанна Предтечи:** белые растворы наиболее ранней кладки пояса плинф северной наружной стены центральной части храма (обр. № 84, 85). **Успенский собор:** розовый раствор каменной (типа бетона) ранней кладки левого пилона, утопленного в восточной стене алтаря (об. № 159).

Образцы всех перечисленных растворов (точнее, вяжущая или известково-пуццолановая часть каждого из них, предварительно отделенная от заполнителей) были подвергнуты химическому анализу для выяснения характеристики исходных вяжущих. Данные о весе вяжущей части и заполнителей, полученные при подготовке (разделении) каждого образца раствора для анализа, послужили для ориентировочного суждения о весовом соотношении между вяжущим и заполнителями раствора.

Образцы обоих растворов храма Иоанна Предтечи (исходные пробы, гранулометрические фракции, отделенные при ситовом разделении этих проб на заполнители и вяжущую часть, а также нерастворимый остаток, полученный в ходе анализа вяжущей части) были подвергнуты также петрографо-минералогическому исследованию под микроскопом и бинокулярной лупой. Результаты этого исследования позволяют судить о минералогическом составе, макро- и микроструктуре отвердевших растворов, а также о характеристике и соотношении их компонентов, т. е. вяжущего и заполнителей [2].

Необходимо подчеркнуть, что исследование древних строительных растворов — многокомпонентных систем разнообразного и неравномерного состава, зависящего от многих, часто не поддающихся учету факторов,— значительно осложняется отсутствием общепринятой детализированной методики. Единообразная методика является также обязательным условием для сопоставления результатов работы и выводов разных исследователей. Примененная нами методика составляет предмет специального рассмотрения. Надежность ее и достоверность основанных на ней выводов проверены параллельным исследованием соответствующих материалов заведомо известной характеристики и подтверждены значительным опытом ее использования.

Химический состав вяжущей части сравниваемых растворов приведен в табл. 1 и позволяет сразу же сделать некоторые предварительные заключения. Оба раствора из Тмутаракани и раствор из Киева сильно отличаются от керченских пониженным содержанием в вяжущей (известково-пуццолановой) части раствора карбонатной части (CaO, MgO, потери при прокаливании) и повышенным — глинистой части (нерастворимый остаток). Это особенно проявлено на известково-цемяночных растворах — розовом из Тмутаракани и киевском, в которые нерастворимый остаток внесен не только глинистыми примесями извести (от исходного известняка), но и веществом цемянки.

По содержанию карбонатов кальция и магния отвердевшие вяжущие рассматриваемых растворов, т. е. карбонизированные извести (а следовательно, и исходные их известняки) располагаются в следующем убывающем порядке: керченские — 95,37 и 97,62%, тмутараканские —

[1] Эта датировка храма Иоанна Предтечи вытекает из результатов археологических исследований последнего времени (*Макарова Т. И.* Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи.— АО — 1971. М., 1972, с. 375—377).

По общепринятому прежде представлению среди историков архитектуры и археологов, этот храм — памятник ранневизантийской архитектуры — в первоначальной его части относился к VIII в. (Н. И. Брунов, А. Л. Якобсон). Эта датировка оспаривалась историком архитектуры Ю. С. Асеевым, относившим храм к X—XIV вв.

[2] В исследовании приняли участие В. Т. Иллиминская (все растворы) и Я. Г. Белик (керченские растворы).

87,32% (белый раствор) и 79, 45% (розовый), киевская — 51,16%. (Эти величины получены сложением количеств потери от прокаливания при 500 и 900° соответственно с приходящимися на них по расчету количествами активных CaO и MgO, с пересчетом результатов на сухое вещество растворимой в 5%-ной HCl части пробы без нерастворимого остатка.)

По содержанию активных CaO и MgO, пересчитанному на прокаленное вещество растворимой в 5%-ной HCl части пробы без потерь при прокаливании, но с нерастворимым остатком (как в свежеобожженной извести), исходные негашеные извести изучаемых растворов соответственно действующему в СССР стандарту ГОСТ 9179—70 «Известь строительная» — распределяются по сортам следующим образом: керченские — воздушные извести второго сорта (первая из них приближается к первому сорту), тмутараканские — воздушные извести, приближающиеся к третьему сорту (белый раствор) и несортная (розовый), киевская — слабогидравлическая известь.

Сходство растворов из Тмутаракани и Киева и отличие их от растворов Керчи в отношении исходных известей обязано характеру известняков, залегающих в районах этих городов. Однако наличие в розовом тмутараканском и киевском растворах активного заполнителя в виде цемянки, а в керченских — в виде карбоната кальция (при наличии во всех растворах также и обычных местных заполнителей в виде песка) свидетельствует об одинаковом подходе к составлению растворов в Тмутаракани и Киеве, отличном от практики керченских строителей. Обращает на себя внимание одновременное использование в различных элементах тмутараканского храма и известково-цемяночного (розового) и бесцемяночного (белого) растворов [3].

Сказанное выше и дальнейшие доказательства сходства растворов из Тмутаракани и Киева и отличия их от керченских растворов особенно наглядны из данных табл. 2. Здесь прежде всего на основании классификационных модулей — основного

$$\frac{\%CaO}{\%(SiO_2 + Al_2O_3 + Fe_2O_3)}$$

и известково-магнезиального

$$\frac{\%CaO}{\%MgO}$$

классифицированы исходные извести всех растворов. Характеристика этих известей, естественно, зависит от состава местных известняков. Однако полное совпадение известково-цемяночных растворов Тмутаракани и Киева по исходному компонентному составу (объемное соотношение между вяжущим в виде известкового теста и заполнителями 1 : 2,5) говорит об одинаковом в обоих случаях подборе состава растворов. К названным двум растворам в этом отношении приближается белый, бесцемяночный раствор из Тмутаракани (1 : 1,5) и снова все они резко отличаются от растворов Керчи (1 : 3 и 1 : 5).

По исходному составу растворы № 187, 85 и 159 всех трех городов (1 : 2,5—1 : 3) относятся к жирным растворам, раствор № 186 из Тму-

[3] Это утверждение, основанное на наблюдении образцов de visu и под лупой, бесспорно в отношении розового раствора и несколько условно относительно белого. Однако подобная оговорка в данном случае носит скорее принципиальный, чем практический характер. Основанием для нее является встретившийся в нашей практике случай обнаружения под микроскопом в белом, бесцемяночном по визуальной оценке археологов, растворе обмазки цистерны одной из боспорских виноделен многочисленных мельчайших обломков цемянки, недоступных невооруженному глазу.

Раздельное же, часто с учетом условий службы, функциональное применение воздушных и гидравлических растворов в сооружениях различного назначения и даже в разных элементах одних и тех же сооружений неоднократно обнаружено автором уже начиная от V в. до н. э.

Химический состав отвердевшей вяжущей части строительных растворов из Тмутаракани, Керчи и Киева *Таблица 1*

Лаб. № образца	Исходный образец	Нерастворимый остаток	Потери при прокаливании		Растворимые в 5%-ной HCl						Сумма
			500°	900°	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	CO_2	
186	Белый раствор стены Тмутараканского храма, 1023 г.	20,61	5,00	29,30	0,74	1,43	0,54	40,65	1,31	0,29	98,87
187	Розовый раствор стены того же храма	30,10	5,28	24,10	0,66	2,34	0,51	34,79	0,76	0,46	99,00
84	Растворы северной наружной стены центральной части храма Иоанна Предтечи в Керчи, начало X в.	5,91	5,41	35,96	0,40	0,47	0,30	45,43	3,80	0,76	99,44
85		9,10	2,94	35,55	0,62	1,01	0,79	46,07	3,36	0,41	100,05
159	Раствор стены у алтаря Успенского собора Киево-Печерской лавры, 1076 г.	45,71	4,52	18,29	0,62	1,82	0,46	26,80	0,80	0,35	99,37

Примечание. % на сухое вещество подготовленной пробы, отделенной от заполнителей.

Характеристика вяжущих веществ и состав строительных растворов Тмутаракани, Керчи и Киева *Таблица 2*

Лаб. № образца	Исходный образец	Вяжущее вещество (известь)			Строительный раствор		
		Модули		классификация	активный заполнитель	% отвердевшего вяжущего	исходный состав по объему
		основной	известково-магнезиальный				
186	Белый раствор стены Тмутараканского храма, 1023 г.	15	30	Маломагнезиальная тощая воздушная, приближающаяся к слабогидравлической	–	32	1:1,5
187	Розовый раствор стены того же храма	10	46	Маломагнезиальная тощая воздушная, на грани со слабогидравлической	Цемянка	27	1:2,5
84	Растворы северной наружной стены центральной части храма Иоанна Предтечи в Керчи, начало X в.	40	12	Маломагнезиальная на грани с магнезиальной, жирная воздушная	Карбонат кальция	13	1:5
85		19	14	Маломагнезиальная, приближающаяся к магнезиальной, тощая воздушная	То же	20	1:3
159	Раствор стены у алтаря Успенского собора Киево-Печерской лавры, 1076 г.	9	33	Маломагнезиальная слабогидравлическая, на грани с тощей воздушной	Цемянка	28	1:2,5

таракани (1 : 1,5) является очень жирным, а раствор № 84 из Керчи (1 : 5) — сравнительно тощим. Подобные растворы широко известны для многочисленных сооружений предыдущего и последующего времени в разных странах. Современные кладочные известковые растворы обычно имеют состав 1 : 4—1 : 2, а штукатурные 1 : 3—1 : 1,5.

Поясню, что приведенное в табл. 2 весовое содержание отвердевшего вяжущего (как и заполнителей) выяснено непосредственно при подготовке (разделении) растворов для химического анализа, а ориентировочный исходный объемный состав (первоначальная шихта растворов), принятый в строительной практике прошлого (отчасти и теперь), получен расчетным путем из весового соотношения. Выполнить более точное определение объемного состава растворов непосредственным подсчетом площадей, занимаемых вяжущим и заполнителями, под микроскопом не представилось возможным. Но и сделанный в одинаковых условиях опыта вывод о составе растворов по данным химического исследования отвечает на вопрос о преемственности или независимости практики изготовления растворов во всех трех случаях.

Выяснена следующая общая картина твердения исследованных растворов. Во всех пяти растворах уже отсутствует свободная известь (гидрат окиси кальция); она полностью карбонизирована углекислым газом воздуха и связана остальными компонентами раствора в соединения. Напротив, во всех растворах в различной степени сохранились остаточные, еще не карбонизированные гидратные силикаты и алюминаты кальция. Таким образом, завершены первичные физико-химические процессы твердения, но до сих пор, на протяжении девяти — двенадцати веков продолжаются последующие процессы взаимодействия первичных новообразований с углекислым газом воздуха.

Более углубленное исследование нами многочисленных древних строительных растворов показало, что наряду с этими процессами в длительно твердеющих растворах протекают также разнообразные полиморфные превращения в твердом состоянии возникающих новообразований. Эти превращения аналогичны процессам, происходящим в природных условиях в осадочных и особенно метаморфических горных породах. Подобно известным основным процессам минералообразования при твердении растворов, они содействуют усилению прочности искусственного камня — раствора во времени. Это в той или иной мере относится и к данным растворам.

Из-за отсутствия возможности подвергнуть тмутараканские растворы петрографо-минералогическому и физико-механическому исследованию восполню этот пробел некоторыми результатами, полученными нами при подобном изучении упомянутых керченских растворов, а также опубликованными данными об исследовании шести киевских известково-цемянночных растворов XI в., отобранных (по две пробы) из главного храма древнерусского государства — Софийского собора, руин крепостных Золотых ворот, имевших прежде надвратную церковь, и руин того же Успенского собора[4]. Примененные в этих шести растворах извести хотя и оценены исследователями как обычные воздушные, в действительности (судя по дополнительно рассчитанным мною модулям) являются слабо- и сильногидравлическими известями и только в одном случае — тощей (несколько водостойкой) воздушной известью.

---

[4] *Лысин Б. С., Корнилович Ю. Е.* Исследование древних киевских строительных растворов.— Сб. научных работ по химии и технологии силикатов. М., 1956, с. 89—94; *Белик Я. Г., Папкова Л. П.* Некоторые исследования строительных материалов киевских Золотых ворот.— Изв. АН СССР, сер. геол., 1958, № 5, с. 124—131; *Белик Я. Г., Папкова Л. П., Золотухин В. Ф.* О долговечных штукатурках на исторических сооружениях.— Тр. Харьковского политехнического ин-та, сер. химико-технологическая, 1934, т. IV, с. 233—239.

Если новые данные о керченских растворах представляют лишь косвенный интерес для такого сопоставления, то сведения о шести киевских растворах (судя по установленному ранее сходству тмутараканских и киевского растворов) в какой-то мере непосредственно дополняют представление и об исследованных нами растворах из Тмутаракани и Киева.

Заполнители обоих исследованных нами под микроскопом керченских растворов в основном представлены окатанными обломками органогенного, кристаллического и оолитового известняков, а также створок раковин пелеципод, изредка гастропод, иногда остатков фораминифер. В гораздо меньшей степени они состоят из кварца и обломков горных пород. Единичные мелкие зерна кварца иногда встречаются внутри оолитов.

Зерна кварца окружены хорошо выраженными реакционными каймами — результат взаимодействия кристаллического кремнезема кварца с гидратом окиси кальция (известью) и последующей карбонизации образующегося при этом гидросиликата кальция углекислым газом воздуха. Не входя здесь в рассмотрение происходящих при этом довольно сложных физико-химических процессов [5], отмечу, что они содействуют прочности раствора подобно автоклавной обработке известково-песчаной массы и лишают смысла укоренившийся для минеральной (невяжущей) составляющей растворов и бетонов термин «инертный заполнитель». Поэтому различие между собственно отощающим заполнителем и гидравлической добавкой (активный заполнитель) сохраняет лишь количественный характер и практически выражается только в различной интенсивности взаимодействия их с вяжущим веществом.

В наиболее тонких (<280 μ) фракциях «препарированных» растворов храма Иоанна Предтечи наблюдаются немногочисленные буровато-красные зерна цемянки, образовавшейся при обжиге извести за счет естественного загрязнения глиной, например карманов кавернозных известняков. Сознательное введение цемянки в эти растворы не имело места.

В нерастворимом остатке керченских растворов наблюдаются наряду с аморфным кремнеземом кварц, глинистое вещество, полевые шпаты, зерна роговой обманки, пирита, гематита, обломки углистого вещества.

Петрографо-минералогическое исследование шести киевских растворов показало, что все они содержат угловатые обломки цемянки розового и красновато-коричневого цвета размерами от 0,1 до 4—6, а иногда и 15 *мм* в среднем 1—2 *мм*, по-видимому, измельченный кирпич. Цемянка составляет значительную— у одного раствора до 43% — часть заполнителей. Остальные, естественные заполнители представлены главным образом угловато-окатанными зернами кварца величиной 0,15—0,7 *мм*, редко больше, при средней величине 0,3—0,4 *мм*. Иногда встречаются зерна полевых шпатов и изредка гематита, бурого железняка, циркона. Кварцево-полевошпатовый компонент наблюдается и в обломках цемянки; в значительном (до 30—40%) количестве он находится и в самих плинфах с подавляющим преобладанием кварца над полевыми шпатами. В растворах изредка попадаются остатки органических волокон и кусочки угля, по-видимому, загрязнения извести.

Все растворы являются известково-цемяночными с различным содержанием песка. Наличие крупных включений цемянки среди заполнителей в этих растворах (как и в исследованном нами растворе) приближает их к бетонам.

---

[5] Об этих и некоторых других, опущенных здесь, частностях см.: *Значко-Яворский И. Л., Белик Я. Г., Иллиминская В. Т.* Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ.—СА, 1959, № 4, с. 140—152; *Значко-Яворський І. Л.* Дослідження стародавніх будівельних розчинів та в'яжучих речовин на території СРСР.— Археологія, т. XV, 1963, с. 175—183; *Значко-Яворский И. Л.* Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в. М.-Л., 1963; *его же.* Строительные растворы и вяжущие вещества в Прибалтике в XIII—XIX вв.— В сб.: Из истории естествознания и техники Прибалтики, т. IV, Рига, 1972, с. 259—278.

Зерна заполнителей, распределенные в тонкозернистой (1—2 μ) кальцитной массе отвердевшего вяжущего, окружены реакционными каймами. Вокруг зерен кварца они наблюдаются по всему периметру зерна или по части его и в отдельных случаях составляют от 20 до 50% массы зерна.

Несмотря на значительную пористость растворов, характерен очень прочный контакт вяжущего с заполнителями и кирпичом. Контактный слой между штукатуркой и темно-красным кирпичом — неровная размытая полоса шириной до 1 *мм* с заливами и выступами, со сплошным и прерывистым соприкосновением. Зерна кальцита в участках, прилегающих к порам, значительно крупнее (10—15 μ), чем в удаленных от пор местах (3—5 μ), и обладают заметной псевдоабсорбцией. Поры в растворе являются подводящими каналами, облегчающими доступ углекислого газа воздуха, что ускоряет карбонизацию гидрата окиси кальция и рост зерен кальцита.

Сцепление штукатурного раствора с кирпичом настолько велико, что, несмотря на сильные механические воздействия (штукатурка отбивалась от кирпича молотком и для микроскопического исследования обрабатывалась на шлифовальном станке), зона контакта сохранилась ненарушенной. Этому способствовали также пористость кирпича (26,2%) и подвижная консистенция проникающего в его поры раствора. Значительная пористость растворов содействовала ускоренному протеканию процессов твердения.

Исходный состав шести киевских растворов по данным химического исследования колеблется в широких пределах от 1 : 0,3 до 1 : 1,3. Это позволяет отнести их к очень жирным растворам.

Прочность выпиленных из растворов кубов на сжатие соответственно находилась в пределах 132—75 *кг/см*^{2}. Сопоставление показателей ее с марками (т. е. прочностью в *кг/см*^{2} на сжатие кубов 7×7×7 *см* из раствора пластичной консистенции 28-суточного возраста) современных известковых (состава 1 : 2—1 : 4), портландцементных (1 : 3) и смешанных растворов для обычных каменных кладок — 4, 10, 25, 50, 75 и 100— характеризует весьма высокую прочность киевских растворов. Требуемая прочность (а следовательно, и вид) растворов зависит от напряжений в элементах каменной кладки. Для современных известковых растворов (1 : 4—1 : 2) часто назначают, например, марки 4 при воздушной извести и 10 при гидравлической, для смешанных цементно-известковых растворов (1 : 1 : 9—1 : 1 : 6) — марки 10—50, для портландцементных (1 : 3) — 25—100.

Киевские растворы не только весьма прочны и воздухоустойчивы, они и достаточно водоустойчивы. Прочность трех кубов, выпиленных из раствора Софийского собора, в сухом состоянии составила 140, 128 и 129 *кг/см*^{2}. Прочность двух кубов в насыщенном водой состоянии, после семисуточного пребывания в воде, была 119 и 115 *кг/см*^{2}. Коэффициент размягчения, т. е. отношение прочности образцов, насыщенных водой, к прочности сухих образцов, составляет 0,89. Никаких признаков разрушения после извлечения кубов из воды не обнаружено.

Высокое качество киевских растворов объясняется рациональным сочетанием в них гидравлических известей и цемянки. Оно обеспечивает интенсивное протекание процессов взаимодействия исходных компонентов и твердения растворов. Высокая воздухоустойчивость киевских (в отличие от современных) растворов, как показано Б. С. Лысиным и Ю. Е. Корниловичем и подтверждено нами на ольвийских растворах V—IV вв. до н. э., обусловлена значительным преобладанием извести над цемянкой в вяжущей части растворов.

Итак, из описанного исследования автора вытекает, что наличие цемянки и отсутствие карбонатных заполнителей отличают растворы храма 1023 г. в Тмутаракани от растворов храма Иоанна Предтечи начала

X в. в расположенной рядом (на другом берегу Керченского пролива) и тесно связанной с Тмутараканью Керчи и сближают их с растворами Успенского собора XI в. (расцвет древнерусского государства) в далеком (ок. 800 *км*) Киеве.

Небезынтересно заметить, что растворы XI—XII вв. древнерусских городов Полоцка, Смоленска, Суздаля (как и Киева) по наличию цемянки и отсутствию карбонатных заполнителей примыкают к растворам 1023 г. Тмутаракани. Напротив, растворы Владимира XII в. и Ивангорода XVII в., содержащие карбонатные заполнители без цемянки, сходны с растворами начала X в. храма Иоанна Предтечи в Керчи.

I. L. Znachko-Yavorski

RESEARCH OF THE MORTARS USED IN THE CONSTRUCTION OF THE TMUTARAKAN CHURCH BUILT IN 1023

Summary

The author has examined samples of two hardened walling mortars of the «plinfa» walls of the 1023 church in Tmutarakan. The accomplished data are being compared with information from other building centres. It has been established that the mortars of the 1023 temple in Tmutarakan (Taman) differ from those used for the early Byzantium temple of John the Baptist in the early Xth c., in Kerch, located on the opposite bank of the Kerch strait for they contain «zemianka» and lack carbonate fills. At the same time due to these components the mortars searched are similar to those of the Dormition cathedral of the XIth century in Kiev. May be it is connected with the fact that Mstislav the Courageous, builder and prince of Tmutarakan, was the son of Vladimir Sviatoslavitch, great prince of Kiev.

The results of the present research are of great interest also from the point of view of conservation and restoration of monuments which are largely put to examination in order to help solve the problem of finding the suitable astringent and mortars.

В. А. БУРОВ

ЗАМЕТКИ О НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Если сравнить многочисленные статьи и книги о новгородских берестяных грамотах, которые продолжают ежегодно выходить из печати, то нетрудно заметить, что почти всем им присущ единый метод исследования. Авторы обращают свое внимание в основном на прочтение неясных мест в берестяных свитках, толкование текста и отдельных терминов. Безусловно, исследование в этом направлении углубляет наши представления об отдельных сторонах истории древнего Новгорода и Руси. Однако эта установившаяся традиционная методика не в состоянии до конца реализовать все возможности, которые заключены в посланиях на бересте. Применяя к грамотам исключительно источниковедческие методы анализа — те же, что и к другим письменным источникам [1], авторы порой забывают, что берестяные грамоты являются археологическими памятниками, что они имеют свой паспорт с точнейшим указанием места находки (раскоп, квадрат, глубина, пласт, ярус, фиксация на общем плане раскопа) [2]. Эти паспортные данные писем в значительной степени повышают ценность грамот как исторического источника, что хорошо видно на примере Неревского раскопа [3]. Археологам, изучавшим грамоты по усадьбам и ярусам, стали известны комплексы писем представителей одного из крупнейших боярских родов республиканского Новгорода — Мишиничей-Онцифоровичей, живших в XIV — начале XV в. на перекрестке Великой и Кузьмодемьянской улиц [4], феодала Бориса [5], братьев Фомы и Есифа [6].

К сожалению, данное направление в изучении берестяных грамот не получило дальнейшего развития после выхода в свет работ А. В. Арциховского и В. Л. Янина. Некоторое исключение составляет научно-популярная книга П. И. Засурцева, посвященная археологическому изучению Новгорода [7]. Хотя она в значительной степени оживила историю жизни усадеб перекрестка улиц Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской в X—XV вв., привлечение писем на бересте носит в ней эпизодический харак-

---

[1] Обоснование метода см. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 19—24.

[2] Этот недочет отмечен В. Л. Яниным; см. *Янин В. Л.* Рец.: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.— ВИ, 1971, № 5.

[3] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965, с. 40.

[4] *Арциховский А. В.* Письма Онцифора.— В сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 109—117; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 80—142; *его же.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— СА, 1965, № 4, с. 104—123.

[5] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 39, 40.

[6] Там же, с. 40, 121; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, с. 14, 15 (далее НГБ); *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.). М., 1958, с. 54—56, 64—66.

[7] *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967.

тер. Из 400 грамот, найденных на Неревском раскопе [8], П. И. Засурцев ввел в оборот только 55. При этом исследователь отводит им роль индикатора, который должен подтверждать выводы, вытекающие из археологических наблюдений [9].

Из сказанного следует, что в настоящий момент, как это ни парадоксально при обилии вышедшей литературы о берестяных грамотах, социальная история усадеб Неревского раскопа остается мало изученной.

Целью настоящей работы является выяснение социальной принадлежности владельцев некоторых усадеб, расположенных на перекрестке Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц.

Усадьба К. Ярус 4 (1422—1429 гг.). Посадник Василий Никитич. Владелец усадьбы, очевидно, должностное лицо, занимающееся судебным разбирательством. Единственная береста (№ 154), происходящая из этого яруса, является протоколом допроса свидетеля Оманта: «Допросили праведщики Оманта. Возбудил дело Филипп с Иваном Стойком. Видел Омант емца не между Филиппом и Иваном. Дал Филипп Стойку 3 рубля серебром и 7 гривен кун и коня. А должен иметь дело Стойко насчет виры с посадником и с сотским. А это происходило сегодня, в праздник. А это происходило на погосте, на торгу» [10].

Согласно протоколу допроса Стойко должен был обратиться в суд посадника с сотским, поэтому предположение о том, что усадьба К принадлежала должностному лицу — посаднику или сотскому, вполне справедливо. Оно подтверждается и материалами сфрагистики, в частности найденной здесь же прикладной костяной печатью, в центре которой изображена птичка, а по краям помещена негативно вырезанная надпись: «ВАСНЛЬѦ МНКНТІ/NHY» [11]. Как установлено работами В. Л. Янина, данный тип печати относится к кончанской сфрагистике, а изображение птички было в XV в. эмблемой Неревского конца [12].

Итак, на усадьбе К жил кончанский посадник Василий Никитич. Имя его хорошо известно по ряду новгородских грамот XV в., где он упомянут как новгородский посадник около 1411 г., в 1420, 1421, 1423 гг.[13] и в 1422—1423 гг.[14] Василий Никитич был избран на степень около 1416 г. и оставался на степени в 1423 г. В. Л. Янин отмечает, что после 1423 г. его дальнейшая судьба не известна. Находка костяной прикладной печати в слое 1422—1429 гг. вместе с грамотой № 154 позволяют внести небольшое уточнение относительно дальнейшей политической карьеры Василия Никитича: он стал кончанским посадником. По всей видимости, эту должность занимал он и в начале 1430-х годов, так как в слое 3—2-го ярусов (1429—1462 гг.) найдена заготовка печати [15].

Усадьба А, ярусы 4—3 (1422—1446 гг.); **усадьба Б,** ярусы 6—4 (1396—1429 гг.); **усадьба В,** ярусы 7—6 (1382—1409 гг.). Феодалы Фома и Есиф.

---

[8] В статье А. А. Коновалова (*Коновалов А. А.* Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания.— СА, 1966, № 2) говорится о 395 письмах. В. Л. Янин (*Янин В. Л.* Великая глубина.— В сб.: Тысячелетние корни русской культуры. Новгород, 1972, с. 59) указывает на 398 грамот.

[9] Обращают на себя внимание некоторые неточности, допущенные П. И. Засурцевым при работе с посланиями на бересте. Например, им необоснованно меняется ярус письма № 21 — с усадьбы А (с. 174), не упоминаются находки на той же усадьбе грамот № 11, 14, 24, крайне важных для характеристики ее владельца. Те же замечания можно сделать и для писем с других дворов.

[10] *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1955 г.). М., 1958, с. 31—33.

[11] *Янин В. Л.* Печати из новгородских раскопок 1955 г.— МИА, № 65, 1959, с. 304.

[12] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2. М., 1970, с. 142.

[13] ГВНиП, с. 96—98 (№ 59), 98—100 (№ 60), 102—104 (№ 62), 146 (№ 89).

[14] *Янин В. Л.* Две неизданные новгородские грамоты XV века.— АЕ — 1959. М., 1960, с. 338, 339 (№ 2).

[15] *Янин В. Л.* Печати из новгородских раскопок 1955 г., с. 304.

Впервые на грамоты братьев Фомы и Есифа конца XIV — начала XV в. обратил внимание А. В. Арциховский. Он назвал три письма, им принадлежащие (№ 14, 122, 129) [16]. Затем Л. В. Черепнин, проанализировав данные послания, пришел к хорошо аргументированному выводу о том, что один из братьев, Фома, был причастен к суду в Новгороде. Исследователь отметил сходство почерков, тем самым подтвердив вывод А. В. Арциховского о родственных узах этих дворовладельцев [17].

О грамотах Фомы и Есифа этого же времени пишет и В. Л. Янин. Однако к комплексу посланий братьев он относит совершенно иные письма — № 1, 23, 27. В. Л. Янин указывает на местоположение усадьбы Фомы — перекресток Великой и Холопьей улиц, усадьба Б [18].

Приведенный обзор мнений о письмах на бересте Фомы и Есифа рубежа XIV—XV вв. свидетельствует о том, что до сих пор не сложилось четкого представления о составе переписки этих новгородцев. Остается неясным, являлись ли грамоты № 14, 122, 129 и 1, 23, 27 частями одного комплекса или нет. Если да, то ограничивается ли переписка Фомы и Есифа только данными шестью берестяными свитками?

Ответить на эти и другие вопросы помогло четкое распределение грамот Неревского раскопа по усадьбам и ярусам. Выяснилось, что переписка Фомы и Есифа отмечена не на одной усадьбе Б, а на трех дворах перекрестка Великой и Холопьей улиц — А, Б, В. Самые ранние послания, № 23, 25, 27, происходят из 7—6-го ярусов (1382—1409 гг.) усадьбы В. Следующие четыре бересты — № 3, 19, 122, 129 — из 6—4-го ярусов (1396—1429 гг.) усадьбы Б. Последние три грамоты — № 11, 14, 24 — из 4—3-го ярусов (1422—1446 гг.) усадьбы А. Наконец, одно послание, № 1, было найдено на мостовой Холопьей улицы в 5-м ярусе (1422—1429 гг.) (см. таблицу) [19]. Таким образом, братья жили в период между 1382 и 1446 гг. на усадьбах В, Б, А, дошедшая до нашего времени часть их переписки включает не три—шесть, а 11 свитков. Естественно, возникает вопрос, принадлежали ли им все три усадьбы одновременно? На него мы ответим отрицательно, потому что наблюдаем хронологическую преемственность писем, происходящих с разных дворов. Чем было вызвано такое перемещение, не ясно. Можно предположить, что усадьбы Б и В со временем перешли к Онцифоровичам, которые проживали по соседству на Кузьмодемьянской улице за линией частокола. Повод этому дает исчезновение границы между дворами В и Д в 6-м ярусе [20].

Обзор грамот Фомы и Есифа начнем с документов, характеризующих хозяйство братьев. Особенно важна грамота № 1, содержащая перечень феодальных повинностей, поступавших натурой из новгородских сел Фоме: «(А шл)о с Тер...ею Фоме шло... (п)озема тридцать три бел(ке. А) с Лути... (п)озема, дару... (бел)ке. А с Менова села шло (по)зема, д(ару)... бел, полоть. А с...ина села шло позема дару 40 бел...ик...ина села шло (позе)ма, дару 20 бел, шесть бел. А с Васильева с(ела...бе)л. А с...» и т. д.[21]

Основу повинностей, указанных в грамоте, составляют «позема» и «дар», исчисляемые в беличьих шкурках, возможно, денежных единицах, которые брались Фомой преимущественно с торгово-промышленного зависимого населения, держателей промысловых угодий. В состав оброка вхо-

---

[16] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.). М., 1954, с. 14, 15; *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.). М., 1958, с. 54—56, 64—66.

[17] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 283, 284, 286, 321.

[18] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 40, 121.

[19] В состав комплекса грамот Фомы и Есифа нами включены послания № 19, 24, 25, найденные в слоях вместе с другими письмами братьев. Подобный метод успешно применен В. Л. Яниным при характеристике переписки Онцифоровичей. См. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965.

[20] *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, № 123, 1963, с. 150, 134, рис. 54.

[21] *Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н.* НГБ (1951 г.). М., 1953, с. 16—20.

Грамоты новгородских феодалов Фомы и Есифа, найденные на усадьбах А, Б, В Неревского раскопа (1951–1962 гг.)

Усадьба В

Ярус	№ грамоты	Имя адресата	Имя автора	Краткое содержание
7	27	Есиф	Фалей	Просьба выслать что-то
6	23	Фома	Карп	Письмо приказчика о разделе ржи
	25	–	–	Показание на суде

Усадьба Б

6	129	Фома	Есиф	Просьба прислать мед, воск и т. д.
6–5	3	Есиф	Грикша	Хозяйственная переписка
5	122	Фома	Есиф	О земельной тяжбе между вотчинниками
4	19	–	–	Отрывок письма без заголовка

Усадьба А

4	14	Есиф	Фома	Письмо на судебную тему
	24	–	–	Просьба прислать с человеком тайно грамоту
3	11	Фома	Смешка	Отрывок спорного толкования

Примечание. Таблица составлена на основе публикаций грамот А. В. Арциховским (*Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте) и сводного плана находок берестяных грамот на Неревском раскопе, опубликованного в книге В. Л. Янина (*Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965).

дили также солод, рожь и «полоть» (половина туши мяса). Очевидно, замечает Л. В. Черепнин, у Фомы были и земледельческие, и неземледельческие села. Поступления с них были различные: пушниной и хлебом [22]. На наш взгляд, важно отметить довольно большое количество сел. Их можно насчитать 16. Таким образом, данный берестяной свиток характеризует Фому как состоятельного феодала.

Еще одно село, не названное в грамоте № 1, упоминается в бересте № 23. Это Пустопержь, находившееся в Копорском погосте Шелонской пятины: «Поклоно от Карпа к осподину моему Фоми. Было есми, осподинь, на Пустопьржи, рожь есмь раздилило с Ольксои, съ Гафанкомо. Ньмного, осподинь, ржи на твою цасть, два овина цьтвьрти... А Пятьликь видьль самь» [23].

[22] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 237, 238.
[23] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.). М., 1954, с. 24, 25.

С феодальным хозяйством братьев связана и береста № 3, сообщающая, что в их селах крестьяне варят для них пиво, а Фома и Есиф осуществляют за этим контроль через своих приказчиков: «Поклон от Грикши к Есифу. Прислав Онанья, молв/и/... яз ему отвечал: не рекл ми Есиф варити перевары ни на кого. Он прислал к Федось: вари ты пиво, седишь на безатьщине, не варишь жито» [24].

Письмо № 129 раскрывает еще одну сторону хозяйственной деятельности Фомы и Есифа. По мнению Л. В. Черепнина, здесь идет речь о покупке товаров в Новгороде [25]: «Цолобитье от Есифа брату своему Фоме, цобъ еси прислало восъку да меда да овьцини добросошье. По шубе сошьемъ, а... емъ. Да переслешиваи о Таньи, цобъ не блодила цого зря. Только поцьне продавать тобе, и тъ у еи купи, а Юблу п... дил... ть виновату. А иное все добро здорово здесе» [26]. С выводами Л. В. Черепнина можно вполне согласиться, так как мед и воск в грамоте № 1 не упомянуты и, следовательно, не входили в состав оброка Фоме. Во-вторых, береста найдена непосредственно в Новгороде, т. е. Есиф просит Фому, находящегося в городе, прислать необходимые ему товары. Именно о покупке меда и воска у некой Тани и идет речь в письме. Есиф предупреждает брата, чтобы он проследил за Таней, «цобъ не блодила цого зря». Л. В. Черепнин комментирует эту фразу так: Таня в чем-то внушает подозрение, вероятно, она подозревается в продаже краденого. В грамоте говорится, что не надо давать Тане возможность свертывать на противозаконный путь [27]. Мы полагаем, что данная фраза подразумевает не торговлю краденым, а возможную нечестную сделку, когда торговец стремится сбыть покупателю товар низкого качества. Примечательно, что слово «блудити» в одном из своих значений переводится как «портить что-либо» [28]. Известна даже договорная грамота 1342 г. Новгорода с иностранными купцами о торговле воском, где перечисляются возможные примеси, входящие в состав «поддельного» воска: или масло, или желуди, или смола, или горох [29].

Хозяйственным заботам братьев посвящены также письма № 11, 27. В послании № 11, по мнению А. В. Арциховского, говорится о каких-то вещах, оставленных Фомой у Микишки в селении Оцекозе [30]. Л. В. Черепнин полагает, что Оцекоза не название местности и что в грамоте упоминаются козы [31]: «По поклонъ от Смешка Фоми цо оставиле в Оцекозе у Микиши...» [32]. В другой бересте, № 27, некто Фалей просит Есифа что-то ему прислать с человеком, который принесет послание: «Поклоно от Фалея ко Есифу. Послал язо к тоби берозто, написаво: вышли за...» [33].

Помимо хозяйственной переписки на усадьбах Фомы и Есифа найдены грамоты на судебную тему. Например, письмо № 122: «Слово добро от Есифа брату Фоме. Не забудь Льва о позъве до рьжи. А позъвале Родивапе Падиногине. А иное все добро, здорово. А тъ то помъни» [34]. Л. В. Черепнин считает, что здесь сообщается о какой-то земельной тяжбе между вотчинниками. Есиф был вызван в суд по спорному делу о пахотной земле Родиваном Падиногиным. В качестве своего представителя он решил отправить какого-то Льва и в письме извещает об этом брата Фому, причастного к судопроизводству [35].

---

[24] *Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н.* Ук. соч., с. 26—28.
[25] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 284.
[26] *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.). М., 1958, с. 64—66.
[27] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 286.
[28] Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1. М., 1975, с. 245.
[29] ГВНиП, с. 73, 74.
[30] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 11—13.
[31] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 288.
[32] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 11—13.
[33] Там же, с. 29.
[34] *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.), с. 54—56.
[35] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 321, 322.

Послание № 19 снова упоминает судебное разбирательство. В переводе А. В. Арциховского оно звучит так: «Да срок, чтоб тебе отправить отцу, это бы хорошо. Да только едва ли будет старому выгода-добыча. Но нужен бы дворянин. А пристав то здесь. Филист ехать хочет, а судно есть у меня. А хлеб сухой дает, чтобы самому после праздника ехать сюда. А хлеб здесь в...» [36]. А. В. Арциховский отмечает, что это совершенно целый листок бересты, один из листов длинного письма, написанного на нескольких листах березовой коры; слова в грамоте начинаются с середины фразы и кончаются тоже на середине фразы [37]. Кто автор и адресат — неизвестно.

Однако если сравнить почерки данного послания и грамоты № 122, написанной Есифом, то многое прояснится. Почерк одинаков, одинаковы и фразы «а иное все добро» (№ 122), «ино бъ добро» (№19). Следовательно, береста № 19 исходит от Есифа и, возможно, является продолжением письма № 122. Адресат ее в таком случае Фома, что не противоречит содержанию данного послания. Вот как комментирует безадресный листок Л. В. Черепнин, рассматривающий его в отрыве от других писем: «Какой-то человек (неизвестно ни его имя, ни его место жительства, ни социальное положение) пишет другому (о котором тоже ничего конкретного сказать нельзя), напоминая ему, что наступает срок разбора дела по обвинению его отца. Очевидно, автор письма доброжелатель адресата. Он сообщает также, что за делом и за соблюдением судебных сроков наблюдает пристав Филист. Хорошо бы, указывает автор письма, если бы сын отправил отцу что-то нужное (надо думать, что-то нужное для ведения дела). По Новгородской судной грамоте срок явки в суд назначался с учетом времени, необходимого для представления соответствующих доказательств (документов и проч.). Что в письме речь идет именно о материалах для суда, видно из совета автора сыну «старого» произвести отправку всего требуемого отцу через посредство дворянина (т. е. лица, официально выполнявшего поручения судебных органов). Наконец, неизвестный доброжелатель советует своему адресату самому приехать на разбор отцовского дела и предлагает ему для поездки свое судно, а также запас хлеба. Очевидно, это человек зажиточный, может быть, купец» [38].

Зная, кто автор и кто адресат, мы подставим имена Есифа и Фомы в приведенный пересказ грамоты. Она зазвучит несколько иначе. Станет понятно, что ее автором, который предлагает свое судно и хлеб адресату, руководят не просто доброжелательные чувства, а родственные. Ведь дело касается отца обоих братьев. Данная береста дополняет наши сведения о Фоме и Есифе. Оказывается, у одного из них было судно.

Три грамоты (№ 14, 24, 25) связаны с прямой судебной деятельностью Фомы. Письмо № 14: «Слово добро от Фоме к Есифу. Цто позвалъ тебе Сава, зде суду нетъ» [39]. Л. В. Черепнин видит в берестяном свитке охранную грамоту, освобождающую Есифа от явки в суд. Фома, подчеркивает исследователь, является представителем новгородской посадничьей администрации или кем-то из окружения тысяцкого, или просто лицо, защищающее вотчинника, обладающего иммунитетом [40]. Установить, к какому суду имел отношение Фома, помогает нам грамота № 25: «Ухо к тобе с Васильемъ со Желутковымъ и ты ухо положи на суде. А на мене сешли на томъ, цто еси конь позналъ у немцина, и ухо еси за мене дале, и немцине с себе поводъ сложиле...» [41]. А. В. Арциховский отмечает, что слово «ухо» означает показание на суде. Письмо говорит о том, что адре-

[36] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 18—20.
[37] Там же, с. 18.
[38] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 335, 336.
[39] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 14, 15.
[40] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 318—321.
[41] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 27, 28.

сат имел судебное дело с немцем из-за коня [42]. В. Л. Янин рассматривает эту бересту как письменное показание человека, который опознал у немца коня, вероятно, похищенного у адресата [43]. И. П. Старостина уточняет, что речь идет не о письменных свидетельских показаниях, а о вещественных: об ухе или его части, которое было отрезано у коня, опознанного у «немчина» адресатом грамоты [44]. Поскольку спорные дела с иностранными купцами (дела «торговые и гостиные») решал только суд тысяцкого [45], мы склонны видеть в Фоме представителя именно этого суда. Но Фома не тысяцкий — имя его в списках новгородских тысяцких не значится [46].

Грамота № 24, очевидно, также имеет самое прямое отношение к деятельности Фомы. Перед нами отрывок тайной переписки: «...цоловекомъ грамотку пришли таино» [47].

Итак, изучение комплекса грамот новгородских феодалов Фомы и Есифа позволяет получить более полное представление о хозяйстве обоих братьев и административной должности Фомы. Переписка указывает на состоятельность данных лиц, в собственности которых находилось более полутора десятка сел, откуда к ним в Новгород шли поступления пушниной и продуктами. Контроль за хозяйством в вотчине Фома и Есиф осуществляют через своих приказчиков. Братья погружены в заботы. Один из них находится постоянно в разъездах, поэтому в заголовках писем мы читаем то «поклон» от Фомы к Есифу, то наоборот. У них имеется судно запасы хлеба, Фома причастен к суду тысяцкого.

Усадьба Е. Ярусы 8—4 (1369—1429). Онцифоровичи.

Со времени 8-го яруса дворовладельцами усадьбы Е становятся Онцифоровичи. О них довольно подробно пишет В. Л. Янин, который указывает на двух хозяев — Максима Онцифоровича и боярина Сидора. Исследователь отмечает, что данник, уличанский староста, человек, вхожий к архиепископу,— Сидор — жил на усадьбе Е в конце XIV — начале XV столетия уже после Максима и находился в родстве с посадничьей семьей [48]. Это положение, мельком оброненное В. Л. Яниным, получило подтверждение при наблюдении над распределением грамот двора Е по ярусам.

С именем Сидора связаны три письма, № 260, 275, 276. Все они происходят из 8-го яруса (1369—1382 гг.). Но и послания Максима № 91, 253, 271, 272, 279 найдены в том же 8-м ярусе. Совпадают и отметки глубин их залегания. Вот данные для писем, найденных в центре усадьбы, недалеко друг от друга. Грамоты Сидора: № 275 — 2,91 *м*, № 276 — 2,88 *м*. Грамоты Максима: № 271 — 2,93 *м*, 272 — 2,87 *м*, 279 — 2,9 *м* [49]. Совпадение отметок свидетельствует об одновременности попадания писем Максима и Сидора в землю. Но если крупный феодал Сидор живет на усадьбе Е одновременно с Максимом Онцифоровичем, не менее знатным боярином, то такое соседство нельзя объяснить иначе как родством. Мы склонны видеть в Сидоре сына Максима, тем более что береста № 91 подтверждает существование детей у Максима: она говорит о прошедшей свадьбе в семье Максима: «Поклонъ от Ларьяна ко свату моему Максиму...» [50]. Как можно судить по истории усадеб Д, И, сын всегда оставался на дворе отца (от Варфоломея до Андреяна Михайловича). Подобное должно быть и на усадьбе Е. О связи Сидора с родом

---

[42] Там же.

[43] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 167.

[44] *Старостина И. П.* К толкованию берестяной грамоты № 25. История СССР, 1976. № 1, с. 171—174.

[45] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2, с. 97.

[46] Там же, с. 99—102.

[47] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 26.

[48] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 143—152.

[49] *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.). М., 1963, с. 96, 97, 101, 105.

[50] *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.), с. 15, 16.

Онцифоровичей, возможно, говорит адресованная Сидору грамота № 364, найденная на соседней усадьбе И в слоях рубежа XIV—XV вв., где в это время жил Юрий Онцифорович [51].

Усадьба А. Ярусы 6—5 (1396—1422 гг.). Феодалы Борис и Иван Борисович.

На грамоты владельцев усадьбы А конца XIV — начала XV в. в литературе указывалось неоднократно [52]. Но объектом внимания исследователей были лишь три послания (№ 15, 43, 49), принадлежащие Борису, его жене Настасье и сыну Ивану. Между тем в слоях 6—5-го ярусов найдены еще четыре грамоты (№ 18, 21, 22, 40), которые являются частью переписки дворовладельцев. Рассмотрим заново все свитки этого комплекса.

Все исследователи считают Бориса и Ивана Борисовича богатыми людьми, представителями высшего феодального сословия. Повод к такой мысли дает прежде всего анализ наиболее известной грамоты № 43: «От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловекъ на жерепце, зане ми здесе делъ много. Да пришли сороцицю, сороцице забыле» [53].

А. В. Арциховский прокомментировал письмо следующим образом: Борис уехал куда-то ненадолго из Новгорода, у него там много дел. Он забыл дома белье и просит жену Настасью прислать сорочку. Автор письма был богат и имел много слуг, в противном случае он бы назвал в бересте слугу по имени.

Л. В. Черепнин отмечает нюанс в комментарии А. В. Арциховского. Он возражает: если бы у Бориса был всего один «человек», то и в таком случае не было бы нужды называть его по имени. Но исследователь видит в Борисе знатного новгородца. «Человек», упомянутый в грамоте № 43, по его мнению, был послужильцем — свободным военным служилым человеком [54]. Уместно напомнить и аргументы П. И. Засурцева, который указывает на титул «господин» в обращении к Ивану Борисовичу в письме № 15: «...Нестерка господину Ивану Борисо... ...мя, господине, еси пожаловал» [55]. Обращение «господин» вполне обоснованно относится П. И. Засурцевым и к Борису [56].

Итак, владельцы усадьбы А во время 6—5-го ярусов, согласно грамотам — № 15, 43, были представителями высшего феодального сословия. Другие письма характеризуют их как землевладельцев. Береста № 15 трактуется Л. В. Черепниным как «челобитье» некого Нестерка о пожаловании землей [57]. Этот вывод подтверждает грамота № 22 на сельскохозяйственную тему: «... пшенъ ке... ...виялъ 5 кадецъ пшеницы ти... ...ю ходилъ осподину сынъ мой...» [58].

Последняя фраза позволяет А. В. Арциховскому считать автора грамоты феодально зависимым человеком [59]. Дополняя А. В. Арциховского, Л. В. Черепнин указывает на то, что письмо исходит от крестьянина, который сообщает, что он сам или его сын провеяли на ветру после молотьбы пять кадей пшеницы и что сын автора грамоты «ходил» с челобитием к господину. Речь идет о повинности молотьбы зерна [60]. Мы только добавим, что под «господином» следует понимать владельца усадьбы А, где и была найдена данная грамота.

---

[51] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961 гг.). М., 1963, с. 61.

[52] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 44, 45, 50—52; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту.., с. 37, 38.

[53] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 44, 45.

[54] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 201, 202.

[55] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 15.

[56] *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами, с. 172, 173.

[57] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 140, 141.

[58] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 23.

[59] Там же, с. 24.

[60] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 243, 244.

Содержание бересты № 18 снова на тему землевладения. Письмо крайне отрывочно и затруднительно для толкования. Однако Л. В. Черепнину удалось реконструировать его текст: «.../здоро/вия брат/ь/и его к Ти... ь... на доре по ме/сту/... иде на новок па... нет, не буде от ва/с/... е жалуете, ино... бывать, а вамъ» [61]. Исследователь полагает, что здесь идет речь о новом (вновь освоенном) месте, земельном участке, который достался автору письма № 18 от прежнего владельца. Но у того были совладельцы («братья»). К ним-то и адресована грамота с просьбой о признании прав на недвижимость [62].

Наконец, последние две грамоты, № 21 и 40, из переписки феодалов Бориса и Ивана Борисовича. Письмо № 40: «... в неи гвозду, а стоять во потклете, кто придеть з берестомъ» [63]. А. В. Арциховский полагает, что в свитке говорится о людях, которые приходят с «берестом» (т. е. с грамотами на бересте) и должны ожидать кого-то в нижнем подклете [64]. В. И. Борковский возражает против такого перевода. По его мнению, слово «стоять» относится к предметам, находящимся в подклете. Хозяин, отсутствовавший в Новгороде, поручил лицу, которому он дал берестяную грамоту, доставить нужные ему вещи. В. И. Борковский делает несколько иную разбивку текста: «...в ней гвоздю. А стоят в подклети. Кто придет с берестяной грамотой...» [65]. С некоторыми вариациями Л. В. Черепнин повторяет В. И. Борковского, отмечая, что владелец подклета является или хранителем чужого имущества, или кредитором, принявшим в обеспечении выданной денежной ссуды чужие вещи в заклад, или купцом, торговавшим на полученные от других деньги и приобретшим товар для своих компаньонов [66]. На наш взгляд, данное письмо слишком отрывочно для его полной дешифровки, и из него практически невозможно почерпнуть сведения для социальной характеристики владельца усадьбы, где оно найдено.

Грамота № 21 касается вытканной ткани — усчинки: «...у озцинку выткала и ты ко мне пришли, а не угоди це с ким прислать и ты у себя избели» [67]. Л. В. Черепнин видит в этом отрывке переписку двух городских ремесленниц близких профессий — ткачихи и белильщицы [68]. Иначе грамоту комментирует В. Л. Янин, который полагает, что письмо написано мастерице-ткачихе. Заказчик получил уведомление о том, что холсты для него готовы, он просит прислать их ему. Если прислать не с кем, то пусть ткачиха выбелит эти холсты сама [69]. По-видимому, ближе к истине В. Л. Янин, так как в первом случае письмо выпадает из боярского комплекса писем владельцев усадьбы А. В трактовке же В. Л. Янина грамота № 21 занимает в нем свое место: кто-то из семьи Бориса пишет ткачихе о присылке ткани.

Усадьба И-2 (Л). Ярусы 9—6 (1340—1409 гг.). Феодал Яков.

Усадьба И-2 раскопана не полностью, но берестяные грамоты все же называют нам некоторые из имен владельцев, в частности феодала Якова, которому данная усадьба принадлежала в период примерно между 1340 и 1409 гг. С ним связаны три бересты: № 318 (9-й ярус), № 366 (9—8-й ярусы), № 361 (6-й ярус). Все они посвящены теме вотчинного боярского землевладения.

Грамота № 361 содержит челобитную крестьян села Побратиловиц, что на реке Шижне. Крестьяне Якова обращаются к своему «господину»

---

[61] Там же, с. 125.
[62] Там же.
[63] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 39, 40.
[64] Там же.
[65] *Борковский В. И.* Новые находки берестяных грамот.— ВЯ, 1953, № 4, с. 125, 126.
[66] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 362, 363.
[67] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 21, 22.
[68] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 265, 266.
[69] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 46.

с сообщением о бедственном положении. Всходы их хлебов померзли, поэтому они просят дать зерно для нового посева, а также просят прекратить раздоры между Яковом и еще каким-то феодалом: «Поклонъ от Шижнянъ Побратиловиць господину Якову. Поеди, господине, по свою верешь дать, господине, негнее. А нынеца есме, господине, погибли, верешь позябля, сеяти, господине, нечего, а ести такоже нечего. Вы, господине, промежю собою исправы не учините, а ме промежю вами погибли» [70].

Письмо № 366 доносит отголоски спора Якова с неким Юрием об «изъезженной пшенице», еще раз подтверждая, что двор И-2 принадлежал землевладельцу: «Сь урядеся Яковь съ Гюрьгьмо и съ Харетономъ по бьсудьнои грамоте, цто былъ возялъ Гюрьге грамоту в ызьежьной пьшьнеце, а Харетоно во проторехо своехъ. И возя Гюрьге за вьсь то рубьль и тре гревоны и коробью пьшьнеце. А Харетонъ возя дьсять локоть сукона и гревону. А боль нь надобе Гюрьгю не Харетону до Якова, не Якову до Гюрьгя не до Харитона. А на то рядьце и послусе Давыдь Лукенъ сынъ, Сьтьпан Таишенъ» [71].

Береста № 318 сообщает о совершении земельной сделки между двумя родственниками — Михаилом и его братом Яковым: «Се купило Михало у княза великого бороце, у Василия, Одреяна кузнеця и Токову, и Островну, и Ротковици Кодраця, и Ведрово. Да 2 рубля и 3 гривны дасте Яковъ. Атно се замешете Михалу брату, егдасте серебро двое» [72].

Итак, сосед Юрия Онцифоровича землевладелец. Мы предлагаем обозначить его усадьбу буквой Л, поскольку литера И стала синонимом одного из владений Онцифоровичей.

Рассмотрев выборочно некоторые комплексы переписки жителей перекрестка Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц XIV—XV столетий, мы вправе отметить, что берестяные грамоты открывают путь к подробному изучению социального состава владельцев усадеб древнего Новгорода. Выражаем уверенность в том, что именно берестология (конечно, в совокупности с другим археологическим материалом) позволит в будущем вплотную приблизиться к решению таких важных исторических проблем, как социальная и внутриполитическая структура средневекового Новгорода. При идеальной сохранности культурного слоя города можно надеяться, что, раскапывая усадьбу за усадьбой, археологи восстановят судьбу многочисленных дворов Новгорода, что даст многогранную картину социальной истории города на Волхове.

V. A. Burov

NOTES ON NOVGOROD BIRCH-BARK CHARTERS

Summary

The article analyzes the exchange of letters of posadnik Vasili Nikititch (early XVth century), feudals Foma and Yesiph (end of the XIVth — early XVth century), the family of Boris (end of the XIVth century) and feudal Yakov (middle of the XIVth century). A study of whole series of charters discovers many details of the life and customs of the owners of households located in the city of Novgorod at the crossing of Velikaya, Kholopya and Kuzmodemyanskaya streets.

---

[70] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961 гг.), с. 55—57.

[71] Там же, с. 61—63.

[72] *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 151—153; *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 128, 129.

Е. А. РЯБИНИН

ВЛАДИМИРСКИЕ КУРГАНЫ

(опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.)

В 1851—1854 гг. А. С. Уваров и П. С. Савельев провели грандиозные по размаху исследования курганных могильников бывшей Владимирской губ., раскопав в 163 местностях 7757 насыпей [1]. В результате «Суздальская область была так основательно очищена от курганов» [2], что в целом ряде районов почти не сохранилось нетронутых насыпей.

Итоги раскопок были подведены в капитальном для своего времени труде А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам» [3]. В нем содержалась общая характеристика обряда погребения Владимирских курганов, приведены сведения о вещественном материале. В работу было включено покурганное описание некоторых комплексов (как выяснилось, наиболее ярких по обнаруженным в них древностям) и приложен атлас рисунков находок.

На рубеже нашего столетия перед отечественной археологией настоятельно встал вопрос о сравнительном анализе древнерусской культуры различных областей Киевского государства. Изучение этой проблемы было невозможно без уточнения возможностей накопленной источниковедческой базы. В 1905 г. появилось исследование А. А. Спицына «Владимирские курганы». В нем автор критически проанализировал данные, полученные в ходе работ А. С. Уварова, П. С. Савельева и ряда других исследователей, особо отметив крайне несовершенную методику раскопок владимирских могильников. К тому же огромный пласт курганных древностей, хранившихся в Историческом музее в Москве, оказался в основном депаспортизованным. «Грандиозные раскопки 1851—1854 гг. в Суздальской области,— писал А. А. Спицын,— будут долго оплакиваться наукой и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок... Потеря этих курганов не вознаградима ничем!» [4]. Исследователь пришел к печальному выводу о том, что «из 7000 ни одно погребение не может быть восстановлено в своем содержании и стать предметом обсуждения с этнической стороны» [5].

Мнение о Владимирских курганах как памятниках, погибших для науки, прочно утвердилось в археологии. Даже в исследованиях последних десятилетий, посвященных этнической истории северо-восточных земель Руси, материалы раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева рассматриваются в общем плане, суммарно [6].

---

[1] По мнению А. А. Спицына, «несколько менее, хотя во всяком случае более 7000» (*Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, № 15, СПб., 1905, с. 87—88).

[2] Там же, с. 88.

[3] Тр. II АС, т. II. М., 1871, с. 633—847.

[4] *Спицын А. А.* Владимирские курганы, с. 90.

[5] Там же, с. 166.

[6] *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94, 1961, с. 191—194.

Представляется, однако, что источниковедческие возможности указанного круга памятников еще далеко не исчерпаны. В архиве ЛОИА АН СССР хранятся дневники раскопок П. С. Савельева за 1853 г. и частично за 1854 г., разысканные в свое время А. А. Спицыным. Сравнительно недавно А. Н. Кирпичников обнаружил в архиве ГИМа дневники А. С. Уварова за 1851—1852 гг.[7] Таким образом, в распоряжении современных исследователей оказались отчеты о раскопках почти всех Владимирских курганов, что, естественно, значительно увеличивает базу для их изучения[8].

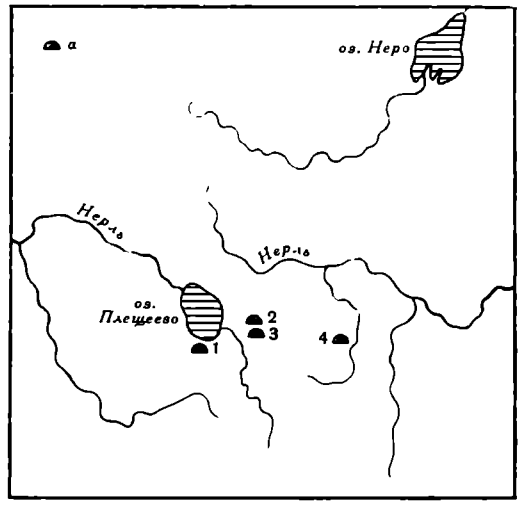


Рис. 1. Карта расположения Владимирских могильников. *а* — курганный могильник: *1* — Веськово; *2* — Большая Брембола; *3* — Малая Брембола; *4* — Кабанское

Дневниковые записи страдают лаконичностью сведений о погребальном обряде и инвентаре захоронений. Крайне снижается значение Владимирских курганов вследствие почти полной депаспортизации вещественного материала. Лишь отдельные предметы могут быть сопоставлены с определенными комплексами. Тем не менее обращение к этой группе памятников, представляющее, по определению А. А. Спицына, «важную, но нелегкую работу», может углубить и конкретизировать наши знания о культуре Владимирских курганов.

Предлагаемая работа основана на материалах ряда могильников быв. Переславского у., раскопанных в 1853 г. П. С. Савельевым[9]. Это курганные кладбища у сел. Веськово, Большая Брембола, Малая Брембола и Кабанское. Общее число учтенных насыпей 1085.

Цель нашего исследования, базирующегося на анализе выборочного числа могильников, заключалась в попытке определить источниковедческие возможности материала Владимирских курганов. Мы стремились путем комплексного анализа погребальных древностей выявить характерные черты и особенности курганного обряда в одном из районов обширной Ростово-Суздальской земли, проследить общие тенденции в развитии средневековой материальной культуры.

Выбранные для изучения памятники сконцентрированы на сравнительно небольшой территории, прилегающей к летописному Клещину (Плещееву) озеру (рис. 1). Это один из центров расселения финно-угорского племени меря, что достаточно точно документируется сообщениями «Повести временных лет». «На Белеозере седять Весь, а на Ростовьском озере Меря, а на Клещине озере Меря же»[10]. В то же время указанный район характеризуется обилием ранних курганных захоронений, оставленных первой волной славянской колонизации[11]. Следовательно, именно здесь можно ожидать наиболее интересные археологические свидетельства о характере освоения Суздальского Ополья славяно-русскими поселенцами и их взаимоотношениях с мерянскими племенами.

---

[7] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 1. САИ, Е1-36, 1966, с. 10.

[8] ЛОИА, ф. 8, № 2/1853, 17/1853, 19/1853, 41 854; ГИМ, ОПИ, ф. 17, № 193—198.

[9] Дневник археологических разысканий во Владимирской губ. в 1853 г. П. С. Савельева. ЛОИА, ф. 8, дело № 2/1853; Иллюстрированный материал к раскопкам Савельева во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг. (уезды Переславский и Юрьевский). ЛОИА, ф. 8, д. № 6, 19.

[10] Повесть временных лет, ч. 1. М.— Л., 1950, с. 13.

[11] *Горюнова Е. И.* Этническая история..., с. 193.

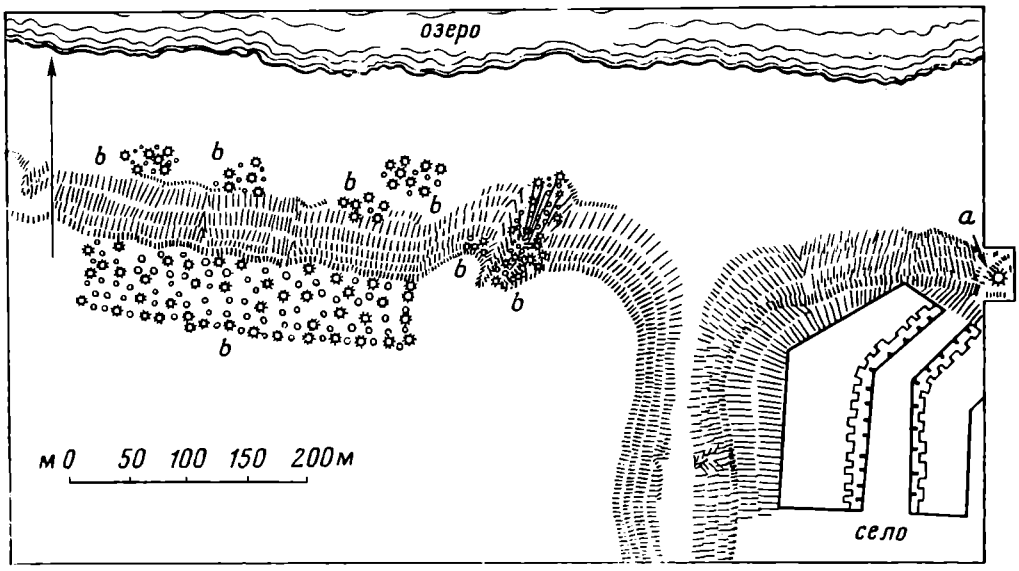


Рис. 2. План могильника у с. Веськово (по П. С. Савельеву с некоторыми дополнениями): *а* — кург. 1224; *b* — курганный могильник

Могильник у с. Веськово (южный берег Плещеева озера) располагался на горе Гремяч, на ее склоне и под горою (рис. 2) [12]. П. С. Савельев исследовал здесь 412 курганов. Кроме того, им была раскопана еще одна насыпь (№ 1224), находившаяся перед селом у моста через р. Веску и имевшая своеобразный характер захоронения. В отчете П. С. Савельева содержатся интересные наблюдения над топографией могильника. «Курганы на отлогости горы имели совершенно другой характер, чем на самой горе»,— отмечал исследователь [13]. Если на горе (курганы 812—1090) преимущественно встречались погребения по обряду сожжения, то внизу — лишь обычные положения (№ 1091—1223).

Судя по дневниковым данным, около 90% насыпей на склоне и у основания возвышенности имели высоту (в переводе на современные меры длины) до 1,5 *м*, преимущественно 1,0—1,5 *м*. Эти же размеры характеризуют и наиболее многочисленную группу насыпей на горе Гремяч (121 из 267 насыпей, размеры которых можно определить). Но для этого раннего ядра могильника довольно типичны и курганы высотой свыше 2 *м* (38% насыпей). Более того, среди них П. С. Савельев отмечает 18 курганов высотой от 5 до 6 аршин (т. е. 3,5—4,3 *м*), содержащих преимущественно остатки сожжений [14].

[12] ЛОИА, ф. 8, д. № 6, л. 5.

[13] ЛОИА, ф. 8, д. № 2/1853, л. 39 об.

[14] Отсутствие чертежей курганных насыпей заставляет с большой осторожностью подходить к сведениям о размерах курганов, приведенных П. С. Савельевым. Вполне понятное сомнение вызывают, в частности, данные об огромных насыпях высотой около 4 *м*. При определении диаметра насыпей (исследователь сообщает длину окружности основания курганов) выяснилось, что у курганов высотой 1,0—1,5 *м* последний составлял обычно 5—7 *м*. У насыпей высотой 3,5—4,3 *м* вычисленный диаметр основания 12—16 *м*. Привлекая материалы соседних Ярославских могильников, мы получаем совсем иные соотношения оснований и высот курганов. Например, в Тимеревском могильнике курганы высотой 0,5—1 *м* имеют диаметр 5—9 *м*, а насыпь от 1 до 2 *м* — 10—20 *м*. Что же касается курганов высотой до 4 *м* и выше, то такие насыпи вообще неизвестны (Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 7). Можно было бы предположить, что высоты устанавливались П. С. Савельевым путем измерения склона насыпи от ее основания до вершины и, таким образом, не соответствуют их реальному размеру по вертикали. Но этому противоречат следующие обстоятельства. Во-первых, исследователь в ряде случаев описывает стратиграфию сложных по обряду погребения насыпей; размеры, которые он дает по вертикали, соответствуют сообщаемой им высоте кургана. Во-вторых, в архиве

По характеру погребения курганы распределяются следующим образом: 191 насыпь (46% от общего числа исследованных комплексов) содержала трупосожжения, 166 курганов (40%) — захоронения по обряду ингумации; в 31 насыпи встречены лишь слои угля без следов погребения, в 2 прослеживается биритуальность обряда, для 24 курганов сведения о характере захоронения отсутствуют.

Сведения, содержащиеся в отчете, явно недостаточны для детального восстановления погребального ритуала, особенно при изучении ранней группы захоронений. Для большинства таких курганов (151 насыпь) характерно наличие слоя кальцинированных костей. В одном случае отмечено, что остатки трупосожжения были собраны в груду (кург. 833). Остается неясным, на каком уровне насыпи совершалось захоронение. Известно лишь, что в некоторых курганах кальцинированные кости помещались выше грунта (№ 1081, 1085), иногда — на 20 *см* выше основания кургана (№ 829).

Судя по дневнику П. С. Савельева, остатки сожжений в большинстве случаев были перемешаны с углем (120 курганов). Возможно, что угли и зола от погребального кострища встречались и в некоторых других курганах и просто не были отмечены исследователем. Однако следует обратить внимание на один интересный факт: 74% всех насыпей, содержащих слои жженых костей с углем, характеризовались наличием в погребениях черепков сосудов или реже целых горшков; из 31 кургана с кремированными остатками умерших, для которых автор раскопок не отмечает включений угля, фрагменты керамики встречены лишь в четырех случаях (13% захоронений). Добавим к этому, что именно для последней серии погребений П. С. Савельевым дважды отмечено помещение вещественного инвентаря ниже уровня кальцинированных костей. Случаи находок «чистых» костей без примеси угля и золы известны в курганах, содержащих трупосожжения на стороне, Ярославских могильников [15].

Вторая разновидность обряда кремации представлена урновыми захоронениями (40 курганов). Как правило, в курганах находилось по одной урне, но в одном случае (Веськово 919) были встречены 2 горшка с кальцинированными костями и углем. Возможно, такое же двойное погребение было совершено и в кург. 914, где обнаружены 2 горшка, вставленные один в другой. Но характер описания не позволяет говорить об этом с уверенностью.

В урны помещались остатки сожжения вместе с углем от погребального кострища и вещами. Возможно, что действительное число урновых погребений было более значительным: отмеченные в дневнике жженые кости с черепками сосудов вполне могли быть разрушенными остатками

ЛОИА хранятся отдельные чертежи курганных насыпей из раскопок 1853—1854 гг., в том числе и кург. 1224 из рассматриваемого могильника. Их размеры можно легко вычислить по приложенному масштабу. Они полностью соответствуют дневниковым сведениям П. С. Савельева. В-третьих, соотношение высот и диаметров ряда других насыпей Владимирской земли (например, в анализируемом в работе могильнике у с. Малая Брембола) полностью совпадает с обычными пропорциями древнерусских курганов конца I — начала II тысячелетия н. э. И в-четвертых, в работе А. А. Спицына содержится рисунок раннего курганного могильника у с. Городище (*Спицын А. А.* Владимирские курганы, с. 84, рис. 1). Эта зарисовка, несомненно, сделанная с натуры, воспроизводит необычные по внешнему виду «сошковидные» курганы. Изображенные насыпи характеризуются не полусферической, а конической формой. Соотношение высоты и основания определяется как 1 : 3 или 1 : 3,5. Такое же соотношение характерно и для рассматриваемых в данной статье части насыпей. Поэтому мы, учитывая все возможные ошибки в измерениях, проведенных П. С. Савельевым, все же считаем вполне реальными дневниковые данные о размерах курганов. В этом случае можно предположить наличие среди Владимирских курганных насыпей (по-видимому, в своей массе, имеющих обычные пропорции и размеры) особой группы памятников, характеризующихся крутизной боковых сторон и конической формой насыпи.

[15] Ярославское Поволжье X—XI вв., с. 28.

таких захоронений [16]. В кург. 865 встречены слои жженых костей и урна, наполненная кальцинированными костями.

Некоторые данные отчета позволяют судить о характере помещения инвентаря в курганные погребения. Известны случаи, когда среди кальцинированных костей (как в урновых, так и в безурновых захоронениях) встречались слитки медных вещей, оплавленные стеклянные бусы, остатки сгоревшей одежды. Такие предметы явно побывали на погребальном кострище. Вместе с тем в дневнике упоминаются трупосожжения, в инвентаре которых сохранились в непотревоженном виде такие изделия, которые должны были сильно пострадать от огня (например, дерево, куски ткани и т. д.). Это, по-видимому, дополнительные приношения умершим, совершенные уже после обряда сожжения.

Как уже отмечалось, многочисленная группа курганов в Веськове заключала в себе погребения несожженных трупов. На самой горе была исследована насыпь 830, в которой встречены и сожжения, и трупоположения. Это курган высотой около 110 *см*. На глубине 50—60 *см* находилась груда кальцинированных костей. Здесь же была обнаружена поврежденная скорлупообразная фибула (тип. 51 В по Я. Петерсену), датируемая второй четвертью X в.[17] В основании кургана прослежены остатки обычного захоронения, у головы которого было положено глиняное изображение лапы.

Суммарная характеристика трупоположений Веськовского могильника приведена в отчете. Все костяки, как правило, плохо сохранившиеся, лежали головой на запад, с руками, сложенными на груди.

К числу наиболее характерных категорий инвентаря могильника принадлежат горшки и ножи. Целые сосуды или их обломки встречены в 151 кургане с сожжениями, т. е. в 71% ранней группы погребений. Переход к обряду ингумации сопровождался фактическим исчезновением обычая помещать керамику в погребения. Лишь в одном кургане (№ 827) в ногах костяка отмечены черепки разбитого сосуда. Находки ножей известны в 47% погребений по обряду сожжения и лишь в 23,5% всех трупоположений. В основном в кургане находилось по одному ножу, но иногда встречалось и по 2 экземпляра как в сожжениях (курганы 812, 919, 925, 939), так и при обычных положениях (№ 867, 912, 916, 1186). Характерно положение ножей слева от костяка — у руки (12 курганов), бока (4), ноги (10). В 6 случаях такие находки встречены у правого бока, в двух — у пояса.

В состав женского погребального инвентаря входили височные украшения и серьги. Они появляются уже в погребениях по обряду кремации, но в крайне незначительном количестве. Проволочные кольца обнаружены в 16 курганах. П. С. Савельев отмечает как большие височные кольца, так и маленькие проволочные колечки. Последние, судя по дневнику, количественно преобладали. Височные кольца известны лишь в двух погребениях с сожжениями. В кург. 987 кремированные остатки умершего сопровождались тремя большими проволочными кольцами, сходное захоронение 927 включало «тонкое золотое колечко с продетой в него бусой красного цвета». Проволочные кольца встречались по 1—3 на каждом погребении, но известны случаи, когда перстнеобразные височные украшения составляли наборы из 7 (кург. 1124) и даже 14 экземпляров (№ 1097).

В 19 курганах найдены серьги или кольца от серег. Серьги снабжены металлическими дутыми, узорчатыми или прорезными бусами. Один раз была встречена и серьга с проволочными узелковыми бусами. В сожжениях этот тип украшений встречен 3 раза: в двух курганах обнаружены

[16] П. С. Савельев, в частности, неоднократно отмечает в своем дневнике, что горшки с кальцинированными костями были раздавлены тяжестью земли.

[17] *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа.— Тр. ГИМ, вып. 43, М., 1967, с. 198.

кольца от серег, в кург. 927 — 2 серьги с узорчатыми дутыми шариками. В погребениях содержатся по 1—2 серьги, иногда в сочетании с височными кольцами.

В 40 женских захоронениях обнаружены бусы. В 11 случаях они входили в состав погребального инвентаря трупосожжений и в основном представляли собой слитки оплавленного стекла. Наиболее распространены в Веськовском могильнике златостеклянные бусы (17 погребений). Несколько уступают им в количественном отношении бусы из синего стекла (10 курганов) и изделия из горного хрусталя (6 курганов). Интересные наблюдения были сделаны при сопоставлении бус, найденных в группе погребений на горе Гремяч и, очевидно, относящихся к более раннему времени, с аналогичными изделиями из курганов на склоне и у основания возвышенности. Выяснилось, что златостеклянные бусы довольно равномерно распределяются по всему могильнику. Синие, желтые (в том числе и двойные), хрустальные и янтарные бусы характерны в первую очередь для курганов с трупоположениями на горе Гремяч. В насыпях у основания возвышенности сосредоточена подавляющая часть сребростеклянных и «глиняных» (пастовых?) бус. Остальные разновидности рассматриваемых изделий (бусы из сердолика, зеленого стекла и полихромные) встречены в небольшом числе курганов и каких-либо закономерностей в своем распределении не проявляют.

К числу женских украшений относятся разнообразные нагрудные подвески. В кург. 982 с трупосожжением обнаружена круглая прорезная привеска «гнездовского» типа (X—XI вв.) [18].

Из трех курганов с сожжениями и пяти с трупоположениями происходят монетовидные орнаментированные подвески. Из других находок отметим широкорогие филигранные лунницы (кург 1075) [19], также датируемые X—XI вв.[20] четырехугольные подвески с узором и металлические нагрудные крестики[21]. Единственная находка местного финно-угорского украшения — шумящая коньковая подвеска — обнаружена в кург. 987 с сожжением, причем вещественный инвентарь этого погребения имеет славяно-русский облик.

В трех курганах с сожжением и одном с обычным положением встречены бубенчики. Только в погребениях по обряду кремации известны шейные гривны (№ 826, 891, 940, 987). В трех курганах гривны из бронзовой проволоки сопровождали женские захоронения, в четвертом гривна оказалась изготовленной из железа и входила в инвентарь мужского трупосожжения.

В мужских захоронениях [22] известны находки вооружения. Это боевые топоры (12 погребений) и стрелы (11 курганов). При исследовании кург. 1081 ниже слоя жженых костей была обнаружена груда предметов вооружения и снаряжения верхового коня (топор, копье, удила, стремена, а также четырехугольная железная пряжка и нож), принадлежавших конному воину-профессионалу X в. Конские удила встречены еще в двух погребениях. Почти все погребальные комплексы с оружием и конским снаряжением относятся к начальному периоду функционирования могильника и не выходят за рамки X в.[23]

---

[18] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески.— Тр. ГИМ, вып. 43, с. 126.

[19] Этот тип лунниц воспроизведен в работе А. А. Спицына (*Спицын А. А.* Владимирские курганы) как происходящий из Веськова (рис. 155).

[20] *Успенская А. В.* Ук. соч., с. 120; *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески — амулеты и их датировка. СА, 1961, № 2, с. 133, 134.

[21] *Спицын А. А.* Владимирские курганы, с. 107, 118, 144, рис. 17, 230.

[22] Исключением является находка оружия (двух наконечников стрелы или дротика) в женском захоронении кург. 817.

[23] Здесь и далее датировка всех этих комплексов дана по работам А. Н. Кирпичникова (*Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. САИ, Е1-36, 1966; *его же.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, Е1-36, 1973).

Крайне редки в курганах у с. Веськово находки орудий труда. Лишь в одном женском захоронении был обнаружен серп, а в кург. 1040 вместе с костяком был положен каменный жернов.

Для мужских погребений характерны сравнительно часто встречающиеся в могильнике кресала, кремни и точильные камни. Пояс мужчин украшался орнаментированными бляшками, скреплялся пряжками и поясными кольцами. Наиболее архаическая разновидность застежек, распространенная в курганах с сожжениями,— железные пряжки круглой или четырехугольной формы (№ 826, 866, 918, 973, 1022, 1081). Сходные пряжки, найденные в трупоположениях, служили для застегивания пояса. В четырех курганах были встречены подковообразные фибулы (одна — среди кальцинированных костей). Назначение их тождественно пряжкам, описанным выше. Лишь в погребениях по обряду ингумации обнаружены лировидные поясные пряжки (девять курганов) и поясные кольца (восемь комплексов). Судя по отсутствию аналогичных находок в курганах с сожжениями, они получили распространение лишь в XI в.

О развитии торговых связей свидетельствуют изделия североевропейских типов и торговый инвентарь (весы, гирьки). Все они встречены только в ранних курганах с сожжениями. Гирьки входили в инвентарь пяти погребений, весы найдены в двух курганах, причем в одном случае вместе с гирькой. По крайне скудному инвентарю отмеченных комплексов все же можно предполагать, что они содержат мужские захоронения. Лишь в одном кургане могильника (кстати, также с погребением мужчины) встречена восточная монета X в.[24]

По данным А. С. Уварова, в рассматриваемом могильнике почти в каждой могиле между жженными костями находились скандинавские фибулы[25]. Нам известно лишь три находки фибул североевропейского происхождения. Скорлупообразная фибула из кург. 830 уже отмечалась выше. В кург. № 951 с сожжением встречена аналогичная фибула (тип 51 по Я. Петерсену). Между кальцинированными костями захоронения 919 обнаружена скандинавская кольцевидная фибула с длинной иглой (тип 237 — вторая половина X — начало XI в.)[26]. Инвентарь этих погребений довольно невыразителен и не содержит этнически определимых вещей.

Интересная категория погребального материала, известная в Веськовском могильнике,— ритуальные изображения звериных лап и колец, вылепленные из глины. Они обнаружены в девяти погребениях, из которых два сопровождаются слепками лап, четыре — глиняными кольцами, три характеризуются сочетанием обоих ритуальных предметов. В шести курганах эти находки встречены при сожжениях, в двух обряд не определен, а в кург. 830 изображение лапы находилось в головах костяка. Какой-либо корреляции этих символов с определенными вещественными древностями не наблюдается.

Обособленное положение в могильнике занимала одиночная насыпь 1224, располагавшаяся у р. Вески (рис. 3)[27]. Высота кургана около 3,6 *м*, диаметр основания 16 *м*. В средней части насыпи был выявлен ряд могил с тремя костяками почти без вещей. Ниже первого яруса захоронений на 35—40 *см* открыто еще восемь могил, в каждой из которых находилось по одному захоронению. У одного из них был найден железный нож, у второго — два поясных кольца. Третье, женское, захоронение сопровождалось бусами из зеленоватого стекла, лунницей и двумя серебряными узорчатыми бусами или пуговицами. На самом грунте во всю площадь кургана прослежен слой угля и жженых костей, меж-

[24] *Потин В. М.* Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии.— Тр. ГЭ, XII, 1971, с. 98—99.

[25] *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам, с. 7—9.

[26] *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа, с. 205.

[27] ЛОИА, ф. 8, № 6. л. 11.

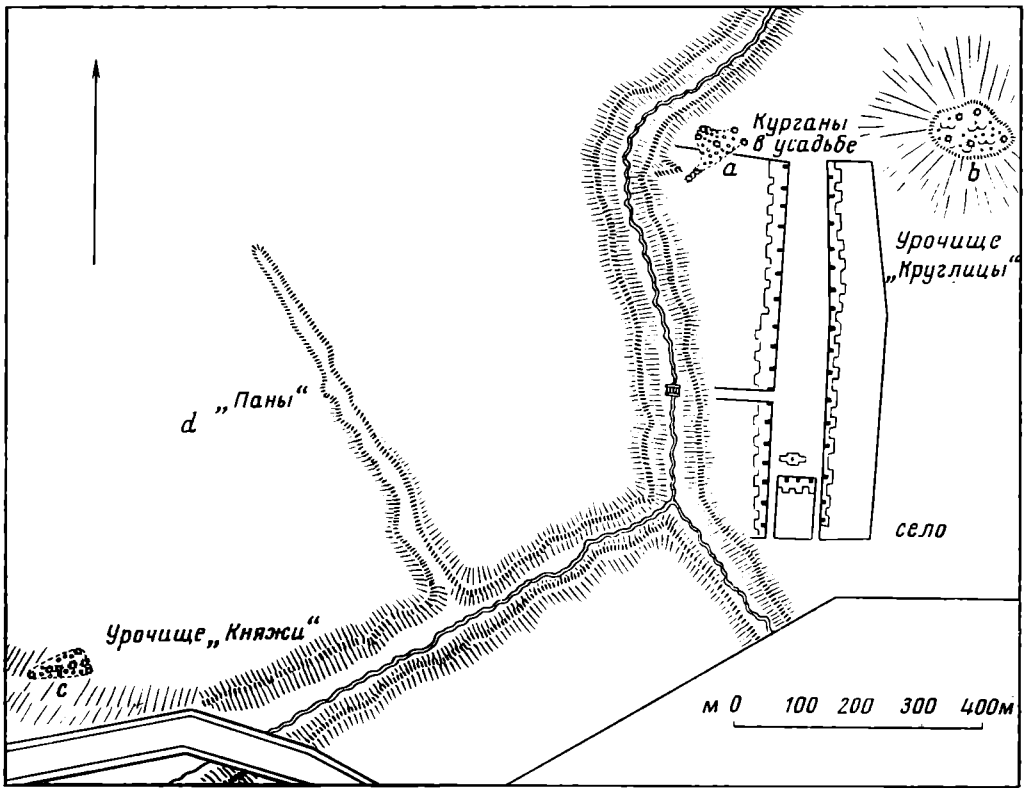


Рис. 3. План могильника у с. Большая Брембола (по П. С. Савельеву с некоторыми дополнениями)

ду которыми встречены слитки из медных вещей и стеклянных бус. По находке широкорогой филигранно-зерненной лунницы средний ярус погребений можно датировать X—XI вв., а наличие поясных колец при мужском костяке делает более вероятной датой этих захоронений XI в., предположительно его первая половина. Обряд погребения и вещественный материал позволяет определить время функционирования могильника у с. Веськово в рамках X—XI вв. с возможным заходом в начало XII в.[28]

Могильник у с. Большая Брембола расположен к востоку от Плещеева озера. В 1853 г. здесь было исследовано 385 курганов (№ 1228—1612) [29].

Топографически этот памятник разделяется на четыре группы, отделенные друг от друга значительным пространством (рис. 4) [30]. На плане П. С. Савельева группы обозначены литерами *a*, *b*, *c* и *d*. Расстояние между крайними скоплениями курганов в могильнике (группа *b* и *c*) составляет по прямой около 1600 *м*.

Ранняя группа погребений находилась в урочище Круглицы (группа *b*) и включала 97 раскопанных насыпей. Для нее наиболее характерны курганы высотой 1,0—1,5 *м*. Кроме того, 12 насыпей имели высоту 1,5—

[28] Наиболее ранние погребения могильника относятся еще к первой половине — середине X в. (например, кург. 830). Однако существует значительное количество курганов с сожжениями, вещественный инвентарь которых крайне невыразителен или вообще отсутствует. Вполне возможно, что часть таких комплексов, дата которых определяется в широких хронологических рамках, относится и к более раннему времени. Поэтому мы можем лишь утверждать, что первые захоронения в могильнике появились не позднее середины X в., оставляя в стороне вопрос о возможной начальной дате памятника.

[29] ЛОИА, ф. 8, д. № 2/1853, лл. 40—45.

[30] ЛОИА, ф. 8, д. № 6, л. 8.

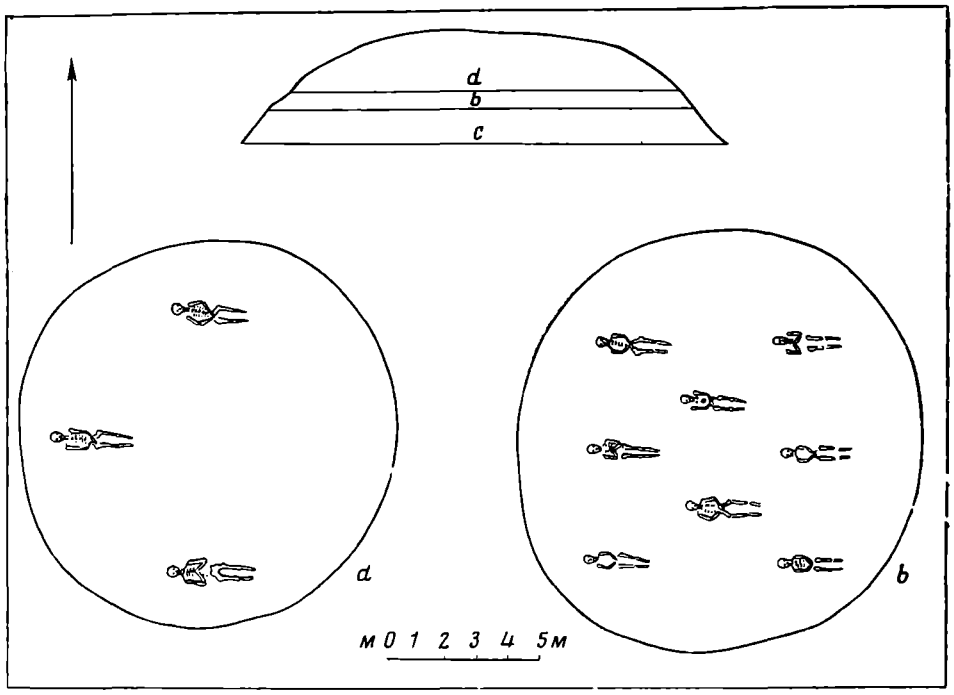


Рис. 4. Кург. 1224 у с. Большая Брембола (по П. С. Савельеву): *a* — первый уровень погребений; *b* — второй уровень погребений; *c* — слой жженых костей

2,0 *м*, 4—2,0—2,5 *м* и три представляли невысокие всхолмления высотой 0,5—1,0 *м*. В этой группе встречено 49 курганов с сожжениями, 30 — с трупоположениями; обряд погребения девяти курганов неизвестен, в девяти насыпях захоронения не прослежены.

В 46 курганах обнаружены слои жженых костей, в трех — урновые захоронения. Из их числа выделяются 2 насыпи с некоторыми особенностями погребального обряда. В кург. 1460 кальцинированные кости с углями зафиксированы не в одном, а в четырех различных местах насыпи. В кург. 1465, имевшем, по данным П. С. Савельева, высоту около 2,2 *м*, на глубине 1,0—1,1 *м*, встречен горшок с жженными костями и углем; аналогичная урна с кальцинированными костями находилась на глубине 1,5 *м* и также сопровождалась вещественным инвентарем.

Курганы с трупоположениями заключали в себе костяки с западной ориентировкой. У некоторых захоронений левая рука была вытянута вдоль туловища, правая согнута на груди; у остальных обе руки были вытянуты вдоль тела.

Группа *c*, исследованная в урочище Княжи, насчитывает 45 насыпей с обычной высотой 1,0—1,5 *м*. Ее функционирование относится к эпохе господства обряда ингумации. Лишь в трех курганах прослежены остаточные традиции трупосожжения. Так, в кург. 1538 выявлен слой кальцинированных костей с углем, находившийся в средней части насыпи. Ниже оказались разбросанные кости лошади, а несколько выше основания насыпи встречены останки трех трупоположений. В курганах 1541 и 1546 человеческие костяки были перекрыты слоем угля.

Третья группа (группа *b*) представлена всего двумя насыпями высотой 1,7 и 1,8 *м*, располагавшимися на пашне в 400 *м* от урочища Княжи. Эти курганы, известные у местного населения под названием «паны», содержали одиночные трупоположения.

Наиболее многочисленное скопление насыпей (группа *a*) исследовано у оврага, в самом селе (216 курганов). По данным П. С. Савельева,

почти все насыпи имели высоту 2,5—3 аршина, т. е. 1,8—2,2 *м*. Погребальный обряд представлен захоронениями несожженных трупов.

Для определения времени существования курганных групп большое значение имеют находки монет, женских украшений и предметов вооружения. В урочище Круглицы нумизматические находки происходят из двух трупоположений. Это саманидские монеты, чеканенные в 905 г. (кург. 1437) и после 915 г. (кург. 1481) и использовавшиеся в качестве привесок [31]. Количество прогребений с монетами значительно увеличивается в группе *с*, расположенной в урочище Княжи (№ 1533, 1534, 1538, 1541, 1556, 1568). Среди находок преобладают восточные монеты, но известны и западноевропейские (1 экз.), и византийские (1 экз.). Встречены они в основном при обычных положениях, лишь в кург. 1538 западноевропейская монета 936—1002 гг. входила в состав погребального инвентаря сожжения. Дата чеканки монет определяется в рамках 915 г.— начало XI в. Использовались они в качестве нагрудных привесок или входили в состав ожерелья, но в трех погребениях монеты являлись «оболами мертвых» и были лишены ушек или отверстий для привешивания. Время чеканки последних — середина X — начало XI в.

В кург. 1568 обрезанная восточная монета сопровождала мужское погребение вместе с весами и гирьками; рядом с костяком из кург. 1556 (также, по-видимому, мужским) встречена восточная монета вместе с гирьками от весов. По заключению В. М. Потина, находки монет рядом с гирьками и весами вполне достаточны для заключения о том, что умерший занимался торговлей [32].

Нумизматический материал несколько сближает обе группы рассматриваемого памятника. К сожалению, вопрос о возможностях датировки погребений по находкам монет, а тем более монет-привесок остается не совсем решенным. Все же обращает на себя внимание дата «оболов мертвых» из урочища Княжи: время их чеканки ограничено серединой X — началом XI в.

В урочище Круглицы известны находки оружия и предметов конского снаряжения, встреченных в комплексах X в. (№ 1464, 1471, 1490, 1492) и XI в. (1432, 1482). Оружие из урочища Княжи сопровождало погребения, широко датируемые X—XI вв. (№ 1535, 1543, 1547). Лишь в кург. 1568 обнаружен боевой топор, имеющий более узкую дату (X — начало XI в.). Единственный экземпляр боевого вооружения, происходящий из «панов», датируется концом X—XI в.

Только в курганах с сожжениями из урочища Круглицы найдены изделия североевропейского происхождения. Инвентарь двух урновых погребений в кург. 1460 включает четыре овальные скорлупообразные фибулы второй половины X в. и одну круглую, время бытования которой определяется второй половиной X — началом XI в. Сходная овальная фибула второй половины X в. найдена в кург. 1488 [33]. Две скорлупообразные фибулы неизвестного типа происходят из слоя кальцинированных костей кург. 1491.

Исходя из всего сказанного выше, можно восстановить процесс сложения могильного поля у с. Большая Брембола. В X в. появились курганные насыпи в урочище Круглицы. Судя по тому, что большинство погребений здесь совершено по обряду кремации, основное ядро этой группы образовалось уже к началу XI в. Функционирование курганной группы в урочище Княжи относится к эпохе господства обряда ингумации. Наличие в погребениях монет X в. и прослеживаемые в отдельных насыпях пережиточные традиции трупосожжения позволяют отодвинуть нижнюю хронологическую границу этой группы к концу X в., а основной

---

[31] *Потин В. М.* Ук. соч., с. 94—97.
[32] *Потин В. М.* Монеты в погребениях древней Руси..., с. 57.
[33] *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа, с. 197, 198.

период ее существования отнести к XI в. К этому же периоду относятся курганы-«паны», топографически сближающиеся с группой в урочище Княжи.

Но, бесспорно, к иному хронологическому этапу принадлежат 216 курганов на территории села, составляющие свыше половины всех раскопанных насыпей. Это крайне бедные погребения, из которых 180 оказались вообще без вещественных материалов. Нижняя дата этой группы курганных захоронений не выходит за рамки XII в.

Обращение к топографии могильного поля у с. Большая Брембола [34] позволяет сделать следующие выводы:

1. В X в. в рассматриваемый район проникают первые древнерусские колонисты. Им принадлежит ранняя группа курганов с сожжениями, локализованная в урочище Круглицы. Функционирование этой группы не прекращается и в XI в.

2. На рубеже I—II тысячелетий н. э., в эпоху распространения обряда ингумации, возникают новые скопления курганных насыпей, изолированные от первоначального ядра ранних курганов с сожжениями.

3. В XI в. производились захоронения в трех группах, отстоящих друг от друга в общей сложности на 1600 *м*.

4. В XII в. формируется новая группа насыпей, не связанная топографически со скоплениями курганов X—XI вв. Этот поздний период в истории средневекового могильника характеризуется резким увеличением числа захоронений, свидетельствующих в свою очередь о значительном росте численности населения.

Н. Н. Ворониным было высказано интересное предположение о причинах появления отдельных групп во Владимирских могильниках, и в частности в Большой Бремболе. Со вполне понятной осторожностью исследователь связывал распределение курганов по группам «впоследствии сраставшихся в общее погребальное поле нерасчленимое археологическим путем» с наличием в Суздальщине большесемейных групп. В частном случае для Бремболы он считал возможным и «социальное расчленение могильника, отраженное в имени урочища «княжи могилы» [35].

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными для выявления социальной структуры памятника. Однако предположение Н. Н. Воронина о связи отдельных групп захоронений с определенными родственными коллективами людей нам представляется перспективным и заслуживающим самого пристального внимания. Действительно, могильное поле у с. Большая Брембола не сформировалось в единый курганный ансамбль. Первая группа поселенцев, осевшая в этом районе, имела свое собственное кладбище, функционировавшее для нескольких поколений людей. Появление новых скоплений курганов на рубеже X—XI в. вряд ли может быть объяснено простым расширением первоначального могильника. Это, по-видимому, переселение новых общин, оставивших после себя свои кладбища. Совместная жизнь нескольких родственных коллективов людей на одной территории привела к постепенному их сближению, выразившемуся в появлении в XII в. единого, уже не общинного, а сельского древнерусского кладбища. Такая схема развития рассматриваемого погребального памятника нам представляется наиболее вероятной. В археологической науке уже давно установилось представление о процессе славянской колонизации как о сложном экономическом социальном и политическом явлении. Однако конкретные проявления этого процесса остаются еще слабо изученными. Памятник у с. Большая

[34] Можно допустить, что какая-то часть курганов была уничтожена распашкой, но значительные расстояния между группами, а также их топографическое соотношение (в частности, появление позднего скопления курганов в относительной близости от ранних курганов с сожжениями) позволяют считать вполне оправданной реконструкцию исторического развития этого средневекового могильника.

[35] *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. Краеведческие записи, вып. 4. Ярославль, 1960, с. 55.

Брембола как раз и позволяет конкретизировать наши знания о характере славяно-русской колонизации Залесской земли.

Как и в Веськовском могильнике, керамика в рассматриваемом памятнике довольно часто сопровождала погребения по обряду кремации (11 курганов). Но в шести случаях горшки или их фрагменты встречены при трупоположениях (табл. 1).

Бусы, найденные в слоях жженых костей, очевидно, сохранились далеко не полностью. Однако даже по их остаткам можно установить, что соотношение этих находок менялось. Погребения по обряду кремации сопровождались белыми, синими, желтыми и красными, а также золочеными стеклянными бусами. Трупоположения в урочище Круглицы, связанные преемственно с этими сожжениями, характеризуются почти тем же самым набором. Но в них уже исчезают красные стеклянные бусы и появляются серебростеклянные бусы, а также изделия из пасты и хрусталя. В урочище Княжи значительно возрастает количество погребений с золочеными, серебреными и синими бусами, но исчезают бусы белые и желтые, характерные для ранней группы курганов, и появляются изделия из сердолика.

Как и в Веськове, в рассматриваемом могильнике встречаются различные типы фибул и пряжек. Но по характеру своего размещения в погребениях они значительно отличаются от находок в Веськове. Если лировидные пряжки и поясные кольца сопровождали только мужские захоронения, то остальные типы застежек встречены и в мужских, и в женских погребениях. А это в свою очередь определило использование подковообразных, круглых и четырехугольных пряжек в качестве нагрудных женских украшений.

Поясные нагрудные застежки наиболее характерны для погребений в урочище Круглицы. В урочище Княжи известен только один тип пряжек — подковообразные фибулы. Поясные кольца, неизвестные в сожжениях, появляются лишь в погребениях по обряду ингумации.

Развитие материальной культуры отразилось и на такой категории вещественных находок, как женские головные украшения. Последние, почти полностью отсутствуя в ранней группе сожжений, получают распространение на последующем этапе. Обычные положения в урочище Круглицы, как правило, сопровождаются небольшими проволочными колечками. В Княжах резко увеличивается число бусинных серег и крупных проволочных колец. В поздней группе, расположенной в самом селе, преобладают перстнеобразные колечки, но вместе с ними встречаются и все остальные разновидности украшений.

Глиняные изображения лап и колец встречены в трех захоронениях по обряду кремации (№ 1459, 1493, 1538) в одном — по обряду ингумации (№ 1546). На относительно раннюю дату последнего указывает то обстоятельство, что костяк был перекрыт сверху слоем угля.

Более ярко, чем в Веськове, в рассматриваемом памятнике проявляются элементы местной финно-угорской культуры. Встречены они в погребениях обоих урочищ как в сожжениях, так и при трупоположениях. Характерные древности владимирской группы мери представлены украшениями женского костюма, выполненными в наборной технике,— коньками-«косоплетками», треугольными подвесками и шумящими ажурными перстнями [36]. По характеру вещественного инвентаря погребения с финно-угорскими древностями не отличаются от остальных захоронений. Обращает на себя внимание лишь одна интересная особенность: мерянские плетеные украшения встречены в семи погребениях; пряжки сопровождали восемь женских захоронений; в пяти случаях наблюдается совстречаемость обоих категорий древностей. Создается такое впечатление, что появление в Большой Брембола нагрудных застежек в составе жен-

[36] *Горюнова Е. И.* Этническая история..., с. 98—101, рис. 40—42.

Распределение погребального инвентаря по группам могильника у с. Большая Брембола

Группа		Височные кольца и серьги				Бусы									Привески					
		проволочные небольшие колечки	проволочные кольца	серьги	кольца от серег	золоченые стеклянные	серебряные стеклянные	белые стеклянные	синие стеклянные	красные стеклянные	«глиняные» (пастовые?)	хрустальные	сердоликовые	желтые стеклянные	круглые прорезные	монетовидные	лунницы	треугольные	конусовые	перстни с привесками
b Урочище Круглицы (97 курганов)	ТПС	1	—	—	1	1	—	2	1	2	—	—	—	1	—	2	1	2	—	—
	ТПП	7	1	1	—	4	2	1	3	—	3	1	—	1	1	2	—	1	2	—
c Урочище Княжи (45 курганов)		4	3	6	—	8	4	—	8	—	2	2	3	—	—	4	—	2	1	1
d «Паны» (2 кургана)		—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
a У оврага (216 курганов)		10	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Группа		Фибулы, пряжки				Поясные кольца	Поясные бляшки	Браслеты			Глиняные лапы и кольца	Гребни	Гирьки	Пуговицы	Керамика	Ножи	Оружие, топоры	Монеты
		скорлупообразные	подковообразные	круглые и четырехугольные	лировидные			витые	пластинчатые	круглопроволочные								
b Урочище Круглицы (97 курганов)	ТПС	4	4	3	1	—	1	2	4	2	2	3	1	—	11	26	3	—
	ТПП	—	1	1	3	1	2	2	3	2	—	1	—	1	3	11	5	2
c Урочище Княжи (45 курганов)		—	3	—	—	3	—	—	4	2	2	—	2	—	2	25	8	6
d «Паны» (2 кургана)		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
a У оврага (216 курганов)		—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	10	1	—	1	—

Примечание: цифры, показанные в колонках, обозначают количество комплексов с находками; ТПС — трупосожжения, ТПП — трупоположения.

ского костюма прямым образом связано с проникновением в местную культуру традиций финно-угорского населения.

Отметим еще две находки, не связанные, по-видимому, со славяно-русскими древностями. В кург. 1460 урновое трупосожжение с тремя скандинавскими фибулами сопровождалось прорезной птицевидной привеской [37]. По своим особенностям это украшение резко отличается от волго-окских зооморфных подвесок. Хотя нам и не известны прямые аналогии этому изделию, но наибольшее стилистическое сходство птицевидная находка имеет с прорезными амулетами Северо-Запада, отражающими традиции восточнобалтийского и прибалтийско-финского населения [38]. Есть все основания полагать, что кург. 1460, характеризующийся рядом особенностей (ярусность урновых погребений, наличие набора скандинавских фибул в обоих комплексах с сожжениями и указанная находка), оставлен выходцами с отдаленного Северо-Запада. В кург. 1538 (также, судя по описанию, содержащем погребения на разных уровнях) женское трупоположение сопровождалось подвеской в виде небольшого четвероногого конька, найденного у черепа. Самой вещи или ее зарисовки не сохранилось, но сам тип четвероногих коньковых изображений также уводят нас на Северо-Запад, в Прибалтику, окрестности Новгорода и в Приладожье. Отметим, что выше этого погребения было встречено сожжение с глиняными лапой и кольцом, по мнению ряда исследователей, имеющих северо-западное происхождение [39].

Поблизости от могильника у с. Большая Брембола П. С. Савельев исследовал еще одну курганную группу, располагавшуюся в лесу у с. Малая Брембола. Всего им было раскопано 35 насыпей (№ 1578—1612), известных у населения под названием «могилки» [40]. Все они имеют одну отличительную особенность — поверхность кургана до самого основания обложена мелкими камнями. Обкладка камнями насыпей неизвестна в вышерассмотренных могильниках: лишь восточная сторона кург. 838 с трупосожжением у с. Веськово была покрыта грудой камней. По наблюдениям А. А. Спицына, курганы с камнями «у Плещеева озера попадались редко, у Ростовского их совсем не было; это особенность восточных курганов, хотя и не исключительная» [41].

Обычная высота насыпей у Малой Бремболы 1,0—1,4 *м*. Некоторые, наиболее крупные курганы достигают высоты 1,8 *м*.

Насыпи этого могильника характеризуются совсем иными соотношениями высот и оснований, чем курганы у сел Веськово и Большая Брембола. Так, у кургана высотой 1,0—1,4 *м* диаметр составляет 8—12 *м*; у насыпи высотой 1,6—1,8 *м* диаметр достигает 16 *м*. Следовательно, курганные насыпи у Малой Бремболы по своей форме и пропорциям сближаются с обычными древнерусскими могильниками на соседних территориях.

Ведущий обряд захоронения представлен погребениями несожженных трупов с западной ориентировкой и руками, сложенными на груди. В восьми курганах встречены безурновые трупосожжения. Три кургана, содержащие погребения по обряду ингумации, кроме обкладки большими камнями характеризовались наличием насыпей из мелких камней.

---

[37] *Спицын А. А.* Владимирские курганы, с. 162, рис. 466; ГИМ, III арх. отдел, инв. 54746.

[38] Некоторое сходство указанная подвеска имеет с прорезными изображениями птиц Юго-Восточного Приладожья, Прибалтики и Финляндии. Наибольшую близость она проявляет с находкой из грунтового могильника Кобрату в Эстонии (*Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaasete suhete tärkamise perioodil (11—13.sajand). Tallinn, 1974, tahv. XXXII, *1*).

[39] *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности.— МИА, № 179, 1970, с. 127, 128.

[40] ЛОИА, ф. 8, д. № 2/1853, лл. 47—48.

[41] *Спицын А. А.* Владимирские курганы, с. 98.

Инвентарь захоронений крайне скуден и невыразителен. Достаточно отметить, что без вещей оказалось 12 из 27 курганов с трупоположениями и 6 из 8 комплексов с сожжениями. В двух курганах с жженными костями встречены лишь нож и наконечник стрелы. При трупоположениях дважды встречены ножи и по одному разу — кресало, поясное кольцо и железная четырехугольная пряжка, кольцо с пробоем и неопределенное железное кольцо у ног костяка. В одном из женских погребений найдены два височных колечка, в другом — пастовые и сердоликовые продолговатые бусы.

Все эти находки не позволяют определить точный возраст могильника. Наличие трупосожжений указывает на сравнительно раннюю дату его возникновения, а невыразительный инвентарь скорее свидетельствует в пользу «омоложения» памятника. Последнее предположение подтверждается и наличием гвоздей от гроба в одном из захоронений и полным отсутствием керамики. В целом мы склонны отнести наиболее ранние погребения могильника к XI в., возможно к концу X в. По характеру материальной культуры это типичный древнерусский памятник без малейшей примеси элементов финно-угорской культуры.

Большинство курганных погребений, рассмотренных в настоящей работе, относятся к эпохе освоения славяно-русскими поселенцами Волго-Окского междуречья. В процессе колонизации славяне вошли в соприкосновение с коренным населением Суздальского края — летописной мерей. Последующая за этим ассимиляция местных финно-угров составляет особую и крайне интересную страницу в истории Северо-Восточной Руси. Детальный анализ процесса взаимодействия древнерусских колонистов и центральной группы мери проведен в целом ряде исследований и в первую очередь в монографии Е. И. Горюновой [42]. Археологические материалы позволяют с уверенностью утверждать, что население Ростовского, а затем Владимиро-Суздальского княжества в этническом отношении имело пестрый, смешанный характер. По заключению антропологов, финно-угорские племена составили основу древнерусского населения Владимирской земли [43].

Однако в анализируемых могильниках элементы финно-угорской культуры представлены довольно слабо. Погребения с мерянскими древностями лишь «вкраплены» в общую массу средневековых курганов, не составляя значительных групп. По характеру вещественного материала такие захоронения, как правило, не отличаются заметным своеобразием. В целом на основе рассмотренных памятников вряд ли можно достаточно полно проследить процесс обрусения финноязычного населения.

По-видимому, это связано с выборочностью могильников, привлеченных для изучения. Анализ Владимирских курганов показал, что элементы мерянской культуры проявляются не во всех памятниках Ростово-Суздальской земли. Значительная часть могильников представляет обычные древнерусские кладбища, лишенные заметной финно-угорской примеси. Наряду с ними встречаются курганные группы, характеризующиеся ярким чудским обликом вещественного материала, а иногда — и своеобразием погребального ритуала. Это свидетельствует о наличии отдельных «островков» мерянского населения, подвергающегося постепенной ассимиляции [44].

Примером таких памятников является, в частности, могильник у с. Кабанское, расположенный к востоку от Плещеева озера. В 1853 г.

---

[42] *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 190—204, 245—248.

[43] *Трофимова Т. А.* Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья.— СЭ, 1946, № 1, с. 91—132; *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян. М., 1973, с. 199, 252.

[44] *Рябинин Е. А.* Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. Автореф. канд. дис., Л., 1974, с. 11, 12.

П. С. Савельев раскопал здесь 252 кургана с захоронениями по обряду кремации и обряду ингумации [45]. Из их числа лишь 91 погребение сопровождалось вещественным материалом и могло быть привлечено для анализа.

Большое значение для изучения этнического своеобразия памятников имеют особенности погребального обряда, керамика и украшения женского костюма. Характер анализируемого источника заставляет фактически ограничиться лишь одной разновидностью курганного материала — металлическими женскими украшениями. Отметим, впрочем, что именно определенные типы металлических изделий были выделены Е. И. Горюновой в качестве ведущих элементов местной финно-угорской культуры.

Выяснилось, что из 55 женских погребений с вещественными находками 47,3% захоронений сопровождалось финно-угорскими украшениями. В ряде комплексов такие украшения встречались целыми наборами. Вместе с тем погребальный инвентарь характеризуется наличием в его составе изделий славяно-русского происхождения. Концентрация финских древностей в могильнике у с. Кабанское позволяет отнести его к числу памятников смешанного славяно-финно-угорского населения.

В данной статье приведена лишь краткая характеристика этого могильника. Представляется, что памятники, отразившие в своей культуре процесс ассимиляции финноязычного населения Суздальского края, заслуживают более полного изучения и могут явиться темой для самостоятельного исследования.

В данной статье предпринята попытка определить источниковедческие возможности огромного пласта Владимирских курганов. На примере нескольких могильников, расположенных в одном районе Суздальского края и изучавшихся одним исследователем, мы попытались проследить развитие курганной культуры и установить в пределах возможного характер погребального обряда и вещественных древностей.

Разумеется, материалы раскопок 1851—1854 гг. не могут являться полноценным источником. Но их возможности далеко не исчерпаны. Наиболее перспективным направлением в изучении курганных древностей является сравнительный анализ памятников из различных районов Ростово-Суздальской земли. Еще А. А. Спицын отметил, что курганы из окрестностей Ростова, Переславля и Суздаля заметно отличаются друг от друга по ряду признаков. Установить эти различия, обусловленные неоднородностью Владимирских курганов, было бы крайне важно для уточнения направления и особенностей колонизационного процесса.

Другая важная, хотя и крайне сложная задача,— это определение хронологии курганных могильников. Депаспортизация вещественного материала делает такую работу предельно трудной, но не невозможной. Во всяком случае наличие в курганах восточных и западноевропейских монет, а также отдельных предметов, увязываемых с определенными комплексами, создает основу для такого рода исследований.

Владимирские курганы — памятники большого исторического значения. Следует сделать все возможное для того, чтобы они были введены в научный оборот и превратились в дополнительный источник для изучения средневековой культуры Северо-Восточной Руси.

---

[45] ЛОИА, ф. 8, д. 2/1853, лл. 18—25 об.

E. A. Ryabinin

THE VLADIMIR BARROWS
(a study of the 1853 excavations)

Summary

In 1851—1854 A. S. Uvarov and P. S. Saveliev excavated 7757 barrows in the Vladimir region. The lack of the necessary field fixation and documentation of archaeological evidence had practically led to the idea that the vast range of the medieval burials in North-East Russia was lost for scientists.

The author undertakes an attempt to determine the scientific value of the antiquities. The research is based on the analysis of four barrow cemeteries, excavated in 1853 by P. S. Saveliev in the locality of Plestcheievo lake (Vaskovo, Bolshaya Brembola, Malaya Brembola, Kabanskoye). The total number of investigated barrows is 1085.

The author has studied the main tendencies in the evolution of the funeral rites and the material culture in the Xth — XII c. c. Comparative analysis of the different groups of burials that form the cemetery, and comparative examination of funeral complexes (cremations and inhumations) are used.

The greater part of the examined graves belonged to the Slavic-Russian population who colonized the fertile lands of the Suzdal Opolie in the end of the Ist millenium A. D. The earliest dated complexes of the barrows at Veskovo and Bolshaya Brembola belonged to the Xth century.

In the XIth century the number of barrows had greatly increased. It was caused by migration of some new population to the locality of Plestcheievo lake.

The cemetery near the village of Kabanskoye is an interesting example of interrelations between the Slavic settlers and the aborigenal Finno-Ugrian population — Merya of Primary chronicle.

Заметки

А. П. ЖУРАВЛЕВ, В. И. ГОРЛОВ

ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАНЦЕВЫХ ОРУДИЙ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПЕГРЕМЫ

(Карелия)

Сланцевый инвентарь археологических памятников Карелии, чрезвычайно богатый и разнообразный, уже давно стал объектом пристального внимания исследователей. При этом основное внимание уделяется изучению типов орудий, их функциональному назначению, технологии изготовления, типологии. В меньшей мере исследованы вопросы, связанные с изучением материала, из которого они изготовлены.

С целью восполнить этот пробел в Институте геологии Карельского филиала АН СССР была подвергнута петрографическому изучению серия сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы: топор, заготовка рубящего орудия и заготовка топора из Пегремы I; кирка из Пег-

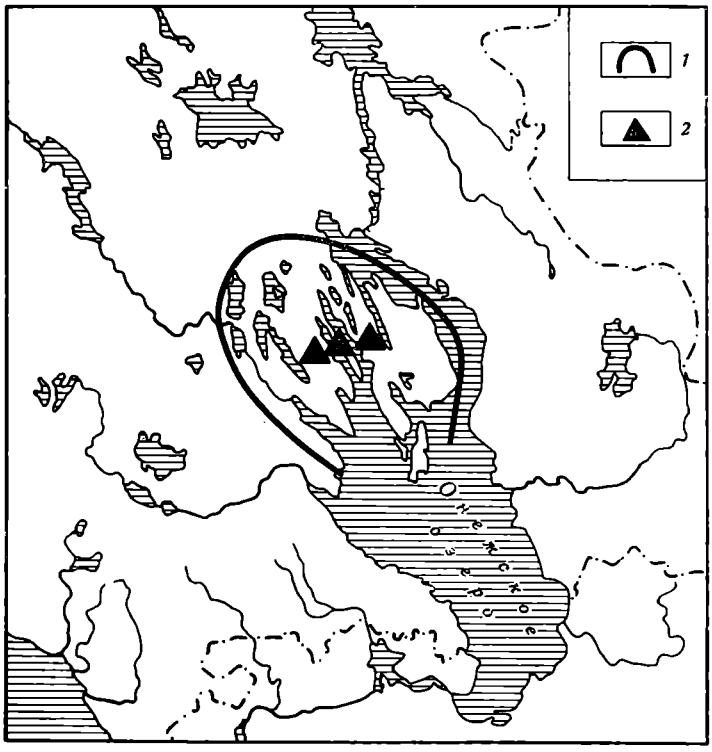


Рис. 3. Карта распространения сланцев и алевролитов альбит-хлоритового и кварц-альбит-хлоритового состава и находки орудий из этого же материала в археологических памятниках Пегремы. *1* — район распространения сланцев и алевролитов альбит-хлоритового состава; *2* — находки орудий в Пегреме из сланцев и алевролитов альбит-хлоритового состава

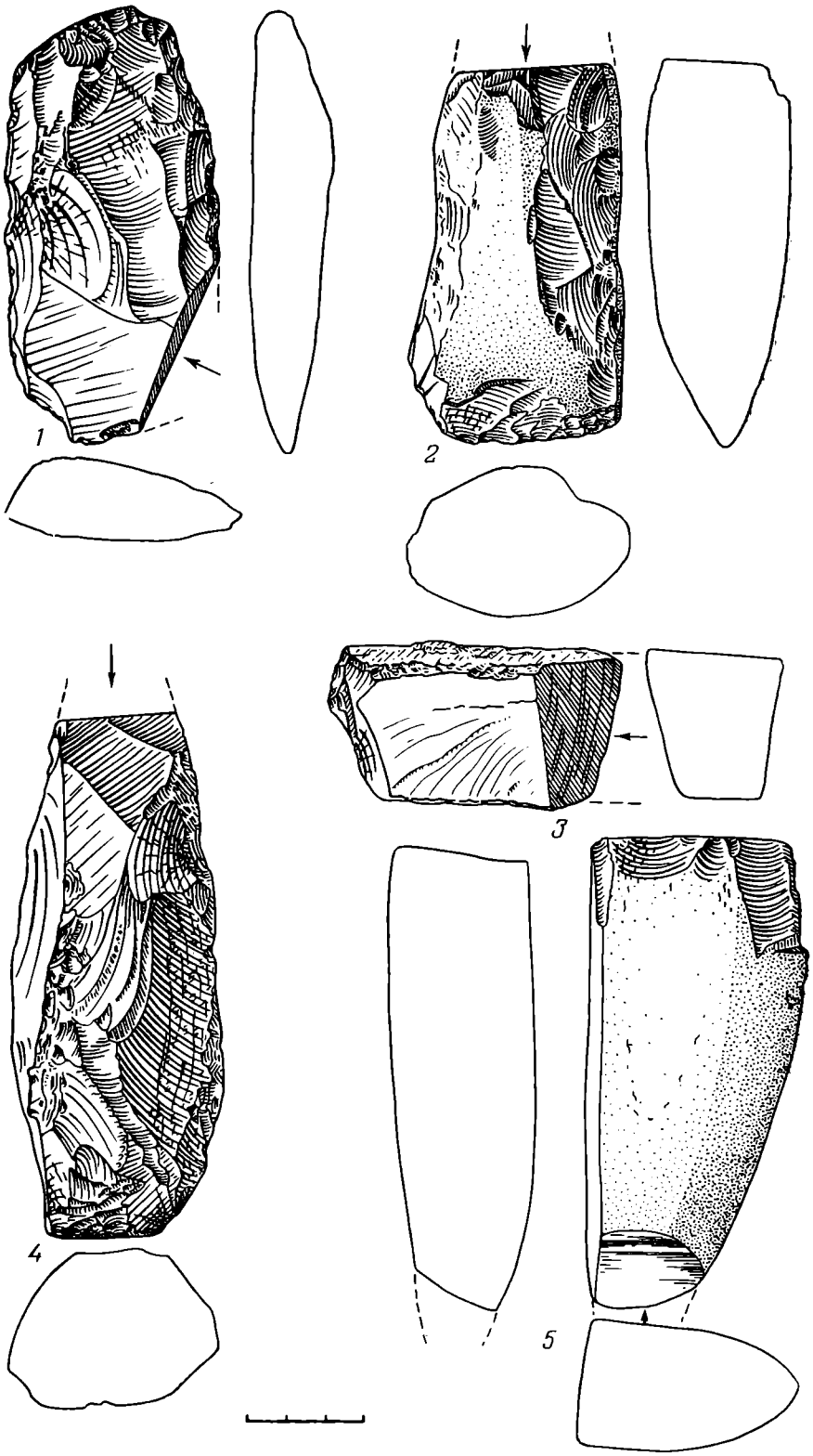


Рис. 1. Сланцевые орудия из археологических памятников Пегремы. *1* — заготовка топора из клада сланцевых заготовок; *2* — топор; *3* — заготовка рубящего орудия из Пегремы I; *4* — заготовка рубящего орудия из Пегремы VII; *5* — кирка из Пегремы II

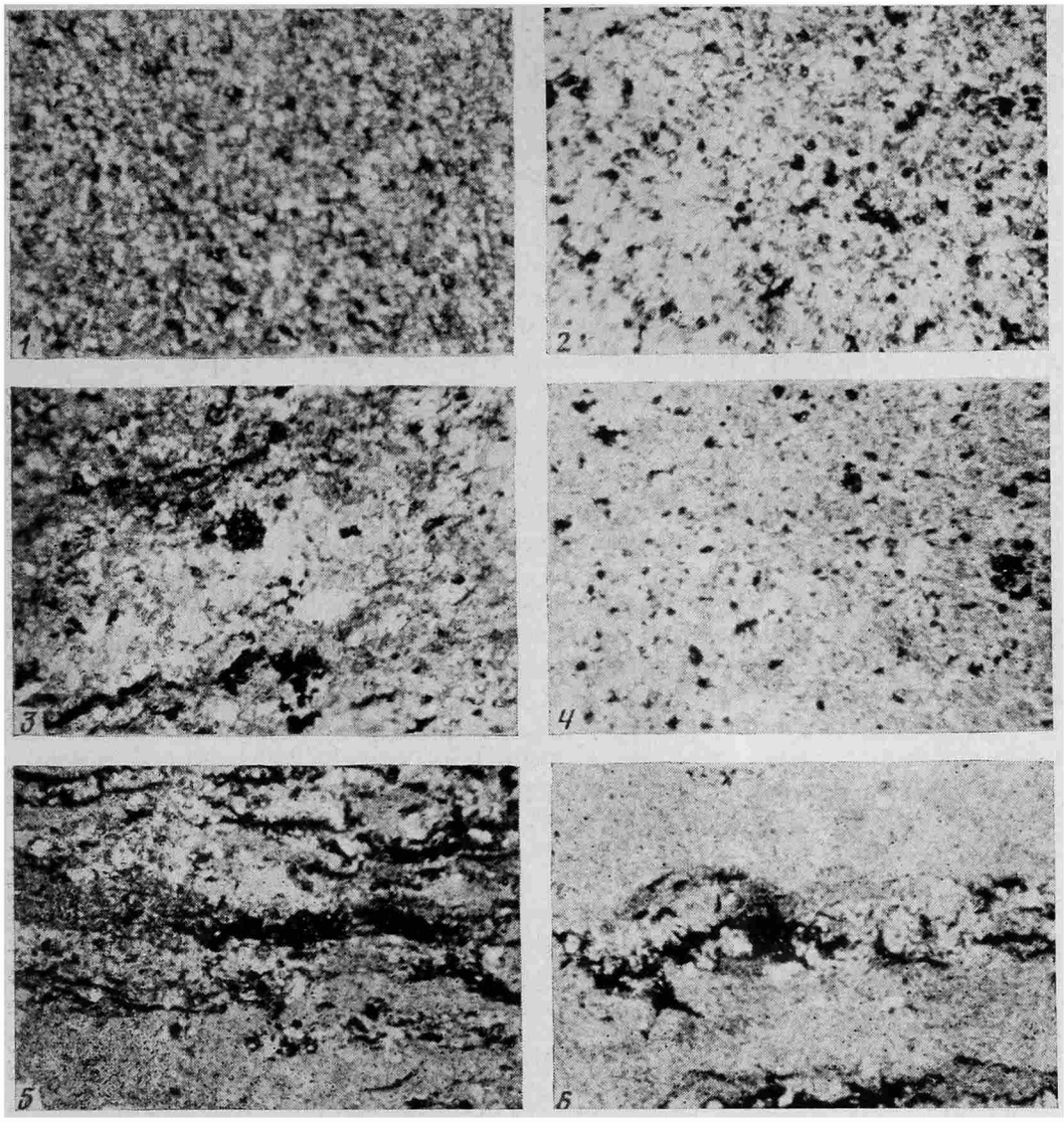


Рис. 2. Структура шлифов. *1* — альбит-хлоритовый сланец — заготовка топора из Пегремы I; *2* — альбит-хлоритовый сланец из Вегорукского месторождения; *3* — кварц-альбит-хлоритовый алевролит с шунгитом из Мягрозерского месторождения; *4* — альбит-хлоритовый сланец с шунгитом из Мягрозерского месторождения; *5* — алевритистый кварц-альбит-хлоритовый сланец с тонкими слойками шунгита (кирка из Пегремы II); *6* — алевритистый кварц-альбит-хлоритовый сланец с тонкими слойками шунгита из Мягрозерского месторождения

ремы II; заготовка рубящего орудия из Пегремы VII и др. (рис. 1, *1—5*). Для изучения орудий были изготовлены прозрачные шлифы размерами 1,5×1,5 *см*, которые исследовались под поляризационным микроскопом МП-7 и затем сравнивались со шлифами соответствующих пород из близлежащих Вегорукского (археологическими работами здесь выявлены следы древних выработок сланца) и Мягрозерского месторождений.

Приведем результаты этих обследований. Заготовка топора из Пегремы I (рис. 1, *1*) из альбит-хлоритового сланца (рис. 2, *1*. Ник II, ув. 200). Аналогичная структура альбит-хлоритового сланца из Вегорукского месторождения (рис. 2, *2*, Ник II, ув. 200). Топор из Пегремы I (рис. 1, *2*) из кварц-альбит-хлоритового алевролита с шунгитом (рис. 2, *3*, Ник II, ув. 200). Заготовка рубящего орудия из Пегремы VII (рис. 1, *4*) из альбит-хлоритового сланца; такую же структуру дает

альбит-хлоритовый сланец из Вегорукского месторождения. Заготовка рубящего орудия из Пегремы I (рис. 1, *3*) из альбит-хлоритового сланца с шунгитом. Такую же структуру дает альбит-хлоритовый сланец с шунгитом из Мягрозерского месторождения (рис. 2, *4*). Кирка из Пегремы II (рис. 1, *5*) из алевритистого кварц-альбит-хлоритового сланца с тонкими прослойками шунгита (рис. 2, *5*, Ник II, ув. 200). Алевритистый кварц-альбит-хлоритовый сланец с тонкими прослойками шунгита из Мягрозерского месторождения (рис. 2, *6*, Ник II, ув. 200).

Приведенные выше результаты петрографического изучения сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы и их сравнение с соответствующими породами из Вегорукского и Мягрозерского месторождений сланцев и алевролитов свидетельствуют об идентичности их структуры, текстуры и минерального состава. Сланцы и алевролиты типа Вегорукского и Мягрозерского месторождений встречаются только в Карелии, и район их распространения локализуется районом г. Кондопоги, Кондопожского полуострова, захватывая территории оз. Сандал, Кедрозера, Викшезера и восточного побережья Онежского озера (зал. Черга). На Заонежском полуострове они встречаются от оз. Ладмозера до Ламбасручья.

Приведенные петрографические обследования сланцевых орудий из древних поселений Пегремы дают основание заключить, что они изготовлены из местного материала, имеющего широкое распространение в районе стоянок, в частности у Ламбасручья и Мягрозера (рис. 3).

Орудия сделаны из сланцев и алевролитов альбит-хлоритового и кварц-альбит-хлоритового состава, имеющих преимущественное распространение среди вулканогенно-осадочных образований суйсарьской свиты среднего протерозоя Южной Карелии.

Л. И. ХЛОПИНА

КЕРАМИЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

При камеральной обработке керамических материалов с поселения эпохи поздней бронзы Теккем-Тепе были обнаружены три интересных фрагмента керамики. Их края оформлены сколами и своей формой напоминают скребки. Изучение этих фрагментов с помощью бинокулярной лупы в Лаборатории первобытной технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР подтвердило предположение об их использовании в качестве орудий. Это была первая находка керамических скребков эпохи поздней бронзы, которые, судя по следам их сработанности, предназначались для обработки шкур и кож [1].

В Южной Туркмении в эпоху неолита для обработки шкур и кож широко применялись кремневые скребки различной формы, а также специальные орудия из лопаточных костей животных. В эпоху энеолита такие орудия практически неизвестны. Оставалось неясным, какими орудиями обрабатывались шкуры и кожи в период бронзы. Правда, некоторые каменные наконечники стрел с поселения Алтын-Тепе при вторичном использовании служили скребками, но их найдено крайне мало: из 65 исследованных наконечников только три употреблялись в качестве скребков [2].

---

[1] *Хлопина Л. И.* Новый тип орудий эпохи бронзы.— СА, 1974, № 3, с. 240.

[2] *Скакун Н. Н.* Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы.— КД, вып. IV, 1972, с. 161.

Крупные керамические скребки с поселения Теккем-Тепе дали возможность установить, чем обрабатывались шкуры и кожи в эпоху поздней бронзы. Более того, обнаружение этих орудий позволило предположить, что такие же инструменты могли существовать и в более раннее время. Однако только с появлением гончарного круга, на котором изготовляли керамику с плотным черепком, только с применением для обжига керамики более совершенных по конструкции горнов, которые обжигали керамику до большой твердости, стало возможным использовать фрагменты керамики для изготовления из них орудий. Орудие из черепка лепного сосуда с сильной растительной примесью в тесте, характерной для эпохи энеолита, раскрошилось бы в самом начале работы.

Керамические орудия разной формы и разного назначения найдены на всех памятниках подгорной равнины Копетдага, имеющих слои времени Намазга V и VI. Помимо поселения «Вышка» Намазга-Тепе [3], где в культурном слое верхнего строительного горизонта найдено 37 керамических орудий, инструменты такого типа были собраны на поверхности холмов Намазга-Тепе, Теккем-Тепе, Улуг-Тепе, Алтын-Тепе и Ованд-Тепе. Кроме перечисленных мест орудие такого типа было найдено также в окрестностях поселка Кара-Кала, на маленьком поселении близ могильника Сумбар I — в зоне иранской культуры серой керамики (железный век I Ирана).

Коллекция керамических орудий, происходящих из культурного слоя «Вышки» и из подъемного материала с других поселений, насчитывает 53 экз. Все орудия изготовлены из фрагментов гончарной керамики. Могут быть выделены скребки и терочник.

Скребки. Материалом для изготовления служили фрагменты венчиков, плечиков, стенок и выкружек в придонной части хумчей; стенки и венчики хумов; венчики корчаг; стенки и донца чаш с красным ангобом; донца неопределимых сосудов. На всех фрагментах, которые служили материалом для скребков, хорошо видны следы кругового вращения сосуда. Они могут идти параллельно рабочему краю, под углом к нему и даже перпендикулярно. Следовательно, практически мог быть использован для рабочего края любой слом черепка. Все скребки визуально по способу оформления их рабочего края можно разделить на три группы.

1. Скребки с односторонней обработкой рабочего края (рис. 1, 2—19 экз.). Рабочий край оформлен крупными краевыми сколами, которые наносились, как правило, с внутренней стороны фрагмента. Лишь один скребок имеет рабочий край, оформленный с внешней стороны. По краю лезвия наблюдаются более мелкие сколы. С внешней стороны фрагмента иногда имеются мелкие бессистемные выщерблины. Керамическим скребкам старались придать трапециевидную с округлым рабочим краем форму, боковые грани орудия слегка суживаются к прямому основанию. Встречаются также скребки с округлым, слегка волнистым рабочим краем, а также с почти прямым; иногда скребок имеет форму равнобедренного треугольника, у которого основание является рабочим краем, а вершина — рукояткой орудия. Иногда наблюдается сильная заглаженность и затупленность рабочего края. Одна треть найденных скребков представлена обломками, но их стандартизованная форма позволяет восстановить первоначальный облик скребка. Целые орудия имеют ширину рабочего края от 4 до 11 *см*.

2. Скребки с двусторонней обработкой рабочего края (рис. 3—15 экз.). Рабочий край оформлен крупными краевыми сколами, которые наносились как с наружной стороны фрагмента, так и с внутренней; как правило, с внутренней стороны сколов больше, чем с наружной. Вероятно, этот факт можно объяснить тем, что изгиб череп-

[3] *Хлопина Л. И., Хлопин И. Н.* Работы Сумбарского отряда.— АО — 1974. М., 1975, с. 531.

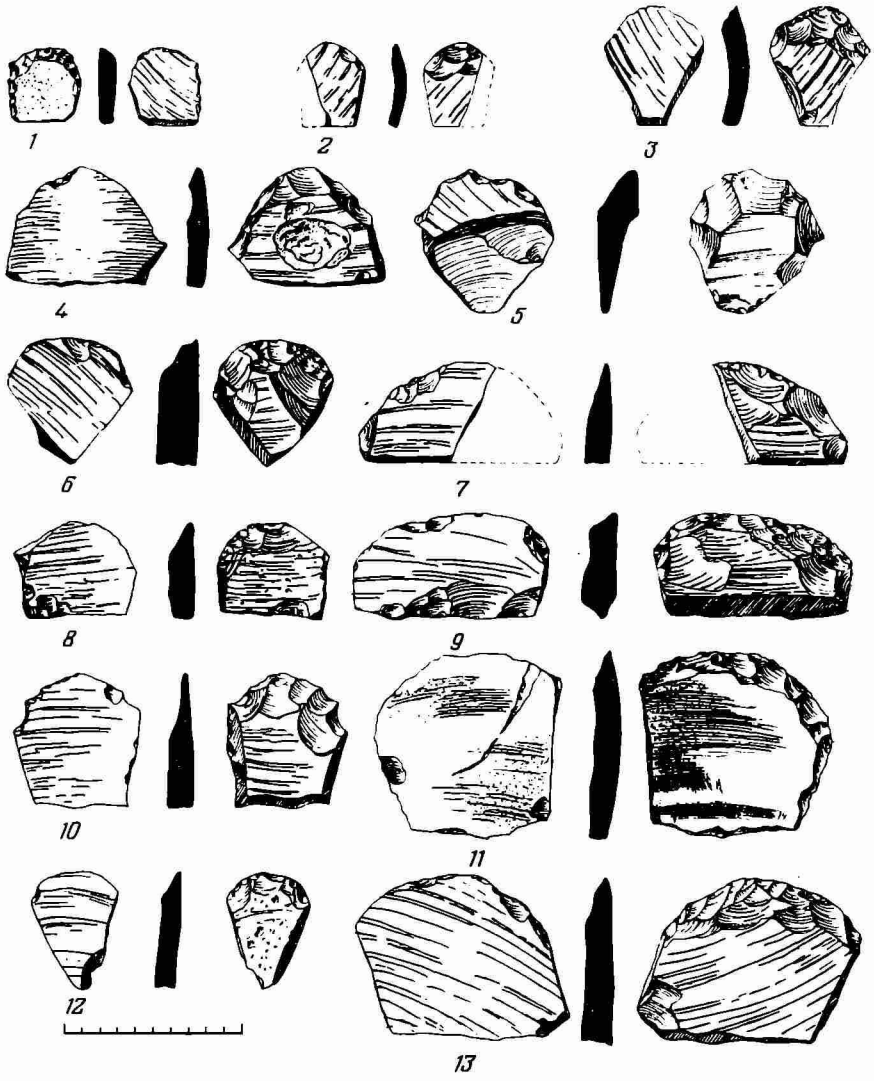


Рис. 1. Керамические скребки с односторонней обработкой рабочего края

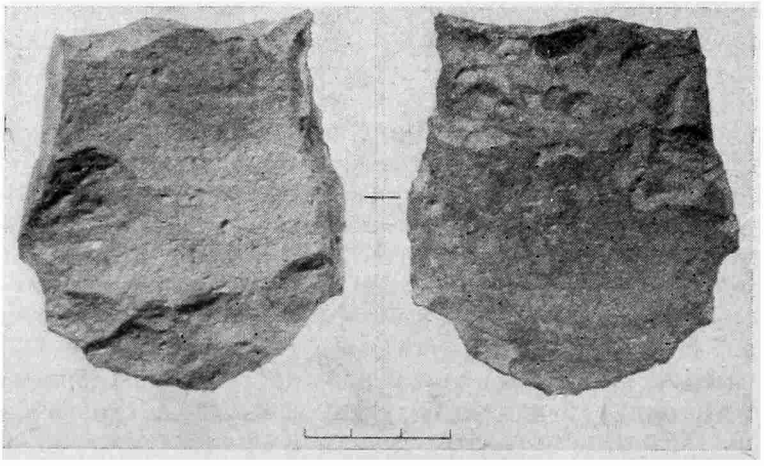


Рис. 2. Керамический скребок с односторонней обработкой рабочего края (рис. 1, *10*)

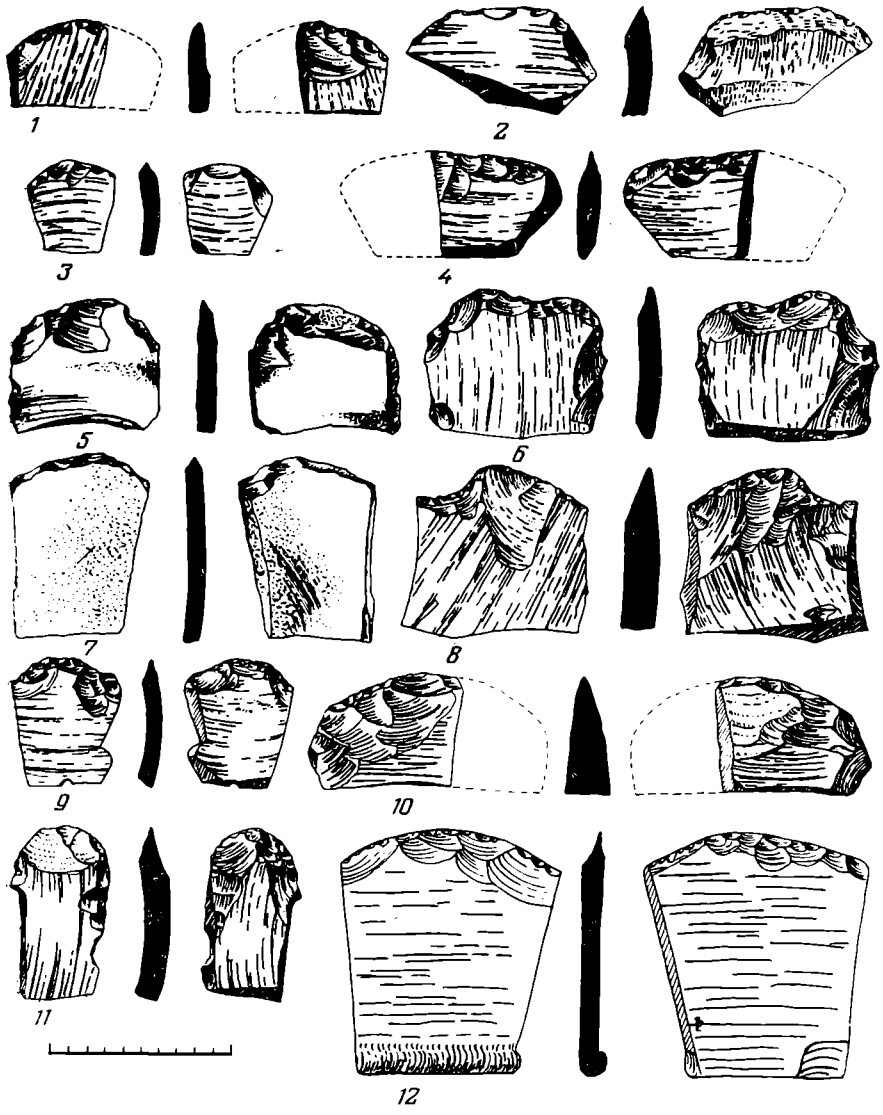


Рис. 3. Керамические скребки с двусторонней обработкой рабочего края (*12* — лопатка)

ка способствовал тому, что при образовании рабочего края орудия режущий край, не нуждающийся в дополнительной подправке, получался ближе к наружной поверхности черепка. Лишь в одном случае образующие лезвие сколы нанесены только с внешней стороны черепка, но с внутренней стороны лезвие оформлено обломом по ленте. Скребки этой группы аналогичны по форме скребкам предыдущей группы. Лезвие рабочего края острое.

Помимо скребков с односторонней и двусторонней обработкой рабочего края имеется еще 8 экз., которые затруднительно отнести к той или иной группе. Их рабочий край оформлен крупными крутыми краевыми сколами с внутренней стороны, но небольшие сколы имеются и с наружной.

3. Скребки с двумя двустороннеобработанными рабочими краями (2 экз.— рис. 4, *1*, *2*; 6). Оба рабочих края каждого скребка оформлены крупными краевыми сколами с двух сторон, причем с наружной стороны сколов больше, чем с внутренней. Форма рабочего края: у одного орудия оба лезвия округлые, у другого верхнее, более широкое лезвие — прямое, нижнее — вогнутое, возможно,

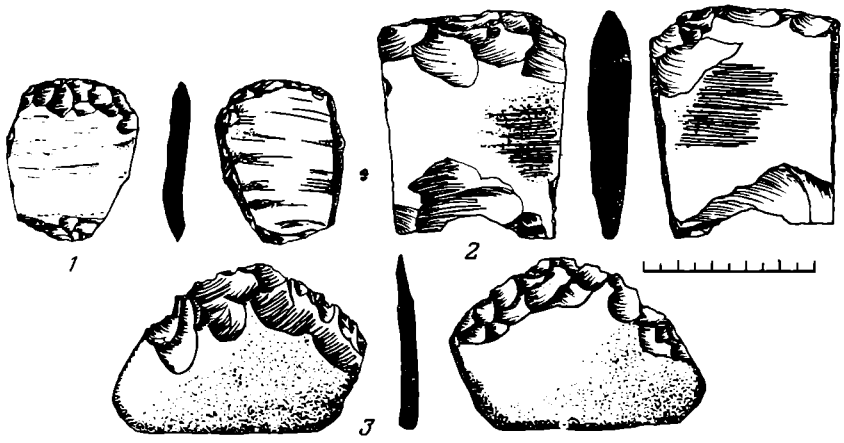


Рис. 4. Керамические скребки: *1* — заготовка, *2* — керамическая лопатка для уборки мусора, *3* — скребок из керамической плитки

употреблявшееся в качестве скобеля. Боковые стороны скребка сильно сглажены.

Уникальным керамическим орудием является скребок (рис. 4, *3*; 5), который не входит ни в одну из перечисленных групп, так как сделан не из фрагмента керамики, а из специальной глиняной плитки подпрямоугольной формы с длиной основания 11 *см*, толщиной 0,8 *см*. На одной плоскости сохранились следы пальцев, которыми разминали сырую глину. Половина плитки оформлена крупными краевыми сколами с двух сторон, которые образовали очень острое лезвие полукруглой формы. Все грани скребка сильно заглажены.

Терочник. Найден один экземпляр, сделанный из ручки сосуда. Обломок ручки с небольшим фрагментом стенки сосуда является рабочей частью. На ней отчетливо прослеживаются следы работы в виде параллельных линий.

Аналогий охарактеризованной выше категории орудий в Средней Азии пока не имеется; поэтому их можно сравнивать только с аналогичными по методу изготовления и назначению орудиями из камня и кремня[4].

На основании определений первых находок керамических орудий по следам сработанных и по аналогии с кремневыми орудиями, употреблявшимися для обработки шкур и кож, рассматриваемую серию скребков можно разделить на инструменты для первичной и вторичной обработки кож.

На основании изучения кремневых неолитических скребков и зная, что материал для обработки (т. е. шкуры и кожи) остался без изменения, можно сделать вывод о том, что керамические скребки эпохи бронзы с односторонней обработкой рабочего края (первая группа) предназначались, по всей вероятности, для вторичной обработки шкур, т. е. для мягчения и выглаживания кож; заглаженность лезвий некоторых орудий этой серии хорошо видна и невооруженным глазом. Вторая группа — скребки с двусторонней обработкой одного рабочего края предназначались для первичной обработки шкур, т. е. для очистки шкур от мездры, сала, сухожилий. Третья группа скребков с двумя двустороннеобработанными рабочими краями ближе всего к скребкам второй группы, отличаясь от них величиной и количеством лезвий.

Данные трасологического исследования[5]: все без исключения керамические скребки, о которых речь шла выше, являются орудиями для

[4] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА № 158, 1969.

[5] Трасологическое исследование всей серии керамических орудий было проведено в Лаборатории первобытной технологии ЛОИА АН СССР Г. Ф. Коробковой.

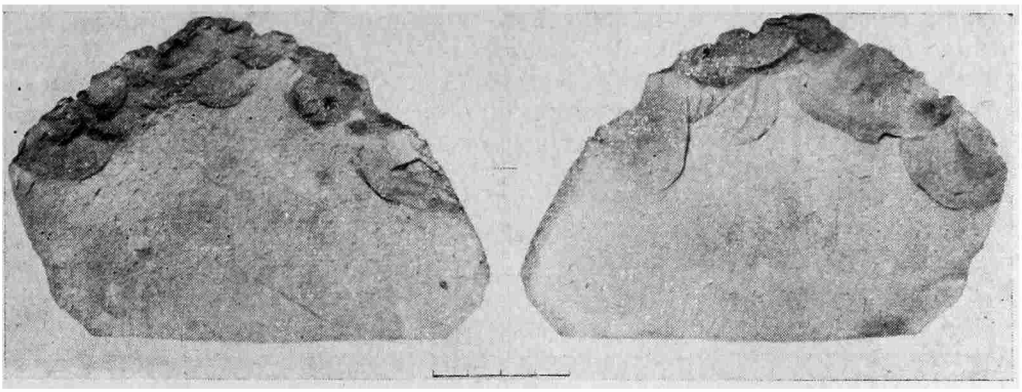


Рис. 5. Скребок из керамической плитки

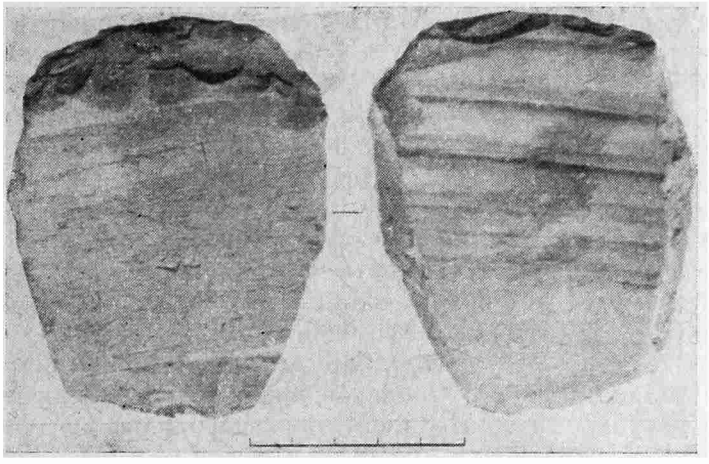


Рис. 6. Керамический скребок с двумя двустороннеобработанными рабочими краями (заготовка)

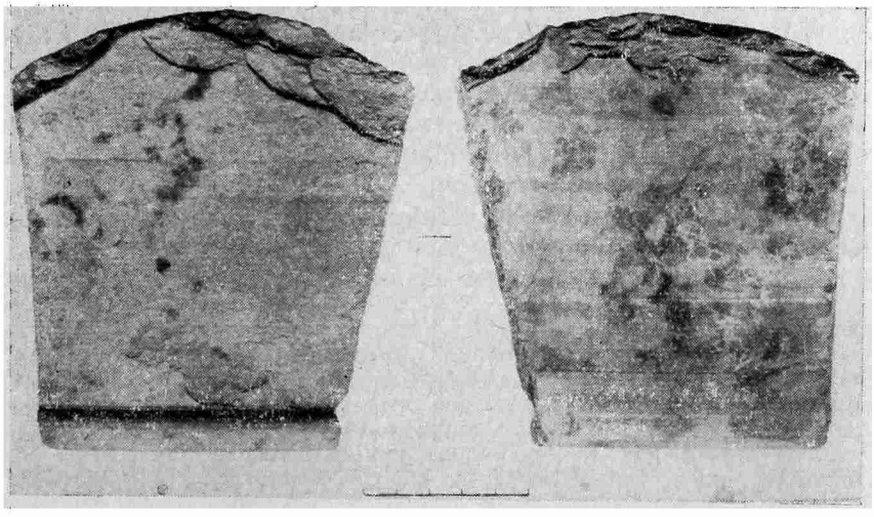


Рис. 7. Керамическая лопатка для уборки мусора (рис. 3, *12*)

обработки шкур. Большое количество орудий объясняется тем, что они быстро тупятся. Скребок эффективен в работе 15—20 *мин*, после чего его надо подправлять или выбрасывать.

Из 45 скребков два являются заготовками, у них нет следов сработанности (рис. 1, *10*; 4, *1*; 6); два самых крупных орудия являются не скребками, а лопатками для уборки мусора, золы и т. п. (рис. 3, *12*; 4, *2*; 7).

В. В. БОБРОВ

О БРОНЗОВОЙ ПОЯСНОЙ ПЛАСТИНЕ ИЗ ТАГАРСКОГО КУРГАНА

Летом 1972 г. Кузбасская археологическая экспедиция проводила раскопки тагарской курганной группы на оз. Утинка в Тисульском р-не Кемеровской обл. В насыпи кургана 5, видимо, в том месте, где был грабительский лаз в могилу, найден большой, хорошо сохранившийся кусок шерстяной ткани, на котором лежала часть кожаного ремня с прикрепленной к нему бронзовой прямоугольной ажурной пластиной [1]. Эти находки были покрыты остатками шкуры жеребенка. Находка этих частей одежды позволяет предполагать, что могила ограблена в древности, когда они окончательно не истлели. Еще одна любопытная деталь: под ремнем на ткани зафиксированы две параллельные, обращенные друг к другу складки (рис. 1). Такие складки обычно образуются при подпоясывании рубах широкого покроя. О том, что тагарцы носили тканые рубахи, имеются косвенные данные; более достоверные данные об одежде такого покроя известны в памятниках скифского времени Горного Алтая [2].

Найденная с остатками одежды пластина (длина 14, ширина 6,5 *см*) имеет прямоугольную форму. Основное изображение заключено в рамку, украшенную углублениями. На пластине изображены две фигурки яков, туловище которых показано в профиль, а морда — в фас. Головы животных опущены. Рога широко расставлены, к ним плотно прижаты уши. Глаза не отмечены, ноздри переданы маленькими ямками. Изображены четыре ноги животного с копытами треугольной формы. На спину закинут хвост, который оканчивается кисточкой каплевидной формы. Точно таким же приемом — рельефом и углублением каплевидной формы — изображена свисающая шерсть. Морды яков соединены перемычкой. Над рогами животных изображены листья дерева. Центральное положение этих листьев в композиции заставляет видеть в них значимый элемент. На прямоугольных пластинах со сценами борьбы куланов или тигров с драконом листья, обрамляющие изображение, несут декоративную нагрузку [3].

Бляха еще в древности была сломана. Обе части скреплены ремешком вверху, над головами животных, и внизу, у их передних ног. Бедра животных соединены с рамкой узкими перемычками, которые расположе-

[1] Случайные находки прямоугольных блях с противостоящими фигурками яков известны на территории распространения тагарской культуры — 14 в Минусинской котловине и 1 в Кемеровской обл.— см. *Дэвлет М. А.* О поясных прямоугольных ажурных пластинах с изображением животных из Центральной Азии и Сибири.— В сб.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 56; *ее же.* О происхождении минусинских ажурных поясных пластин.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 224.

[2] *Мартынов А. И.* Об одежде людей тагарской культуры.— В сб.: Вопросы археологии Сибири, вып. 38. Новосибирск, 1972, с. 43, 45; *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, с. 204.

[3] *Артамонов М. И.* Композиция с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве.— СА, 1971, № 1, рис. 3; *Дэвлет М. А.* О происхождении..., рис. 3, *2, 5, 7, 8*; *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах.— СА, 1971, № 1, рис. 2.

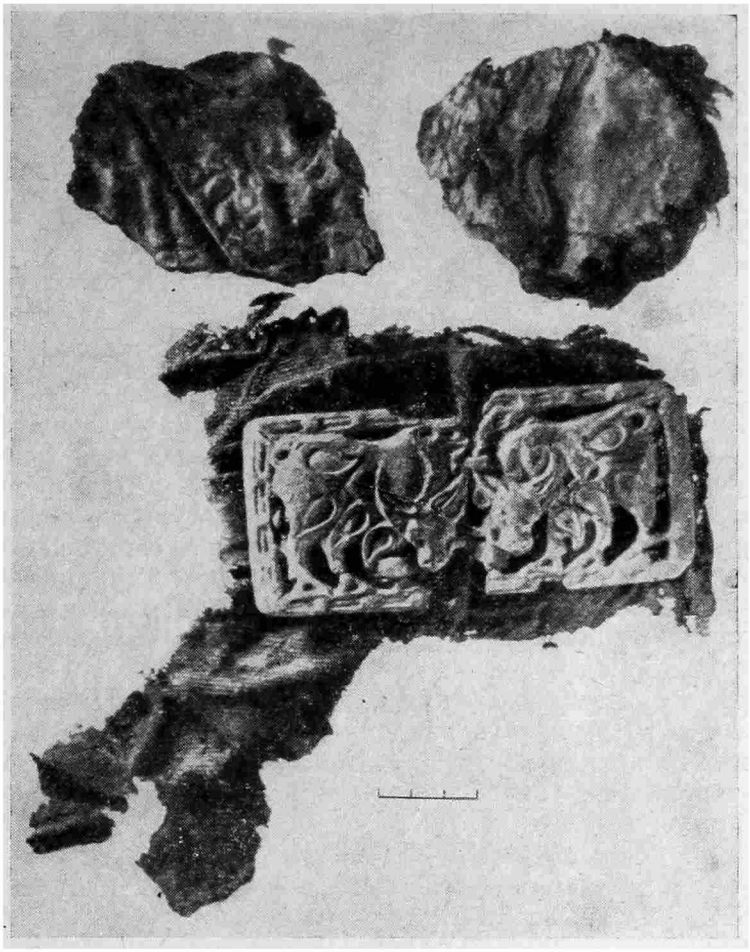


Рис. 1. Поясная пластина, ремень, фрагменты одежды и шкуры из кургана 5 на оз. Утинка

ны по продольной оси пластины и служат для прикрепления к ремню. На ремне в месте прикрепления пластины имелись два отверстия. В них продевался конец узкого ремешка таким образом, чтобы он обвивал перемычку. На обратной стороне ремня-основы делался узел, затем свободный конец ремешка продевался в другую пару отверстий и аналогичным образом связывал ремень со второй перемычкой (рис. 2). Очевидно, так же крепились и другие пластины, поскольку специальных приспособлений в виде петелек или скобок у них нет. Способ крепления за прорези, имеющиеся в ажурном узоре рисунка, предполагает А. В. Давыдова [4].

Описываемая бронзовая пластина из Утинского могильника для лесостепного района распространения тагарской культуры является импортной. Анализ металла, произведенный в лаборатории ЛОИА С. С. Миняевым, показал, что изделие происходит из Минусинского горно-металлургического центра [5]. В связи с этим интересен вопрос о датировке появления и бытования прямоугольных бронзовых пластин. Необходимо отметить, что подобный предмет впервые найден в погребальных памятниках, хронология которых хорошо разработана.

Под насыпью обнаружены четыре могилы, представляющие собой прямоугольные в плане небольшие ямы (в среднем 4×4 *м*) с бревенчатым покрытием в один или два наката. К сожалению, могилы сильно разграблены. Бронзовый инвентарь представлен уменьшенных форм чеканами,

[4] *Давыдова А. В.* Ук. соч., с. 101.

[5] Приношу благодарность С. С. Миняеву за оказанную помощь.

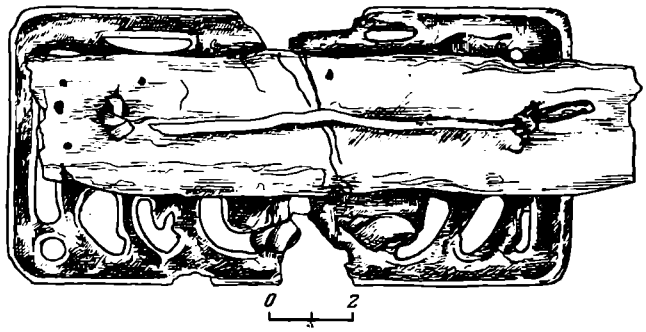


Рис. 2. Крепление пластины к ремню

петельчатыми «зеркалами», выпуклыми бляшками, круглообушными, однодырчатыми ножами, одним ножом с навершием в виде фигурки кабана, проколкой с кольцевым навершием. Посуда баночной формы небольших размеров. Лишь в одной могиле найдены сосуды на поддоне. Конструкция кургана, могил, инвентарь типичны для сарагашенского этапа тагарской культуры — VI—III вв. до н. э. (по классификации М. П. Грязнова) [6]. Необычно для могильников этого времени в лесостепном районе тагарской культуры наличие сосудов на поддоне. Они появляются, как показывают материалы раскопок А. И. Мартынова, в III в. до н. э. [7] Вполне возможно датировать курган рубежом IV—III вв. до н. э.

Таким образом, датировка найденной в могильнике бронзовой ажурной пластины подтверждает предварительную датировку предметов такого рода на территории Южной Сибири на основе стилистического анализа III—I вв. до н. э. [8]

---

[6] *Грязнов М. П.* Тагарская культура. История Сибири, т. I. Л., 1968, с. 187.

[7] *Мартынов А. И.* История лесостепных тагарских племен в VI—I вв. до н. э. Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1975, с. 27, 28.

[8] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 272; *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973, с. 167.

И. И. ЗАЕЦ

КУРГАННЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ТЮТЬКИ ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 1972 г. у с. Тютьки Винницкой обл., в 6 *км* от Винницы, на левом берегу Южного Буга, автором было выявлено несколько небольших курганов-могильников высотой от современной поверхности до 0,5—1 *м*, диаметр 6—20 *м*. Весной 1973 г. один из этих курганов был частично разрушен, после чего экспедицией Винницкого краеведческого музея были проведены охранные раскопки.

На месте частично разрушенного **кургана 1** (диаметр 12 *м*, высота 1 *м* от современной поверхности, насыпь из супеси) была выявлена подпрямоугольная яма длиной 2,25, шириной 1,65, глубиной 0,5 *м* (рис. 1, *1*). Яма на всю глубину со всех сторон была обложена деревянными округлыми в сечении бревнами. На дне ямы (каких-либо следов деревянного настила не обнаружено) лежали разбросанные кости мужского скелета, по-видимому, первоначально ориентированного головой на север. Вокруг погребенного найдено 13 полностью сохранившихся сосудов (рис. 1, *2—14*). Из числа этих сосудов выделяются два остродонных черпака (рис. 1, *2,3*), один из них чернолощеный (рис. 1, *2*), с поясом резного орнамента из треугольников, направленных вершинами вверх и вниз, заштрихованных

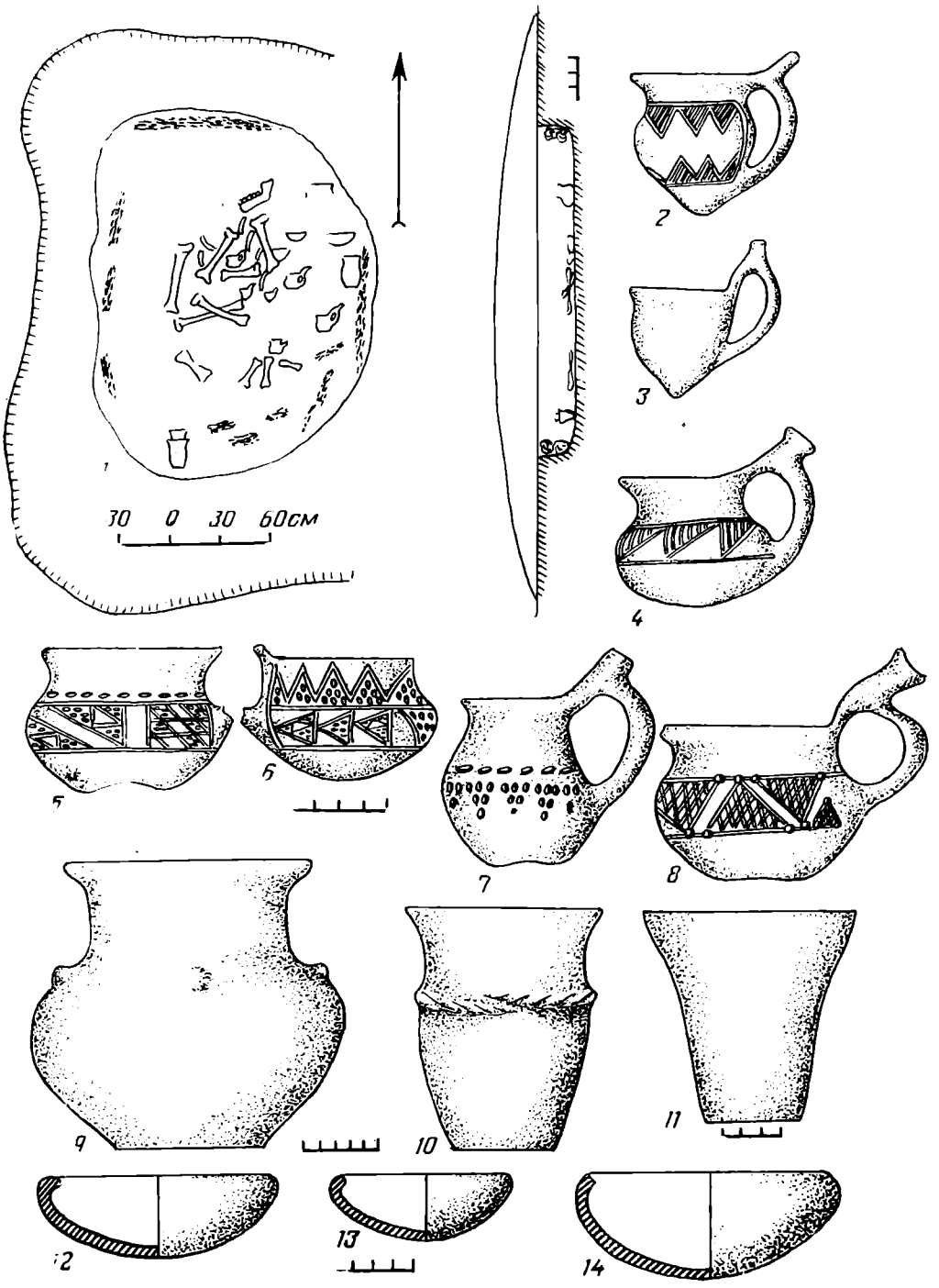


Рис. 1. Курган 1. План (*1*) и инвентарь погребения

параллельно одной из сторон; орнамент заполнен белой пастой; второй сосуд меньшего размера чернолощеный, неорнаментированный (рис. 1, *3*).

Один плоскодонный орнаментированный черпак (рис. 1, *4*) находился в тюльпановидном сосуде (рис. 1, *11*). Другой тюльпановидный сосуд с несомкнутым валиком на плечиках (рис. 1, *10*) стоял рядом с двумя другими черпаками (рис. 1, *5, 6*), тремя небольшими чашами (рис. 1, *12—14*) и горшком (рис. 1, *9*).

Поскольку остальные курганы постоянно разрушаются пахотой, в 1974 г. охранные раскопки были продолжены.

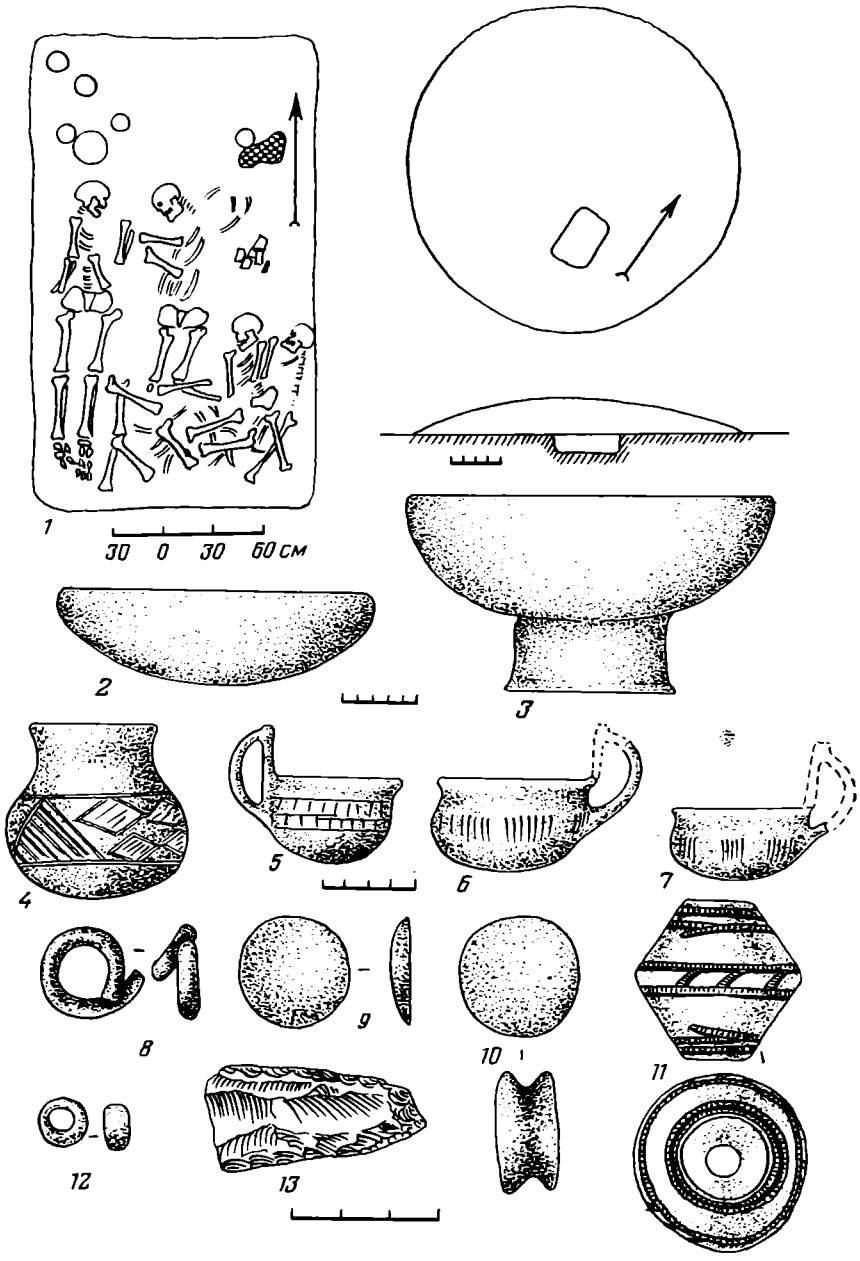


Рис. 2. Курган 2. План (*1*) и инвентарь погребения

Курган 2. Диаметр кургана 6,5, высота 0,65 *м*. Насыпь из окружающих песчаных отложений. После снятия насыпи в прямоугольной яме размером 2,85×1,6 *м*, глубиной 0,3 *м* от уровня древней поверхности, обнаружено коллективное захоронение (рис. 2, *1*). Сохранность костей всех шести погребенных, за исключением черепов, хорошая. Костяки лежали головами на север, один с вытянутыми, а остальные с согнутыми ногами. В северной части ямы у изголовья захороненных находилось шесть лепных сосудов (рис. 2, *2*—*7*) и зернотерка. В их числе три чернолощеных глубоких черпака высотой 4—6 *см* имеют S-видный профиль. Они украшены резным орнаментом из параллельных вертикальных линий, заполненных белой пастой (рис. 2, *5*—*7*). Из того же погребения происходит чернолощеный кубок (рис. 2, *4*) с поясом резного орнамента,

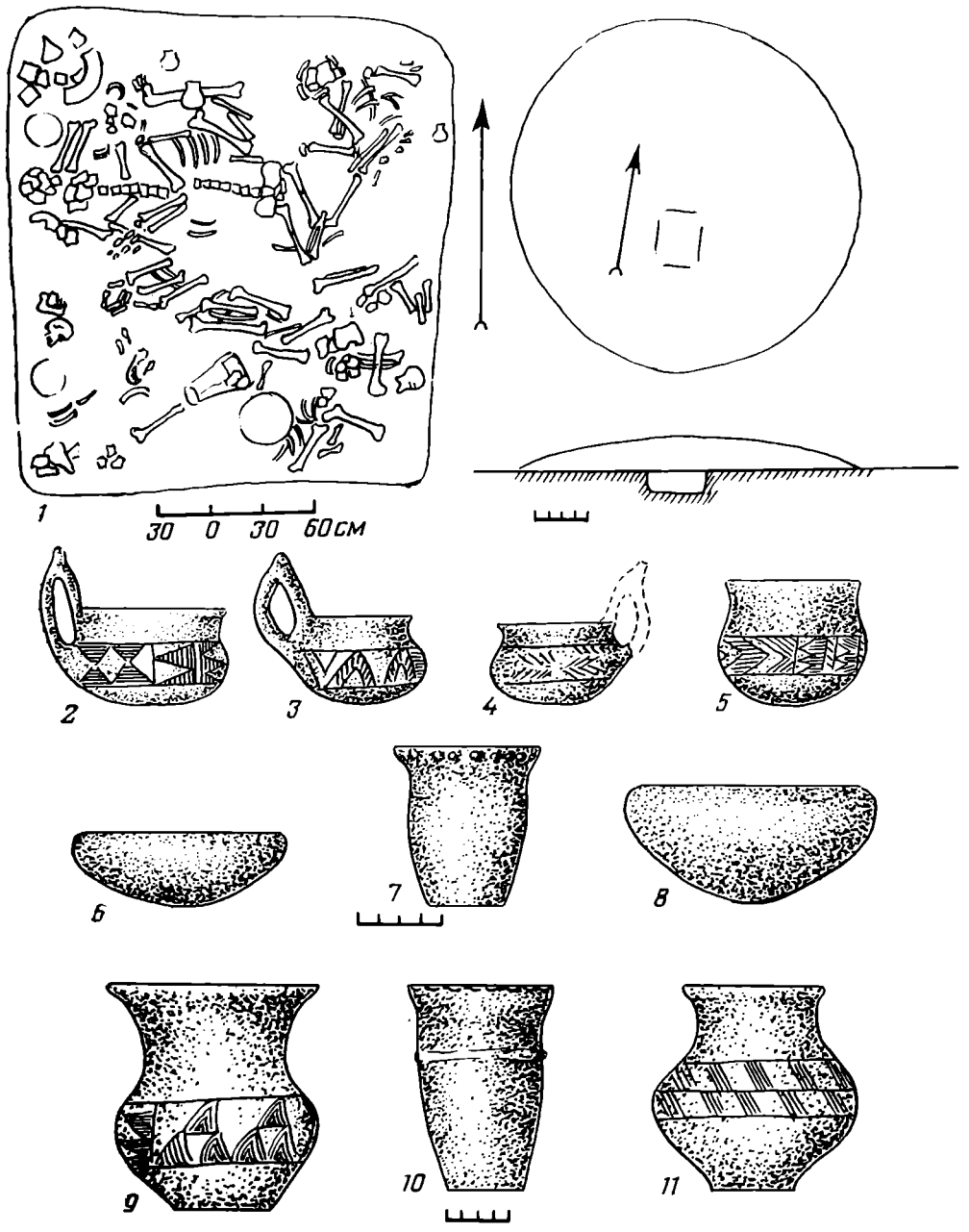


Рис. 3. Курган 3. План (*1*) и инвентарь погребения

небольшая чернолощеная чаша (рис. 2, *2*) и чаша на поддоне — коричневая, лощеная, высотой 15 *см* (рис. 2, *3*).

В том же погребении найдено биконическое глиняное пряслице (рис. 2, *11*), глиняная катушка (рис. 2, *10*), бронзовое кольцо (рис. 2, *8*), бронзовая сферическая бляшка (рис. 2, *9*), костяная бусина (рис. 2, *12*) и кремневое изделие (рис. 2, *13*).

Курган 3. Диаметр 7, высота 0,55 *м*. Состав насыпи аналогичен предыдущим курганам. Под насыпью, к югу от центральной части кургана, в почти квадратной яме размером 2,7×2,4 *м*, выкопанной от уровня древней поверхности материка на глубину 0,25 *м*, лежали восемь скелетов (рис. 3, *1*). Только один скелет сохранился in situ, остальные сильно разрушены, и их первоначальное положение не ясно. Можно предположить, что все они также были ориентированы на запад.

Инвентарь погребения состоял из 10 лепных сосудов. В их числе два тюльпановидных сосуда высотой 15 и 21 *см*, светло-коричневого цвета с жемчужным орнаментом по венчику (рис. 3, *7, 10*). Один из горшков на плечиках украшен небольшим валиком (рис. 3, *10*).

В кургане обнаружены две небольшие чаши высотой 6 *см*, черного (рис. 3, *6*) и бурого (рис. 3, *8*) цвета, с хорошо заглаженной поверхностью. Три чернолощеных черпака, находившиеся в погребении, украшены углубленным резным орнаментом из треугольников, ромбов, прямых и вертикальных линий, заполненных белой пастой, которые в целом образуют единый пояс. Высота черпаков 3,5—5,5 *см* (рис. 3, *2—4*). Кроме того, найден миниатюрный кубок, по форме близкий к черпакам (рис. 3, *5*).

Представляют интерес два больших сосуда, сопровождавших погребенных. Один из них с выпуклым туловом и слегка отогнутым венчиком (рис. 3, *11*), другой с низким выпуклым туловом, высоким венчиком, сильно отогнутым наружу, и широким горлом (рис. 3, *9*). Оба они орнаментированы поясом из геометрических фигур, залитых белой пастой.

Значение открытых курганов заключается в том, что они находятся в пределах Подольской локальной группы памятников скифского времени. Аналогии остродонным сосудам кургана 1 из Тютек (рис. 1, *2, 3*) пока известны только на Григоровском городище [1].

В то же время эти курганы по характеру инвентаря погребений принадлежат к среднеднепровской (тясминской) локальной группе в ее жаботинском варианте [2].

Определяющим возраст этих курганов является тюльпановидный сосуд с несомкнутым валиком у шейки (рис. 1, *10*). Сосуды этой формы и орнаментом бытуют в основном до VI в. до н. э. Поэтому по совокупности всех данных курганный комплекс у с. Тютьки Винницкой обл. может датироваться, вероятно, VII в. до н. э.

---

[1] *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии 1952—1953 гг.— КСИИМК, № 59, 1955, с. 103, рис. 40, *1*.

[2] *Ильинская В. А.* Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин.— СА, 1973, № 3, с. 3—23; *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин.— СА, 1973, № 4, с. 169—188.

Б. А. РАЕВ

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА У ХУТОРА АРПАЧИН

Раскопки Манычского отряда Нижне-Донской экспедиции Института археологии АН СССР (начальник отряда Р. Ф. Воронина*) в 1973—1974 гг. курганов у хут. Арпачин на Нижнем Дону выявили серию сарматских комплексов первых веков нашей эры. Некоторые сарматские погребения Арпачинских курганов относятся к более раннему времени, и наиболее интересным из них является погр. 10 из кург. 40.

Могильная яма была впущена в насыпь кургана и границы ее заполнения проследить не удалось. Погребенный лежал на спине, головой на север. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, причем кисть расположена под подбородком. Вдоль правого бока погребенного лежал острием к стопе железный меч (рис. 1, *1*). Длина меча 86 *см*, ширина у основания клинка 5 *см*. Штырь рукояти откован из одного куска железа с клинком. В сечении он квадратный, у пяты клинка —

---

* Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Р. Ф. Воронипой предоставившей возможность опубликовать материалы Арпачинских курганов.

овальный. Рукоять завершается костяным цилиндрическим навершием. Лезвия меча слегка вогнуты в верхней и средней части (см. на рисунке линию лезвия относительно прямой, параллельной оси симметрии клинка), расширение, находящееся на $^2/_3$ длины клинка, с одной стороны значительно сточено, в сечении клинок линзовидный.

На теменной кости черепа находилась фибула с обвитой тетивой (рис. 1, *2*). У правого плеча на бараньей (?) лопатке лежал железный нож с горбатой спинкой (рис. 1, *3*). За черепом погребенного были найдены: железная пластинка с двумя штырями-заклепками (рис. 1, *4*) и обломки глиняного сосуда.

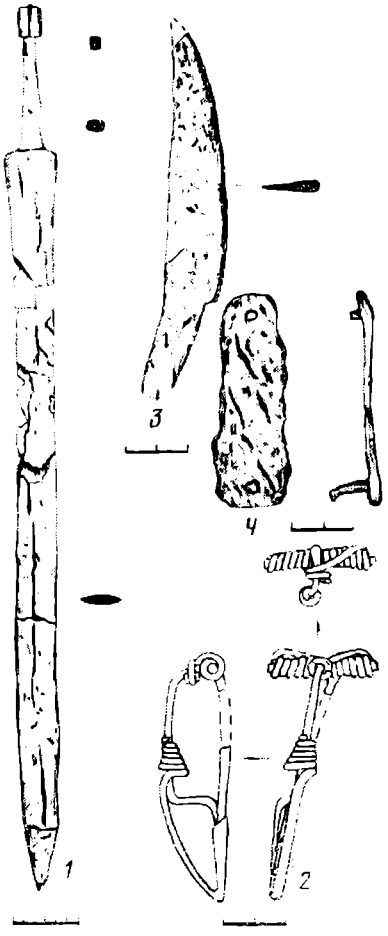


Рис. 1. Инвентарь сарматского погребения у хут. Арпачин. *1* — меч, *2* — фибула, *3* — нож, *4* — пластинка (*1, 3, 4* — железо, *2* — бронза)

Обнаруженная в погребении фибула относится к группе гладких проволочных фибул среднелатенской схемы, которые были выделены А. К. Амброзом в особый, «неапольский», вариант по их наиболее частым находкам в погребениях Неаполя Скифского[1]. Последние достаточно твердо датируются I в. до н. э., а ящик VII некрополя, в котором была найдена наиболее близкая аналогия нашей фибуле (с обмоткой тетивы вокруг спинки),— началом I в. до н. э.[2] Находки аналогичных фибул в некрополях Боспора и Танаиса[3] позволяют говорить о их распространении у сарматов Нижнего Дона через Танаис. В сарматских погребениях эти фибулы привозные. Характерно необычное использование фибулы. Судя по положению в погребении (на теменной кости), она употреблялась для заколки волос.

«Неапольский» вариант фибул является, по всей вероятности, переработанным и упрощенным крымскими мастерами вариантом фибул со скрепами на спинках, широко распространенным в памятниках зарубинецкой культуры[4]. Скорее всего импортом зарубинецких фибул можно объяснить находки экземпляров со скрепами на спинках в Подонье[5] и Поволжье[6]. Вывод о производстве таких фибул племенами Нижнего Подонья, базирующийся на двух беспаспортных находках, хранящихся в Новочеркасском музее[7], представляется необоснованным. Установление в конце II — начале I в. до н. э. в Среднем Поднепровье зоны контактов

---

[1] *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966, с. 22.

[2] *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского.— МИА, № 96, 1961, с. 178, рис. 17, *15*.

[3] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 22; *его же.* Фибулы из раскопок Танаиса.— В сб.: Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969, с. 249.

[4] *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 19 сл.

[5] *Амброз А. К.* Фибулы из раскопок..., с. 250.

[6] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 433, рис. 41, *1*.

[7] *Амброз А. К.* Фибулы из раскопок..., с. 250.

сарматских и зарубинецких племен [8] сделало вполне вероятным распространение зарубинецких вещей в сарматской среде.

Не меньший интерес с точки зрения влияния культур среднего и позднего латена на сарматские племена представляет и найденный в погребении длинный меч.

Исследуя длинные сарматские мечи без металлического навершия, А. М. Хазанов проследил генезис их поздних форм от мечей, встречающихся, правда, в единичных экземплярах, еще в савроматское время [9]. Однако по форме клинка и навершия точных аналогий рассматриваемому экземпляру из Арпачина в сарматских памятниках нет. С другой стороны, на рубеже нашей эры в Крыму и Прикубанье мы имеем находки длинных мечей если не привозных, то подражающих западным типам мечей периода среднего и позднего латена [10]. Влияние кельтского оружия на формы сарматских мечей было отмечено и в удаленных от Северного Причерноморья районах [11]. По всей вероятности, оно отразилось и в форме нашего меча. Учитывая тип найденной в погребении фибулы, в данном случае можно говорить не о прямых контактах сарматских племен с Западным Поднепровьем, а о распространении влияния культур этого района через Крым и города Боспорского царства. Нельзя, однако, исключать и прямые контакты, если принять во внимание уже упоминавшиеся фибулы из Подонья и меч из «Острого» кургана с характерным для кельтских мечей перекрестием [12].

Для меча из Арпачинского кургана наиболее приемлемой датой представляется первая половина I в. до н. э. Это не противоречит датировкам восточноевропейских мечей с выраженным западным влиянием и датировке фибулы из этого комплекса.

Предложенная датировка позволяет говорить о появлении единичных погребений с северной ориентировкой в Нижнем Подонье уже в начале I в. до н. э.

---

[8] *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСб.ГЭ, № 13, 1971, с. 30.

[9] *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 17 сл.

[10] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 114; *Хазанов А. М.* Ук. соч., табл. XIII, *4*.

[11] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1-10. М., 1963, с. 34, 35.

[12] *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 21.

Н. А. ОНАЙКО

К ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЗОЛОТЫХ ОТТИСКОВ

Сравнивая рельефы золотых обивок горитов типа чертомлыцкой, мы уже обращали внимание на то, что среди них только мелитопольская, оттиснутая одной из первых, дает более или менее правильное представление о первоначальном художественном выражении рельефа штампа. На всех остальных обивках благодаря последующим на них доработкам, а также подчисткам и обновлениям штампа первоначальный облик рельефа уже сильно искажен [1]. То же можно сказать и о более мелких изделиях боспорских торевтов, о различного рода золотых штампованных бляшках и пластинах.

Дальнейшие наблюдения приводят нас к мысли, что и первые, даже самые высококачественные золотые оттиски, как правило, не отражают всей полноты художественного достоинства того или иного произведения, воплощенного в материале его модели. Для доказательства этого положения следовало бы сравнить те или иные золотые рельефы с их моделями. Но мы никогда не сможем этого сделать, поскольку последние чаще всего были, по-видимому, восковыми и навсегда утрачены при отливке с них бронзовых штампов. Что касается штампов, то в настоящее время известен только один тиритакский штамп с сюжетным изображением, и то уже потерявший свой первоначальный облик. Поэтому пока остается только одна возможность — сравнивать рельефы со слепками с них. Нам такая возможность представилась благодаря тому, что Г. Кизерицкий, изучавший в свое время куль-обские подвески, опубликовал гипсовые слепки с их медальонов [2].

В рельефах этих медальонов, как известно, воспроизведена в трехчетвертном повороте голова Афины Парфенос хрисоэлефантинной статуи Фидия (рис. 1). Голова богини на правой подвеске обращена вправо, на левой — влево. Для сравнения медальонов со слепками с них (рис. 2) обратим внимание на лицо Афины, так как в слепках лучше всего читается именно эта часть изображений и она почти не подверглась последующей доработке после штамповки.

Итак, нетрудно заметить, что гипсовые изображения Афины, представленные в несколько распластанном трехчетверном повороте головы, очень хорошо передают фактуру камня (даже с учетом полихромной раскраски, обычной для античной скульптуры) и тем самым значительно ближе, чем золотые рельефы, стоят как к оригиналу произведения, в котором лицо богини было выполнено из слоновой кости, так и к его восковой модели. Гипсовые изображения напоминают нам в известной мере теплый колорит мраморных статуй классического периода. Они отличаются удивительной ясностью и чистотою форм, мягкими переходами светотени.

Те же изображения, оттиснутые в золотых рельефах куль-обских медальонов, несмотря на высокое мастерство их исполнения, выглядят не только более грубыми, но и, как ни странно, показывают более близкие, чем в слепках, трехчетвертному повороту изображения лиц Афины и даже иные пластические их формы. Так, овал лица богини на правом медальоне кажется намного длиннее, чем в слепке, на левом — более плоским и широким, приближающимся к монголоидному типу. Глаза Афины на

---

[1] *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ, Д1-27, М., 1970, с. 26; *ее же.* Заметки о технике боспорской торевтики. СА, 1974, № 3, с. 78.

[2] *Kieseritzky G.* Athena Parthenos der Ermitage.— AM, V111, 1883, p. 291, Taf. XV, *1, 2*; см. *Онайко Н. А.* Тезисы докладов на XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван, 1976, с. 314.

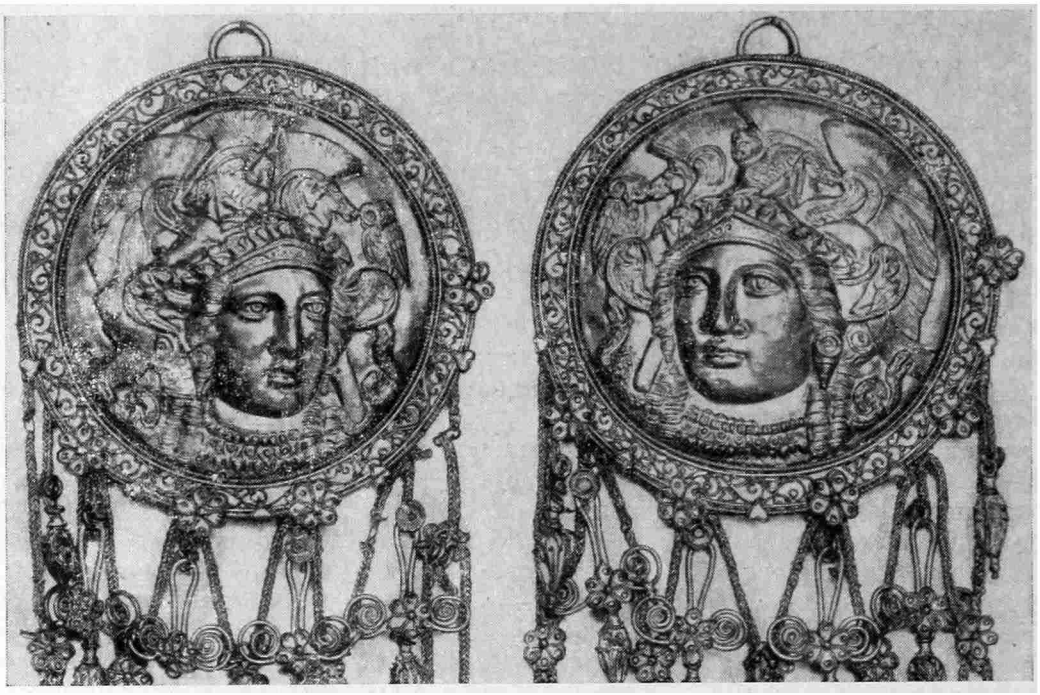


Рис. 1. Куль-обские подвески

Рис. 2. Гипсовые слепки с медальонов куль-обских подвесок

правом медальоне кажутся выпученными. Левый глаз имеет более близкий к трехчетвертному сокращению ракурс, хотя зрачок передан в фас. В ракурсных сокращениях лица Афины на левом медальоне и на соответствующем ему слепке особенно большой разницы нет.

Проведенные сравнения показывают такую существенную разницу, что можно было бы говорить в известной мере о различных пластических типах богини, хотя знаем, что этого не должно быть, ибо перед нами одни и те же изображения и в медальонах, и в слепках с этих медальонов. Чем же объяснить эту разницу, в чем секрет метаморфозы, происшедшей в золотых оттисках? Причиной такого внешнего различия является, как нам представляется, свойство их материала — золота. Причем, каково бы ни было умение мастера использовать художественные возможности золота, на результате его работы, особенно с применением поли-

ровки, всегда будет сказываться природное свойство этого металла — блеск [3]. Именно он, способствуя появлению на поверхности изображения резких контрастов света и тени, создает прямо-таки фальшивое впечатление о первоначальных пластических формах модели и штампа, которые на фотографиях золотого оттиска могут к тому же видоизменяться в результате различного их освещения [4].

Единственным достоинством изображения Афины на медальоне правой подвески является кажущееся более правильным, чем в слепке, трехчетвертное сокращение головы богини. В остальном же изображения на золотых медальонах обеих подвесок, конечно, проигрывают по сравнению с их слепками, которые лучше всего характеризуют модели этих произведений и бронзовые штампы с них [5]. В золотых рельефах меньше чувствуется и монументальность оригинала произведения. Сияющая поверхность золотого рельефа служит больше украшательским, декоративным целям, а в древности, безусловно, имела большое значение для усиления устрашающих и магических свойств изображений [6]. Это способствовало широкому использованию боспорскими торевтами золотого листа как основного технического средства для производства художественных оттисков. Интересно отметить, что в распространенной в классическое время технике изготовления культовых статуй из неоднородного материала (акролитная, хрисоэлефантинная) позолоченное дерево или чеканное золото использовалось главным образом для изображения одежды, волос и атрибутов. Обнаженные части тела статуй выполнялись в основном из камня (чаще всего из мрамора) и слоновой кости. Это придавало изображениям более естественный вид, поскольку камень и слоновая кость обладают в различной степени более мягкими, спокойными, а иногда и очень теплыми цветовыми оттенками, чем золото.

Подобными свойствами материала как средством выражения изобразительного искусства обладает и терракота, в которой нашли воплощение многочисленные художественные образы. Поэтому и в терракотовых статуэтках, и в краснофигурных росписях, где с конца V в. до н. э. нередко применялась позолота, естественнее выглядят те изображения, в которых позолота покрывает только закрытые части тела [7].

---

[3] Как заметил Плиний, у серебра цвет еще более яркий, а электру свойственно давать при свете лампы более яркий блеск, чем у серебра — Plin., NH, XXXIII, 3, 23-ВДИ, 1946, № 3, с. 288, 292.

[4] Нельзя также судить о художественном достоинстве золотого оттиска по его фотографии в увеличенном виде. В этом отношении оттиск можно сравнить с монетами, о которых Б. В. Фармаковский писал, что «увеличенное изображение монеты не может отличаться особенною тонкостью; черты, которые на монете вполне гармоничны, на увеличенном изображении должны терять несколько в мягкости и деликатности...» *Фармаковский Б. В.* Гера Поликлета — ЗРАО, классическое отделение, т. I. СПб., 1904, с. 11 сл.

[5] Бронза тоже дает нежелательные темные пятна; поэтому нумизматы публикуют чаще всего не подлинники, а слепки с них. Однако для бронзовых форм — штампов, служивших орудием труда, это не имело большого значения. Что касается бронзовых рельефов и скульптуры, то их, конечно, можно сравнить с золотыми художественными произведениями, так как и бронза и золото, хотя и не в равной мере, но излучают блеск со своей поверхности. С другой стороны, скользящие блики светотени на поверхности бронзовой скульптуры подчеркивают чеканные формы атлетически совершенного человеческого тела, что характерно для античного искусства.

[6] Плиний полагал, что золото снискало себе славу «не благодаря своему цвету, который у серебра ярче и более походит на дневной свет, а потому и употребляется предпочтительно для военных значков, ибо его блеск виден с более дальнего расстояния...» XXXIII, 3 — ВДИ, 1946, № 3, с. 288.

[7] В Северном Причерноморье техника золочения была хорошо известна (См. *Блаватский В. Д.* О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э.— СА, XXIX—XXX, 1959, с. 52). Она применялась в рельефах таких первоклассных произведений боспорской торевтики, как чертомлыцкая, солохинская, куль-обская, воронежская вазы и ваза из Гаймановой могилы. На некоторых из них изображения варваров полностью покрыты позолотой, на других — частично, за исключением открытых частей тела. Од-

В результате всего сказанного уместно поставить вопрос об оценке золотых оттисков как художественного наследия боспорских торевтов. Но прежде попытаемся представить себе технологический процесс изготовления оттисков, что в свою очередь имеет большое значение для изучения вопроса об организации труда и специализации в боспорских эргастериях.

Начальным этапом этого процесса, как нам представляется, являлось создание модели произведения, затем изготовление с нее бронзовой формы-штампа и, наконец, сама штамповка оттисков. Последняя, но не обязательно для каждого оттиска, операция — это дополнительная его обработка соответствующими инструментами.

Создать восковую модель того или иного объемного произведения мог художник определенной квалификации, нередко, по-видимому, скульптор. Ему принадлежала основная творческая мысль как при выборе сюжета, так и в манере его изображения. Иногда сюжеты могли заказываться.

Изготовление бронзовой формы-штампа по модели — чисто механическая операция, которая могла осуществляться формовщиками литейщиками. Но нередко этим, по-видимому, занимались и сами торевты. По Плинию, греческие и римские ваятели внесли огромный вклад и в древнейшее искусство скульптуры в меди, «... но выше всех — афинян Фидий, создавший Юпитера Олимпийского, правда, из слоновой кости и золота, но он создавал изваяния и из меди. Расцвет его относится к 83 Олимпиаде...» [6].

Изготовление оттисков по готовой форме могло производиться, как нам кажется, и высококвалифицированными мастерами — создателями моделей и подмастерьями. Первые бережно и технически точно выполняли эту операцию, чувствуя художественный замысел произведения, вторые — механически, не всегда обращая внимание, скажем, на четкость изображений, на случавшиеся сдвиги золотого листа с формы и т. д.

Многое зависело также от дополнительной обработки, главным образом последующих оттисков. К ней прибегали при желании разнообразить однотипные изображения и при восстановлении слабо проявившихся изображений. Как видим, изготовление оттисков связано с рядом операций и вряд ли всегда являлось целиком авторским. В нем заложены элементы и творческого, и чисто технического, репродуктивного исполнения. Большая часть золотых бляшек в боспорской торевтике не отличается высоким мастерством последующей их обработки. Привнесенные новые нюансы в их оформление чаще значительно снижали художественное достоинство произведения, хотя в основе многих из них чувствуется рука незаурядного мастера. С другой стороны, даже такие, казалось бы, высокохудожественные произведения боспорской торевтики, как медальоны куль-обских подвесок, тоже недостаточно полно отражают мастерство создавшего их художника. Это, как мы старались показать, является уже и результатом технических особенностей золота и не зависело от уровня квалификации мастера.

Таким образом, слепки с медальонов куль-обских подвесок помогают нам более уверенно ставить вопрос о наличии на Боспоре мастеров-торевтов более высокого класса, чем об этом можно судить по золотым оттискам. В этой связи небезынтересно вспомнить, что в количественном отношении произведения собственно боспорской скульптуры меркнут перед огромной массой золотых изделий того же производства. Создается впечатление, что местные скульпторы принимали активное участие в со-

---

ним из ярких примеров является позолоченное лицо Медузы в терракотовых аппликациях саркофагов. Этим аппликациям, как и многочисленным золотым бляшкам с подобными и другими изображениями, изготовленными специально для свершения погребального обряда и выполнявшими в загробной жизни роль оберегов, вполне отвечал волшебный блеск золота.

[6] Plin., NH, XXXIV, 49 (перевод Г. А. Тароняна).

здании произведений боспорской торевтики, хотя здесь их творческие замыслы, по-видимому, не всегда находили удовлетворение. К счастью, главный потребитель этой продукции, варварская знать, ценили в ней волшебный блеск золота, придавая при этом особое значение сюжетам — апотропеям, переданным в различного рода украшениях.

Учитывая большую популярность золотых украшений у варварского населения, боспорские художники прилагали все силы для обеспечения этой выгодной для их государства статьи дохода. Варварские племена, как известно, не покупали у греков скульптуру, хотя этот вид изобразительного искусства был им знаком, о чем свидетельствуют широко известные каменные изваяния варварского изготовления. Даже такие, казалось бы, удобные и при кочевом образе жизни предметы мелкой пластики, как терракотовые статуэтки, не привлекали их внимания, хотя в них тоже воплощались различные мифологические образы, в том числе и звериные. Предпочтение отдавалось в первую очередь тому, чем можно было, с верой в магическое действие изображений, украсить себя, своего коня.

Не имея стимула для производства и сбыта варварам художественных произведений больших форм, боспорские художники вместе с тем старались идти в ногу с достижениями монументального искусства, передавая в золотых рельефах боспорской торевтики произведения поздней классики.

Изображение человека в боспорской торевтике, как и в других видах северочерноморского греческого искусства, имело большое значение для варварского окружения с его искусством звериного стиля. Обилие произведений боспорских мастеров в богатых скифских и меотских погребениях указывает на то, что в северопонтийских городах было широко налажено производство драгоценных украшений, а варварская знать в свою очередь проявляла определенный интерес к художественному творчеству работавших на них греков. Ей был близок, по-видимому, не только колоритный образ соотечественника-варвара, но и образы эллинской мифологии. Кроме Афины в боспорской торевтике получили признание такие образы эллинского искусства, как Ахилл, Деметра, Кора, Нереида, Менада, Геракл, Сатир, Сфинкс, Медуса и др. Тот факт, что варварская знать охотно приобретала украшения с изображениями героев и богов Эллады, может свидетельствовать о серьезных изменениях в идеологии и художественном восприятии северочерноморских племен в период существования у них государственных образований.

А. Г. КОПЫЛ, С. И. ТАТАРИНОВ

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ ГОРОДИЩА МАЯКИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

В 1976 г. средневековый отряд Артемовской экспедиции областного общества охраны памятников истории и культуры провел охранные работы на городище салтово-маяцкой культуры у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл.[1] (рис. 1).

В 1964—1968 гг. городище исследовалось В. К. Михеевым, в результате чего получены новые данные для изучения ремесел болгаро-аланского населения Подонья в VIII—X вв.[2]

[1] *Копыл А. Г., Драголюбов А. В., Татаринов С. И.* Работы в Донецкой области.— АО — 1976, М., 1977, с. 310.

[2] *Міхеєв В. К.* До питання про ремісниче виробництво салтівськоі культуры. Вестник ХГУ, историческая серия, Харьков, 1966, вып. 1, с. 91—97; *его же.* Клад железных изделий с селища салтовской культуры.— СА, 1968, № 2, с. 297—300; *его же.* Достижения ремесленников салтовской культуры. Харьков, 1968.

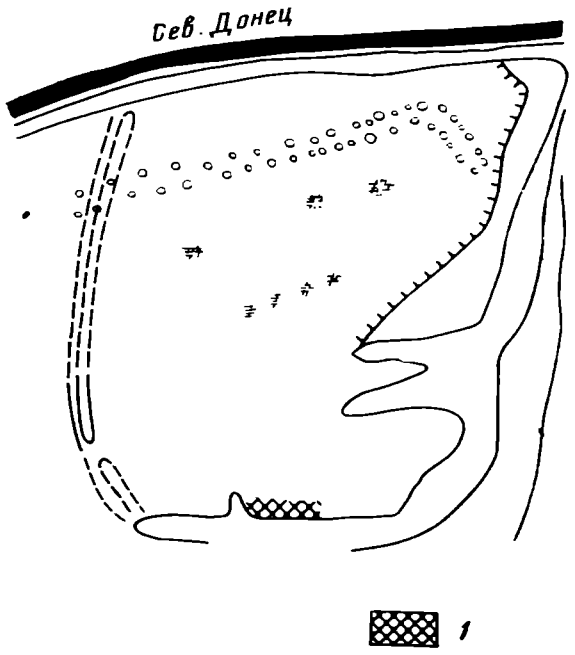


Рис. 1. Схематический план городища Маяки (по С. А. Плетневой). *1* — место могильника

В настоящее время городище начало активно разрушаться земляными работами, связанными со строительством водозаборных сооружений, в результате этих работ на южном краю городища, на склоне оврага, был открыт неизвестный ранее могильник, где на площади 290 *м*² нами изучено 27 погребений. Погребения располагались на двух уровнях (в дерне и в материковых ямах) и имели различия в погребальном обряде.

Погребения первой группы (1—11, 13, 14, 18—22) впущены были в светлый глинистый материк на глубину до 0,6—0,7 *м*. В материале четко прослеживались контуры узких ям размерами 1,9—1,1×0,4—0,2 *м*, в которые скелеты были втиснуты в вытянутом на спине положении головами на ЮЗ—ЮЗЗ с выраженным поворотом на правый бок (рис. 2, *1*).

Такое положение умерших, обращенных лицом на юг в соответствии с Кыблой, полное отсутствие погребального инвентаря (только в погр. 18 найдены медные височное колечко и перстень), а также самый характер могильных ям имеют аналогии в раннемусульманских могильниках первой половины X в. в Волжской Болгарии [3].

Открытие на территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры первого раннемусульманского могильника дает новый материал для изучения религии племен Подонья в раннее средневековье.

Погребения второй группы (12, 15—17, 23—27) были совершены в дерновом слое на глубине 0,2—0,4 *м* и характеризовались отсутствием контуров ям, свободной ориентировкой скелетов с преобладанием положения на спине вытянуто (12, 15—17, 23, 25), скорченно на правом боку, на спине с поднятыми к животу согнутыми в коленях ногами (погр. 27, рис. 3, *1*), а также следами ритуального (?) удаления правой или обеих стоп. Выделяется тройное погр. 24: у ног скелета мужчины, вытянутого на спине, лежал скелет женщины в скорченном положении

[3] *Халикова Е. А.* Билярские некрополи.— В сб.: Исследования Великого города. М., 1976, с. 113—149.

Рис. 2. Раннемусульманское погр. 5

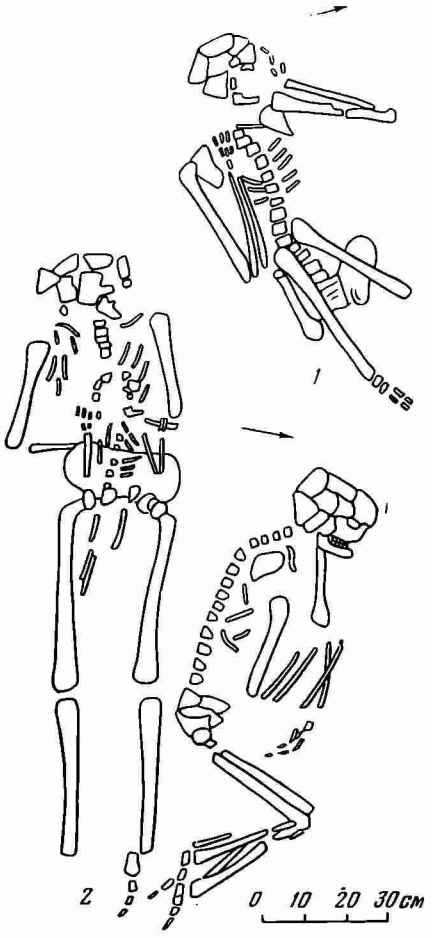


Рис. 3. Погребения верхнего слоя могильника: *1* — погр. 27; *2* — погр. 24

на левом боку (рис. 3, *2*), на груди и тазу мужского скелета обнаружен скелет ребенка, захороненного в вытянутом положении (1—2 года) [4].

В целом погребения второго хронологического горизонта производят впечатление поспешного и массового захоронения жертв каких-то чрезвычайных событий (возможно, печенежского погрома). Никаких находок на территории могильника обнаружено не было. Только на разрушенной полностью части могильника (где находились только раздробленные кости из погребений) найден большой фрагмент стенки амфоры, изготовленной из мелкоотмученной глины и обожженной до светло-оранжевого цвета. Амфора, видимо, привозная и принадлежит по составу теста (тонкозернистая плотная глина с высоким содержанием карбонатных включений) к группе, датируемой от VI до IX в. включительно [5].

На внешней стороне сосуда была прочерчена надпись типа граффити, буквы которой аналогичны буквам тюркского рунического письма [6].

---

[4] Черепа из погребений обеих хронологических групп переданы в Лабораторию палеоантропологии ИЭ АН СССР и предварительно определены В. П. Алексеевым как имеющие выраженные монголоидные черты.

[5] *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища.— В сб.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 49, 50, рис. 32.

[6] Несомненная связь надписи с орхонскими рунами побудила авторов передать ее для прочтения одному из ведущих тюркологов СССР С. Г. Кляшторному (См.: *Кляшторный С. Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки — в этом номере журнала).

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ХАЗАРСКАЯ НАДПИСЬ НА АМФОРЕ С ГОРОДИЩА МАЯКИ

Фрагмент амфоры с рунической надписью был найден при земляных работах на городище Маяки (правобережье Северского Донца) [1]; амфора относится ко времени существования поселения (VIII—IX вв.) и, скорее всего, импортирована из Крыма (рис. 1,2).

Надпись исполнена на тулове амфоры (после обжига сосуда) глубокими штрихами. Высота знаков 5—7 *мм*, знаки расположены одной горизонтальной строкой. Полностью сохранились 16 знаков, но по линии излома фрагмента видны следы еще двух. Начертания отчетливы, выполнены с профессиональным мастерством. Надпись относится к восточноевропейской разновидности древнетюркского рунического письма (ВЕР), ареал распространения которой включает территорию степной зоны Юго-Восточной Европы между Волгой (нижнее и среднее Поволжье) и долиной Дуная (в пределах Румынии, Болгарии и Венгрии) [2].

Первыми памятниками ВЕР стали надписи на золотых сосудах из клада, обнаруженного в 1799 г. близ селения Надь-Сент-Миклош в долине р. Марош. Путь к дешифровке сент-миклошских надписей был проложен датским филологом В. Томсеном, ранее успешно дешифровавшим древнетюркскую руники Центральной Азии (ЦАР) [3]. В. Томсен прочел по-тюркски одну из сент-миклошских надписей, выполненную в отличие от остальных греческими буквами, и установил, что неизвестные рунические граффити должны быть отнесены к особой разновидности древнетюркского письма, которое, несмотря на значительное сходство с ЦАР, совершенно расходится с последней по фонетической атрибуции знаков. Дешифровка сент-миклошских рунических надписей была осуществлена венгерским тюркологом Ю. Неметом [4]. Позднее академик Ю. Немет опубликовал дополнения и уточнения к своим прежним выводам [5]. Вместе с тем в Юго-Восточной Европе было обнаружено значительное число небольших надписей того же типа; опыт дешифровки некоторых находок предпринял А. М. Щербак [6]. Однако эти граффити по репертуару знаков не полностью совпадали с сент-миклошской эпиграфикой, что затруднило их адекватное прочтение и вызвало сомнения в правильности самой дешифровки. Так, А. М. Щербак, рассматривая в качестве примера различные варианты чтения и перевода надписи на одной из новочеркасских баклажек, предложенные в разное время А. Н. Бернштамом, М. Рясяненом, А. М. Щербаком, И. А. Фигуровским, Г. Ф. Турчаниновым, пишет: «Вероятнее всего, ни один из приведенных вариантов чтения не является окончательным, и все они представляют собой лишь опыты дешифровки, проверка которых будет производиться по мере выявления новых материалов» [7]. Каждый вновь найденный текст, возможность прочтения которого на основе одной из предложенных систем фонетической оценки знаков достаточно обоснована, становится

---

[1] О городище Маяки см.: *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, с. 22, 192.

[2] Об ареале распространения ВЕР (с подробной библиографией) см.: *Щербак А. М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе.— СТ, 1971, № 4, с. 76—82; *Róna-Tas A.* A runic inscription in the Kujbyśev region.— Acta Orientalia t. XXX, 1976, fasc. 3, p. 267—271.

[3] *Thomsen V.* Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós.— Samlede Afhandlinger, t. III, København, 1922, p. 325—354.

[4] *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Budapest, 1932.

[5] *Németh J.* The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and runiform scripts of Eastern Europe.— Acta Linguistica, t. 21. Budapest, 1971, pt. 1—2, p. 1—52.

[6] Перечень работ см.: *Щербак А. М.* О рунической письменности..., с. 76.

[7] *Щербак А. М.* Ук. соч., с. 77, 78. Впрочем, А. М. Щербак убедительно отстаивает здесь идею тюркской принадлежности ВЕР. О сомнениях, относящихся к дешифровке сент-миклошских надписей, см.: *Németh J.* The runiform inscriptions..., p. 9—13.

Рис. 1. Фотография фрагмента амфоры с надписью

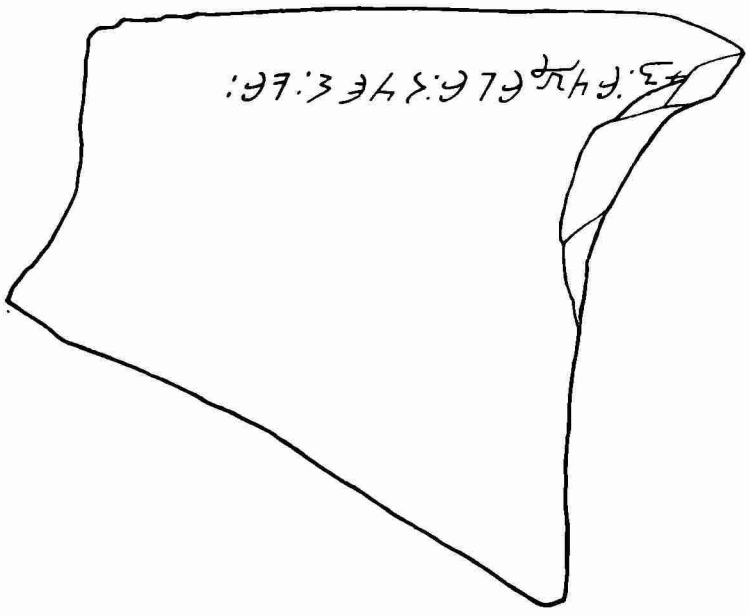


Рис. 2. Прорисовка надписи

контрольной пробой сделанных ранее выводов и дополняет еще далекий от завершения процесс полной дешифровки всех вариантов ВЕР.

В надписи на амфоре нет знаков, специфических для других донецких рунических граффити и отличающих эти последние от сент-миклошской руники. Вместе с тем по крайней мере две палеографические особенности сближают надпись на амфоре с ЦАР. Одной из них является четырежды фиксируемое в надписи двоеточие-словоразделитель. В сент-миклошских надписях словоразделителем служит вертикальная черта, используемая лишь эпизодически. В надписях на новочеркасских баклажках Г. Ф. Турчанинов отмечает наличие словоразделителей в виде одной, двух или трех точек, хотя в издании А. М. Щербака эти знаки не упомянуты [8]. Другой параллелью ЦАР является направленность палеографических изменений в надписи на амфоре.

[8] *Турчанинов Г. Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 68, 69; *Щербак А. М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону.— СА, XIX, 1954, с. 269—282.

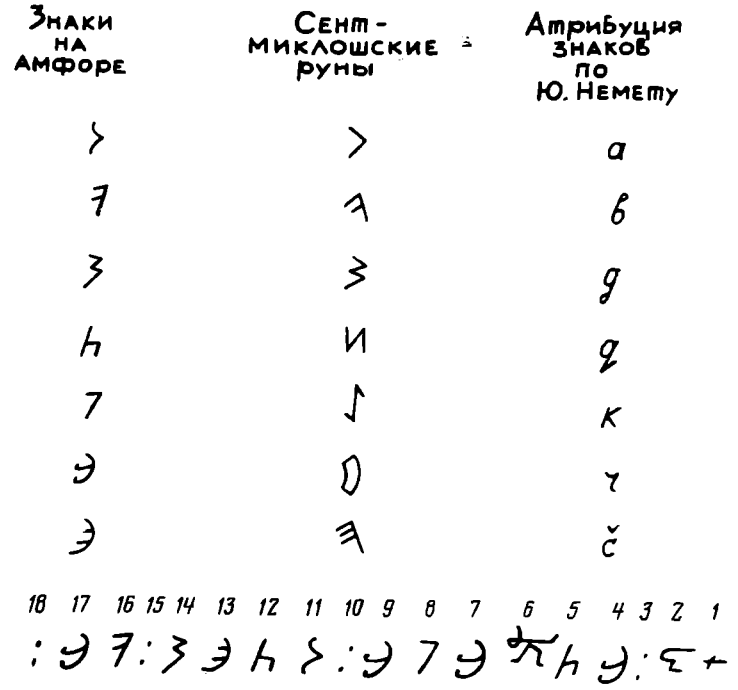


Рис. 3. Палеографическая таблица

Аналогией сент-миклошским надписям является крестообразный знак 1 (см. рис. 3), который, по мнению Ю. Немета, отмечает начало или конец слова[9]. Напротив, знак 4 (7, 9, 17) не имеет прямых аналогий в ВЕР и может рассматриваться как результат эволюции знака , определяемой разрывом передней скобы, рудименты которой сохранились в виде стежков, сочлененных со скобой-основой в ее нижней и средней части. Такой путь переработки знака, создающий известную вычурность и усложненность его начертаний, совпадает с иными эволюционными отличиями рун на амфоре от сент-миклошских рун. Знак 5 (12), имеющий прямой графический прототип в ЦАР, здесь является несомненным аналогом знака N, И. Знак 6 не имеет аналогий ни в одной из разновидностей древнетюркской руники. Соположение двух графов само по себе является одним из обычных способов образования сложных графем в руническом письме, однако в данном случае не вызывает сомнений иносистемное происхождение обоих составляющих. Общая семантика знака может быть определена, если не будут найдены исторически оправданные аналоги, только контекстом надписи. Знак 8 также не имеет прямых аналогов в ВЕР. Несколько напоминающий его знак для обозначения (по Ю. Немету) имеет, однако, в качестве основного графа не ствол, а скобу. Поэтому представляется более надежным рассматривать знак 8 как эволюционный вариант знака , . Палеографически аналогичное развитие этого знака, с иным, впрочем, фонетическим содержанием, наблюдается в поздних вариантах ЦАР[10]. Прямые аналоги в сент-миклошской рунике незначительно модифицированных, а также оставшихся неизменными знаков 11, 13, 14, 16 не вызывает сомнений (см. таблицу).

[9] *Németh J.* The runiform inscriptions..., p. 36.
[10] *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, 3. Auflage, Wiesbaden, 1976, S. 12.

Всего в надписи на амфоре фиксируется 11 графем, две из которых (знаки 2, 6) впервые отмечены в ВЕР и, скорее всего, являются заимствованиями, а одна (двоеточие-словоразделитель), хотя и органична для древнетюркской руники, еще не регистрировалась с полной определенностью как регулярно используемый знак. Остальные 8 графем представляют либо эволюционно преобразованные (3 знака), либо незначительно модифицированные (2 знака), либо не подвергшиеся изменениям (3 знака) варианты того палеографического извода ВЕР, который можно было бы назвать «сент-миклошским».

Очевидно, основное направление палеографической эволюции сент-миклошских знаков, определяемое заменой простых и прямолинейных начертаний отдельных элементов графемы усложненными криволинейными и дугообразными, что делает письмо более вычурным и парадным, проводит более четкую грань между графемой и тамговым знаком, придает рунике внешнюю схожесть с более распространенными курсивными дуктами. Совершенно аналогичную эволюцию претерпела в уйгурскую эпоху (не позднее рубежа VIII—IX вв.) ЦАР; в Монголии и Восточном Туркестане она почти полностью видоизменилась и лишь на верхнем Енисее, далеком от интенсивного воздействия иных систем письма оказалась более консервативной.

Именно гомогенность рун на амфоре и сент-миклошских рун позволяет полагаться на фонетические атрибуции, установленные Ю. Неметом, и транслитерировать, обозначая через *x* неопределенные знаки, следующие лексические единицы, содержащиеся в надписи на амфоре:

x rq x rkr aq čg br

Со всей очевидностью транслитерация показывает, что ВЕР сохраняет и, может быть, с большей последовательностью, чем ЦАР, принцип консонантно-звукового письма, в котором обозначались преимущественно согласные. Однако лишь в одном случае эксплицитно обозначены палатальный и велярный позиционные варианты согласной фонемы. Если полногласная форма *aq* сразу относит знак 12 (5) к велярному ряду, то уже наличие иного обозначения той же фонемы (знак 8) указывает на ее палатализованный характер. Действительно, эволюционный вариант знака 8 в сент-миклошской рунике регистрируется в слове *ilbek* [11].

Нет ясных указаний на раздельнорядность остальных знаков надписи; напротив, знак 4 (7, 9, 17) фиксируется в сочетаниях, подтверждающих его обоюдорядность. Тем не менее благодаря четкому выделению лексических единиц вокализация текста не представляет особых трудностей.

Транскрипция: *x arqa x irkir aq ačyg bor*

Примечания: а) в ряду значений слова *arqa* для данного случая наиболее достоверны следующие: «все, весь» (Радлов, 1, 287); «множество, некоторое количество, совокупность» (ДТС, 53); б) *irkir*<*irk-* «собирать(ся), скапливать(ся), наполнять(ся)» (ДТС, 212; Севортян, 378—379). Форма *irkir* как причастие для обозначения присубъектного определения здесь маловероятна; в случае *verbum finitum* форма на *-ir* выступает как аорист и передает действие, совершающееся вне временных условий [12]; в) *ačyg, ačyγ* «кислый, горький» (ДТС, 4; Clauson, 21—22); г) *bor* «вино» (ДТС, 112; Clauson, 354); д) знаки 2, 6 в контексте надписи означают либо цифру (число), либо наименование меры. В древнетюркских письменностях не было собственных цифровых знаков и количество всегда обозначалось словесным написанием соответствующего

[11] *Németh J.* The runiform inscription..., p. 36.

[12] *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.— Л., 1956, с. 228; *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, с. 32; *Gabain A.* Op. cit., S. 111, 112.

числительного. Лишь в сравнительно позднее время появляются китайские (в древнеуйгурских текстах) и арабские цифры. В. А. Лившиц (устная консультация) полагает, что знак 6 может быть одним из эволюционных вариантов согдийского обозначения числа «сто»; такое предположение находит поддержку не только в контексте, но и в генетической связи древнетюркской руники с согдийским письмом. Все же гипотеза В. А. Лившица предполагает сложный путь эволюции начертания согдийского знака, и ее подтверждение зависит от выявления промежуточных вариантов. Поэтому пока предпочтительнее рассматривать знаки 6 и 2 как неопределенные наименования мер.

Перевод: «х (единиц) всего; (сюда) х (мер) входит (помещается). Белое сухое вино».

Вероятно, надпись была сделана владельцем груза, в который входили разные по емкости сосуды, наполненные винами разных сортов. Если правильно предположение об импорте амфоры из Крыма, то надпись, скорее всего, была сделана там, хотя нельзя исключить иной вариант — оптовую закупку груза в Подонье, при которой была необходима соответствующая маркировка сосудов.

Крупные центры производства амфор в хазарское время находились в Приазовье (Таматархе, Фанагории) и Восточном Крыму. Как отмечает С. А. Плетнева, «отсюда, из юго-западного угла Хазарского каганата, амфоры, наполненные пряностями и вином, расходились по всему Подонью» [13]. Производство амфор, изготовленных из плотного теста (таков исследуемый фрагмент), как и время существования поселения, где найден фрагмент, датируются VIII—IX вв.[14] Однако для уточнения датировки возможно привлечение показаний рунической палеографии.

Сосуды сент-миклошского клада с греческими и руническими надписями датируются концом VIII—IX в.[15] Тем же временем датируются баклажки с надписями из Новочеркасска [16]. Прочтенная по-тюркски надпись греческими буквами на одном из сент-миклошских сосудов показывает, что она была выполнена вскоре после изготовления сосуда [17]. Так как рунические граффити на сент-миклошских сосудах упоминают то же самое лицо, что и надпись греческими буквами, то выполнение всего комплекса надписей практически синхронно изготовлению сосудов. Палеография надписи греческими буквами, как уже отмечали И. Хампель и Г. Фехер, позволяет датировать ее IX в. (по Фехеру — периодом между 820—906 гг.) [18]. В. Томсен датирует сент-миклошские надписи, также опираясь на греческую палеографию, последней третью IX в. или временем вскоре после 866 г.[19] Если учесть периферийный характер сент-миклошской руники, эволюционно более развитые знаки на амфоре могут быть отнесены к тому же времени, т. е. к концу IX в.

Теперь уже не вызывает сомнений, что памятники ВЕР были созданы в хазарскую эпоху и по большей части на территории Хазарского каганата. Поэтому вполне закономерным представляется определение этих надписей как хазарских [20]. В то же время следует учитывать

---

[13] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 129.

[14] Там же, с. 22, 129.

[15] *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971, с. 55, 62, 63; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 173. Среди венгерских археологов существует, однако, мнение о более позднем формировании клада (см. *Németh J.* The runiform inscriptions..., p. 3).

[16] *Плетнева С. А.* Ук. соч., с. 131.

[17] *Thomsen V.* Op. cit., p. 349; *Németh J.* Die Inschriften..., S. 16.

[18] *Hampel J.* Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós, sogenannter «Schatz des Attila». Budapest, 1885, S. 54; *Fehér G.* Les monuments de la culture protobulgare et leur relations hongroises. Budapest, 1931, p. 124.

[19] *Thomsen V.* Op. cit., p. 352, 353.

[20] *Németh J.* The runiform inscriptions..., p. 41—49. Вместе с тем Ю. Немет по-прежнему рассматривает сент-миклошские руны как печенежские.

многоплеменной состав Хазарского каганата и преобладание среди тюркской части его населения родственных хазарам болгарских племен [21]. Скорее всего, именно с болгарами связано широкое распространение ВЕР от Волги и Северного Кавказа до долины Дуная. Поэтому представляются убедительными аргументы В. Томсена, Н. Мавродинова, М. И. Артамонова и многих других исследователей, определявших сент-миклошские надписи как болгарские (протоболгарские), а не печенежские (Ю. Немет, А. М. Щербак), хотя, конечно, возможность использования хазарско-болгарской руники другими тюркскими племенами Юго-Восточной Европы нельзя исключать. Надпись на амфоре со всей определенностью подтверждает существование в Хазарии наряду с заимствованными системами письма [22] весьма архаичного варианта собственно тюркской письменности, который появился в Юго-Восточной Европе вряд ли многим позднее периода тюркских завоеваний второй половины VI в.

[21] *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976, с. 21—23; *ее же.* От кочевий к городам, с. 186.
[22] *Бартольд В. В.* О письменности у хазар.— Соч., т. V. М., 1968, с. 466, 467; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1968, с. 268, 269.

М. Б. МУЖУХОЕВ

ХРАМ АЛБИ-ЕРДЫ

В горной Ингушетии, в ущелье р. Ассы, находятся три христианских храма: Тхаба-Ерды, Алби-Ерды и Таргимский [1]. Они расположены в горной котловине на расстоянии 3—5 *км* друг от друга.

Храм Алби-Ерды находится на левом берегу р. Ассы, напротив средневекового башенного сел. Таргим (рис. 1, 2). Он был открыт и кратко описан В. Ф. Миллером в конце XIX в. [2] Им же был снят не вполне точный план храма. Уже в то время постройка не имела кровли и прилегающей к ней части стен. В настоящее время памятник близок к полному разрушению. В 1925—1926 гг. остатки стен Алби-Ерды осматривались Л. П. Семеновым и И. П. Щеблыкиным. Исследователи произвели обмеры памятника [3]. Эти обмеры содержат ряд ошибок, что можно объяснить трудностью описания разрушающегося архитектурного памятника без археологических раскопок.

Время построения Алби-Ерды определялось предположительно в пределах XII—XIII вв., поскольку аналогичный памятник — храм Тхаба-Ерды, расположенный в той же Ассиновской горной котловине, датируется XII в. Его обыкновенно считают наиболее ранним христианским архитектурным памятником на территории Чечено-Ингушетии [4]. Детальное описание храма, а также определение времени его сооружения и продолжительности функционирования потребовало проведение раскопок памятника, которые и были произведены нами летом 1975 г. [5]

[1] *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 40.
[2] *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии.— ИАК, 1888, с. 5.
[3] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 13; *Щеблыкин И. П.* Архитектура древних ингушских святилищ.— Изв. Ингушского НИИ, вып. 2—3. Владикавказ, 1930, с. 413, 414.
[4] *Семенов Л. П.* Ук. соч., с. 61; *его же.* К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа.— МИА, № 23, 1952, с. 304; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 195, 196; *Мужухоев М. Б., Магомедов И. Д.* К вопросу о времени и условиях строительства храма Тхаба-Ерды.— АЭС, т. IV, 1976, с. 100—102.
[5] *Мужухоев М. Б.* Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии.— АО— 1975. М., 1976, с. 139.

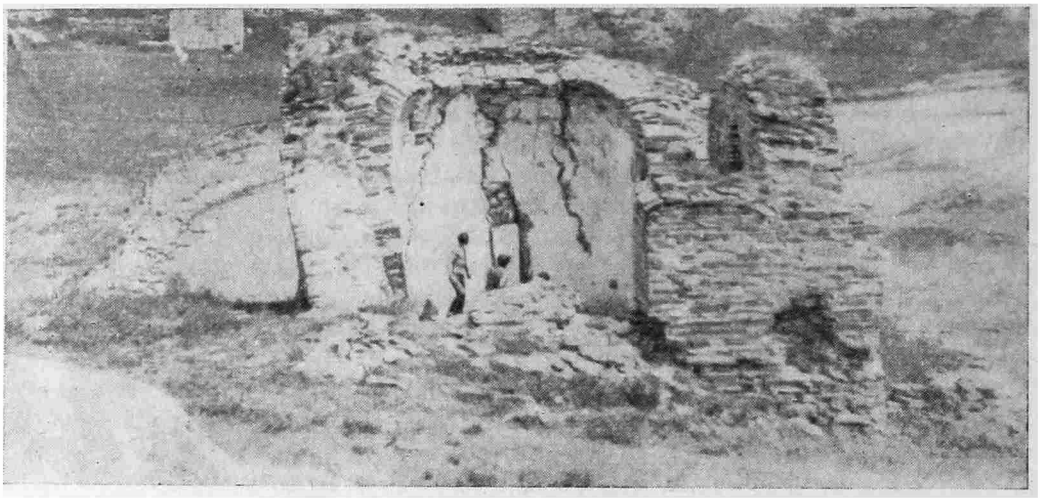


Рис. 1. Вид храма с западной стороны

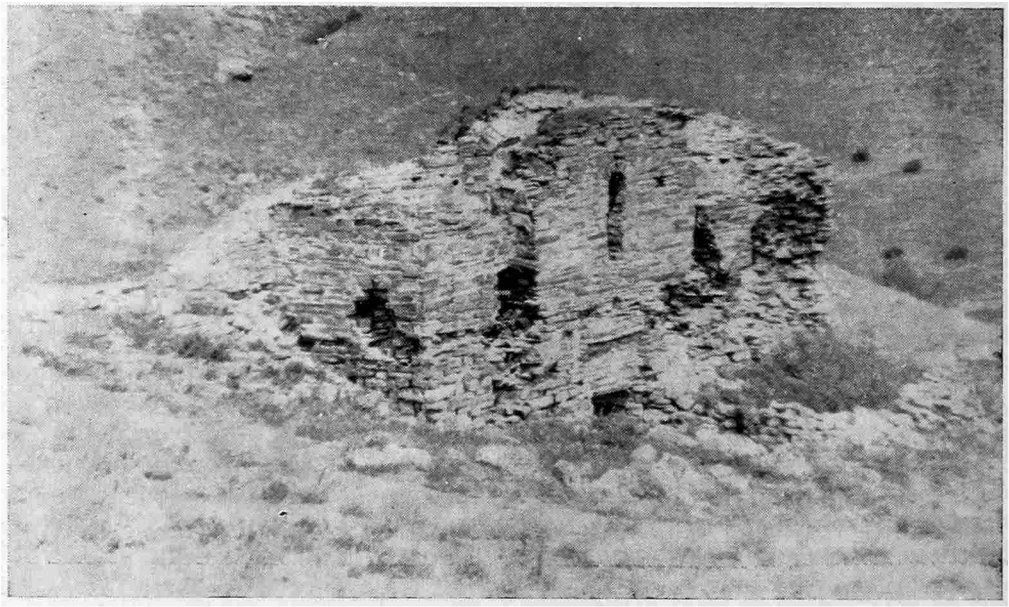


Рис. 2. Вид храма с юго-западной стороны

Составленный нами план (рис. 3) показывает, что Алби-Ерды относится к числу одноапсидных бесстолпных храмов. С юга он имел более поздние каменные ограды. Длина памятника 13,95 *м*, ширина 7,40 *м*. Алтарная апсида значительной глубины (3,20 *м*), имеет полуциркульную форму. Она не выдается наружу, имеет небольшие выступы-заплечики, которые образуют угол при переходе алтарной части здания в основное помещение храма.

Наибольшая сохранившаяся высота стен постройки от уровня древнего пола составляет 7 *м*. Храм, очевидно, имел двускатную кровлю. Как и в Тхаба-Ерды, материалом покрытия могла служить красная черепица. Однако последней найдено в Алби-Ерды только около 10 фрагментов. В то же время в помещении при расчистке слоя завала встречено много уплощенных каменных плит, позволяющих предположить, что именно они являлись кровельным покрытием здания.

Храм освещался пятью расширяющимися внутрь окнами. Все оконные проемы, насколько об этом можно судить по двум сохранившимся

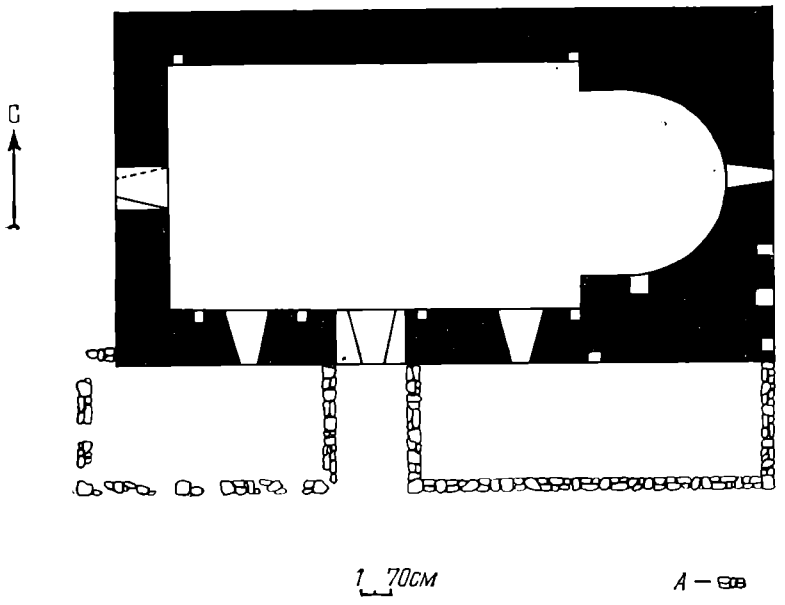


Рис. 3. План храма Алби-Ерды. *А* — каменная ограда

полностью, имели полукруглые арочные завершения, выложенные плиточным камнем (рис. 4, *1—4*). Три окна находятся на южной стене, одно — в апсиде и одно — на западной стене.

В помещение храма ведут два прямоугольных входа. Один вход в храм, вскрытый раскопками, расположен в центре западной стены, ширина дверного проема 1,05 *м*, высота 1,40 *м*. Другой вход находится с южной стороны, его размеры 1,45×1,50 *м*.

В стенах храма находятся 11 прямоугольных ниш, причем 5 из них, как видно по характеру кладки, не были предусмотрены строителями первоначально. Они расположены с внешней и внутренней (на северной стене) стороны стен лишь спустя некоторое время после начала функционирования памятника. Одна ниша находится в алтарной части храма (ширина 0,45, высота 0,47, глубина 0,5 *м*). Наряду с устройством дополнительных ниш производилась и закладка старых. Так, четыре южные и северная небольшие ниши, все расположенные на высоте 5,5 *м* от уровня древнего пола, были заложены плитами на известковом растворе.

Сложен храм в основном из обработанного плиточного камня на прочном известковом растворе. Очень редко в кладке встречается булыжник. Отмечено только два продольных ряда булыжникового камня в нижней части северной стены. Кладка стен осуществлена вперевязку.

Внутри здание было покрыто белой известковой штукатуркой, которая и сейчас закрывает значительную часть кладки в помещении. Штукатурка накладывалась на стены и снаружи: местами она сохранилась на поверхности южной стены, у дверного проема и окон. Алтарная часть храма покрывалась штукатуркой в три слоя, цвет белый и желтый. Следов стенной росписи нет.

Таковыми являются основные черты конструкции Алби-Ерды. Памятник скромных архитектурных форм, его внешние массы лишены каких-либо украшений и декоративных элементов. Он в противоположность храму Тхаба-Ерды не имел внутреннего арочного членения на притвор, храм и алтарь, интерьер предельно скуп и прост.

Раскопки памятника нами произведены после освобождения внутреннего пространства храма от завала камней рухнувшей кровли и части стен, которые заполнили его на глубину до 1,7 *м* и более, особенно в апсиде и западной части помещения. Под ним был прослежен слой толщиной

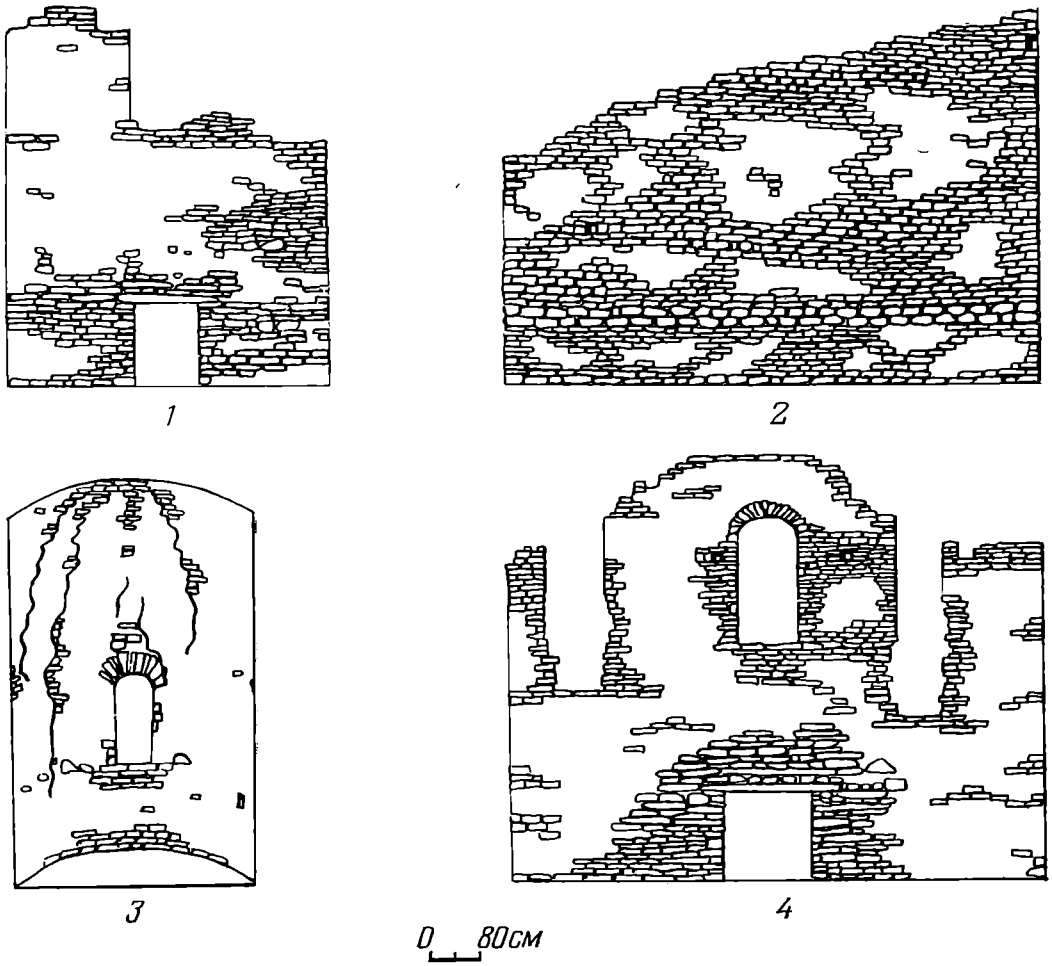


Рис. 4. Разрезы храма. *1*, *3* — по поперечной; *2*, *4* — по продольной оси

0,5 *м*, являющийся культурным слоем, образовавшимся в результате многовекового посещения памятника его почитателями. При раскопках не обнаружено никаких следов какого-либо покрытия древнего пола храма.

Полученные при раскопках материалы позволяют не только дать ответ на вопрос о времени строительства и периоде функционирования храма, но проливают свет на совершавшиеся здесь некогда обряды.

По всей внутренней площади здания в толще образовавшегося культурного слоя, а также на расчищенном древнем полу-материке выявлено большое число костей и рогов домашних и диких жертвенных животных, предметы вооружения и быта.

В разных частях храма, на уровне несколько выше древнего пола и непосредственно на нем, обнаружено 14 железных черешковых наконечников стрел. В их числе наконечники ромбической формы с широкой боевой частью, копьевидный, удлиненно-ромбовидные и ромбовидные небольших размеров (рис. 5, *1—10*).

Предметов быта найдено немного. Они в основном собраны на поверхности культурного слоя под завалом. Это железные черенковый ножичек с прямым закругленным лезвием, кресало и поясная пряжка овально-кольцевой формы с подвижным язычком; костяные оправы газырей для хранения пороха и пуль, игла-круглой формы с заостренным концом и выделенным ушком; фрагмент мундштука керамической курительной трубки (рис. 5, *11—17*). Интересная находка, очевидно, связанная с каким-то обрядом, была сделана в алтарной части храма — коготь медведя, разрезанный вдоль на две равные части.

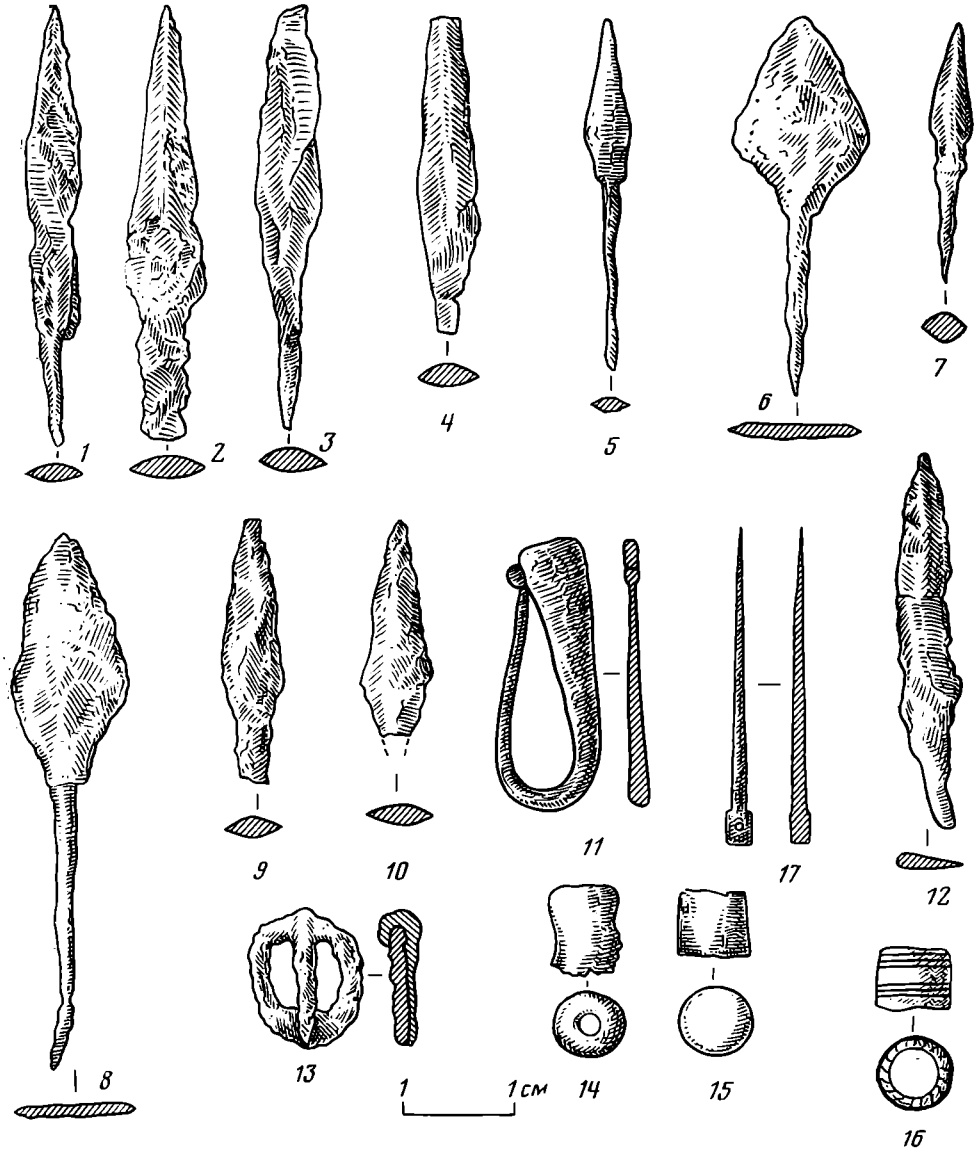


Рис. 5. Предметы вооружения и быта из храма Алби-Ерды: *1—10* — наконечники стрел; *11* — кресало; *12* — ножичек; *13* — пряжка; *14* — фрагмент мундштука; *15, 16* — оправы газырей; *17* — игла

Весь образовавшийся в результате многовековых наслоений культурный слой насыщен костями животных: 180 костей крупного рогатого скота, 500 — мелкого рогатого скота и 50 костей различных диких животных. Судя по найденным в помещении рогам, в жертву божествам приносились бык, олень, баран, тур и другие копытные животные. Наибольшее количество костных остатков найдено по углам здания.

Найденные в храме ромбовидные наконечники стрел с широкой боевой и стрелы с удлиненно-ромбической боевой частью широко датируются X—XV вв.[6] Они известны, в частности, в северокавказском Бамутском курганном могильнике и датируются XIII—XV в.[7]

---

[6] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южных русских степях.— МИА, № 62, 1958, с. 179; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 27, 28, рис. ВШ—ВУ.

[7] *Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М.* Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв.— В сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 237, 238.

Плоские черешковые наконечники стрел встречены в ингушских надземных усыпальницах повсеместно и относятся к XIV—XV вв.[8] Факт нахождения стрел наряду с другими предметами и большим числом костей животных в христианском храме указывает на совершение в нем языческих обрядов. О превращении храма в языческое святилище свидетельствуют также поздние ниши на стенах, пробитые, как уже говорилось, после возведения постройки. Их появление нельзя объяснить иначе, как необходимостью устройства специальных мест для языческих приношений. Подобные ниши являются обязательными для языческих святилищ края, которые активно функционировали здесь в период позднего средневековья. Интересно, что вскрытый в результате раскопок центральный западный вход храма в свое время был закрыт крупным булыжником, а продолжавший функционировать южный вход памятника обычен для местных святилищ. Каменные ограды храма нередки при местных святилищах, причем на последних они бывают возведены одновременно со зданием, что видно по кладке и наличию связующего известкового раствора.

Храм Алби-Ерды впоследствии использовался как языческое святилище. Наиболее ранняя дата найденных в нем наконечников стрел — XIII в. Вместе с тем здание какое-то время функционировало и как христианский храм. Однако этот промежуток времени не мог быть продолжительным, потому что часть наконечников стрел и костных остатков животных обнаружены непосредственно на первоначальном материковом полу. Отсутствие даже незначительного культурного слоя до начала языческих приношений указывает на краткосрочность использования Алби-Ерды как христианского храма. Напомним, что «языческий» культурный слой памятника достигал полуметра. Поэтому наиболее вероятное время построения храма Алби-Ерды — XII — начало XIII в.

Как памятник языческого культа Алби-Ерды функционировал еще в XVII—XVIII вв. Об этом позволяют судить находки костяных оправ газырей для хранения пороха и пуль. Как известно, огнестрельное оружие появилось на Северном Кавказе не ранее XVI в.[9], и еще позже оно попало в его труднодоступные высокогорные районы, в частности в горную Чечено-Ингушетию. Устойчивость языческих верований вайнахов до сравнительно недавнего прошлого документируется и раннемусульманскими могильниками горной Ингушетии, свидетельствующими о проникновении сюда ислама не ранее конца XVIII — начала XIX в.[10]. На продолжительность действия памятника указывает и то, что наконечники стрел XIII—XV вв. встречены только в нижней, сравнительно ранней части культурного слоя.

---

[8] *Марковин В. И.* Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1966 г., с. 22. Архив ИА АН СССР, р—1, № 3293.

[9] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 75.

[10] *Мужухоев М. Б.* К вопросу о времени проникновения ислама на территорию Чечено-Ингушетии. Тезисы докл. IV «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 51, 52.

Критика и библиография

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. «Наука». М., 1976, 386 стр. с илл.

Последние 15—20 лет характеризовались интенсивным археологическим изучением территории Южного Урала. За эти годы стали известны многие десятки памятников каменного века как в Приуралье, так и в Южном Зауралье. Поэтому выход в свет большой книги Г. Н. Матюшина, посвященной ранним этапам освоения этой территории человеком, не может не вызвать интереса у специалистов по каменному веку. Дело не только в том, что в книге представлен новый и интересный материал для воссоздания ранних этапов истории еще одного района СССР, но и в особом значении последнего для более широкой территории. Район Южного Урала находится на стыке нескольких важных в этноисторическом отношении областей Евразии. Южноуральский материал имеет первостепенную, принципиальную важность для истории таких отдаленных друг от друга территорий, как Средняя Азия и Прибалтика, отдельные районы Азиатского и Европейского Севера и степи Восточной Европы. Представленный автором материал еще раз это подтверждает.

Книга Г. Н. Матюшина состоит из четырех частей. В первой рассмотрена история исследования памятников каменного века Южного Урала, а также некоторые методические приемы обработки археологического материала. Характеризуя этот раздел работы, нельзя не указать, что значительная часть представленных в работе памятников открыта и исследована за последнее время и что этому в значительной степени мы обязаны энергичным и систематическим полевым работам автора. Бесспорны и определенные заслуги его и в разработке некоторых элементов современной методики типологической классификации каменных изделий и их статистической обработки. Г. Н. Матюшин и ранее небезуспешно занимался прикладными вопросами типологии и применением вариационной статистики для археологических целей. В рецензируемой книге результаты этих исследований систематизированы.

Особо следует отметить раздел, посвященный применению ЭВМ для систематизации и корреляции массового материала. Результаты машинной обработки столь обширного массива археологических данных, насколько нам известно, публикуются на русском языке впервые.

К сожалению, этот раздел работы перегружен сведениями, не имеющими, на наш взгляд, непосредственного отношения к предмету исследования. Так в историографической части собственно Южному Уралу посвящены из 27 страниц только 8, остальное место занимает история изучения мезолитической эпохи вообще, история исследования мезолита Восточного Средиземноморья и проблема «неолитической революции» в частности. Вряд ли это можно считать оправданным, поскольку приведенные автором факты хорошо известны специалистам.

Во втором разделе дается общий обзор памятников Южного Урала, отнесенных автором к мезолиту, приводится геолого-географическая характеристика условий их расположения. К этому разделу логически примыкают и две части следующего раздела, посвященные методике выделения указанных комплексов, их периодизации и хронологии. Эту часть книги следует считать наиболее важной.

Автор детально описывает физико-географические условия этой своеобразной области. Наиболее существенной из ее специфических особенностей является нали-

чие сильно выраженной интрозональности. Сложное сочетание и переплетение меридианальной и широтной зональности и связанная с этим значительная мозаичность ландшафтов обусловили наличие здесь на сравнительно ограниченной территории районов со степными, лесостепными, высокогорными и межгорно-долинными ландшафтно-климатическими условиями. Такая пестрота делала Южный Урал очень привлекательным для человека, однако, с другой стороны, она существенно осложняет ландшафтно-климатические реконструкции. Видимо, в связи с этим необходимо с особенной осторожностью подходить к палинологическим и палеопедологическим данным, широко используемым автором, в частности при разработке проблем хронологии.

Автором довольно подробно рассматриваются геология и стратиграфия речных террас Предуралья, которые могут рассматриваться как стратотипические для всего Южного Урала (с. 68). Между тем большая часть памятников Зауралья расположена на озерах, стратиграфия и геология голоценовых отложений которых автором в целом практически не рассмотрена (см. с. 71—73).

Более детально стратиграфия и характер культурных отложений рассматриваются в разделе «Общий обзор памятников» и в частично повторяющем и дополняющем его разделе «Типология, стратиграфия и геоморфология». В этих разделах изложен в основном весь приводимый автором фактический материал по исследуемой группе памятников.

Нам представляется не совсем удачной композиция этой части книги. Автором ранее убедительно обосновано выделение двух больших групп памятников — предуральской и зауральской. Исходя из этого, а также учитывая ряд других соображений (в частности, существенные отличия в геоморфологической позиции памятников этих групп), было бы более логичным с самого начала рассматривать предуральскую и зауральскую группы памятников отдельно. Периодизация и хронология предуральской группы памятников в общем не вызывает возражений; несколько иначе дело обстоит с памятниками янгельского типа. Ниже, рассматривая второй раздел книги, мы будем касаться главным образом материалов этой второй группы.

Автор справедливо полагает, что в данном случае мы имеем дело с археологическим явлением, не имеющим пока заметных корней в местном материале, и скорее всего связанным своим происхождением с более южными областями.

Резюмируя результаты стратиграфических, геоморфологических, палинологических и другого рода исследований по Южному Уралу в целом, автор рисует очень стройную картину относительной периодизации памятников. При этом выводы автора базируются в основном на более четких данных из Приуралья, тогда как собственно зауральский материал отражает, по-видимому, какую-то более сложную картину.

Сразу оговоримся, что хронологическое положение памятников янгельского типа в целом, относительно более поздних стоянок развитого и позднего неолита, не вызывает сомнений. Однако доказывается это скорее типологически, чем гипсометрически и стратиграфически. Даже приводимый автором материал не подтверждает безусловно заключения автора о высоком (на третьих надпойменных террасах рек и проточных озер высотой 15—20 *м*, с. 122, 138 и др.) положении памятников янгельского типа.

Известно, что четвертичные озерные отложения Зауралья, крайне маломощные, изучены еще недостаточно хорошо, а зауральские памятники не имеют такой четкой геолого-геоморфологической привязки, как приуральские. Основываясь на приведенных в книге и в других публикациях автора данных, можно видеть, что памятники, отнесенные к мезолиту, располагаются в равной мере как на уровнях порядка 20 *м*, так и на отметках 8—12 *м* (и даже ниже, см. прилагаемую табл. 1). Среди последних стоянки Кусимовская, Мысовое, Линевое (Карабалыкты V) и др. Отметим, что к последним уровням приурочена и значительная часть более поздних памятников каменного века [1].

[1] Недавно автором была предложена совершенно новая схема высотных позиций памятников янгельского типа. Согласно этой схеме, к высоким террасам приурочены лишь памятники развитого мезолита. Раннемезолитические (до X тысячелетия до н. э.) и позднемезолитические памятники отнесены к низким (пойменным) тер-

Таблица 1

Некоторые данные о высотном положении памятников янгельского типа и мощности культурных слоев *

Стоянка	Высотная позиция, *м*	Культурные отложения	Мощность культурных отложений в *м*
Янгелька	20	энеолит или поздний неолит, мезолит	0,5
Якты-Куль (Банное V)	20–23	неолит – энеолит, мезолит	до 0,5
Кусимовская	7,5–12	эпоха металла, неолит – энеолит, мезолит	до 0,35
Миндяк	7	поздняя бронза, мезолит	гумус до глубины 0,3–0,35, суглинок?
Мысовая	6–8	раннее железо, поздняя бронза, поздний неолит, ранний неолит, мезолит, мустье	до 1,5
Мурат I	4–5	раннее железо, поздняя бронза, энеолит, неолит,	1–1,2
Суртанды VI	4–5	ранний неолит, мезолит керамика суртандинской культуры, неолит, мезолит	дерн и гумус до 0,3–0,4, суглинок?
Линевое (Карабалыкты V)	низко ?	неолит, неолит – мезолит	до 0,5–0,6
Мыс Безымянный	9–10	мезолит	до 1
Долгий Ельник II	7–8	неолит, мезолит	до 0,8–1

* Данные о высотных позициях и мощности культурных отложений даны по тексту книги и другим публикациям Г. Н. Матюшина.

Что касается геологической привязки, то, судя по приведенным в работе данным, к верхам маломощных суглинков приурочены не только памятники, отнесенные к мезолиту, но и часть заведомо неолитических (в числе последних Ташбулатово I, Карбалыкты 8а, Сабакты 3 и др.). Таким образом, речь пока может идти лишь об относительной периодизации памятников для каждого из микрорайонов (результаты такой работы в ряде случаев представлены автором), а не об общей (как для Приуралья) закономерности.

В подобной ситуации решающее значение могут сыграть данные стратиграфии многослойных стоянок, имеющихся в Зауралье, и такого рода материалы в книге приведены. Однако и эта проблема не представляется нам столь ясной и четкой, как автору книги.

Уже говорилось о крайней маломощности антропогеновых отложений озерного района Зауралья. Они редко превышают 1,5 *м*, а в ряде случаев культурные горизонты от мезолита до раннего железа не превышают по мощности 1 *м*. Фактическая мощность культурных отложений каменного века еще меньше, так как обычно ранние горизонты занимают только верхнюю часть суглинка, а в слое дерна обычно находятся материалы поздней бронзы — раннего железа (см. табл. 1) [2]. Учитывая, что стерильные прослойки между культурными горизонтами, как правило, отсутствуют, а механические нарушения культурных горизонтов характерны для стоянок,

расам, а в раннем неолите поселения вновь поднимаются на более высокий уровень (см. *Матюшин Г. Н.* Динамика гидросети бассейна Каспия по археологическим данным и взаимосвязь ее с колебаниями уровня других крупных водоемов). Конференция «Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене» (тезисы докладов). М., 1977). Эта новая схема также не вполне увязывается с фактическими данными и причина этого лежит, видимо, в неточности абсолютных датировок ряда зауральских памятников.

[2] «Мощность четвертичных отложений в Зауралье настолько ничтожна (местами до нескольких сантиметров), что устройство земляночных (заглубленных) жилищ в каменном веке оказывалось невозможным... Находки в таких случаях залегают прямо на скальном палеозойском основании». См. *Матюшин Г. Н.* Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье.— В сб.: Древности Башкирии. М., 1970, с. 29. С этими сведениями вряд ли согласуются приведенные в книге утверждения о наличии мощных культурных слоев на мезолитических стоянках Зауралья и о четкой их стратиграфии (с. 198).

о четкой стратиграфии во многих случаях говорить не приходится. В качестве примера можно привести хотя бы стоянку Линевое (Карабалыкты V). В тексте книги она характеризуется как двухслойный памятник, причем нижний, позднемезолитический по определению автора, слой «стратиграфически ... перекрывается слоем раннеолитического времени» (с. 113). Стерильная прослойка между культурными горизонтами отсутствует и неолитическая керамика местами «лежит прямо поверх скопления (мезолитического.— *А. В.*) кремня» (с. 113). Данные, приведенные автором, довольно скупы, но и они (в частности, фотография на с. 116, рис. 37) дают основание для серьезного сомнения в возможности четкого разделения двух отмеченных Г. Н. Матюшиным комплексов в ходе раскопок. Видимо, поэтому типологические подсчеты для этой стоянки (табл. VI) даны суммарно для «всех слоев и горизонтов» (см. примечание к табл. VI). Видимо, аналогичная картина описана автором для стоянки Мысовая (ранний палеолит, янгельская культура, неолит, энеолит, поздняя бронза, раннее железо), где неолитические заготовки отделялись от находящихся вместе с ними на скальной поверхности палеолитических материалов лишь по отсутствию патины (с. 193).

Со слабостью стратиграфических данных отчасти связана, видимо, и весьма острая дискуссия по поводу ряда раскопанных другими исследователями южноуральских памятников (Усть-Юрюзань, Чебаркуль и др., с. 114—121). В своей полемике с Л. Я. Крижевской автор считает необходимым пользоваться планиграфическими и различного рода типологическими и статистическими данными. Было бы естественным привести такие данные и для большинства неоднослойных стоянок исследованных автором. По контексту работы можно сделать заключение, что такая работа в ходе раскопок в ряде случаев, вероятно, автором проводилась, однако, в книге эти данные не приведены [3].

Учитывая многослойность большинства памятников, отсутствие, как правило, стерильных прослоек между культурными горизонтами при крайней маломощности отложений, можно полагать, что при выделении культурных комплексов в процессе раскопок или позже автором использовались в основном данные типологии. Важную роль при этом, судя по тексту книги, сыграли представления автора о характере эволюции кремневого инвентаря в Зауралье на протяжении мезолита — неолита, в известной мере субъективные. Эти обстоятельства вызывают необходимость крайне тщательной публикации и всестороннего анализа всего фактического материала. Внушительный объем работы (31 печ. лист) давал автору возможность сделать это с необходимой в данном случае обстоятельностью. Между тем, даже исходя из обычных, минимальных норм, следует сказать, что собственно южноуральский материал представлен в книге совершенно неудовлетворительно, в то время как некоторые из памятников, которыми оперирует автор, известны лишь по предварительным публикациям, или вообще не опубликованы.

Оговоримся, что речь идет прежде всего не о некоторых общих характеристиках янгельской культуры, а о конкретных комплексах, слагающих эту культуру. Парадоксально, но материалы ряда опубликованных памятников с других территорий выглядят в книге представительнее, чем южноуральские стоянки. Характерно, что в работе, изобилующей различного рода таблицами (порой не имеющими прямого отношения к теме), отсутствуют данные о количественном типологическом составе инвентаря южноуральских стоянок. Машинные таблицы (вклейки VI и VII) не могут ее заменить, поскольку не ясно, какое количество изделий скрывается за десятыми и сотыми долями процента. Вычислить эти данные можно было бы, пользуясь машинными таблицами и табл. III (с. 33), в которой приведены сведения об общем количестве находок. Однако эти таблицы не совсем идентичны по перечню памятников.

Необходимо отметить также, что в ряде случаев имеются неясности в изложении фактического материала (в частности, в сравнении с ранее опубликованными авто-

[3] Данные о планиграфических наблюдениях ограничиваются лишь замечаниями общего характера, такими, например, как: «Мезолитический слой имеется лишь на одном участке» (с. 108); «только на одном наиболее высоком (участке.— *А. В.*)... имеется мезолитический слой» (с. 109—110); «материалы нижнего слоя концентрировались на очень небольшой его (площади мыса.— *А. В.*) части» (с. 111) и т. д.

ром данными). В качестве примера можно привести стоянку Долгий Ельник II. В первой публикации в состав инвентаря этой стоянки, отнесенной к мезолиту, были безоговорно включены 13 пластинчатых наконечников стрел, в том числе два кельтеминарского типа. Последние рассматривались тогда как ранняя (мезолитическая) форма наконечников такого типа на Урале [4]. В статье, опубликованной четырьмя годами позже, уже было указано, что кельтеминарские наконечники найдены в подъемном материале вместе с геометрическими формами. Автор отметил, что большая часть остальных наконечников была также в подъемном материале, в понижении между стоянками Долгий Ельник I и II [5]. Наконец, в вышедшей недавно и посвященной кельтеминарским наконечникам статье указано, что в «культурном слое мезолитической стоянки Долгий Ельник II ... нет ни одного наконечника на пластинах» [6]. Можно было бы поставить в упрек автору неточность первой публикации, но дело не только в этом. Даже после ознакомления с книгой остается неясным, что же все-таки найдено в слое, а что в подъемке. При характеристике стоянки (с. 90) пластинчатые наконечники не упомянуты среди руководящих форм инвентаря. В разделе «Периодизация и хронологии» отмечено, однако, что помимо удлиненных острий-наконечников («трансформированные асимметричные трапеции») на стоянке представлены и «другие типы наконечников стрел на ножевидных пластинах» (с. 165). Наконец, в иллюстративном приложении, на таблицах, изображающих изделия со стоянки Долгий Ельник II (с. 330, 331, табл. 20, 21), даны все типы пластинчатых наконечников, упомянутые в первой публикации, в том числе и кельтеминарского типа. Не дают ответа и машинные корреляционные таблицы VI и VII, в которых вообще не представлены наконечники на пластинах. Возникают вопросы: найдены были все же или нет какие-либо пластинчатые наконечники в культурном слое стоянки, куда отнесены найденные в подъемке вместе с кельтеминарскими наконечниками изделия геометрических форм? Можно предположить, что последние включены в комплекс Долгий Ельник II. Если это так, то что это за формы и каково их количество?

Все эти данные чрезвычайно важны для датировки стоянки. Если даже оставить без внимания наконечники стрел кельтеминарского типа, найденные на поверхности (которые, кстати говоря, ничуть не противоречат всему комплексу находок), большую ценность в этом плане имеют остальные наконечники на пластинах. Автор видит аналогии им в мезолитическом инвентаре памятников романовского типа [7], однако, и по форме, и особенно по пропорциям они ближе неолитическим наконечникам Казахстана. К сожалению, как уже указывалось, нет данных о том, какие из наконечников найдены в слое стоянки Долгий Ельник II и какие в подъемке; охарактеризуем поэтому все представленные на табл. 20, 21 (с. 330, 331) типы. Пластинчатые наконечники со срезанным основанием (типа изображенных на табл. 20, *4* и на табл. 21, *8*) достаточно часто встречаются на неолитических стоянках Казахстана, но реже, чем типичные пластинчатые наконечники с выемкой в основании. Кстати сказать, оба отмеченных наконечника не с прямым, а со слабо выемчатым основанием, что еще более сближает их с материалами из Казахстана. Наконечники «подлистовидной» формы (табл. 21, *1—4, 9*) менее характерны для неолита Казахстана, однако, изредка встречаются. В культурном слое стоянки Пеньки I (раскопки Л. А. Чалой) имеются все три типа пластинчатых наконечников: с прямым или слабовыемчатым основанием и «подлистовидной» формы. Там же найдены и мелкие симметричные трапеции и один маленький сегмент. Керамика стоянки довольно поздняя в рамках неолита.

Из характерных вещей стоянки Долгий Ельник II (заведомо происходящих из слоя?) укажем еще на уже упоминавшиеся выше удлиненные трапециевидные

---

[4] *Матюшин Г. Н.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита.— СА, 1969, № 4, с. 40.

[5] *Матюшин Г. Н.* Мезолитические памятники высокогорных районов Южного Урала.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 52—54, рис. 4.

[6] *Матюшин Г. Н.* О наконечниках кельтеминарского типа на Урале.— В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 144.

[7] *Матюшин Г. Н.* О характере материальной культуры..., с. 40.

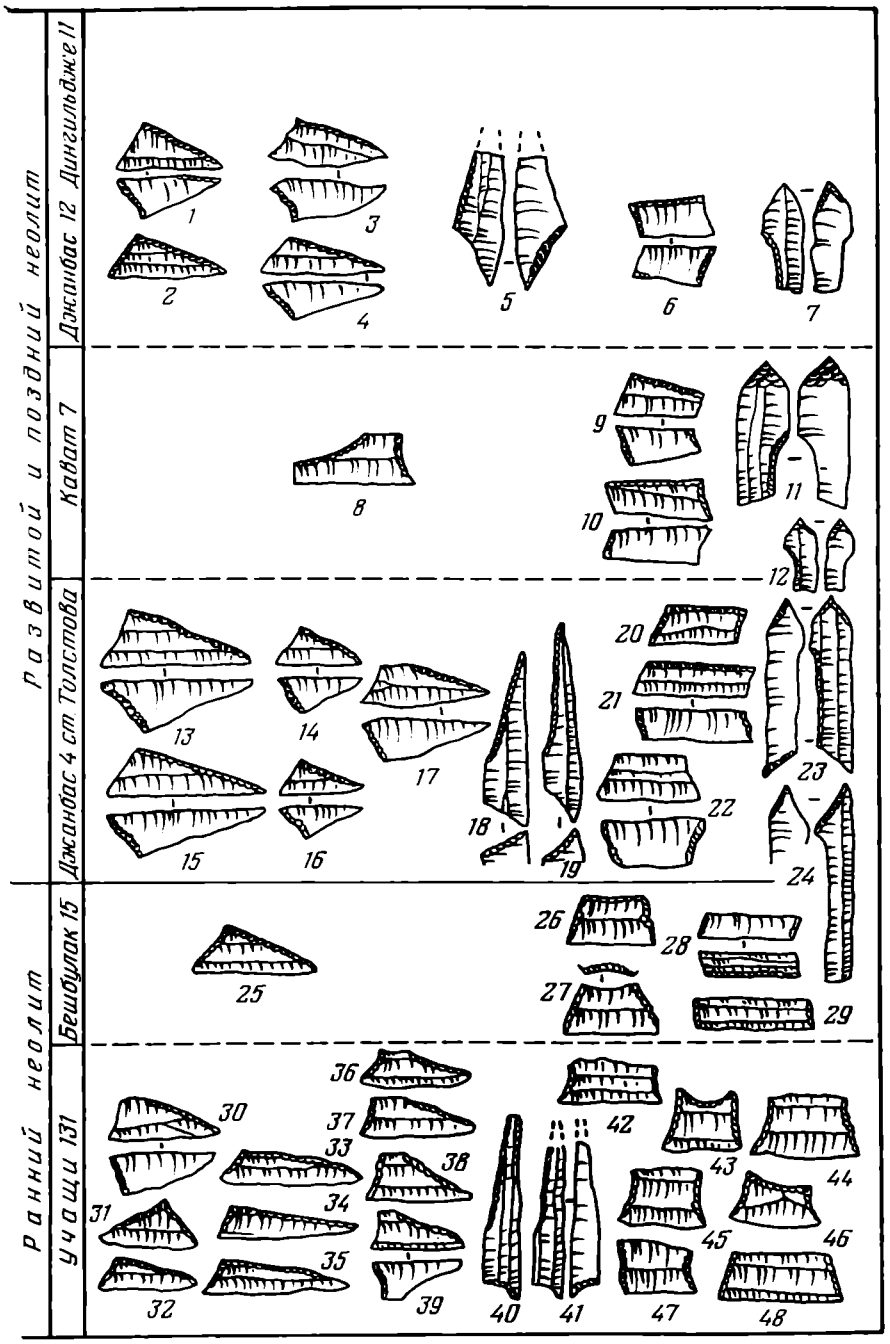


Рис. 1. Эволюция некоторых форм кремневых микролитических орудий неолита Кызылкумов: *1, 6, 7* — стоянка Джанбас 12 (подъемка); *2—5* — стоянка Дингильдже 11 (подъемка); *8—12* — стоянка Кават 7; *13* — стоянка Джанбас 4; *14—21, 23* — стоянка Толстова; *22* — стоянка Джингельды 6 (подъемка); *24—29* — стоянка Бешбулак 15 (подъемка); *30—48* — стоянка Учащи 131

острия (табл. 20, *2—3*). Ближайшие аналогии им имеются в Кызылкумах, как в материалах ранненеолитической стоянки Учащи 131, так и более поздней стоянки Толстова (см. рис. 1, *18—19, 41, 42*). Наконец, серия мелких, в основном симметричных трапеций (табл. 20, *6, 8—10*) может быть сопоставлена на юге только с соответствующими группами изделий ранненеолитических (Туткаул, 2-й слой; Джебел, 5-й слой; Учащи 131; Джейтун и др.) и в отдельных случаях еще более поздних памятников. Никаких других заведомо мезолитических находок в инвентаре стоянки нет.

Приведенные выше аналогии позволяют несколько по-иному отнестись к датировке стоянки. Это касается и ряда других зауральских стоянок, отнесенных автором к мезолиту.

Представления автора о связи распространения геометрических микролитов только с ранней волной ближневосточных влияний (с. 240—241) нам не кажется основательным. Опираясь на среднеазиатские и казахстанские материалы, можно полагать, что распространение геометрических микролитов некоторых типов на новых территориях происходило и на разных этапах мезолита, и в неолите. В связи с этим не приходится говорить и о «едином центре» для всех конкретных случаев появления изделий геометрических форм на новых территориях (с. 240). Безусловно, процесс этот был поэтапным, и если связывать появление микролитов в Зауралье с южными влияниями, то логично предположить, что они пришли туда не из Восточного Средиземноморья и даже, вероятно, не из Южного Прикаспия, а из Средней Азии и Западного Казахстана. В связи с этим удивительно почти полное игнорирование при сравнительном анализе среднеазиатских материалов.

Автор ссылается при этом на непредставительность материалов Дам-Дам чешме II и нижних слоев Джебела[8] и необходимость привлечь к сравнению «вместо мезолитических памятников Средней Азии аналогичные им мезолитические памятники Южного Прикаспия и более отдаленных территорий Ближнего Востока» (с. 146). Согласиться с этим нельзя: материал Дам-Дам чешме II значительно обильнее, чем находки из пещеры Гари-Камарбанд (основной объект для сравнительного анализа); оба памятника достаточно хорошо опубликованы. Добавим, что при близости материальной культуры памятников мезолита Восточного Прикаспия, с одной стороны, и Южного Прикаспия и более западных районов — с другой, они отнюдь не идентичны, и вряд ли можно оправдать столь неубедительную замену одних другими. Укажем, наконец, что при этом даже речи не идет о неолитических материалах из Средней Азии, хотя, как известно, геометрические микролиты для них весьма характерны[9].

Как уже говорилось, основным объектом для сравнения был выбран Гари-Камарбанд (с. 146—150); автор пришел к заключению о типологическом и хронологическом соответствии материалов памятников янгельского типа с индустрией нижних слоев пещеры (слои 22—28). Главным ориентиром послужили крупные асимметричные выемчатые трапеции нижних слоев пещеры, совершенно аналогичные, по мнению Г. Н. Матюшина, зауральским, янгельским. Действительно, некоторое общее сходство между этими группами микролитов имеется, но не менее существенны и различия. Зауральские трапеции, как правило, более вытянуты, для них не характерна двусторонняя выемчатость, свойственная многим изделиям из Гари-Камарбанда. Не менее важны различия в характере заготовок и в технике обработки. Геометрические микролиты и изделия с притупленной спинкой Гари-Камарбанда сделаны из пластин второй группы (slender-blades), в то время как все зауральские микролиты — из пластин, наиболее соответствующих третьей группе (fine-blades) классификации К. Куна, для раннего мезолита не характерных[10]. Наиболее же существенно то обстоятельство, что подавляющее большинство зауральских трапеций и треугольников обработано довольно пологой противолежащей ретушью, в то время как гари-камарбандские трапеции — вертикальной ретушью со спинки. Противолежащая ретушь, в целом мало характерная для мезолитической техники Восточного Средиземноморья и соседних областей (включая Среднюю Азию), является в то же время специфической этнографической особенностью индустрий янгельского типа

---

[8] Этот материал «весьма немногочисленен, что затрудняет наглядное сравнение» (с. 146).

[9] Из среднеазиатско-казахстанских памятников внимание автора привлекли лишь карагандинские стоянки Караганда 15 и Зеленая балка 4 (с. 150—152). Попытку датировать комплексы с трапециями этих памятников эпохой мезолита нельзя признать удачной. Трапеции карагандинских стоянок типично неолитические и имеют многочисленные аналогии в ранненеолитических комплексах Средней Азии.

[10] *Coon C. S.* Cave explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, p. 69, 70. Аналогичны раннемезолитическим гари-камарбандским лишь заготовки из Шикаевки II (см.: *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола.— ВАУ, 1975, № 13, с. 82, рис. 3).

Зауралья, а также поздних (неолит) микролитических комплексов некоторых районов Средней Азии.

Нельзя не заметить, что и в целом между индустриями нижних слоев Гари-Камарбанда, с одной стороны, и стоянок янгельского типа — с другой, не наблюдается столь близких соответствий, на которых настаивает автор (с. 148—150). В частности, в Зауралье не находят аналогий такие специфические для мезолита Восточного Средиземноморья и близких в культурном плане районов типы изделий с притупленной спинкой, как вытянутые сегменты и острия [11]. Нет в Зауралье, вопреки утверждению Г. Н. Матюшина, и плечиковых сверл на крупных неправильных пластинах, весьма характерных для мезолита Южного Прикаспия и Афганистана. Мало содействует доказательности этой идеи и сравнение скребков, ребристых пластин и других хронологически широко распространенных изделий из Гари-Камарбанда и Зауралья. Следует отметить, что не только в мезолите Восточного Средиземноморья, но и в неолите Средней Азии можно найти многочисленные аналогии таким изделиям памятников янгельского типа, как «микрорезцы», усеченные пластинки, пластинки с выемками, отчасти боковые резцы на пластинах. Нет никаких оснований говорить ни о том, что «характер материальной культуры мезолитических общин Южного Урала был практически идентичен южноприкаспийскому и североиракскому» (с. 296), ни о «янгельско-бельской культурной общности» (с. 200), ни, следовательно, о синхронности памятников янгельской культуры с поздним палеолитом и ранним мезолитом Прикаспия (с. 186).

Мы хотели бы обратить внимание автора в связи с геометрическими микролитами на среднеазиатские позднемезолитические и особенно неолитические материалы. Нам представляется, что сравнительный анализ этих материалов и зауральских, будь он проведен автором, дал бы интересные данные и для культурно-исторической, и в ряде случаев для хронологической интерпретации последних. На рис. 1 приведены некоторые материалы, показывающие характер и эволюцию изделий геометрических форм на территории Кызылкумов. Мы не ставим здесь задачу провести детальное сравнение, хотелось бы лишь обратить внимание на наличие таких характерных «янгельских» форм, как асимметричные выемчатые треугольники (рис. 1, *1—4, 13—16, 30—35*), ромбы (или параллелограммы, рис. 1, *6, 9, 10, 20—21, 28—29*), реже — типичные янгельские трапеции (рис. 1, *8, 17, 36—39*) и вытянутые трапециевидные острия (рис. 1, *5, 18—19, 40—41*). Что касается эволюции форм и техники, то следует обратить внимание на резкое возрастание количества изделий, обработанных противолежащей ретушью на фазе развитого неолита. Существенно также и то, что небольшие симметричные в основном трапеции (рис. 1, *42—48*) не бытуют уже (во всяком случае в сериях) в развитом и позднем неолите, в то время как типично янгельские треугольники и вытянутые трапециевидные острия с противолежащей ретушью (типа Долгий Ельник II) продолжают существовать [12].

Сравнивая зауральские и среднеазиатские неолитические микролиты, необходимо указать на некоторые различия. На кызылкумских стоянках доля трапециевидных изделий относительно треугольных меньше, чем в Зауралье; первые имеют в целом несколько меньшие размеры. Не исключено, что эти обстоятельства и некоторые другие свидетельствуют о несколько более позднем возрасте среднеазиатских микролитов, однако, чтобы подтвердить это положение, необходим комплексный сравнительный анализ материалов. Но даже учитывая эти обстоятельства, сходство

---

[11] Ср., например, табл. VIII, *5*, *7*, *10—14* в работе К. Куна (*Coon C. S.* Op. cit.) и табл. 25, *13—16*, *19*, *21*; табл. 41, *5*, *12—14*, *17* и др. в книге Г. Н. Матюшина. В статистике К. Куна эти изделия из Гари-Камарбанда названы пластинами с притупленной спинкой и, видимо, на этом основании сопоставлены Г. Н. Матюшиным с мелкими пластинками с притупленной спинкой из Зауралья. Типологически это несопоставимые вещи; последние в равной мере характерны в Средней Азии и для мезолита, и для неолита.

[12] Находка обломка изделия последнего типа, по мнению Г. Н. Матюшина позднемезолитического, послужила, пожалуй, единственным серьезным основанием для разделения материалов раскопанной Н. П. Кипарисовой стоянки Полуденка II на два «комплекса» (см.: *Матюшин Г. Н.* К вопросу о раннем неолите Урала.— КСИА АН СССР, № 141, 1975, с. 26—28).

не только основных форм, но и специфических приемов обработки показывает, что они не могут быть существенно разорваны во времени.

Рассматривая все эти данные, мы не ставили своей задачей пересмотр датировки памятников, отнесенных Г. Н. Матюшиным к мезолиту; для этого необходим, как уже говорилось, тщательный сравнительный анализ. Однако в свете этих данных нам кажется, что если комплексы янгельского типа (янгельский-яктыкульский этапы) относятся к мезолиту, то, видимо, к поздним его фазам. Вполне вероятен и неолитический возраст ряда стоянок.

Учитывая не совсем четкую стратиграфию многих неоднослойных памятников Зауралья, нам представляется, что в ряде случаев не следует придавать абсолютного значения отсутствию или наличию керамики. Известно, что в ранненеолитических памятниках пустынной зоны Средней Азии керамика крайне немногочисленна и сильно фрагментирована. В качестве примера можно указать на ранненеолитические слои Джебела и стоянку Учащи 131. Керамику Учащи 131, например (несколько десятков мелких, лишь изредка бедно орнаментированных обломков), было бы, пожалуй, невозможно отделить типологически от более поздней неолитической керамики, характерной для этого района, именно по причине ее немногочисленности и фрагментарности.

Несколько слов следует сказать о Шикаевке II, геометрические микролиты которой безоговорочно отнесены к типу янгельских. Ранний (позднепалеолитический или раннемезолитический) возраст стоянки как будто не вызывает сомнений. Главная проблема — в какой степени Шикаевка II древнее памятников типа Янгельки. При публикации стоянки указывалось на сходство найденных там треугольников с микролитами янгельского типа, однако, было отмечено, что оно имеет формальный характер. Действительно, первые существенно отличались формой (тупоугольные пропорции), большими размерами, характером обработки (крутая ретушь со спинки) [13]. Каково хронологическое значение этих различий, не означают ли они более существенного, чем полагает автор, временного разрыва между Шикаевкой II и памятниками янгельского типа? Материалы выделенного Г. Н. Матюшиным промежуточного безымянномысского этапа не могут пока дать исчерпывающего ответа в силу их крайней малочисленности [14].

Любопытно, что сопоставив шикаевские треугольники с другими близкими по времени материалами, нетрудно заметить, что они, бесспорно, значительно ближе некоторым геометрическим формам Северной и Западной Европы, чем микролиты Гари-Камарбанда [15]. Правда, на севере Средней Азии имеются два неучтенные автором пункта с близкими по специфическим пропорциям микролитами, однако они, к сожалению, не имеют твердых датировок [16].

В последнем разделе книги рассмотрены вопросы происхождения и этнической истории, экономики и общественных отношений населения Южного Урала, оставившего памятники романовско-ильмурзинского и янгельского типов. Анализируя палеолитические материалы с этой территории, автор приходит к выводу, что на протяжении большей части плейстоцена она была малообитаемой и что окончательное ее заселение произошло в самом конце плейстоцена (с. 194). Что касается происхождения этого населения, то романовско-ильмурзинская культура «в общем плане ... входит в восточноевропейскую общность ..., которая территориально охватывает

---

[13] *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Ук. соч., с. 82, 83. См. также *Петрин В. Т., Цейтлин С. М.* Геология и палеогеография палеолитического памятника Шикаевка.— БКИЧП, 1976, № 45, с. 106—109.

[14] Из двух отнесенных к этому этапу памятников об одном (Б. Бугодак) никаких данных, кроме трех рисунков в сводной таблице (рис. 44, *82—84*), не приведено, в материалах другого (Мыс Безымянный) вместе с двумя трапециями, возможно раннего типа, имеется симметричная трапеция, нехарактерная даже для Янгельки.

[15] Ср., например, рис. 44, *90—92*; рис. 45, *B*; рис. 46, *1*, *5* и др. в книге Г. Н. Матюшина.

[16] *Марков Г. Е.* Раскопки первобытной стоянки Оюклы.— Вестн. МГУ, 1961, № 3, с. 75, рис. 3, *11*; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, 1969, № 158, с. 85, рис. 20, *25*. Материалы Шикаевки и ранних янгельских памятников дают, как нам кажется, основания для уточнения датировки этих материалов.

области от Северной Польши до Урала и хронологически от палеолита до раннего неолита» (с. 198, 199). Вместе с тем автор не исключает возможности южных, единых с зауральскими истоков происхождения приуральского мезолита (с. 271). Во всяком случае появление культуры типа Шикаевки II и культуры нижних слоев Ильмурзина он связывает с продвижением групп населения из районов Прикаспия в самом конце вюрма (с. 297). Памятники янгельского типа «относятся к кругу прикаспийско-ближневосточных культур» (с. 199). Применительно к Зауралью Г. Н. Матюшин считает даже возможным говорить о «янгельско-белтской культурной общности» (с. 200). Автор полагает, что трапеции и сопутствующий им пластинчатый инвентарь не могли самостоятельно появиться в Европе и являются чуждыми и пришлыми для позднепалеолитических и мезолитических культур за пределами Юго-Западной Азии (с. 226) [17].

Сама идея о ближневосточном происхождении геометрических микролитов не является оригинальной; материалы из разных регионов неоднократно анализировались с этой точки зрения. Не вдаваясь в данном случае в ее оценку, укажем лишь на определенную прямолинейность в изложении автором этой идеи. Учитывая факт появления микролитов за пределами Юго-Западной Азии еще в конце палеолита и бытования там геометрических форм, не известных в Восточном Средиземноморье, трудно поверить в идею распространения их (включая и типы с боковыми выемками) из единого центра (с. 238) или из единой («ядерной») зоны (с. 226). Очевидно, чтобы не впасть в упрощение в данном случае (даже принимая в целом эту идею), не обойтись без понятий типа «первичный центр» и «вторичный центр» (или, проще говоря, без поэтапной схемы, со свойственной такому процессу трансформацией признаков).

Основная идея автора заключается в том, чтобы определенным образом связать распространение геометрических микролитов за пределами Восточного Средиземноморья с распространением здесь же и из того же центра производящего хозяйства. Более того, распространение «культуры трапеций и пластин» на просторах Евразии связывается с распространением индоевропейских языков (с. 283—291).

В общем виде эта гипотеза представляет определенный интерес. Разработка обширнейшего материала под этим углом зрения, даже если сама гипотеза в конечном итоге окажется необоснованной, может привести ко многим интересным наблюдениям.

Предлагая гипотезу, автор исходит из следующих положений: геометрические микролиты и производящее хозяйство распространялись с Ближнего Востока примерно одними и теми же путями; области бытования микролитов (в частности, в Европе) в основном совпадают с областями распространения ранних форм производящего хозяйства. Автор отдает себе отчет в том, что эта картина при детальном рассмотрении не столь стройна. На всех территориях возникновения и распространения ранних микролитов и производящего хозяйства разделено изрядным промежутком времени. Нет и полного территориального совпадения: Балканы и Подунавье, например,— один из древнейших районов производящего хозяйства в Европе — относятся к числу таких исключений. Учитывая это, автор говорит о распространении вместе с геометрическими микролитами не производящего хозяйства или его элементов, а лишь «идеи производящего хозяйства» (с. 241, 243 и др.).

Для обоснования гипотезы автором привлечен обширный материал, к сожалению, не всегда критически проанализированный и строго отобранный. В применении к эпохе мезолита понятие «идея», употребляемое автором, скорее всего должно обозначать нечто близкое к понятиям «навыки», «приемы», т. е. применительно к исследуемой проблеме носители «идеи производящего хозяйства» должны быть знакомы с определенной суммой опыта хотя бы самой первоначальной стадии фактического производства пищи. Между тем если зарождение и начальный этап широкого распространения геометрических форм и в Юго-Восточной Азии, и в Европе относится к концу верхнего палеолита и раннему мезолиту, то бесспорные свидетельства существования производящего хозяйства даже в Восточном Средиземноморье

[17] Говоря о ближневосточных микролитах, Г. Н. Матюшин имеет в виду не все их многообразие, а прежде всего низкие асимметричные трапеции с боковыми выемками и именно в этом смысле широко применяет термин «индустрия трапеций и пластин» (с. 298 сл.) и др.

относятся только к концу мезолита, видимо, ко времени не ранее VIII тысячелетия до н. э. В Загросе это Асиаб, верхние слои Гандж-Даре, Али-Кош и Джармо, в Леванте — памятники докерамического неолита А. Натуфийцы еще не знали домашних животных (кроме, возможно, собаки), спорным является вопрос о наличии элементов производящей экономики в Зави Чеми Шанидаре и Карим-Шахире [18]. В областях восточнее Загроса, включая Северный Афганистан и Среднюю Азию, производящее хозяйство появилось, видимо, только в VII—VI тысячелетиях до н. э. Начало процесса становления новой экономики относится, естественно, к несколько более раннему времени, однако, не к концу вюрма — эпохе, с которой Г. Н. Матюшин связывает широкое распространение «культуры трапеций и пластин». В связи с этим более чем проблематична связь последней с «идеей производящего хозяйства»; не говоря уже о возможном распространении «первых домашних животных и культурных злаков» (с. 294).

Небезынтересно заметить, что, судя по всему, геометрические микролиты и сколько-нибудь развитое производящее хозяйство являются взаимоисключающими явлениями. В Восточном Средиземноморье становление производящей экономики связано с кризисом производства геометрических микролитов, почти полностью исчезающих в инвентаре поселений, где господствует производящее хозяйство. Уже в Гандж-Даре геометрических микролитов немного, мало их в Джармо, почти нет в Али-Коше. Начало этого процесса относится к несколько более раннему времени. Как свидетельствуют данные функционального анализа, часть их, в тех случаях, когда они еще некоторое время сохраняются, использовалась в качестве вкладышей серпов, однако, их переживание в обществах, перешедших к производящему хозяйству, скорее связано с консервативной традицией, чем обусловлено спецификой хозяйства. На это указывает их полное исчезновение (при сохранении ряда других пластинчатых орудий) в последующее время. Этот процесс хорошо демонстрируют памятники джейтунской культуры. На Южном Урале первые прямые свидетельства становления производящего хозяйства относятся лишь к концу неолита и связаны с совершенно иной каменной индустрией при почти полном кризисе ранней микролитической техники. Длительность и характер переживания геометрических форм в обществах с производящей экономикой, видимо, прямо связана с их ролью и значением в сохраняющихся отраслях присваивающего хозяйства. На их связь прежде всего с охотой и рыболовством указывают факты длительного переживания микролитической техники в культурах, в которых присваивающее хозяйство доминирует до конца неолита (например, в некоторых районах Средней Азии).

Принято говорить, и не без достаточных к тому оснований, о создании необходимых предпосылок, о «вызревании» в недрах мезолита условий, необходимых для восприятия производящей экономики. Но рассматривать на этом основании мезолитических охотников и рыболовов (например, обитателей Янгельки) как носителей «идеи производящего хозяйства» было бы явной натяжкой.

Считается, что процесс распространения и становления производящего хозяйства в Евразии был сложным, поэтапным и весьма длительным. Материалы показывают, что с конца мезолита и на протяжении всего неолита и энеолита элементы его появляются почти везде, где имелись соответствующие естественно-географические условия, а общество достигло в своем развитии необходимого уровня, вне зависимости от того, прошло оно через стадию «культуры трапеций и пластин» или нет. Современные представления об этом процессе в целом не очень согласуются с гипотезой Г. Н. Матюшина.

В заключительных главах книги («Проблемы экономики и общественных отношений», «Проблемы этнической истории», «Об историческом месте мезолита») автор на широком историческом фоне рассматривает естественные и социальные предпосылки расселения мезолитического человека из Восточного Средиземноморья, некоторые общие вопросы хозяйства племен Южного Урала, анализируя с этой точки зрения особенности эволюции кремневого инвентаря, этнолингвистический аспект расселения и некоторые другие проблемы.

---

[18] *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. Автореф. канд. дис. М., 1976; *Valla F. R.* Le Natoufien. Une culture prehistorique en Palestine. Paris, 1975, p. 127.

Большая часть этих глав посвящена выяснению причин широкой миграции восточносредиземноморского населения в различные регионы Евразии. Основную причину этого автор видит в кризисе присваивающего хозяйства и вызванной резким и глубоким изменением климата Восточного Средиземноморья (наступление «экстремально-аридных условий» — с. 294, 296). Если принять во внимание «оазисную теорию» Г. Чайлда, то эта проблема обсуждается исследователями разных направлений уже около 40 лет. Как показывают новейшие материалы, общее потепление климата действительно имело место на протяжении плейстоцена и голоцена. Большинство специалистов считают сейчас, что определенный климатический «перелом» прослеживается на границе позднепослеледникового периода. Полемика группируется в основном вокруг количественной оценки этого явления и характера и степени его воздействия на экономику позднепалеолитических — раннемезолитических обществ Восточного Средиземноморья и других областей Евразии. Представления Г. Н. Матюшина следует отнести на самый крайний фланг высказанных ранее мнений: при всей разноречивости последних, пожалуй, никто не оценивал ландшафтно-климатические условия Восточного Средиземноморья в это время в целом как экстремально-аридные. Считается, что этот «скачок», как будто бы синхронный для огромных территорий, не означал во всех случаях однонаправленного изменения ландшафтно-климатических условий. Даже применительно к восточносредиземноморскому региону, учитывая общую для разных районов его тенденцию к потеплению и определенной аридизации климата, трудно применимо общее однозначное определение: противоречивый в ряде случаев характер источников отражает, видимо, значительную сложность картины, не реконструируемой пока в деталях из-за недостатка фактического материала.

По рассматриваемой автором проблеме имеются многочисленные сводки, в том числе на русском языке [19]; естественно было бы использовать их в качестве отправного пункта, проанализировав и дополнив новыми данными. Однако автор решил заново обосновать и количественно оценить этот климатический «скачок». В связи с этим нельзя не сказать несколько слов о характере и качестве его аргументации, которая не всегда находится на уровне обсуждаемых автором проблем. Чтобы доказать потепление климата, автор привлекает множество самых разнообразных данных с огромных территорий Евразии и Африки — от результатов изучения пыльцевых спектров до колебаний температуры льдов в Гренландии и изменений температурного режима и уровня Мирового океана. Однако с этим сейчас, пожалуй, никто не спорит. Другое дело конкретная оценка ландшафтно-климатических условий Восточного Средиземноморья в период климатического перелома (по Г. Н. Матюшину — 14—12 тыс. лет назад). Обоснования в данном случае у автора значительно менее убедительны, чем у его предшественников. В известной мере о случайном характере используемых факторов и некритическом к ним отношении можно судить хотя бы по приводимым автором данным о режиме Каспийского моря. Они сопоставляются с колебаниями озера Чад и трактуются в прямой связи с аридизацией климата в Восточном Средиземноморье и в Южном Прикаспии в частности. Если в оценке этих явлений следовать Г. Н. Матюшину, то следует считать, что в XII—X тысячелетиях до н. э. климат здесь был более влажным, чем современный, так как, судя по приведенным в книге данным (см. рис. 54 на с. 260), уровень Каспия был на 12—20 *м* выше современного. Согласно последним данным, на указанное автором время приходится не низкое стояние, а, напротив, позднe-

[19] Из последних укажем: *Долуханов П. М.* Палеогеография палеолита Восточного Средиземноморья.— В сб.: Археология Старого и Нового света. М., 1966; *Шнирельман В. А.* Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии.— В сб.: Актуальные проблемы этнографии. Материалы комиссии этнографии 1972—1973 гг. Московский филиал Географического общества СССР. М., 1973. В обоих работах данные по палеогеографии теснейшим образом увязаны с археологическим материалом. П. М. Долуханов, синхронизируя климатические колебания в Средиземноморье и на севере Европы и отмечая, что колебания эти в Средиземноморье не были столь резки, как на Севере, указывает, что последняя фаза (конец вюрма) выражена менее отчетливо, чем другие, и отражена не во всех разрезах (с. 122). В. А. Шнирельман рассматривает климатические изменения на рубеже плейстоцена и голоцена как одну из возможных причин возникновения производящего хозяйства в Передней Азии.

плейстоценовая верхневалынская трансгрессия моря (во всяком случае ее заключительные фазы) [20]. Значительная Мангышлакская регрессия, с которой некоторые исследователи связывают аридизацию климата Арало-Каспийского региона, относится к более позднему времени.

Но дело даже не только в этом. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что сейчас не совсем ясно, какова связь колебаний уровня Каспия с изменениями увлажненности непосредственно окружающих его областей. С одной стороны, имеются материалы, свидетельствующие в ряде случаев о прямой связи этих факторов, с другой — накапливается все больше данных в пользу принципа зональной метахронности изменений климата. Учитывая это последнее и исходя из того, что гидрологический режим Каспия зависит в значительной мере от степени увлажненности климата лесных районов Русской равнины, следует по крайней мере с большей осторожностью прямо связывать засушливые периоды в Южном Прикаспии с низким уровнем Каспийского моря. Учитывая это, а также явную несогласованность имеющихся абсолютных датировок, нельзя исключать случайного характера совпадений колебаний уровней Каспийского моря и центральноафриканских озер в конце плейстоцена и голоцена.

Заметим также, что автору следовало бы оценить позиции исследователей, являющихся противниками идеи существенного воздействия изменений природной среды на общество в это время и объясняющих перемены в его экономике и образе жизни прежде всего факторами внутреннего развития. Виднейшими представителями этой точки зрения являются сейчас, пожалуй, В. М. Массон и К. Флэннэри.

Очень большие сомнения вызывают данные автора о раннем («не позднее VI тысячелетия до н. э.», с. 267) возникновении скотоводства на Южном Урале. Не исключено, что предлагаемые автором даты стоянок, на которых найдены кости домашних животных, также нуждаются в уточнениях. По среднеазиатским аналогиям памятники типа Долгого Ельника II вряд ли могут быть отнесены ко времени ранее первой половины V тысячелетия до н. э.; соответственно, видимо, должны быть датированы и более поздние, чем Долгий Ельник II, стоянки с находками костей домашних животных. С точки зрения основной концепции автора (особенно, если речь идет о VI тысячелетии до н. э.) население Южного Урала должно было получить домашних животных из Восточного Прикаспия. Между тем лошадь, кости которой составляют на южноуральских стоянках до 90% всех костей, известна в Средней Азии только с II тысячелетия до н. э. (возможно, по некоторым косвенным данным, с III тысячелетия до н. э.). Нет никаких данных относить формирование ямной культурной общности к V тысячелетию до н. э., как это делает автор; это, очевидно, произошло к началу III тысячелетия до н. э. [21]. К этому времени или к концу IV тысячелетия до н. э., видимо, относится и появление элементов производящего хозяйства на Южном Урале. И уж во всяком случае совершенно безосновательно допущение наличия элементов производящего хозяйства в мезолите Южного Урала (с. 267).

В разделе, посвященном общественным отношениям, важным представляются наблюдения автора о динамике площадей стоянок каменного века и их географическом распространении. Слабым местом такого рода исследований является, однако, отсутствие материалов о жилищах.

Г. Н. Матюшиным прослежены в рамках Приуральской и Зауральской общностей три порядка группировок поселения, разделенных расстояниями соответственно в 120—150, 60—70 и 15—20 *км*. Нельзя не согласиться с автором, что эти явления скорее всего не случайного характера, однако, вряд ли можно объяснить это, исходя лишь из идеи «разграничения племенных территорий», при полном отрицании влияния природного фактора (с. 278). Вряд ли без учета последнего можно объяснить

---

[20] На X тысячелетие до н. э. (11 000—11 800 лет назад) приходится «пик тюленя», отчетливо прослеживаемый по материалам Гари-Камарбанда и Али Таппеха и связываемый с высоким стоянием Каспийского моря. См.: *Mc Burney C. B. M.* The cave of Ali Tappeh and the epi-palaeolithic in the N. E. Iran.— Proceedings of the Prehistoric Society, 1968, N 34, p. 408—411.

[21] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

наличие «необитаемых» озер и многослойный характер памятников в других местах.

Книгу Г. Н. Матюшина трудно оценить однозначно. Как на главный ее недостаток следует указать на крайне непредставительный характер собственно южноуральских материалов, публикация и анализ которых, надо полагать, являлись основными задачами автора. В этом плане книга не совсем соответствует ее названию. Даже те фактические данные, которые в ней содержатся, воспринимаются с большим трудом из-за крайней перегруженности различными сведениями, лишь косвенно касающимися, а иногда совсем не относящимися к главной теме исследования.

Привлекает в книге ярко выраженная склонность автора к широким и, надо сказать, порой весьма смелым обобщениям. Важно, что в некоторых случаях автору удается взглянуть на десятилетиями обсуждавшиеся проблемы под совершенно новым углом зрения. Это, в частности, относится уже к высказывавшейся ранее гипотезе о связи распространения «индустрии трапеций и пластин» с формированием индоевропейской языковой общности. К сожалению, слабым местом такого рода гипотез являются крайности, в которые автор невольно впадает, и, главным образом, нечеткость фактической аргументации. Безусловно, аргументация автора в ряде случаев могла быть более убедительной, будучи построенной по принципу — лучше меньше, но качественнее. Естественно, в любом случае прежде всего должны быть тщательно проанализированы все материалы, не согласующиеся с выдвигаемой концепцией.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что многие из высказанных в рецензии замечаний могут иметь дискуссионный характер. Однако, как нам кажется, более строгие требования к изложению материалов могли бы значительно улучшить качество книги.

А. В. Виноградов

В. М. Массон. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). МИА, № 180, 1971, 207 с., табл. XLII; **В. М. Массон. Экономика и социальный строй древних обществ.** Л., 1976, 191 с.

В последние десятилетия в советской археологической науке, впрочем так же, как и в зарубежной, наблюдается значительное оживление в области поиска и применения новых методов в целях повышения информативных возможностей археологических объектов. Делается это главным образом за счет внедрения в археологию различных естественных и физических методов, применения математических приемов обработки археологического материала. В результате в ряде работ получены важные заключения об экологической обстановке в естественноисторическом плане, географическом размещении древних сообществ, абсолютной и относительной хронологизации исторических процессов и событий.

На фоне современного познавательного состояния археологии становятся очевидными и недостатки, сопутствующие ее росту как исторической дисциплины. Пожалуй, одним из главных недостатков остается некоторая стереотипность подхода к изучению самих археологических источников, ограниченность обобщений и поисков закономерностей, определяющих саму причинность исторического движения в его общих и конкретных выражениях. Не случайно в 1976 г. состоялось заседание Ученого совета при Отделении исторических наук АН СССР на тему «Историзм археологии: методологические проблемы». Заседание было вызвано необходимостью обратить внимание на разработку в археологии новых теоретических и конкретно-исторических проблем собственно гуманитарного или социологического профиля. Речь идет о совершенствовании самой методологической базы археологической науки, о дальнейшем углублении методических приемов изучения археологического материала, повышении социально-экономической содержательности интерпретации этого материала. В новейших археологических исследованиях значительное место уделяется разработкам экономических тем, развитию производственных сил и производственных отношений в их реальном выражении. Делаются успешные попытки пойти

дальше простого установления рода занятий у древних сообществ. Исследуются содержание и экономический потенциал древних производств, их взаимодействие, соподчиненность с общественными потребностями в необходимом продукте и пути их удовлетворения. Изучаются истоки и сущность надстроечных явлений.

Именно в недрах этой проблематики и берет свое начало сравнительно новое направление в археологической науке — палеоэкономика. Оно включает в себя многие естественноисторические разработки, результаты гуманитарных исследований, в том числе и палеодемографию.

В нашей литературе не было еще исследования, обобщающего опыт использования палеоэкономических изысканий в комплексе с другими научно-аналитическими направлениями применительно к археологическим источникам. Не было и труда, в котором разрабатывались бы новые методические исследования в широком географическом и историческом аспектах, конкретные историко-археологические проблемы. Эту лакуну в известной мере заполняют сейчас труды В. М. Массона.

В ряде статей, а затем и в монографиях В. М. Массон обратился сначала к краеугольной проблеме археологической науки — проблеме становления производящей экономики и реконструкции всех тех социально-экономических явлений, которые возникали и развивались в связи с крушением основ присваивающих форм хозяйства.

В книге «Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики)» В. М. Массон подробно анализирует различные категории археологического материала, привнося при этом в изучение, особенно орудий труда, значительную долю функционального метода исследования, разработанного С. А. Семеновым и примененного Г. Ф. Коробковой. Изучение археологических материалов ведется при строгом учете стратиграфического и плоскостного распределения его в местах залеганий.

В. М. Массон уделяет много внимания планировке Джейтуна, устройству и архитектуре жилищ, хозяйственному и бытовому инвентарю. Опираясь на основные принципы диалектико-материалистического понимания исторического процесса, точно сформулировав задачи своего монографического исследования и привлекая огромный фактический материал, автор пришел к важным, во многом общеисторическим выводам.

Археологические собрания Джейтуна открыли для автора возможности вскрыть очень большой по временной протяженности и географическому охвату исторический пласт, представленный джейтунской культурой. В. М. Массон дает живые реконструкции жизни и быта джейтунцев, описывает производства, устанавливает демографические показатели, трудовые затраты на различные производственные функции, нормы потребления необходимого продукта, а также социальные условия жизни джейтунцев, их близких и далеких соседей.

В двух последних главах монографии автор выходит на широкий простор увлекательных теоретических и историко-археологических построений. Стержневой проблемой для автора остается неолитическая революция. Устраняя терминологический модернизм в этимологии этого понятия, В. М. Массон рассматривает сами неолитические преобразования как динамический процесс, причинно обусловленный, очень сложный, противоречивый и развивающийся в трех направлениях, проявивших себя в Старом и Новом Свете. Книга во всех своих частях насыщена интереснейшими интерпретациями археологического материала, объясняющими социологическую значимость его, этнографическими сопоставлениями, подчеркивающими роль и значение неолитической революции в прогрессе человечества.

Логическим и тематическим продолжением монографии «Поселение Джейтун» является новая книга В. М. Массона «Экономика и социальный строй древних обществ».

Книга состоит из восьми глав, введения и заключения. Первая глава посвящена проблеме социологических исследований в археологии. Далее следуют теоретические и конкретно-исторические разработки, тесно связанные с археологическим материалом и в большинстве выводов во многом зависящие от него. К ним относятся: добыча и производство продуктов питания (гл. 2), древние промыслы и ремесла (гл. 3), обмен, торговля, первобытные деньги (гл. 4), вопросы палеодемографии и палеоэкономики (гл. 5), планировка жилищ и вопросы общественной эволюции

(гл. 6), от охотничьих стоянок к древним городам (гл. 7), погребальные обряды и социальная стратификация древних обществ (гл. 8).

В изложении автор довольно строго придерживается своего понимания задач археологии, ставящей целью «изучение закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах» (стр. 11). Сказав о цели, В. М. Массон предлагает и средства исследования, заключенные в двухэтапном познавательном процессе: источниковедческом и реконструктивном, приводящем к выявлению социально-экономического состояния изучаемого общества.

Прежде чем определить свое отношение к задачам археологии, автор характеризует положение археологии на Западе и в Америке, критикует неопозитивизм и другие «неоархеологические» течения, отдает должное сдвигам в сторону материалистического понимания исторического содержания предмета археологии за рубежом (Л. Уайт, Л. Бинфорд, Г. Чайльд, Р. Брейдвуд).

В. М. Массона очень привлекает и история сложения современных взглядов на задачи археологической науки в СССР. Им справедливо оцениваются те дискуссии, которые имели место в 30-х годах. Уже в то время советские археологи определяли значение труда К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» как произведения, где четко определены материалистические взгляды на исторический процесс, на детерминированность его различными формами материального производства и социальных взаимодействий. Приведенные в книге новые разработки, раскрывающие значение «Немецкой идеологии» для философии и истории, нужно было бы сопроводить отсылкой к первоисточнику (с. 18).

И в этом труде В. М. Массона основными исходными положениями, определяющими его теоретическую основу, остаются и получают дальнейшее развитие диалектико-материалистические принципы, направляющие положения исторического материализма. В книге это не декларативные постулаты, как это иногда бывает, а органическое существо историко-археологического повествования, его сердцевина. В монографии «Экономика и социальный строй древних обществ» В. М. Массон значительно приумножил и расширил свои исследования в методологическом, методическом и конкретно-историческом отношении. Автор и в этой работе ставит в центр исследований археологический материал и в основном на нем развивает свои экономические и социологические разработки. В явлениях базисного порядка В. М. Массон ищет объяснений для многих социально-экономических функций общественных организмов, для содержания надстроечных явлений. При этом размах исследований В. М. Массона в этом сочинении значительно увеличивается за счет расширения хронологических рамок и объема информативного материала. И все же В. М. Массон, оставаясь по своему призванию и подготовке востоковедом, в общеисторических построениях отдает предпочтение своим палеоэкономическим и социологическим анализам, взятым на примерах из истории и истории культуры Средней Азии и Ближнего Востока. Делает он это на высоком уровне источниковедческих и реконструктивных разысканий. В. М. Массон уже не связывает себя изучением обществ, стоящих на ступени первобытнообщинных отношений, как это сделано им в книге о Джейтуне, а включает в орбиту своих исследований и более ранние общественные образования, начиная с палеолита и кончая сообществами, где сложились и раннеклассовые отношения.

Основой исследовательской методики В. М. Массона является применение системного подхода к археологическим материалам. Последние выступают не только как примеры, иллюстрирующие ту или иную мысль, гипотезу автора, а как канва, определяющая контуры обобщающих исторических построений. Для В. М. Массона археологические коллекции — это те объекты, в которых аккумулированы главные виды человеческой деятельности, реконструируемые разными методическими приемами.

Последние страницы книги В. М. Массона посвящены вопросам, синтезирующим некоторые ее положения. В «Заключении» много внимания уделено периодизации общественного прогресса. Автор предлагает эпоху становления человеческого общества расчленить на три периода. Данная им схема в общем мало отличается от принятой периодизации палеолита на ранний, средний и поздний. Однако каждый

период, выделенный автором, обогащен современными характеристиками палеолитических сообществ. В. М. Массон отмечает мезолит как переходную эпоху от палеолита к неолиту. Это, по его мнению, время подчеркнутой неравномерности исторического развития сообщества в различных географических ареалах расселения.

Именно с южной половиной Старого Света автор связывает раннее возникновение земледельческо-скотоводческой экономики. И здесь В. М. Массон выделяет тоже три периода развития: I — период архаической экономики, II — период сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики, III — период ремесел. Преемственную схему развития экономики автор сопровождает социальными реконструкциями общинных или семейно-родовых структур, характерных для каждого периода. В. М. Массон полагает, что уже в древнем палеолите, с шелльского времени, определились сообщества со своими чертами в материальной культуре, со своими локальными особенностями, например в обработке кремневых орудий. Этим сообществам были присущи признаки общинной организации. В позднем палеолите автор допускает возможным существование парной семьи. В период сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики развиваются большесемейные общины, состоящие из малых семей. Появление ремесел значительно усложняет общественную структуру и ведет к образованию первых городских центров.

Схема развития хозяйственно-культурной эволюции, нарисованная в «Заключении», выглядит более обедненно, стушеванно, чем изложение самого хода истории развития общественных и хозяйственных форм, поданное на предыдущих страницах книги. Автор не преодолел здесь некоторой скованности в изложении итоговых положений, не нашел нужных убедительных доводов, подтверждающих некоторые свои выводы. Не рассеивают этого впечатления и графические археологическая и социологическая схемы, интересно разработанные и как бы объединяющие повествование. В книге имеют место и спорные положения частного и общего значения. Так, В. М. Массон, правда с оговорками, включает в период становления человеческого общества весь палеолит, хотя сам выступает против преувеличенной архаизации палеолитической культуры и признает полную «очеловеченность» людей уже в мустьерское время.

Видимо, по причине малого объема книги автор прибегает иногда к беглым, схематическим зарисовкам ответственных историко-археологических сюжетов. Это заметно при характеристике ремесленных производств, их социальной организации. Слишком схематично преподносится анализ сложения раннеклассовых отношений, сам механизм классообразования.

Мне думается, что автору следовало бы более четко и последовательно изложить детерминированность, саму причинность неолитической революции. И главное, тех последствий, которые принес кризис охотничьей экономики, назревший уже в недрах мезолитического общества. На мой взгляд, кризис охотничьего хозяйства возник в результате смены охотничьего биоценоза, вызванного изменениями природной среды в конце палеолита. Но именно этот общеизвестный факт привел к ускоренному совершенствованию орудий охоты, появлению лука со стрелами, распространению вкладышевой техники. Это в свою очередь сначала привело к значительному повышению потребления мяса, а затем к прогрессирующему сокращению промысловых животных. Только кризисное состояние охотничьего производства, проявившее себя особенно сильно в позднюю пору мезолита, ускорило переход к производящим формам экономики — животноводству и растениеводству — вначале как к подсобным занятиям. В ту же связь нужно поставить и приручение собаки в целях помощи на охоте, увеличения самой продуктивности ее, а также и сохранения живого мясного запаса. Надо полагать, что и появление керамики на рубеже мезолита и неолита следует объяснять изменением состава питания человека. Уже в конце мезолита появилась необходимость значительно большей утилизации продуктов охоты и расширения видов промысловых животных за счет не употреблявшихся ранее в пищу форм. Возникла экономически оправданная потребность в варке мяса и вываривания сильно раздробленных костей. Этим устранялось обычное жарение мяса на костре или в пекарских ямах, приводящее к большим потерям питательных веществ.

Потребность в керамических вместилищах возникла и в связи с расширением в пищевом рационе человека растительной пищи, и особенно семян злаковых, употреблявшихся главным образом в виде каш. Изготовление этого одного из самых древнейших блюд земледельца требовало влагонепроницаемых сосудов. Рыболовство тоже нуждалось в совершенствованиях не только самого производства, хозяйственной организации его и орудий лова, но и способов сохранения продукции. Не последнее место занимали, вероятно, и способы утилизации продуктов улова. Последнее касалось, должно быть, максимального сохранения питательных элементов и экономичности при приготовлении рыбы в пищу. Это могло быть достигнуто с помощью варки рыбы. Такой способ, естественно, требовал соответствующих сосудов, чему и отвечали керамические изделия.

Внимательное ознакомление с книгами В. М. Массона дает ответ на вопрос о том, в чем же состоит важность их для понимания процессов, происходивших в истории доклассовых и раннеклассовых сообществ, обитавших на территории Европейской части СССР. Что побуждает откликнуться на труды В. М. Массона? Прежде всего их своего рода исторический универсализм: разработка концепций, имеющих общеисторическое значение. Но дело еще и в том, что население южной половины Европейской части СССР в древности играло свою особую роль в истории Восточной Европы. Эта территория была заселена еще в древнем палеолите. При этом палеоантропы находились в связях со своими восточными и, вероятно, с западными соседями. Пути развития культуры палеолитического населения Восточной Европы были во многом аналогичны эволюции палеолитического населения Кавказа и Западной Европы, а также и сообществ некоторых областей Ближнего и Среднего Востока и даже Северо-Восточной Азии. Существует и не устарела гипотеза о продвижении позднепалеолитических кроманьонцев из Европейской части СССР в Сибирь, давших там свою генетическую ветвь, представленную культурой типа знаменитого поселения Мальта на р. Белой в Иркутской области.

Нельзя не напомнить, что земледелие и скотоводство продвигались на север и северо-восток с южной половины Европейской части СССР или через эту территорию. Другие достижения человеческой деятельности шли тем же путем, а в их числе и начатки металлургии, сначала меди, а потом и бронзы.

В период сложения и начальных этапов воспроизводящих форм экономики, в эпоху энеолита, территория южной половины Европейской части СССР входила в зону так называемого полумесяца плодородия, охватывающего огромную территорию, тяготеющую к южным широтам Старого Света. Западный отрог этого «полумесяца» упирался в южную половину Европейской части СССР, в Днепр, не переходя, однако, левобережья и среднего течения реки. На правобережье он представлен комплексами памятников культур трипольского типа. Далее абрис этого «полумесяца» проходит через южное Подунавье, Балканы, Восточное Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, южный Прикаспий.

Восточный рог «полумесяца» размещается на юго-западе Средней Азии и представлен культурами типа Джейтун, Намазга, Геоксюр, нижними горизонтами Анау и др.

Не следует думать, что в пределах этой огромной ойкумены развитие позднеолитических и энеолитических культур шло однотипно и выражалось в тех же формах и пределах автохтонных преемственностей. Здесь говорится о генеральном направлении развития хозяйственных и общественных форм и в границах стадиально единой социально-экономической, земледельческо-скотоводческой системы [1].

Таким образом, в поле зрения советских археологов сосредоточены памятники, представляющие восточные и западные окраины пространственно гигантского «полумесяца плодородия». В этом их своеобразная специфика, хотя памятники эти и входят в ареал, в котором развивались первые ростки и начальные этапы производящей экономики — растениеводство и животноводство, генетически связанные с древними цивилизациями Ближнего и Среднего Востока.

Сказанное объясняет культурно-историческое созвучие памятников ранних земледельческо-скотоводческих племен Европейской части СССР с памятниками юго-за-

[1] *Бібіков С. М.* Перспективні теоретичні розробки у радянській археології.— Вісник АН УРСР, 1973, № 4, Київ, с. 37, 38.

пада Средней Азии, особенно Туркменистана, так же как и близость их к миру ранних земледельческо-скотоводческих племен, расселившихся в зоне теплых морей южного пояса восточного полушария Земли.

В свете сказанного становится понятным, почему В. М. Массон часто обращается к памятникам Восточной Европы в поисках общих закономерностей развития древних человеческих сообществ, населявших южную половину Старого Света, в том числе территории Украины, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Завершая краткий обзор двух книг В. М. Массона, можно с уверенностью отметить, что книги эти дают пример историзма археологии, представляют собой сплав зрелой теоретической мысли с конкретными разработками археологического материала.

С. Н. Бибиков

Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, «Штиинца», 1976, 214 с. с илл.

Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., «Наука», 1977, 128 с. с илл.

Трудно переоценить значение исследования растительных остатков из археологических памятников как для истории культурных растений, так и земледелия, одной из важнейших отраслей хозяйства человеческого общества. Достаточно сказать, что только на основании палеоботанического материала, добытого при археологических раскопках, можно решить вопрос о времени начала культивации растений на той или иной территории, выяснить их видовой состав, наметить ареалы культурных растений в различные эпохи, указать пути, которыми эти растения распространялись из сравнительно ограниченных районов своего формирования. Остатки культурных растений и сопутствующих им сорняков дают важную информацию для решения вопросов о типах, системах и технике земледелия. Изучением растительных остатков из археологических памятников занимается возникшая сравнительно недавно отрасль науки — палеоэтноботаника, разрабатывающая как ботанико-географические, так и культурно-исторические проблемы возникновения и распространения культурных растений и земледелия.

Многочисленные и очень ценные результаты палеоэтноботанических определений в нашей стране до сих пор не были обобщены, разбросаны в многочисленных статьях и публикациях, посвященных самым различным вопросам, а нередко оставались лишь достоянием архивов.

Рецензируемые работы являются первыми в советской литературе и на сегодняшний день исчерпывающими обобщениями результатов исследований палеоэтноботанических находок двух больших регионов нашей страны. Эти регионы — два из трех древнейших центров возникновения производящего хозяйства на территории СССР: юго-западный, включающий Молдавию и прилегающие районы УССР, и кавказский. Уже это обстоятельство определяет большую научную ценность рецензируемых работ, в частности для археологов и историков сельского хозяйства.

Обе монографии различны по структуре и отчасти по задачам, которые ставили перед собой авторы. Их объединяет общий объект исследования — палеоэтноботанический материал, преимущественный интерес к ранним этапам истории культурных растений и земледельческого хозяйства, большое внимание не только к ботаническому, но и к историко-культурному аспекту исследования. Последний является важнейшим в работе Г. Н. Лисициной и Л. В. Прищепенко и второстепенным, но также весьма важным — в монографии З. В. Янушевич.

Работа З. В. Янушевич — это прежде всего история культурных растений рассматриваемого автором региона, как она рисуется в свете анализа палеоэтноботанических находок. В основу работы положен значительный материал, датированный от V тысячелетия до н. э. до XV—XVII вв.: 65 пунктов находок на территории Молдавии и 30 — на территории УССР. Украинский материал привлечен автором главным образом для сравнения. Большая часть находок определена и исследована самой З. В. Янушевич. Исследованный материал различен. Для ранних периодов это пре-

имущественно отпечатки зерен и других частей растений на керамике и глиняной обмазке, для средневековья — в основном остатки карбонизированного зерна. Следует отметить, что методика скрупулезного исследования древних растений по их отпечаткам на глине в нашей стране впервые выработана автором рецензируемой книги и позволяет получать надежные результаты, в том числе для тех групп археологических памятников, где по особенностям почвенных условий карбонизированное зерно не сохраняется. Большое внимание уделено описанию этой методики.

Работа открывается кратким «Введением» (с. 4, 5), где формулируются задачи исследования. Следующий раздел — «Краткая история палеоэтноботанических исследований» (с. 6, 7) — слишком схематичен и не может дать достаточного представления о развитии этой отрасли знания. На с. 8—13 дается общая характеристика исследуемого автором материала, периодизация археологических памятников, из которых он происходит, рассматривается методика исследования. Краткость этого раздела, особенно в части методики исследования, восполняется тем, что в дальнейшем изложении автор вновь и более обстоятельно возвращается к поднятым здесь вопросам. В следующем разделе (с. 14—19) в историческом плане рассматривается тот естественно-географический фон, на котором происходила интродукция и развитие культурных растений в юго-западных районах СССР.

Основными в книге являются три главы, посвященные ранней истории культурных растений на юго-западе СССР — злаковых (с. 20—167), бобовых (с. 168—182) и плодовых (с. 183—197). Каждая глава состоит из разделов, в которых рассматриваются отдельные виды культурных растений. Здесь же приводятся критически осмысленные автором современные данные о происхождении того или иного вида, о палеоэтноботанических находках этого вида на соседних с юго-западом СССР территориях, подробно анализируется материал рассматриваемого региона, делаются выводы о времени введения в культуру и роли того или иного вида в земледелии юго-запада СССР в различные эпохи. Сведения о палеоэтноботанических находках рассматриваемого региона исчерпывающи: автор дает подробное их описание с указанием признаков, по которым производилось определение, с многочисленными фотографиями и рисунками зерен, колосков и других частей растений, приводит весьма интересные сведения о размерах зерен, что важно для подхода к вопросу о сортовом разнообразии, а также статистические данные об относительном количестве находок остатков различных видов. Такая полнота данных позволяет проверять выводы, к которым приходит автор.

Параллельно с остатками культурных растений исследовались и остатки дикорастущих, что дало возможность автору высказать ряд соображений о роли собирательства и его объектах.

В кратком «Заключении» (с. 198—202) подведены основные итоги исследования как с точки зрения проблем эволюции культурных растений, так и в культурно-историческом плане. Последние, естественно, наиболее интересны для археологов и историков хозяйства.

В результате исследований З. В. Янушевич выясняется, что в неолите значительную роль в жизни населения рассматриваемого региона играло собирательство, объектами которого были семена местных луговых трав. В энеолите, очевидно, в связи с развитием земледелия сбор семян трав резко сокращается, зато усиливается собирание дикорастущих плодовых, представителей местной лесной флоры.

Первыми возделываемыми растениями на юго-западе СССР, известными населению культур буго-днестровской и линейно-ленточной керамики, явились виды пленчатых пшениц — однозернянка, двузернянка и спельта. Особенно интересны ранние свидетельства культивации спельты, происхождение которой до сих пор относили к более позднему времени.

В энеолите кроме известных ранее видов появляются карликовая пшеница, голозерный и пленчатый ячмени, просо, несколько видов бобовых, а также, вероятно, культурные абрикос, слива, виноград. Находки последних, впрочем, немногочисленны, и вывод о развитии садоводства еще в трипольское время, по-видимому, нуждается в подкреплении новым материалом.

З. В. Янушевич скептически относится к некоторым находкам из поселений трипольского и более позднего времени, которые интерпретировались как остатки мяг-

кой пшеницы Tr. aestivum. Последняя, по ее мнению, в массовом количестве начала возделываться на юго-западе СССР лишь с эпохи средневековья, но обычно в смеси с карликовой пшеницей Tr. compactum. Представляется, что это положение также нуждается в дополнительном изучении, тем более что в энеолите и раннем железном веке на рассматриваемой территории зарегистрированы отпечатки зерен, которые и З. В. Янушевич относит к Tr. aestivum (см. табл. на с. 101).

В трипольском земледелии, по мнению автора, господствующее место занимали пленчатые пшеницы, прежде всего двузернянка, и голозерный ячмень. Существенных изменений в составе возделываемых культур на разных этапах развития трипольской культуры не наблюдается. Лишь в позднем триполье несколько возрастает количество остатков проса, которое приобретает еще более широкое распространение в эпоху бронзы и раннего железа. Видовой состав культурной флоры, характерный для рассматриваемого региона в XVIII-XIX вв., в основном сложился, по мнению З. В. Янушевич, уже в неолите и энеолите.

Приведенные данные достаточно убедительно свидетельствуют, что культурная флора юго-запада СССР формировалась под решающим влиянием ближневосточного очага происхождения культурных растений, что интродукция их в рассматриваемый регион происходила через Балканы, причем практически одновременно с распространением растений в Центральную и Западную Европу. Эти выводы хорошо согласуются с археологическими данными о происхождении и культурных связях древнего населения юго-запада СССР. Появление ржи, некоторых популяций голозерных пшениц, бутылковидного ячменя автор связывает с влиянием Кавказа.

В ряде мест книги ставятся вопросы о роли центра древнейшего земледелия на юго-западе СССР в распространении культурной флоры и развитии земледелия других районов Восточной Европы. Не всегда предложенные автором решения достаточно аргументированы, как, например, тезис о происхождении культуры пшеницы-двузернянки и спельты и некоторые другие. Признавая большую роль территории Молдавии и сопредельных районов в развитии земледелия всей Восточной Европы, нельзя не отметить, что для решения этого вопроса пока еще слишком мало конкретного материала. Впрочем, сама З. В. Янушевич правильно отмечает, что «точное время и пути переселения культурных растений на север, северо-восток и северо-запад из Днестровско-Прутского района могут быть установлены лишь в результате дальнейших планомерных палеоботанических исследований» (с. 201, 202). В этом плане, по-видимому, не следует сбрасывать со счетов и лежащие за пределами нашей страны районы Центральной и даже Северной Европы. Не лишне отметить, что при решении вопросов интродукции растений важную роль должны сыграть и собственно археологические данные о культурных связях древних племен Восточной Европы.

Иной характер носит книга Г. Н. Лисициной и Л. В. Прищепенко. Это прежде всего первый в нашей литературе опыт каталогизации палеоботанических остатков с обширной территории Кавказа, а также древнейших земледельческих районов Ближнего Востока, первая попытка составления свода палеоэтноботанических находок. Именно эти каталоги, вынесенные в приложения, и составляют, на мой взгляд, основную, важнейшую часть монографии.

Каталогов в работе четыре. Первые два посвящены палеоэтноботаническим находкам Закавказья и Северного Кавказа. Один из них (приложение I, с. 61—76) является основным, в нем в хронологическом порядке перечислены памятники, на которых были сделаны палеоэтноботанические находки, даются сведения об этих последних и их изучении. Второй каталог (приложение II, с. 76—90) составлен по ботаническим видам, в нем ситематизированы данные об остатках нескольких десятков культурных и более 120 диких видов, обнаруженных на перечисленных в основном каталоге памятниках. В известной мере оба каталога дублируют друг друга. Но такой принцип составления свода палеоэтноботанических находок представляется наиболее приемлемым, так как в результате он становится интересным в равной степени как археологам и историкам земледелия, так и ботаникам. Каталог является ценным пособием для изучения не только культурной, но и дикой флоры Кавказа в древности.

В каталоги по Кавказу включены сведения о 95 пунктах находок остатков растений, которые датируются от V—IV тысячелетий до н. э. до XIII—XIV вв. Это ис-

черпывающая сводка палеоэтноботанических находок, сведения о которых имеются в печати. Находки эти различны: карбонизированные и некарбонизированные зерна, семена и плоды, их отпечатки на керамике, сырцовых кирпичах, глиняной обмазке, материалы отмывки сырцовой глины и образцов культурного слоя (изучением которых в нашей стране впервые начала заниматься Л. В. Прищепенко), а также изображения растений на керамике. Материал лишь отдельных (и очень интересных) памятников определялся и обрабатывался самими авторами. В связи с тем, что возможности для определения растительных остатков у разных исследователей и в разное время были неодинаковыми, сведенные в каталоги материалы также оказываются далеко не равноценными, что специально оговорено авторами.

Думается, однако, что одной такой оговорки мало. Хотелось бы видеть здесь и определенные авторские заключения о находках, особенно определенных неспециалистами. Столь же важными были бы данные о размерах зерен злаков и т. п., а также о количественном соотношении остатков различных культурных видов (когда это можно определить) и условиях находок. Все это, конечно, сделало бы каталог более объемным, но существенно обогатило бы его содержание и избавило его читателей от необходимости обращаться к той многочисленной литературе, ссылки на которую содержит каталог.

Два каталога (приложение III, с. 91—97; приложение IV, с. 97—104) посвящены палеоэтноботаническим находкам на памятниках Ближнего Востока VIII—IV тысячелетий до н. э., т. е. периода зарождения и ранних этапов развития производящей экономики. Они составлены по такому же принципу, что и охарактеризованные выше, содержат сведения о находках на 35 памятниках. Каталогизация растительных остатков, найденных на доземледельческих и раннеземледельческих памятниках Ближнего Востока, в нашей литературе тем более необходима, что практически все сведения об этих принципиально важных для истории мирового земледелия находках содержатся в многочисленных зарубежных изданиях, подчас мало доступных для советского читателя.

Свод палеоэтноботанических находок Кавказа и Ближнего Востока кроме вполне самостоятельного значения, которое трудно переоценить, является публикацией источниковедческой базы первой части книги, где рассматриваются важные вопросы становления и ранних этапов развития земледелия в пределах Переднеазиатского очага происхождения культурных растений, составной частью которого является и наше Закавказье.

Эта часть монографии открывается «Введением» (с. 7—13), где рассматриваются важнейшие компоненты сложной проблемы изучения древнего земледелия, роль среди них изучения остатков культурной флоры. В следующем разделе (с. 14—22) излагается учение Н. И. Вавилова о мировых очагах происхождения культурных растений, подчеркивается его важное значение для современных палеоэтноботанических исследований, приводятся новые данные, уточняющие и развивающие идеи Н. И. Вавилова.

Наиболее интересен материал главы «Основные центры становления древнейшего земледелия на юге СССР и Ближнем Востоке» (с. 23—52). В становлении земледелия рассматриваемого региона авторы выделяют два периода — специализированного собирательства и охоты, в котором создавались предпосылки зарождения земледельческого хозяйства, и раннеземледельческий. Сжатый обзор археологических и главным образом палеоэтноботанических данных об этом последнем периоде рассматривается по отдельным центрам становления древнейшего земледелия (южноанатолийский, восточносредиземноморский, восточноанатолийский, загросский, месопотамский и закавказский). Закавказскому центру авторы уделяют особое внимание как главному объекту своего исследования.

Констатируя, что ранние этапы становления земледелия на Кавказе пока не прослежены археологически, авторы отмечают, что наиболее ярко культура ранних земледельцев Закавказья представлена на памятниках типа Шому-Тепе. Кроме комплекса орудий, связанных с земледелием, здесь известен выразительный палеоэтноботанический материал, представленный семью видами пшениц (мягкая, карликовая, двузернянка, однозернянка, спельта, твердая и тургидум), несколькими видами пленчатых и голозерных ячменей, просом и овсом. Особенно интересно раннее появление

спельты и твердой пшеницы Tr. durum, заставляющее по-новому рассматривать их происхождение. К сожалению, авторы не привели каких-либо данных об удельном весе этих зерновых культур в древнем закавказском земледелии. Из бобовых в тот же период были известны чечевица, горох и вика. Определены также сопровождающие культурные растения сорняки. Нельзя не согласиться с авторами, что такое богатство культурной флоры позволяет ставить вопрос о значительно более раннем времени зарождения земледелия в Закавказье, которое вряд ли было моложе, чем в других раннеземледельческих центрах Переднеазиатского очага. Это обстоятельство, а также определенное своеобразие видового состава древнейших культурных растений в Закавказье (исключительное разнообразие видов пшениц, своеобразные формы ячменей и т. п.) позволяют, по мнению авторов, говорить, что первичная доместикация многих видов культурных растений происходила в Закавказье на базе местной дикорастущей флоры.

Основываясь на палеоэтноботанических находках, данных этнографии и особенностях физико-географической среды, авторы намечают несколько основных типов развития земледелия в Закавказье и на Северном Кавказе: неорошаемое (с подтипами горным, а также равнин и плато), орошаемое (с подтипами горным, переходным от неорошаемого к орошаемому и с регулярной ирригацией) и земледелие в условиях влажных субтропиков. Этот весьма интересный сюжет, однако, требует дальнейшей разработки, прежде всего дальнейшего подкрепления конкретным археологическим материалом.

В «Заключении» (с. 53—58) приводятся в сжатом виде новейшие сведения о происхождении важнейших культурных злаков переднеазиатского очага — ячменя и пшеницы, а также культурного льна.

В целом обе рецензируемые работы бесспорно должны рассматриваться как новый важный вклад в разработку истории культурных растений, истории земледелия нашей страны и древнейшей экономики вообще. Они представляют большой интерес для специалистов различных отраслей науки.

Вышедший в свет каталог палеоэтноботанических находок Кавказа и Ближнего Востока заставляет еще раз задуматься над важностью подобной работы применительно ко всей огромной территории нашей страны. Даже простое сведение воедино и систематизация разбросанных по разным изданиям данных о находках остатков культурных растений на археологических памятниках даст качественно новое знание, далеко продвинет вперед изучение древнего и средневекового земледелия. По-видимому, составление подобных сводов палеоэтноботанических находок должно стать одной из важнейших задач историков древнего сельского хозяйства.

Ю. А. Краснов

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Ю. М. ЛЕСМАН

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ БЕЛОРУССИИ

(рецензия на книги: П. Ф. Лысенко. Города Туровской земли. Минск, 1974, 199 стр., 69 рис., 3100 экз., ред. В. В. Седов; Г. В. Штыхов. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975, 135 стр., 65 рис., 10 000 экз., ред. А. Г. Митрофанов; Я. Г. Зверуго. Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975, 143 стр., 40 рис., 6400 экз., без ред.)

Изданием трех монографий П. Ф. Лысенко, Г. В. Штыхова и Я. Г. Зверуго Институт истории Академии Наук БССР продолжил серию публикаций материалов многолетних археологических раскопок древнерусских городов на территории Белоруссии [1]. Выход трех работ, общим объемом свыше 38 печатных листов, является заметным событием в советской исторической науке, представляет собой значительный

[1] *Загорульский Э. М.* Древний Минск. Минск, 1963.

вклад в создание источниковедческой базы для изучения древнерусского города и позволяет читателю сравнивать ряд однотипных памятников соседних территорий.

Исследования в целом близки по структуре. В них рассматриваются вопросы летописной истории городов, топография и стратиграфия памятников, их хронология, дается обзор материальной культуры по категориям находок, исследуются вопросы ремесла, торговли и торговых связей, сельского хозяйства и промыслов, некоторые аспекты духовной культуры населения. Несколько отличается схема работы П. Ф. Лысенко, что вызвано более широкой задачей — сравнительным изучением ряда поселений городского типа. Поэтому в монографии имеются такие разделы, как обоснование правомерности выделения Туровской земли, ее природные условия и летописная история, а после рассмотрения каждого из 13 городов в отдельности предпринята попытка выявления некоторых общих черт в развитии городов Туровской земли.

Основной задачей исследований авторы считают введение в научный оборот большого числа новых археологических материалов (Г. В. Штыхов, с. 8; см. также П. Ф. Лысенко, с. 7; Я. Г. Зверуго, с. 8). Действительно, собственно археологическая часть работ представляет для читателя наибольший интерес, так как является основным источником для специалистов, обращающихся к опубликованным в монографиях материалам и результатам раскопок исследованных памятников.

Главной слабостью рецензируемых работ являются неточности в разделах, посвященных хронологии публикуемых памятников, прежде всего их древнейших периодов. Правда, в распоряжении Г. В. Штыхова и П. Ф. Лысенко имелась небольшая серия дендрохронологических определений. Однако в большинстве случаев дендродаты отсутствовали и хронология культурного слоя определялась комплексами вещевых находок. Датировки находок определялись традиционным методом привлечения аналогий.

Древнейший период в жизни Полоцка Г. В. Штыхов связывает с функционированием Полоцкого городища и датирует VIII—IX вв. (не считая слоя раннего железного века), при этом дата определена автором по находке фрагментов лепной керамики «типа длинных курганов» (Г. В. Штыхов, с. 25), а также бронзовой подковообразной фибулы, относящейся, по мнению Г. В. Штыхова, к типу, появляющемуся на северо-западе Восточной Европы в VIII в. (Г. В. Штыхов, с. 26). Однако фибулы этого типа (Г. В. Штыхов, с. 68, рис. 33, *1*) существуют на всем протяжении I тысячелетия н. э. и доживают по крайней мере до середины XIII в.[2] Что касается хронологии керамики, сосуды, аналогичные опубликованному горшку (Г. В. Штыхов, с. 26, рис. 13), продолжают бытовать на всем протяжении IX в.[3] Таким образом, установленная Г. В. Штыховым нижняя дата слоя памятника (Г. В. Штыхов, с. 130) — VIII в.— остается проблематичной.

Древнейший из строительных горизонтов Полоцка, имеющий дендрохронологические определения, содержит в раскопах I—II частокол с датами рубки 1206—1207 гг., а в раскопе IV — 1196—1206 гг. «Додендрохронологическая» часть культурного слоя и ее хронология рассматриваются Г. В. Штыховым на материалах раскопок Верхнего Замка. При этом начало формирования здесь слоя датировано автором концом X в. (Г. В. Штыхов, с. 55 сл.). Основанием для датировки послужили найденные в предматериковом слое лимоновидные бусы, роговые односторонние гребни, шиферные пряслица и две монеты: византийская 919—944 гг. и диргем начала XI в.,— а также «немногочисленные венчики от круговых сосудов, характерных для конца X—XI вв.» (Г. В. Штыхов, с. 54). Однако ни одна из перечисленных находок не дает основания для столь узкой даты. Односторонние наборные гребни датируются с VIII до 70-х годов XI в.[4] Из-за отсутствия увязки упомянутых находок с иллюстрациями, а также из-за некачественной фотографии гребней, на которой неясны

---

[2] *Смирнов К. А.* Дьяковская культура. Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги.— В сб.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 48; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода X — XV вв.— МИА, № 65, 1959, с. 241.

[3] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е, 1—8. М., 1974, с. 26 сл., табл. 21, рис. 1—3.

[4] *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, № 4, 1962; *ее же.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, № 10, 1968, с. 54—63.

орнаментация и форма накладки, типологическое определение гребней из Полоцка и, таким образом, проверка авторской датировки остаются для читателя невозможными. Шиферные пряслица не дают узкой даты. Датировка слоя по монетным находкам не бесспорна, и к тому же диргем начала XI в. вряд ли может служить подкреплением датировки слоя концом X в. Проверка авторской датировки керамики по опубликованным фотографиям и рисункам (Г. В. Штыхов, с. 30, рис. 16, с. 54, 80—87; рис. 40—44), совершенно не увязанным с текстом, невозможна. Лимоновидные бусы бытуют длительное время — по крайней мере с конца VIII в.[5] до середины 30-х годов XII в.[6]

Вопрос о верхней дате бытования лимоновидных бус, неоднократно привлекающихся в работах для обоснования ранних дат, следует оговорить особо. Общепринято, что основное время бытования бус-лимонок, совпадающее со временем их поступления на Русь, не выходит за пределы первой четверти XI в. Действительно, на этот период (вторая половина X — первая четверть XI в.), судя по материалам раскопок на Неревском конце в Новгороде (являющихся основным источником при определении хронологии предметов X—XV вв.) приходится почти 85% всех найденных бус этого типа[7]. Однако, определяя датировку культурного слоя, следует учитывать для каждого предмета (в том числе и для бус указанного типа) весь период бытования, включая период максимального доживания в обиходе, так как не всегда имеется возможность установить, в какой из этих отрезков времени вещь попала в слой. В Неревском раскопе, по данным Ю. Л. Щаповой, бусы-лимонки непрерывно встречаются в культурном слое вплоть до 22-го яруса включительно, т. е. до 1096 г. (дата 21-го яруса, перекрывающего слой, отложившийся в период функционирования 22-го яруса). Далее следует перерыв в один ярус, и в 20-м ярусе найдено еще три бусины указанного типа. Отдельные, изолированные находки бус-лимонок встречаются в слое Неревского раскопа и выше — в 4, 9, 10, 14 и 15-м ярусах.

Рассматривать все находки лимоновидных бус в слое позднее первой четверти XI в. (ярусы 24 и выше) только как результат перекопов представляется маловероятным. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин и В. Л. Янин неоднократно подчеркивали, что нарушения культурного слоя Новгорода перекопами встречаются крайне редко и большинство перекопов легко вычленяется в полевых условиях. Если спорадические находки бус-лимонок в слоях XIII—XV вв. (ярус 15 и выше) действительно можно отнести за счет перекопов (всего семь бусин, т. е. менее 5% всех бус-лимонок, найденных в раскопе), то находки бус этого типа в слое второй половины XI — начала XII в. (ярусы 24—20, всего 17 бусин, т. е. более 10%) следует объяснить сохранением бус в быту, как это справедливо подчеркивала Ю. Л. Щапова[8]. Распределение количества лимоновидных бус по ярусам 20 и ниже Неревского раскопа[9] близко к нормальному. Именно этот факт мы имеем в виду, принимая верхнюю хронологическую границу бытования бус-лимонок 30-ми годами XII в.

Тот факт, что находки лимоновидных бус в слое Неревского раскопа середины XI — начала XII в. не случайность, а закономерность, подтверждается курганными материалами. Такие бусы найдены в погребении 33 грунтового могильника у с. Федово Тверской губ. (раскопки А. А. Ширинского-Шихматова, 1903 г.) в сочетании с ребристыми цилиндрическими (в Новгороде они встречены в 23-м ярусе и выше, т. е. после 1055 г.) и битрапецоидными бусами обоих вариантов (сосуществуют в Новгороде в 20-м ярусе — 1116—1134 гг.)[10]; в погребении 34 того же могильника в сочетании с монетами графа Бруно III (1036—1057 гг.) и Иоанна Цимисхия (969—978 гг.), ребристыми цилиндрическими и битрапецоидными бусами 1-го варианта (до 20-го яруса включительно, т. е. до 1134 г.)[11]; в погребении 2 кургана 38 у дер. Загорье (ур. «Башево») Тверской губ. (раскопки Ю. Г. Гендуне, 1906 г.) в сочетании с про-

---

[5] *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, № 10, 1968, с. 88, 89.
[6] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древпего Новгорода.— МИА, № 55, 1956, с. 174, табл. 10.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Архив ЛОИА, ф. 1, 1903, № 93, л. 44, 63.
[11] Там же.

стыми перстнеобразными височными кольцами (датируются не ранее 60-х годов XI в.) и грушевидным крестопрорезным бубенчиком (до 21-го яруса включительно, т. е. до 1116 г.) [12]; в кургане 9 у с. Дрегли Новгородской губ. (раскопки В. И. Равдоникаса, 1915 г.) в сочетании с простыми перстнеобразными височными кольцами и красной зонной бусиной (до 20-го яруса включительно, т. е. до 1134 г.) [13]; в погребении III кургана 5 у дер. Ильино Ленинградской обл. (раскопки В. И. Равдоникаса, 1928 г.) в сочетании с монетами епископа Утрехтского Бернольда (1027—1054 гг.) и графа Германа (+1086 г.), ложнозолотостеклянной бусиной 3-го варианта (23-й ярус и выше, т. е. после 1055 г.) и крестопрорезным бубенчиком [14]; в погребении III кургана 2 у дер. Видлицы Ленинградской обл. (раскопки В. И. Равдоникаса, 1929 г.) в сочетании с ребристой цилиндрической бусиной, эллипсоидной бусиной со спирально-волнистой гладкой инкрустацией (после 24-го яруса, т. е. после 1025 г.) и синими зонными бусами, близкими по форме к цилиндрическим (до 21-го яруса, т. е. до 1116 г.) [15] и еще в ряде пунктов.

Следует также отметить, что Б. А. Рыбаков в дискуссии о Новгородской хронологии 1959 и 1961 гг. еще до создания дендрохронологической шкалы указывал со ссылкой на цитированную выше статью Ю. Л. Щаповой на вероятность доживания бус-лимонок в быту до XII в., что подтвердилось и дендрохронологическими определениями Б. А. Колчина [16].

Таким образом, возвращаясь к исследованию Г. В. Штыхова, отметим, что нижняя дата слоя на Верхнем Замке — конец X в.— остается в монографии необоснованной. В этой связи важным представляется наблюдение А. Г. Митрофанова, на которое ссылается Г. В. Штыхов (Г. В. Штыхов, с. 36). Согласно этому наблюдению, на месте расположения Софийского собора на Верхнем Замке культурный слой до начала строительства отсутствовал — слой выброса земли из котлована под фундамент храма «перекрывал лишь очень тонкий гумусированный слой п о г р е б е н н о й п о ч в ы» (Г. В. Штыхов, с. 36, разрядка наша.— *Авт.*). Наличие слоя погребенной почвы исключает нивелировочные работы, и, следовательно, можно полагать, что первоначальное заселение Верхнего Замка по времени приближается к постройке собора (середина XI в.), чему не противоречит и перечисленный комплекс вещевых находок.

Начальные даты П. Ф. Лысенко для городов Туровской земли также нуждаются в коррективах. Прежде всего это относится к Турову. Датировка слоя 5 Туровского детинца принципиально важна, так как собственно на этом материале строится соотнесение археологических данных с летописным сообщением о племенном княжении варяга Туры [17].

Слой 5 Туровского детинца мощностью 30—40 *см* датирован автором по совокупности вещевых находок концом X—XI вв. Однако ни одна из перечисленных находок не указывает на узкую дату — конец X или рубеж X—XI вв. Втульчатый плоский двушипный наконечник стрелы датируется в широких пределах — VIII—XIII вв. [18]; ключи от нутряных замков доживают до конца XI в. [19], бронзовые круглопроволочные и ложновитые браслеты бытуют до XIII в. [20]; широкосерединные перстни с завязанными концами доживают до XII в. [21]; до конца XI в., как

---

[12] Архив ЛОИА, ф. 1, 1906, № 30, л. 27, 82.

[13] *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье.— ИГАИМК, вып. 94, 1934, с. 48, табл. XVI, *26—34.*

[14] Фонды ОИПК ГЭ, инв. № 700/106—121.

[15] *Равдоникас В. И.* Памятники..., с. 14, табл. V, *1*; Архив ЛОИА, ф. 2, 1929, № 144, л. 146.

[16] *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода.— МИА, № 117, 1963, с. 90, 91. Во всех случаях даты ярусов Неревского раскопа берутся по дендрохронологической шкале Б. А. Колчина.

[17] *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 212—213.

[18] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е, 1—36. М., 1966, с. 56.

[19] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Продукция, технология.— МИА, № 65, 1959, с. 86.

[20] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 249.

[21] Там же, с. 264.

отмечено выше, бытуют односторонние наборные гребни; стеклянные перстни опубликованного типа датируются XII—XIV вв.[22]; бусы слоя 5, среди которых «преобладают ранние — X—XI вв.» (П. Ф. Лысенко, с. 45), остались неопубликованными, и потому неясно, что именно имел в виду автор; поливные плитки, стеклянные браслеты и амфорная керамика датируются широко домонгольским временем, прочие находки также не дают узких дат.

Существенным при определении датировки для слоя 5 является хронология вышележащего слоя 4. Последний, судя по опубликованным материалам (П. Ф. Лысенко, с. 41—44), датируется XIII в., хотя не исключено наличие прослоек как конца XII, так и начала XIV в. Учитывая, что между слоями 4 и 5 нет стратиграфического рызрыва (подобного, например, прослойке пожара между слоями 3 и 4, см. П. Ф. Лысенко, с. 41) и не фиксируется типологических различий в находках, можно полагать, что верхняя дата слоя 5 приближается по времени к началу формирования слоя 4, т. е. определяется в пределах третьей четверти XII в., чему не противоречит комплекс вещевых находок слоя 5. При этом мощность слоя 5 не позволяет датировать его отложение двухсотлетним периодом — с конца X до конца XII в. Более вероятным представляется датировка слоя 5 частью указанного промежутка времени, примыкающей к начальной дате слоя 4. Таким образом, достоверная нижняя дата Туровского детинца может быть отнесена самое раннее к XI в., что подтверждает и хронология древнейших находок, датировки же более ранним временем — концом X или рубежом X—XI вв.— сомнительны. Не помогает и анализ керамики, авторская датировка которой по приведенным описаниям и рисункам профилей венчиков (П. Ф. Лысенко, с. 45, 62, 63, рис. 13) читателем не может быть проверена, а приведенные аналогии не исключают ее датировку XI—XII вв. (что отмечает и сам автор, см. П. Ф. Лысенко, с. 63). Видимо, слой X в. в Турове еще не найден, а возможно, что для Турова — племенного центра — следует искать археологическое соответствие в каком-то другом памятнике.

Недостаточно обоснованы также нижние даты и ряда других городов. В Давид-Городке, например, нижний ярус построек дендрохронологически датируется началом 60-х годов XII в. (П. Ф. Лысенко, с. 126), нет достоверно более ранних вещей и среди находок. Однако дата возникновения города определяется исследователем началом XII в. (П. Ф. Лысенко, с. 141), что остается недоказанным, так что пока нет никаких археологических оснований связывать возникновение города с деятельностью Давида Игоревича (П. Ф. Лысенко, с. 141). Пласты 12—13 Слуцка имеют дендрохронологическую дату 1231—1234 гг. Однако датировка вышележащих и нижележащих отложений, определяемая автором по совокупности вещевых находок, остается необоснованной. Так, пласт 7 датирован автором серединой XIII в., т. е. примерно за 20 лет должен был отложиться культурный слой мощностью до 1 *м*, что для Слуцка представляется, судя по публикации, нереальным, и уж во всяком случае должно было быть специально обосновано. Вещевой набор пласта 7 (отметим наконечник стрелы IX—XIV вв.[23], деревянный гребень типа, бытующего в Новгороде с 14-го по 6-й ярусы, т. е. с 1238 по 1409 гг.[24]) не дает оснований для датировки слоя именно серединой XIII в., а не более поздним временем. Что касается датировки нижележащих пластов 14—20, определенной П. Ф. Лысенко временем с рубежа XI—XII до второй четверти XIII в., то такая дата в принципе возможна, однако пока не обоснована (П. Ф. Лысенко, с. 146 сл.).

В датировках П. Ф. Лысенко существенную роль играет керамика. Однако в силу недостаточной разработанности типологических и хронологических определителей она не может служить при датировках решающим аргументом. Кроме того, в монографии приведены исключительно профили венчиков сосудов, к тому же сильно уменьшенные, что затрудняет понимание читателем керамического комплекса и проверку авторских датировок (П. Ф. Лысенко, рис. 13, 31, 42, 51, 55, 59, 60, б). Поэтому хронология городов, построенная на немногочисленном керамическом ма-

---

[22] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия древнего Новгорода.— МИА, № 117, 1963, с. 111, табл. 3.

[23] *Медведев А. Ф.* Ук. соч., с. 85.

[24] *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2, с. 101, 102.

терпале (Брест[25], Клецк, Рогачев, Мозырь и др.), может рассматриваться лишь как предварительная.

Проверка хронологических определений Я. Г. Зверуго для трех исследованных памятников Волковыска (Шведская гора, Замчище, Муравельник) по рецензируемой монографии почти невозможна из-за практически полного отсутствия увязки опубликованных находок со слоем, а нередко и с памятником. Нижняя дата Шведской горы — конец X в. (Я. Г. Зверуго, с. 13, 14) или середина — вторая половина X в. (Я. Г. Зверуго, с. 20) — основывается исключительно на керамическом материале. Кстати, в монографии Я. Г. Зверуго, единственной из трех, приводится более или менее полная типологическая колонка керамики (Я. Г. Зверуго, с. 61—72), представляющая собой перенесение на материалы Волковыска типологическо-хронологической шкалы, разработанной М. В. Малевской для Новогрудка. Однако отсутствие в работе Я. Г. Зверуго статистических данных не позволяет проверить, в какой степени схема М. В. Малевской применима к волковысским материалам. Так, древнейшие, по мнению Я. Г. Зверуго, сосуды типа I характерны только для Шведской горы, где их дата, полученная путем подбора аналогий (IX — середина X в.), пока не подтверждается вещевыми находками. Не ясно также их соотношение в нижнем слое Шведской горы с керамикой других, более поздних типов. В то же время для Муравельника, где наличие слоя второй половины X — начала XI в., судя по вещевым находкам (Я. Г. Зверуго, с. 18), не вызывает сомнения, этой керамики не найдено, две трети опубликованной керамики Муравельника относится к типу III (в Волковыске — характерному исключительно для Муравельника!), датированному автором концом X—XII в. (Я. Г. Зверуго, с. 69), а характер остальной керамики памятника остается по публикации неясным. При этом никаких вещей позднее середины XI в. на Муравельнике не найдено.

«Предматериковая» прослойка Замчища, прослеженная «лишь в некоторых местах раскопов 1958 и 1967 гг.» (Я. Г. Зверуго, с. 15), датирована автором на основании боевого топора, двустороннего рогового гребня типа Д по Б. А. Колчину, двух односторонних наборных гребней, бронзового бубенчика, удил и др. временем с конца X до начала XII в. (Я. Г. Зверуго, с. 15—18). Однако ни одна из находок не имеет достоверно узкой даты, и даже самые ранние из этих вещей доживают до конца XI в. Кроме того, мощность прослойки (максимально до 0,5 *м*) заставляет усомниться в столь продолжительном времени ее отложения. По-видимому, слой на Замчище, как и на Шведской горе, вопреки мнению Я. Г. Зверуго начал откладываться не ранее второй половины — конца XI в. Это согласуется и с датой перекрывающего «предматериковую прослойку» «нижнего слоя», отнесенного Я. Г. Зверуго к XII — первой половине XIII в.

«Верхний слой» Замчища отнесен Я. Г. Зверуго ко второй половине XIII — первой половине XIV в. При этом он отделяется от «нижнего слоя» «прослойкой разрушения» (обломки плинфы, следы пожара и др.), откладывавшейся, по мнению Я. Г. Зверуго, постепенно на протяжении столетия: второй половины XII — первой половины XIII в. (Я. Г. Зверуго, с. 18). Однако между материалами «верхнего» и «нижнего» слоев нет типологического и хронологического разрыва, и, очевидно, «период разрушения» не был столь продолжительным. Судя по приведенным стратиграфическим разрезам (Я. Г. Зверуго, рис. 5), по крайней мере какая-то часть «прослойки разрушения» образовалась единовременно.

Целый ряд неточностей в датировках отдельных предметов из культурного слоя Полоцка и ряда городов Туровщины благодаря имеющимся дендрохронологическим определениям не влияет на хронологию памятников, и уточнение их не носит принципиального характера. Однако следует подчеркнуть, что основным недостатком в датировках вещевых находок по методу привлечения аналогий является «некорректное» использование новгородской хронологии. Как известно, два первых тома трудов новгородской экспедиции[26], являющиеся основными публикациями распре-

[25] Широкие раскопки Бреста, развернувшиеся под руководством П. Ф. Лысенко в последние годы, позволяют ожидать появления обстоятельно аргументированной хронологической шкалы памятника. Однако пока материалы остаются в основном неопубликованными.

[26] МИА. № 55, 1956; № 65, 1959.

деления по ярусам находок на Неревском раскопе, вышли до создания дендрохронологической шкалы. Поэтому содержащиеся в них даты оставались предварительными [27] и были откорректированы опубликованной в третьем томе трудов дендрохронологической шкалой Б. А. Колчина [28]. Однако при ссылках на распределение по ярусам тех или иных предметов в Новгороде авторы не производили пересчета датировок с учетом поправок дендрохронологической шкалы, а это в свою очередь приводило к искажению хронологии публикуемых памятников. К сожалению, указанный недостаток присущ не только рецензируемым монографиям.

Причиной хронологических ошибок в подавляющем большинстве публикаций является неразработанность методики датирования открытых комплексов непрерывного накопления, в частности культурного слоя поселений. С этим связан и «потребительский подход» авторов к датировкам вновь публикуемых памятников. Широкая дата, полученная при анализе вещевого комплекса, используется без учета аналогичным образом полученных датировок вышележащих и нижележащих слоев, а также без учета наблюдений за стратиграфией памятников.

Но замечания к рецензируемым монографиям не ограничиваются недостаточно разработанной хронологией памятников. Значительно снижают их ценность также недостатки оформления.

Работа П. Ф. Лысенко хорошо продумана, строго оформлена и из трех монографий представляет собой наиболее легко воспринимаемый читателем источник. В книге публикуется почти весь добытый раскопками материал, находки сопровождаются подробным описанием, и по каждой из них приведены полные паспортные данные, что позволяет без затруднений находить место предмета в слое и на плане. Керамика публикуемых памятников сопровождается подробными статистическими таблицами. Многочисленные стратиграфические разрезы хорошо увязаны с планами раскопов и благодаря специальным схемам (П. Ф. Лысенко, с. 44, рис. 5, с. 86—87, рис. 17, *а, б,* с. 124—125, рис. 34, а, б, с. 146, рис. 45) легко сопоставляются с распределением по пластам как индивидуальных находок, так и массового материала. Правда, и в работе П. Ф. Лысенко имеется ряд досадных промахов: не указано местоположение раскопок на планах Турова и Слуцка, не приведены хотя бы текстовые описания найденных бус, керамика опубликована только профилями венчиков сосудов. Однако в целом сделанные замечания не умаляют значения работы П. Ф. Лысенко как основного источника для изучения средневековых городов Туровщины.

Но если работа П. Ф. Лысенко представляет собой публикацию отпрепарированных и подготовленных к дальнейшему осмыслению материалов многолетних раскопок, то этого нельзя сказать в той же мере о двух других монографиях. В книге Г. В. Штыхова, например, среди 65 иллюстраций, ряд которых представляет собой воспроизведение (не всегда удачное) неоднократно издававшихся предметов и сооружений (например, крест Евфросиньи Полоцкой, превосходно изданный в цвете Л. В. Алексеевым, фотография Спасской церкви и ее фрески и др.), нашлось место всего для двух стратиграфических разрезов. Специально написанный раздел «Керамика» снабжен статистической таблицей (Г. В. Штыхов, рис. 40), построенной на ограниченных материалах одного из раскопов на Верхнем замке, где древнейшие слои отсутствуют. Из пяти таблиц керамики (Г. В. Штыхов, рис. 16, 41—44) только две более или менее документированы. При наличии подробного описания найденных гончарных клейм их изображения отсутствуют, хотя автор подчеркивает неразработанность вопроса об их происхождении, что обусловливает необходимость подробной публикации находок. Большинство найденных предметов, приведенных в таблицах, не имеет четкой привязки к раскопу и горизонту, в тексте и подписях к иллюстрациям даются привязки типа «слой XII в.», «слой XIII в.» и проч., а если учиты-

---

[27] Ср.: *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— МИА, № 55, 1956; *его же.* Хронология новгородских древностей; *Рыбаков Б. А.* К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей.— СА, 1959, № 4: *Арциховский А. В.* О новгородской хронологии.— СА, 1959, № 4; *Рыбаков Б. А.* Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии».— СА, 1961, № 3; *Арциховский А. В.* Ответ Б. А. Рыбакову.— СА, 1961, № 3.

[28] *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода.

вать, что в большинстве случаев датировка слоя определяется комплексами находок, создается порочный круг. В работе отсутствует сводный план раскопок на Верхнем замке, имеется только схема Полоцка с цифровым обозначением мест раскопов. Это делает практически невозможной привязку раскрытых сооружений к памятнику. Обширный раздел, посвященный культурным связям Полоцка, перегружен изложением уже известных сведений из работ М. К. Каргера, Н. Н. Воронина и др., что в данном случае представляется нецелесообразным. Наконец, вызывает удивление система аппарата, применяемая Г. В. Штыховым. Ссылки с указанием фамилии исследователя и названия работы даются только для монографий, для статей ссылки делаются лишь на страницы в издании. При этом в списке литературы, приведенном в конце работы (Г. В. Штыхов, с. 132—134) и насчитывающем 94 наименования, большая часть цитированной литературы, особенно по первым трем главам, вообще отсутствует. Чтобы, например, узнать, что послужило основанием для датировки нижнего слоя Полоцкого городища VIII в., надо открыть КСИА АН СССР, вып. 139, на который дается ссылка, выяснить, что имеется в виду статья К. М. Плоткина [29] и что ссылка сделана на фибулу из депаспартизованных коллекций раскопок С. А. Таракановой на городище Камно под Псковом, найти затем дату фибулы из Камно, предложенную К. М. Плоткиным,— VIII в., и по его ссылке в свою очередь узнать, что обоснованием послужила работа А. М. Тальгрена, вышедшая в 1925 г. и во многом устаревшая. Система таких ссылок, безусловно, неудобна для читателя, здесь налицо не только авторская, но и редакторская небрежность.

Непонятным остается также игнорирование Г. В. Штыховым фундаментального исследования Л. В. Алексеева [30]. Хотя в примечаниях и в списке литературы работа Л. В. Алексеева упоминается, основные положения ее не приняты во внимание, и это значительно ослабило выводы Г. В. Штыхова.

Перечисленные недостатки в полной мере относятся и к работе Я. Г. Зверуго. Правда, в ней имеются и стратиграфические разрезы, и сводные планы раскопок, но они почти не увязаны с текстом и приведенными в таблицах находками. Последние также весьма слабо связаны с текстом. Отсутствует единая топографическая схема Волковыска, так что о соотношении Замчища и Шведской горы с Муравельником, находящимися, судя по тексту, в 0,5 *км* от Шведской горы (Я. Г. Зверуго, с. 9—10), читателю, не побывавшему в Волковыске, приходится только догадываться. Список литературы (Я. Г. Зверуго, с. 139—142), насчитывающий 107 наименований, не отражает цитированные в постраничных примечаниях работы. Неоднократно употребляются устаревшие понятия (например, «древолазные шипы», описанные в разделе «бортничество», являются, как это убедительно показал вслед за шведскими археологами А. Н. Кирпичников, — ледоходными [31]). Впрочем, последнее замечание относится также и к двум другим работам. Первый раздел V главы (Я. Г. Зверуго, с. 118—122) представляет собой перепечатку наблюдений П. А. Раппопорта и М. К. Каргера, сделанных при раскопках волковысского храма [32]. Не совсем ясно также, как могли в последние 10—15 лет «по-иному поставить и в значительной степени решить многие вопросы, связанные с экономической и социальной жизнью Верхнего Понеманья», работы С. А. Таракановой (Я. Г. Зверуго, с. 138).

Перечисленные выше уточнения хронологии опубликованных памятников позволяют представить периодизацию средневековых городов Белоруссии (таблица).

С древнейшим периодом X — начала XI в. связываются два города — Полоцк и Волковыск. Бесспорный слой X — начала XI в. в Полоцке фиксируется только на площадке городища и примыкающем к нему селище. По наблюдениям Г. В. Штыхова (Г. В. Штыхов, с. 33), в это время площадь неукрепленной части Полоцка увеличивается по сравнению с поселением предшествующего времени в 10 раз — с 0,3 до-

[29] *Плоткин К. М.* К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл.— КСИА АН СССР, № 139, 1974.

[30] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966.

[31] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е, 1—36, Л., 1973, с. 79—82.

[32] Ср.: *Каргер М. К.* К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 422 сл.; *Раппопорт П. А.* Раскопки в Волковыске в 1959 г.— СА, 1963, № 1, с. 239.

Периодизация средневековых городов Белоруссии (по материалам публикаций П. Ф. Лысенко, Г. В. Штыхова и Я. Г. Зверуго)

Город	Период		
	«варяжский» X — начало XI в.	«древнерусский» XI—XIII вв.	«литовский» XIII—XV вв.
Полоцк (городище)	+		
Волковыск (Муравельник)	+		
Полоцк (Верхний Замок-Великий Посад)		+	+
Волковыск (Шведская гора — Замчище)		+	+
Туров		+	+
Пинск		+	+
Давид-Городок		+	+
Слуцк		+	+
Брест		+	+
Клецк		+	+
Рогачев		+	+
Мозарь		+	+
Копыль (?)		?	?
Черторыйск		+	+
Нобель		?	?
Дубровица		+	?
Степань		+	+

3 *га*. Вещевой комплекс: ланцетовидный наконечник стрелы, поясная сердцевидная бляшка, а также, возможно, относящиеся к этому слою роговые односторонние наборные гребни находят себе аналогии в материалах памятников, несомненно связанных с североевропейским кругом древностей, что соответствует летописному сообщению о княжении здесь во второй половине X в. пришедшего «из заморья» варяга [33] Рогволода. Находка меча, опубликованного Л. Д. Поболем [34], вероятно, относится к погребальному комплексу и подтверждает предположение о функционировании в это время на берегу Западной Двины за пределами более позднего Великого Посада курганного некрополя, следы которого фиксирует план Полоцка 1579 г. При этом топография некрополя определена Г. В. Штыховым неточно, вероятнее представляется реконструкция Л. В. Алексеева [35], считающего, что некрополь занимал значительно большую площадь. Действительно, на плане 1579 г. «курганы», намеченные вдоль берега Западной Двины, цепочкой тянутся по берегу и доходят до ручья, протекавшего через Великий Посад. Находки 1973, 1974 и 1976 гг. под культурным слоем псковского посада остатков раннегородского курганного некрополя конца IX — начала XI в. [36] позволяют предполагать, что часть полоцкого некрополя также могла быть перекрыта культурным слоем Великого Посада, и тогда план 1579 г. зафиксировал лишь небольшую часть курганов, еще различимых на местности. Курганы в черте Полоцка фиксировали еще в XIX в. [37]

Курганный могильник, расположенный к северу от Полоцка, на плане Г. В. Штыхова нанесен неверно. Судя по плану 1579 г., курганы находились значительно севернее, на опушке леса за монастырем Спаса, где их и поместил Л. В. Алексеев [38], и вряд ли имели отношение к городу, как не имел к городу отношения и курганный могильник, находившийся в Задвинье.

---

[33] *Рыдзевская Е. А.* Ук. соч., с. 213.

[34] *Поболь Л. Д.* Древнерусский меч из Полоцка.— Весці АН БССР, вып. 1. Минск, 1960, с. 150, 151.

[35] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля..., с. 134, рис. 24.

[36] *Лабутина И. К.* Раскопки в Пскове.— АО — 1974. М., 1975, с. 22; *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.* Раскопки в Пскове на ул. Ленина.— АО — 1976. М., 1977, с. 24.

[37] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля..., с. 141, прим. 34.

[38] Там же, с. 134, рис. 24; с. 140, прим. 29.

Таким образом, Полоцк времени Рогволода фиксирует отчетливую трехчленную топографическую структуру: град+предградье+некрополь. В какой степени материальная культура Полоцка этого времени связывается с материалами поселения предшествующего времени, судить по материалам публикации Г. В. Штыхова невозможно.

Перенос детинца Полоцка на новое место сопровождается значительным ростом городской территории (до 80 *га*, см. Г. В. Штыхов, с. 34) и частичными изменениями в облике материальной культуры: из обихода исчезают предметы североевропейского круга древностей и одновременно появляются предметы общерусских типов и южные импорты. Можно полагать, что около середины XI в. произошел приток в Полоцк каких-то групп нового населения — носителей древнерусской культуры. Учитывая, что по времени это приближается к появлению в Полоцке Софийского собора, полагаем, что происшедшие изменения сопровождались появлением в Полоцке христианских храмов.

Культурный слой X — начала XI в. в Волковыске фиксируется только на Муравельнике. При этом комплекс находок, прежде всего предметы вооружения, по нашему мнению, также находит себе соответствие в материалах североевропейского круга древностей (Я. Г. Зверуго, с. 18). Наличие близ Муравельника кургана позволяет предполагать, что здесь имелся ныне целиком уничтоженный курганный некрополь. Находка полуземлянки с «архаичной кружальной керамикой» в районе переулка им. М. И. Кутузова (Я. Г. Зверуго, с. 11) по монографии не локализуется топографически, поэтому вопрос о неукрепленной части Волковыска времени функционирования детинца на Муравельнике остается открытым. Однако наличие предградья этого времени весьма вероятно (Я. Г. Зверуго, с. 18), и есть все основания предполагать, что топографическая структура Волковыска X — начала XI в. могла быть аналогична Полоцку того же времени. Учитывая, что на Муравельнике слой позднее середины XI в. практически отсутствует, полагаем, что поселение на Муравельнике предшествовало по времени заселению Шведской горы — Замчища, что уже отмечалось П. А. Раппопортом [39]. Тогда здесь фиксируется ситуация переноса детинца, аналогичная одновременным событиям в Полоцке. Отметим попутно, что на Шведской горе и Замчище предметов североевропейского круга древностей почти не встречено [40].

Если изложенное выше справедливо, уже не вызывает удивления отсутствие слоя X — начала XI в. в Турове. Топография города и основной набор инвентаря связываются с древнерусским временем и, несомненно, сопоставляются с Полоцком времени Верхнего замка — Великого Посада и Волковыском времени Шведской горы — Замчища. Очевидно, и в Турове в какой-то момент произошел перенос города на новое место и город князя Туры еще следует искать.

Таким образом, к древнейшему периоду относятся раннегородские образования, топографическая структура которых (град + предградье + некрополь), по-видимому, восходит к структуре типа «вик» [41], а определимый набор инвентаря находит соответствие в древностях североевропейского круга. Наличие курганных некрополей позволяет считать города указанного периода языческими в своей основе, а наличие в материальной культуре элементов североевропейского происхождения предполагает присутствие в а р я ж с к о г о элемента.

Известный по летописям процесс активного градообразования XI в. совпадает по времени с прекращением функционирования языческих городов, что фиксируется археологически переносом замков в городах X в. на новое место и значительным увеличением их неукрепленной части. Смена некоторых компонентов материальной

---

[39] *Раппопорт П. А.* Ук. соч., с. 238.

[40] Можно только сожалеть, что такому интересному памятнику, как Муравельник, в рецензируемой монографии Я. Г. Зверуго уделено всего несколько страниц, тем более что памятник исследован широкой площадью (вскрыто 1024 $м^2$).

[41] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка. К проблеме становления города.— В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 11—17; *Булкин В. А., Дубов И. В.* Тимерево и Гнездово.— В сб.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 16—20; *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии).— СА, 1977, № 1, с. 83—103.

культуры свидетельствует об изменении направления контактов населения. Появление христианских храмов, очевидно, сопровождавшееся прекращением функционирования курганных некрополей, свидетельствует о том, что процесс топографических изменений сопровождался изменениями социального и идеологического плана. В это же время появляется ряд новых поселений городского типа. По-видимому, процесс появления большого числа древнерусских городов должен находить себе объяснение при анализе политических событий, происходивших в это время на территории современной Белоруссии.

Третий период — литовский в рецензируемых монографиях наименее представлен, так как он не был предметом исследования.

Периодизация, полученная при анализе материалов, опубликованных П. Ф. Лысенко, Г. В. Штыховым и Я. К. Зверуго, в целом совпадает с периодизацией городов Полоцкой земли, намеченной Л. В. Алексеевым [42]. В периодизации городов Понеманья, предложенной Ф. Д. Гуревич [43], пласт языческих городов не оговорен, но отчетливо выделяется как ранний период древнейшего этапа.

Таковы замечания и соображения, которые возникли при прочтении трех монографических исследований П. Ф. Лысенко, Г. В. Штыхова и Я. Г. Зверуго. Приветствуя введение в научный оборот коллекций из многолетних раскопок средневековых городов Белоруссии, все же хотелось бы, чтобы в дальнейшем публикуемые материалы доходили до читателя более строго оформленными и более пригодными для использования, чем в работах Г. В. Штыхова и Я. Г. Зверуго.

---

[42] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля...

[43] *Гуревич Ф. Д.* Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья.— КСИА АН СССР, № 146, 1976, с. 25.

Archaeozoological studies: papers of the archaeozoological conference 1974, held at the Biologisch-Archaeologisch Institut of the State University of Groningen. Amsterdam, 1975

В последние годы интерес к проблемам эволюции первобытного хозяйства возрос. Немалую роль в этом сыграли достижения палеозоологов (или археозоологов), позволяющие более конкретно представить образ жизни различных человеческих коллективов, известных по археологическим данным. В последние годы стало традицией устройство международных конференций по археозоологической проблематике. Последняя из таких конференций состоялась в Гронингене, через три года после предыдущего будапештского симпозиума. На ней присутствовало 66 представителей от 14 стран, в основном европейских. Кроме того, было прислано еще 16 докладов. Конференция проходила под председательством А. Т. Класон, а вышедший сборник докладов был посвящен известному исследователю Й. Лепиксаару. В качестве приложения к сборнику опубликована библиография трудов Й. Лепиксаара.

Сборник состоит из шести разделов. Первый раздел посвящен методике археозоологического исследования. Его открывает статья С. Пейна, который вновь обращается к критике традиционных методов раскопок, ведущихся без просеивания земли. Значение этого метода отмечалось и в советской научной печати [1]. С. Пейн приводит серьезные аргументы против традиционной методики, при которой теряется часть костей крупных животных и большая часть костей мелких. Он предлагает при любых раскопках просеивать по крайней мере часть земли. В своей работе С. Пейн описывает метод такой корректировки и убедительно обосновывает его преимущества. С учетом полученных результатов он призывает критически подходить к остеологическим расчетам, связанным с материалом, который получен традиционными методами раскопок. Другой важный результат работы С. Пейна заключается в под-

---

[1] *Паавер К. Л.* К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников.— Изв. АН ЭССР. Сер. биол., 1958, т. 7, № 4, с. 282, 283.

твержденни идеи, высказанной ранее советскими учеными (В. И. Громова, К. Л. Паавер) [2], о том, что подсчет по «минимальному количеству особей» (МКО) дает более верную картину для малых серий, а подсчет по общему количеству костей — для больших. Учитывая это положение, можно согласиться с выводами доклада П. Дюкоса, который обработал массовую серию хорошо сохранившегося материала из Мурейбита (Сирия) путем определения соотношения количества костей. Отметим, что автор этого доклада в принципе отрицает метод подсчета по МКО. Вычислив статистически тенденции в использовании зоомассы (автор неточно называет ее биомассой), П. Дюкос приходит к выводу о росте количества добытого мяса в поздний период и сопоставляет его с данными о появлении здесь в это время наконечников стрел. Большой интерес для археологов представляет и доклад Р. Кастила, в котором всесторонне изучается характер информации, полученной при анализе находок рыбьей чешуи, описываются методы определения живого веса рыбы и сезона лова. Е. Фойгт, изучавший раковинные кучи на побережье Южной Африки, попытался проследить процесс их образования по этнографическим материалам, однако в силу ограниченного характера исследования его выводы оказались недостаточно убедительными. Б. Смит предложил учитывать ряд конкретных факторов, влияющих на живой вес животных (популяционные показатели, возраст, пол, сезон охоты, качества кормов и плотность расселения). Он показал, что этот метод дает более реальную картину, существенно отличающуюся от полученной традиционным путем с помощью усредненных показателей. Кроме отмеченных работ в методическом разделе опубликованы описания электроприбора для измерения костей и других находок (У. Доллинг, Г. Рейхштейн), образец перфокарты для описания и поиска костных материалов в музейных коллекциях (Дж. Клаттон-Брок), методы определения высоты в холке у лошадей (К. Амброз, Г. Мюллер) и овец (М. Тайхерт).

Второй раздел посвящен костным материалам с памятников палеолита и мезолита. С. Брейн рассматривает вопрос о появлении костей животных в одних местонахождениях с костями австралопитеков и справедливо утверждает, что далеко не всегда эти находки связаны с деятельностью гоминид. Во многих случаях наличие костей животных могло быть связано с другими факторами (деятельность дикообраза и хищников, естественная смерть животных и т. д.). Особый интерес представляет публикация фаунистических материалов из пещеры Франчти (Греция), осуществленная С. Пейном. Памятник этот уникален, так как его стратиграфия свидетельствует о почти непрерывном заселении пещеры на протяжении огромного периода от верхнего палеолита до позднего неолита (20 000—3000 лет до н. э.). Обработка костного материала С. Пейном (подсчет велся по количеству костей) показала, что на протяжении верхнего палеолита преобладающим объектом охоты была первоначально дикая лошадь, затем — благородный олень, который стал главным объектом промысла в мезолите, когда возросла также и роль рыболовства. Важно, что из козьих в период, предшествующий неолиту, встречался лишь крупный вид, близкий Capra ibex и то нерегулярно. Поэтому появление в неолите коз (овец), кости которых с самого начала значительно преобладают в этих слоях над другими, С. Пейн справедливо связывает с распространением сюда скотоводства с других территорий. Эта картина дополняется некоторыми данными об изменении характера материальной культуры при переходе к неолиту, что делает правомерным вывод С. Пейна о частично пришлом характере неолитической культуры. Это подтверждается и находками западноазиатских культурных растений (эммер, двурядный ячмень) в слоях среднего неолита. Напротив, следы чечевицы удалось обнаружить уже в палеолитических комплексах. К сожалению, вопрос о доместикации тура и свиньи в Греции С. Пейн оставил открытым. В статье М. Мерти анализируется позднеплейстоценовая фауна пещер Курнул (Южная Индия) и дается весьма ценная сводка полученных данных. Вместе с тем находки отдельных моляров Capra (Ovis) автор чересчур поспешно трактует как возможное доказательство того, что доместикация овец могла произойти в Индии самостоятельно. Наиболее вероятно, что домашние овцы

---

[2] *Громова В. И.* Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа.— МИА, № 8, 1948, с. 113; *Паавер К. Л.* Ук. соч., с. 284.

происходят от азиатского муфлона, который в Индии никогда не жил [3]. Г. Садек-Курос публикует результаты экспериментальной поломки костей и приходит к выводу, что целенаправленная поломка в интересах производства орудий в древности была сложным процессом. Н. Ное-Нигаард приводит интересные наблюдения за повреждениями костей животных, сделанными различными видами охотничьего оружия. Он показывает, что в мезолите в Дании существовала как охота с помощью метательного оружия, так и при помощи ножа и топора. Краткое сообщение Г. Нобиса посвящено важным вопросам проникновения производящего хозяйства в Данию, которые до сих пор нельзя считать решенными. Полемизируя с Трель—Смитом и Дегербелем, автор все же больше склоняется к поддержке мнения второго о привнесенном характере раннего скотоводства в Дании, хотя и считает, что оно проникло сюда ранее, чем полагает Дегербель. Любопытно, что мелкие кости быков с поселения Розенхоф Г. Нобис находит возможным отнести к мелким турам, а не к домашнему крупному рогатому скоту.

Третий раздел посвящен охоте и скотоводству в Европе с неолита до средневековья. Публикуя результаты фаунистических определений из Власака, поселения докерамического неолита Югославии, Ш. Бекени уделяет особое внимание сравнению костей собаки и местного волка и доказывает наличие между этими видами генетической связи. Таким образом, данные, полученные Ш. Бекени, являются по сути дела первыми научными фактами, позволяющими предполагать вероятность местной доместикации волков в Юго-Восточной Европе.

Статья Ф. Поплена посвящена анализу костного материала из поселка Армо, Франция (культура линейно-ленточной керамики). Заслуживает внимания небезуспешная попытка автора показать влияние деятельности человека на сохранность разного рода костей (использование костей в производстве, транспортировка мяса и т. д.). В статье В. В. Щегловой дается сводка фаунистических данных из неолита Белоруссии и делается попытка обосновать положение о местной доместикации тура в V—IV тысячелетии до н. э. (поселение Камень II). Поскольку на поселении выделены слои двух периодов: раннего и позднего неолита, а слои среднего неолита отсутствуют, причем ранний слой потревожен поздними перекопами [4], разделение остеологического материала по слоям оказалось невозможным, поэтому у нас нет уверенности в том, что выводы автора одинаково справедливы для обоих периодов. Но даже если удастся доказать наличие скотоводства в раннем неолите, вряд ли его становление можно будет объяснить исключительно с позиции автохтонизма, так как уже с этого времени Полесье находилось в контакте с буго-днестровской культурой и другими культурами-носителями производящего хозяйства [5]. Кости домашнего скота с памятников первой половины II тысячелетия до н. э. автор рассматривает как одно из ценных свидетельств контактов местного населения с пришлыми племенами. В исследовании Л. Тайхерт фаунистического материала культуры Шонфелд, ГДР, (2400—1800 лет до н. э.) особый интерес вызывает сравнение материалов с поселений и могильников. В обоих случаях преобладали кости крупного рогатого скота, а затем кости коз и овец. На третьем месте в материале могильников — кости собак, а на поселениях — кости свиней. Такое отличие представляет значительный интерес. Г. Рейхштейн на материалах двух поселений I тысячелетия н. э. прослеживает роль природной среды в развитии скотоводства: он связывает преобладание овец в стаде с более бедным растительным покровом. М. Кубасевич показывает важность хронологического расчленения фаунистических комплексов, что позволяет наметить динамику развития хозяйства. В том же разделе помещены статьи, посвященные домашним животным финикийцев (М. Ридер), населения Голландии римского времени (У. Пруммель), а также анализу некоторых особенностей скотоводства средневековья в Южной Швеции (Й. Лепиксаар), Южной Англии (Б. Ноддль) и Волжской Булгарии (А. Г. Петренко).

---

[3] *Воронцов Н. Н., Коробицына К. В., Надлер Ч. Ф., Хофман Р., Сапожников Г. Н., Горелов Ю. К.* Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец.— «Природа», 1972, № 3.

[4] *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976, с. 34.

[5] Там же.

Четвертый раздел посвящен охоте и скотоводству в Азии и Америке. Результаты исследования Р. Мидоу в Хаджи Фирус важны главным образом в методическом отношении. Этот автор показывает, что фаунистические комплексы, происходящие из домов и со дворов, различны: кости свиней найдены в основном во дворах, а кости коз/овец внутри домов. Как бы ни объяснялось это явление, оно показывает с какой тщательностью должны археологи фиксировать точное место находок и с какой осторожностью надо относиться к выводам, полученным при анализе разных комплексов. Е. Дениц публикует результаты костных определений из поселка Пулур Гуюк, Турция (неолит — ранний бронзовый век). К сожалению, костного материала здесь крайне мало, и выводы автора не вполне достоверны. Редкие кости лошадиных в слоях неолита и энеолита исследователь без достаточных оснований идентифицирует с домашними лошадьми. Д. Хаккер-Орион дает сводку фаунистических данных с ряда поселений бронзового века на территории Израиля. Он показывает, что в зависимости от направленности скотоводства и его соотношения с охотой, остеологические материалы сильно варьируют. Э. Уинг проводит практически первое серьезное исследование костных материалов из Перуанских Андов. Ее статья носит информационный характер, давая лишь самое общее представление о направлении ее работы. Э. Уинг показывает, что горные охотники добывали главным образом крупных копытных, что и явилось одной из предпосылок доместикации гуанако в Андах до 3000 г. до н. э. Кроме того, автор пытается выявить по костному материалу характер использования животных. Исследование С. Крема является первой сводкой по археозоологии Океании. В нем дается общее представление об Океании, намечается общая картина хозяйственного развития здесь в первобытности. К сожалению, общим сведениям уделяется непомерно много внимания в сравнении с конкретными археозоологическими, что объясняется малой изученностью Океании. Автор рисует картину появления различных животных в Австралии и Океании: динго — не ранее голоцена, свиней на Новой Гвинее — 5—6 тыс. лет назад. Особенно интересен анализ хозяйства носителей культуры керамики лапита (предположительно протополинезийцев). Основные направления их хозяйства были связаны с рыболовством и морским промыслом, но в то же время разводились домашние животные: свиньи, собаки, куры. С исчезновением этой культуры во многих районах Океании исчезают и домашние животные, которых европейцы там уже не обнаружили. Автор пытается связать упадок свиноводства с развитием ирригации, однако, думается, что в каждом конкретном случае на это могли быть свои причины (эпизоотия, отсутствие кормов и т. д.). Следующая статья, написанная П. Томасом, является первой сводкой фаунистических данных со стоянок с микролитическим инвентарем из Западной и Центральной Индии. Автор неопровержимо доказывает наличие на них костей ряда домашних животных. Особенно важны сведения о находках этих костей уже в самом нижнем слое стоянки Багор, датированном концом V—IV тысячелетием до н. э., что позволяет по-новому взглянуть на проблему происхождения производящего хозяйства в Индии. В следующей статье К. Паддайя подводит итог изучению неолита Южной Индии (2500—1000 гг. до н. э.), с которым связывают культуру скотоводов, разводивших, главным образом, зебу. В то же время они в ограниченных масштабах занимались земледелием.

Пятый раздел посвящен важности сохранения примитивных пород скота и некоторым наблюдениям над морфологией животных. Ж. Ловернь показывает большое значение примитивных пород как для выведения новых пород, так и для научного исследования. О том же пишет Д. Альтман, статья которого опубликована в приложении. Л. ван Вийнгаарден-Баккер рассматривает вопрос о появлении домашней лошади в Голландии и связывает его с культурой воронковидных кубков. Т. Хеттинг публикует результаты важных экспериментов по определению влияния холощения на структуру рогов баранов. Д. Хайнрих описывает особенности скелета домашних собак первобытного периода из северных районов ФРГ. В статье Е. Хана ставится важный вопрос о влиянии деятельности человека и природной среды на скотоводство, однако, возможно, в связи с краткостью изложения, статья лишена каких-либо глубоких наблюдений, а кроме того грешит неверными утверждениями (например, о появлении кочевого скотоводства в Передней Азии в VIII тысячелетии до н. э.). В работе О. Гандерта пересматривается вопрос о предках домашних кур,

каковыми он считает Gallus gallus murghi Robinson Klass, а не банкивских кур, а также интересно подается проблема появления птицеводства в Европе. Е. Иреген специально рассматривает механизм расщепления эпифизов у лосей, что важно для правильного определения возраста этих животных.

В шестом заключительном разделе помещены доклады, связанные с различными вопросами древнего скотоводства. Среди них наибольший интерес вызывает исследование Г. Уотерболка, посвященное проблеме появления стойлового содержания скота в Европе. Рассматривая остатки жилищ бронзового и раннего железного века в Северо-Западной Европе, автор выделяет категорию двухкамерных длинных домов, в одном из помещений которых обнаруживаются правильные ряды столбов и простенков, а также ряд других приспособлений, которые, судя по этнографическим аналогиям, могут интерпретироваться как стойла. Не находя подобных сооружений в других районах Европы, автор заключает, что стойловое содержание скота возникло в позднем неолите или раннем бронзовом веке в Северо-Западной Европе. Трудно полностью согласиться с этим утверждением, так как стойла в других районах, возможно, имели другой вид, а их остатки могли быть не найдены или неверно поняты археологами. Что же касается идеи о возникновении стойл в раннем бронзовом веке, то она находит и другие подтверждения. Так, появление резких отличий крупного рогатого скота от тура отмечается зоологами лишь в бронзовом и раннем железном веке [6], что свидетельствует о качественно новом этапе в развитии скотоводства, значительном ослаблении влияния генов тура на домашнюю популяцию, весьма вероятно — о переводе скота от вольного выпаса на стойловое содержание. Х. Беренс касается важной проблемы о возможностях выявления соотношения земледелия и скотоводства по археологическим данным. Он решает ее в значительной степени негативно. Указывая на различные условия сохранности источников (зерно, кости), которое еще более усугубляется разным характером почв разных районов, а также на неоднозначность интерпретации самих археологических памятников, автор приходит к выводу о том, что сейчас нет определенных данных о каких-то различиях в хозяйстве культур линейно-ленточной керамики, воронковидных кубков и шнуровой керамики в Центральной Европе. Может быть, этот вывод и звучит излишне категорично, однако при наличии существующей в науке тенденции решать вопрос о соотношении земледелия и скотоводства чересчур упрощенно постановку вопроса Х. Беренсом можно только приветствовать. Следующие статьи рассматриваемого раздела связаны с анализом возможностей изучения гастролитов (С. Боттема), общими вопросами фаунистических исследований (К. Алур), исследованием патологии (А. Дриш), некоторых особенностей приготовления мясной пищи в раннем железном веке Англии (Дж. Кой), публикацией фаунистической коллекции из раскопок курганов среднего бронзового века Грузии (А. Л. Цицишвили).

Таковы итоги последней археозоологической конференции. На ней было рассмотрено много конкретных материалов по истории охоты и скотоводства. Следует отметить, что главные вопросы методов статистической обработки костных материалов и интерпретации выводов остались в основном открытыми. И хотя во введении А. Т. Класон указывает, что любое остеологическое исследование сейчас должно включать как минимум подсчет общего количества идентифицированных костей, общего количества частей скелета каждого вида, их веса и общего количества и веса неидентифицированных костей, доклады показывают, что разные специалисты продолжают пользоваться разными методиками. Недостатком рецензируемого издания является излишняя краткость большинства докладов, которая часто не позволяет их авторам достаточно убедительно аргументировать высказываемые положения. Хотелось бы надеяться, что на следующей конференции палеозоологи уделят методике определений гораздо больше внимания.

В. А. Шнирельман

---

[6] *Далкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, с. 109—123.

МАРИЯ ЗАХАРОВНА ПАНИЧКИНА

6 декабря 1977 г., после тяжелой продолжительной болезни, в Москве скончалась Мария Захаровна Паничкина, видный исследователь палеолита, внесший крупный вклад в первобытную археологию СССР.

М. З. Паничкина родилась 5 апреля 1904 г. в дер. Хальзево Курской губ. в семье крестьянина. В 1929 г. она окончила Географический факультет ЛГУ по специальности этнография. После нескольких лет работы в Институте по изучению народов СССР АН СССР (ИПИН) она перешла в 1933 г. в Музей антропологии и этнографии АН СССР, где работала сначала экскурсоводом, а с 1935 по 1938 г.— сотрудником Отдела археологии. Здесь, а с 1938 г. в Секторе палеолита и неолита ИИМК, под руководством С. Н. Замятнина и П. П. Ефименко развернулась ее деятельность в качестве исследователя каменного века. Начиная с 1935 г. и до середины 50-х годов, Мария Захаровна принимала участие почти во всех экспедициях С. Н. Замятнина, в частности в исследовании древнего палеолита Кавказского Причерноморья, в раскопках мустьерской Ахштырской пещеры близ Адлера, в исследовании древнепалеолитических местонахождений Армении, в широких раскопках мустьерского поселения Сухая Мечетка близ Волгограда. Блестящий успех этих полевых работ был в большой степени обусловлен энергией, самоотверженностью, исследовательским талантом Марии Захаровны. Зиму 1941—1942 гг. М. З. Паничкина и ее муж С. Н. Замятнин находились в блокадном Ленинграде: несли дежурства, тушили зажигательные бомбы, охраняли музейные коллекции; Сергей Николаевич читал лекции по палеолиту на кафедре археологии ЛГУ. Только самоотверженность Марии Захаровны, ее энергия и стойкость помогли им перенести тяжелую блокадную зиму.

Первые научные публикации М. З. Паничкиной («О датировке находки у ст. Иннокентьевской на Амуре». СЭ, 1935, № 4—5; «Мезолитическая стоянка Борки». МИА, № 2, 1941 и др.) посвящены материалам, добытым ранее другими исследователями. В конце 40-х годов развернулись ее самостоятельные работы по палеолиту Армении. Результаты были отражены в фундаментальной монографии «Палеолит Армении» (1950 г.), которую Мария Захаровна защитила в качестве кандидатской диссертации и в ряде статей («Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар». МИА, № 39, 1953 и др.). Тщательно и подробно изучив и на высоком научном уровне опубликовав материалы Сатани-Дара и Арзни, М. З. Паничкина доказала их древнепалеолитический возраст, предложила их хронологическое расчленение и типологическую классификацию. Основные выводы М. З. Паничкиной, касающиеся палеолита Армении, получили широкую известность и признание в советской и зарубежной археологической науке, явились фундаментом, на котором выросли широко развернувшиеся в наши дни работы советских ученых по исследованию древнего палеолита Кавказа и других районов нашей страны. Книга «Палеолит Армении» — первая крупная отечественная работа об ашельских комплексах с бифасами — долгие годы была настольной книгой специалистов.

М. З. Паничкина обладала редким даром ведения полевых разведок; ее поисковые маршруты неизменно завершались открытием новых первоклассных памятников. В 1936 г., впервые возглавив самостоятельный поисковый отряд, она обнаружила первые древнепалеолитические памятники в районе Хосты и Туапсе. Блестящие результаты принесли ее разведки на Средней Волге в 1951 г. и в Прикубанье в 1957 г. Но главным ее достижением являются уже упоминавшиеся успешные разведки и исследования памятников древнего и верхнего палеолита Армении, проведенные в 1947—1949 гг. в районе горы Арагац, Арзни, Аширабада, Нурнуса, Джаткрана.

Вклад М. З. Паничкиной в науку о каменном веке не ограничивается полевыми работами и научной обработкой их результатов. Выдающееся значение имеют ее исследования, посвященные технике раскалывания кремня и классификации нуклеусов. Они подытожены в двух взаимосвязанных статьях: «Палеолитические нуклеусы», Археологический сборник Эрмитажа, вып. I, 1959 и «О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов». КСИИМК, вып. 75, 1959. Эти статьи и сейчас, спустя 20 лет после публикации, не потеряли своего значения, по сей день оживленно обсуждаются в археологической литературе и вошли в число общепризнанных, основных сочинений по технике и типологии палеолита.

Высокой оценки заслуживает также стремление М. З. Паничкиной раскрыть конкретно-исторические особенности развития палеолита Кавказа: ей принадлежат первые высказывания о чертах своеобразия мустье Кавказской области, о различиях ашельских материалов Абхазии и Армении.

Важный вклад внесла М. З. Паничкина в музейное строительство. С 1946 по 1963 г., до перехода на пенсию, она работала в Эрмитаже, а с 1955 по 1960 г. возглавляла Отдел истории первобытной культуры этого крупнейшего музея. Она сыграла большую роль в пополнении Эрмитажа и его экспозиции палеолитическими коллекциями, в организации ряда временных выставок, при устройстве которых были широко учтены новейшие достижения экспозиционной техники.

М. З. Паничкину как человека и ученого характеризовали исключительная живость характера, целеустремленность, бескомпромиссность. Дело, которым она занималась, она всегда принимала близко к сердцу. Эти качества дополнялись большой работоспособностью, глубокими знаниями в области археологии каменного века, талантом полевого исследователя. М. З. Паничкина много сил вложила в подготовку археологических кадров среди способной и преданной своему делу молодежи.

П. И. Борисковский, В. П. Любин

ОТ ОТДЕЛА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР обращает внимание всех археологов, получающих открытые листы, на необходимость строгого соблюдения правил полевой отчетности. Отчеты должны представляться в ОПИ не позднее весны следующего года, независимо от того, предполагает ли исследователь вести полевые работы в предстоящем сезоне или нет. Крайним сроком представления отчетов является 30 апреля, но исследователи должны стараться представить отчеты как можно раньше, по возможности до истечения календарного года. Прохождение отчета в ОПИ (рецензирование, рассмотрение, утверждение) занимает обычно около двух месяцев, этот срок может еще увеличиться, если отчет окажется неполноценным и потребует доработки. Поэтому необходимо заблаговременное представление отчетов, чтобы задержка с их утверждением не срывала бы начала полевых работ нового года.

В отчете должны быть отражены все полевые работы, проведенные исследователем в отчетном году. Если раскопки или разведки каких-нибудь памятников или районов, предусмотренные в открытом листе, не производились, об этом должно быть специально сказано в отчете или в сопроводительном письме.

Отчеты должны составляться в полном соответствии с требованиями «Правил представления отчетов» и содержать всю документацию, предусмотренную этими Правилами. Автор отчета обязан помнить, что после утверждения отчет вместе с рецензией на него помещается в научный архив на вечное хранение и становится документом, характеризующим как раскопанный и уничтоженный памятник, так и квалификацию и добросовестность самого исследователя. Поэтому какая-либо небрежность в подготовке отчета недопустима. Между тем возвращение авторам на доработку отчетов в большинстве случаев вызвано безответственным и небрежным отношением исследователей к их составлению и оформлению.

Автор отчета обязан внимательно относиться к замечаниям и не допускать в дальнейшем ошибок, указанных в отзыве ОПИ. Анализ отчетов показывает, что некоторым исследователям из года в год приходится делать одни и те же замечания. Повторение в новых отчетах ошибок и недостатков, на которые было указано ранее, будет рассматриваться ОПИ как повод к лишению автора права на получение открытых листов.

С целью повышения ответственности за качество и своевременность представления отчетов со стороны научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, организующих полевые археологические работы, ОПИ будет направлять отзывы об отчетах не только автору, но и руководству этих учреждений.

Отдел полевых исследований
Института археологии АН СССР

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АО — Археологические открытия
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАИ — Известия Археологического института. София
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по истории Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Радлов — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1—4. СПб., 1893—1911
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский гос. университет
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
Севортян — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974
Сообщ. ГМИИ — Сообщения Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ССб — Скандинавский сборник
СТ — Советская тюркология. Баку
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
Тр... АС... — Труды... Археологического съезда
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ЧИНИИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЧИРКМ — Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Грозный

AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AmA — American Antiquity. Menasha — Salt Lake City
AJA — American Journal of Archaeology. Institute of America
AMitt.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
Clauson — G. Clauson. An etimological dictionary of pre-thirteen century Turkish. Oxford, 1972
CVA — Corpus vasorum antiquorum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
EW — East and West. Roma
ICIAA — International Congress of Iranian Art and Archaeology
JNES —Journal of Near Eastern Studies. Chicago
NH — Naturalis Historia
VKAWAL — Verhandlingen der Koninklijke Akademie von Wetenschappen. Afdaling Letterkunde
WA — World Archaeology. London
ZTZ — Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie